

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per 278975 d. 80

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1869

№ 3 МАРТЪ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Браверскаго (Литовная, № 28)

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1869

№ 3 МАРТЪ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Бравскаго (Литейная, № 38)

I. — СВОИМЪ ПУТЕМЪ. (Изъ записокъ современной дѣвушки). Л. Ожигиной	1
II. — ВОСПОМИНАНІЯ О МОЛОКАНАХЪ. Н. И. Костомарова	57
III. — НАРОДНЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ И НЕСЧАСТІЯ. (Окончаніе второй части: IV. Воры и мошенники. V. Грабители и разбойники. VI. Поджигатели). С. В. Максимова	79
IV. — ОТЕЦЪ И СЫНЪ. (Сцена изъ трагедіи Альфieri: «Семейство Пацци»). А. Н. Плещеева	118
V. — ДЛЯ ДѢТЕЙ. IV. Дикій помѣщикъ. V. Добрая душа. М. Е. Салтыкова (Щедрина)	123
VI. — РАЗОРЕНЬЕ. (Наблюденія Михаила Ивановича). Гл. VI—VIII. Глѣба Успенскаго	141
VII. — СТИХОТВОРЕНІЯ. (Одинадцать пьесъ). П. М. Ковалевскаго	173
VIII. — ПОСЛѢ СМЕРТИ. (Сцены). Л. Чечерскаго	179
IX. — ВЕСЕЛАЯ ЖИЗНЬ. (Изъ «Châtiments» Вигтора Гюго). Стих. В. П. Вуренина	189
X. — ПОѢЗДКА ВЪ ИСПАНІЮ. IV—V. Э. Д.	193
XI. — * *. Стих. С. Дурова	236
XII. — ЛИТОВСКАЯ НАРОДНАЯ ПѢСНЯ. П. И. Вейнберга	237
XIII. — КОНЬ. (Изъ Барбе). Л. Н. Трефолева	239
XIV. — ЧЕРНО - ЖЕЛТОЕ ЗНАМЯ. Романъ Альфреда Мейснера . Окончаніе первой части (въ концѣ вни- гн, въ приложеніи)	65—136

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

XV. — АНТРОПОЛОГИ ВЪ ЕВРОПѢ И ИХЪ СОВРЕ- МЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ	1
XVI. — ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ ПИСАРЕВЪ. (Его кри- тическая дѣятельность въ связи съ характеромъ его умственнаго развитія). <i>Статья вторая и по- слѣдняя.</i> А. М. Скабичевскаго	51
XVII. — НОВЫЯ КНИГИ. — Собраніе стихотвореній <i>Ва- силія Курочкина</i> . 2 тома. — Басни и отголоски. <i>В. Незамая</i> . — Кобзарь <i>Тараса Шевченка</i> , въ пе- реводѣ русскихъ поэтовъ, изданномъ подъ редак- ціей <i>Н. В. Гербеля</i> . Изданіе второе, дополнен- ное. — Безъ вины виноватые. Разсказъ въ двухъ частяхъ. <i>А. К. Владиміровой</i> . — Основныя понятія политической, общественной и промышленной экономіи, съ присовокупленіемъ словаря экономи- ческаго языка. Сочиненіе <i>Жозефа Гарнье</i> . Перевелъ съ 3-го исправленнаго и дополненнаго изданія	

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ СЛХХІІІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Крайноваго (Литовная № 38)

1869.

СВОИМЪ ПУТЕМЪ.

РОМАНЪ.

(Изъ записокъ современной дѣвушки).

Часть первая.

I.

НАКАНУНЪ ОТЪѢЗДА БРАТА.

— Уля, какъ ты думаешь, буду я генераломъ? спрашивалъ у меня братъ.

Брату всегда хотѣлось поступить въ полкъ и быть генераломъ. И это совершенно понятно: онъ былъ не глупъ и рано могъ понять выгоды генеральскаго достоинства.

— Вонъ генералъ идетъ! говаривалъ отецъ Парамонъ, старшій священникъ, встрѣчая брата и привозилъ его превосходительству грушу. Филомофида Петровна, бѣдная вдова пономаря, приходившая къ намъ въ гости по праздникамъ, желая его задобрить, пророчила коня и генеральскіе эполеты. Старая горничная Палаша, когда не сердилась, то относилась къ нему съ подобострастіемъ и даже заочно не иначе говорила, какъ: «это панталончики, это картузикъ, это сапожки енерала». Мать всѣ надежды возлагала на его будущее; отецъ хоть и называлъ его скотомъ и осломъ, когда бывалъ не трезвъ, но вообще считалъ героемъ и не хотѣлъ съ нимъ связываться.

Онъ могъ свободно пропадать цѣлый день, гдѣ вздумается, дѣлать, что захочетъ, никому не отдавая отчета, гдѣ былъ, что дѣлалъ. Могъ разорвать свою куртку отъ низу и до верху, потерять картузь, явиться къ гостямъ, какъ есть въ грязи и порванномъ платьѣ — и это все ему проходило даромъ; его никто не бранилъ, никто не считалъ своей обязанностью читать ему нотаций.

— У него и грудь, и плеча, и вихоръ, какъ у генерала,
Т. СLXXXIII. — Отд. I.

1

думала я, останавливая свое внимание на широкой груди и густых вихрахъ брата. — Его всѣ уважають...

— Безъ всякаго сомнѣнія, будешь; кому же и быть генераломъ, какъ не тебѣ.

— А этотъ дуракъ Рябовъ рассказываетъ, что если я не буду знать латинской грамматики, то меня генераломъ не сдѣлають!

— Будто бы всѣ генералы знаютъ полатини.

— Совралъ, конечно, вчера я спрашивалъ у вахмистра, не слыхалъ ли онъ, знаетъ дивизионный латинскую грамматику? Не знаетъ, говорить...

Онъ всталъ изъ-за стола, за которымъ только что учился, и отошелъ въ сторону; поднялъ съ земли сѣную хворостину, повертѣлъ ею въ воздухъ и бросилъ, прошелся разъ-другой по дорожкѣ, поглядѣлъ кругомъ, постоялъ, подумалъ и опять взялъ со стола латинскую грамматику.

— Nominativus!.. Genetivus!.. Accusativus!.. Accusativus!.. началъ онъ съ рѣшимостью, раскачивая по дорожкѣ.

Стоять послѣдніе дни августа. Солнце высоко; въ палисадникѣ, гдѣ мы учились, жарко; до прихода Якова Ивановича долго... Я давно окончила свой урокъ и сижу на скамейкѣ, перечитывая въ десятый разъ книжку: «Земля и небо», рассказы для дѣтей, переводъ съ нѣмецкаго. И мысли мои отъ книги постоянно обращаются къ предметамъ, не имѣющимъ, повидному, прямого отношенія къ дѣлу.

Мои глаза представляется старый, высокій, перекошенный на сторону домъ, затѣянный когда-то на большую руку, но неоконченный, съ побурѣвшей отъ дождей и взерошенной вѣтромъ соломенной кровлей, съ балкономъ безъ перилъ и одной ступеньки. Солнце сверкаетъ на разбитомъ венеціанскомъ окнѣ въ спальнѣ матери. Окна въ домѣ отперты, въ одномъ углу свѣтитъ лампадка передъ образомъ Спасителя; виднѣтся встревоженное, разгорѣвшееся лицо матушки, вернувшейся съ поля съ записной книжкой и счетами... «Мошенники вы!» обращается она съ глубокой укоризной въ голосъ къ длинно-бородатому старостѣ Григорію, стоящему у притолка съ понуреной головой и съ биркой въ рукѣ. «Всѣхъ васъ къ становому отправлю, всѣхъ васъ перепорю!..» Вѣтеръ шелеститъ сухими листьями спреней, поблекшихъ авацій, растущихъ подъ окнами дома и въ палисадникѣ; воробьи чирикають, перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку... На балконъ изъ дома является отецъ съ чубукомъ и книгой, нетвердыми шагами приближается къ ступенькѣ балкона, роняетъ чубукъ, книгу и, не замѣчая, садится и о

чемъ-то разсуждаетъ... Чернѣютъ въ сторонѣ курныя мужицкія избенки съ разоренными плетневыми сараями. Босоногая бабенка, навьюченная холстами, плетется черезъ дворъ на огородъ, за ней въ припрыжку, и спустивши рукава худенькой рубашонки, бѣжитъ грязный ребенокъ... Звучить гдѣ-то отрывисто и однообразно безпрестанно повторяющійся мотивъ какой-то родной пѣсни. Стелются поблекшія поля, уходя въ небо. Какая-то тупая тоска давить мое дѣтское сердце, чувствуется какъ-то не ладно!..

И вотъ въ головѣ моей являются другіе вопросы и планы, непохожіе на вопросы и планы брата. Есть люди, думаю я, которые никогда не ссорятся, не пьютъ, никого не обижаютъ и живутъ счастливо. Яковъ Иванычъ, напримѣръ, именно такой человекъ; онъ лучше всѣхъ, кого я знаю, и лицо у него хорошее; Ленины тоже другіе люди и живутъ иначе; студентъ Ленинъ не позволяетъ Фурсенку обижать своихъ крестьянъ, онъ за нихъ вступается, онъ ихъ любитъ. Вотъ и Колумбъ, о которомъ говорилъ Яковъ Иванычъ, былъ тоже другой человекъ. И Веніаминъ Франклинъ и Ньютонъ были хорошіе. И всѣ, о комъ я ни читала и ни слышала изъ хорошихъ, всѣ были образованы; я тоже буду образована, какъ Колумбъ, какъ Франклинъ, какъ Яковъ Иванычъ... И когда вырасту, я уйду отсюда и буду жить только съ такими людьми, буду жить иначе. И я съ нетерпѣніемъ гляжу на дорогу, по которой долженъ придти Яковъ Иванычъ, и слушаю брата, который, взъероша свои густые вихры и опустивши руки по швамъ, все еще продолжаетъ ходить по дорожкѣ, выкрикивая: *Nominativus!*.. *Accusativus!*..

Мнѣ было тогда двѣнадцать лѣтъ, братъ былъ старше меня только годомъ. Мы вообще мало учились для своихъ лѣтъ и больше урывками во время пріѣздовъ Якова Иваныча въ лѣтнее время на каникулы. Мать хоть и мечтаетъ видѣть сына въ чинахъ, но не торопится отдать его въ училище, оправдываясь недостаткомъ средствъ, и всѣ надежды возлагая на будущій урожай. Братъ самъ желалъ и даже требовалъ своего скорѣйшаго отправленія въ гимназію, говоря, что ему нужно *служить*, и слѣдовательно, *учиться*.

— Учись, братецъ, думала я. — Учись, мой красавецъ, родной мой, все тебѣ будетъ, чего ты ни пожелаешь!... Но какъ же я-то останусь одна, безъ него, когда онъ уѣдетъ въ гимназію и съ нимъ вмѣстѣ уѣдетъ Яковъ Иванычъ, и какъ же тогда я сдѣлаюсь образованной?

Съ тѣхъ поръ, какъ я начала себя помнить, я никогда не расставалась съ братомъ. Всѣ впечатлѣнія дѣтства у насъ были

одни и тѣ же. Мы вмѣстѣ играли и учились; я вмѣстѣ съ другими считала его героемъ и крѣпко его любила... Но это не ново: сколько я знаю, дѣвочки большею частію относятся такимъ образомъ къ своимъ старшимъ братьямъ. Слыхала я также, что братья иногда не любятъ своихъ сестеръ и относятся съ презрѣніемъ къ ихъ личностямъ, но сама не могла пожаловаться на брата. Несмотря на невыдержанность рѣчей и свободу его дѣйствій, братъ никогда не обижалъ меня, стыдился не подѣлиться со мной пряникомъ, вѣрилъ въ мой умъ, прибѣгая ко мнѣ за разрѣшеніемъ въ трудныхъ сомнѣніяхъ своей жизни и вообще считалъ меня товарищемъ...

Несмотря на многіе недостатки нашей жизни, у насъ не было того, что зовется въ большинствѣ случаевъ воспитаніемъ, и хотя мать наша и принадлежала къ сословію столбовыхъ дворянъ, тѣмъ не менѣе, всю жизнь свою мы не видѣли въ своемъ домѣ ни одного француза гувернера или гувернантки, которые могли бы сдѣлать изъ брата пустаго фразера, галантнаго забіяку, съ извѣстнымъ взглядомъ на отношенія къ сестрѣ, и приготовить изъ меня даму, способную только плакать и жаловаться на брата. Насъ вообще никто не велъ и не воспитывалъ съ преднамѣренной цѣлью воспитать. А между тѣмъ, трудны были обстоятельства, при которыхъ мы должны были начать жить, рано должны мы были приобрести силу отстаивать себя, опираться на себя, а мы ее имѣли, благодаря опять-таки стеченію случайныхъ обстоятельствъ. Въ дѣтствѣ судьба дала намъ хорошую няню. Ася, такъ звали няню, была крестьянкой у одного помѣщика изъ дальней губерніи. Въ дѣтствѣ она росла слабою и хворою, рано лишилась матери и осталась меньшею въ многочисленной семьѣ своихъ братьевъ и сестеръ, на рукахъ злой мачихи. Съ младенчества терпѣла нужду и голодь, видѣла много неправды на своемъ вѣку и въ тринадцать лѣтъ отправилась искать утѣшенія у святыхъ угодниковъ кievскихъ. Воротившись оттуда оправившеюся и окрѣпнувшею, Ася съ этихъ поръ исходила всѣ святыя мѣста въ Россіи и на 22-мъ году своей жизни мимоходомъ зашла къ намъ въ Ольшаны, въ храмъ, на поклоненіе чудотворной иконѣ Божіей матери. Мать, любившая бесѣдовать съ богомольцами, пригласила къ себѣ Асю и оставила погостить у себя. Ася привязалась къ матери и осталась жить у нея по *жалости*, какъ она выражалась сама, и сдѣлалась нашей няней. Привывши къ воздуху и простору, Ася не любила тѣсныхъ стѣнъ дома и часто съ утра и до вечера уносила насъ куда-нибудь дальше изъ дому, въ поле, на мугъ, къ колодцу, куда собигались богомольцы, садилась тутъ

же пряхъ или вязать, разсказывала о разныхъ диковинкахъ, видѣнныхъ ею на свѣтѣ, или становилась подъ открытымъ небомъ на колѣни и долго молилась... Съ ней мы отправлялись и въ другія села, ночевали подъ праздникъ въ избѣ мужика или пономаря, слушали обѣдню и потомъ отправлялись на ярмарку, если таковая случалась. Мать денегъ намъ на лакомства не давала, но у Аси всегда водился для насъ про запасъ свой лишній грошъ, на который она покупала намъ пряникъ и обдѣляла насъ имъ поровну. Честна была Ася и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Всегда она была на сторонѣ слабого и беззащитнаго, за каждую ласку платила сторицей, вмѣстѣ съ нами водила и другихъ крестьянскихъ дѣтей, за которыми некому было присмотрѣть дома. Пустыхъ рѣчей не любила и на чужую собственность никогда не покушалась. Отличительной чертой ея характера была грусть, которая иногда переходила въ меланхолю. Ничто и никогда не могло ее принудить остаться жить тамъ, гдѣ она не хотѣла. Пользуясь правами больной, она давно оставила родину и не возвращалась болѣе. Никогда она не просила себѣ труда, а отправлялась сама въ поле, на огородъ, въ избу мужика, вообще туда, гдѣ она была нужнѣе, и сама бралась за работу, употребляя иногда совсѣмъ не тѣ орудія, какія обыкновенно принято, что возбуждало смѣхъ въ дѣтяхъ и крестьянахъ, и въ народѣ ее называли *чудною*. Но тѣмъ не менѣе, чудную Асю каждый любилъ въ деревнѣ, кто только зналъ ее. А ее знали всѣ за теплыя ея молитвы, за слезы и доброе сердце. Отношенія ея къ намъ были родственныя; мать, несмотря на свою дворянскую спѣсь, допускала Асѣ свободу въ обращеніи съ собою, подчиняясь вліянію ея симпатичной личности. Мнѣ было шесть лѣтъ, когда оставила насъ Ася, но до сихъ поръ я не могу забыть ея ласковыхъ, темно-голубыхъ глазъ; они останутся на всю жизнь въ моей памяти. Мы уже росли здоровыми дѣтьми, могли держаться на своихъ ногахъ, умѣли избѣгать опасностей и, благодаря наклонностямъ ея къ путешествіямъ, привыкли къ перемѣнамъ воздуха, знали крестьянскую избу и не скучали, не чуждались босоногихъ товарищей въ залатанныхъ рубашонкахъ. Мы съ братомъ были равны во всемъ, и даже въ физической силѣ различались мало. Обижать другъ друга намъ было не за что, и Ася, которую мы одинаково любили, навѣрно приняла бы сторону обиженнаго. Но этимъ все воспитаніе и оканчивается. Асѣ первой мы были обязаны многимъ, хотя ни она сама и никто другой не думалъ называть ея дѣло воспитаніемъ. И въ самомъ дѣлѣ, мы не умѣли выразиться, какъ

выражаются благоспитанныя дѣти, не умѣли говорить только тогда, когда спрашиваютъ старшіе; я не знала, какъ дѣлается граціозный книксенъ, а главное, мы не умѣли поздравить папашу и мамашу съ добрымъ утромъ ни на одномъ иностранномъ діалектѣ.

Вслѣдствіе этого, недовольство окружающаго общественнаго мнѣнія рано начало меня преслѣдовать. Дѣвочка *примущественно* должна быть воспитана; сосѣдки находятъ, что я *дурнышка*, что и кланяться и держать себя не умѣю, какъ прилично барышнѣ, и пфранцузски не говорю, и лицо и руки у меня загорѣли, какъ у мужички. И соболѣзнуютъ уже, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, что безъ приданого мнѣ, вѣроятно, придется просидѣть цѣлый вѣкъ въ дѣвушкахъ. И мать этому вѣритъ. Сама цѣлый вѣкъ свой каялась, зачѣмъ шла замужъ; тѣмъ не менѣе, боится оправданія страшныхъ предсказаній сосѣдокъ. Ее огорчаетъ и недостатокъ бѣлизны, и неправильность чертъ моего лица, и отсутствіе свѣтлой лазури въ моихъ глазахъ. Она заставляетъ меня вышивать по канвѣ, сидѣть дома и обращать вниманіе на свою наружность; постоянно ропсать, что я мало люблю ее и плохо понимаю ея требованія. Между тѣмъ, братъ, попрежнему, остается свободенъ, гуляетъ по полямъ, скачетъ по десяти верстъ безъ сѣдла на невыѣзженной лошади, плаваетъ, какъ утка, борется при каждомъ возможномъ случаѣ и развиваетъ свои физическія силы. Огорчитъ ли его печаль и неудача матери, заставитъ ли задуматься бѣдность и разрушеніе окружающаго: «Ну, что же, думаетъ онъ:— я уйду служить, я выслужу чинъ и буду *генераломъ*. Матери будетъ оттого легче и самъ буду счастливъ...» Тряхнетъ кудрями, да и пропалъ на цѣлый день, а къ вечеру опять вернулся веселый и довольный.

Оставаясь дома, я сосредоточиваюсь въ себѣ, приучаюсь скрывать свои чувства. Миръ фантастическій, за недостаткомъ дѣйствительныхъ удовольствій, становится для меня необходимымъ. Я рано вмучиваюсь читать и перечитываю все, что ни попадетъ подъ руки, но тѣмъ не менѣе, во мнѣ постоянно живетъ потребность исхода, чувство чего-то *неладнаго*. Я часто задумываюсь, часто спрашиваю себя о многомъ.

— Отчего это мальчики счастливѣе дѣвочекъ? думаю я:— отчего ими всѣ больше довольны? Ихъ больше любятъ, меньше стѣсняють... Отчего Никола теперь можетъ ѣхать въ гимназію, а я должна оставаться дома, когда я больше люблю учиться, когда и Яковъ Ивановичъ больше хвалитъ меня за способности?..

До сихъ поръ только одинъ учитель нашъ, Яковъ Ивановичъ,

любилъ меня, былъ мною доволенъ; онъ приносилъ мнѣ книги для чтенія, любилъ со мной бесѣдовать, и хотя я нигуда не готовилась, но тѣмъ не менѣе, онъ обращалъ на мои успѣхи такое же вниманіе, какъ и на успѣхи брата, находя, что образованіе такъ же полезно и необходимо дѣвочкѣ, какъ и мальчику. Я горячо любила его. Я уже давно рѣшила, что Яковъ Ивановичъ хорошій человѣкъ, и Яковъ Ивановичъ былъ дѣйствительно хорошій человѣкъ. Сынъ приходскаго дьякона отца Ивана, онъ не только успѣлъ собственнымъ трудомъ выдти въ люди и окончить курсъ въ университетѣ, но умѣлъ и благотворно дѣйствовать на семью свою и окружающее. Старый дьяконъ гордился своимъ сыномъ, называя его докторомъ и профессоромъ, а мать его, Алена Ивановна, когда бесѣдовала о немъ съ матушкой, то всегда плакала отъ умиленія.

Но вотъ мелькнуло бѣлое парусинное пальто между деревьями и въ палисадникѣ явилась высокая сухощавая фигура Якова Ивановича.

— Ну что, братъ, ты знаешь свой урокъ? обратился онъ тотчасъ же къ Николѣ: — помни, голубчикъ, что мы скоро уѣзжаемъ и что черезъ недѣлю ты долженъ будешь держать экзамень.

Братъ вытеръ со лба потъ и молча подаль грамматику. Яковъ Ивановичъ началъ экзаменовать брата и долго экзаменовалъ...

— Ну, теперь, братъ, не только генераломъ, но и генералиссимусомъ быть можешь, сказалъ онъ, возвращая ему грамматику...

— А вы мнѣ скажите, Яковъ Ивановичъ, началъ, ободрившись, братъ: — гдѣ вы видѣли такого генерала, который бы зналъ латинскую грамматику? А я такъ знаю, что не только ни одинъ генералъ, но и ни одинъ изъ русскихъ фельдмаршаловъ не зналъ полатыни...

— Развѣ ты былъ знакомъ съ какимъ-нибудь фельдмаршаломъ?

— Я читалъ книгу — Жизнеописанія Россійскихъ Фельдмаршаловъ — Суворовъ былъ первый генералъ въ мірѣ, генералиссимусъ, да и тотъ не зналъ полатыни.

— Ошибся, братъ, зналъ...

— Ну а вы, Улинька, чтò подѣлывали?

Я торопилась подать Якову Ивановичу тетрадь передѣланныхъ арифметическихъ задачъ, Яковъ Ивановичъ просмотрѣлъ очень быстро, — и не сталъ спрашивать урока.

— Ну, вы всегда знаете отлично — васъ нечего спрашивать, продолжалъ онъ, возвращая мнѣ тетрадь.

— Что жь дѣти, куда гулять пойдѣмъ? Хотите въ Сватово идти рыбу удить? Я тамъ своихъ ребятишекъ оставилъ...

— Пойдемте, Яковъ Иванычъ, отвѣчали мы въ одинъ голосъ.

Я поторопилась убрать и отнести домой книги и поспѣшила вслѣдъ за Яковомъ Иванычемъ.

— Улыша! крикнулъ изъ дома голосъ матери. — Ступай домой, я тебѣ запретила по солнцу бѣгать.

Я сдѣлала видъ, что не слышу. На дорогѣ намъ попался сичачъ Ѳедька, парень лѣтъ 15-ти, пріятель брата; онъ бѣгалъ съ уздой за лошадей. Братъ догналъ его и ударилъ по спинѣ кулакомъ. Ѳедька бросилъ узду и, схвативъ его за вихры, пригнулъ къ землѣ; братъ вырвалъ свои вихры изъ рукъ Ѳедьки и черезъ минуту сидѣлъ у него на плечахъ. — Побѣдилъ! закричалъ онъ намъ, прыгая черезъ его голову, и улепетывалъ отъ него.

— Молодецъ! крикнулъ ему вслѣдъ Яковъ Иванычъ: — будешь генералисимусомъ!

Мы продолжали идти.

— Яковъ Иванычъ, начала я, спустя нѣсколько минутъ: — отчего это женщины не служатъ? не принимаютъ ихъ, или онѣ сами не хотятъ служить?

— Сами не хотятъ, должно быть.

— Вѣрно имъ и безъ службы жить хорошо, подумала я. — И вы, Яковъ Иванычъ, не знаете ни одной такой женщины, которая была бы такою, какъ былъ Колумбъ или Франелингъ?

— Нѣтъ, не знаю: да такихъ и не было...

— Отчего же, Яковъ Иванычъ, ихъ не было?

— А Богъ же ихъ знаетъ! Такіе люди, какъ Колумбъ и Франклингъ, очень рѣдки.

— Отчего это я все жизнеописанія замѣчательныхъ мужчинъ читаю, да и Яковъ Иванычъ рассказываетъ тоже, а о женщинахъ ничего не читала, продолжала я думая.

— И вы, Яковъ Иванычъ, рѣшительно не знаете ни одной такой замѣчательной женщины?

— Такія, пожалуй, были, напримѣръ императрица Екатерина II, Елисавета, королева англійская и другія.

Я попросила рассказать объ императрицѣ Екатеринѣ; Яковъ Иванычъ рассказалъ и вспомнилъ кое-что и о другихъ.

— Это все были царицы, подумала я: — а изъ простыхъ женщинъ вы не знаете, Яковъ Иванычъ, никого такого?

— Были и изъ простыхъ — напримѣръ Іоанна д'Аркъ — дѣва Орлеанская. То, что сообщилъ мнѣ Яковъ Иванычъ объ Іоаннѣ д'Аркъ, меня очень удивило — но не удовлетворило — и я просила рассказать еще о комънибудь...

Яковъ Ивановичъ вспомнилъ исторію княгини Дашевой, и разсказалъ, пока мы шли до рѣки. Лицо и исторія княгини Дашковой мнѣ очень понравились; она любила *учиться*, заключила я... Но жизнь Колумба и Франклина все-таки интереснѣе...

Сватовъ лугъ, куда мы пришли, былъ самымъ любимымъ мѣстомъ въ дѣломъ селѣ; до него отъ нашей усадьбы было всего версты полторы. На лугу протекала глубокая и полноводная рѣка Сеймъ, образуя нѣсколько заливовъ; на рѣкѣ была мельница, на мельницѣ жилъ мельникъ дядя Тарасъ, отецъ Федя, человѣкъ знакомый и почтенный, но въ народѣ почему-то прозванный лютымъ. Можетъ быть, за свою густую черную бороду, и за свою строгую фізіономію. На лугу во всякое время дня можно было встрѣтить ребятшекъ всѣхъ возрастовъ. Кто пасъ телятъ, кто лошадей, кто прогуливался съ индѣйками, кто просто приходилъ съ кускомъ хлѣба за пазухой, потому что дома тѣсно и дымно, на улицѣ пусто и пыльно, а на лугу всякому привольно и весело... Сюда приходили мы съ братомъ, когда мнѣ удавалось выпросить позволеніе у матери или убѣжать отъixonьку, но это бывало, когда я была меньше; теперь же я держала себя, какъ степенная дѣвица, и отправлялась на лугъ только съ Яковомъ Ивановичемъ.

Два меньшихъ брата Якова Ивановича сидѣли на берегу и откапывали червей.

— Пойдемте рыбу ловить, крикнулъ имъ Николя. Дѣти схватили свои черепочки и побѣжали къ намъ на встрѣчу...

Доставли лодку и поплыли выбирать удобное мѣсто въ заливѣ между кустами...

Солнце между тѣмъ сѣло, и загара нечего было больше бояться; вѣтеръ затихъ, розовое сіянье вечерней зари облило полнеба... Хорошо было теперь на рѣкѣ, хорошо на лугу!... И я съ наслажденіемъ слѣдила за сильнымъ взмахомъ весла брата, за движеніемъ живой, разбѣгающейся влаги, за измененіемъ свѣта и тѣни, потонувшего въ водѣ вечерняго неба... И дѣтское счастье мое было полно въ такія минуты... Братъ былъ тоже веселъ. Онъ то и дѣло, что вытаскивалъ то карася, то живую платичку и наконецъ поймалъ огромную щуку, что привело въ восторгъ цѣлое общество.

— Держи! держи! кричалъ онъ мнѣ, когда замѣчалъ, что залюбовавшись прасотой окружающаго, я забывала о своей удочкѣ.—Эхъ, ты, говорилъ онъ мнѣ съ упрекомъ:—настоящая дѣвочка, карася удержать не можешь, а еще собиралась въ военную службу!...

Но это былъ послѣдній счастливый вечеръ моего дѣтства, которому уже не суждено было повториться.

Поздно вечеромъ, когда на небѣ уже ярко загорѣлись звѣзды, Яковъ Иванычъ, простившись съ нами, ушелъ прямо къ себѣ въ Воскресенское, и мы одни продолжали путь къ дому и пришли съ цѣлымъ мѣшкомъ рыбы, но на дорогѣ братъ потерялъ картузь, а я башмаки. Мать молилась у себя въ комнатѣ, и мы, отдавши рыбу кухаркѣ, старались проскользнуть незамѣтно мимо ея дверей. Раздѣлись и тотчасъ же улеглись спать.

На другое утро меня разбудила шумная возня брата по комнатѣ...

— Вставай, Уля! началъ онъ, подходя къ моей постели: — я сейчасъ ѣду!...

Я поднялась съ подушки, опечаленная и испуганная внезапно скорымъ отъѣздомъ брата.

— Какъ, Никола, сейчасъ?

— Да сейчасъ! Яковъ Иванычъ прислалъ сказать, что онъ ѣдетъ сейчасъ и не можетъ ждать долѣе... Вонъ я и сундукъ вытащилъ вещи укладывать...

Въ комнату между тѣмъ вошла старая горничная Палаша, съ кувшиномъ воды и тазомъ. Это была очень добрая и чувствительная дѣвушка, но выросшая совершенно въ рабскихъ чувствахъ и понятіяхъ. Она была въ дурномъ расположеніи духа, по случаю изорваннаго мною вчера платья и потерянныхъ башмаковъ.

— У насъ и дѣти-то не такія, какъ у людей, на господскихъ не похожи!... ворчала она, ставя тазъ на табуретъ: — ну, что вы ноги-то *свѣсимши* сидите? Гдѣ вы башмаки-то потеряли и платье такъ отдѣлали? И какъ это вамъ не стыдно, что вы ничега не бережете!... Ну, ваше ли дѣло въ Сватово ѣздить, рыбу ловить? А еще барышня!... Что про васъ сосѣдки скажутъ? Будете вы цѣлый вѣкъ своей въ дѣвушкахъ сидѣть — никто васъ замужъ не возьметъ! Попомните вы мое слово!...

— Я не хочу замужъ, Палаша!...

— Когда выростете, тогда посмотрю, что скажете...

Нотаціи Палаша обыкновенно относились ко мнѣ, братъ по большей части ее не слушалъ и хохоталъ. Притомъ же онъ, какъ мальчижъ, былъ менѣе виноватъ въ ея глазахъ, и ему не угрожала опасность остаться въ дѣвушкахъ...

Она полѣзла подъ кровать, достала мои старые разорванные башмачонки, вычистила и поставила ихъ ко мнѣ на кровать: — обувайтесь сейчасъ, прибавила она строго.

Братъ въ это время сидѣлъ передъ сундучкомъ и весело на-свистывая укладывалъ свои вещи.

«Счастливыи», думала я: «онъ уѣзжаетъ отсюда — для него начнется новая жизнь — у него будутъ товарищи! А я и завтра же останусь здѣсь и одна!...»

Палаша, продолжая все еще ворчать и читать нотацин, подала мнѣ умыться, намазала мою голову свѣжимъ коровьимъ масломъ, что она обыкновенно дѣлала съ большою щедростью и усердіемъ, когда сердилась.

— Смотрите, чтобъ за васъ не были другіе пороты, заключила она, выпроваживая меня за дверь, а сама остановилась у дверей спальни ожидать результатовъ, какіе должны были послѣдовать за мои вчерашніа похождения...

Въ спальнѣ матушки въ это утро, за исключеніемъ отца, уже всѣ были въ сборѣ. Мать сидѣла за самоваромъ и разливала чай. Блѣдное лицо ея было заплавано, черное платье смято болѣе обыкновеннаго. Бѣдная дворянка, Прасковья Ивановна Пятикротова, гостившая часто у насъ въ домѣ въ качествѣ матушкиной подруги, и наканунѣ пріѣхавшая изъ города, сидѣла по лѣвую ея сторону, Филомофида Петровна — у окна.

Я подошла къ матери, стараясь держаться такъ, чтобы не было видно моихъ башмаковъ. Мать сухо протянула мнѣ руку; но ничего не сказала и не обратила вниманія на мой костюмъ.

— Друга-то своего! Утѣшенье-то свое! Помощника-то своего, сыночка, вы провожаете, возопила Филомофида Петровна, всегда готовая на изліянья.

Мать вытерла полотенцемъ выкатившуюся слезу и подала ей чашку чаю.

— Вотъ Уличка милая дома остается, будетъ помогать маменькѣ, подхватила Пятикротова.

— Богъ съ ней, съ Уленькой! отвѣчала мать:—она меня ни въ чемъ слушать не хочетъ... ей бы только по солнцу бѣгать! Куда и ни пошлешь, всегда обокрадутъ!...

— Какъ же это можно, дружочекъ мой, поступать такъ съ маменькой, вмѣшалась опять Пятикротова:—маменька трудится, ночи не досыпаетъ — кому же это она бережетъ, какъ не вамъ же... А вамъ это все равно!...

— Такая ужъ нелюбовь къ матери! такое равнодушіе! возразила матушка...

— Маменька! Яковъ Иванычъ сейчасъ будетъ — все ли готово? вступился братъ.

— Все, мой другъ, вотъ только отецъ Парамонъ отъ обѣдни пріѣдетъ, молебень отслужить.

— Маль еще, вмѣшалась опять Филомофида Петровна, возражая накрытую чашку матери и кланаясь: — годокъ другой и подержать бы можно было...

— Что это вы рассказываете, отозвался запальчиво братъ.— Какъ маль? Я и теперь долженъ буду 20-ти годовъ на службу поступить!... Это вы все съ Прасковьей Степановной матери въ уши натолковали: «маль, маль!» А безъ ученя меня и въ полкъ не примутъ...

— Я не къ тому говорю, мой милѣйшій генераль, чтобы держать тебя, возразила съ кротостью Филомофида Петровна.— Служи себѣ сколько душѣ твоей угодно. На то ты и родился, чтобы Богу да царю служить. Я вотъ маленькѣ твоей соболѣзнуя сказала.

— Нечего вамъ и соболѣзновать — молчали бы лучше, хотъ теперь.

— Ко мнѣ сестрица должна быть сегодня, вмѣшалась матушка, желая замаять непрятный разговоръ:— монахиня изъ Борисовки, восемь лѣтъ не видалась.

— Слышала, слышала, голубеночекъ, подхватила снова Пятикотова: — вашего Гришу намедни на базарѣ повстрѣчала: слызывать!

Въ комнату, между тѣмъ, вошелъ отецъ и сѣлъ на первый попавшійся стулъ. Всѣ замолчали.

— Вы ей не вѣрьте, началъ онъ, не зная о чемъ шель разговоръ: — она все вретъ... И нетолько вретъ — она колдунья.

Всѣ знали, о комъ была рѣчь, и ничего не отвѣчали.

— Что жъ ты, дашь мнѣ сегодня чаю, колдунья? обратился онъ къ матери.

Мать молча налила стаканъ и поставила его на край стола.

— Что она вамъ въ чай ничего не подсыпала? обратился онъ къ Пятикотовой.

— Что это вы рассказываете, почтеннѣйшій Александръ Петровичъ? Что же можно въ чай сыпать?

— А мнѣ такъ хотѣла чего-то подсыпать. Можете себѣ представить, лежу я разъ въ кабинетѣ, а она изъ залы крадется, крадется — думаетъ, что я сплю, да и насыпала мнѣ чего-то въ графинчикъ съ водкой. А я тоже врадусь-кравдусь, да и хватилъ ее чубукомъ по рукѣ. Что скажешь, неправда говорю — колдунья? Отецъ сплюнулъ въ сторону и началъ сосать чубукъ.

— А вотъ этотъ-то еще скотъ, что тамъ спидитъ, вотъ этотъ-то дьяволъ, отецъ указалъ чубукомъ на брата: — можете себѣ представить, что онъ никогда не подойдетъ къ папгѣ, никогда не приласкается.

Братъ въ это время сидѣлъ у стола и угрюмо насупившись глядѣлъ на отца.

— Скотина! скотина! замѣтилъ отецъ, качая головой.

— Чего ты ругаешься, вступилась за сына мать: — самъ ты скотина; Количка сегодня ѣдетъ, а тебѣ и дѣла нѣтъ, хоть бы постороннихъ посовѣстился, когда у самаго стыда нѣтъ!

— Ну, молчать, чертовка! Улыша, дай папгѣ стаканъ! А что, важная у меня дочка? обратился онъ къ присутствующимъ. — Голова-то! голова! Вся въ папку.

Приѣхали, между тѣмъ, отецъ Парамонъ и Яковъ Иванычъ. Отецъ тотчасъ же всталъ со стула и, не вкаясь гостямъ, пошелъ въ своей кабинетъ.

— Что, никакъ опять тово? началъ отецъ Парамонъ, обращаясь къ матери, потирая руки и указывая головой на отца.

— Опять.

— И давно?

— Уже другая недѣля.

— Экое наказаніе Божіе! Да вы бы деньги отъ него подалше прятали.

— Итакъ все прячу, батюшка, да вѣдь не усмотришь. Понять не могу, откуда и деньги беретъ!...

Начался молебень. Всѣ молились очень усердно. Мать все время плакала.

— Молись, другъ мой, молись, повторяла она со слезами, благословляя брата образомъ Николая Чудотворца: — да пошлетъ тебѣ Святитель прилежанія и сохранить тебя здоровымъ. Самъ видишь, что мать твоя ничего не можетъ предоставить тебѣ. Отъ тебя самаго зависитъ твоя карьера. Устройте его въ городъ, Яковъ Иванычъ, на васъ вся моя надежда.

Я бросилась на шею къ брату. — Никола, братецъ мой, помни меня!

— Прощай! буду помнить. Лѣтомъ опять увидимся, отвѣчалъ онъ, спѣша высвободиться изъ моихъ объятій и направляясь къ дверямъ.

Яковъ Иванычъ простился со мною, и подарилъ мнѣ на память книгу «Жизнь Франклина». Телега двинулась со двора.

Я убѣжала въ дѣтскую и бросилась на постель. «О! зачѣмъ я не мальчижъ, думала я рыдая: зачѣмъ я не могу ѣхать вмѣстѣ съ ними!»

II.

Романическій врагъ.

Мать моя была, какъ я уже сказала, урожденная столбовая дворянка изъ дома Шапошниковыхъ; всѣ дѣды и прадѣды ея родились,

жили и умерли на той землѣ, гдѣ она жила и родилась. Первоначальное образованіе она получила точно такое же, какое получали обыкновенно достаточныя дворянки двадцатыхъ годовъ, въ родительскомъ домѣ, подъ руководствомъ m-me Роше и m-г Диора. И были, вѣроятно, надежды, что, по окончаніи курса, она могла бы сказать нѣсколько фразъ безошибочно по французски, сдѣлать приличное entrѣе въ гостиную, протанцовать минуэтъ и мазурку, пробрянчать нѣсколько штукечъ, выученныхъ по пальцамъ на фортепьяно, и наконецъ выйти замужъ за человѣка, приличнаго ея званію и образованію. Но судилъ Богъ иначе. Девятилѣтнимъ ребенкомъ она лишилась родителей, которые умерли въ одинъ день отъ холеры, и осталась вмѣстѣ съ многочисленной семьей братьевъ и сестеръ на попеченіи семидесятилѣтней бабушки, ханжи и старовѣрки. Бабушка, считая свѣтское образованіе дѣломъ служенія сатанѣ, и принявши попечительство надъ малолѣтними, тотчасъ же выгнала французовъ изъ своего дома, мальчиковъ роздала въ разныя учебныя заведенія, внучекъ начала воспитывать сама. Заставляя ихъ молиться по нѣскольгу часовъ въ сутки, голодать по три дни въ недѣлю, сидѣть по цѣлымъ днямъ за вышиваньями по тюлю и низаніемъ бисера, и заботясь исключительно о цѣломудренной чистотѣ ихъ нравовъ—безъ себя, кромѣ церкви, не выпускала ихъ изъ дому. Холодно и неприглядно протекли дѣтство и первая молодость моей матери подъ попечительствомъ такой бабушки. Всѣ сестры ея, за исключеніемъ старшей, которая была уже отправлена бабушкой въ монастырь въ наказаніе за незаконную любовь къ двоюродному брату, умерли отъ чахотки, не достигши совершеннолѣтія... Мать, самая слабая изъ всѣхъ и всю жизнь страдавшая грудью, уцѣлѣла какимъ-то чудомъ, и по смерти бабушки, осьмнадцати лѣтъ, по несовершеннолѣтію, должна была переѣхать въ домъ тетушки. Тетушка была женщина болѣе современная. Она была богата, имѣла взрослыхъ дочерей, которыхъ желала выдать замужъ, и домъ ея считался пріятнѣйшимъ въ уѣздѣ. Желая поскорѣе сбыть съ рукъ сиротку племянницу, она гнала ее въ гостиную, бранила за дикость и заставляла подражать манерамъ своихъ дочерей. Матушка старалась подражать, но подражаніе выходило неудачно и ни къ чему не вело; кузины, окончившія курсъ образованія и желавшія обращаться на себя вниманіе высшихъ въ полку чиновъ, постоянно затмевали кузину блескомъ своихъ свѣтскихъ манеръ, и своимъ умѣньемъ строить глазки, пѣть чувствительные романсы; онѣ танцовали котильонъ и втихомолку, вмѣстѣ съ свокми почлонниками, подсмѣивались надъ неловкой

и необразованной кузиной. Женихи, предлагаемые тетушкой матушкѣ, ей не нравились; ей хотѣлось выйти замужъ по любви...

Такой счастливый случай вскорѣ представился. Въ домѣ тетушки, въ это время, учителемъ русскаго языка для меньшихъ сыновей проживалъ Безсоновъ. Впрочемъ, довольно трудно было бы сказать, какая собственно была тогда профессія у моего отца. Обязанностью преподавателя, по собственному признанію, онъ занимался мало, и эта была одна изъ обязанностей, къ которой онъ наименѣе былъ способенъ. Большею же частью онъ ѣздилъ отъ помѣщика къ помѣщику, гдѣ его приглашали устроить домашній театръ, выдумать новую драпировку для комнатъ, сочинить узоръ для вышиванья сюрприза, составить планъ для павильона или сада, написать имянинное поздравленіе въ стихахъ. Отца хватало на все. Въ искусствѣ же писать имянинныя поздравленія въ стихахъ въ околodкѣ не было челоvѣка ему равнаго. За всѣ эти таланты отецъ пользовался въ обществѣ репутаціею челоvѣка образованнаго, умнаго и любезнаго... Но, вѣроятно, одной только этой репутаціи было недостаточно для его честолюбія... Смекнувши дѣло, онъ началъ ухаживать за матушкой. Начались посланія за посланіями въ стихахъ и прозѣ, въ которыхъ отецъ называлъ мать «божественной Юліей, прекрасной Амандой (матушку звали Варварой), неземнымъ созданіемъ, ангеломъ чистоты и кротости, кумпромъ своего сердца» и проч., а себя несчастнымъ отчаявшимся страдальцемъ, преданнымъ ей рабомъ, и наконецъ объявилъ, что намѣренъ застрѣлиться, если она не спасетъ его своимъ сочувствіемъ! Отецъ былъ не дурень собой, молодъ, хоть и былъ пятнадцатю годами старше ея, и обладалъ, какъ я уже сказала, талантами. Она желала любить, была неопытна, а потому легко повѣрила лестнымъ мадригаламъ—и сама почувствовала къ нему нѣжную страсть... И дѣло легко бы могло улادиться безъ всякой драмы, но тутъ встрѣтилось одно затрудненіе. Артистъ, какъ и большая часть артистовъ, былъ челоvѣкъ неизвѣстнаго происхожденія. А когда начали освѣдомляться о томъ, кто былъ Безсоновъ, кто были его предки, то оказалось, что рѣшительно никто не могъ сказать ничего положительнаго. Отецъ вовсе не носилъ при себѣ никакихъ свидѣтельствъ о своемъ происхожденіи. Помѣщикъ Бобровъ, къ которому прежде всего обратился съ вопросами о происхожденіи Безсонова, отвѣчалъ только, что онъ принялъ его къ себѣ въ домъ для воспитанія двухъ сыновей своихъ по рекомендаціи Семена Ивановича Тарасова. Тарасовъ отвѣчалъ, что онъ самъ познакомился съ нимъ на балѣ въ домѣ помѣщика Сибирякова,

театрала, большаго любителя и покровителя искусствъ, у котораго Безсоновъ проживалъ въ качествѣ домашняго актера и декоратора. Помѣщикъ Сибиряковъ былъ въ это время въ Парижѣ, и потому не могъ отвѣчать. Сосѣдъ же Сибирякова, ротмистръ Брыковъ, рассказывалъ, что до поступления отца въ домъ Сибирякова, онъ видѣлъ юнкера Безсонова на иманинахъ у полковника Стахова. Самъ Безсоновъ любилъ вспоминать о блескѣ Сѣверной Пальмиры, зналъ лично нѣкоторыхъ изъ тогдашнихъ ея знаменитостей, вспоминалъ о какомъ-то баронѣ фонъ-Штигель, въ домѣ котораго онъ одно время воспитывался; но о своей собственной семьѣ обыкновенно умалчивалъ, или рассказывалъ различно. А потому и заключили, что онъ былъ побочный сынъ барона фонъ-Штигеля, который будто бы желалъ, чтобы сынъ его отличался на военномъ поприщѣ и опредѣлилъ его въ—скій полкъ, но сынъ, слѣдуя своему призванію, убѣжалъ изъ полка на сцену къ Сибирякову и тѣмъ прогнѣвилъ отца. Глубокія соображенія эти, однако же, не совсѣмъ оправдались. Отецъ мой на дѣлѣ былъ законный сынъ одного мелкаго петербургскаго чиновника, стыдился своего происхожденія и срывалъ его. Жилъ и учился одно время у барона Штигеля, своего крестнаго отца; затѣмъ поступилъ въ полкъ, и этимъ прогнѣвилъ Штигеля, который, повидимому, ненавидѣлъ армейщину, и желалъ чтобы крестный его сынъ избралъ ученую карьеру. Но такъ-какъ отецъ былъ прежде всего артистъ въ душѣ, то скоро соскучился обязанностями солдата, и ушелъ къ Сибирякову. Сибиряковъ, умѣвшій, повидимому, угадывать призваніе молодыхъ людей, указалъ ему на сцену въ своемъ театрѣ. Но отецъ и тутъ не выдержалъ и далеко не пошелъ. Въ молодости, онъ могъ увлекать только непосредственностью своей артистической природы, порхать отъ удовольствія къ удовольствію, но никогда не могъ серьезно выработать своихъ талантовъ и достигнуть чего-нибудь въ какомъ бы то ни было родѣ. Выйти замужъ за человѣка такого сомнительнаго происхожденія было, по тогдашнимъ понятіямъ, недостойно дворянки, и тетушка, узнавши о чувствахъ своей племянницы къ учителю, тотчасъ отказала ему отъ дома, и запретила ей съ нимъ видѣтися. А старшій братъ, служившій въ это время въ полку, угрожалъ матушкѣ не только не считать ее больше сестрою, если она рѣшится на такой недостойный поступокъ, но и не выдѣлать ей ея законной части имѣнія. Матушка погоревала, поплакала, но, не испугавшись вышесказанныхъ послѣдствій несчастной любви, рѣшилась дѣйствовать противъ желанія родныхъ, и въ одну ночь, убѣжавши со своимъ женихомъ, перевѣнчалась съ

нимъ въ сосѣднемъ приходѣ. Поступокъ этотъ послужилъ на цѣлый мѣсяцъ скандаломъ въ уѣздѣ и оскорбленные родственники не могли забыть его никогда.

Такимъ образомъ устроился этотъ романтическій бракъ. Помню, что будучи еще ребенкомъ, наслушавшись того, что кругомъ всѣ говорятъ, выйду ли я замужъ, я не разъ спрашивала себя, зачѣмъ это выходить замужъ? Зачѣмъ женились матушка и отецъ? Они женились, говорятъ, по *любви*... Но эта любовь должна быть что-нибудь очень странное, когда она заставляетъ жить вмѣстѣ людей, совершенно не схожихъ другъ съ другомъ. Говорятъ, что въ старину браки, основанные на законѣ сближенія противоположностей, удавались и были довольно счастливы, но вѣрно это было когда-то очень давно, потому что мнѣ самой всегда приходилось быть свидѣтельницей совершенно обратныхъ явленій. И въ самомъ дѣлѣ, какъ различались мои отецъ и матушка по происхожденію и воспитанію, такъ различались они и во всемъ другомъ.

Матушка была женщина домовитая, хозяйка по воспитанію и призванію. Отецъ, родившись бобылемъ и никогда не имѣя своей собственности, не понималъ даже удовольствія пользованія этимъ правомъ и всегда какъ будто старался отдѣлаться отъ каждой сбереженной копейки, точно отъ грѣха на совѣсти. Мать никогда ничѣмъ не восхищалась, но была сострадательна къ людямъ, не сдѣлавшимъ ей зла. Странствующіе богомольцы, мелкій чиновный людъ, всѣ угнетенные и несчастные находили у нея пріютъ и пособіе. Впослѣдствіи, она вооружалась только противъ своихъ крѣпостныхъ, противъ мужа, вообще противъ людей, которые, по ея мнѣнію, должны были любить ее и быть ей благодарны. Отецъ всегда восхищался красотой Юлій, Амандъ, Татьянъ и другихъ эстетическихъ личностей, но никогда не крылъ чужой крыши, нищихъ же и монаховъ всегда гналъ изъ дому. Мать книгъ никакихъ не читала, кромѣ евангелія и житія святыхъ, писала только счета (французскія фразы, заимствованныя у кузинъ, и стихотворенія мужа, писанныя ей, когда она была невѣстою, вскорѣ по выходѣ замужъ она перезабыла), и всегда оканчивала то, что начинала. Отца также нельзя было назвать образованнымъ: онъ даже не кончилъ курса въ гимназій; но онъ былъ человѣкъ натертый, много видѣлъ, за многое брался, и ничего никогда не доводилъ до конца; безъ книги не могъ жить ни одного дня, хотя читалъ только повѣсти и легкіе рассказы, писалъ стихи, въ которыхъ подражалъ извѣстнымъ поэтамъ, осмѣивалъ сосѣдей и воспѣвалъ прелести прироста. Мать рѣдко выходила изъ себя, но вышедши разъ, сер-

дѣлась долго и горячо, и заслужить прощенія у ней было не легко, простивши же она вполне забывала обиду. Отецъ пылилъ очень часто, обижалъ самъ и, повидимому, не помнилъ обиды, но при случаѣ мстилъ и совсѣмъ не понималъ великодушнаго прощенія. Наконецъ, мать считала образованіе необходимымъ для сына и лишнимъ для дочери. Отецъ, считая себя поклонникомъ Руссо, былъ убѣжденъ, что образованіе, въ сущности, бесполезно для сына и для дочери, и вовсе не думалъ учить насъ чему-нибудь. Всѣ эти сомнительныя качества дали ему тѣмъ не менѣе право считать мать, Пятикратову, Иванову, Брыкова и другихъ—скотами и невѣждами, а самого себя непризнаннымъ гениемъ. Женившись на матушкѣ, отецъ потребовалъ немедленно отъ брата раздѣла имѣнія. Братъ, считая себя обиженнымъ своевольнымъ поступкомъ сестры, выдѣлилъ ей только ея законную четырнадцатую часть, состоящую изъ пятидесяти душъ крестьянъ и двухсотъ десятинъ земли. Отецъ нашель, что окрестности хутора недостаточно живописны и притомъ, что онъ далеко отъ города; ему захотѣлось продать этотъ хуторъ и купить другой, который обладалъ бы выше-сказанными свойствами. Мать, находясь еще подъ вліяніемъ осуществившихся желаній, допустила эту продажу. Отецъ, не выбравши еще новаго имѣнія, продалъ хуторъ, а самъ перѣхалъ въ городъ, гдѣ и жилъ на капиталъ, вырученный за продажу земли. Наконецъ отыскался и хуторъ, хотя и съ живописными окрестностями, но на такомъ же разстояніи отъ города, а главное—съ меньшимъ числомъ десятинъ и безъ усадьбы.

Отецъ купилъ старый домъ у ротмистра Брыкова, поднялъ выше стѣны, прорубилъ ниже окна, раздвинулъ его, но не окончивши еще крыши и не оштукатуривъ снаружи, набросалъ кое-какъ соломенную кровлю и занялся отдѣлкою внутренности... На перенесеніе и отдѣлку дома, на постройку усадьбы, на украшенія потребовался заемъ. Заняли. Отецъ, не окончивши еще первыхъ работъ, задумалъ разбить садъ на десяти десятинахъ, назначилъ бесѣдки, мостики, гроты, накупилъ экипажей, мебели, посуды, и деньги улетучились изъ рукъ въ одинъ мигъ. А домъ все еще стоялъ неоконченнымъ. На окончаніе дома, на приведеніе въ исполненіе начатыхъ работъ, опять надо было занять, а для займа надо было заложить хуторъ... Начались просьбы, слезы, жалобы... Матушка, хоть и вышла за разночинца Безсонова по любви, въ уваженіе его личныхъ достоинствъ, но по своему развитію, никогда не могла стать выше предразсудковъ своей среды; она считала, что принесла ему жертву и

требовала, чтобы онъ, хоть для будущихъ дѣтей, шелъ служить и выслужилъ бы себѣ чинъ, необходимости чего отецъ никогда не могъ понять, и увѣрялъ, что съ своей стороны онъ принесъ жертву, женись на необразованной дурѣ. Наконецъ и роль помѣщика ему скоро наскучила, какъ наскучала всякая другая. Ожидать было больше нечего. Онъ началъ пить, пользовался выгодами своего положенія относительно деревенскихъ красавицъ, и не стѣснялся больше показывать себя передъ женою такимъ, какимъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Матушка поняла, что Безсоновъ не любилъ ее никогда, и только прикидывался влюбленнымъ, спекулируя на ее имѣніе.

И вотъ матушка, женщина извѣстная своею кротостію, никогда невоображавшая старшимъ, является теперь смѣлой противницей мужа, существомъ съ упрямой волей, съ несокрушимымъ терпѣніемъ въ борьбѣ... Только теперь вполнѣ развился и соврѣлъ ея характеръ, до того скрываемый подъ личиною кротости, заботности и безответности.

Отецъ понималъ, что и самъ ошибся, какъ ошибалась мать. Ему предстояло одно изъ двухъ: или выѣхать изъ дому, или оставаться постороннимъ человѣкомъ, нахлѣбникомъ у жены, и онъ остался. Съ этихъ поръ начинается между ними та тяжелая домашняя драма, отъ которой надрываются сердца дѣтей, безвинныхъ жертвъ эгоизма родительскаго и которая оставляетъ въ ихъ памяти неизгладимыя впечатлѣнія.

Отецъ, удаленный матушкой отъ всякаго вмѣшательства въ дѣлѣ управленія хозяйствомъ, лишенный всякой возможности пользоваться доходами, униженный своею бѣдностью, праздностью и ненужностью въ семьѣ, и не будучи въ состояніи выйти изъ этого положенія, принялся раскрашивать стѣны и потолки, видъ которыхъ мѣнялъ каждую недѣлю, клеилъ коробочки, дѣлалъ мышеловки и западни для чижей, курилъ табакъ, перечитывалъ старыя книжонки, пилъ запоемъ, когда могъ достать денегъ, утѣшая себя сознаниемъ своего неизмѣримаго превосходства надъ окружающими и изливая свою желчь въ глумленіи надъ глупостію и невѣжествомъ жены, въ стихахъ и карикатурахъ, которые онъ наклеивалъ обыкновенно на стѣны.

Разойдись съ мужемъ, мать всею душою отдалась дѣламъ управленія хозяйства, неусыпно слѣдила за каждой прибывающей копейкой. Но хозяйство попрежнему шло дурно; земля худо вспахана, явился неурожай. Домъ также стоитъ недодѣланный и гниетъ вмѣстѣ съ постройками, начатыми отцомъ; разведеніе сада брошено, крестьяне раззорены, кромѣ того нужно еще платить проценты. Одинъ Богъ развѣ могъ помочь

ей поправить дѣла и развязаться съ ненавистнымъ для нея человѣкомъ. И она обратилась къ Богу въ молитвѣ.

Отношенія къ намъ нашихъ родителей были также различны. Все, что только еще сохранилось живаго и свѣтлаго въ душѣ матушки, обратилось преимущественно къ сыну; она видѣла въ немъ свой идеалъ, своего помощника въ будущемъ: черезъ него она думала выйдти изъ своего настоящаго положенія. Онъ хорошо понималъ это, и смотрѣлъ на жизнь глазами матери. Служить была его первая мечта. Онъ любилъ только мать, въ отцѣ же видѣлъ нарушителя общаго спокойствія. Онъ часто сражался съ нимъ за мать, и никогда не могъ внутренне простить ему сдѣланныхъ ей оскорбленій. Я также не могу упрекнуть мать за недостатокъ любви ея ко мнѣ: она заботилась о моемъ будущемъ, и желала видѣть меня счастливою. Внушить мнѣ понятие о религiи, какъ понимала она ее сама, приучить меня къ выполнению правилъ и обрядовъ, предписываемыхъ церковью — было также немаловажною ея заботою, и требованія ея въ этомъ отношеніи были всегда одинаковы.

— Маменька, отчего же вчера братъ заснулъ не помолвившись Богу и вы ничего ему не сказали? спрашивала я иногда.

— Не твое дѣло смотрѣть на брата; ты дѣвочка, женщины должны больше молиться...

— Отчего же больше, маменька?

— Какъ отчего? развѣ ты не видишь, что всѣ женщины благочестивѣе мужчинъ, и нуждаются больше въ вѣрѣ, нежели они...

Она постоянно, какъ я ее помню, возилась съ какимъ нибудь женскимъ рукодѣлемъ, вязала бисерные чохлы для чубука мужа, кошельки, вышивала кисеты, ридикюли и всегда старалась научить меня тѣмъ же рукодѣльямъ. Въ двѣнадцать лѣтъ я знала какія угодно вязанья, вышивала по канвѣ и по тюлю и, посѣщая съ матерью монастыри, выучилась дѣлать фольговныя ризы на иконы.

«Отчего это братъ ничего не дѣлаетъ?» думала я. «Хоть бы онъ довязалъ этотъ скучный чулокъ». Никола, отчего ты не работаешь?

Но я была неправа, рассуждая такъ о братѣ. Братъ тоже работалъ, хотя его никто не принуждалъ работать: его здаровые мускулы требовали упражненія. Я часто видѣла, какъ онъ стругалъ доски и дѣлалъ сундуки и скамейки, металъ съ мужиками снопы на гумнѣ, таскалъ мѣшки муки у Тараса на мельницѣ. Ну, что-жъ, это очень весело, рассуждала я. Но братъ на мои возраженія старался поставить мнѣ на видъ свою роль прикащика. — А ты бы попробовала просидѣть цѣлый день на во-

зу, въ ожиданіи покушниковъ, отвѣчалъ онъ мнѣ:—и тогда бы посмотрѣла, какъ это весело.

— Что-жъ такое? и просидѣла бы, и продала бы не хуже тебя... А ты бы попробовалъ просидѣть нѣсколько дней за чулкомъ, тогда бы посмотрѣлъ, что веселѣе...

— Ну, что-жъ! ты дѣвочка...

Отецъ до семи лѣтъ относился къ намъ одинаково равнодушно, и не замѣчалъ насъ, когда мы не шумѣли, не мѣшали ему и были послушны... Но далѣе начинается различіе между нами; брата онъ считалъ такимъ же скотомъ и осломъ, какъ всѣхъ остальныхъ; и даже билъ его, когда тотъ оказывалъ упрямство, ко мнѣ же былъ вообще милостивѣе, какъ потому, что я дѣвочка, такъ и потому, что я, по его мнѣнію, была умнѣ брата. Оставаясь дома, я сначала предпочитала общество отца, и отецъ, когда былъ трезвъ, давалъ мнѣ карандаши, бумагу, книги для чтенія и бесѣдовалъ со мной, какъ со взрослой. Разъ какъ-то мать уговорила его учить насъ; имѣя большую нужду въ деньгахъ, онъ сначала согласился, но, взявшись за дѣло безъ призванія и съ сознаниемъ его бесполезности, только выходилъ изъ себя и горячился. Отецъ объяснял и спрашивалъ мало, по большей же части заставлялъ читать то, что ему вздумается, и главнымъ образомъ обращалъ вниманіе на декламацию; затѣмъ приказывалъ говорить прочтенное наизусть. Когда же бывалъ пьянъ, то заставлялъ повторять то же самое по тысячу разъ, и притомъ на разные манеры. Когда же и тутъ, по его мнѣнію, дѣло не выходило, то начиналась потасовка за волосы, и отецъ, надававши пиньковъ, выталкивалъ насъ внашею за дверь. Уроки продолжались недолго, но тѣмъ не менѣе, они дорого стоили моему сердцу. Съ этихъ поръ отецъ началъ почему-то вмѣнять мнѣ въ обязанность понимать его, стоять съ нимъ заодно въ продѣлкахъ противъ матери, сердился и мстилъ, когда я поступала иначе.

Предпочтеніе, оказанное мнѣ отцомъ, не нравилось матушкѣ, и разсердившись на меня за что нибудь, она вездѣ упрекала меня дружбой съ нимъ и гнала меня къ нему. Въ другое время, желая избавить мать отъ навязчивости пьянаго мужа и ссоръ, я уходила сама къ нему, декламировала и читала стихи до тошноты, вертѣла ручкой органа до изнеможенія, выслушивала пьяную болтовню и потомъ горько плакала въ своей постели.

Лучше чого-то новаго, лучшаго въ моемъ дѣтствѣ явился Яковъ Ивановичъ. Воспоминаніе о немъ принадлежитъ къ самымъ раннимъ моимъ воспоминаніямъ. Еще отправляясь съ Асей къ обѣднѣ, мы заходили иногда къ отцу дьякону, и

я встрѣчала тамъ серьезнаго студента, всегда занятаго книгами. Иногда же мы вмѣстѣ съ нимъ и съ его братьями отъправлялись въ лѣсъ за грибами или удили рыбу. Но собственно сближеніе мое съ нимъ начинается съ тѣхъ поръ, когда онъ сдѣлался нашимъ учителемъ. Являясь къ намъ въ семью, онъ обыкновенно принималъ сторону матери, съ отцомъ обходился небрежно, не стѣснялся высказывать ему горькую истину. За то отецъ и ненавидѣлъ его пуще всѣхъ скотовъ въ мірѣ, мать же, напротивъ, подчинялась авторитету Якова Ивановича и до вѣрыла ему насъ вполне.

III.

По отъѣздѣ брата.

Вечеромъ я сидѣла печально на крыльцѣ, глядя въ ту сторону, куда уѣхали мои милые. Отецъ вышелъ изъ дому. Онъ цѣлый этотъ день ходилъ по всѣмъ комнатамъ, придираясь то къ тому, то къ другому, но такъ-какъ ему никто не возражалъ, то дѣло и оставалось въ этихъ границахъ. Онъ выпался и казался трезвѣе.

— Ты не грусти о братѣ, Ульяна, началъ отецъ, обращаясь ко мнѣ:—ты будь со мною, я тебѣ куплю новыхъ книжекъ и самъ тебя учить буду, лишь бы только любила папку и слушалась его.

Я молчала.

Отецъ поглядѣлъ кругомъ, сѣлъ на ступеньки и началъ курить. Его густые, черные съ просѣдою волосы были всклоочены, красный изорванный бухарскій халатъ, испачканный мѣломъ, окрою и другими красильными и некрасильными веществами, надѣтъ былъ на распашку; грязная рубаха съ откиднымъ широкимъ воротникомъ застегнута была мѣдной запонкой съ краснымъ камнемъ, на ногахъ едва держались дырвяны туфли.

— Они думаютъ, эти скоты, началъ онъ, помолчавъ, и снова обращаясь ко мнѣ: — что я имъ равенъ! что я такой же скотъ, какъ и они! Я хоть и пью, но я все-таки не то, что они... Я человѣкъ съ призваніемъ, дура мать твоя меня не понимаетъ — ей бы только кухлики считать, да куръ щупать, она должна бы издохнуть отъ радости, что имѣетъ такого мужа... И эта сова Пятиротова меня не понимаетъ, и этотъ козелъ блеющий Парамонъ и Рябовъ тоже скоты! Какой-нибудь семинаришка, и тотъ носъ деретъ, воображаетъ, что онъ Богъ-знаетъ что за геній! Всѣ они олухи и свиньи!.. Но

ты можешь понять меня, когда захочешь. Ты видѣла, какъ я отдѣлалъ теперь свой кабинетъ? Вотъ чудо-то! Хочешь, я покажу тебѣ его!

Мы отправились.

— Постой! остановилъ онъ меня, когда мы приближались къ дверямъ кабинета:—дверей больше здѣсь нѣтъ, я ихъ задѣлать, они были слишкомъ велики для такой маленькой комнаты. Пройти можно теперь здѣсь, въ эти маленькія дверцы между стѣной и печкой. Пользай! вотъ такъ... Окно я тоже забилъ доской, чтобы лучше изобразить ночь.

— Затвори двери! Это отверстіе въ доскѣ изображаетъ луну... Вотъ теперь полнолуніе, понимаешь? А вотъ новолуніе— вотъ ущербъ... Потолокъ также изображаетъ небесный сводъ, усыпанный звѣздами. Что, хорошо?.. Папка твой не выдумаетъ плохо! Въ залѣ я также началъ новую отдѣлку, тамъ замѣтила ты на потолокъ, начато изображение солнца въ лучахъ?... Но гдѣ денегъ взять? началъ онъ вдругъ, останавливаясь посреди комнаты, и осматривая обружающіе предметы.

У стѣнъ стояли только изломанные стулья, съ прорванными рѣшетками, вытертый диванъ о трехъ ножкахъ, ломберный столъ съ прогорѣлой доской, алебастровый бюстъ Александра Македонскаго съ отбитой рукой валялся на полу; когда же я хотѣла поднять бюстъ великаго человѣка:

— Оставь этого дурака, замѣтилъ мнѣ отецъ: — теперь за него цѣловальникъ не дастъ и гривенника. Мышеловокъ никто не покупаетъ. Органъ развѣ продать? Да нѣтъ, и органъ нельзя, цѣловальникъ, мошенникъ, не беретъ органа; съ ней въ разговорѣ, покумилась... Все прячетъ подъ замокъ, ничего не даетъ, чертовка!..

Черезъ полчаса, онъ опять возвратился въ комнату матушки и сѣлъ на сундукъ... Мать цѣлый день молилась, запершись въ своей комнатѣ, вечеромъ кончила и дѣлала теперь нѣкоторыя распоряженія насчетъ приѣзда тетушки; я была тутъ же.

— Улыша, обратился ко мнѣ тотчасъ же отецъ: — ты слышала, что папка на службу поступаетъ?

— Нѣтъ, не слышала, отвѣчала я.

— Ну, такъ слушай, дурочка, папка поступаетъ въ квартальные. Живите вы одни себѣ съ матерью, отецъ гостинца вамъ изъ города присылать будетъ, протянулъ онъ, глядя на мать.

Отецъ не первый разъ собирался на службу, и мать уже не обращала на это вниманія.

— Ты бы мнѣ хоть на обмундировку рублей пятнадцать дала, обратился онъ уже прямо къ матери.

— Знаю я твои сборы на службу, отвѣчала мать, отыскивая что-то въ комодѣ: — ты четырнадцать лѣтъ все служить собираешься, а только дома сидишь, да меня разоряешь.

— Теперь я ей-Богу подаю прошеніе губернатору, въ квартальные...

— Что ты врешь, когда ты подавалъ? развѣ я не видѣла, что ты все это время дѣлалъ!..

— Клянусь тебѣ Богомъ подаю, черезъ Счасливецкаго. Квартального Петрушенко со службы за взятки прогнали, такъ я на его мѣсто и подаю.

— Какой тебя дуракъ квартальнымъ сдѣлаетъ, куда ты годишься въ квартальные, когда тебя самого полиція за ноги тащить съ улицы должна будетъ.

— Ну, пошла молоть вздоръ, дура! Развѣ я самъ не знаю, какъ вести себя. Чортъ съ ней, съ этой мерзкой сивухой. Мнѣ теперь новые сапоги нужны, да мундиръ съ треуголкой! иначе нельзя представиться губернатору.

— Нѣтъ у меня денегъ на обмундировку! представляйся въ чемъ хочешь...

— Ну, если всего не можешь, такъ дай хоть на сапоги рублей пять, вѣдь въ этихъ туфляхъ уже нельзя ходить.

— А развѣ я виновата, что у тебя ничего нѣтъ. Ты вспомни, отказывала ли я тебѣ въ чемъ-нибудь? чего только у тебя не было: и сюртукъ пансѣ былъ, и сюртукъ черный, и два фрака, и шинель à la Шевалье, и сапоги даже лакированные были, — куда ты все это дѣвалъ? не самъ ли ты себя довелъ до этого?

— Что ты это считать вздумала? Когда это было — десять лѣтъ тому назадъ. Ты мнѣ ужъ который годъ ничего на платье не даешь?

— И не буду давать. Приобрѣтай самъ, какъ хочешь. Чтò, я или дѣти, много отъ тебя видѣли? Купилъ ты мнѣ хоть на одну копейку съ тѣхъ поръ, какъ я замужъ за тебя вышла? Меня только раззорилъ! Нѣтъ у меня для тебя денегъ; живи какъ хочешь... И, взглянувши въ окно, мать сильно двинула ящникомъ комода, и поспѣшила уйти.

— Вотъ чортъ-то! Вотъ скрага-то! замѣтилъ отецъ, провожая ее глазами.

Между тѣмъ, по дорогѣ къ дому тихо приблизилась рогожная вибитчонка, запряженная парю мужицкихъ влячь; на возлахъ сидѣлъ парнишка лѣтъ четырнадцать, въ синей рубашкѣ.

Мать, увидѣвши кибитку, выбѣжала навстрѣчу. Изъ кибитки вышли двѣ монахини, молодая и старая. Мать поклонилась въ ноги старой и, принявши ея благословеніе, поцаловала ея руки. Пятикротова прибѣжала вслѣдъ за нею и сдѣлала то же самое: Обѣ повели старуху подъ руки къ крыльцу.

— Вонъ онѣ ползутъ, вонъ онѣ — мыши летучія! замѣтилъ отецъ, указывая на монахинь.

Пріѣхавшая тетушка была та самая, которую сорокъ лѣтъ тому назадъ сослала бабушка въ монастырь за незаконную любовь къ двоюродному брату, но давно раскаявшаяся, отказавшаяся отъ соблазновъ міра сего, и въ силу этого удостоившаяся иноческаго сана, въ которомъ и пребывала уже двадцать лѣтъ. Лѣтъ восемь тому назадъ, я часто ее видѣла, когда она жила въ ближайшемъ монастырѣ, но тогда, поссорившись со всѣми монахинями, она переѣхала въ другой монастырь, и съ тѣхъ поръ я ея больше не видала. Теперь ей на видъ было лѣтъ около шестидесяти; она была невысока ростомъ, довольно полна, съ узкими, сѣрыми, бѣгающими по сторонамъ глазами. Общее выраженіе лица ея было хитрое и вкрадчивое...

— Ну, вотъ, матушка, и сподобилъ еще Господь Богъ въ сей жизни увидѣться! начала она, обращаясь къ матери:— а я намеренъ Гришку, твоего старосту, повстрѣчала, сказывалъ онъ тебѣ, что я буду?

— Какъ же, матушка, слышали, слышали, подхватила Пятикротова:— очень ожидали васъ; вотъ и обрадоваль Господь Варвару Николавну, въ день отъѣзда сыночка.

— Въ ученье отправила? Ну, Христось съ нимъ, пускай учится!

Отецъ, сначала лукаво наблюдавшій монахинь и потихоньку передразнивавшій движенія тетушки, вдругъ всталъ съ мѣста, и запахнувши полы халата, почтительно подошелъ къ ея ругѣ.

— Какъ поживаете, почтеннѣйшая сестрица? началъ онъ, вздыхая...

— Нищенствуемъ, друже, нищенствуемъ, начала тетушка, печально опускаясь въ кресло:— въ монастырѣ бѣдность такая, что и Боже упаси, мать игуменья денно и ночью сокрушается о бѣдствующей братіи...

— Скажите, пожалуйста! жалость какая! отвѣчала отецъ, сочувственно качая головой.

— Отъ святѣйшаго синода всего по пятнадцать рублей на душу получаемъ, манетейныхъ-то восемнадцать, а всѣхъ живущихъ въ монастырѣ четыреста, надо чѣмъ-нибудь прокормиться,

обуться и одѣться, продолжала тетушка съ большимъ одушевленіемъ. — Влады монастырскіе, что ни годъ, то становятся меньше, сказано: передъ концомъ міра! Монастырское достояніе тоже пустое—лѣсишко тамъ былъ кое-какой, десятиновъ десять, давно порубили на построеніе келій. Хуторишка съ мельничешкой тоже никакого дохода не даетъ, пьяница мельникъ только монастырскую муку продаетъ. Рабочихъ нанять не на что, сами вспашемъ, сами сожнемъ, сами и на мельницу свеземъ...

— Скажите, пожалуйста! жалость какая! продолжалъ попрежнему отецъ...

— А тутъ еще поновленіе храма святяги Троицы задумала. Надо кирпичу купить, рабочихъ нанять. Вотъ матушка игуменья и отправила меня въ послушаніе съ книжкой пожертвованія собирать. Можетъ быть, и ты что-нибудь пожертвуешь, батюшка, на поновленіе храма-то святаго!..

— Какъ же! пожертвую, сестрица! Можетъ быть, и еще какія-нибудь нужды въ монастырѣ есть?

— Есть, какъ не быть, друже, продолжала тетушка, все болѣе и болѣе радуясь участію отца. — Сказано: въ нуждахъ по горло находимся... Вотъ и монастырская ограда-то у насъ совсѣмъ тоже развалилась; отъ солдатищъ окаянныхъ, прости Господи, отбоя нѣтъ, такъ въ монастырь-то чрезъ ограду и шныряютъ...

— Такъ и шныряютъ?! Скажите, пожалуйста, жалость какая! продолжалъ отецъ, вздыхая.

— Вѣстимо, что жалость, батюшка. Вотъ и на ограду можешь что-нибудь пожертвовать!

— Очень хорошо, сестрица, и на ограду пожертвую...

— Господи батюшка! Помилуй же души наши грѣшныя, окаянные, продолжала тетушка, взводя глаза на иконы:—и спаси насъ!.. И съ улыбкой умиленія она снова отнеслась къ присутствующимъ.—Вотъ, матушка игуменья богадѣленку у насъ затѣяла устроить, старушекъ болящихъ принимаетъ—вотъ и на богадѣленку можете также что-нибудь пожертвовать, по усердію вашему...

— Пожертвую, сестрица, отвѣчала мать.

— Пожертвуемъ, отвѣчали присутствующіе...

Отецъ вдругъ вскочилъ съ мѣста и, снявъ съ трубки кожаный мѣшочекъ, почтительно подалъ его тетушкѣ.

— Это я на богадѣленку, по усердію своему жертвую, почтеннѣйшая сестрица, сказала онъ, поднося мѣшочекъ къ носу старушки. И радуясь, что сыгралъ штуку, зажалъ рукою ротъ, и потихоньку вышелъ изъ комнаты,

Тетушка не приняла и обидѣлась.

— Что это, мать моя, у тебя сожитель-то? обратилась она къ матери: — да это антихристъ какой-то окаянный, прости Господи! Да какъ же это ты его терпишь?

— А вотъ, какъ видите, сестрица, отвѣчала грустно мать.

— Сказано: мученица Варвара Николавна, сказано — мученица, возопила Пятикратова.—А вотъ мой-то еще благовѣрный, моя-то пакость, мой-то бандуристъ окаянный. Что это еще за человѣкъ! Да упаси Господи всякаго христіанина отъ такого человѣка. Сказано намъ на роду съ Варварой Николавной такое счастье написано!..

Въ комнату, между тѣмъ, вошла послушница и, поклонившись, подала просеоры.

Тетушка раздала ихъ намъ.

— Ну, чтожь, мать моя, обратилась она ко мнѣ:—ты теперь умнѣ стала? монаховъ любишь? Богу молишься? заповѣди знаешь?

— Знаю, отвѣчала я.

— А, ну, прочти вторую заповѣдь.

Я начала и сбилась на словахъ: на земли яко на небеси.

Тетушка поправила и покачала головой.

— Плохо, мать моя; видно, и ты въ отца.

Тетушка расположилась отдохнуть у насъ недѣльки на двѣ и сдѣлать сборы по сосѣдству, и затѣмъ вмѣстѣ съ матерью возвратиться въ монастырь. Поѣздки на богомолье у насъ совершались очень часто. Мать ѣздила молиться Богу послѣ каждаго неурожая, послѣ падежа скота, послѣ размолвки съ мужемъ, и чѣмъ сильнѣе было горе, тѣмъ продолжительнѣе бывало странствованіе. Къ обществу обыкновенно присоединялись Алена Ивановна Пятикратова, Филомофида Петровна или кто-нибудь другой. Отправлялись мы обыкновенно въ рогожной кибиткѣ, запряженной парю мужицкихъ лошадокъ; ѣхали тихо, потому что по дорогѣ кто-нибудь шелъ пѣшкомъ, и часто оставались. Эти путешествія я любила, такъ-какъ на дорогѣ мы съ братомъ находили для себя много любопытныхъ предметовъ. Но самая жизнь въ монастырѣ была для меня всегда очень скучна и тягостна. Нигдѣ болѣе я не чувствовала себя стѣсненной, какъ въ крошечной кельѣ — квартирѣ матери, болѣею частью наполненной сестрами-монахинями; ничья жизнь не казалась мнѣ болѣе печальной, какъ жизнь молодыхъ послушницъ и бѣдныхъ сиротокъ, живущихъ при монастыряхъ...

— Вотъ я тебя въ монастырь отдамъ, говорила-бывало мать, желая поугатыть меня и научить чему-нибудь приличному:—тамъ тебя выучать.

И монастырь мнѣ казался ссылкой, куда отправляютъ людей только за наказаніе.

Съ прїѣздомъ тетушки въ нашемъ домѣ воцарилось нѣчто въ родѣ обители. Естественно, что она нашла меня и недостаточно послушной, и недостаточно наученной закону Божию, а главное, болѣе схожей съ отцомъ, чѣмъ съ матерью—качество, равносильное, по ея понятіямъ, преступленію.

Полусонная, я должна была вставать къ заутрени, вставать при чтеніи утреннихъ и вечернихъ правилъ, зубрить псалмы наизусть, не понимая смысла, просиживать долгіе часы за работой въ комнатахъ матушки и слушать бесѣды старшихъ. Несмотря на любовь къ намъ матушки и на превосходство ея характера надъ отцомъ, жизнь ея была для меня менѣе понятной и симпатичной, чѣмъ даже жизнь моего отца. О чемъ молится мать? спрашивала я себя, останавливаясь у дверей и прислушиваясь къ ея голосу—она часто молилась громко. Не понимала я ея вѣчнаго недовольства окружающимъ, ея вражды къ мужу; помоему, и онъ былъ бѣденъ, и онъ былъ жалокъ. Не понимала я ея бесѣдъ съ монахами, ея бесѣдъ съ Пятикотовой о порчѣ и колдовствѣ, и проч. Какимъ-то холодомъ вѣяло на меня отъ всего этого.

Побесѣдовавши недѣлю съ тетушкой, мать совсѣмъ вознамѣрилась оставить міръ и поселиться въ монастырь до окончанія образованія сына, если только отыщется арендаторъ на имѣніе.

— И поѣзжай, и поѣзжай, матушка! уговаривала ее тетушка: — вѣнь этого антихриста, эту суету! чего тебѣ душу свою съ нимъ губить... И Ульяшу берн съ собой, отъ грѣха подальше. Въ монастырь въ пѣвчіе ходить будетъ, золотомъ вышивать, себѣ еще на платьѣ заработаетъ.

— Поѣду, сестрица, поѣду, отвѣчала мать:—если Богъ поможетъ устроить дѣла по хозяйству, и Ульяшу возьму съ собой.

Мечтать о другомъ, высшемъ дворянскомъ образованіи, было невозможно. Средства едва хватило воспитывать брата. Я это понимала....

Отецъ продолжалъ жить попрежнему: трунилъ надъ тетушкой при каждомъ съ ней столкновеніи, и прискивалъ постоянно новыя средства доставать деньги. Бдительность матери росла съ каждымъ днемъ, выручка за корбочки и мышеловки была незначительна, надобно было прискаты другія, болѣе значительныя средства...

Мать, собираясь въ монастырь, казалось, совершенно забыла о средствахъ его будущаго существованія.

— Какъ бы это у нея ключи утащить? сказалъ онъ, обра-

щаясь ко мнѣ, когда матушки не было дома.—Ты не знаешь, гдѣ она ихъ кладеть?

— Она ихъ носить всегда при себѣ въ карманѣ.

— Ты мнѣ скажи, когда она заснетъ послѣ обѣда.

И онъ началъ караулить сонъ матери, когда она ложилась спать послѣ обѣда. Отправляясь потихоньку въ ея комнату, онъ садился на сундукъ, и долго прислушивался къ ея дыханію, ожидая, пока она совсѣмъ заснетъ, и ему можно будетъ вытащить у нея ключи изъ кармана. Мать спала очень чутко и просыпалась при первомъ движеніи отца. Разъ, однакожь, убѣдившись, что она совсѣмъ заснула, онъ попытался сунуть руку въ ея карманъ. Мать тотчасъ проснулась, и схватила его за руку.

— Какъ, мошенникъ, ты еще смѣешь въ карманъ мой лезть, закричала она грозно.—Люди! выведите его отсюда!

Отецъ, когда не былъ пьянъ, не рѣшался вступать въ открытую борьбу. Трусливо съжившись, онъ побѣжалъ къ дверямъ, но черезъ минуту опять вернулся и сѣлъ на сундукъ.

— Барвара Николавна, началъ онъ:— дай мнѣ хоть одинъ рубль взаймы, я тебѣ отдамъ, клянусь Богомъ отдамъ, какъ только должность получу...

Мать ничего не отвѣчала.

— Сжался надо мною, продолжалъ онъ:— я нездоровъ; вотъ тутъ у меня такъ сосеть, онъ указалъ подъ ложку:—и не приведи Богъ, какъ сосеть!

— По дѣламъ вору и мука! промормотала сквозь зубы мать.

— Грѣхъ тебѣ, дай мнѣ, хоть гривенничекъ взаймы, за водкой послать, сдѣлай одолженіе! Ради Бога!..

— Убирайся ты отъ меня! Убирайся! отвѣчала мать.—Доставь самъ, гдѣ хочешь, я тебя и кормить не буду, не только деньги на водку давать!

Отецъ вышелъ; но на другой день, улучивъ минутку, когда матушки не было дома, онъ пришелъ въ ея спальню, заперъ на крючокъ двери, вынулъ изъ кармана гвоздь и началъ отворять ящики комода. Этотъ способъ отпирания замковъ давно былъ извѣстенъ матери, а потому изъ комода было вынуто все, что было цоцѣннѣе, и въ немъ хранилась ненужная ружьядь, которая, вѣсѣ таки, запиралась матушкой для порядка подъ замокъ. Отецъ очень хорошо зналъ содержимое комода, но тѣмъ не менѣе началъ ревизію перваго ящика.

— Вотъ чортъ-то! Вотъ скряга-то! бормоталъ онъ, роясь между пустыми банками помады, свертками сахарной бумаги, нитками, разбитыми склянками, канвовыми узорами и прочей

дранью, и отыскивая чего-нибудь годнаго къ употребленію, но не найдя ничего, задвинулъ опять ящикъ, подошелъ къ кованному ларцу съ потаенными двумя замками, рассмотрѣлъ его крышку и петли, поковырялъ съ боковъ гвоздемъ, постучалъ молоткомъ, но замѣтивши, что ларецъ не поддавался усиліямъ, полѣзъ на верхъ гардероба, гдѣ хранились старомодные головные уборы матери, отыскалъ какую-то допотопную круглую соломенную шляпу, съ огромными полями, надѣлъ ее на голову и быстро осмотрѣлъ всю комнату.

Кусокъ термаламы, оставшійся отъ матушкиной кофты и приготовленный ею для эпитрахила, лежалъ забытый на окнѣ; отецъ схватилъ термаламу, и дѣлая мнѣ знакъ, чтобы я молчала, потихоньку вышелъ изъ комнаты. Я хотѣла уйти тоже. Въ эту минуту, въ комнату вошла матушка, воротившаяся съ поля.

— Ты куда? спросила она меня, вѣроятно, догадываясь о случившемся.

— Я возьму книгу, мама.

— Не смѣй нигуда ходить: возьми сейчасъ чулокъ и вяжи. Я повиновалась. Мать внимательно осмотрѣла предметы, находившіеся въ комнатѣ.

— Ты не видала, Александръ Петровичъ ничего не бралъ сейчасъ отсюда? спросила она меня.

Откровенное признаніе могло бы навлечь двойную бѣду: во-первыхъ, мать сердилась бы, зачѣмъ я тотчасъ же не сказала ей объ этомъ и позволила отцу взять, въ моихъ глазахъ, термаламу; во-вторыхъ, отецъ, услышавши о моемъ донесеніи, мстилъ бы мнѣ цѣлыхъ двѣ недѣли... Притомъ, я всегда жалѣла его, и не рѣшилась бы сдѣлать на него доноса...

— Не видала, отвѣчала я, ниже наклоняясь къ чулку и стараясь поднять петлю.

Въ комнату вошла, между тѣмъ, тетушка, зѣвая и крестя ротъ. Марія, послушница, несла за ней скамейку.

— Вы не видали, сестрица, Александръ Петровичъ ничего не понесъ сейчасъ отсюда?

— И, мать моя, стану я за нимъ, окаяннымъ, присматривать! Какое мнѣ до него дѣло, отвѣчала тетушка, опускаясь въ кресло.

Марія поставила ей подъ ноги скамейку и, повлонившись, вышла.

— А что, друже, скоро у тебя самоварчикъ-то готовъ будетъ?

— Скоро, сестрица; я думаю, Палашка уже поставила.

Цѣлый вечеръ затѣмъ матушка казалась озабоченной и болѣе молчала. Тетушка все спрашивала объ умолотѣ пшеницы и гречихи, объ урожаѣ огурцовъ и картофеля, о томъ, сколько

кувшинновъ молока даютъ коровы и проч., и уговаривала всего побольше захватить съ собой въ монастырь. Пятикотова, пришедшая изъ сада къ чаю, донесла, что Дашка совсѣмъ не смотритъ за птицей и что бѣлаго короля тотчасъ задушила рябая жучка. Матушка велѣла позвать Дашку, сдѣлала ей приличную нотацию и приказала бѣлаго короля принести живымъ изъ зубовъ жучки, какъ она себѣ хочетъ.

Послѣ ужина начались, по обыкновенію, молитвословіе и чтеніе правилъ.

— «Не даждь, Господи, лукавому демону обладати мною насильствомъ смертнаго сего тѣлесе», вопіяла тетушка за перегородкой еще долго за полночь, отходя ко сну. — «Угаси разжигеніе возстанія тѣлеснаго...» Гдѣ ты хвостъ-то отдѣлала, блудница? обращалась она въ то же время къ послушницѣ: — черти тебя въ болото таскали, — да еще и подрясникъ новый надѣла. «Но даждь, Господи, и мнѣ, недостойной рабѣ твоей, спасеніе на ложѣ семь...» Повѣсь чулки-то передъ печкой, нечестивая, да становись на поклоны... «Просвѣти умъ мой свѣтомъ Евангелія твоего, душу любовью креста твоего, сердце чистотою словесе Твоего, тѣло страстью безстрастною»... И наконецъ, успокоенная совершенно въ своемъ спасеніи и безопасности, улеглась въ постель съ наслажденіемъ человѣка, исполнившаго трудную и великую обязанность.

Марія, исполняя эпитемію, еще часъ послѣ того колотила когѣнями и лбомъ объ полъ и, наконецъ, смокла...

Между тѣмъ, взявши термаламу, отецъ цѣлый вечеръ не являлся; но это было только предисловіемъ къ той драматической сценѣ, которую онъ готовилъ матушкѣ. Мать всѣ эти дни продолжала продавать ненужныя, по ея мнѣнію, вещи, собирала деньги и укладывалась. Отецъ не могъ равнодушно видѣть этого, постоянно находился въ какомъ-то нервномъ раздраженіи, и приготавлился къ открытой борьбѣ.

Поздно ночью, когда уже всѣ улеглись, послышался вдругъ стукъ отворяющихся и затворяющихся дверей.

— Отвори! кричалъ отецъ, барабана кулакомъ въ дверь спальни: — отвори, колдунья! вѣдьма! я тебѣ коту чернаго и метлу принесъ.

Это уже показывало, что онъ поставилъ себя въ самое рѣшительное расположеніе духа.

— Мяу! мяу! кукурику!.. кричалъ онъ, подражая счастливому коту, который мертвецкимъ сномъ спалъ въ кабинетѣ. — Это она, должно быть, въ трубу улетѣла на шабашъ съ вѣдьмами, рѣшилъ отецъ: — надо подождать.

Слышно, какъ онъ удаляется отъ двери. Черезъ минуту опять ударъ обухомъ въ дверь. Крючекъ отскакиваетъ, и отецъ, переодѣтый въ какое-то тряпье, въ той же матушкиной соломенной шляпѣ, является въ комнату.

Подобныя ночныя явленія были не новость; мы молчимъ, притаивъ дыханіе.

— Какъ все молчить въ полночной глубинѣ! начинается онъ, останавливаясь посреди комнаты. — Окрестности какъ будто притаились!.. Нѣтъ шороха... Это дочь моя! Она спитъ? Спи, мой ангелъ! Райскія сновидѣнія да легбють сны твои!..

Подходить къ моей постели и крестить.

— Боже, Боже! Какъ она чиста! какъ непорочна!

Становится на колѣни и плачетъ.

— Да, да, она дочь моя.... моя дочь... прости мнѣ, Боже!.. и духъ мой... А это кто тамъ? Кто тамъ еще? Это, кажется, вѣдьма или самъ чортъ. Онъ и есть!

Складываетъ три пальца и крадется на колѣняхъ къ постели матери.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Не выходишь! Скажи мнѣ, сатана, кто звалъ тебя въ обитель ангеловъ? Изуди, сатана, изуди! Именемъ Бога повелѣваю тебѣ, изуди! Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!

Схватываетъ за ноги мать. Матушка вскакиваетъ съ постели.

— Извергъ! мучитель мой! Долго ли ты меня будешь мучить? Палашка, Дуняшка, Матренка! выведите его отсюда!

— А, такъ это ты, вѣдьма! А я думала, что ты на шабашъ въ трубу улетѣла. Такъ ты думала отъ меня прятаться, денегъ не давать мнѣ, — нѣтъ, я ужъ больше терпѣть не буду. Проваливай сейчасъ въ трубу, вѣдьма! Не то я тебя убью...

Палашка, Дуняшка, Матренка, съ заспанными лицами, съ растрепанными косами, въ однѣхъ рубашкахъ, являются въ комнату, на призывъ барыни, и остаются безмолвными зрительницами господской борьбы у дверей, не смѣя пристать ни къ одной изъ враждующихъ сторонъ.

— Папа! папа! кричу я, вскакивая съ постели и бросаясь между отцомъ и матерью: — оставь мать, оставь, ради Бога! Иди въ свой кабинетъ... иди!..

Но мои вопли и усилія остаются напрасны. Спорящіеся родители рѣдко замѣчаютъ присутствіе дѣтей.

— Подай ключи, вѣдьма! ключи подай! кричитъ отецъ, сляся отнять ключи у матери.

Мать крѣпко держитъ ключи, стараясь защититься и вытолкать его за дверь.

Отецъ хватаетъ ее за обѣ руки и толкаетъ въ другой уголь комнаты; голова ея приходится обѣ уголь печи; ключи вылетѣли изъ рукъ и, звякнувши, ударились обѣ полъ; отецъ схватываетъ ключи и бѣжитъ за дверь. Опомнившись, мать бросается къ нему, но уже поздно! Отецъ успѣваетъ уйти, мать съ отчаяніемъ ломаетъ себѣ руки и падаетъ на постель...

Часто плакала мать, не первая та была сцена, — казалось, должно было уже привыкнуть къ ея слезамъ. Но слезы матери, со всею свѣжестью новизны, всегда падали на мое сердце. Я не умѣла различать причинъ этихъ слезъ; я видѣла передъ собой только страданіе и сочувствовала ему глубоко и искренно. Припавши къ ногамъ матери, я обливала ихъ слезами, умоляя успокоиться; но мать, занятая своимъ горемъ, казалось, не видѣла моихъ слезъ и не замѣчала.

— Полно, матушка! Христось съ тобою! Какъ тебѣ не стыдно, что ты такъ тревожишься! говорила тетушка, вышедшая изъ своей комнаты, когда уже ушелъ отецъ. — Гдѣ твоя вѣра? гдѣ твой Богъ? что ты такъ тревожишься? Завтра же въ монастырь поѣдемъ... Плюнь на него, окаяннаго, пускай его бѣситя! на свою же голову бѣситя! Господи батюшка! и зачѣмъ же это я пріѣхала на этотъ содомъ — завтра же чѣмъ свѣтъ въ монастырь одна поплетусь, коли жива буду!

На другой день хватились термаламы...

— Это все она! это Уляша передала ее отцу! говорила тетушка: — она съ нимъ заодно, съ антихристомъ.

Матушка холодно протянула мнѣ руку.

— Мамеыка, я не виновата, я не передавала отцу термаламы, онъ самъ взялъ ее.

— Ты никогда ни въ чемъ не виновата! А куда юбка моя бумазейная дѣлась? косынка фланелевая? ботинки замшевыя на мѣху? подкладка отъ салопы? платокъ тюлевый? Все это ты раздала! По тебѣ хоть послѣднюю рубашку кто утащи у твоей матери — и тогда ты не скажешь. Какое ты мнѣ утѣшеніе, я въ гробъ скоро отъ вась пойду.

— Что тутъ добраго ожидать, мать моя! подхватила тетушка. — Вся въ него. Заповѣдей не знаетъ, Богу молиться дѣвится, — все съ нимъ, съ язычникомъ.

IV.

Мать продолжала сокрушаться о пропажѣ ключей и о разлугѣ съ сыномъ и, какъ это всегда бывало, о всѣхъ своихъ настоящихъ и прошлыхъ неудачахъ. Безкровное лицо ея осунулось и

поблѣднѣло пуще прежняго. Грудь впала, кашель сдѣлался чаще. Она почти не оставляла своей комнаты, боясь за остальные вещи, хранимыя въ сундукахъ, и на ночь вѣла сторожа у своей двери. Арендаторъ на имѣніе общалъ явиться, но не являлся. И матерью овладѣла какаѣ-то нервная тоска: она не спала по цѣлымъ ночамъ, часто впадала въ забытѣе, отдавала не тѣ приказанія, какія слѣдовало, бредила наяву. Но не въ характерѣ матери было останавливаться на своихъ чувствахъ, анализировать себя, заниматься собою... Завтра она уѣзжаетъ въ монастырь, сегодня у нея маленькая лихорадка, но завтра она будетъ здорова. Между тѣмъ, приходило это завтра—и она не поправлялась, и становилась все слабѣе.

Тетушка хоть и собиралась на другой же день ѣхать въ монастырь, но мать постоянно удерживала ее новыми обѣщаніями пожертвовать что нибудь на монастырь, и она оставалась.

Наконецъ, къ общему удовольствію, явился арендаторъ и скоро все было готово къ отъѣзду. Но наканунѣ матери вздумалось еще посмотрѣть вспаханную подъ хлѣбъ землю, и пробывши въ полѣ часа два подъ проливнымъ дождемъ, промовши до костей, она воротилась домой, слегла въ постель и провела въ бреду и въ безпамятствѣ цѣлую ночь и не приходила больше въ себя. Тянулись безконечные дни...

Тетушка все хлопотала объ отъѣздѣ, все сердилась, подозрѣвая во всемъ навожденіе и лукавство злаго духа, ругала Марію, безпрестанно молилась и вздыхала, но все-таки ждала выздоровленія или смерти матушки.

Отецъ, доставши деньги изъ сундука, закутилъ вмѣстѣ съ Пятикотовымъ, котораго считалъ не болѣе, какъ свиньей.

Въ одну ночь, дней черезъ девять послѣ случившагося, я долго молилась у постели матери, и потомъ долго не могла заснуть, прислушиваясь къ ея бреду и тяжелому дыханію... Мать металась на постели и, казалось, сильно страдала.

— Богъ не допуститъ до этого! шептала она едва слышно.— Богъ справедливъ! Уля! послышалось въ ушахъ моихъ.

Я встала съ постели... Уже который день я по цѣлымъ часамъ не отходила отъ ея постели, все ожидая, что она опомнится, придетъ въ себя, но ожиданія мои были напрасны.

— Мама моя, мамочка! говорила я, тихо опускаясь на колѣни передъ ея постелью и прижимаясь головой къ ея рукъ: — успокойся, приди въ себя хоть на минуточку! приди, ради Бога!

— Кто тутъ? закричала мать, раскрывая испуганные глаза и вырывая судорожно руку изъ-подъ моей щеки.

— Я тутъ, мама. Я, Уля...

— А ты слышала, какъ сейчасъ распахнулись двери и кто-то здѣсь стучалъ по полу?

— Я ничего не слышала, мама! тутъ никого нѣтъ, это тебѣ такъ показалось. Успокойся, приходи въ себя, мама!..

— А вотъ, посмотри! посмотри! Сейчасъ опять распахнутся двери и придутъ сюда... судить... но Богъ справедливъ— Онъ знаетъ, кто изъ насъ правъ, кто виноватъ. Онъ не допуститъ до этого.

— Позволь, мама, я разбужу Палашу.

— Нѣтъ, не ходи отъ меня, не ходи, мнѣ такъ лучше... Молилась ты Богу сегодня?..

— Я молилась, мама; ты будешь жива и здорова!

— А развѣ я очень слаба?

— Да, мама, я думаю, что ты слаба...

— А подыми меня, я попробую встать.

Мать сдѣлала усиліе, чтобы подняться, и опять упала на постель.

— Если я умру, начала она снова:— съ гѣмъ ты останешься? Молись Богу и обѣщай мнѣ сбересть, что я тебѣ оставлю. Возьми воды и брызни мнѣ въ лицо! вотъ такъ, теперь лучше. А сестра гдѣ?

— Она у заутрени, мама, и вѣрно скоро вернется.

— А злодѣй мой гдѣ?

— Не знаю, мама, я его не видала.

Между тѣмъ, разсвѣло; яркій солнечный лучъ, пробившись сквозь бѣлую занавѣску окна, свѣтлой полосой заигралъ на постели у ногъ матери. Тетушка вернулась изъ церкви.

— Ну, вотъ, друже, начала она: — ты теперь въ памяти, — слава тебѣ, Господи! А меня сподобилъ Господь заутреньку и обѣденьку отстоять, помолиться объ окаянной душѣ своей. Говорила и о тебѣ отцу Парамону, чтобы приобщить тебя приѣхалъ и пособоровать масломъ.

— Благодарю васъ, сестрица; Богъ дастъ, еще успѣю. Я бы желала рассказать вамъ, что гдѣ находится, чтобы во время моей болѣзни не растащили всего... И на монастырь кое-что пожертвую.

— Что жъ, друже, это ты хорошее дѣло задумала. Вотъ отецъ Парамонъ приѣдетъ, приобщить тебя, пособоруетъ, а тамъ и духовную сдѣлаетъ.

При словѣ «духовная», лицо матушки снова сдѣлалось тревожнымъ и покрылось тою же мертвенною блѣдностью, какъ и за минуту передъ этимъ.

— Вы хотите хоронить меня, сестрица?

— Кто, мать моя, тебя хоронить! Живи себя, сколько Богу будетъ угодно! Не худо, однако, и заранѣе о душѣ своей позаботиться.

Мать молчала.

— Улинька, обратилась она ко мнѣ снова:—вѣнь шкатулочку подъ пуховикомъ, у моего изголовья, — влючь здѣсь, на моей шеѣ. Отопри! Вотъ, сестрица, это фероньеръ и брильянтова серьги нашей покойной матушки, я берегла ихъ Улинькѣ въ приданое, желала бы, чтобъ вы сберегли ихъ во время моей болѣзни...

— Вижу, друже, вижу. Что жъ, вещички хорошенькія, — на храмъ Божій хочешь пожертвовать? отвѣчала тетушка, принимая вещи и не обращая вниманія на послѣднія слова матушки.

— Это Улинькѣ въ приданое, тихо повторила мать:—желала бы, чтобъ сбережено было во время моей болѣзни.

— Что жъ, матушка, въ этомъ ты можешь быть увѣрена, что все будетъ дѣло. Только ты о мірскомъ печешься! что приданое? Господь и безъ приданого хорошаго женишка пошлетъ ей. памятуя твое милосердіе и попеченіе о храмѣ Его святомъ...

— Не могу, сестрица, продолжала попрежнему матушка, едва переводя дыханіе: — Улинькѣ и такъ ничего не останется.

— Господь останется! Царь небесный останется! Владыко Вседержитель, возопила тетушка.

— Не могу, повторила мать.

— Ну, если всего не можешь, такъ хоть фероньерчикъ и то хорошо. А не то хоть и сережки, если фероньерчика тебѣ ужъ такъ жаль, что и Богу его не хочешь жертвовать, такъ хоть сережки — и то хорошо будетъ...

Но матушка продолжала молчать.

— Спаситель ты мой! Батюшка! Иисусе Христе! Помилуй ты души наши грѣшныя! обаянныя! — и спаси насъ!...

Тетушка всегда такъ дѣлала, когда хотѣла увлечь когонибудь представленіемъ своей высокой преданности Богу.

— Право, друже, это ты бы хорошее дѣло сдѣлала!...

Но мать повернула голову къ стѣнѣ и попрежнему продолжала молчать.

— Хоть бы ты, матушка, на монастырь-то что нибудь пожертвовала! обратилась тетка къ Палашѣ, печально стоявшей у дверей со сложенными на животѣ руками.

— Что жъ пожертвовать-то, матушка! рада бы всей душечкой, да ничего нѣтути...

— Что можешь, матушка! Ты слышала, какъ въ церкви въ евангеліи читають о Господѣ, пріившемъ лепту вдовицы...

— Слышала, матушка, да ничего нѣтути, только и есть что на мнѣ, и то господское.

— Вошечку на свѣчку, обносочки какія нибудь, башмаченки старенькіе. У насъ въ монастырѣ мать Евдокія просфирница воды на просфиры таскаетъ, башмаковъ нѣтъ, пятки-то рас-трескались, такъ кровь-то изъ пятокъ и сверлить.

Палаша только печально качала въ отвѣтъ головой и вздыхала.

— Что жь, матушка, ты молчишь? обратилась тетушка снова къ матушкѣ. — Господь насильной жертвы не требуетъ. Еще подумаешь, можетъ быть, что нибудь и другое пожертвуешь. Какія же другія будутъ твои распоряженія?

Но ни жертвъ, ни распоряженій другихъ не послѣдовало. Тетушка заперла шкатулку и хотѣла встать и идти къ себѣ, утѣшаясь надеждой, что Господь и въ сновидѣніи открываетъ премудрость свою.

Я обратилась къ матушкѣ, дыханія ея уже не было слышно, сердце не билось, руки были холодны...

— Умерла! произнесла я со страхомъ, и съ отчаяніемъ бросилась на шею Палашѣ.

— Умерла! умерла! Быть не можетъ, это она спитъ. Варинька! Варинька, проснись, друже! Проснись! Подумай о душечкѣ своей! Соединись со Христомъ — и тогда уже съ міромъ отыди, говорила тетушка, стараясь разбудить мать. — За попомъ скорѣе! За попомъ! Господи, до чего я дожила, грѣшница окаянная, что Господь сестру мою единокровную допустилъ умереть безъ покаянія и причащенія... Да чѣмъ же это я Его прогнѣвила? Я ли къ послушанію или къ молитвѣ не радѣла? За что же это онъ меня покаралъ! Марія! Рясу мнѣ скорѣе, евангеліе подай!...

— Изыдите, оглашенные, обратилась она къ намъ, явившись въ полномъ облаченіи съ евангеліемъ, у изголовья матушки; Марія съ зажженною свѣчею стала впереди.

— «Видя вдовицу зеле плачущу — и тогда убо умилосердися надъ нею, Владыко — и сына ея на погребеніе несомого воскресилъ еси!» начала она съ сильнымъ душевнымъ движеніемъ.

Дворовые и крестьянскіе, сбѣжавшіеся посмотрѣть на покойницу, увидя распинанія тетушки, отступали назадъ и клали широкіе кресты и земные поклоны...

Пріѣхалъ отецъ Парамонъ. Блѣдная, вся въ поту, тетушка встала съ колѣнъ, и низко поклонилась священнику.

— Опоздали, батюшка, начала она съ какимъ-то сконфуженно-умиленнымъ видомъ. — Ангель Господень уже пріобщилъ нашу отходящую. Теперь душечка ея на томъ свѣтѣ со святыми ли-

куеть... Благословите покойницу, батюшка, пускай тѣло ея приготоовать къ погребенію.

Отець Парамонъ благословилъ покойницу и прочелъ надъ нею отходную молитву.

«Боже! Боже!» думала я съ ужасомъ, притаившись въ углу и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за движеніями тетушки: «что если душа маменьки въ самомъ дѣлѣ отправится въ адъ! Вѣдь она тоже была иногда неправа передъ Богомъ и считала себя грѣшницей. Какъ страшенъ адъ! Я видѣла въ монастырѣ картину страшнаго суда, гдѣ изображаются мученія грѣшниковъ. Неужели и матушка будетъ такъ мучиться? Господи, помилуй и спаси ее!...»

— Гдѣ же дочка-то? спросилъ отецъ Парамонъ, и замѣтивъ меня дрожавшую въ углу, подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку, и, нѣжно погладивъ и поцаловавъ меня въ голову, просилъ не печалиться и уповать на милосердіе Бога.

Мать, между тѣмъ, обмыли и положили на столъ. Домъ наполнился любопытными, пошли толки и разговоры. Отець вошелъ въ это время въ комнату, и началъ шарить подъ пуховникомъ, но, ничего не найдя, ушелъ къ тетушкѣ.

— Что ты пристаешь ко мнѣ, антихристъ этакой! Какія я вещи у тебя украла? кричала она на него: — что мнѣ твой судъ! Плевать мнѣ на твой судъ! У меня есть судъ Божій, а не твой! Не соблазняй, сатана! отыди!...

При яркихъ лучахъ утренняго солнца, блѣдно затеплились восковыя свѣчи, въ комнатахъ запахло ладаномъ, началось однообразное, безжизненное чтеніе псалтыря.

О, еслибы можно было убѣжать куда-нибудь отъ этой смерти, отъ этихъ впечатлѣній!

Два слѣдующіе за этимъ дня, отецъ важно осматривалъ всѣ стѣны и углы комнатъ, заглянулъ снова во всѣ ящики комодовъ, выкинулъ оттуда оставшуюся рухлядь и отдалъ ее Палашѣ въ награду за ея 25-ти-лѣтнюю службу барынѣ, надѣлъ матушкино старое сѣрое пальто, подвязался ея шарфомъ, взялъ въ руки ея палку и отправился на токъ къ мужикамъ, съ приказаніемъ везти намолоченный ими хлѣбъ на базаръ. Мужики сначала-было не послушались *драного*, какъ они называли отца, но увидѣвши въ рукѣ его палку, признали господскую власть въ ея временномъ представителѣ и повезли хлѣбъ на базаръ. Явились и кредиторы, какимъ-то чутьемъ узнавшіе о случившемся, и начали показывать векселя, требовать отъ тетушки уплаты процентовъ, на что тетушка только отпѣкивалась и отплеывалась. Почитая себя душеприкащицей матушки и

стараясь о сбереженіи движимаго, она цѣлый день ходила вездѣ, и что только можно было взять, уложить и спрятать, она брала и прятала. Другихъ близкихъ родныхъ у меня не было — дядя умеръ раньше матушки; я еще не знала, должна ли буду ѣхать съ тетушкой въ монастырь, или оставаться дома съ отцомъ. На третій день, какъ обыкновенно, послѣдовало погребеніе. Въ числѣ знакомыхъ, пришедшихъ помянуть покойницу пирогами, кутьею, вздохами и сокрушеніями, пришелъ и отецъ Іакинфъ, сѣдобородный монахъ изъ ближайшаго монастыря, большой охотникъ странствовать и два раза сходявшій на Афонъ.

— Вотъ, батюшка, сирота на моихъ рукахъ послѣ покойницы осталась, въ монастырь съ собой везу! начала тетушка съ сокрушеніемъ сердечнымъ, обращаясь къ отцу Іакинфу. — Испытаніе Господь послалъ на старости лѣтъ. Не оставьте вы ея своими пастырскими наставленіями. Грѣху поклоняется, батюшка, къ молитвѣ и послушанію не радѣеть.

Отецъ Іакинфъ бросилъ на меня искоса бѣглый взглядъ.

— А развѣ она не знаетъ, что Господь уготовалъ грѣшникамъ? обратился онъ къ тетушкѣ.

— Знаетъ, батюшка, какъ не знать! не можетъ оправдаться невѣдніемъ, не басурманка жъ она какая-нибудь. Всѣ дѣды и прадеды ея христіане благочестивые были. Дѣдъ ея покойный, родитель нашъ, царствіе ему небесное, своими трудами церковь Рождества Пресвятой Богородицы въ семь селѣ соорудилъ. Покойница прабабушка ея, старица благочестивая, сорокъ лѣтъ въ монастырѣ спасалась, схимницей праведной 80-ти лѣтъ умереть Господь сподобилъ. Такъ въ кого же ей-то быть язычницей? Знать, поущеніе Божіе за грѣхи родителей. Матушку ея покойницу замужъ лукавый понесъ.

— А священное писаніе любить читать? спросилъ опять монахъ, бросая на меня тотъ же взглядъ. — Заповѣди знаетъ? Богу молится?

— Какое, батюшка, любить? Бывало, мать и не усадить ее читать.

— Кто не любитъ читать священное писаніе, продолжалъ отецъ Іакинфъ, печально вздыхая: — и знаніе слова Божія не предпочитаетъ свѣтскому, тотъ грѣшитъ!

При этомъ онъ полѣзъ въ карманъ, и между ладонками, четками, сердечками и другими святостями, отыскалъ книжку.

— Возри на сіе зеркало человѣческа сердца, преданнаго грѣху!

Я взяла книжку: въ ней дѣйствительно изображалось сердце, точно такимъ, какимъ изображаютъ его пламенѣющимъ на

жертвенникъ любви, пронзеннымъ стрѣлою купидона, только вмѣсто стрѣлы здѣсь помѣщался *дьяволъ*, въ образѣ человѣка съ бычачьими рогами и львинымъ хвостомъ, окруженный полдюжиною символическихъ животныхъ.

— Сей человѣкъ видитъ однимъ только глазомъ, продолжалъ объяснять отецъ Іакинфъ, указывая на изображеніе головы человѣка надъ сердцемъ: — другой у него закрытъ. Духъ Божій оставилъ сердце его, и въ немъ поселился сатана съ своимъ полчищемъ, представленнымъ въ видѣ сихъ животныхъ. Змій, черезъ котораго дьяволъ соблазнилъ нашихъ прародителей, есть вѣрное изображеніе зависти. Жаба, питающаяся землею, изображаетъ скупость, побуждающую людей ненасытно жадать земныхъ сокровищъ. Козель, животное похотливое и зловонное, есть символъ плотскаго растлѣнія и всякой нечистоты!

Колоколь ударилъ къ вечерни, и его звучная волна разнеслась по лѣсу и достигла оконъ нашего дома. Монахъ прекратилъ объясненіе, всталъ съ мѣста, и снявши влобукъ, трижды перекрестился на востокъ; тетушка послѣдовала его примѣру. Помолвившись, они поклонились другъ другу въ поясъ и сѣли опять.

Марія явилась доложить, что самоваръ готовъ.

— Не желаете ли, батюшка, чайку на дорожку испить?

— Очень хорошо, матушка!

— Съ ромкомъ или со сливочками предпочитаете?

— Все равно, матушка, хоть и съ ромкомъ. Молись, дщерь моя, молись! обратился снова ко мнѣ отецъ Іакинфъ, уходя: — да пошлетъ тебѣ Господь духа смиренія и послушанія и обратитъ тебя на путь спасенія. Читай сію книгу для своего назиданія.

— Истинно, истинно, батюшка, одна надежда на Господа.

Я переглядѣла книгу отца Іакинфа до конца.

«Да», подумала я: «печально состояніе сердца человѣческаго, преданнаго грѣху! Нѣтъ, я съ нею не поѣду, пусть она ѣдетъ одна». И долго стоя у окна и разсѣянно глядя на росшую подъ окномъ крапиву, я раздумывала о словахъ отца Іакинфа.

V.

На другой день, чѣмъ свѣтъ, когда я еще спала, въ комнату мою воѣжала Марія и начала толкать меня подъ бока.

Я вскочила съ постели.

— Что такое, Марія? что тебѣ надо?

— Матушка благословила будить, въ монастырь ѣдутъ, сей-

часть приказали постель убирать. Она схватила подушку изъ-подъ моей головы и начала тащить мой тюфякъ.

— Пстой, Марія, погоди! говорила я, останавливая ее и отнимая подушку. — Я съ вами не поѣду, я остаюсь дома, поѣзжайте одни.

Но Марія не обращала никакого вниманія на мои слова.

— Матушка благословила взять постель, да и только.

— Марія! крикнула тетушка.

Марія отчаянно вырвала изъ рукъ моихъ подушку и бросилась за дверь.

Тетушка въ это утро была въ страшныхъ хлопотахъ: она ревизовала и укладывала свои вещи, собиралась уѣхать спозаранку, и потому торопливо отворила дверь въ мою комнату.

— Что это, мать моя, ты дрыхнешь до сихъ поръ? начала она. — Отчего ты Маріи постель не отдала? не видишь развѣ, что ѣхать пора?

— Тетенька! я съ вами не поѣду въ монастырь. Поѣзжайте вы одни... я не хочу быть монахиней, и если вы меня возьмете насильно, то я уйду...

— Что это ты рассказываешь, мать моя? я матери твоей слово дала пещись о сбереженіи вещей твоихъ.

— Ну, и берите вещи и берегите ихъ, а я съ вами не поѣду.

— Ну, такъ и антихристъ съ тобой, я насильно тебя брать не буду, и живи съ твоимъ отцомъ, какъ знаешь. Чтѣ я съ тобой дѣлать буду въ монастырѣ, когда вы такіе, что отъ васъ и Богъ-то отступился.

— Ну, и поѣзжайте! и живите съ своими сестрами.

Послышался стукъ колесъ, и тетушка поспѣшила скрыться за дверь.

— Ахъ, батенька, никакъ это онъ! никакъ это онъ! Марія, неси скорѣе! скорѣе вотъ это въ кибитку... Нѣтъ! постой, погоди, дай я пересчитаю яблови... Опять двухъ ябловъ нѣтъ! Это ты ихъ сожрала, окаянная?

Марія молчала, кланяясь въ поясъ.

— Отвѣчай, окаянная, это ты ихъ сожрала?

Марія опять только кланялась.

— Проклята ты отъ Бога, грабительница ты этакая. На, на, неси скорѣе! вотъ это! вотъ это! вотъ это! Марія, какъ навьюченный верблюдъ, отправлялась къ дверямъ.

Въ комнату вошелъ отецъ.

— Это вы безъ моей ревизіи улизнуть вздумали. Ишь мѣшечковъ-то, мѣшечковъ, плетушечекъ-бутылочекъ наставели —

мастерица хапать! началъ онъ, и обращаясь къ одному изъ мѣшковъ. — А вотъ посмотримъ, что тутъ въ мѣшкѣ такое. Изъ мѣшка полетѣлъ пухъ.

— Пухъ! скажите пожалуйста! На что же это вамъ пухъ въ монастырѣ понадобился? Вы дали Богу обѣщаніе въ гробѣ спать. Нѣтъ, пуха я вамъ не отдамъ, онъ мнѣ и самому нуженъ. Ну, а тутъ что такое въ бутылкѣ? наливка, славная наливка! подсахаренная. Ну, наливки я вамъ тоже не отдамъ. А что тутъ еще въ узлѣ завязано? Въ узлѣ оказались грязная подушка, одѣяло и псалтирь тѣтушки, приготовленные въ дорогу. — Ну, это вы можете съ собой въ монастырь везти.

Тѣтушка, казалось, не видѣла и не слышала того, что говорилъ и дѣлалъ отецъ; растопыривъ свою рясу и устремивъ на него неподвижные глаза, она стояла у стѣны, старалась скрыть и защитить собою одинъ изъ находящихся сзади ея мѣшковъ.

— Что это вы, почтеннѣйшая сестрица, такъ тутъ устались и рясу-то растопырили, что тутъ за владѣ подѣ вами?

— Не тронь, не тронь! закричала на него тѣтушка, схватывая обѣими руками мѣшокъ. — Это не твое добро, это мое, я сама его изъ монастыря привезла...

— Ну, добра-то вы изъ монастыря никакого не привезли, это я знаю; ваше добро не отъ міра сего, а тутъ мое добро. продолжалъ отецъ, отнявши мѣшокъ изъ рукъ тѣтушки и началъ выгружать его.

Изъ мѣшка посыпались фольга, обрѣзки коленкору, моточки цвѣтной шерсти, клубки небѣленыхъ нитокъ, шарики воску, чулки съ прорванными пятками, конецъ позумента отъ матернаго гроба, а на самомъ днѣ оказался черный атласъ.

— Атласъ! скажите, пожалуйста, началъ отецъ, разворачивая атласъ: — да тутъ и на халатъ станеть!

— Подай атласъ! Подай сюда атласъ, сатана! кричала тѣтушка, сляся вырвать изъ рукъ его атласъ: — это покойница Варенька мнѣ на рясу пожертвовала, я матери-игуменьи въ подарокъ его везу!

— Можете ѣхать и безъ подарка, почтенная сестрица. Довольно съ васъ и того, что взяли, изъ атласу же я и самъ себѣ рясу скрою, продолжалъ онъ, комкая развернутый атласъ въ охапку и уходя.

— Аспидъ, антихристъ, извергъ, грабитель окаанный! На томъ свѣтѣ у самаго сатаны на рогахъ тебѣ не будетъ мѣста, кричала тѣтушка, чуть не плача, и подбирая съ пола остальные вещи. — Господи, батюшка! да унеси ты меня отсюда, изъ этого ада, отъ этого сатаны!

Черезъ минуту кибитка, нагруженная сверху и до низу, выѣхала со двора. Марія сидѣла съ кучеромъ на облучкѣ. Голова и корпусъ тетушки были спрятаны въ кибиткѣ, а ноги ея высоко торчали надъ поклажей. Деревенскіе ребятишки и бабы, съ грудными младенцами на рукахъ, провожали отъѣзжавшихъ, подавая поминанія, мѣдные гроши и куски холстины.

— Съ Богомъ!...

VI.

— Ты хорошо сдѣлала, Уляша, обратился ко мнѣ отецъ: — что не поѣхала съ этими ханжами въ монастырь. Мы теперь съ тобою заживемъ! Слушайся только и люби меня.

Самый видъ отца, послѣ смерти матушки, пробуждалъ во мнѣ мучительныя чувства, не говоря уже о тѣхъ сценахъ, которыхъ я должна была быть свидѣтельницей. Поэтому, я старалась держаться дальше отъ дома, скрываясь въ избѣ Григорія, на гумнѣ, въ рощѣ, на мельницѣ у Тараса.

— И какъ-таки можно было не поѣхать съ тетенькой, и какъ-таки можно было остаться! говорила Палаша, нашедши меня на другой день въ половнѣ, куда я убѣжала отъ преслѣдованій отца. — Ну, что вы теперь будете дѣлать дома? Извѣстно, васъ баринъ теперь въ покоѣ не оставитъ. Мало ли маменька отъ нихъ терпѣла! Пожалуйте къ папенькѣ!

— Я скоро совсѣмъ уйду... совсѣмъ, Палаша!

— Что это вы рассказываете, сударыня! Ну, куда вы уйдете? Кто васъ, сироту, приметъ? Жили бы себѣ въ монастырѣ съ тетенькой, да Богу молились, чтобы Господь женишка хорошаго послалъ вамъ.

— Я ее не люблю, Палаша, я не хочу жить въ монастырѣ.

— Выросши, ужъ тамъ бы знали, какъ жить.

— А ученье, Палаша? Кто бы меня въ монастырѣ учить сталъ?

— Да на что вамъ учиться? Вы уже выучились: и у маменьки учились, и у папеньки, и у Якова Иваныча съ братцемъ учились. Небось, всѣ книжки, какія есть на свѣтѣ, перечитали.

— Это тебѣ такъ кажется, Палаша. Мнѣ еще много надо учиться.

Палаша постояла, потушила, поговорила еще минутку и ушла.

«Что теперь дѣлать?» думала я. «Ужъ не уйдти ли мнѣ странствовать съ богомольцами, какъ странствовала Ася? Но, какъ же это будетъ? Я должна буду жить съ простыми бабами, просить Христа-ради милостыни и не имѣть крова. Нѣтъ, этого нельзя!» Я встала съ соломы и подошла къ дверямъ.

Стоялъ октябрь. Сѣрья сплошныя массы тучь медленно неслись съ востока на западъ. Холодный вѣтеръ и сырость пронизывали насъ сквозь мои члены; изрытая, грязная дорога лежала впереди.

Тяжело рассказывать, что было потомъ; тяжело изображать картину нравственнаго паденія человѣка! Тяжело тѣмъ болѣе, если эти люди были намъ, почему-либо, близки, а потому пусть извинитъ меня читатель, если я пройду молчаніемъ нѣкоторыя подробности изъ жизни моей съ отцомъ послѣ смерти матушки, и не представляю ему, можетъ быть, полной картины моего труднаго дѣтства. Но, тѣмъ не менѣе, эти впечатлѣнія останутся неизгладимыми въ моей памяти.

«Одинъ Богъ развѣ можетъ только помочь мнѣ», размышляла я. «Богъ справедливъ и милостивъ, какъ говорятъ всѣ. Но зачѣмъ взялъ онъ жизнь у моей матери и оставилъ меня одну?»

Мало-по-малу мнѣ начало казаться, что никто не былъ правъ передъ Богомъ, что всѣ должны погибнуть, и что я и отецъ мой первые грѣшники, всѣхъ болѣе призывающіе гнѣвъ Божій на свою голову. И ночью мнѣ стоило только закрыть глаза, чтобы увидѣть во снѣ страшный судъ, смятеніе людей, Бога, угрожающаго прогнать въ адъ всѣхъ грѣшниковъ.

Измучившись подобными грезами впродолженіе ночи, я иногда отправлялась на солому, гдѣ спали дѣти Матрены.

— Ханжа, богомолка! говорилъ мнѣ отецъ, замѣчая измѣненіе въ расположеніи моего духа. — Это она къ Богу на небо улизнуть вздумала. Нѣтъ, я теперь въ адъ иду — въ аду жить веселѣе...

И онъ постоянно старался преслѣдовать меня словомъ и дѣломъ и воспалялъ мою фантазію.

Разъ вечеромъ я отправилась потихоньку въ комнату матушки, дверь въ залу была нѣсколько приотворена. Отецъ лежалъ на диванѣ, крестьянская дѣвушка Дуняша, лѣтъ четырнадцати, искала у него въ головѣ. Кривой дьячокъ Осипъ Иванычъ храпѣлъ подъ столомъ. На потолкѣ оставалось то же начатое изображение солнца въ лучахъ.

Стукъ отворившихся дверей вывелъ отца изъ сладостной дремоты; онъ дернулъ голову изъ рукъ Дуняши и велѣлъ ей вести меня къ себѣ въ комнату. Я вошла.

— Такъ ты вздумала отъ меня прятаться, нейти, когда папка зоветъ тебя? началъ отецъ, подымаясь съ дивана. — Ханжа! Подойди сюда!

Я не двигалась.

— Подойди, говорятъ тебѣ, приласкай папку!

— Что вамъ отъ меня нужно, зачѣмъ вы меня позвали?

— Какъ! ты смѣешь еще у меня спрашивать, зачѣмъ я позвалъ тебя? Ты знаешь, что я могу заставить тебя быть всегда со мною? Могу привязать тебя къ дивану на цѣлую ночь, и ты не смѣешь меня не слушаться, потому что я тебѣ отецъ. Посмотри, какъ я люблю Дуняшу. Дуняша! поцалуй барина! Видишь? Будешь любить панку? будешь слушать его?

— Не буду, отвѣчала я.

— Какъ! какъ! что ты тамъ бормочешь?

— Не буду, повторила я громко.

Отецъ поднялся съ дивана и уронивъ чубукъ, схватилъ меня за волосы и оттащилъ отъ дверей.

— Такъ ты еще недовольна моими ласками, моей любовью? ты только Рябова умѣла цаловать и думаешь драть носъ передо мною? Я тебѣ покажу, что значитъ разсердить отца, ты у меня издохнешь подъ розгами! Въ послѣдній разъ говорю, будешь любить панку, будешь слушаться его?

— Не буду! повторила я, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Отецъ поднялъ чубукъ. Дуняша схватила его за руку.

Я бросилась къ дверямъ, и пустилась бѣжать, безъ оглядки, не разбирая пней, кочегъ и окоповъ на дорогѣ...

Мысль о бѣгствѣ была единственною спасающею мыслью моею въ это время, и, не размышляя болѣе, я была уже далеко отъ дома, какъ вдругъ чей-то голосъ окликнулъ меня сзади.

— Барышня, барышня, куда ты такъ швидко бѣжишь?... Я оглянулась, и увидѣла крестьянина Григорія изъ села Воскресенскаго, ѣдущаго съ телѣгою въ городъ.

Я бросилась къ нему: — Григорій! голубчикъ! возьми меня съ собой, возьми!... мнѣ нужно въ городъ.

— Нешто ваши не могли лошадей тебѣ запретъ, что ты пѣшкомъ ушла?

— Меня никто не слушается, отвѣчала я: — а видѣться съ братомъ мнѣ нужно.

— Небось у тебя и ноги уморились? продолжалъ онъ допрашивать.

— Да, уморились.

— Ну, такъ садись въ телѣгу, поѣдемъ.

Я сѣла въ телѣгу; на другой день мы пріѣхали въ городъ.

VI.

Въ вартирѣ съ братомъ.

Губернскій городъ, гдѣ воспитывался братъ, былъ отъ нашего села всего верстахъ въ семидесяти. Крестьяне села Воскре-

сенскаго часто ѣздили туда съ разными хозяйственными продуктами. Я скоро отыскала Покровскую улицу, домъ мѣщанки Власовской, гдѣ квартировалъ братъ, и застала его въ ту самую минуту, когда онъ, стоя посреди комнаты съ вытянутой впередъ шеей, съ приличной важностью обозрѣвалъ своего не-пріятеля, высокаго гимназиста съ огромными кулаками. Я бросилась на шею къ удивленному брату. Сконфуженный гимназистъ отошелъ въ сторону.

— Ну, не ожидалъ я, что ты пріѣдешь, началъ Никола. — А Якова Иваныча нѣтъ ужъ въ городѣ, онъ уѣхалъ въ Пензу учителемъ.

Братъ былъ извѣщенъ о смерти матушки, я передала ему остальное...

— Что-жъ ты теперь думаешь дѣлать? спросилъ онъ меня.

— Я жить тамъ не хочу, Никола; ты знаешь, каковъ онъ.

— Отчего ты съ теткой въ монастырь не поѣхала, вѣдь она тебя брала же!...

— А ты думаешь, что съ теткой мнѣ было бы лучше жить въ монастырѣ....

— Бить бы, по крайней мѣрѣ, было бы некому...

— Я учиться хочу, Никола, жить съ тобой. Ты бы мнѣ показывалъ, какіе уроки будутъ задавать тебѣ въ гимназіи, и я бы училась вмѣстѣ съ тобой по твоимъ книгамъ...

— Жить намъ вмѣстѣ нельзя, Уля! меня и самаго скоро прогонять съ квартиры, если опекунъ денегъ не вышлетъ къ Рождеству. Да развѣ дѣвчкѣ тому нужно учиться, чему учатся мальчики въ гимназіи? Ты пофранцузски должна учиться говорить, на фортопіано играть, танцовать, а безъ этого ты хоть всѣ книжки мои вызубри, все-таки будешь считаться необразованной....

— Такъ какъ же быть-то, голубчикъ ты мой, Коля? Нельзя ли какъ нибудь въ пансіонъ поступить?...

— Въ пансіонъ безъ денегъ не примуть; тамъ побольше еще платить надо, чѣмъ въ гимназію.

— А Лиза Пятикротова на какой счетъ учится? вѣдь она тоже бѣдная....

— За нее просилъ кто-то, и она должна будетъ потомъ два года отработать своей мадамъ....

— Я тоже могу отработать! схватила я за эту мысль.—Ну, а если я сама пойду къ М-ше Лапре и расскажу ей все и буду просить ее, чтобъ она меня приняла....

— Она тебя прогонитъ.

— Отчего прогонитъ? Вѣдь Лизу же Пятикротову не прогнала...

— А тебя прогнать.

— Отчего же прогнать, когда я все расскажу ей: какъ мнѣ тяжело, какъ я хочу учиться, какъ мнѣ ничего не оставалось болѣе, какъ уйти изъ дому и просить ее, чтобъ она меня приняла!... Когда я скажу ей, что буду любить ее больше всего на свѣтѣ....

— Прогнать все-таки.

— Ты не понимаешь, Никола, вѣдь она образованная. Яковъ Иванычъ развѣ сдѣлалъ бы это, еслибы былъ на ея мѣстѣ? О, Господи, зачѣмъ его нѣтъ здѣсь! Онъ сказалъ бы мнѣ, куда идти, что теперь дѣлать.

— Да что тебѣ далось это ученье? началъ снова братъ, помолчавъ:—затвердила, хочу учиться — да и твердить все одно. Развѣ мало есть дѣвочекъ, которыя и безъ ученья остаются, а иногда лучше ученыхъ бываютъ — и потомъ замужъ за какихъ богатыхъ выходятъ!

— И не говори ты мнѣ этого, Никола, и не говори, я учиться хочу!...

— Ну, такъ иди къ Лапре, если ужъ такъ тебѣ хочется учиться! Можетъ быть, она тебя и приметъ. Вотъ бы я и самъ опредѣлилъ себя въ полкъ...

Я бросилась на шею брату. — Никола! братецъ ты мой! родной мой! голубчикъ! — Я пойду къ ней, я все ей объясню, и она меня приметъ! Проводи ты меня, только самъ проводи.

— Зачѣмъ провожать? — иди одна, отвѣчалъ онъ, стараясь высвободиться изъ моихъ объятій.

— Я пойду!...

И всю эту ночь, лежа на сундукѣ въ квартирѣ брата, я грезила пансіономъ... «Я пойду къ ней! повторяла я и во снѣ, я все расскажу ей.»

На другой день я вскочила чѣмъ свѣтъ, разбудила брата, который все-таки взялся меня проводить, и мы отправились къ М-ше Лапре. Дрожащими руками я дернула звонокъ. Изъ дверей высунулась голова швейцара.

— Что вамъ нужно? спросилъ онъ меня.

Я отвѣчала, что желаю видѣть М-ше Лапре.

— Идите навѣрхъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, указывая на верхнюю лѣстницу.

Я вбѣжала по лѣстницѣ и опять позвонила. На этотъ разъ мнѣ отворила горничная съ метлой и щеткой, и предложила тотъ же вопросъ.... Я повторила то же самое.

— М-ше Лапре еще не одѣта, отвѣчала она: — что вамъ нужно, я передамъ ей.

- Мнѣ нужно видѣть М-ше Лапре.
- Въ такомъ случаѣ вамъ долго придется ждать.
- Я подожду.

Горничная впустила меня въ переднюю и ушла.

Я вошла въ залу съ намѣреніемъ ждать хоть пѣлый день.... Впрочемъ, скоро въ сосѣдней комнатѣ послышался шелестъ шелкового платья, запахнулось малиновое драпри на дверяхъ, и въ комнату вошла женщина среднихъ лѣтъ, — въ черномъ платьѣ съ холодными и строгими чертами лица.

Сердце мое замерло и затрепетало...

— Что вамъ нужно, Mademoiselle? спросила она, торопливо приближаясь ко мнѣ: — мнѣ говорили, что вы хотите что-то передать мнѣ...

Задыхаясь отъ волненія, я начала говорить. М-ше Лапре широко раскрыла глаза и разинула ротъ.

— Вы просите меня принять васъ въ мой пансіонъ? спросила она.

Я повторила то же самое.

— Но развѣ вамъ неизвѣстны тѣ условія, на которыхъ у меня воспитываются въ пансіонѣ?..

Я вспомнила о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ воспитывается Лиза Пятикотова. М-ше Лапре сдѣлалась еще мрачнѣе...

— Но гдѣ же ваши родители, М-ше? спросила она, нахмуривъ брови: — почему никто изъ старшихъ не пришелъ просить объ васъ. Ваша смѣлость для меня непостижима...

— Мать моя умерла, а другимъ нѣтъ дѣла до моего образованія...

— Но вы живете же съ кѣмъ нибудь, и васъ кто нибудь да училъ?

— Я живу съ отцомъ, и училась съ братомъ у студента Рябова; я знаю все, что нужно для поступленія въ пансіонъ.

— Вижу, что вы очень любознательны, замѣтила она, насмѣшливо улыбаясь: — но очень жаль, что очень рано лишились вашей матушки и оставались безъ нравственнаго руководства. Вамъ никто не объяснилъ, что образованіе — роскошь, которою не всѣ могутъ пользоваться. Я ничего не могу для васъ сдѣлать; обратитесь куда нибудь въ другое мѣсто. Займитесь руководѣемъ, и этотъ трудъ дастъ вамъ современемъ безбѣдное существованіе.

Получивъ отказъ, я почти не слышала послѣднихъ словъ М-ше Лапре; въ головѣ у меня шумѣло, слезы душили меня, я готова была зарыдать, и не шла изъ комнаты.

— Что же вы тутъ стоите! раздался знакомый голосъ сзади

меня:—здѣсь не благотворительный домъ и не дѣтскій пріютъ— идите отсюда, здѣсь сейчасъ начнется танцклассъ.

Я направилась къ дверямъ.

— Объ этой дѣвочкѣ нужно объявить въ полицію, продолжалъ тотъ же голосъ. Машинально прошла я большую переднюю, спустилась съ лѣстницы, и вышла на крыльцо. Швейцаръ снова отворилъ и захлопнулъ за мной дверь.

— Ну что, отказала Лапре? спросилъ братъ, вскочивъ съ ступеньки: онъ ожидалъ меня на крыльцѣ.

Я молчала.

— Экая бестія! ей бы все деньги братъ; нѣтъ того, чтобы доброе дѣло сдѣлать!

Мы сошли съ крыльца, поворотили въ улицу, въ другую и направились обратно домой.

— Да что ты, какъ къ смерти приговоренная? спросилъ у меня снова братъ. — Никакъ ужъ рюмить собираешься? Вотъ будетъ срамъ-то, въ городѣ на улицѣ!.. Большая важность, что чертовка Лапре отказала! Да ты иди къ другой. Вотъ мы сейчасъ мимо пансіона Лебедевой пойдемъ — хочешь, я провожу тебя къ ней. Эта русская; можетъ быть, будетъ добрѣе того иностраннаго чорта!..

Мы пошли мимо пансіона Лебедевой.

— Иди! повторилъ братъ.

Я молчала и отвортилась въ сторону.

— Ну, такъ и въ первый разъ ходить было нечего. Я говорилъ тебѣ, что прогнать!

«Все погибло! пропало!» думала я между тѣмъ. «Нѣтъ у меня защиты, никто не явится ко мнѣ на помощь: я одна».

VII.

Болезнь.

И послѣ того, когда я проснулась въ первый разъ, голова моя горѣла, страшная тоска давила мое сердце; мнѣ казалось, что я нахожусь въ какомъ-то темномъ подземельѣ, наполненномъ ненавистными для меня существами. Всѣ они превратились въ монаховъ съ бычачьими рогами, въ страшныхъ пауковъ, въ гадювъ, змѣй, козловъ, и все это вертится, попираетъ другъ друга: мнѣ нужно скрывать отъ нихъ свой страхъ и смятеніе и вертѣться съ ними—иначе они меня задушатъ. Но силы мои не выдерживаютъ—я закрываю глаза, скреживаю на груди руки и умираю... Но вотъ показалась въ темнотѣ огненная точка—она

растетъ, растетъ... является огненный шаръ, изъ шара вытягиваются ноги и является голова крокодила.

— Ты думала отъ меня прятаться, бѣгать, реветь крокодилъ: — а вотъ же я тебя достану. Я съ ужасомъ прячу голову подъ подушку, но ноги мои во власти крокодила. Тетушка гдѣ-то шепчетъ молитвы. «Помилуй мя, Боже!» силюсь я произнести вслѣдъ за ней, и чудовище исчезаетъ, и опять темнота и ужасъ. Но вотъ летитъ бѣлая хлопъка, за ней другая, третья—цѣлая гора подымается передъ моими глазами, молніи прорѣзываютъ гору сверху до низу и я слышу гласъ: «идите въ огонь вѣчный, уготованный дьяволу и агеламъ его!» И все превращается въ огонь, тьму и разрушеніе... Я силюсь понять, гдѣ я и что со мной, и наконецъ, вижу бѣлыя стѣны комнаты, въ углу тихо трещитъ и сверкаетъ догорающая лампада передъ образомъ; на сундукѣ лежитъ братъ, покрытый гимназическою шинелью, старая женщина въ черномъ платкѣ на головѣ сидитъ у ногъ монахъ. Я силюсь подняться и не могу.

— Христосъ съ тобой, дитятко, обращается ко мнѣ женщина:—не желаешь ли водицы испить?

— Что это? Гдѣ я?

— У насъ, дитятко, на квартирѣ братца, у Матрены Ивановны.

— А онъ гдѣ?

— Кто, дитятко!

— Отецъ?

— Приказали долго жить, матушка. Съ похмѣлья съ крыльца сходили, ударъ сдѣлался и померли. Вотъ староста Григорій уже который денекъ васъ ждетъ здѣсь.

— Отчего же такъ тѣсно, душно, смрадно?

— Лампада, можетъ, коптитъ маненко. И она отправилась поправить лампаду...

Съ этихъ поръ я не теряла болѣе сознанія; воспоминанія утратили остроту и силу, но я не могла двинуться съ мѣста, не ѣла, не говорила и не спала. Братъ былъ со мной и старался утѣшить меня.

— Это ты, Уличка, простудилась, должно быть, говорилъ онъ: — какъ тогда отъ Лапре шла, вѣтеръ-то былъ сильный... И нужно было ходить къ этой чертовкѣ—вѣдь говорилъ тебѣ, что прогнать. Вотъ Яковъ Иванычъ, Богъ дастъ, можетъ быть, прійдетъ, опять будемъ жить вмѣстѣ,—опять будешь учиться... Что мать умерла,—того не вернешь, а объ отцѣ печалиться нечего. Царствіе ему небесное.

Въ сосѣдствѣ жили Брыковы, Далмачевы, Сибиряковы — все мелкопомѣстные дворяне. Но и отъ всѣхъ этихъ господъ меня отдѣляло пространство не менѣе пяти верстъ. Матушка въ послѣднее время со всѣми знакомыми видѣлась только въ церкви. Пятикратова являлась къ ней только за подарками, оплачивая вздохами и соболѣзнованіями, и послѣ ея смерти, боясь отца, къ намъ не являлась.

Въ двухъ верстахъ отъ нашего имѣнія находилось большое село Воскресенское, куда мы были приходомъ; въ селѣ жило около тысячи душъ крестьянъ, изъ которыхъ на половину принадлежало помѣщику Сергѣю Петровичу Ленину. Ленины состояли въ родствѣ съ моей матерью: бабка моей матери была родною сестрою Лениныхъ, и мать моя помнила еще о томъ добромъ старомъ времени, когда она, будучи еще ребенкомъ, гостила въ домѣ Лениныхъ. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло: старики умерли, и въ настоящее время Сергѣй Петровичъ съ своимъ семействомъ жилъ въ Москвѣ и пріѣзжалъ въ Воскресенское только черезъ два года на два лѣтнихъ мѣсяца. Крестьяне не жаловались на распоряженія Сергѣя Петровича, и съ особеннымъ сочувствіемъ отзывались о своемъ молодомъ баринѣ: Александрѣ Сергѣевичѣ, который, будучи еще ребенкомъ, не давалъ ихъ въ обиду. «Бывало, какъ слышишь, что баринъ на конюшню велѣлъ отвестиного, — такъ самъ не свой ходитъ, въ ножкахъ у батеньки валяется, ручки цалуетъ. А какъ выросъ, и то оброкъ уменьшилъ и земли прибавилъ. Ну, и барыня у насъ добрая, грѣхъ про нее дурное слово сказать, и съ сѣнными дѣвушками ласкова — все душенька, да милая, да пожалуйста — и пальцемъ никого не тронетъ. Болѣзненная только, за границей все больше». Видѣла я Лениныхъ мать и дочь въ церкви, онѣ стояли въ сторонѣ отъ народа, молились по книжкамъ и не были какъ-то похожи на окружающихъ. Замѣчала я, какъ Брыковы, Далмачевы и другіе старались обратить ихъ на себя вниманіе, забѣгая впередъ и кланаясь, и какъ матушка почему-то боялась ихъ встрѣтить, и торопилась въ это время выйти изъ церкви.

Пріѣзжалъ ко мнѣ и отецъ Парамонъ со святыми дарамн. Отецъ Парамонъ былъ хорошій собесѣдникъ и притомъ отличный хозяинъ и садоводъ. Отвлеченными же дѣлами своей паствы занимался мало. При жизни матушки онъ часто ѣздилъ къ намъ по разнымъ требамъ и всегда любилъ бесѣдовать со мной и братомъ. Спросить, бывало: а въ который день создалъ Богъ комара или муху, сколько пятью пять? и радуется, когда отвѣты были удачны, гладить по головѣ меня, называетъ ба-

*

рышней безприданницей, а брата генераломъ. Отецъ, бывало, рѣдко выходилъ къ отцу Парамону, но иногда и являлся, когда бывалъ въ веселомъ расположеніи духа и старался обыкновенно ввести его въ теологическія пренія. Отецъ Парамонъ не терпѣлъ никакихъ преній, а тѣмъ болѣе теологическихъ; онъ обыкновенно отпѣкивался и отвѣчалъ текстами священнаго писанія, или просто затывалъ уши, крестился, бралъ шапку и уходилъ изъ дому. Я очень любила отца Парамона и считала его умнымъ. Но его манера уходить изъ дому отъ спора съ отцомъ казалась мнѣ странной. «Зачѣмъ отецъ Парамонъ это дѣлаетъ?» думала я: «зачѣмъ онъ не докажетъ отцу, что тотъ говорить вздоръ, и не заставитъ молчать его, какъ это дѣлалъ Яковъ Иванычъ?»

Однакожь, недостатка въ попеченіяхъ и заботахъ во время болѣзни у меня не было: моя добрая, старая ворчунья Палаша не оставляла ни на минуту меня одну. Матрена, бывало, на послѣдній грошъ купить мнѣ бубликовъ, выпросить у мельничихи моченныхъ яблоковъ, чайку или сахарцу — всего, чего бы мнѣ ни захотѣлось. Безъ моего вѣдома, у меня въ дѣтской составлялся консилиумъ, судили-рядили о томъ, какъ помочь мнѣ, называя меня «дитяткой, сироточкой, горемычной, голубушкой». Садили въ кадку съ настоемъ какихъ-то травъ, давали пить полынь, ходили къ старикку вычитывать мою болѣзнь, но такъ-какъ ничего не помогало, то и положили, что Господь положилъ принять къ себѣ мою душеньку, и не предлагали мнѣ болѣе пособій.

Наступила снова весна. Опять заиграло яркое весеннее солнце. Зазвенѣла трель жаворонка въ полѣ. Въ окно повѣяло острымъ ароматнымъ запахомъ только что распустившейся черемухи. Всѣ, кто только могъ, всѣ высыпали вонъ изъ избъ, въ поле, въ лѣсъ, на воздухъ... И я чаще начала оставаться одна.

Тоска была страшная! Что-то мучительное тянуло и сосало у меня подъ сердцемъ, и мнѣ казалось, что часъ моей смерти насталъ.

— Везите меня въ поле, въ лѣсъ, на воздухъ, молила я:— я тамъ хочу умереть...

Григорій запретъ телѣгу въ полдень.

— Куда-жь, матушка, прикажешь везти себя? спросилъ онъ, кладя меня въ телѣгу.

Я указала на черную гору, на высокій дубъ, стоявшій на верху горы....

Сначала, когда меня вынесли на воздухъ, мнѣ сдѣлалось

дурно (и все потемнѣло вокругъ, но мало по малу я начала приходить въ себя и Матрена мнѣ постлала коверъ подѣ дубомъ.

— Вотъ и ландышекъ бѣленькій Господь послалъ вамъ, сказала она, срывая ландышекъ, кладя его на мою постель и уходя въ сторону. Мѣсто, на которомъ я лежала теперь, было самымъ любимымъ мѣстомъ моихъ прогулокъ; съ этой горы версты на двадцать открывались родныя окрестности. Дубовый лѣсъ росъ по скатамъ оврага, съ горы бѣжалъ ключъ студеной воды, прозванный *Гремучимъ колодецъ*; множество фіалокъ и ландышей росло по берегамъ его. Еще такъ недавно какимъ наслажденіемъ было для меня въ жаркій лѣтній полдень взойти на эту самую гору къ источнику, лечь на мягкую травку подѣ тѣни дуба, видѣть отсюда просторъ полей и лѣсовъ, слѣдить за безпрестанно смѣняющейся формой облаковъ, бѣгущихъ по свѣтлой лазури... Слушать шумъ и журчанье падающей воды... И теперь то же окружало меня... но я какъ будто ничего не замѣчала. Когда я раскрыла глаза, я видѣла надѣ собой только небо; одно небо поразило меня и привлекло къ себѣ все мое вниманіе! Казалось, я вижу его теперь только въ первый разъ. Не помня себя, я вскочила на ноги, протягивая руки мои къ этому лучезарному небу и осталась неподвижна, какъ убитая на мгновение...

Долго затѣмъ текли мои слезы, долго страстный глубокій порывъ новыхъ неиспытанныхъ чувствъ волновалъ мое сердце, но когда все прошло, я сидѣла спокойно у источника и вдругъ стала здорова, если здоровьемъ можно назвать совершенное отсутствіе всякихъ страданій... Все то, что я звала грѣхомъ, весь ужасъ смерти и отчаянія, которые за минуту подымались въ душѣ моей, пронесли въ ней безслѣдно, вылились вмѣстѣ съ слезами.

Весна цѣлебна всюду, но въ особенности она цѣлебна тамъ, гдѣ много свѣта, воды и тѣни—сокровища, въ которыхъ я не чувствовала болѣе недостатка. Цѣлые дни я могла проводить на воздухѣ, въ тѣни этой рощи, на берегу гремучаго источника. Никто не вмѣшивался въ мое нравственное состояніе, никто не навязывалъ мнѣ себя, не преслѣдовалъ... Я чувствовала, что хочу жить, что эту жизнь никто не возьметъ у меня... что жизнь хороша, какъ это ясное небо, что блаженство жить неизмѣримо въ моей душѣ...

Разъ я сидѣла одна въ комнатѣ матери; у крыльца остановилась телѣжка; изъ нея вышла Прасковья Ивановна. Увидѣвши меня, она вдругъ всплеснула руками, ударилась головою объ столъ и начала голосить:

— Головушка моя бѣдная, несчастная! Всѣ-то меня бросили, всѣ винули! вопіяла она.—Нѣтъ-то моего голубеночка Варвары Николавны... Некому-то заступиться за мѣня грѣшную-горькую!..

— Что же вы это такъ горюете, Прасковья Ивановна?

— Нѣтъ-то у меня друга милаго, не съ кѣмъ мнѣ словечкомъ перемолвиться, продолжала Прасковья Ивановна:—некому вспомнать меня мучицею, крупницею, сальцемъ, сахарцемъ, яичками свѣжими... Загубили меня несчастную, невинную! Слыла-то я дворянкою, а теперь стала холопкою, сама-то я и дровецъ принесла, сама и печку истопила, сама коровушку подоила, сама и щецъ свари!

— Гдѣ же ваши слуги, Прасковья Ивановна?

— Сбѣжали шельмы-то дѣвки мои, со двора сбѣжали, одну меня, какъ есть, винули... И голодомъ-то я ихъ теперича морю, и рука-то у меня тяжелая, а муку-то у меня и сало и крупу всю потрескали души поскудныя! Охъ-хо-хо-хо!.. А все это онѣ меня до всего довели, благовѣрный-то мой, торбанистъ то мой, окаанный, это я черезъ него все такъ терплю!

— Гдѣ же теперь Христофоръ Людвиговичъ?

— Дома сидитъ, голубеночекъ! Никуда я не выгоню, ужъ я его и къ Брыковымъ гнала, и къ Оголдѣвымъ, и Голобрюховымъ—никуда нейдетъ. Хлѣбъ только мой ѣсть да на торбанѣ бранчить. Дашечку-то это мою, Дарью Ивановну, до 20 годовъ поила и кормила, въ утѣшеніе себѣ прочила, а что она мнѣ за утѣшеніе! Я отъ нея и уваженія къ себѣ никогда во вѣки вѣковъ не видѣла. Давеча воротилась это она отъ Ивановыхъ въ пять часовъ утра. Начала говорить ей: такъ и такъ, не годится это, Дарья Ивановна, до утра гулять. Такъ она такое это на меня понесла, что хоть святыхъ выноси. Такъ я ее маленько-то за воски дернула — вѣдь ей мать, должна же дура законъ знать... Такъ она-то какъ вскочить съ мѣста, да какъ хлопнетъ на мена дверьми-то. Не хочу, говорить, жить съ вами, живите одни, уйду отъ васъ и нигдѣ вы меня не сыщете. И ушла, на другой день ушла! Охо-хо-хо-хо! Царица моя небесная!

— Ну, чтожъ, мой голубеночекъ, болѣешь ты все безъ маменьки, болѣешь? горя-то ужъ, небось, много въ сиротствѣ-то своемъ натерпѣлась?

— Какъ видите, Прасковья Ивановна!

— Вижу, голубеночекъ, вижу, продолжала она, качая головою и сморкаясь въ платокъ и опять собираясь заплакать.

Я перебила ее.—А вы откуда, Прасковья Ивановна?

— Отъ Оголдѣвыхъ, голубеночекъ, въ Семигорскъ ѣду, домъ-

то кинула, Лизочку свою навѣстити хочу. Она теперь у меня одно утѣшеніе осталось.

— А вы не знаете, Прасковья Ивановна, въ Семигорскѣ нѣтъ такого магазина моднаго, гдѣ бы меня швеею принять могли?

— Да нешто это дворянское дѣло въ магазинѣ шить?..

— Чтожъ дѣлать-то, что недворянское, Прасковья Ивановна! Вѣдь все равно, мнѣ дома-то нечѣмъ жить, да и надоѣло руки-то сложа сидѣть... Вы же помните, что я при жизни матушки не сидѣла безъ дѣла, по цѣлымъ днямъ, бывало, работаю.

— Помню, голубчикъ, помню, маменька твоя любила-таки моя сердечная, Царство ей небесное, тобой похвастаться.

— Вотъ скамеечку, что она, бывало, часто подъ ноги ставила, тоже вышила я по канвѣ...

— Помню, помню скамеечку...

— И ридикюль я тоже вышивала пополамъ съ бисеромъ...

— И ридикюль помню; бывало, она, покойница, всегда въ церковь съ нимъ ходила...

— Значить, я могу что нибудь дѣлать. Ну, такъ и платья шить выучусь, и модисткой сдѣлаюсь, когда въ пансіонъ поступить нельзя — вѣдь мнѣ четырнадцатый годъ, Прасковья Ивановна!...

— Право, ангельчикъ, не знаю, какъ и сказать тебѣ; не дворянское это дѣло швеею-то въ магазинѣ пдти. Да и душѣ-то твоей маменьки нешто легко съ того свѣта глядѣть будетъ, какъ ты на одной линіи съ хамками сидѣть будешь...

— Что жъ дѣлать, Прасковья Ивановна?..

— А вотъ подожди годикъ, другой — замужъ выйдешь, ко мнѣ приходи, я тебя и высватаю, помня старую жизнь съ маменькой твоей. Ко мнѣ это дворянчики изъ мелкопомѣстныхъ и чиновнички заходятъ...

— Нѣтъ, ужъ объ этомъ что говорить, Прасковья Ивановна. Я ужъ сама буду знать, какъ жить. Я бы и теперь васъ ни о чемъ не просила. Я бы и сама въ Семигорскъ пошла. Такъ вотъ неприлично, говорятъ, одной ходить...

— Чего жъ ты это, мой ангельчикъ, огорчилась? Я не къ тому говорила, чтобъ обидѣть тебя; ужъ когда хочешь непременно въ магазинѣ шить учиться, то пожалуй я могу откомендовать тебя; есть у меня въ городѣ знакомая, Совиха Недоѣжаева — отличнѣйшій модный магазинъ имѣеть. Она и платья красить, и дѣтей на воспитаніе незаконнорожденных беретъ...

— А вы куда теперь, Прасковья Ивановна?

— А вотъ къ Настасьѣ Петровнѣ въ Воскресенское заѣхать

хочу; времена нонче плохи, подарковъ нѣтъ, совсѣмъ съ сумой ходить приходится... Такъ до свиданія, голубеночекъ, собирайся! Я какъ оттуда-то буду ѣхать въ Семпгорскъ, такъ и за тобой заѣду.

Собираться долго было не съ чѣмъ, разставаться было не съ кѣмъ, печалиться было не о комъ... Холодно, голодно и непріютно было мнѣ въ пустомъ родительскомъ домѣ. Оставаясь дома, я только томилась за близкихъ моему сердцу, томилась одиночествомъ. Съ отъѣздомъ брата и учителя разладъ съ окружившею жизнью почувствовался еще сильнѣе. Внутренно я жила постоянно ихъ жизнью, ихъ интересами... Братъ будетъ солдатомъ, думала я, я буду учиться. Я не находила для себя опредѣленной роли въ жизни, какъ братъ, на примѣръ, въ роли генерала; но я чувствовала ту же потребность жить, жить иначе, чѣмъ всѣ живутъ, жить всѣми потребностями своей души, жить по своему. Гоненія и книги только усиливали во мнѣ эту потребность — и я рано выработала въ себѣ самосознаніе.

Бодро я встала на другой день утромъ, собрала всѣ свои вещи въ одинъ узелокъ и отправилась на могилу къ матери, помолиться ей о томъ, чтобъ не печалилась душа ея съ того свѣта, на меня гляючи, какъ буду я сидѣть на одной линіи съ хамками и сама свой хлѣбъ зарабатывать... И давала я ей мое слово крѣпкое, сердечное, что и въ магазинѣ Недоѣзжаевой я останусь «благородною», что буду наконецъ ходить и въ золотѣ, дарить чистымъ серебромъ, когда сама заработаю... Тихо было на кладбищѣ... А на небѣ разгоралась зорька ясная, выходило изъ-за лѣса красное солнышко. Въ утреннемъ небѣ разливалась пѣсня жаворонка, могила была усѣяна росинками; жужжали пчелы вокругъ распустившихся цвѣтѣвъ денной красавицы; крестьяне, одѣтые по праздничному, съ косами шли на лугъ косить буйно уродившееся сѣно... Утренняя свѣжесть охватывала мое дыханіе... Спасибо, мать природа великая, спасибо за ласки нѣжныя, спасибо за силы бодрія, спасибо за привѣтствіе!...

Л. Ожигина.

ВОСПОМИНАНІЯ О МОЛОКАНАХЪ.

Изъ множества разнообразныхъ сектъ нашихъ, можетъ быть, ни одна столько не заслуживаетъ вниманія внутреннимъ смысломъ своего вѣроученія, по приложенію своихъ началъ къ жизни, какъ молоканская секта. Къ сожалѣнію, она мало обследована и разъяснена до сихъ поръ и объ ней въ народѣ существуютъ сбивчивыя и разнорѣчивыя понятія. Самыя общеупотребительныя названія этой секты неясны и двусмысленны. Приѣзжая въ край, гдѣ живутъ этого рода сектанты, попробуйте спрашивать о нихъ у тѣхъ, кто самъ къ нимъ не принадлежитъ: одинъ вамъ будетъ говорить одно, а другой иное; можетъ случиться, что вамъ будутъ говорить и вѣрно, но будутъ въ то же время разумѣть не то, что вы желаете узнать. Часто православные путаются въ лабиринтъ различныхъ оттѣнковъ сектъ нашихъ, не въ силахъ проложить между ними грани и приписываютъ однимъ то, что принадлежитъ совсѣмъ другимъ. Сами духовные, при всей учености и добросовѣстности, могутъ здѣсь ошибаться: привыкши къ научной классификаціи признаковъ въ исторіи прежнихъ сектъ, они основываются на замѣчаемыхъ ими у сектантовъ признакахъ и выводятъ заключенія невѣрные потому, что признаки, сходные съ существующими и существовавшими вѣроученіями, слагаются своеобразно въ простомъ и незаключенномъ въ формы грамотности умѣ русскаго поселяннина и производятъ совсѣмъ другое, что нужно было ожидать. Иногда говорятъ о сектантахъ: «у нихъ просто бессмыслица, ничего нельзя разобрать». Эти сужденія добросовѣстны: лучше всего такъ отзываться, когда понять трудно. Своеобразный складъ саморазвитія нельзя мѣрять и объяснять тѣмъ путемъ, который годится для другихъ условій жизни. Наши секты болѣе всего могутъ служить оправданіемъ той мысли, что жизнь нашу изучать нужно не иначе, какъ усвоивши вполнѣ тотъ взглядъ на нее, какой созданъ самимъ народомъ, и прослѣдить путь, ка-

кимъ у него укладываются представленія о предметахъ. Народъ переработываетъ на свой ладъ и то, что даже нѣкогда было заимствовано отъ чужихъ, если только это заимствованное не питается новымъ наплывомъ чуждыхъ понятій. Это слѣдуетъ имѣть въ виду при изученіи нашихъ сектъ; мало того, чтобы узнать догматы секты; иногда ихъ узнать нѣтъ возможности, потому что ихъ нѣтъ въ народномъ сознаніи: они замѣняются фактомъ; не жизненные отправления и факты порождаются догматами, а существующіе факты даютъ поводъ заключать о возможности догматовъ.

Общее имя молоканъ у насъ примѣняется къ двумъ сектамъ; имѣютъ ли онѣ, въ самомъ дѣлѣ, между собою органическое сродство — это еще вопросъ спорный, по крайней-мѣрѣ, что касается до степени этого сродства. Одна изъ этихъ сектъ, — субботники или іудействующіе, другая — воскресники: послѣднее названіе совершенно внѣшнее, данное имъ въ отличіе отъ субботниковъ на томъ основаніи, что они праздничнымъ днемъ считаютъ воскресенье, какъ первые субботу. Судьба, осудивъ меня когда-то на долговременное пребываніе въ Саратовской губерніи, дала мнѣ возможность ознакомиться нѣсколько съ тѣми и съ другими. Я видалъ ихъ и бесѣдовалъ съ ними не разъ, въ особенности въ одной торговой и богатой приволжской мѣстности, которая когда-то была столицею молоканъ, но въ царствованіе императора Николая, благодаря правительственнымъ мѣрамъ, сектанство тамъ пришло въ упадокъ; значительная часть молоканъ выселена была на Кавказъ; братья ихъ, оставшіеся на родинѣ, сначала считали эти переселенія навазаніемъ, но, узнавъ, что переселенцы живутъ на новосельи хорошо, спокойно, и открыто исповѣдаютъ свое вѣроученіе, сами стали туда удаляться; нѣкоторые же на мѣстѣ прежняго жительства обратились въ православіе, чаще всего притворно, рѣдко искренно, но, въ послѣднемъ случаѣ, примѣшавши къ православныхъ понятіямъ свои прежнія воззрѣнія.

Допроситься у молоканъ сущности ихъ мнѣній было трудно, по крайней мѣрѣ въ оное время; какъ скоро вы начнете говорить съ ними о вѣрѣ, они отвѣчаютъ отрывисто, а если и покажутъ признаки откровенности, то все-таки утаятъ главное. Случайныя обстоятельства поставили меня въ довольно счастливое положеніе въ этомъ отношеніи. Познакомившись на дорогѣ съ однимъ старожиломъ, который, хотя былъ православнаго вѣроисповѣданія, но близокъ по родственнымъ связямъ съ молоканами, я нашелъ въ немъ протекцію и черезъ него могъ познакомиться съ молоканами.

Меня свели съ однимъ субботникомъ, по занятію рыбнымъ торговцемъ. Это былъ, какъ я узналъ, самый упорный и самый ученѣйшій въ своей братіи. Его чрезвычайно худощавое лицо, изрытое тѣми бороздами, которыя всегда свидѣтельствуютъ о страсти мышленія, его впадые, но сверкающіе огненные глаза, его вытянутая шея, губы, часто при разговорѣ подергиваемыя судорогами нетерпѣнія, и охота высказать за разъ то, на что нужно время, наконецъ, манера, при разговорѣ, выдѣлывать пальцами разныя фигуры, часто встрѣчаемая манера у русскихъ резонеровъ — все показывало въ немъ, съ перваго взгляда, одного изъ тѣхъ фанатиковъ, которые заправляютъ ересями и толками, и которые попадались уже тогда все рѣже и рѣже. Онъ зналъ священное писаніе и особенно ветхаго завѣта чуть не наизусть, изучалъ церковную исторію и высыпалъ изъ памяти годы, какъ лучшій ученикъ на экзаменѣ изъ исторіи. Онъ съ жаромъ возставалъ на храмы вообще и доказывалъ, что для Бога не должно строить храмовъ, ибо вселенная ему храмъ. Я замѣтилъ, что, разсуждая такимъ образомъ, онъ отдаляется и отъ ветхозавѣтности и приводилъ ему въ опроверженіе на память храмъ, построенный Богу Соломономъ и многія мѣста ветхаго завѣта, гдѣ говорится о храмѣ, какъ о предметѣ, угодномъ Божеству. Мой сектантъ отвѣчалъ, что мѣста, гдѣ въ священномъ писаніи говорится о храмѣ, слѣдуетъ понимать въ духовномъ смыслѣ, а не въ буквальномъ, что храмъ слѣдуетъ созидать Богу добрыми дѣлами и молитвами, а что, если Соломонъ построилъ храмъ въ Иерусалимѣ, то Богъ не благословилъ его, ибо Соломонъ, послѣ того, впалъ въ язычество: явный признакъ, толковалъ онъ, что благодать оставила Соломона, а это постигло его именно за построеніе тѣлеснаго храма. Такое отверженіе храма подало мнѣ мысль, что вѣрно и на всю священную ветхозавѣтную исторію у него будетъ такой взглядъ — иносказательное толкованіе, такъ бы слѣдовало по сдѣленію понятій, но онъ разубѣдилъ меня въ этомъ, когда сказалъ, что слѣдуетъ строго исполнять Моисеевъ законъ и приносить жертвы. «Евреи теперь не приносятъ жертвъ, ибо они въ изгнаніи, а мы новый Израиль: намъ надобно приносить жертвы». Онъ требовалъ особенно, чтобъ исполнялась ветхозавѣтная пасха съ закланіемъ агнца. Талмуда онъ не принималъ и называлъ сборникомъ нелѣпныхъ бредней. Важнѣйшими книгами священнаго писанія онъ считалъ Пророчества; въ нихъ, по его мнѣнію, была вся мудрость. «Что же», спросилъ я «важнѣе: Пятикнижье или Пророчества?» Онъ отвѣчалъ; «Пророчества». Я замѣтилъ ему: для чего же онъ требуетъ такъ строго исполненіе Моисеева обряда и

даже принесеніе жертвъ, когда въ Пророчествахъ есть мѣста, гдѣ говорится о бесполезности жертвъ при извѣстныхъ условіяхъ, какъ, напримѣръ, у Исаи: что мнѣ множество жертвъ вашихъ? Онъ отвѣчалъ, что пророки давали духовный смыслъ обрядамъ и что, такимъ образомъ, ветхозавѣтные обряды слѣдуетъ исполнять, но не иначе, какъ давая имъ духовный смыслъ, разъясненный въ Пророчествахъ. Относительно Новаго Завѣта онъ сказалъ: что принимаетъ его за священныя книги, но все заключающееся въ немъ, слѣдуетъ разумѣть духовно, а не тѣлесно, не буквально, и что, сверхъ того, въ его повѣствованіи не все достовѣрно, иное, впоследствии, прибавлено. По толкованію его, послѣдователи субботничества считаютъ Иисуса Христа пророкомъ, боговдохновеннымъ мужемъ, подобно Исаи и другимъ, признаютъ его чудеса, но ни за что не соглашаются признать его, подобно намъ, воплощеннымъ Сыномъ Божиимъ. Троица отвергается: ибѣтъ, по мнѣнію ихъ, доказательствъ триничности Божества, ни въ ветхомъ, ни въ новомъ завѣтѣ, Богъ вездѣ изображается единымъ; Иисусъ Христосъ пророкъ его, но Иисусъ Христосъ человѣкъ: его и апостолы называютъ ясно человѣкомъ; слово «Духъ Святой» означаетъ мудрость и благодать, ниспосылаемую человѣку отъ Бога, а вовсе не божественную ипостась. Я спросилъ его: вѣруетъ ли онъ въ воскресеніе Христово? Онъ отвѣчалъ утвердительно, но въ этомъ отвѣтѣ было что-то неискреннее, да и вообще о Новомъ Завѣтѣ онъ говорилъ съ какою-то холодностью, какъ будто старался избѣгать о немъ разговора, тогда какъ, приводя тексты изъ Ветхаго Завѣта, воспламенялся и увлевался. Не думаю, чтобы онъ хотѣлъ отъ меня утаиться, ибо онъ позволялъ себѣ говорить о христіанской религіи въ такихъ выраженіяхъ, которыя могъ допустить только при полномъ ко мнѣ довѣріи. Кажется, его внутреннее сознаніе о христіанскомъ вопросѣ оставалось неяснымъ и сбивчивымъ, и онъ самъ боялся давать волю тому, что ему въ голову приходило. Онъ соблюдалъ строго правило ничего не дѣлать въ субботу, былъ обрѣзанъ, обрѣзывалъ своихъ сыновей, удалялся отъ всякихъ яствъ, воспрещаемыхъ Моисеемъ, отвергалъ всякое подобіе святыни, какъ унижительное для божества. Онъ ждалъ Мессіи, но представлялъ себѣ его не такъ, какъ еврей; онъ, напротивъ, называлъ грубымъ заблужденіемъ еврейское ожиданіе земнаго царства Израилева и доказывалъ, что подъ нимъ нужно разумѣть царство Новаго Израиля, царство духовное, область разума и правды, а вовсе не какое-нибудь государство. Мессія представлялся ему въ образѣ великаго философа, нравоучителя, который распространить по всей землѣ

ветхозавѣтную вѣру. Исусъ Христосъ не былъ Мессія; онъ былъ только одинъ изъ пророковъ; Мессія будетъ сильнѣе всѣхъ пророковъ, откроетъ величайшія истины міру и приведетъ родъ человѣческій къ блаженному состоянію. Вліянію добрыхъ и злыхъ духовъ на человѣка онъ не придавалъ значенія, хотя не отвергалъ совершенно ихъ существованія.

Въ немъ не проглядывало никакой ненависти къ тѣмъ, которые не слѣдуютъ его вѣроученію; напротивъ, онъ съ жаромъ говорилъ, что надобно дѣлать добро всѣмъ людямъ безъ различія вѣръ, и что во всякой вѣрѣ можно угодить Богу добрыми дѣлами, притомъ же Богъ безконечно благъ и прощаетъ даже величайшихъ грѣшниковъ. Допуская, что Богъ, по своей благодати, въ будущей жизни проститъ всѣхъ иновѣрцевъ, онъ признавалъ, что Богъ наказываетъ за неправую вѣру здѣсь на землѣ и увѣрялъ, что если случаются общественныя бѣдствія, засухи, моровыя повѣтрія, болѣзни, то все это постигаетъ людей за то, что они не хотятъ слѣдовать истинной ветхозавѣтной вѣрѣ, а когда на всей землѣ распространится эта вѣра, тогда все будетъ хорошо—и на землѣ водворится блаженство. Такимъ образомъ, онъ представлялъ себѣ Божество чрезвычайно милосерднымъ и снисходительнымъ къ намъ въ будущей нашей жизни и чрезвычайно строгимъ въ земной, а послѣдователямъ своего толка сулилъ не столько небесныя, сколько земныя блага.

Происхожденіе своего ученія на Руси онъ приписывалъ еврею Схарію въ Новѣгородѣ; но слова его не давали повода рѣшить: есть ли это давнее преданіе, переходящее изъ устъ въ уста, или же, можетъ быть, такое мнѣніе возникло уже въ послѣднее время: т.-е. по знакомству съ исторіею по книгамъ, начали замѣчать сходство между субботниками и послѣдователями Схарія въ вѣрѣ и заключили, по вѣроятію, что секта первыхъ идетъ преемственно отъ послѣдняго.

Другая секта, носящая прозвище молоканской—воскресенская, яснѣе предъидущей. Случалось мнѣ говорить и бесѣдовать со многими изъ ея послѣдователей; трудно было бы забыть двухъ лицъ между ними, которымъ я преимущественно обязанъ свѣдѣніями о вѣроученіи молоканскомъ. Я сошелся съ однимъ почтеннымъ человѣкомъ, нѣкогда молоканомъ, но давно уже принявшимъ православную вѣру. Мѣстный протоіерей считалъ его ревностнѣйшимъ и добродѣтельнѣйшимъ между всѣми своими прихожанами. А между тѣмъ было время, когда онъ считался самымъ ученымъ и самымъ опаснымъ лжеучителемъ между воскресниками, и въ самомъ дѣлѣ не одинъ десятокъ жертвъ соверщенъ имъ съ пути православныя истины. О немъ носился

слухъ, что, въ былыя времена, его интеллектуальной силѣ никто не могъ противостать; нужно только, чтобъ онъ поговорилъ съ человѣкомъ часъ-другой—и если собесѣдникъ не до того упрямъ, то лжеучитель навѣрно обратитъ его. У него была сила слова, сопровождаемая какимъ-то обаяніемъ, располагавшимъ слушателя заранѣе въ его пользу. Онъ зналъ множество текстовъ св. писанія, умѣлъ чрезвычайно искусно и остроумно примѣнять ихъ, задавалъ противнику неразрѣшимые вопросы и ставилъ его въ тупикъ, выводилъ изъ мнѣній своего соперника противорѣчія и бессмыслицу и, пророчески на него поглядывая, приводилъ въ смущеніе, а если нападалъ на болѣе крѣпкаго и смышленнаго, то ловко изворачивался въ кучѣ сравненій, примѣровъ, сопоставленій, противоположеній; искусно сѣзжалъ, такъ сказать, съ торной дороги на проселокъ, переходилъ къ другому, третьему, четвертому предмету; пусть бы даже онъ въ сущности не могъ опровергнуть соперника, все-таки совсѣмъ сбивалъ его и величался побѣдою. Цвѣтущее время его софистической дѣятельности было еще въ двадцатыхъ годахъ, при Александрѣ Павловичѣ; то были времена золотыя для молоканъ, времена свободы; если не *de jure*, то *de facto* пользовались они ею и совращали православный людъ въ свою срьсѣ. Тогда еще и правительство обращало мало вниманія на поволжскій край; рука нивелирующей бюрократіи не глубоко еще провела на немъ свою борозду; тогда, по сказаніямъ стариковъ (разумѣется, украшающихъ, какъ всегда бываетъ со стариками, старыя времена лишними цвѣтами), жилось привольно, богато, весело; грозныя высшія власти изъ столицы появлялись очень рѣдко, свои же мѣстныя были сговорчивы, дорожили какою-нибудь внимательностью сектантовъ и, въ свою очередь, давали имъ просторъ: тогда-то была роскошь для умственной удалы, любившей выказывать себя въ препирательствахъ о богословскихъ и церковныхъ предметахъ. Молокане до того увѣровали въ свою свободу, что подавали на высочайшее имя просьбу, гдѣ ходатайствовалъ о позволеніи исповѣдывать открыто и законно свое ученіе наравнѣ съ иностранними протестантами, и представили изложеніе своего ученія, которое, къ сожалѣнію, гораздо темнѣе ихъ словесныхъ проповѣдей. Но потомъ другія пришли времена, годъ отъ году болѣе и болѣе стѣснительныя мѣры лишали молоканъ возможности проживать, какъ хочется; ихъ торговныя предпріятія парализовались запрещеніемъ вступать въ гильдіи и отлучаться далѣе тридцати верстъ отъ мѣста рожденія; запрещено имъ держать православныхъ въ услуженіи. Полицейскія власти безпрече-

станно придирались къ нимъ, стали ихъ съ семействами требовать въ конспсторію на увѣщанія; избиравось для этого нарочно лучшее рабочее время, когда въ ихъ отсутствіе пропадалъ у нихъ на поляхъ хлѣбъ; иногда же, по поводу совращенія правовѣрныхъ въ свою секту, ихъ сажали въ острогъ, держали по нѣсколько лѣтъ, и дѣйствительно виновныхъ въ этомъ преступленіи подвергали торговой казни и ссылкѣ. Эти обстоятельства лишали ихъ прежней зажиточности, превратили возможность собраний и споровъ; а съ этимъ вмѣстѣ охладилось у многихъ рвеніе къ распространенію своего толка. Нашъ герой въ пору избѣжалъ участи, которая была бы для него очень тяжелою; не даромъ существуетъ пословица: «большому кораблю большое и плаваніе»; какъ совратитель многихъ, онъ и поплатился бы много; видя неминуемую бѣду, онъ присоединился къ православной церкви, остался цѣлъ, невредимъ и ускользнулъ отъ судьбы товарищей, такихъ же какъ онъ проповѣдниковъ. О послѣднихъ остались горькія воспоминанія у молоканъ. Одинъ изъ нихъ, Исаевъ, былъ проповѣдникъ рьяный и упорный; честные іереи напрасно старались его обратить словомъ кротости на путь истины; Исаевъ такъ наострился въ діалектикѣ, что самихъ іереевъ сбивалъ и спутывалъ; послѣ нѣсколькихъ исправительныхъ наказаній съ оставленіемъ на мѣстѣ жительства и съ подпискою не совращать никого изъ православія въ свою секту, онъ, наконецъ, былъ преданъ уголовному суду, и приговоренный къ наказанію кнутомъ, умеръ подъ ударами сего орудія, а удары ему рстачались особенно щедро, потому что закоренѣлый расколникъ не показывалъ ни малѣйшей охоты раскаяться въ своихъ злодѣяніяхъ. Тогда іереи говорили, что бѣсъ взялъ душу у зачѣннаго Исаева и вложилъ ее въ живое тѣло какого-то Трофима, который, очутившись такимъ образомъ съ двумя душами: со своею собственною и съ вложенною бѣсомъ—Исаевою, сталъ проповѣдывать еще сильнѣе, чѣмъ умершій на эшафотѣ Исаевъ. Трофимова проповѣдь также скоро умоляла подъ кнутомъ и клеймомъ. Множество молоканъ было тогда сослано на Кавказъ. Тутъ принялъ православіе мой пріятель. Онъ увѣрялъ меня, что сдѣлалъ это не по страху, а по убѣжденію, и приписывалъ это чтенію отцовъ церкви, особенно Іоанна Златоуста. Теперь онъ обвинялъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ за то, что погрузившись въ одно священное писаніе, они вовсе не заглядываютъ въ сочиненія отцовъ церкви, а еслибы они ихъ читали, то увидали бы, что святая церковь вовсе не такъ судить, какъ они себѣ воображаютъ и какъ даетъ имъ право заключать способъ вѣрованія простаго народа, который, не понимая

сущности вѣры, превращаетъ ее въ идолопоклонство. У этого бывшего лжеучителя теперь уже возникла ревность церковная: онъ сталъ обращать къ православію своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, и чтобы имъ доказать, что обрядъ крещенія дѣйствительно имѣетъ свое основаніе въ самомъ святомъ писаніи, написалъ множество мѣстъ изъ Ветхаго и Новаго завѣта, гдѣ только упоминается о водѣ, хотя, правду сказать, многія мѣста приводятся совсѣмъ некстати. Несмотря на эту ревность къ православію, въ его воззрѣніи до сихъ поръ пробивается тотъ взглядъ, который служитъ основою раскольниковому ученію, и онъ часто говоритъ такія рѣчи, которыхъ бы не сказалъ другой православный, никогда не отвѣдавшій раскола, хотя въ сущности этихъ рѣчей нельзя назвать и неправославными. Такимъ образомъ, онъ хотя соблюдаетъ постъ, но не строгъ къ другимъ, когда другіе его не соблюдаютъ и, по этому поводу приводитъ слова апостола Павла: «неядый ядущаго да не укоряетъ». Доказывая правильность почитанія св. иконъ, онъ, однако, говоритъ, что собственно отъ мертвой доски нельзя ожидать спасенія; насъ спасаетъ молитва къ Богу, а молиться Богу можно вездѣ, и тамъ даже, гдѣ нѣтъ иконъ; напротивъ, держаніе иконъ въ домѣ и машинальное лепетаніе молитвенныхъ словъ, безъ сердечнаго участія, бесполезно. Вообще, онъ въ своихъ разговорахъ старается опереться на то, что, хотя обряды вовсе не противны духу христіанства, и необходимы для богослуженія, однако и не составляютъ существенной части вѣры. Онъ показывалъ желаніе, чтобы всѣ молокане, подобно ему, приняли православіе, но въ то же время находилъ извиненіе ихъ упорству въ томъ, что, дѣйствительно, православные пастыри мало заботятся о вразумленіи своей паствы и міряне, оставаясь въ невѣденіи относительно внутренняго смысла обрядовъ и уставовъ, предписываемыхъ церковью, впадаютъ въ заблужденія, приличныя только идолопоклонникамъ. Противъ нихъ-то собственно возстали молокане, но сами пошли черезъ край. Между православіемъ и молоканствомъ, по его мнѣнію, примиреніе возможно: пусть при исполненіи обрядовъ, православный народъ имѣетъ въ виду не одну форму, а внутренній смыслъ, пусть съ своей стороны молокане сознаютъ, что, для внутренняго смысла, необходима форма и что, слѣдовательно, форма не можетъ быть противна Богу, какъ они ложно себя вообразили.

Другая личность, особенно показавшая себя въ ряду многихъ молоканъ, съ которыми я имѣлъ возможность говорить, былъ упрямый сектантъ и страдалъ за свое упрямство. По поводу

подозрѣнія въ сочиненіи просьбы лицамъ, причисленнымъ къ православію и желавшимъ воротиться въ молоканство, его за-садили въ острогъ, гдѣ онъ томился нѣсколько лѣтъ и былъ освобожденъ по недостатку доказательствъ. Замѣчательно, что этого человѣка упрятавъ въ острогъ одинъ изъ такихъ чиновниковъ, отъ которыхъ, судя по ихъ собственнымъ рѣчамъ, меньше всего этого можно было ожидать, одинъ изъ тѣхъ, которые въ оное время, при всякомъ случаѣ, хвастали либерализмомъ и гуманностью, у которыхъ на языкѣ вѣчно были слова: прогрессъ, законность, справедливость. Само собою разумѣется, что этимъ пышнымъ словамъ противорѣчили обычаи держатъ людей въ острогѣ нѣсколько лѣтъ за то собственно, что они только просятъ, когда по закону даже самое явное принятіе сектантскаго ученія наказывалось тѣмъ, что уклонившагося приводили къ увѣщанію, а если увѣщаніе не дѣйствуетъ, то оставляли на мѣстѣ жительства съ подпискою не совращать другихъ. Я познакомился съ этимъ молоканомъ уже по выпускѣ его изъ острога; это была личность чрезвычайно здраваго природнаго ума. Онъ съ жаромъ опровергалъ обвиненія, которыя обыкновенно въ изобиліи сыпали на молоканскую секту въ непризнаніи властей. Нѣсколько начитавшись того-другого, онъ признавалъ необходимость ученя, просвѣщенія, сокрушался о томъ, что его единовѣрцы лишены средства учиться и чрезъ то принуждены довольствоваться чтеніемъ одного св. Писанія. Его занимала современная литература и современные вопросы въ русской печати. Это была, однимъ словомъ, личность, возбуждавшая разомъ и уваженіе, и грусть: много такихъ способныхъ погибаетъ вгунѣ подъ гнетомъ тяжелыхъ обстоятельствъ.

Не стану распространяться о другихъ личностяхъ, съ которыми я бесѣдовалъ. Это было бы лишнее; гораздо интереснѣе изложить то, что я отъ нихъ слышалъ.

Молокане-воскресники называютъ себя духовными христіанами. Впрочемъ, названіе молоканъ не чуждо имъ, только на счетъ происхожденія этого слова у нихъ мнѣнія раздѣляются: одни говорятъ, что это имя дано имъ православными, потому что они не соблюдаютъ поста и ѣдятъ всегда молоко; другіе, напротивъ, утверждаютъ, что названіе это выдуманно самими послѣдователями себты, основываясь на словахъ апостола Павла, употребившаго выраженіе *словесное молоко*, и также на другомъ выраженіи того же апостола, сравнивающаго первоначальную передачу Христовыхъ истинъ съ кормленіемъ молокомъ, въ противоположность твердой пищѣ, приличной зрѣлому возрасту, съ которымъ сравнивается дальнѣйшее воспитаніе. Такимъ обра-

зомъ, съ одной стороны слово «молокане» знаменуетъ главный ихъ принципъ, состоящій въ предпочтеніи духовныхъ средствъ матеріальнымъ знакамъ, и въ числѣ этихъ средствъ принимающій силу слова, сравниваемого съ млекою, съ другой — предполагаемую ими самими простоту ихъ ученія, которое, по ихъ понятію, есть фундаментъ христіанской жизни и нравственности, ибо они основываются на священномъ Писаніи, которое то же для христіанина, что млеко для дитяти. Названіе «духовные христіане» общеупотребительнѣе; у нихъ самихъ слово *духовные*, по ихъ толкованію, значитъ то, что они принимаютъ, во первыхъ, духовную благодать, а во вторыхъ, признаютъ поклоненіе Богу духомъ и истиной, а не формою. Что касается до перваго, то ихъ понятія разнятся отъ нашихъ тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, дѣйствіе благодати сообщается не посредствомъ таинствъ и видимыхъ знаковъ, а непосредственно; второе у нихъ основывается на извѣстномъ изреченіи Христа женѣ Самарянкѣ. На этомъ-то текстѣ основываютъ они отверженіе храмовъ и всѣхъ признаковъ установленнаго богослуженія. Христосъ сказалъ женѣ Самарянкѣ, что въ его время іудеи поклоняются въ храмѣ Іерусалимскомъ, а самаряне у колодца Іаковля: но придетъ время, когда истинные поклонники будутъ на всякомъ мѣстѣ поклоняться Богу духомъ и истиною. Изъ этого, по ихъ мнѣнію, выходитъ, что храмовъ въ новой церкви не должно быть. Апостоль Павелъ всѣхъ называетъ священниками и, слѣдовательно, особыхъ священниковъ не нужно. Подъ словомъ «епископъ», упоминаемымъ у Павла, объясняютъ они, надобно понимать избраннаго обществомъ начальника, а не особенно посвященнаго совершителя обрядовъ. Христосъ избралъ апостоловъ не изъ левитовъ, не изъ священниковъ и не посвящалъ ихъ въ священники. слѣдовательно, священники ничуть не ближе къ Богу, чѣмъ непринимавшіи посвященія въ духовный санъ. Христосъ не заповѣдывалъ особеннаго богослуженія, котораго бы не могли совершать другіе, кромѣ апостоловъ, и вообще Христосъ не дѣлалъ различія между апостолами и другими, которые въ него истинно вѣровали. У Христа всѣ его послѣдователи равны и онъ самъ сказалъ, «что всѣ братья, и кто хочетъ быть первымъ, пусть слугою всѣмъ будетъ». Этимъ уничтожается различіе степеней въ церкви Христовой, и не слѣдуетъ однимъ оказывать чести болѣе другихъ; всѣ мы священники. Церковь — новый Израиль; церковь, по молоканскому понятію, не должна отдѣляться отъ гражданскаго общества; напротивъ, гражданское общество и есть собственно церковь, и будучи церковью Христа, гражданское общество должно быть

устроено на евангельскихъ началахъ, на любви и равенствѣ своихъ членовъ. Толкуя въ свою пользу слова Павла: гдѣ духъ Господень, тамъ свобода, они примѣняютъ то, что у Павла говорится о еврейской обрядности и соединенномъ съ нею законѣ, ко всякимъ постановленіямъ и формамъ. Вообще: «буква мертва, а духъ животворитъ» — обычное изреченіе молоканъ. Отвергая храмы и священство, отвергаютъ они и всѣ таинства, даже и крещеніе и причащеніе, которыхъ не осмѣлились коснуться лютеране. Казалось бы, и трудно отвергать то, что основано на ясныхъ словахъ Христа, когда множество свидѣтельствъ подтверждаютъ существованіе этихъ таинствъ въ первыхъ вѣкахъ христіанства. Но молокане объясняютъ эти таинства такъ: крещеніе, говорятъ они, только видимый образъ невидимаго; оно было нужно только до тѣхъ поръ, пока невидимая мысль не будетъ постигнута. Самъ Іоаннъ Креститель сказалъ: я крещу васъ водою, а посреди васъ стоитъ тотъ, который сильнѣе меня: онъ васъ креститъ духомъ святымъ и огнемъ. Вотъ уже здѣсь Іоаннъ указываетъ, что есть крещеніе высшее, при которомъ крещеніе водою дѣло лишнее. Мы знаемъ, что Корнилій сотникъ получилъ даръ Духа Святаго прежде, чѣмъ крестился водою, слѣдовательно, крестился духомъ и безъ воды. Не видно, чтобы апостолы были крещены водою, а если апостолы не были крещены водою, и сдѣлались провозвѣстниками и основателями христіанской вѣры, то не есть ли это доказательство, что крещеніе водою для насъ не необходимость? Если Христосъ крестился водою, то это потому, что онъ хотѣлъ исполнить видимый еврейскій законъ, и все, что до него было установлено. Онъ вѣдь и обрѣзался, но намъ не заповѣдывалъ обрѣзываться. Христосъ повелѣлъ апостоламъ крестить всѣ языки во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, но вслѣдъ за этимъ повелѣніемъ въ Евангеліи слѣдуетъ объясненіе, какъ должно крестить; это объясненіе въ словахъ: *учаще ихъ бжюсти елико заповѣдахъ вамъ*. Слѣдовательно, крещеніе, которое заповѣдуетъ Христосъ, есть ученіе по Христову евангелію. Слово «крещеніе» часто употребляется въ томъ смыслѣ, когда очевидно для всякаго, что подъ нимъ не разумѣется водное крещеніе; напримѣръ, Христосъ, говоря о собственной смерти, называетъ ее крещеніемъ. О самомъ Іоаннѣ въ евангеліи поясняется, какъ онъ крестился и для чего: бѣ Іоаннъ крести крещеніемъ въ покаяніи. Слѣдовательно (говорятъ молокане), сущность самага Іоаннова крещенія, если оно и отправлялось подъ видомъ омовенія, была не омовеніе, а покаяніе. У апостола Павла есть мѣста, гдѣ крещеніе прямо принимается въ духовномъ смыслѣ: едина вѣра,

едино крещеніе. Молокане находятъ не только въ Новомъ, но въ Ветхомъ завѣтѣ мѣста, гдѣ говорится о водѣ, и вода употребляется въ иносказательномъ смыслѣ — напримѣръ: у Исаи говорится, что потекутъ воды изъ Галилеи; здѣсь пророкъ предсказываетъ ученіе Христова, которое явится въ Галилеѣ и просвѣтитъ весь міръ. Христосъ говоритъ, что кто вѣруеть въ него, у того отъ чрева потекутъ рѣки воды живы: здѣсь, конечно, вода въ иносказательномъ значеніи. Крещеніе водное есть только обрядовое представленіе мысли объ основаніи и очищеніи человѣка, посредствомъ Христова ученія. Само по себѣ крещеніе водою не можетъ быть дѣйствительно; оно не можетъ спасать, не можетъ предохранить отъ злыхъ дѣлъ, ни отвратить отъ крестившагося кары Божіей за его дурныя поступки. Иначе — между крещенными не было бы нарушителей Божіихъ заповѣдей. Притомъ же, гдѣ, спрашиваютъ молокане, дары Святаго Духа, получаемые, какъ говорятъ, при крещеніи? Человѣкъ, крестившись во младенчествѣ, остается совершеннымъ невѣждою въ дѣлѣ познанія заповѣдей Божіихъ, можетъ жить по язычески и, слѣдовательно, не имѣетъ права считаться христіаниномъ? Напротивъ, еслибы кто и не былъ крещенъ водою, но позналъ Христа и исполнялъ бы всѣ Христовы заповѣди, аеужели бы онъ былъ осужденъ на вѣчное мученіе за то единственно, что не совершилъ обряда омовенія, который самъ собою не могъ его ни научить истинно, ни спасти отъ грѣха? Христосъ не сказалъ: *Если кто не крестится водою, не войдетъ въ царство небесное*, но сказалъ: *водою и духомъ...* Не ясно ли, что водное крещеніе недостаточно? Въ этомъ мѣствѣ воду слѣдуетъ принимать въ иносказательномъ смыслѣ: креститься водою и духомъ, значить очиститься, — какъ бы водою омыться отъ грѣховъ тѣла и начать жить духомъ. Что въ словахъ о крещеніи водою слѣдуетъ давать водѣ иносказательное значеніе — подтверждаетъ и крещеніе огнемъ, о которомъ говоритъ Квангеліе; конечно, нельзя огонь здѣсь принимать въ буквальномъ смыслѣ; иначе надобно бы было всѣмъ намъ сжечься. преститься огнемъ — значить истребить въ себѣ всѣ дурныя таκлонности, для обновленія духомъ. И въ самомъ дѣлѣ, если ребовать непременно крещенія водою, тогда не нужно прощать тѣхъ изувѣровъ, которые сожигались, воображая, что исполняютъ Христову заповѣдь, понявъ ее буквально? Однимъ словомъ, крещеніе водою — это буква, выражающая мысль. Нужны ли буквы, когда уже мысль сама по себѣ понятна? Конечно, нѣтъ. Вотъ что притомъ говорятъ молокане; — вы написали что-нибудь на запискѣ для памяти, а потомъ выучили

наизусть, и знаете твердо то, что было написано въ запискѣ; имѣеть ли тогда записка для васъ какое-нибудь значеніе? Такъ точно, если въ первые вѣка, когда христіанство распространялось между язычниками, быть можетъ, обрядъ крещенія былъ полезенъ, потому что напоминалъ крестившемуся, что онъ принадлежитъ къ Христовой общинѣ, и отличалъ его отъ нехристіанъ виднымъ образомъ. Но въ обществѣ христіанъ, которое отъ прародителей считаетъ себя вѣрующимъ Христу, какое значеніе онъ можетъ имѣть? «Наука нужна, а не вода», говорятъ они—наука и мысль ученія. Подобнымъ образомъ толкуютъ они и о причащеніи, и признаютъ только духовный смыслъ этого таинства, отвергая необходимость самаго обряда. Когда имъ, въ опроверженіе ихъ взгляда, указываешь на историческое событіе Тайной Вечери, они указываютъ на объясненіе самого Христа, именно на мѣсто у Іоанна, гдѣ Спаситель говорилъ о яденіи Его плоти и питіи Его крови. Притча эта возбудила соблазнъ въ Христовыхъ слушателяхъ. Спаситель обратился къ ученикамъ и спросилъ: какъ вамъ кажется? Жестоко слово сіе, отвѣчали ему. «Неужели и вы соблазняетесь! сказалъ имъ Спаситель;—Духъ животворитъ, а плоть ничего не пользуетъ. Слово мое есть духъ и жизнь». Изъ этого мѣста молокане выводятъ, что, подъ образомъ Тайной Вечери слѣдуетъ понимать тѣсное соединеніе со Христомъ, посредствомъ усвоенія Его ученія. Мы до того должны сближаться со Христомъ, чтобы могли составить съ нимъ какъ бы одно существо, какъ бы одну плоть и кровь. Молокане, въ подтвержденіе своихъ понятій, говорятъ, что подобно обряду крещенія, и обрядъ причащенія самъ по себѣ недѣйствителенъ: многіе хотя и причащаются, а отъ этого не становятся лучше и не перестаютъ грѣшить; напротивъ, надобно причаститься тѣла и крови Христовой духовно, т. е. мыслить, чувствовать и поступать такъ, какъ Христосъ повѣлываетъ и какимъ Онъ явилъ себя въ жизни; тогда-то человекъ дѣйствительно составляетъ со Христомъ единую плоть, тогда ужъ онъ не можетъ грѣшить, не можетъ и желать грѣха. Другія таинства молокане также объясняютъ иносказательно: такъ о елеосвященіи они толкуютъ, что самъ апостоль Іаковъ, на котораго ссылаются для оправданія обряда, указывая на помазаніе больныхъ елеемъ, говоритъ, что спасетъ болящаго молитва, слѣдовательно здѣсь помазаніе есть иносказательный образъ выраженія, а не сущность. Противъ таинства покаянія они говорятъ такимъ образомъ: если кто не покается священнику, а грѣшитъ перестанетъ, развѣ тотъ не будетъ угоднѣ Богу, чѣмъ тотъ, кто десять разъ кается и каждый разъ возвращается къ

прежнимъ грѣхамъ? Кто грѣшилъ да пересталъ грѣшить — тотъ уже тѣмъ самымъ покался; когда пересталъ — значитъ созналъ, что грѣхъ дурень; и за это сознаніе и исправленіе Богъ прощаетъ его, хотя бы онъ и не повѣралъ своей тайны священнику. Напротивъ, многіе, воображая, что сообщеніе священнику грѣховъ своихъ достаточно можетъ очистить и спасти человѣка, успокоиваются совѣстью, не думаютъ искоренить въ себѣ дурныхъ наклонностей, опять впадаютъ въ прежніе пороки и, предаваясь имъ, льстятъ себя надеждою, что загладить ихъ передъ Богомъ легко, стоитъ только по установленному обряду покаяться священнику. Съ другой стороны, какъ можетъ прощать и разрѣшать священникъ, когда онъ самъ, какъ часто мы видимъ, предается еще худшимъ порокамъ? О таинствѣ брака они говорятъ: равнѣ худое житіе мужа съ женою освящается тѣмъ, что они обвѣнчаны? Если мужчина и женщина скажутъ: будемъ вмѣстѣ жить, и станутъ жить согласно, честно, — развѣ такое житіе не богоугодноѣ, чѣмъ житіе тѣхъ, которые обвѣнчаны въ церкви и потомъ ссорятся, не довѣряютъ другъ другу, и обманываютъ другъ друга? Любовь и согласіе — вотъ въ чемъ бракъ, а не въ обрядѣ. Богъ сотворилъ человѣка — сотворилъ его въ образѣ мужчины и женщины, и установилъ имъ законъ, чтобы мужчина искалъ соединенія съ женщиною и женщина съ мужчиною: какъ скоро мужчина съ женщиною сошлись по взаимной склонности — это значитъ, что Богъ ихъ благославляетъ, и они должны любить другъ друга, жить вмѣстѣ дружно и согласно и не расходиться; а если не станетъ между ними любви и согласія, то лучше имъ разойтись: это, однако, не хорошо; но не то не хорошо, что они расходятся, а то, что между ними любви не стало. Бракъ у молоканъ безъ всякихъ обрядовъ: молодой человѣкъ дѣлаетъ предложеніе дѣвицѣ, получаетъ ея согласіе, тогда испрашиваетъ благословеніе родителей; сходятся, по условію, въ домѣ жениховыхъ или невѣстныхъ родителей; приглашаются свидѣтели, новобрачные получаютъ взаимное благословеніе отъ родителей жениха и невѣсты, и бракъ совершенъ. Свадебныхъ церемоній нѣтъ вовсе.

Охота отыскивать вездѣ иносказательный смыслъ у молоканъ не ограничивается однимъ кругомъ обрядовъ. Она переходитъ и на историческую часть священнаго писанія. Такимъ образомъ, для молокана все равно: дѣйствительно ли Христосъ родился отъ Дѣвы, творилъ чудеса, страдалъ и воскресъ изъ мертвыхъ — или все это назидательный вымыселъ; слѣдствіе для нашего нравственнаго преуспѣянія, по ихъ толкованіямъ, одно и то же; ибо цѣль христіанскаго ученія есть человѣческое совер-

шенство, достигаемое въ любви къ Богу и къ ближнему. Христіанство, во всякомъ случаѣ, есть высшее божественное открытіе, но какимъ бы путемъ оно ни явилось въ человѣкѣ — все едино; былъ ли Христосъ на землѣ въ самомъ дѣлѣ, или, по Божию промыслу, книга Евангеліе была написана для назиданія — и въ томъ и въ другомъ случаѣ человѣкъ равнымъ образомъ можетъ пользоваться ею для своего спасенія; слѣдовательно, если бы кто нибудь сомнѣвался въ исторической дѣйствительности всего, что представляется въ Евангеліи происходившимъ, и понималъ бы все иносказательно, тотъ еще не грѣшитъ противъ духа христіанства. Но собственно молокане не отвергаютъ исторической части священнаго писанія; они только хотятъ объяснить, что поставляютъ сущность не въ буквѣ, а въ смыслѣ; они, однако, допускаютъ, что все написанное въ Евангеліи дѣйствительно случилось, но такъ случилось, что всему приданъ свыше внутренній, нравственный смыслъ. Священное писаніе для насъ источникъ нравственнаго совершенства; послѣднее достигается тогда, когда человѣкъ усваиваетъ божественное ученіе, заключающееся въ священномъ писаніи, и соображаетъ съ нимъ свои поступки въ теченіе своей жизни, а не тогда, когда вѣруетъ что то, что описывается случившимся. Дѣйствительно ли такъ случилось: это, по ихъ понятію, вопросъ историческій, а не религіозный. Все равно, научается ли человѣкъ изъ разсказа историческаго, или изъ вымышленной повѣсти. Въдъ въ самомъ Евангеліи есть притчи и онѣ выдаются за притчи или вымыселъ, а не за дѣйствительно происходившія событія. Слѣдовательно, воля Божія можетъ и въ формѣ притчи или вымысла учить насъ пути къ спасенію, а поэтому и нѣтъ необходимости, чтобы разсказываемое въ Евангеліи точно такъ происходило, какъ разсказывается; довольно, если въ немъ сохранена будетъ внутренняя правда, а затѣмъ еслибы оно все было притчею, то ничего оттого не теряетъ. Точно также еслибы событія, описываемыя въ Евангеліи, хотя и происходили на самомъ дѣлѣ, но не совсѣмъ такъ, какъ мы читаемъ, и по давности времени дошли до насъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, Евангеліе отъ этого не теряетъ своего духовнаго смысла. Такого рода толкованія не имѣютъ границъ и молоканинъ подвергаетъ имъ по своему произволу все — и обрядъ, и исторію, и догматъ. Но оттого-то и наступаетъ для его толкованій поворотъ. Давши черезчуръ широкій размѣръ иносказанію, распространяя его на такія стороны, которыя очевидно, по здоровомъ обсужденіи, должны быть изъяты отъ пониманія въ смыслѣ иносказательномъ, молокане, тѣмъ самымъ, теряютъ различіе между

тѣмъ, что можно, и чего нельзя допустить, въ качествѣ буквы внутреннего смысла; и потому они не могутъ сдѣлаться такими фанатическими врагами известной обрядности, какъ протестанты Запада; обрядность у нихъ то же, что буква. Является неизбежно вопросъ: слѣдуетъ ли допускать какую нибудь букву для выраженія духовнаго или нѣтъ? Отвергать всякую букву невозможно; если допустить букву св. Писанія и искать въ ней внутреннего смысла, то почему же не допустить и обрядовъ, коль скоро они служатъ буквою признаваемого смысла? — Такъ обыкновенно и оправдываютъ свое возвращеніе къ православію нѣкоторые, обратившіеся изъ молоканства. Такъ обращенный въ православіе бывший молоканскій учитель говорилъ о своихъ прежнихъ единовѣрцахъ: судятъ они о крещеніи вѣрно и смыслѣдаютъ правильный, да отвергать его не слѣдуетъ; совершенно, справедливо, что христіанину недостаточно называться христіаниномъ, а необходимо проникнуться ученіемъ христовымъ, и поступать по его заповѣдямъ; да развѣ изъ этого слѣдуетъ, что не нужно видимаго обряда воднаго крещенія? Вы вооружаетесь противъ буквы, возражаетъ онъ имъ; но развѣ вы можете обойтись безъ буквы? Вы же молитесь и читаете св. Писаніе? Развѣ это не буква? Человѣкъ не можетъ обойтись безъ тѣлеснаго выраженія: онъ на то самъ съ тѣломъ; вотъ еслибъ онъ былъ безплотный, тогда для него не нужно было бы ни буквы, ни обряда. — Притомъ же молокане не такъ, какъ западные протестанты, думаютъ о соборахъ, преданіяхъ и ученіи св. Отцовъ. Они не отвергаютъ ихъ вовсе, не полагаютъ такихъ границъ между Новымъ Заветомъ и ученіемъ послѣдующихъ вѣковъ, какія видятъ протестанты. Они и въ явленіяхъ послѣдняго рода, точно какъ въ св. Писаніи, ищутъ духовнаго смысла, внутреннего значенія. Если вы прочитаете молоканамъ житіе святыхъ, они не будутъ подвергать ихъ критикѣ и доискиваться отрицанія ихъ историчности, какъ дѣлаютъ, напримѣръ, лютеране; для нихъ эта историчность дѣло постороннее и не есть предметъ религіи: если, по ихъ мнѣнію, окажется, что все читаемое имъ житіе заключаетъ въ себѣ вымысль, но вмѣстѣ съ тѣмъ они найдутъ въ немъ что нибудь и такое, что, по ихъ же мнѣнію, содержитъ въ себѣ нравственный смыслъ, то скажутъ, что это житіе достойно уваженія. Они не отвергаютъ почитанія Божіей Матери и святыхъ, но возстаютъ противъ обрядоваго поклоненія имъ.

Я слышала, какъ остроумно молоканинъ укорялъ по этому поводу нѣмцевъ протестантовъ. — «Не вѣруеть, говоритъ онъ, чудесамъ святыхъ, а Христовымъ и Апостольскимъ вѣруеть! Развѣ послѣ Христа и Апостоловъ не существуетъ та же Божія

сила, что при нихъ была? Да не Христось ли сказалъ, что тотъ, кто вѣруеть въ него, сотворить и больше его? Вотъ это и относится къ святымъ Его».—«А вы вѣрите?» спросили его. — «Мы всему вѣруемъ духовно», отвѣчалъ онъ.

Съ такими взглядами на дѣло вѣры, понятно, что молокане не сходились и не могли сойтись съ протестантами. Были случаи, когда видимое сходство побуждало молоканъ отправиться къ пасторамъ, живущимъ въ поволжскихъ колоніяхъ, но пасторы, испытавши ихъ, сознавались, что между ихъ сектою и западнымъ протестантизмомъ мало общаго: западное протестанство—плодъ просвѣщенія, а молоканство—плодъ невѣжественнаго умничанья. Такъ говорили нѣмецкіе пастыри. Ихъ соблазняло то, что молокане въ нѣкоторыхъ взглядахъ шагнули далѣе протестантовъ, въ другихъ они стоятъ ближе и примирительнѣе къ древнему церковному авторитету. Одинъ молоканинъ отправился-было къ гернгутерамъ въ Сарепту, сталъ излагать тамошнему пастору свое ученіе, спрашивалъ: «Не похоже ли оно на гернгутерское?» — «Ты мужикъ», отвѣчалъ ему благоразумный пасторъ. «Не твое дѣло разсуждать о вѣрѣ; въ какой вѣрѣ ты родился, той и держись; какъ тебѣ царь приказываетъ вѣрить, такъ и вѣрь». Сохраняя всю важность иносказательнаго толкованія всего священнаго писанія, нѣкоторые молокане стали-было задумываться надъ таинствомъ причащенія. Какъ ни старались они давать аллегорическое значеніе плоти и крови Христа Спасителя, разсказъ о тайной вечери, сопровождаемый прямыми простыми словами Спасителя, сталъ противъ нихъ укоромъ. Возникъ въ самомъ молоканствѣ толкъ, допуславшій видимое образное воспоминаніе тайной вечери въ день, посвященный смерти Спасителя Христа. Стали сходиться въ избу; одинъ изъ молоканъ приносилъ за пазухой штофъ краснаго вина и хлѣбъ, ставили штофъ и клали хлѣбъ на столъ, читали евангеліе, послѣ того ѣли хлѣбъ и пили вино, всё вмѣстѣ, одинъ за другимъ и, въ заключеніе, цаловались между собою въ знакъ любви. Но этотъ обычай, очевидно возникшій въ подражаніе древнимъ христіанскимъ вечерамъ любви, отнюдь не вошелъ въ повсемѣстное употребленіе; напротивъ, большинство молоканъ возстали противъ него съ жаромъ, называли его идолопоклонствомъ, извращеніемъ истинной вѣры. Молокане не возстаютъ противъ поста, напротивъ, воздержаніе отъ пищи и питья считается дѣломъ очень полезнымъ для воздержанія страстей. Но они не хотятъ признавать для поста ни опредѣленныхъ временъ въ году, ни перебора такой или иной пищи. Каждому нужно необходимо поститься, но тогда, когда къ

этому есть побужденіе и нужда, и постъ долженъ состоять въ совершенномъ неѣденіи по нѣскольку дней, или же въ такомъ маломъ ѣденіи, чтобы человекъ не умеръ съ голоду. Такъ полезно проводить нѣскольку дней, но отнюдь не слѣдуетъ хвастать этимъ, — сообразно евангельской заповѣди — поститься втайнѣ, умывъ лицо и помазавъ голову передъ людьми. Богу приятенъ только такой постъ. Сверхъ того, полезно и нравственно всегда хранить воздержаніе. Молокане избѣгаютъ свинины и говорятъ, что Моисей справедливо не велѣлъ ѣсть этого мяса, будто бы возбуждающаго пожеланія и вообще нездороваго. Избѣгаютъ они также луку и чесноку и называютъ ихъ плодами содомскихъ виноградовъ, отъ которыхъ Моисей во Второзаконіи запрещаетъ вкушать. Но болѣе всего молокане избѣгаютъ вина. Всякое питье вина считается у нихъ предосудительнымъ, потому что вино отягчаетъ разумъ и приводитъ человекъ въ неестественное состояніе. Куреніе табаку хотя и не преслѣдуется какъ у старовѣровъ, но не одобряется, на томъ основаніи, что табакъ производитъ одурѣніе. Молокане не одобряютъ всякой роскоши и изысканности въ пищѣ и одеждѣ и вообще въ образѣ жизни. Они, насчетъ этого, составили себѣ такое понятіе: если мы будемъ жить очень роскошно и употреблять на себя большія богатства, то тѣмъ самымъ будемъ способствовать распространенію нищеты между своими ближними. Все лишнее, что мы позволяемъ себѣ, отнимается у другихъ нашихъ братій необходимое. Страсть къ роскоши дѣлаетъ насъ нечувствительными къ нуждамъ другихъ. Кому составляютъ необходимость вкусныя и дорогія кушанья, рѣдкія вина, богатая одежда и украшенія, кому много нужно, тотъ, естественно, не поможетъ ближнему въ нуждѣ и отговариваясь тѣмъ, что не имѣетъ на то средствъ; въ самомъ же дѣлѣ еслибы онъ отсталъ отъ роскошныхъ привычекъ и не признавалъ необходимымъ для себя того, что для него излишне, то увидалъ бы, что средствъ у него слишкомъ достаточно для того, чтобы своихъ ближнихъ избавить отъ крайнихъ лишеній. Пока люди жили просто, довольствовались немногимъ, не гонялись за модою, не говорили, что безъ того и безъ другаго имъ обойтись невозможно, до тѣхъ поръ и нищеты не было. Хорошо, говорятъ они, быть богатымъ, но пусть богатство идетъ на общую пользу нашихъ братій, а не на прихоти богача; пусть богачъ въ томъ себѣ поставитъ величайшее удовольствіе и благополучіе, что можетъ быть полезенъ болѣе другихъ своему обществу, а для этого нужно, чтобы богачъ велъ простую жизнь и не пристращался къ роскоши. Молокане порицаютъ карточную игру, и

вообще всякую игру, имѣющую цѣлью пріобрѣтеніе. Они говорятъ: и время понапрасну теряется, и человѣкъ къ алчности привыкаетъ, и вражда появляется между людьми: одинъ у другаго норовить отнять чужое въ свою пользу. Нѣтъ ничего вреднѣе игры; что пьянство, что игра — путь ко всѣмъ порокамъ и къ противности евангельскому житію; а потому надобно равнымъ образомъ и того и другаго избѣгать. Самыя забавы молодости — пѣсни, пляски, хороводы — если не запрещаются, то избѣгаются ревностными молоканами и считаются празднымъ препровожденіемъ времени: время безъ того гораздо лучше употребить на плодотворныя и душеспасительныя занятія. Такимъ образомъ, въ воскресный день, можно видѣть молоканскую молодѣжь, распѣвающую псалмы вмѣсто пѣсенъ. Трудъ, по ихъ понятіямъ, нуженъ человѣку, какъ хлѣбъ и воздухъ; онъ не только даетъ средства къ жизни, но предотвращаетъ отъ развращенія и пороковъ, поэтому на трудъ молокане смотрятъ какъ на религіозную обязанность.

Иносказательный взглядъ на дѣло вѣры переносится молоканами и на гражданскія отношенія. Такимъ образомъ они составили себѣ особое воззрѣніе на власти и законъ. Какъ въ дѣлѣ религіи, не обрядность, не форма составляютъ сущность, а духовный внутренній смыслъ, такъ и во всякомъ гражданскомъ механизмѣ — во власти, въ законодательствѣ, въ управленіи, духовный христіанинъ ищетъ того же внутренняго духовнаго значенія и впадаетъ въ противорѣчіе съ формальностью. Нельзя, по его толкованію, быть христіаниномъ, соблюдая одни виѣшніе обряды; нельзя быть хорошимъ гражданиномъ, соблюдая только форму закона. Любимое выраженіе цѣлой секты: буква мертвитъ, духъ животворитъ — примѣняется у ней и къ гражданскому механизму. Не тотъ хорошій гражданинъ, который не крадетъ потому, что боится кары, постановленной за воровство, а тотъ, въ комъ такъ сильна любовь къ ближнему, что онъ не станетъ похищать чужой собственности и тогда, когда бы даже законъ это предписывалъ. Есть законъ высшій, единый истинный законъ, которому слѣдуетъ повиноваться, законъ, написанный Богомъ на плотяной скрижали нашего сердца. Этотъ законъ познается и усваивается черезъ постоянное размышленіе и черезъ неуклонное исполненіе дѣлъ любви, указываемыхъ божественнымъ откровеніемъ. Вотъ этимъ-то внутреннимъ закономъ надлежитъ руководствоваться, а не буквою. Законъ буквальный не достигаетъ своей цѣли. Развѣ сами суды по человѣческой склонности къ заблужденіямъ, не оправдываютъ виновнаго, не обвиняютъ невиннаго, не опредѣляютъ

наказанія выше мѣры? И развѣ судьи не рѣшаютъ дѣлъ пристрастно и продажно? Да и самые справедливые, самые безкорыстные и неподкупные судьи часто не въ силахъ составить вполне справедливаго приговора надъ виновнымъ, ибо недостаточно одного поступка: нужно еще цѣнить побужденіе, а побужденія наши знаетъ вполне одинъ Богъ; нетолько чужіе — мы сами иногда не въ состояніи ихъ оцѣнить. Самый человѣческій законъ подверженъ временному измѣненію: чтó въ одно время и подъ однимъ правительствомъ почитается преступленіемъ, то въ другое время, подъ другимъ правительствомъ, признается добродѣтелью. «Часто у насъ, говорятъ молokane, законъ предписываетъ то, чтó противно добродѣтели, и запрещаетъ то, чего требуетъ любовь къ ближнему, и во многихъ случаяхъ мѣшаетъ дѣлать своимъ ближнимъ добро». Съ такимъ взглядомъ, естественно, молokane впадаютъ въ противорѣчія съ требованіями существующихъ законныхъ постановленій и общественныхъ условій порядка. Отъ исканія подъ буквой закона внутренняго смысла, отъ предпочтенія истинной добродѣтели условнымъ правиламъ, молokane доходятъ до пренебреженія къ положительному закону: власть, какъ источникъ закона и понужденіе къ исполненію его, въ умѣ молokane подвергается сомнѣніямъ и толкованіямъ. Часто говорятъ, будто молokane вовсе отвергаютъ власть: это сдѣлалось всеобщимъ мнѣніемъ о нихъ. Молokane объ этомъ предметѣ говорятъ такъ: мы не отвергаемъ власти, мы считаемъ, что слѣдуетъ ей повиноваться, исполняя изреченіе св. писанія, повелѣвающаго устами апостола Павла покоряться предержавшимъ властямъ. Какъ же можемъ мы дойти до такого безумія, когда передъ нашими глазами прямая, несомнѣнная заповѣдь апостольская? Надобно, говорятъ они, признавать власти, какія бы онѣ ни были, какъ скоро онѣ существуютъ; но мы думаемъ, что нельзя и не слѣдуетъ признавать превосходнымъ все то, чтó исходитъ изъ власти, если собственный нашъ разумъ не убѣждаетъ насъ въ превосходствѣ этого. Равнымъ образомъ нельзя и не должно исполнять повелѣваемое властью, если то, чего власть требуетъ, противно нравственнымъ требованіямъ совѣсти и правды. Такъ они указываютъ на примѣръ первыхъ христіанъ, которыхъ римскіе императоры принуждали поклоняться идоламъ. Императоры были облечены законною властію, однако, христіане не исполняли ихъ повелѣній, когда эти повелѣнія были противъ ихъ убѣжденія. Такъ же точно и три отрока, брошенные въ печь халдейскую, не послушались повелѣнія царева, противнаго ихъ собственному закону. Христосъ, хотя и повелѣваетъ воздавати.

кесарево кесареви, но не иначе, какъ воздавая Божіе Богови; поэтому ясно, что если самъ кесарь потребуеъ чего нибудь такого, что воспрещаетъ собственный законъ и наша совѣсть, которая, по ученію св. писанія, есть истинный божественный законъ, написанный на плотныхъ скрижаляхъ нашего сердца, то не слѣдуетъ, ради кесарева повелѣнія, нарушать волю Божию, иначе это будетъ порицаемое Богомъ челоуѣкоугодничество.

Признавая необходимость власти, молокане считаютъ возстаніе противъ всякихъ властей, хотя бы и несправедливыхъ, дѣломъ неправеднымъ и проповѣдуютъ глухое терпѣніе и уноиство. Возстаніе и открытое сопротивленіе ведетъ за собою зло нашимъ ближнимъ, а нужно избѣгать всего, что можетъ произвести зло. Слѣдуетъ покоряться, говорятъ они, монархической власти. Но они не уважаютъ всякіе видимые знаки ея святости, ни за что не признаютъ монарха Божиимъ помазанникомъ, да и противъ самой монархической институціи указываютъ на псторію Саула. Богъ устами Самуила самъ отклонялъ израильтянъ отъ избранія себѣ царя, и пророкъ указывалъ народу на тѣ стѣсненія и несправедливости, которыя онъ терпѣть будетъ, когда станутъ управлять имъ цари. Но тѣмъ не менѣе, когда уже царская власть признана народомъ, слѣдуетъ ее признавать, и сопротивляться ей, исключая случаевъ вѣры, противно божественному закону и долгу совѣсти. Надобно терпѣть. Христосъ не ведетъ противиться

Молокане отвергаютъ всякое различіе сословій; по ихъ ученію, всѣ люди равны между собою, всѣ братья, не должно быть ни благородныхъ, ни неблагородныхъ; равнымъ образомъ, всякіе виѣшніе знаки отличій, титулы, чины, по ихъ мнѣнію, суета и противны евангельскому ученію. Война есть дѣло самое богопротивное: войска не должно быть, и потому кто убѣжитъ изъ войска, того не должно преслѣдовать: онъ дѣлаетъ хорошо, избѣжавъ грѣха. При этомъ, они ссылаются на одно мѣсто притчъ Соломоновыхъ, превратно понимаемое: «На немъ же аще мѣстѣ вся соберутъ, не иди тамо, уклонися же отъ нихъ и измѣни» (Притчъ гл. 4). Мѣсто это, по смыслу предъидущаго въ притчахъ Соломоновыхъ, относится исключительно къ нечестивымъ (на пути нечестивыхъ не иди, ст. 14), но сектанты, уже чисто по невѣжеству, примѣняютъ его вообще ко всякому войску. Укрываніе дезертира есть, по молоканскому понятію, дѣло хорошее. Но не только дезертиръ, и всякій, убѣгающій отъ преслѣдованія законныхъ властей, находитъ у молоканъ пріютъ. Мы не знаемъ, говорятъ они, виноваты или правы бѣглецы, законъ часто бываетъ несправедливъ и судьи судятъ оши-

бочно, а власти преданы суетѣ, требуютъ часто противнаго божественному закону; отъ этого преслѣдуемый можетъ быть невиненъ и праведенъ: мы не судьи, разбирать не наше дѣло; кто у насъ ищетъ спасенія, мы тому и помогаемъ, помня слова св. писанія: малаго и стараго между стѣнами твоими укрой. Да еслибы онъ былъ и дѣйствительно виновенъ, еслибы онъ былъ злодѣй—развѣ, убѣгая отъ наказанія, онъ не можетъ покаяться, а покаяніе развѣ не изглаживаетъ преступленія? Самъ Господь прощаетъ кающихся; мы ли будемъ жестоки и станемъ ихъ преслѣдовать? На этомъ основаніи, пристанодержательство—обыкновенное преступленіе въ молоканскомъ обществѣ. Есть еще другое преступленіе, которое считаютъ распространеннымъ между молоканами—это дѣланіе фальшивой монеты. По нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ видно, что изъ этой секты бывали обвиненные въ этомъ преступленіи. Въ Самарской губерніи село Тяглое-Озеро, населенное въ значительной степени молоканами, было когда-то гнѣздомъ фальшивыхъ монетчиковъ. Но сколько я ни спрашивалъ объ этомъ предметѣ у моихъ знакомыхъ молоканъ, они не подали никакого повода заключить, чтобъ въ ученіи молоканскомъ было чтонибудь такое, что бы оправдывало подобное преступленіе. Они увѣряли, что если изъ ихъ единовѣрцевъ были негодяи, которые пускались на такое дурное дѣло, то это дѣлалось вовсе не вслѣдствіе ихъ религіи: въ доказательство этому они указываютъ на то обстоятельство, что въ уголовныхъ дѣлахъ такого рода и, между прочимъ, въ сложномъ тяглоозерскомъ дѣлѣ, преступниками оказывались не одни молокане, но и православные и послѣдователи старообрядчества и всякихъ сектъ.

О происхожденіи своего ученія я слышалъ отъ молоканъ слѣдующее: вѣра наша (говорили мнѣ) пошла на Руси отъ Матвѣя Семеновича; онъ жилъ давно, назадъ тому лѣтъ триста, при царѣ Иванѣ Грозномъ, и былъ замученъ: его живаго сожгли. Отъ многихъ гоненій вѣра наша, послѣ того, умалилась и ослабла, а тому назадъ лѣтъ пятьдесятъ или побольше подрѣшились и подновили Семень Укленнѣ. Впрочемъ, прибавляютъ они, съ тѣхъ поръ, какъ христіанство стоитъ на землѣ, всѣ истинные поклонники Божества такъ вѣрили и до конца міра будутъ вѣрить, какъ мы. Упоминаемый ими Матвѣй Семеновичъ долженъ быть не иной кто, какъ Башкинъ, осужденный въ 1555 году въ Москвѣ. (Объ немъ мы уже говорили: «Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI вѣгѣ». Ист. Монагр., т. I).

Н. Костомаровъ.

НАРОДНЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ

И

НЕСЧАСТІЯ.

(Окончаніе второй части).

IV.

Воры и мошенники.

Древняя Русь придавала это названіе всѣмъ вообще лихимъ и злымъ людямъ, тѣмъ недоброхотамъ и злодѣямъ, отъ которыхъ народъ ожидалъ для себя несчастій и получалъ всякаго рода невзгоды и бѣдствія; ворами слыли и литовскіе люди, опустошавшіе московскія страны, и казаки, пользовавшіеся смутными временами ѿ народными неурядицами; ворами назывались и тѣ русскіе, которые, не имѣя осѣдлости, бродили по московской землѣ; поживались плодами чужаго труда и прозваны въ наши времена бродягами. Ворами прозвалъ народъ и тѣхъ царьковъ-самозванцевъ, которыхъ соблазнялъ московскій престолъ въ смутное безгосударное время государства. Воромъ въ тѣ времена не былъ тотъ, кто посягалъ на чужую собственность; недоброхотъ подобнаго свойства назывался татемъ, а ремесло его — татьбою. «Теперь — по пословицѣ — люди таковы стали: унеси что съ чужаго двора — *воромъ* называютъ» и «кто разъ укралъ — на вѣкъ воромъ сталъ». Такимъ образомъ, съ исчезновеніемъ стараго настоящаго слова, другое старое же вступило во всѣ его гражданскія права и приняло на себя всѣ его обязательства. Съ перемѣною словъ не измѣнились самыя свойства преступнаго промысла, и онъ въ нетронутомъ видѣ достался въ наслѣдіе и нашимъ временамъ, только съ тѣмъ различіемъ, что несомнѣнно развился въ примѣненіи и развѣтвился на новыя виды, болѣе утонченныя и весьма разнообразныя. Современный законъ призналъ въ воровствѣ два вида, изъ которыхъ за однимъ оставилъ прозваніе бражи, какъ такого способа похи-

шенія, каковое не сопровождалось нападеніемъ съ открытою силою (съ оружіемъ или безъ оружія), какъ разбой, или съ насиліемъ же, но безъ опасности жизни, здоровья и свободы чловѣка, какъ грабeжъ... Воровствомъ-кражей призналъ законъ всякое преступное посягательство на чужую собственность, произведенное *тайно*, и назвалъ воровствомъ-мошенничествомъ тотъ видъ кражи, которая произведена посредствомъ *обмана*. Но сколько ни ясны подобныя опредѣленія, сколь ни точно опредѣлены и предусмотрѣны частныя виды обоихъ родовъ воровства, народныя понятія съ объясненіями этими во многомъ расходятся; народъ не во всемъ согласенъ съ своими законодателями, потому что не во всемъ приладилъ жизнь къ тѣмъ образцамъ, изъ которыхъ выбраны руководящія правила для его нравственной жизни и заимствованы вѣсы, вызнающіе степень виновности его въ случаѣ отклоненій отъ общественныхъ правилъ и паденій въ противоположную сторону.

Ни въ чемъ до такой степени не разнообразны (и повидимому даже разнорѣчивы) народныя понятія, какъ именно по отношенію къ понятію о собственности. Несмотря на то, что воровство одно изъ тѣхъ преступленій, въ которомъ всего чаще обвиняются люди и всего больше подвергаются наказанію ссылкой, Россія представляетъ поразительныя крайности. Не говоря уже о томъ, что въ пестромъ калейдоскопѣ племенъ, населяющихъ русскую землю, понятія о чужой собственности замѣчательно разнообразны, въ самомъ русскомъ племени это право совсѣмъ не въ тѣхъ рамкахъ, которыя можно считать опредѣленными и оконченными. Въ густо-населенныхъ пунктахъ, гдѣ нужда, лишенія, житейскія неудачи дѣлаютъ свое законное дѣло, воровство является неизбывнымъ послѣдствіемъ, количество жертвъ велико: имъ въ ссылкѣ принадлежитъ *второе*, а за исключеніемъ бродячества *первое мѣсто* въ ряду всѣхъ другихъ родовъ преступленій. При этомъ ссылными становятся тѣ лица, на которыхъ испытано значительное количество всякаго рода возмездій, произведено много цѣлительныхъ операцій,—въ ссылкѣ являются неисправимые, отбившіеся отъ рукъ; преступленіе, стало быть, представляется въ болѣе отчаянномъ видѣ,—еще болѣе безнадежнымъ и сильно-распространеннымъ въ народѣ преступленіемъ. Съ другой стороны, въ мѣстностяхъ, менѣе населенныхъ, уваженіе къ чужой собственности сильнѣе: при меньшемъ числѣ соблазновъ, количество ссылныхъ жертвъ поразительно слабѣе; являются такія мѣста, изъ болѣе глухихъ и менѣе оживленныхъ, гдѣ воровство еще одно изъ тягчайшихъ, самыхъ нетерпимыхъ преступленій. Народныя понятія слады-

ваются въ совершенно-противоположномъ направленіи, нравы народныя представляются во всей чистотѣ патріархальности. Употребленіе орудій, оберегающихъ собственность, слабо, во многихъ мѣстахъ неизвѣстно. Деревянные замки замѣняютъ желѣзные. На Терскомъ берегу Бѣлаго моря и на Печорѣ употребленіе таковыхъ оправдываютъ необходимостью обороны противъ блудливой рогатой скотины. Въ лѣсныхъ мѣстностяхъ Вологодской, Костромской и Вятской губерній, еще живъ обычай заявлять о пропащемъ въ церкви, и въ крайномъ случаѣ, на базарѣ, обращая на себя вниманіе шапкой, приподнятой на длинной палкѣ. Старинная форма самосуда по всей Сибири и Сѣверной Россіи еще продолжаетъ отличаться своимъ простодушіемъ, не встрѣчается насмѣшками, не возбуждаетъ удивленія, не покидается въ силу несостоятельности. Съ несознававшегося упрямого вора снимаютъ на базарѣ шапку, съ бабы—платокъ; въ Шадринскомъ уѣздѣ (Пермс. губ.) на пойманнаго съ поличнымъ надѣваютъ украденную вещь. и водятъ по базару; противъ упорныхъ и забаловавшихся употребляютъ крутыя мѣры, которыя съ одной стороны свидѣтельствуютъ о грубости первобытныхъ нравовъ, съ другой показываютъ, до какой степени щеколливо чувство уваженія къ чужой собственности и обидно, невыносимо даже мелкое нарушеніе права ея *).

За то въ другихъ мѣстахъ, гдѣ свѣту стало побольше, за воровство велятъ три раза простить—въ четвертый прохлостить; говорятъ (и дѣлаютъ): хлѣбъ за хлѣбъ, а за пересторожу ведро вина; не пойманъ—не воръ, не уличена—не гулява. Права собственности уже достаточно ясны, имъ положенъ предѣлъ: чей берегъ, того и рыба, чья земля—того сѣно. Воръ еще не бываетъ богатъ, бываетъ горбатъ; для него еще больше накладу, чѣмъ барыша, у воровъ не бываетъ каменныхъ домовъ. Но по

* Несознающихся въ воровствѣ кормятъ, между прочимъ, солеными пирогами и не даютъ пить. Между родными — судъ божій, то-есть сними икону со стѣны и скажи: «Порази меня царь небесный, если я этому дѣлу виновенъ». По дрожанію рукъ, ногъ, губъ—судятъ о винѣ. Простодушныхъ конокрадовъ въ степныхъ губерніяхъ узнаютъ въ церкви по восковой свѣчѣ, поставленной низомъ вверхъ передъ образомъ Ивана Воина. *Чолъ* (чиханье кстати) идетъ на правду. Вѣрять и боится, что за воровство придется возить на томъ свѣтѣ пона въ рѣшетѣ. У старца (нищаго) взять—огонь въ домъ. Пугаютъ должника прощеніемъ: «съ бирки срѣжу». Наказываютъ (въ Бѣлоруссіи) за развратъ виновницу битьемъ веревки отъ звоницы (колокольни), а загулявшаю покрѣпче тѣмъ же концомъ веревки на самой звоницѣ; на мать надѣваютъ хомутъ; молодую, привезенную отъ вѣнца и признавшуюся во грѣхахъ, накрываютъ платкомъ въ сѣняхъ и въ избѣ не расплетаютъ косы съ торжественными обрядами, и проч. — въ безконечность.

мѣрѣ того, какъ рѣдѣетъ дѣсь, и пахатныя земли становятся богаче, населеніе гуще, города люднѣе, селенія чаще, понятія о воровствѣ и ворѣ, подчиняясь таковымъ явленіямъ, становятся на ту настоящую почву, на которой уже воръ да мотъ до вѣку не переводятся и гдѣ пословица «грѣхъ воровать да нельзя миновать» представляется во всей наготѣ, и неотразимой правдѣ. Здѣсь уже грѣхъ заспать можно, здѣсь *десятая* вина виновата. Кругозоръ разумѣнія шире; уступчивость грѣху сильнѣе и самый грѣхъ не вызываетъ тѣхъ негодованій и отвращеній, которыя могли бы высказаться съ старинною нетерпимостію, съ древними формами возмездія, на этотъ разъ уже и непригодными на практикѣ. Здѣсь уже распознали, что не воруетъ мальчикъ, а сами люди носятъ; здѣсь самъ отецъ благословляетъ дѣтокъ до чужихъ клѣтокъ: воръ воруетъ, а самъ горюетъ. Попуская оставаться сукну и овчинѣ у портнаго на ножницахъ, по тому же снисхожденію и способу, въ силу каковыхъ у развитыхъ людей и образованныхъ сословіи зачитываются книги, умудренный житейскимъ опытомъ народъ коегдѣ продолжаетъ еще соблюдать правила старины, и понятія о воровствѣ имѣютъ попрежнему своеобразныя. Они бросаются въ глаза по своей исключительности, но въ то же время въ массѣ понятій видится система, выработался общій законъ. Все то, къ чему не приложенъ трудъ и чтò такимъ образомъ не представляетъ благопріобрѣтеннаго капитала—воровать не грѣхъ. Все барское съ тѣхъ самыхъ поръ, когда оно узаконено въ отдѣльную собственность, возбуждаетъ самый крѣпкій соблазнъ, подвергается преимущественнымъ нападеніямъ, наводитъ на грѣхъ кражи, какъ придорожный горохъ и рѣпа съ крайнимъ подозрѣніемъ виновности и отвѣтственности передъ личною совѣстью. Все добытое трудомъ, береженное уходомъ, выработанное личнымъ умѣньемъ и искусствомъ становится неприкосновеннымъ до границъ подозрительной собственности въ родѣ господской и поповской. За этой границей способность распознавать чужое отъ своего значительно слабѣетъ, виновность во грѣхѣ возрастаетъ; количество наказуемыхъ ссыльныхъ жертвъ укладывается въ опредѣленную систему, выражается ежегодными, непрерывными и необходимыми цифрами. Цифры приходятъ въ обязательную подчиненность отъ тѣхъ законовъ, которые для всего народа становятся однообразными. Они одинаково всѣми исповѣдуются по той мѣрѣ, какъ цѣлостно сохраняется въ народѣ общинный складъ его жизни и народный смыслъ наталкивается на распознаваніе и разумѣніе того, чтò создано Богомъ на службу и потребу людямъ, како-

вы земля, вода и воздухъ: словомъ, все то, чего люди не могутъ создать сами. Народъ не расходится въ этомъ отношеніи съ тѣмъ, что вѣками укрѣплялось въ сознаніи съ самыхъ древнихъ временъ, когда Богъ устами законодателя Моисея сказалъ всѣмъ людямъ: «земля бо моя есть, вы же на ней пришельники есте» и что подтверждено Екатериною II въ земскихъ постановленіяхъ Россіи. Считая землю за *средство* къ работѣ и не сомнѣваясь въ *правахъ* на нее, народъ (испытавшій на себѣ, что и съ *правомъ* на работу, можно умереть съ голоду безъ *средствъ*) счумѣлъ достаточно укрѣпиться въ той мысли, что тамъ, гдѣ не приложено силъ, не высказалось прилежаніе—слабо право собственности, подозрительна грѣховность въ нарушеніи ея. Рубка чужаго лѣсу представляется такимъ образомъ самымъ законнымъ способомъ пользованія на домашнюю потребу и повсемѣстно въ цѣлой Россіи выразилась фактомъ, для уничтоженія котораго еще до сихъ поръ не придумано не только вѣрныхъ, но и приблизительныхъ средствъ. Самовольныя порубки—грѣхъ повсюдный, развитіе его не остановили и такія мѣры, какова ссылка за заповѣдныя казенныя лѣса, которая такимъ образомъ остается при одномъ правѣ ежегодно повторять старую истину и ежегодно не достигать никакихъ полезныхъ результатовъ *). Неосторожныя и чаще другихъ попадавшіеся, глубже и сильнѣе другихъ убѣжденные въ безсиліи грѣха, эти жертвы этого общаго всей Россіи прегрѣшенія значительно дополняютъ и оправдываютъ цифру ссыльныхъ въ Сибирь за воровство—кражу.

Но на тѣхъ же основахъ древняго быта, при мало-измѣненной обстановкѣ старинныхъ приемовъ и вѣрваній, выродился и уберегся до нашихъ дней въ сельскомъ быту живучій и злобный типъ недоброхота чужаго имущества, извѣстный подъ именемъ *вѣдомаго вора*. Рѣдкая мѣстность Россіи (изъ людныхъ и бойкихъ) не испытываетъ всѣхъ неблагоприятныхъ послѣдствій отъ такого явленія, не находится въ страхѣ и опасности отъ

* Но въ тѣхъ же лѣсахъ, подъ охраной не писаннаго закона, но домашнего обычая, стоятъ въ неприкосновенной цѣлости, какъ бы зачурованные заговоромъ: борти для пчолъ, силки по путикамъ для звѣрей, въ рѣдкихъ случаяхъ охраняемые какой-нибудь тамгой (штемпелемъ), свидѣтельствующей объ имени владѣльца. Ничто съ такой строгостью не наказывается деревенскимъ самосудомъ, какъ именно воровство этой заповѣданной добычи и предметов промысла: рѣчной рыбы, уловленной сѣтями и вынудой хищническою рукою, пчелиныхъ роевъ, переманенныхъ изъ чужаго улья въ свой, или медовыхъ сотвъ, подрѣзанныхъ безъ спроса и въ недоброе время, и проч. Уличеннымъ и пойманымъ на такихъ необычныхъ дѣлахъ не было еще дано ни разу ни прощенія, ни снисхожденія ни въ сѣверной Россіи, ни въ Бѣлороссіи, ни въ Сибири.

злыхъ дѣяній и воровскихъ прегрѣшеній этого роковаго и злаго духа. Онъ, благодаря вліянію благоприятныхъ обстоятельствъ, умѣлъ продлить свое историческое существованіе и уберечь себя на текущее время въ замѣчательной неприкосновенности. Вся тайна его живучести заключается въ той наглости и дерзости, съ которыми производитъ онъ свой промыселъ и которыми онъ доводитъ своихъ жертвъ до такого страха покорности, что при этомъ всякое противодѣйствіе неспособно выразиться достаткомъ силъ, не умѣть заручаться излишнемъ смѣлости и рѣшимости. Избыткомъ добычи, приобрѣтенной воровскимъ промысломъ, вѣдомой воръ умѣть прикрывать свои слѣды и заслонять себя отъ предстоящихъ опасностей. Онъ становится въ всякихъ преслѣдованій, когда имѣть право сказать: «что мнѣ законы, когда судьи знакомы!» Онъ, въ званіи и съ именемъ большого вора (когда опирается въ промыслѣ на товарищахъ и вполне зависящихъ отъ него соучастникахъ), становится тѣмъ безопаснѣе, чѣмъ счастливѣе на походахъ и на добычѣ. За что воришекъ бьютъ, то ему съ рукъ сходить; когда «малый воръ бѣжить, тотъ, большой воръ, лежитъ», — лежитъ, оберегаемый людскою оплошностью и нерѣшительностью, поощреніемъ подкупныхъ и корыстныхъ судей, лежитъ до тѣхъ поръ, пока самъ не зарвется, пока съ другой стороны не переполнится чаша терпѣнія. До тѣхъ поръ онъ — внѣ всякой опасности, потому что всѣ убѣжденія жертвъ его преслѣдованій сводятся на одно: съ сильнымъ воровъ тягаться не подъ силу, — вѣями дознано и многими тысячами опытовъ и примѣровъ доказано, что «воръ попалъ, а міръ пропалъ (поплатился), одинъ въ грѣхѣ—всѣ въ отвѣтѣ». Безнадежность эта тѣмъ сильнѣе и вѣрнѣе, что воръ вору терпѣть; воръ на вора не доказчикъ.

Вѣдомой и большой воръ, начиная практику съ приѣма краденаго, съ потачки и понаровки мелкимъ воришкамъ, самъ выходитъ на дѣло, придержавшись сначала деревенскихъ околицъ и кѣтей, и не задумывается потомъ встать на дорогу, чтобы здѣсь воровски разбивать, шапки снимать и встрѣчать изъ-подъ мосту проѣзжихъ. Обычные приемы защиты—поклепы на людей неповинныхъ и подкупы людей сильныхъ; наиболѣе легкой предметъ для промысла и практики — крестьянскія лошади, и самая частая виновность ихъ—конокрадство. Этотъ видъ воровства—наиболѣе распространенное въ народѣ преступленіе, противъ котораго еще до сихъ поръ—какъ всѣмъ досконально извѣстно—не придумано еще никакихъ средствъ, несмотря на существованіе комиссаровъ по конокрадству. Передъ неодолимою силою зла пало это учрежденіе и дѣятели сошли со сцены побѣжденными,

проживши свой недолгий вѣкъ съ прозваніемъ отъ самого народа конокрадами. И при нихъ, какъ и до нихъ и послѣ уцѣлѣли такія мѣста, гдѣ что ни дворъ, то воръ и что ни годъ, то огромныя толпы неисправленныхъ воровъ и мошенниковъ, которые сумѣли осилить всякое возможное терпѣніе, перейти всѣ степени и рубежи, и добиться до тѣхъ печальныхъ результатовъ, которые оканчиваются лишеніемъ правъ состоянія, дальнѣйшей ссылкой и всякаго рода злоключеніями. Тобольскія табели не умѣютъ распознавать воровъ по родамъ ихъ промысла, и по степени ихъ преступности, но, принимая воровъ изъ крестьянъ и мѣщанъ, несомнѣнно вносятъ въ эту графу большое число конокрадъ. Вору въ тѣсномъ смыслѣ похитители безъ разбора всего того, что попадаетъ подъ руку и что плохо лежитъ — составляютъ исключительную особенность городовъ. Конокрады — прозябаніе городовъ и преимущественные обитатели тѣхъ мѣстностей, гдѣ группируются конные торжки, и въ большемъ множествѣ гнѣздятся въ мѣстахъ, ближайшихъ къ специальнымъ (коннымъ) ярмаркамъ. Нѣкоторыя мѣстности успѣли сдѣлаться привилегированными, и ремесло за долгое существованіе успѣло приготовить такихъ ловкихъ мастеровъ, что изъ-подъ тебя кобылу украдутъ — говоря словами народной поговорки. Тѣ же поговорки отчасти указываютъ и на мастеровъ этихъ, рекомендуя сыскать у татарина кобылу и, говоря про торопчанина, что онъ лошадь купилъ, а цѣну забылъ. Цыганъ давно уже выговаривалъ, что краденая кобыла не въ примѣръ дешевле купленной обходится. Между конокрадами русскими, наиболѣе всѣхъ другихъ выдавалось, между прочимъ, одно изъ пермскихъ имѣній гр. Строгоновой, въ которомъ конокрады пользовались наибольшею славою и самое воровство этого рода производилось въ изумительныхъ размѣрахъ (особенно въ теченіе 1844, 45 и 46 годовъ). Прекращенное въ одномъ мѣстѣ, конокрадство перекочевывало цыганскимъ и татарскимъ способомъ въ другое, и на практикѣ конокрадъ изъ русскаго племени производится шайками, гдѣ два вора въ одну руку играютъ, и гдѣ каждый мастеръ — по словамъ народнаго приговора изъ плута кроенъ, мошенникомъ подбитъ, каждый еще сверхъ плута на два фута, каждый умѣетъ свинью продать за бобра, каждый обуетъ и разуетъ. Иногда прикрываются они какимъ-нибудь благовиднымъ и невиннымъ ремесломъ и, шатаясь, напримѣръ, по деревнямъ швецами, въ сущности тѣ самые опасные мастера, которые (по словамъ поговорки) день сидятъ съ иглой, а ночь съ обротью (т. е. уздой или недоуздомъ), и во всякомъ случаѣ та опасная корпорація людей, которой боится народъ, какъ огня, зная, что

здѣсь воръ по ворѣ и каблукъ кроетъ. На конныхъ торжеахъ и ярмаркахъ онъ является подѣ охраной и защитой барышниковъ и перекупней, такихъ же плутовъ, что и на кривыхъ оглобляхъ на кривой кобылѣ не объѣдешь. Если конокрадъ смѣло и ловко крадетъ, то барышникъ еще лучше концы хоронить, и на этотъ разъ дѣйствуетъ также стачкой; въ шайкѣ умѣетъ подѣбзжать съ алтыномъ подѣ полтину, блянется и божится; ласы точить—людей морочить, и даже самъ себѣ «безъ божбы не вѣрять».

На такихъ рукахъ и при такихъ условіяхъ конокрадство одно изъ золъ, трудно поправимыхъ, потому что въ самомъ народѣ находятъ много питательныхъ матеріаловъ, и служители зла, столько многочисленныя, потому и сильны, что не всякій обиженный рѣшается доказать на нихъ. Изъ боязни мщенія и преслѣдованій, въ расчетѣ на горшее зло, народъ подошолъ къ прямому и неизбѣжному заключенію: «Пропадай собака и съ лыкомъ, лишь бы не судиться». Воровство такого рода продолжаетъ собирать шайки вездѣ тамъ, гдѣ не существуетъ обычая содержать пастуховъ, сколько за недостаткомъ свободныхъ рукъ (въ мѣстностяхъ, существующихъ отхожими промыслами), столько же и по отдаленности пастбищъ (какъ напр. во всѣхъ нашихъ лѣсныхъ губерніяхъ). Придерживаясь торговыхъ конныхъ центровъ, конокрады потому и прочны, что ведется повсемѣстный на Руси обычай мѣняться лошадьми и, стало быть, представляется полная возможность быстро перехода краденной лошади черезъ многія руки, тѣмъ болѣе, что народъ продаетъ лошадей безъ всякихъ свидѣтельствъ. Въ такихъ случаяхъ, даже и перекраски, и подтасовки не нужно, не нужно тѣхъ многосложныхъ аптекъ, какими обычно обставляются столичные барышники—дѣятели тамошнихъ конныхъ площадей. Здѣсь на мѣсто воровства самага грубаго вида является ловкое и утонченное мошенничество. Въ степяхъ, у кочевыхъ народовъ, конокрадство принимаетъ форму грабежа, даже разбойничьяго набѣга; киргизская баранта является уже характерною особенностью племени, ищущаго показать свою удалъ во славу отцовъ, въ отмщеніе за обиду или по степному вдохновенію надъ зазѣвавшимися или болѣе слабымъ кочевымъ родомъ.

Въ девять лѣтъ (съ 1838 по 1846) за оба вида воровства (кражу и мошенничество) сослано въ Сибирь изъ Россіи 13,180 мужч. и 2,186 женщ. *. Въ этой цифрѣ по проценту сослан-

* Съ предыдущими 11-ю годами (съ 1827 г.), то-есть за 20 лѣтъ, цифра эта возрастаетъ до 41,666 челов. (35,416 мужч. и 5,250 женщ.).

нихъ наибольшее количество ссыльныхъ принадлежитъ губерніямъ Новороссійскимъ,—молодой странѣ, еще не установившейся, еще организуемой новыми пришельцами въ видѣ бездомныхъ бродягъ, бѣглыхъ голышей, явившихся искать здѣсь счастья. За ними слѣдуютъ изъ губерній, уже испушенныхъ въ житейскомъ опытѣ, а между прочимъ, изъ населенныхъ татарскимъ племенемъ, склоннымъ къ конокрадству (Казанская и Симбир.). Нѣсколько меньше первой и больше второй шло воровъ изъ Бессарабской области—преимущественнаго гнѣздилища цыганскаго племени, откуда народъ этотъ, какъ саранча, не такъ давно выходилъ на промыселъ съ грабежомъ по сосѣдству * и съ обманомъ на всякую руку по цѣлой Россіи вплоть до отдаленной Вятки. Между ними съ высокимъ процентомъ воровства встали обѣ губерніи столичныя (С.-Петербургская и Московская), виновность которыхъ прямымъ образомъ зависитъ отъ самихъ столичныхъ городовъ. Губерніи Пермская и Оренб., само собою, не могли встать дальше другихъ по исключительности своего населенія инородческаго (въ особенности Башкирь) и русскаго, дурно обезпеченнаго (заводскіе и фабричныя). Наименше запутались въ воровствѣ губерніи бѣлорусскія и сѣверныя, между которыми Олонецкая—наиболѣе другихъ добродѣтельна **. По отношенію ко всѣмъ другимъ губерніямъ Россіи, гдѣ потребности шире, а средства къ удовлетворенію ихъ ограниченнѣе, количество ссылаемыхъ за воровство возрастаетъ заурядъ съ большею или меньшею количественностью общаго числа жителей. Какъ удалось выдаться изъ общаго числа другихъ двумъ столичнымъ, такъ наиболѣе выдаются также и тѣ, гдѣ крѣпостная жизнь направлялась наибольшимъ количествомъ владѣльцевъ (Пензен., Рязан., Калуж.,

* Городъ Елизаветполь въ началѣ нынѣшняго столѣтія выдержалъ отъ нихъ правильную осаду съ требованіями капитуляціи.

** Губерніи встали въ такомъ порядкѣ (за 20 лѣтъ).

Пермская.....	1427 мужч.	193 жен.
Казанская.....	1354 »	137 »
Оренбургская.....	1272 »	92 »
Симбирская.....	1261 »	78 »
Кіевская.....	1218 »	212 »
Саратовская.....	1137 »	111 »
Московская.....	1170 »	93 »
Санктпетербургская.....	866 »	170 »
Херсонская.....	785 »	184 »
Бессарабская.....	791 »	58 »
Екатеринославская.....	765 »	96 »

Изъ Арханг. воровъ выслано: 80 муж., 32 жен.; изъ Олонецкой 32 муж., 8 жен.

Смолен., Яросл., Черниг.). Въ Малоросійскихъ преобладало наибольшее число ссыльныхъ женщинъ. Явленіе это естественнымъ образомъ вызывалось общимъ закономъ всего человѣчества, по которому исторія воровства становится въ то же время исторіею пороковъ и другихъ страстей человѣка, служба одинаково и исторіею его несчастій и слабостей. Нужда, лишенія, житейскія неудачи, если не оправдываютъ кражи, учиненной съ ущербомъ для другаго, то во всякомъ случаѣ объясняютъ и ослабляютъ значеніе этого рода преступленій; случается, что сами судьи оправдываютъ въ душѣ это преступленіе. Особенно это важно по отношенію къ столицамъ, какъ пунктамъ, наиболѣе привлекающимъ къ себѣ охотниковъ улучшить свое состояніе.

Обстоятельствъ, порождающихъ воровство, много, и хотя чрезвычайно рѣдки случаи, чтобы честныхъ людей наталкивали на этотъ грѣхъ нищета и лишенія, но тѣмъ не менѣе, въ послѣднихъ бѣдахъ—десятки, сотни причинъ, самыхъ разнообразныхъ и неожиданныхъ. Неожиданности эти тѣмъ чаще, чѣмъ сильнѣе становится безвыходность и безнадежность житейскаго положенія. Не только люди, не разъ обманутые въ жизни, потерявшіе всякую вѣру на улучшеніе своего положенія, дѣлаются жертвами этого порока, но даже и тѣ, для которыхъ не померкъ лучъ надежды, которымъ дорога и въ которыхъ сильна еще вѣра,—и такіе люди поддаются соблазну, и для нихъ не закрыты пути къ гибели. Большіе города, въ особенности, много порождаютъ жертвъ подобнаго рода, привлекая массы искателей работъ. Всякій надѣется имѣть успѣхъ, а надежда, столь свойственная человѣческому сердцу, заставляеть эти массы покидать семейства для торговли, промысла, для государственной службы. Пришедшій нищеть протекціи, проводитъ время въ поискахъ людей вліятельныхъ, въ хожденіяхъ за справками. Между тѣмъ, маленькія средства, принесенныя изъ дому, мало-по-малу, истощаются. Поденная работа за скудную плату на нѣкоторое время удаляетъ опасность. Временная помощь только обманываетъ: лишенія становятся ощутительнѣе по мѣрѣ того, какъ заработокъ удовлетворяеть только сегодняшнимъ нуждамъ, и не позволяетъ произвести сбереженіе на будущія. Бѣднякъ испытываетъ голодь, закладываетъ необходимыя вещи: онъ еще при надеждахъ и далекъ отъ паденія, но часъ его приближается. Какъ только препятствія и злосчастія преодолѣли чувство гордости и самоуваженія, бѣднякъ превозмогаетъ стыдъ и обращается за помощію къ частной благотворительности. Но эта помощь, имѣя узкіе предѣлы, скоро прекращается. Домой воз-

вращаться — не зачѣмъ: тамъ не лучше. Впереди — только лишенія, препятствія, несчастія, и въ то же время, какъ бы на зло, передъ глазами тысячи людей, пользующихся богатствомъ и всѣми благами жизни. Бѣднякъ задается сравненіемъ, — и сравненіе это унижаетъ его, оскорбляетъ, приводитъ въ отчаяніе. Въ умѣ зарождаются пагубные замыслы, желаніе мстить обществу. Бѣднякъ, подъ гнетомъ такихъ мыслей, дрожитъ, отступаетъ при мысли о безчестіи, но, забиваемый нуждой и увлекаемый ея непобѣдимой силой, онъ, наконецъ, уступаетъ и становится преступникомъ. Голодный — по пословицѣ — и архіерей уградетъ.

Большіе города, и въ особенности столицы отогрѣваютъ еще новый видъ воровства, называемый мошенничествомъ, которое также совершается умышленно съ признаками несомнѣннаго обмана. На низшей ступени стоятъ тѣ изъ мошенниковъ, искусство которыхъ состоитъ въ ловкости и гибкости рукъ. По отношенію къ людямъ они безукоризненны и пользуются только тѣми вещами, которыя носятъ люди, а потому ихъ обыкновенно называютъ карманниками (жуликами въ Москвѣ, мазуриками въ Петербургѣ). Шайки ихъ небольшія, но онѣ съ изумительною ловкостью умѣютъ сновать въ толпѣ, и дни воскресные и праздничные — для нихъ дни работы. Они нарочно производятъ тѣсноту, бросаютъ въ толпу разныя запугивающія объявленія, чтобы, пользуясь смятеніемъ и напоромъ, легче очищать карманы. Дѣятельность ихъ хотя и мелка, но чрезвычайно разнообразна. Петербургъ можетъ уже похвалиться тѣмъ, что на такое ремесло и въ немъ, по образцу Парижа и Лондона, стали пускаться дѣти, образуя изъ себя шайки (какъ объяснилось это въ недавнее время). На высшей ступени лѣстницы мошенничества стоятъ тѣ ловкіе и искусные мошенники, которые, благодаря приличной одеждѣ и изящнымъ манерамъ, обращаются съ людьми высшихъ слоевъ общества. Эти посѣщаютъ балы, спектакли, концерты, кабинеты и салоны. Они смѣются надъ тѣми ворами, которые ломаютъ замки и рискуютъ шумомъ. Безъ ломовъ, напоревъ и поддѣльныхъ ключей они отправляютъ свое ремесло въ такомъ видѣ, что слѣдить за ними представляется великая трудность. Людей этихъ въ ссылкѣ не видятъ, и вообще наши судебные приговоры мало похвалятся успѣхомъ въ распознаваніи и умѣньемъ различать воровъ-мошенниковъ отъ воровъ-татей. Можетъ быть, оттого и занимающія насъ табели ссылныхъ отказались раздѣлять оба эти вида *. Нельзя такимъ об-

* Намъ извѣстны эти раздѣленія на три года: Въ 1838 г. за воровство-кражу сослано 1347 муж., 264 жен.; за мошенничество 27 муж., 1 жен. Въ

разомъ опредѣлить ни мѣсть, преимущественно выработывающихъ мошенниковъ, ни степень виновности одного столичнаго города передъ другимъ. Они отчасти выясняются для насъ въ поддѣлывателяхъ документовъ, въ похитителяхъ казеннаго имущества, въ контрабандистахъ, корчемникахъ и проч. Въ замѣнъ того, болѣе ясными признаками продолжаетъ обставляться преступленіе воровства въ широкомъ значеніи этого слова *.

Такъ наиболѣе развито воровство въ мѣщанскомъ сословіи; по общему проценту смыслныхъ они занимаютъ самое видное мѣсто и обнаруживаютъ наклонность къ нарушенію правъ чужой собственности замѣтно сильнѣе, чѣмъ крестьяне. Причина очевидна изъ простаго сопоставленія городской жизни съ соблазнами и деревенской съ условіями, болѣе благопріятствующими честному труду и непрерывной правильной работѣ. Мѣщанамъ уступаютъ въ воровствѣ даже солдаты, для которыхъ вѣроятіе стать преступниками подобнаго рода также довольно сильно вслѣдствіе крутаго перехода изъ собственника въ казеннаго человѣка, у котораго стороннія заботы о снабженіи ослабляютъ понятіе о своей и уваженіе къ чужой собственности. Несмотря на то, что солдаты только въ ограниченныхъ и рѣдкихъ случаяхъ наказываются за воровство ссылкой (а потому по сравненію съ ними въ сибирской цифрѣ перевѣсь на сторонѣ солдатокъ), воровство въ солдатскомъ сословіи одно изъ господствующихъ и рѣзко выдающихся на глаза преступленій. Для доказательства у народа имѣется значительный запасъ пословицъ, притчей, сказокъ и присказокъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что солдатъ и добрый человѣкъ, да плащъ его хапунъ: шинель постель, шинель кошель, а руки — крюки (что зацѣпилъ, то и потащилъ). Здѣсь воровство выразилось также повѣрьемъ (съ постоемъ хоть ложку деревянную, а украсть что-нибудь надо; солдата за все бьютъ, только за воровство не бьютъ),

1839 за кражу 1593 муж., 218 жен.; за мошенничество 41 муж., 3 жен. Въ 1840 за кражу 1623 муж., 272 жен.; за мошенничество 13 муж., 3 жен.

* Конечно, тобольскія табели точно такимъ же образомъ неспособны подкрѣпить подробныя характеристики воровства въ зависимости, напримѣръ, отъ времени года. Оно, какъ извѣстно, усиливается на осеннее время; многочисленные случаи воровства въ началѣ зимы слабѣютъ на весенніе мѣсяцы, и на лѣтнее время значительно ослабѣваютъ. На это обстоятельство главнымъ образомъ дѣйствуютъ увеличеніе и уменьшеніе дней и ночей: бѣлая или меньшая продолжительность ночей усиливаетъ или ослабляетъ количество кражъ. Осень — когда люди горюхъ молотить, а воръ замки колотить — самое благопріятное время, исключая, можетъ быть, одного только мошенничества, которое дѣйствуетъ по своимъ законамъ и въ сферѣ собственной обстановки. во всякое время года.

и солдатскіе проступки этого рода также нашли въ народѣ оправданіе (солдаты не украли — просто взяли; ему не грѣхъ поживиться; не украсть, такъ и взять ему негдѣ).

Такимъ образомъ, по всѣмъ сословіямъ русскимъ и по общему количеству приговоренныхъ въ ссылку за воровство — этотъ видъ преступленія занимаетъ вездѣ первое мѣсто (съ тою разницею для духовенства, что въ этомъ сословіи на первое мѣсто всталъ тотъ спеціальнѣйшій видъ воровства, который называется святотатствомъ). По процентному отношенію, наибольшая склонность къ нарушенію правъ чужой собственности выразилась въ сословіяхъ, слабѣ другихъ упрочившихся и обезпеченныхъ условіями быта: на первомъ мѣстѣ встали дворовые, за ними жители городовъ или мѣщане съ той непреодолимой послѣдовательностью фактовъ, что и евреи — исключительные жители городовъ и непремѣнные мѣщане — на воровствѣ представляютъ главнѣйшую особенность, самую характерную черту и сильнѣйшую склонность*.

На мѣстахъ ссылки всѣ эти условія измѣняются, отношенія спутываются и результаты болѣе характерны примѣтны только въ томъ, что у ссыльныхъ воровъ не только не отнято право увлекаться новыми соблазнами на кражу, но заданы еще и другія мудренныя житейскія задачи. На первыхъ шагахъ — долговременная и послѣдовательная порча по тюрьмамъ, какъ такимъ заведеніямъ, гдѣ отбирается нажитая собственность, замѣняемая скудною казенною, и затѣмъ постоянно и настойчиво внушаются увѣренія въ безправности ссыльныхъ на всякую собственность. Для присужденныхъ на каторгу увѣренія эти преслѣдуются во всю жизнь ихъ на работахъ, а потому пересыльные тюрьмы въ частности, а каторжныя въ особенности, такія общины, гдѣ воровство уже не проступокъ, гдѣ воруютъ всѣ поголовно, не распознавая товарищескихъ вещей отъ своихъ. По словамъ сибирской поговорки, измышленной въ самыхъ тюрьмахъ: арестантъ ѣстъ прошеное, носитъ брошеное, живетъ краденымъ. Для поселенцевъ, куда наибольше поступаютъ сосланные за воровство, бытовья условія представляютъ болѣе умягченную форму, но запутываютъ ихъ въ новыя условія, неблагоприятныя для честнаго житья, благоприятныя для безчестнаго промысла воров-

* Изъ различныхъ видовъ крестьянскаго сословія однодворцы, по проценту высланныхъ въ Сибирь за кражу, превышаютъ всѣ другія сословія. Между женщинами, какъ воровки — примѣтны на первомъ мѣстѣ дворовыя; на второмъ солдатки. Между ссыльными за всѣ роды преступленій сосланные за воровство женщины составляютъ $\frac{1}{3}$ часть всего числа (воры мужчины, противъ общаго числа ссыльныхъ мужчинъ, составляютъ $\frac{1}{4}$ часть).

ствомъ. Вотъ причина, почему сибирскими старожилами произнесень безапелляціонный судъ надъ поселенцами, выразившійся въ такой несокрушимой правдѣ-пословицѣ: «поселенецъ, что младенецъ, что видитъ, то и тащитъ», и «хоть того лучше поселщикъ — не вѣрь ему!» Въ бѣгахъ и на волгѣ смыслный только тѣмъ и живеть, что украдетъ, «не украдешь — не проживешь». Въ Сибири укрѣпилось даже такое повсюдное, всенародное убѣжденіе, что болѣзнь воровства въ Россіи — хроническая: сколько десятковъ лѣтъ въ пришлыхъ новыхъ людяхъ Сибирь не видитъ людей путныхъ, а въ недавніе, послѣдніе годы, еще сильнѣе укрѣпилась въ своемъ убѣжденіи, когда новые поселенцы на Амурѣ (штрафные солдаты) прошли во всю длину страны, какъ бы голодное Мамаево войско, со всѣми явлениями опустошительнаго набѣга. Въ окрестностяхъ нѣкоторыхъ заводовъ каторжныхъ воровство укрѣпляется обычаемъ и возбуждаетъ соблазнъ даже въ тѣхъ ссыльныхъ, которые не хотятъ идти на воровство въ бѣгахъ и бродяжествѣ. Чтобы сдѣлаться коннымъ рабочимъ, т.-е. получать болѣе широкій плакатъ, ссыльные крадутъ чужихъ лошадей и съ ними являются къ начальству, хорошо знающему пути и средства добычи, но равнодушному къ этому злу, какъ къ неизбывному и издавна укоренившемуся. Воровство золота на промыслахъ, вина, соли, желѣза на заводахъ до такой степени обыкновенное преступленіе между ссыльными рабочими, что вмѣняется въ обычай и преслѣдуется развѣ на столько, на сколько позволяютъ скудные средства и ловкая изворотливость самихъ преступниковъ. Словомъ, воровство не изъ тѣхъ болѣзней, которыя лечить ссылка, имѣющая всѣ данныя противоположнаго, еще болѣе заразительнаго свойства (доказательства общія и частныя мы имѣли случай доказать прежде, имѣемъ множество таковыхъ и впереди). Если Нерчинскіе заводы и увѣряютъ въ томъ, что въ десять лѣтъ (съ 1847 по 1857 г.) вновь наказано на нихъ за грабежъ 8, за кражи 64, за утрату казенныхъ вещей 129, то, вопервыхъ, всѣ наказанные въ Россіи ворами не были; вовторыхъ, болѣе большая часть совершившихъ кражи ускользнула изъ рукъ (въ тѣ же 10 лѣтъ бѣжало и поймано 2,841 человекъ голодавшихъ и оборвавшихся одеждою); втретьихъ, опытные бродяги уходятъ съ предосторожностями, и кражами не смущаютъ покоя, чтобы вѣрнѣе скрыться, и, вчетвертыхъ, скрываются такъ, что въ воровствѣ попадаютъ уже далеко за Байкаломъ. Тобольская, Томская и Иркутская губерніи соперничаютъ между собою въ количествѣ жертвъ, сужденныхъ за грабежи и кражи, въ Якутской издавна живеть то племя (якутовъ), у котораго рѣзче дру-

гихъ выдается наклонность къ мелкому воровству, каковое и производится тамъ съ замѣчательнымъ искусствомъ, ловкостью и опытностью. За то у тунгусовъ (иркутскихъ и забайкальскихъ) воровство — одинъ изъ смертныхъ грѣховъ, и до сихъ поръ еще нетолько ни одна изъ городскихъ тюремъ, но и ни одна изъ полицейскихъ сибирокъ и кучумокъ не видала тунгуса, посаженнаго за кражу.

V.

Грабители и разбойники.

Старые законы наши и самъ народъ понятіе о грабителяхъ смѣшиваетъ съ понятіемъ о ворахъ и называетъ ихъ этимъ послѣднимъ именемъ, хотя между грабежемъ и воровствомъ лежитъ пропасть. Какъ воровство, по преимуществу, гнѣздится въ городахъ и самый частый посѣтитель населенныхъ и людныхъ пунктовъ, грабежъ выбираетъ для своей дѣятельности мѣста поглуше, любить поле и лѣсъ. Грабежъ сильнѣе, энергичнѣе воровства; онъ тѣмъ и отличается отъ него, что дѣйствуетъ открытой силой; безъ смѣлости и дерзости немислимъ. Воровство бережетъ себя для завтрашняго дня и ходитъ весьма осторожнымъ шагомъ, босыми ногами; грабежъ меньше бережетъ себя и не боится опасностей. Забывая объ нихъ, онъ бьетъ на пропалую, и потому его не страшитъ и торная, проѣзжая дорога, и потому онъ примѣчательно часто пристраивается, какъ-бы на правахъ арендатора, по близости торговыхъ пунктовъ, даже большихъ городовъ. Грабежъ беретъ съ собой про всякій случай кистень и ножъ, и потому нерѣдко переходитъ въ разбой, границы его съ разбоемъ близко сходятся и нерѣдко съ трудомъ различаются. Онъ любитъ также хоронить концы, заматать свой слѣдъ, прикрываться тайной, а потому подъ мракомъ ночи онъ прячется въ уюромныхъ и скрытыхъ мѣстахъ. Какъ и воровству, ему темна ноченька-родна матушка, и грабитель точно также день въ растяжку, а ночь на распашку, или день кольцомъ, а ночь молодцомъ.

Точно такъ же, какъ и воровство и разбой, грабежъ основываетъ свои успѣхи на преимущественномъ правѣ товариществъ, слаживается въ шайки. Рѣдко, въ крайне-исключительныхъ случаяхъ, онъ ходитъ въ одиночку или въ разбивку. Но и въ такомъ видѣ пойманный, онъ почти всегда скрываетъ какой нибудь изъ слѣдовъ своихъ въ шайкѣ, въ заговорѣ. Почасту свободная отъ законныхъ преслѣдованій, шайка эта бываетъ виновна, если не въ прямомъ и непосредственномъ участіи въ грабежѣ, то кос-

венный путь укывательства грабителей, приема или сбыта награбленныхъ вещей, является всегдашнимъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого грубаго вида воровства. Если воры на болѣшую часть трупсы, то товарищества грабителей съ самыхъ древнихъ временъ отличаются смѣлыми до дерзости свойствами. Близость опасности, возможность скорыхъ и сильныхъ преслѣдованій закаляютъ ихъ буйный характеръ, и въ этой-то борьбѣ со страхомъ, въ этомъ-то тревожномъ положеніи между двухъ огней они находятъ запасы энергіи, и въ силу удачъ и счастья, выходятъ на разбой, въ томъ же товарищескомъ союзѣ.

Нѣкогда грабежъ и разбой такъ и ходили вмѣстѣ, въ особенности въ тѣ времена, когда слаживалось русское государство изъ разноплеменныхъ враждебныхъ элементовъ. Съ самыхъ древнихъ временъ явленіе это повторялось съ одинаковымъ постоянствомъ и немедленно обнаруживалось вездѣ тамъ, гдѣ развивался процессъ водворенія русскаго элемента. Грабежи и разбой не выдавались рѣзко изъ ряду обычныхъ явленій до тѣхъ только поръ, пока приливъ пришлаго населенія уравновѣшивался съ туземнымъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда колонизація опиралась на мирныя средства торговли и производилась промышленными людьми. Грабежи и разбой обнаруживались тотчасъ, когда появленіе чуждаго и опаснаго элемента дѣлалось примѣтнымъ, опаснымъ, возбуждало и вызывало опасенія, и туземцы, въ виду грядущихъ бѣдъ, въ отчаяніи несостоятельности, брались за оружіе, прибѣгали къ послѣднему средству защиты, которое однако имъ уже не задалось. Пришлецы восторжествовали вездѣ: съ большимъ успѣхомъ и съ меньшимъ количествомъ жертвъ въ столкновеніяхъ съ кроткими финскими племенами всего сѣвера, и плодили грабежи и разбой, въ замѣчательномъ числѣ поступаясь первыми пионерами въ степныхъ и горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ русскія пріобрѣтенія покупались дорогою цѣною крови и всяческихъ бѣдствій. Особенно рѣзко выдается подобное явленіе въ тѣ времена, когда русское племя, ослабивъ стремленіе на востокъ за Каму и за Камень, устремилось на югъ, стало пріобрѣтать земли за Окой, къ Дону и Днѣпру.

На сѣверѣ въ лѣсахъ дешевизна пріобрѣтеній съ достаточною ясностію выразилась въ народныхъ преданіяхъ, увѣряющихъ въ томъ, что бѣлоглазая чудь, испуганная появленіемъ въ лѣсахъ бѣлой березы (означавшей грядущее владычество бѣлаго царя), строила стойки, запирались въ нихъ или сожигалась живою или уходила сквозь земли, проваливалась въ нее безъ слѣда. Это преданіе, одинаково общее для всей сѣверной Россіи и для всей Сибири, подтверждается и тѣми мѣстными преданіями,

изъ которыхъ по одному русскимъ людямъ стоило только вырубить ледъ на одномъ мѣстѣ рѣки и загнать всѣхъ чудаковъ въ эту прорубь, а на память объ нихъ прозвать эти мѣста нехитрыхъ побоищъ кровавыми плесами. Рѣдко являлась здѣсь вооруженная оборона; только въ житіяхъ самыхъ первыхъ святыхъ вологодскихъ и архангельскихъ рассказываются отдѣльные случаи сопротивленія туземцевъ, выражавшіеся оскорбленіями уединившемуся въ лѣса подвижнику: жгли его келью, сгоняли съ обогрѣтаго мѣста, приходили съ угрозами, и только въ двухъ-трехъ случаяхъ изъ цѣлыхъ сотенъ прибѣгли къ убійству, сдѣлавъ изъ подвижника мученика. То же самое повторилось и на сѣверѣ Сибири, гдѣ сожженіе юраками города Мангазеи (на Енисей) едва-ли не единственный случай вооруженнаго и серьезнаго противодѣйствія пришельцамъ. На всей картинѣ пріобрѣтеній этихъ лежитъ болѣе мягкій колоритъ на сторонѣ туземцевъ, и здѣсь грабежи и разбои, при всей исключительности своего явленія, производятся уже самими пришельцами. Насилія надъ туземными племенами столько же древни, какъ и самые акты пріобрѣтеній, начиная отъ походовъ удалой новгородской молодежи для завоеванія верховьевъ Волги и кончая пріобрѣтеніями земель за Волгой: на Камѣ, Чусовой и Бѣлой. Здѣсь открытыя противоборства, вооруженныя востанія туземцевъ, называемыя въ послѣднія времена бунтами, дѣлались замѣчательно частыми и грозными, потому что и самые пріобрѣтатели, изъ мирнаго купца и промышленника, превращались въ завоевателей, намѣренно ходившихъ съ оружіемъ и съ крѣпостями, въ видѣ казаковъ, стрѣльцовъ и, наконецъ, солдатъ. Особенно дороги Россіи пріобрѣтенія побережьевъ Волги отъ истоковъ, гдѣ дѣйствовали ушкуйники, до средины и устьевъ, гдѣ выказывали удалство и молодечество вольные люди, разбойники и дѣйствовали стрѣльцы и казаки. Грабежами и разбоями усыпались берега рѣки этой, столь дорогой для Россіи; нѣтъ ни одного города, ни одного урочища, которые не вели бы безконечныхъ рассказовъ о разбойничьихъ подвигахъ и походахъ; здѣсь родилась и разбойничья пѣсня, здѣсь получилъ свой начальный завакъ воинственный духъ народа, устремившагося на завоеванія съ лихорадочною поспѣшностію, съ неудержимою энергіею.

Тѣми же грабежами и разбоями началась и съ ними продолжала свое теченіе исторія пріобрѣтенія на рубежахъ южныхъ степей, въ низовыхъ степяхъ, начиная съ орловскихъ и оканчивая придонскими (въ воронежскихъ верховьяхъ рѣки Дона и ея притоковъ). Здѣсь нападеніямъ туземцевъ, набѣгамъ татаръ, калмыковъ и черкасъ отвѣчали пришельцы таковыми же набѣгами, сопровож-

давшимися грабежами и разбоями по всей длинѣ передовыхъ линій отъ ближайшихъ до отдаленныхъ. Долговременному нестройству, кровопролитнымъ распрямъ и всякаго рода насиліямъ и смутамъ здѣсь способствовало также и то, что украинцы эти произвольно и насильственно заселялись бѣглымъ и преступнымъ людомъ (бѣглыми холопами и изуродованными каторжниками). Тѣ и другіе, скитаясь по странѣ, покидая ветхія и некрѣпкія тюрьмы, несли пожары и опустошенія и обливали слѣды свои кровью. О дѣяніяхъ ихъ до нашихъ временъ сохранилась память во множествѣ присловій и бранныхъ прозвищъ, свидѣтельствующихъ о томъ, на сколько измѣнился народный духъ вслѣдствіе противодѣйствій и въ контрастѣ мирнымъ завоеваніямъ на сѣверѣ. Здѣшнія пріобрѣтенія Россіи куплены дорогою цѣною неволи и крови, посреди ежедневныхъ тревогъ отъ опасностей и при помощи и содѣйствіи людей, не лучшихъ какъ было на сѣверѣ, а тѣхъ, которыхъ сочло отечество негодными и ненужными: выгнало или выслало вонъ. Хотя они и выместили потомъ за это въ смутное безгосударное время лихолѣтя опустошеніемъ родины до отдаленныхъ предѣловъ тундры,—за то ими упрочилось пріобрѣтеніе всѣхъ благодатныхъ земель по Дону, по Волгѣ, до Десны на западъ, до Оки на сѣверѣ, до Маньча на югъ *.

Словомъ, во время строенія русской земли грабежи и разбои были однимъ изъ послѣдовательныхъ и неизбѣжныхъ явленій, породившихся вслѣдствіе самой системы завоеваній, неправильныхъ способовъ водворенія поселенцевъ и направленія ихъ силъ и колонизаторскихъ способностей. Разбои въ низовыхъ странахъ, разбои по Волгѣ слѣдовали одни за другими по вызову времени и по закону обстоятельствъ отдѣльно и независимо другъ отъ друга, и дѣйствовали съобща и заодно подъ руководствомъ сильныхъ и талантливыхъ натуръ въ родѣ Булавинныхъ, Хлопковъ, Разинныхъ, Пугачевыхъ и безконечнаго числа другихъ многихъ. Грабежи и разбои въ Россіи кочевали вмѣстѣ съ ея неосѣвшимися населеніемъ и изумляли количествомъ и размѣрами; изумляютъ теперь богатствомъ присловой (особенно по

* На сколько бранныя прозвища и присловья согласно характеризуютъ духъ населенія низовыхъ украинъ, служитъ доказательствомъ, между прочимъ, Орловская, гдѣ нѣтъ города, который бы похвалила народная память. «Хорошъ заяцъ да тулякъ, хорошъ малый да тумакъ. Орловцы проломанна голова; Орелъ да Кромь — первые воры, да и Карачевъ на поддачу; Амчешина бы тебѣ во дворъ (городъ Амченскъ (Мценскъ) цыгане семь верстъ обходили); Ливны—всѣмъ ворами дивны; Елецъ—всѣмъ ворами отецъ. Крестьянъ: Андронъ (Курыне) вдутъ. Нѣтъ у блага царя вора супротивъ Курянина.

Волгѣ), заклеившихъ многія мѣстности неслетнымъ прозвищемъ воровъ и разбойниковъ. То же самое повторилось и въ Сибири, во времена столкновений съ туземцами на югѣ: вызывались открытыя возстанія, и изъ путаницы взаимныхъ отношеній и неурядицъ выходили разбойники изъ племени пришельцевъ, порожденные воинственнымъ настроеніемъ духа, развужденнымъ и постоянно раздражаемымъ. Такъ корыстовались отъ грабежей и разбоевъ, въ мутной водѣ ловили рыбу выродки общественнаго неурейства въ серединѣ прошлаго столѣтія (около 1765 г.) казакъ Ѳедоръ при заселеніи иртышской линіи (имѣвшій притонъ въ селеніи Маслянскомъ Шадринскаго уѣзда Пермской губерніи и шайку въ 400 человекъ). Такъ, около того же времени, когда заселяли омскую линію и населяли Алтаѣ, вышелъ на удалые подвиги разбой Аванасій Селезневъ, руководившій изъ Бухтармы нѣсколькими шайками, разбивавшими русскіе и бухарскіе караваны и производившими баранты (угонавшими табуны лошадей и гурты скота и овецъ). Многія урочища и рѣчка, до сихъ поръ нося его имя, сохраняютъ память объ немъ. Такъ, при заселеніи лѣсной пустыни между городами Красноярскомъ и Иркутскомъ, злодѣйствовалъ разбойникъ Гондюхинъ, покровительствуемый самимъ губернаторомъ иркутскимъ Нѣмцовымъ, ограбившій, по его же заказу, губернаторскихъ гостей, собравшихся для гулянья на Ангарѣ. Въ 1805 году ночью, за 50 верстъ отъ Иркутска, ограбленъ былъ камеръ-юнкеръ Гурьевъ, принадлежавшій къ свитѣ китайскаго посольства Головкина, шайкою изъ тѣхъ поселенцевъ, которые по указу Павла слѣдовали для водворенія за Байкаломъ. За Байкаломъ водворенія эти послѣдовательно вызывали Григорьева, Горкина и другихъ *.

И точно также, какъ и въ Россіи, развужденный разбойничій духъ, долго не поддавался укрощенію, и разбой нашель себѣ привилегированныя, заусловленные мѣстности внутри Россіи и по Волгѣ **, въ Сибири наклонность къ грабжамъ (и на крайній случай къ разбоємъ) также сохранилась въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напримѣръ, Алтаѣ и во многихъ селеніяхъ, лежащихъ

* Объ этомъ мы уже говорили, какъ равно и разбойникъ — князь Баратаевъ, вызванномъ неурядицей заселенія охотскихъ краевъ и разграбившемъ городъ Жиганскъ. Баратаевъ этотъ пойманъ былъ во льдахъ уже на устьяхъ Лены и взятъ прострѣленнымъ восьмью пулями.

** На нихъ съ достаточною ясностію указываютъ уже народныя присловья и рассказы. Въ Сибири указываютъ на подобныя пункты подъ Иркутскомъ (окрестныя селенія Тельмилской бывшей сухопной фабрики) и подъ Томскомъ (деревня Воронова и Семилужна).

на почтовыхъ и вупеческихъ трактахъ). До тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія и тамъ также уберегались остатки грабеднаго духа и выносили удальци на разбойничьи походы. Съ тридцатыхъ годовъ, съ наибольшаго развитія золотныхъ промысловъ, на большемъ тѣлѣ открыта фонтанель и разбойники ушли въ тайгу промысловать золото. Тамъ случидось въ Сибирѣ.

Въ Россіи, по мѣрѣ того, какъ развивалась промышленность, заводились фабрики и заводы внутри территоріи, утвердившее мирное направленіе и силу народнаго труда, но тогда отсюда усиленія надзора и систематическихъ преслѣдованій, до которыхъ домыслились чрезъ рядъ косвенныхъ и неэфирныхъ путей административныя распоряженія — разбой провали на Волгѣ. Парокоды окончательно ихъ добились, и явленіе въ началѣ вокущаго десятиа лѣтъ Рузавина (около Нижняго), со всеми признаками стараго волжскаго разбойника, героя пѣсань — явленіе исключительное, послѣдній вадохъ гароя-удальца. Теперь разбой сталъ случайнымъ явленіемъ, зависящимъ отъ преднамѣреннаго соединенія или стачки выведшихъ на грабедь, при благоприятныхъ условіяхъ мѣста и времени, явленіе всегда неожиданное, рѣдко предугадываемое, причину котораго народъ скрива въ себя и до сихъ поръ опредѣлительно не повѣдалъ. Видимыя, наслѣженныя причины слишкомъ еще неожредѣленны и малочисленны для того, чтобы по нимъ можно было составить общее, а тѣмъ болѣе коеннооваключеніе. Между прочимъ, одна изъ причинъ заключается въ уничтоженіи крѣпостнаго права, имѣднаго тѣ особенности, что при немъ, какъ село Воронье (Костр. губ. Галиц. уѣв.), по народному присловью — бывшее днемъ семидесяти господъ, а ночью — одного (всѣ на грабедь выходили) и что, по вызову его, ходили на преступный промыселъ и дворяне и крестьяне, а по свидѣтельству дравныхъ актовъ и мовѣйшихъ документовъ — сами помѣщики, и при томъ не изъ однихъ только мелкопомѣстныхъ, какъ бы одиодворци и шляхта. Теперь черты картины грабедей и разбоевъ измельчали, пресѣченіе преступленій стало удобнѣе для администраціи полицейской, по частямъ и по мѣстамъ труднѣе для внимательнаго и подробнаго наученія въ общемъ видѣ. Но многое и сохранилось, и все находить оправданіе въ прошедшемъ.

Рѣдка изъ губерній нашихъ не имѣеть хотя одного такого заповѣднаго мѣста, гдѣ бы по временамъ не производился преступный промыселъ грабежа, гдѣ бы, говоря общепринятымъ и любимымъ народнымъ выраженіемъ, не пошаливали. Грабежамъ въ особенности покровительствуютъ такіа мѣстности, гдѣ, по административному или политическому дѣленію, приходится гра-

идти съ чужими землями (какъ въ Бессарабіи и Подольской губерніи), или таковой внутрянній клинъ, гдѣ сходятся границы трехъ губерній. Въ особенности послѣднее условіе ярко выясняется тамъ, гдѣ одна изъ губерній пользуется привилегированными правами и благопріятными условіями такого рода, что не представляетъ трудностей для перехода въ третью губернію (каковы малоземельныя градоначальства). Определеннѣе другихъ выясняются количествомъ грабежей и удобствомъ для нихъ мѣстности на Дону и Западной Двинѣ въ родѣ окрестностей Таганрога, Ростова съ Ахсаемъ и Нахичевани или окрестностей Динабурга. Подъ гнетомъ и увлеченіемъ соблазна, въ послѣдней мѣстности и еврей становится грабителемъ и на раскольничью надежду до половины справедливое подозрѣніе въ грабежахъ *. Затѣмъ и послѣ такой исключительности, грабежи въ остальной Россіи поднимаются такимъ пріемомъ, которые имѣють уже много чертъ общаго, и оной заповѣдная мѣста. Мѣста эти, по большей части, большія дороги и преимущественно торговая тракты, и цѣль грабежей — купеческіе обозы. Въ нерѣдкихъ случаяхъ грабежъ избираеть для своей дѣятельности почтовую дорогу, и тогда устремляетъ нападеніе безразлично и безразсчетно, наудану на проѣзжаго и на казенную почту. Первый видъ грабежей встрѣчается чаще, его можно назвать кромическимъ за тѣмъ, что у него есть и определенныя пункты и пріемы и определенное время, именно то, которое предшествуетъ большому ярмаркамъ. Второй видъ грабежей на почтовыхъ дорогахъ имѣеть форму періодическую, и такой грабежъ, какъ случайность, выжидаетъ совокупности многихъ, также случайныхъ, но благопріятныхъ причинъ, не всегда готовыхъ и дѣятельныхъ. Мѣстами онъ не стѣсняется и загорается безразлично и въ степяхъ саратовскихъ, пензенскихъ, подъ Самарою (близъ извѣстной луки Волги), и въ лѣсахъ Виленской губ., въ лѣсахъ костромскихъ. И этотъ грабежъ любитъ лѣсъ, особенно, когда дорога тянется длинными волоками (извѣстнымъ «шестидесятнымъ» въ Ветлуж. уѣз. и Макар. уѣздѣ Костр. губ.). Грабежъ, направленный

* Динабургъ стоитъ, какъ извѣстно, при такихъ условіяхъ, что тотчасъ за Двиною начинается Курляндская губернія съ ея вялымъ и медленнымъ нѣмецкимъ судопроизводствомъ средневѣковаго дѣла и съ презрѣніемъ къ русскимъ интересамъ. Въ 20-ти верстахъ отъ города губ. Кованская и нѣсколько подальше Виленская (самъ Динабургъ губ. Витбской). Опасность жителей увеличивается тѣмъ, что чрезвычайнао распространенное медное воровство нерѣдко доходитъ до дерзости грабежа. Полиція стоитъ въ самыхъ затруднительныхъ положеніяхъ при желаніи поймать, пригнать и застрашать воровъ и грабителей силою вліанія своего и самостоятельностью образа дѣйствій.

на купеческіе транспорты, не испугался проѣзжихъ дорогъ, ведущихъ въ Нижній, вызывая на эти мѣста ежегодные сторожевыя пункты, пикеты — особый видъ земской повинности для околныхъ жителей и казаковъ. Тѣми же пикетами предупреждаются (и не всегда предотвращаются) грабежи по болѣе глухимъ и дальнымъ дорогамъ, какова пермская, гдѣ грабежи направлялись на чайныя транспорты и являлись въ систематическомъ видѣ между городами Пермью и Кунгуромъ, Кунгуромъ и Екатеринбургомъ. Такими же грабежами славятся нѣкоторыя изъ оренбургскихъ дорогъ, гдѣ башкиры и мещеряки умѣютъ выгнать присутствіе въ ихъ натурѣ остатковъ степнаго хищничества (очевидное, и по тобольскимъ табелямъ ссыльных). Предостерегаютъ вѣроятіе придорожнаго грабежа снабженіемъ конвойними по весьма многимъ мѣстностямъ Кавказа, гдѣ грабежъ изъ обычнаго политическаго принципа горцевъ смѣнился въ наши дни на особенный видъ мщенія покровителямъ, продолжаетъ выражаться и по старымъ образцамъ племенныхъ расчетовъ за обиду, за угонъ скота (и по тобольскимъ табелямъ горцы преимущественно ссылаются за грабежи и разбой). Не говоримъ уже о киргизахъ, гдѣ грабежъ барантою — одна изъ политическихъ основъ кочеваго племени, и о татарахъ, въ которыхъ сильная склонность къ грабежамъ находитъ объясненіе въ старыхъ привычкахъ, вырожденныхъ и доказанныхъ исторією, и оправданіе въ религиозныхъ принципахъ, завѣщанныхъ кораномъ (татаринъ—по русской пословицѣ—либо насквозь хорошъ, либо насквозь мошенникъ). На Кавказѣ мусульманство сѣумѣло выродить юридикзмъ, гдѣ истребленіе людей неправовѣрныхъ (гяуровъ) возведено въ догматъ и настоятельно требовалось обоими главами секты (Шамилемъ и Махметъ-Аминемъ). Во всѣхъ этихъ случаяхъ въ грабежахъ мы видимъ прочное существованіе, упорную устойчивость. Наслѣдственная болѣзнь тѣмъ и опасна, что корни ея прочно и глубоко уходятъ въ испорченную почву, и какъ у всякаго подобнаго явленія, имѣющаго основаніемъ племенная особенность, болѣзнь не предстоить внезапнаго или скорого исчезновенія. Внутри Россіи, въ русскомъ племени, она, болѣзнь эта, представляется въ другой обстановкѣ, но и въ болѣе смутныхъ и спутанныхъ проявленіяхъ.

Останавливаясь на русскомъ племени и слѣдя за цифрами ссыльных въ Сибирь, мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ о грабежахъ.

Цифра, не отличаясь постоянствомъ, не принадлежитъ къ крупнымъ: грабежъ не изъ тѣхъ преступленій, которыя можно считать на ряду съ крупными цифрами другихъ преступленій и

въ особенности по сравненію съ ближайшимъ видомъ его—воровствомъ. Грабители, при недостаткѣ благопріятныхъ причинъ, мельчаютъ числомъ и пропадаютъ въ разрядѣ воровъ или, при противоположныхъ данныхъ, уходятъ въ Сибирь въ разрядѣ ссылаемыхъ за разбой. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, при усиленіи административнаго вниманія и надзора и увеличеніи преслѣдованій грабителей, вслѣдствіе какихъ-либо случайныхъ, сильно натапливающихъ обстоятельствъ, цифра грабителей увеличивается и, при противоположныхъ условіяхъ, упадаетъ. * Уменьшеніе этой цифры въ особенности примѣтно по отношенію къ женщинамъ. Возрастаніе цифры доказываетъ, что вповность въ грабежахъ женщинъ совершилась подъ защитой мужчинъ, при участіи которыхъ только и мыслимъ для женщинъ грабежъ, какъ преступленіе, наиболѣе требующее тѣхъ силъ душевныхъ, каковыхъ недостаетъ этому слабому и забытому полу. Грабежъ и разбой — не женскія преступленія; они уступаютъ мѣсто воровству и поджогамъ. На серьезныя кражи съ грабежемъ и въ расчетѣ на разбой женщинъ не берутъ. При этомъ вѣроятнѣе это преступленіе для нихъ въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ (въ ранній возрастъ самое рѣдкое явленіе изъ всѣхъ преступныхъ женскихъ дѣяній).

По количеству ссыльныхъ по сословіямъ, у крестьянъ, солдатъ и мѣщанъ грабежъ занимаетъ первое мѣсто послѣ воровства, стоящаго у всѣхъ на первомъ планѣ; по процентному отношенію самый высокій стоитъ за военными поселянами, крестьянами заводскими, однодворцами и солдатами (слабѣе всѣхъ у духовенства), и у мѣщанъ сильнѣе развита наклонность къ грабежу, чѣмъ у крестьянъ. По различнымъ мѣстностямъ Россіи грабежъ выразился сильнѣе въ странѣ сходцевъ (въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи). Въ Бессарабіи процентъ по общему отношенію ссыльныхъ къ нессильнымъ обитателямъ на столько ве-

* Вотъ доказательства въ цифрахъ, по годамъ:

Въ 1836	сослано за грабежъ	139 м.	9 ж.
» 1839	»	127	» 4
» 1840	»	142	» 11
» 1841	»	105	» 10
» 1842	»	143	» 10
» 1843	»	241	» 6
» 1844	»	210	» 3
» 1845	»	146	» 4
» 1846	»	111	» 8

Такимъ образомъ количество сосланныхъ женщинъ въ 18 разъ меньше числа мужчинъ.

ликъ, что подобнаго ему нѣтъ во всей Россіи: Вдвое жеившая населеніемъ Пермской губерніи, Бессарабіи превосходить ее числомъ грабежей, несмотря на то, что Пермская вмѣстѣ съ Тобольскою въ одно время и заводская, и случайно заполняемая большимъ количествомъ бѣглыхъ, и вмѣстѣ съ Казанскою и Сибирскою съ избыткомъ населена инородческими племенами, исповѣдующими исламъ *.

Разбой — это послѣднее и крайнее звѣно въ цѣпи преступленій, вытекающихъ послѣдовательно изъ бродячества и непосредственно изъ грабежа, какъ неизбежное слѣдствіе послѣдняго, но крайней исключительности своей, — сталъ принадлежать къ явленіямъ случайнымъ, но въ то же время и въ такимъ, гдѣ всѣхъ запутаннѣе основныя причины и вызывающіе поводы. За то, съ другой стороны, внѣшній видъ разбоевъ сдѣлалъ и успѣлъ принять кое-какія опредѣленныя формы, которыя можно типировать такимъ образомъ.

Нѣкогда на разбой выходили казаки, въ числѣ которыхъ бродяга, въ видѣ бѣглаго холопа и солдата, игралъ первую роль. Теперь разбоемъ охотнѣе занимаются заводскіе люди и опять тѣ же бѣглые и тѣ же солдаты; иногда съ крайней голодовки пускается на такое дѣло ибщанинъ, обыкновенно прямо изъ цѣловальничьихъ или вѣдомыхъ воровъ пригородныхъ. Бываютъ и такіе годы, когда путается въ разбойникахъ мелкопомѣстный

* По губерніямъ число грабителей распредѣлилось такъ (въ 9 лѣтъ съ 1838 по 1847 г.):

Пермская.....	65	н.	11	ж.
Тобольская.....	64	»	5	»
Грузія.....	56	»	6	»
Бессарабія.....	61	»	—	»
Сибирская.....	60	»	—	»
Подольская.....	56	»	2	»
Казанская.....	49	»	5	»
Курская.....	50	»	1	»
Кавказная область.....	40	»	2	»
Киѣвская.....	38	»	—	» и проч.

Губернія Олонецкая во всѣ 9 лѣтъ выслала только двухъ; Архангельская, Псковская, Вологодская, Лифляндская и Астраханская по пяти. Въ Финляндіи и Польшѣ грабежи также исключительное явленіе. Въ 20 лѣтъ для Олонецкой поднялась цифра до 10, Архангельской 21, Вологодской до 28, Лифляндской до 84, Астраханской до 20. Наибышій процентъ для грабежа остался за Новороссійскими краемъ съ ногайскими татарями на востокъ, съ крымскими на югъ и съ цыганами на западъ и кое-гдѣ въ серединѣ.

дворянствѣ, избавившійся до конца въ званіи однедворца (сержанта, какъ извѣстно, отличающагося правдивностію и несвободномъ отъ тяжкой преступности). Хаживали на разбой и капитаны Копѣйкины (имѣющіи, впрочемъ, основаніемъ историческую почву, бывалое сообщіе). Но—повторимъ опять—и этого тѣмъ измалывалъ, и только временами въ представительствѣ дружинахъ злодѣевъ обнаруживаетъ нѣкоторые признаки отжившихъ своей вѣкѣ удалыхъ добрыхъ молодцевъ, въ средѣ которыхъ разгоричненное народное воображеніе съумѣло поставить даже страшный образъ женщины-разбойника. Вотъ какинъ образомъ слаждаются эти остатки въ дѣльномъ видѣ злодѣя-разбойника.

Онъ, по большей части, дезертиръ изъ солдатъ, озлобленный неудачами жизни, строгостію и невгодами службы; всѣмъ бытъ битъ и о печку битъ, развѣ только печкой не битъ. Чаще это бѣглый съ каторги, опять-таки тертый калачъ, мятые бока, но и въ этихъ случаяхъ нерѣдко выявляется въ немъ боевой солдатъ и непремѣнно сосланный за убійство. Убійства у этихъ героевъ въ аттестатахъ (статейныхъ сибирскихъ спискахъ) повторяются иногда по нѣскольку разъ. Преступникъ подобнаго рода забрызганъ чужою кровью, на которой онъ какъ будто приобретаетъ закалъ и повадку.

Прежде, чѣмъ пуститься въ разбой, онъ обыкновенно бродяничаетъ долгое время и, въ занятіи этомъ отжизнивая потерянной воли и доли, находитъ то, чего не даетъ людская семья и жилие мѣсто, но чѣмъ богата лѣсная дичь и постоянное отчужденіе. Въ лѣсу бродяга дичаетъ, отвыкая отъ людей, теряя къ нимъ любовь и всякую вѣру, додумывается до равнодушія къ чужой и собственной жизни, выносить безвѣріе по всему. Выходя изъ лѣсу только въ кабаки для рязанія легкой добычи на вино, онъ занолучаетъ ту внутреннюю болѣзнь, которая характеризуется кандромъ, въ самомъ сердцѣмъ значеніи этого слова. Ипохондрикъ отъ самаго крупнаго и опаснаго свойства. Дальнѣйшія неудачи и преслѣдованія—неразлучные спутники бродячей жизни—при крайнемъ недостаткѣ началъ успокоительныхъ и примирительныхъ, развиваютъ въ сердцѣ бродяги озлобленность и зависть къ ошободѣ и счастію другихъ до болѣзни. Озлобленію недолго перейти въ непримиримую злобу: невольность людей честныхъ развиваетъ зародившееся чувство, а довершаетъ гибель отсутствіе средствъ къ жизни, когда и по пословицѣ голый разбою не боится, голому разбой не страшенъ. Переходитъ же эта непосредственная озлобленность въ орямую и открытую злобу всегда, когда бродяга-преступникъ наталкивается на такихъ же горюновъ, заготовившихъ одинаковій образъ воз-

зрѣнія на жизнь и поставленныхъ въ одинаковыя бытовыя условія. Это болѣею частію тѣ же бродяги, тѣ же бѣгло-каторжные голыши.

Встрѣча происходитъ обыкновенно въ тѣхъ же лѣсахъ и знакомство сводится въ тѣхъ же скрытыхъ и укромныхъ станахъ и притонахъ, дорога къ которымъ указывается на каторгѣ и хорошо извѣстна всякому желающему про то знать и этого искать. Затѣмъ—кабакъ: мѣсто прибѣжища для честнаго работника и пьяницы по профессіи, въ то же время, съ древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ, притонъ и для недовольныхъ, для всякаго званнаго и непрошеннаго. Цѣловальникъ и по тюремнымъ пѣснямъ далеко не донощикъ, не полицейскій агентъ, тѣмъ болѣе, когда знаменитый казанскій разбойникъ Дмитрій Быговъ изъ этого званія ушолъ въ Сибирь и вернулся назадъ на старыя мѣста сильно злодѣйствовать. Выпивки не всегда на чистыя деньги съумѣли выучить этого сорта промышленниковъ и торговцевъ пріему подъ закладъ такихъ вещей, въ которыхъ составлять избытокъ и берутъ перевѣсъ надъ собственными краденья, пріобрѣтенныя воровствомъ, грабежемъ и разбоями. Такихъ и скрывать негдѣ; таковыя и пріобрѣтаются предпочтительно для обмѣна на цѣлебное зелье, умѣющее укладывать тоску по прошломъ и развивать веселыя мысли и свѣтлыя взгляды на будущее. Цѣловальникъ непременно, косвеннымъ или прямымъ путемъ, впутается въ біографію разбойника, попадетъ въ шайку и подпадетъ суду и наказанію (отъ которыхъ откупъ въ недавнюю былую пору умѣлъ откупать большими деньгами). Главнымъ же образомъ бродяги, рѣшившіеся на правильныя вылазки и на отчаянный походъ, пріобрѣтаютъ дружбу и участіе, помощь и содѣйствіе въ мѣстномъ зазнамомъ ворѣ, который только потому не попалъ въ Сибирь, что откупился; нуждою и тюрьмою выученъ ловкости изворотовъ на слѣдственныхъ показаніяхъ и на самомъ судѣ, и вотъ приладилъ жилище на бродяжьей тропѣ и пріотворилъ дверь для бродягъ, потому что законы и судьи, за неясностью уликъ и доказательствъ, оставили его на родинѣ, хотя и въ сильнѣйшемъ подозрѣніи.

Вѣдомый воръ—теперь соумышленникъ и соучастникъ пришлыхъ недобрыхъ людей. Сговоренъ онъ ими въ томъ же кабацѣ, при помощи развязывающей языкъ и окрыляющей помыслы влаги. Онъ указываетъ имъ на цѣль нападеній, на тѣ бреши, гдѣ шире проломъ и крѣпче спитъ стража; даетъ онъ имъ совѣты, мѣстно пригодные и имъ, старымъ воровъ, самимъ нащупанные и неразъ испытанные. Товарищи молодцы, — ночные дѣльцы идутъ сначала мастерить «заугольничать» по постояннымъ

дворамъ, а потомъ «съ дубовой иглой портняжить по большимъ дорогамъ». Они грабятъ обозъ, грабятъ домъ богатаго мужика или попа, грабятъ церковь, грабятъ все и у всѣхъ, гдѣ только вѣрна и прибыльна добыча и по мѣрѣ накопленія въ груди запасовъ храбрости и дерзости. Умѣлые воры возъ разсыплютъ— два нагребутъ, умѣлые воры, съ помощію добраго знакопца, и концы спрячутъ чисто, хотя слѣды воровскіе и нейдутъ дальше кабака или дома подговореннаго благодѣтеля. Нерѣдко въ такихъ случаяхъ отсюда ни возьмется на помощь вдова солдатка или баба солдатка, 25 лѣтъ выжидающая своего мужа и на досугъ привыкшая прятать чужое, и поваженная соблюдать грабленое. Является въ пособницахъ и другая какая нибудь женщина (но рѣже), полюбившая какого нибудь изъ удалыхъ добрыхъ молодецъ, плѣненная не ростомъ и дородствомъ и сильной бородой (какъ бы солдатка, какая, вѣдающая по опыту, въ чемъ больше сласти), а плѣненная удалствомъ, заболѣвшая кручиной къ его горькой долѣ, которая не позволяетъ ему и головушку подклонить на тяжелую и невертлявую подушку. Защемляетъ она больше сердце, чѣмъ помыслы. На атамана обыкновенно налетаетъ хватившая опытъ въ жизни солдатка, та, которая перестала вѣрить въ суженыхъ и призраки и привыкла любоваться въ очи смѣльчаку и не дюжинному, не умному, да смѣлому, не богатому да тороватому; съ рожи ей не воду пить, а изъ кармана вмѣстѣ водку пить. Та или другая полюбивница поить и кормить, и пристань держать, и участіемъ и сочувствіемъ даетъ разбойникамъ ту силу, которая наталкиваетъ на новыя замыслы, и ту свѣжую бодрость, съ которой такъ легко ходитъ на всякія, самыя трудныя предпріятія.

Безъ «соприкосновенности въ преступленіи» женщины, разбой не бываетъ; безъ ея «сопричастности злодѣяніямъ» мало найдется даже официальныхъ хроникъ и слѣдственныхъ дѣлъ по грабежамъ и разбоямъ. Какъ бы то ни было, но разбой ходитъ всегда снабженный и закрѣпленный многоразличными пружинами. Пружины эти крѣпнуть въ упругости по мѣрѣ того, какъ усиливаются неудачи и ослабѣваетъ надзоръ и преслѣдованія, и становится злымъ и лихорадочно-дѣятельнымъ, когда погони и поиски начнутъ ходить по пятамъ, попадать на горячіе слѣды. Тогда чувство самосохраненія начинаетъ послѣднюю борьбу и обѣ силы затѣваютъ ожесточенный споръ, нерѣдко кровавую битву, гдѣ сторона слабѣйшая пускаетъ въ ходъ послѣднія свои средства, и всѣ разомъ: ловкость и хитрость, бѣшеную храбрость и замысловатую изворотливость. Сколько становыхъ и исправниковъ улетѣло подъ судъ за то, что не умѣли поймать

атамана подъ самымъ носомъ! Вотъ онъ, истомленный бессонными ночами, напившись до безпамятства и безсилія вылезъ на самой торной дорогѣ у огорода и принять былъ въ лохмотьяхъ за нищаго. Какъ бы то ни было, но послѣдніе вздохи героя громки и черезчуръ слышны и чувствительны: убійства становятся чаще, производятся безрасчетливе и ожесточеннѣе. Грабежъ и разбой додумываются до такого ужаснаго правила, по которому, грабъ того, кто жертвы непадетъ, людская оплошность за тѣмъ и на свѣтъ создана, чтобы добрый воръ не дремалъ; ограбленнаго убивай—слѣды жорони; не убьешь—самъ пропадешь: оставишь на слѣдахъ своихъ изныть, который непременно докажетъ.

Примѣняя правило на опытѣ къ дѣлу, разбойничья шайка тутъ напала на обозъ, убила вожиковъ, а тѣла ихъ зарыла въ болотѣ; тамъ накиннули на проезжую торговку съ товаромъ платокъ и задушили до смерти, и лошадь увели съ собою въ лѣсъ; вѣдѣсь ограбили избу, а самаго хозяина зарѣзали и трупъ сожгли въ печи; здѣсь ограбили проезжаго купца и тѣло его бросили въ рѣку, которое принесетъ потомъ въ руки земской или городской полиціи, «трупъ невѣдомо кому принадлежащій, но знакамъ на тѣлѣ коего видны знаки насильственной смерти». Надоумленная такимъ казусомъ, ревнивая къ милостямъ и вниманію начальства, поджигаемая разсказами въ обществѣ о злодѣйствахъ и упреками знакомыхъ въ бездѣйствіи, принуждаемая частными просьбами, облеточными въ официальную форму, а всего болѣе предписаніями и понужденіями начальства, — земская полиція приходитъ въ сознаніе своихъ обязательствъ, — и начинаетъ дѣйствовать.

Находятся, въ расчетѣ на денежную награду, сыщики и доносчики, какъ-то и рассыпаются по завѣдомымъ кабакамъ. Изъ овольныхъ людей собирается облава; само начальство выѣзжаетъ на мѣсто скорбей и обидъ временнымъ отдѣленіемъ. Всѣ о разбояхъ болтають, наперерывъ другъ передъ другомъ стараются нособить и, съ растерянными головами, сначала только путаются. Завязывается изъ разсказовъ цѣлый ромъ нъ въдумисовскомъ вкусѣ, гдѣ бывалое съ небылымъ путается до промадныхъ размѣровъ, такъ что невѣдо случилось первымъ слѣдователямъ увязать безъ успѣха и просить на помощь себѣ нъ губерніи свѣжихъ и опытныхъ людей. Кто-нибудь изъ трехъ или пяти, и всегда случайно, нападетъ на первой слѣдъ. Если слышатъ не дать остать этому слѣду, то схватятъ прежде всего мелкихъ ворышекъ, которые и по половицѣ любятъ звѣвать. Но это не всегда прямые дѣятелы, болшею частію они

соучастники тѣхъ, которые держатъ пристани и даютъ притѣнь; эти только тѣмъ запачкались, что попользовались крохами отъ добычи, да и то безпутно, и да и то небосторожно: у нихъ и остатки дувана найдены. Пойманные съ поличными, они зачастую уходятъ въ ссылку за большихъ и главныхъ; сплоти и рядомъ на нихъ возмещаютъ успѣхи и торжество побѣды. При умѣньи и ловкости, а всего чаще при помощи угрозы и легонькихъ штытокъ, страхами и запугиваньемъ, у этихъ нововившихъ въ свѣтъ добиваются языка, который и ведетъ начальство на первыхъ разбойниковъ, но не главныхъ. Атамана съ близкими друзьями ищутъ долго, его берегутъ пуще всѣхъ, да и самъ онъ, стрѣлянный звѣрь, хитрѣе и ловче всѣхъ. Находить его съ помощію той же случайности, иногда далеко въ другой губерніи или въ дальномъ уѣздѣ: его либо предасть, напоить и свяжетъ подкупленная полиціей полюбовница, либо онъ самъ, чтобы не мрачить своей славы, напьется-нагуляется въ кабакъ въ послѣдній разъ и свалится подъ лавку снопомъ. Цѣловальникъ, которому при этомъ надо и себя защищать и выслуживаться на подручномъ и легкомъ случаѣ, удалаго молодца свяжетъ и представить начальству. Такъ поступаютъ смѣлые и рѣшительные. Опасливые, но также опытные выводятъ одурѣлаго и зачумѣлаго гуляку на торную дорогу и бросаютъ тутъ. Сюда-то и приводитъ начальство сыщикъ, обыкновенно руководимый тѣмъ же нитѣйнымъ сидѣльцемъ, дѣйствующимъ за его спиной и осторожно съ цѣлюю застоятъ кабакъ отъ поджога. Берите теперь и каините: вотъ главный воротило, докучливый звѣрь лежитъ, растянувшись пластомъ, словно убитый и руки раскидалъ и ноги выставилъ, отяжелѣлыми глазами ничего не увидитъ, съвозъ стяннутые зубы ни словечка не вымолвить и похмѣлья не дастъ влить. Связанный веревками, заклепанный въ кандалы, съ включенной головой и бородой и опухшимъ отъ пьянства лицомъ, онъ приходитъ въ себя въ секретномъ казематѣ острога (если крушець звѣрь, то въ губернскомъ). Теперь онъ спитъ и готовъ на всякую казнь, затѣмъ что повинутьъ всѣми друзьями-товарищами. Пойманный раньше ихъ непремѣнно станетъ стараться убѣжать и рѣдко не настаиваетъ на своемъ. На вѣручку атамана Быкова, наводившаго въ 1848 году ужасъ на Казанскую губернію и городъ Казань, пришолъ товарищъ и другъ его Чайкинъ, такой-же бѣглый съ каторги молодець. Пришолъ Чайкинъ самъ, зная, что его усиленно ищутъ; что за голову его (слышалъ въ народѣ) какія-то деньги положили; пришолъ въ городъ, зашолъ въ трактиръ, поигралъ на бильярдѣ, сталъ водку пить въ общей комнатѣ, гдѣ сидѣлъ и частный пристава

за чаемъ послѣ бани. Богатырь Чайкинъ былъ неладно кроенъ и нелѣпо сшитъ: рѣзко бросался въ глаза угловатымъ лицомъ, на которомъ (судя по слѣзку маски и скелету его, хранящимся въ казанскомъ уневерситетѣ, верхнія скулы сильно были развиты и орбита глазъ глубока). Бросился онъ въ глаза и всею фигурой своей и всѣми манерами и тому полицейскому лицу, которе вмѣстѣ съ другими на то время думало объ одномъ только Чайкинѣ и готово было принимать за него всякаго встрѣчнаго. Къ тому же и примѣты злодѣя были повѣданы; недоставало рѣшимости, но вотъ и она, на крайній случай явившаяся вдохновеніемъ. Смѣлость города беретъ; ей удалось взять и Чайкина, ошеломленного смѣлымъ приступомъ и словами:

— Вѣдь ты Чайкинъ?

— Такъ точно.

— Зачѣмъ пришолъ сюда?

— Попытать счастья повидаться съ Быковымъ: нельзя ли какъ его изъ острога спасти (а на то время, вслѣдствіе городскихъ слуховъ, острогъ былъ оцѣпленъ сторожами).

— Я тебя долженъ буду взять.

— Вамъ ничего больше и не остается дѣлать. Самъ я это теперь вижу, вѣжите!

Очутившись въ острогѣ, разбойникъ знаетъ, что дѣлать. На слѣдствіи постарается показать невозмутимое спокойствіе; въ теченіе начатаго объ немъ дѣла пустится путать и запутывать другихъ, чтобы было дольше и труднѣе распутывать. Наплететъ онъ столько ложныхъ показаній и на себя и на стороннихъ людей, что дѣла о злодѣйствахъ копяты огромные томы. Обзываются больше непричастные люди — богатые мужики, на которыхъ обрывались надежды на добычу (какъ дѣлалъ это орловскій (Малоархангельскаго уѣзда) разбойникъ изъ кантонистовъ «Сирота»); попадаютъ подъ словоохотливый, расходившійся языкъ и настоящіе пособники: «за одно отвѣчать». Процессъ слѣдствія и суда тянется мѣсяцы, и отъ самого героя романа зависитъ протянуть его дольше цѣлаго года, если не получится предписанія судить его по полевому уголовному положенію, такъ-называемымъ военнымъ судомъ, въ 24 часа. Такъ поступили и съ шайкою Быкова и Чайкина.

Дальнѣйшая судьба преступника извѣстна: дадутъ ему прогуляться по зеленой улицѣ и пройдетъ онъ ее, если не ослабѣли на злодѣйской, безпутной жизни силы его и если не помѣчено количество ударовъ шпицрутенами особымъ зловѣщимъ придаткомъ. Быковъ ходитъ, Чайкинъ глядитъ: попроситъ полушубокъ снять и кваску испить, пожелаетъ, чтобы опять наби-

нули и застегнули полушубокъ и опять просить квасу. Возвращенный въ тюрьму, окровавленный и раздутый отъ ударовъ тысячи человекъ, онъ или пойдетъ на выльчку, чтобы выходить положенное, или, добитый сразу (какъ Быковъ одиннадцать разъ), въ тотъ же самый день (и, во всякомъ случаѣ, не дальше другаго дня) умереть въ острожномъ лазаретѣ, отъ остраго воспаленія въ легкихъ. Нѣкоторые, увѣренные въ томъ, что любопытная толпа любитъ эффектъ и охотно ходитъ на различныя блестящія, разчитанно бросають въ толпу блестящія остроумія, тяжелога краснаго слова. Выговорились этимъ Пугачевъ, Чуха, Разинъ; не высказался Быковъ; Чайкинъ совѣмъ иззябъ, но саратовскій злодѣй Гусевъ, ограбившій соборъ, убившій сторожа, совершившій кощунство и святотатство, не удержался. Когда его поставили на эшафотъ, онъ самъ снялъ рубаху и надѣлъ на шею ремень. Когда сняли всѣ шанки и прочитана была сентенція суда, Гусевъ, при видѣ наклонной знакомой скамейки кобылы съ одной большой дырой для головы и съ двумя маленькими подлѣ для рукъ, закричалъ на весь народъ громкимъ голосомъ:

— Эхъ, кобылка, кобылка! Ъзжалъ я на тебѣ, вывозила ты меня: ну-ко, вывози опять!

— Нѣтъ, Иванъ Петровичъ (отвѣчалъ ему не тише его саратовскій палачъ), нѣтъ, она тебя теперь не вывезетъ.

Положилъ на пологую скамейку, прикрутилъ голову на исподней сторонѣ машины къ рукамъ, просунутымъ въ дыры, укрѣпилъ ноги на кольцѣ внизу кобылы и снаружи ея (при чемъ сильно выгнулась спина и невозможно стало ни шевельнуться, ни перевернуться); отошолъ на нѣсколько шаговъ и съ промежутками секундъ въ 6, началъ давать удары. Послѣ 15-ти обязательно перемѣнилъ кнутъ, сдѣлавшійся слишкомъ мягкимъ отъ крови; счетъ былъ съ подлиннымъ вѣренъ; удары такъ сильны, что обѣщаніе свое палачъ исполнилъ. Когда сняли Гусева съ кобылы, чтобы приложить ко лбу и щекамъ машинку съ желѣзными иглами, рисующими слово К. А. Т. (каторжный) и ударить по ней нѣсколько разъ ладонью руки, Гусева въ живыхъ уже не было. Незачѣмъ было и порохомъ притирать залейменныя части лица.

Отвернувши глаза отъ ужаснаго зрѣлища (къ счастью человечества и славы Россіи, давно уже не существующаго), народъ, расходясь по домамъ, станетъ рассказывать дѣтямъ и внукамъ о событіи, но по другому, не по тому, что видѣлъ онъ и видѣли другіе. Рѣдкій изъ разбойниковъ не останется въ народной памяти и преданіяхъ не колдуномъ и чародемъ, спознав-

щимся съ нечистой силой и отъ нея надѣлавшимъ столько злодѣйствъ. Половину злодѣйскихъ подвиговъ разбойника народъ забудетъ и, рассказывая о памятникахъ, сумѣетъ умалчить ихъ жестокость, приписать мщенію, гдѣ кровь за кровь и жертва за жертву идутъ, цѣдясь и не прерываясь. Повѣдуетъ народъ потомству, что вѣзломный разбойникъ отличался красотой лица, оладистой черной бородой, живыми глазами, широкими плечами и такимъ высокимъ слѣднымъ ростомъ, что такъ всѣ и акнули, увидя его на подмосткахъ, и всѣ пожабли объ немъ. Въ этомъ народная память не ошибается: таковъ былъ и Гусевъ, и Рукавица, и Васыля Торинской (костромской) и Митька Быковъ (казанскій), склеить котораго въ музей университета пораждаетъ пропорціональность костей, общія красота и въ анатомическомъ значеніи этого слова. Полагаютъ даже (не безъ сильнаго основанія), что красивый и дородный молодецъ оттого и разбойникомъ сталъ, что забаловался на женскихъ даскахъ и на требованіяхъ отъ нихъ похвалы и бахвальства. Заболовавшись, онъ запыль, закутилъ, закружился въ вихрь удовольствій до того, что никуда не годенъ сталъ: началъ останавливать на себѣ и общее и бабье вниманіе и другими удалыми подвигами, не разбирая за недосугомъ грабежа отъ разбоя. Расскажутъ про разбойника, что онъ такъ пѣлъ пѣсни, что сыр-боръ прислушивался и птицы приподняли и самъ умѣлъ складывать такіа пѣсни, что рѣдкого человѣка не прошибала слеза, у рѣдкого не заземливало сердца (и въ этомъ много правды: начиная со Стеньки Разина въ XVII вѣкѣ, затѣмъ первообраза всѣхъ остраковъ изъ воровскаго рода — Ваньки Каина въ прошломъ, и въ нынѣшномъ, того же Гусева, мажороссійскаго разбойника Кармедюка и проч.). Переноса дѣянія съ одного на другаго, народная память, какъ одному, такъ и всѣмъ, припишетъ однородное: всѣ разбойники были милостивы къ несчастнымъ и угнетеннымъ и, разбойничая, только мстили обидчикамъ: богатыхъ грабили, казну грабили, купцовъ обижали, на чиновниковъ и господъ нападали, но бѣднымъ и нужнымъ людямъ давали милостыню щедрой рукой. И здѣсь народная память не противорѣчитъ дѣйствительности: отпуская въ дорогу невредимыми и цѣлыми, дѣйствительно не скупилась на дачу бѣднымъ и обиженнымъ эти люди по тому обстоятельству, которое имѣетъ оправданіе въ характерѣ всѣхъ грабителей изъ бродягъ. Бродяги еще въ тюрьмахъ выработываютъ презрѣніе къ деньгамъ и привыкаютъ къ безрасчетнымъ тратамъ; скопидомы въ бѣга не ходятъ, а ушедшіе тратятъ прачомъ нажитое съ тою расточительностью, которая составляетъ одну изъ самыхъ главныхъ

чертъ ихъ характера. Велиодоушіе также въ свойствахъ людей съ сильною волею; къ тому же, на виду и при случаѣ, можно имъ побавдаться, похвастаться; ограбивъ помѣщика, высѣчь и отпустить; чиновниковъ перевязать снѣгами и прикрѣпить къ дереву; нападать исключительно на казенные транспорты и не трогать обозовъ купеческихъ, а крестьянскіе провожать своимъ конвоемъ въ цѣлости и сохранности и проч. Все это ловко попадаетъ въ цѣль, и въ началѣ поисковъ и гонокъ за разбойниками непомѣрно затрудняетъ искателей. Въ народѣ околномъ встрѣчается нерѣшительность, отсутствіе всякой энергіи: у кого отъ страха, у кого отъ тайныхъ причинъ. Испуганные ищутъ спасенія въ молитвѣ и на этотъ разъ прибѣгаютъ къ заступничеству Ивана-Воица; большая часть другихъ, безтолковою хлопотливостью, нескрывающею равнодушія къ успѣху, раздражаютъ искателей и поимщиковъ до того, что они обыкновенно рѣшаются просить помощи у военной силы; на окольную перестаютъ надѣяться. Ловятъ милосердныхъ разбойниковъ всего чаще солдатами. Хвастливость и желаніе красоваться и въ тюрьмѣ ихъ не покидаетъ съ одной стороны для того, чтобы съ особеннымъ тщаніемъ на время казни приготовить для толпы хвастливыя изрѣченія и острые слова, а съ другой — чтобы не памятовали объ нихъ иначе, какъ объ удалыхъ добрыхъ молодцахъ и — достигаютъ цѣли. Подъ призрачнымъ идеаломъ народъ уже не видитъ въ разбойникѣ потеряннаго жестокаго человѣка, у котораго все навыворотъ, который запачкался во всевозможныхъ порокахъ и нравственно развращенъ до самаго корня. Чайкинъ разрываетъ людей на двѣ части, привязавъ къ двумъ наклоненнымъ вершинамъ гнѣбаго дерева за ноги, а Быковъ стоитъ вдали и любитъ, и на слѣдствіи вѣдетъ и божится, что онъ неповиненъ, ибо своими руками не дѣйствовалъ, а только придумывалъ и заказывалъ своему эсауду. Чайкинъ рѣжетъ бѣдную, попавшую на дорогѣ беременную женщину, а Быковъ подходит и смотритъ, оправдывая потомъ преступленіе и прибавъ свой тѣмъ, что хотѣлъ полюбопытствовать, какъ лежить въ утробѣ матери еще неродившійся ребенокъ.

Всматриваясь затѣмъ въ уголовныя хроники, мы встрѣчаемъ еще немногія дополнительные черты, въ которыхъ если надо общихъ, то много характерныхъ. Большею нетерпимостью отличаются разбой, производимые бѣглыми съ каторги (въ шайкѣ Быкова такихъ было 9, въ томъ числѣ самъ атаманъ и эсаудъ были изъ таковыхъ же бѣжавшихъ съ иркутскаго солевареннаго завода). Большую ловкость и изворотливость обнаруживали бѣглецы кантонисты, большую жестокость — бѣглецы солдаты. Ка-

кою-то дикою силою, неразсчотливостію и непредусмотрительностію отличаются тѣ грабежи и разбои, которые производятся татарами, и немолимъ и жестокъ тотъ разбойникъ, который вырождается въ кочевыхъ племенахъ и въ башкирахъ. Затѣмъ племенные особенности выступаютъ на видъ и берутъ свои права во всѣхъ случаяхъ: замѣшался татаринъ въ шайгѣ Быкова и послѣ разбоя, при дуванѣ, выговариваетъ себѣ лошадь, сбрую, телѣгу: телѣгу сжигаетъ, колесный наватъ катить домой. Вмѣшался въ дѣло цыганъ, при грабежахъ указываетъ на конюшни, самъ уводитъ, подъ защитой товарищей, лошадей мастерски и осторожно и еще съ большимъ искусствомъ загоняетъ ихъ въ скрытыя мѣста, гдѣ вытравляетъ клейма, перекрашиваетъ масти, выгодно перепродаетъ. При дѣлежѣ дувана ограбленныхъ и убитыхъ красильщиковъ онъ не беретъ деньги натурой, беретъ выпивкой, но, отказавшись отъ золота, съ охотою бросается и выговариваетъ себѣ кубовую краску и опять тѣхъ же лошадей.

И нѣтъ худа безъ добра: разбои, какъ и всякое другое преступленіе, наводящее ужасъ, выходящее изъ ряду обыкновенныхъ, грозное многочисленностію участниковъ, пробуждаютъ общество изъ временной апатіи, будятъ въ немъ остывшую осторожность, и въ дѣтеляхъ административныхъ возбуждаютъ энергію и усердіе. Энергія сказывается въ усиленіи надзора и вниманія, дѣятельность, чрезъ это удвоенная, наталкивается на множество скрытыхъ преступленій. Застыгнувъ въ распахъ и выведенныя наружу, преступленія эти освѣщаютъ для судей много такихъ дѣлъ, которыя, за неясностію уликъ и видимыхъ доказательствъ, преданы были суду и волѣ Божіей. Дѣло о Быковѣ открыло въ Казани цѣлую толпу въ 27 человѣкъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ, изъ которыхъ одни оказались преступниками, бѣжавшими изъ Сибири съ ваторжныхъ работъ, другіе бродягами, «отлучившимися отъ своихъ жительство безъ дозволенія ихъ начальствъ и мотающимъ по городу безъ опредѣленной цѣли». Побѣги разбойниковъ изъ тюремъ наводятъ на мысль о тщательномъ осмотрѣ острожныхъ помѣщеній, осмотръ наталкиваетъ на существованіе въ тюрьмахъ дѣлателей фальшивыхъ ассигнацій и монеты. Продолжительные и усиленные поиски, внезапные повальные обыски разбойничьихъ притоновъ обнаруживаютъ мастерскія дѣлателей тѣхъ же фальшивыхъ денегъ, канцеляріи для фальшивыхъ паспортовъ, притончиковъ и мѣста складовъ краденыхъ вещей; искатели попадаютъ на слѣды конокрадства, на тѣ пути и дороги, по которымъ проводятся краденныя лошади и проч.

Возвращаясь къ тобольскимъ цифрамъ преступниковъ, успешныхъ въ Сибирь за разбой, мы видимъ, что количество жен-

щинъ, сужденныхъ за это преступленіе, несравненно меньше количества мужчинъ, и участіе ихъ въ разбояхъ даже несравненно слабѣе, чѣмъ въ грабежахъ. Разбойницы остались только въ пѣсенной памяти и дѣла такия имъ совсѣмъ не по природѣ, не по характеру (на 341 муж., ушедшихъ за разбой въ девять лѣтъ, 17 разбойницъ, съ исключительнымъ перевѣсомъ на губ. Виленскую (6 чел.) и съ преобладаніемъ мужчинъ въ той же губерніи и въ Бессарабіи, Грузіи, губ. Ярославской, Симбирской, Кіевской, Воронежской, Подольской, Каспійской области — словомъ, чаще на рубежахъ, чѣмъ внутри государства; предпочтительнѣе въ мусульманской средѣ (въ Кавказскихъ и Казанской губ.), въ Приволжьи больше, чѣмъ по системамъ другихъ рѣкъ, у заводскихъ крестьянъ чаще, чѣмъ у помѣщичьихъ и государственныхъ. Между солдатами сильнѣе пособничество въ видѣ содержанія пристаней, чѣмъ между всѣми другими женщинами изъ прочихъ сословій *.

На мѣстахъ ссылки и на каторгѣ за разбой приводится судить рѣдко (въ Нерчинскихъ заводахъ въ 10 лѣтъ ни одного случая изъ 1,136 человекъ, сосланныхъ за грабежи и разбой). Въ Тобольской губ. въ 9 лѣтъ предыдущихъ (съ 38-го по 46) шесть, изъ поселенцевъ ни одного; за то за грабежъ каторжныхъ въ это же время 13, поселенцевъ 23 (20 м., 3 ж.); взломали тюрьмы 7 каторж., 32 посел. Бѣжало изъ Сибири и возвращено 8,246 муж. (каторжныхъ и поселенцевъ и 235 жен.): вотъ тотъ источникъ, изъ котораго предоставляется Россіи право почерпать всѣ невзгоды для себя, невзгоды, происходящія отъ воровства, грабежей, разбоевъ и поджоговъ. Бродягъ поймано въ 9 лѣтъ на разбояхъ 10 муж., 1 жен. Дома люди эти не такъ

* По годамъ разбойники размѣстились въ такомъ количествѣ: 1838 — 14 м., 1 ж.; 39 — 16 м., 1 ж.; 40 — 18 м.; 41 — 10 м., 4 ж.; 42 — 43 м., 9 ж.; 43 — 59 м.; 44 — 20 м.; 45 — 73 м., 2 ж.; 46 — 88 м.

По губерніямъ:

Ярославская.....	28 м. 1 ж.
Виленская.....	26 » 6 »
Бессарабія.....	23 » — »
Грузія.....	21 » — »
Симбирская.....	16 » — »
Кіевская.....	13 » — »
Каспійская область.....	12 » — »
Воронежская.....	11 » — »
Подольская.....	11 » — »
Смоленская.....	10 » — »

Въ дальнѣйшихъ тобольскихъ табеляхъ ушедшіе за разбой смѣшаны съ укрывателями въ одною числѣ и вообще спутаны вмѣстѣ съ грабителями.

скоро рѣшаются на обиду, но разбойникъ выходитъ на злодѣйства, вдохновляемый на большую часть одинаковыми съ Россіей причинами. Скопленіе опасныхъ и голодныхъ людей въ одной мѣстности, затрудняющейся ослаблять вражью силу прокормомъ и пріютомъ, порождаетъ грабежи и разбой теперь временно, періодически. Объ этомъ рассказано нами подробно въ своемъ мѣстѣ. Въ Сибири опасныхъ разбойниковъ и злодѣевъ сажали на цѣпь, и для этого, кромѣ всѣхъ ваторжныхъ, существуетъ особенная тюрьма въ Алатуѣ, при одномъ изъ нерчинскихъ рудниковъ.

Переходимъ къ поджогамъ, какъ къ такому преступленію, которое часто имѣетъ отношеніе и къ смутнымъ временамъ извѣстныхъ мѣстностей, накопившихъ сибирскихъ бѣглыхъ, и нѣкоторыми корнями своими укрѣплено въ той же почвѣ бродячества и изъ нея вырастаетъ.

VI.

Поджигатели.

Поджоги или (какъ привыкли выражаться казенныя бумаги и лица, а за ними и тобольскія табели) зажигательство — одно изъ тѣхъ преступленій, причина которыхъ всего меньше опредѣлена. Ни при одномъ изъ всѣхъ другихъ не выразились до такой степени несостоятельность слѣдствій и безсиліе слѣдователей недавнихъ временъ, спутанныхъ и затрудненныхъ тѣмъ особеннымъ явленіемъ, что поджоги являются періодически и въ нѣкоторые годы разомъ, массою случаевъ приносятъ несчастіе цѣлымъ мѣстностямъ, чаще всего въ одинъ и тотъ же годъ, и при этомъ значительно одна отъ другой удаленнымъ. Подозрѣвая въ такомъ явленіи обыкновенно результаты сильно возбужденнаго неудовольствія партій и политическихъ движеній, руководящихся поджогами, какъ средствомъ для возбужденія народа — слѣдователи, въ своихъ исканіяхъ, наталкивались на цѣлый рядъ неодолимыхъ препятствій. Запутавшись въ нихъ, они обыкновенно никуда не выходили, и послѣ тщетныхъ исканій являлись съ тѣмъ же, съ чѣмъ и ушли: подозрѣніе какъ будто стало яснѣе; схвачены и виновные, но на большую часть это—дѣти, которыя опредѣленнаго ничего не говорятъ (и сказать не могутъ): дали имъ деньги, поджигательные снаряды, указали, гдѣ начинать, но кто эти завазники — они не знаютъ, въ первый разъ видятъ. Эти дѣти въ большихъ городахъ по большей части кинутыя родителями, вкусившія плодовъ бродячей жизни или отбившіеся отъ мастеровъ-хозяевъ ученики, начавшіе изу-

чать приемы и правила увлекательнаго ремесла бродягъ; въ деревняхъ — это нищіе, проводники слѣпыхъ старцевъ, тоже подкушенные, тоже никого не знающіе. Поджигали они потому только, что ихъ юное, неопытное сердце не привыкло правильно различать добро отъ зла; пошли на преступленіе поджога, не давая себѣ въ томъ отчета; пошли потому, что ихъ приласкали, соблазнили, дали деньги и пообѣщали всего, чего ни захотятъ, чего ни попросятъ. Иногда ихъ ловятъ сбитыми въ шайкахъ (въ которыхъ безразлично попадаютъ и мальчики и дѣвочки), но при этомъ показанія ихъ еще запутаннѣе; каждый противорѣчить одинъ другому, и такъ, что представляется обширное поле для предположеній о томъ, на сколько подстрекатели и руководители тонко обдумали каждый свой шагъ, ловко припрятали всѣ концы, по которымъ можно было бы доходить до нихъ. До нихъ и не дошли, ни во время ближайшее къ намъ, ни во время отдаленное (какъ, напримѣръ, въ 1848 году), когда сгорѣли цѣлые города (какъ Кострома, Орель и проч.). Сгорѣли они столько же и отъ несомнѣнныхъ и настойчивыхъ поджоговъ, столько же и потому, что всѣ, по стариннымъ приемамъ, стоятъ на горахъ, надъ водой, но далеко отъ воды (какъ, напримѣръ, Симбирскъ въ особенности). Не найдя виновниковъ по задачѣ — не ходили искать внѣ ея и въ скопленіяхъ опасныхъ людей, прибѣжавшихъ изъ Сибири, причинъ поджоговъ по вызову мщенія за преслѣдованія — не искали. Народъ, знакомый съ такими дѣлами по опыту, заказалъ себѣ одно правило гостепримства, и укрываньемъ бродягъ, потворствомъ опаснымъ людямъ предотвращаетъ на время бѣды поджоговъ. Въ городахъ для этого меньше средствъ и охотниковъ, и больше готоваго люда для исполненія, а потому здѣсь жгутъ тѣ шайки воровъ, которые надѣются на суматоху пожаровъ, какъ на выгодное средство къ легкой, но богатой поживѣ. Въ деревняхъ причины поджоговъ выясняются больше, и самое преступленіе возрастаетъ на то время, когда ко многимъ народнымъ бѣдствіямъ присоединяются частые и многочисленные грабежи и когда чинятся разбои.

Поджигаютъ деревни всего чаще женщины: поджоги являются такимъ преступленіемъ, которымъ какъ будто гнушается мужское населеніе, и не будь тутъ мальчиковъ (значительно восполняющихъ количество сосланныхъ за поджоги мужчинъ), этотъ видъ преступленій можно было бы назвать исключительно женскимъ. По тобольскимъ табелямъ ссыльныхъ такъ и выходитъ, что въ общихъ цифрахъ самая крупная принадлежить женщинамъ, сужденнымъ за поджоги: нигдѣ уже цифра жен-

*

щинъ такъ не приближается къ цифрѣ мужчинъ (за девять лѣтъ 528 муж. и 434 жен.). По процентному отношенію женщины также характеризуются въ ряду поджигателей со всею очевидностью правъ на подозрѣніе въ сильнѣйшей навлонности вымещать житейскія неудачи охотливѣ этимъ, чѣмъ, напримѣръ, даже убійствомъ мужей. При этомъ наибольшая пропорція принадлежитъ раннему возрасту (отъ 15 до 20 лѣтъ), когда преступная воля охотливѣ пускается на мщеніе путями болѣе легкими, какъ, напримѣръ, на этоъ разъ подбросить огонь и высмотрѣть къ тому болѣе удобное время и болѣе закрытое мѣсто. Даже и въ зрѣломъ возрастѣ простая русская женщина, увлекаемая порывами непосредственныхъ чувствъ и руководимая грубыми природными инстинктами, старается поджогомъ излить накипѣвшую на сердцѣ злобу, высказать мщеніе за невѣрность любовника, за жестокое обращеніе мужа; поджигаетъ домъ соперницы, поджигаетъ домъ мужа; невѣста у жениха, измѣнившаго слову, обманутая сговорѣна у счастливой суженой и проч. Тобольскія табели, высовимъ процентомъ поджигательницъ изъ дворовыхъ людей, указываютъ на иную причину, переставшую въ настоящее время дѣйствовать, но прежде выдвигавшую это сословіе на первый планъ впереди крестьянъ, однодворцевъ и солдатъ (или собственно солдатокъ).

По отношенію къ различнымъ мѣстностямъ Россіи число поджигательницъ преобладаетъ въ губерніяхъ, гдѣ и по отношенію къ поджигателямъ цифра эта велика; таковы прежде всѣхъ двѣ: одна малороссійская Полтавская, другая полу-малорусская—Черниговская. За ними непосредственно слѣдуютъ: Симбирская, ярко-заявившая себя счастливою въ поджогахъ и въ послѣднее время (въ девять лѣтъ съ 1838 по 47 изъ Симбирской сослано 28 мужчинъ, 18 женщинъ; изъ Черниговской 24 мужчины, 14 женщинъ; изъ Полтавской 11 мужчинъ, 21 женщина). Изъ остальныхъ губерній чаще другихъ случались поджоги въ такихъ, которыя по преимуществу и гуще друрихъ населены были крѣпостными людьми и могли быть названы помѣщичьими *. Не было поджоговъ во всѣ наши девять лѣтъ ни въ одной изъ губерній сѣверныхъ (каковы: Архангельская, Олонекская, Вологодская) и вообще во всѣхъ тѣхъ, гдѣ избытокъ народонаселенія принадлежалъ или казеннымъ крестьянамъ, или казакамъ, или инородцамъ **. Въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ ока-

* Пенз. (23 м., 23 ж.), Тамб. (14 м., 13 ж.), Тульск. (12 м., 9 ж.), Виленск. (12 м., 22 ж.) и проч.

** Въ 9 лѣтъ нашихъ очень мало поджоговъ въ Вятской, Астраханской и Донской казачьей землѣ. Такъ это оставалось и въ предыдущіе 11 лѣтъ, такъ

залось наибольшее количество бродягъ, значительная степень участія въ воровствахъ всякаго рода, грабежахъ и даже убійствахъ — самая слабая степень виновности въ поджогахъ: гостепріимство тамъ еще въ той степени радушнаго настроенія, при которой нѣтъ мѣста для злобы и мщенія и отношеніе женскаго пола къ мужскому, слабое по количеству, находится въ благопріятныхъ (мирныхъ и уступчивыхъ) границахъ. Рѣзче выясняется преобладаніе поджигательницъ въ Остзейскомъ краѣ, а въ преступномъ населеніи Закамья (губерній Оренбургской и Пермской) процентъ поджигателей — самый низкій (въ Оренбургской 20 мужчинъ и женщинъ, въ Пермской 17 обоюго пола).

Въ Сибири хотя и существуетъ обычай у бродягъ мстить отказавшимъ въ пріютѣ краснымъ пѣтухомъ или поджогомъ, но случаи эти на столько не выдаются, по сравненію съ таковыми въ Россіи, что, напримѣръ, въ Нерчинскихъ заводахъ, въ десять лѣтъ (съ 1847 по 57), на 174 человекъ, присланныхъ за поджоги, не было ни одного такого, который оказался бы большимъ пріоманіемъ или вызванъ былъ вновь за такое тяжолое для сельскаго населенія злодѣяніе. Стало быть, страхъ поджоговъ теперь только тотъ призракъ, высматривающій изъ мрака далекихъ временъ, который для бродягъ становится духомъ-защитникомъ, а для туземцевъ покровителемъ, оправдывающимъ отвѣтственность предъ судомъ за укрывательство бѣглыхъ съ каторги и мѣстъ поселенія. Въ десять лѣтъ (съ 1838 по 47) не было замѣчено ни одного поджигателя ни между арестантами, выпущенными въ Сибирь изъ Россіи, ни между каторжными, ни въ средѣ поселенцевъ. Поджоги въ Сибири такая же временная болѣзнь, какъ разбой и грабежъ шайками, и въ такомъ случаѣ немедленное и непремѣнное послѣдствіе этихъ двухъ родовъ злодѣянія. Между тѣмъ, и сильныя женщины бѣгутъ въ лѣса и на волю, не справляясь съ силой, и спрашивая только согласія и позволенія у мужчинъ каторжныхъ, бѣгутъ немного (по три на годъ), но опять таки на новой родинѣ своей поджогами заниматься не любятъ. Въ новомъ крѣпостномъ положеніи ихъ все согласно направляетъ къ дѣятельности противоположныхъ свойствъ: рѣдкой изъ нихъ не удается сдѣлаться матерью еще на дорогѣ; ни одной не привелось еще, за недостаткомъ женщинъ, остаться въ безбрачій. За мужемъ и надъ дѣтьми для каторжной женщины прекращаются всѣ пути къ преступленіямъ крупнымъ и остаются торныя дороги только для воровства и прелюбодѣянія.

О. Максимовъ.

что въ 20 лѣтъ расположились цифры слѣдующимъ образомъ: Архан. (2 м.), Олопец. (1 м., 2 ж.), Таврич. (2 м., 4 ж.), Земля Войска Донск. (3 м., 6 ж.), Новгор. (5 м., 7 ж.).

ОТЕЦЪ И СЫНЪ.

(СЦЕНА ИЗЪ ТРАГЕДІИ АЛЬФИЕРИ: «СЕМЕЙСТВО ПАЦЦИ»).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ:

Гульельмо Пацци; Раймондо, его сынъ, женатый на сестрѣ Медичи, Гон-
фалоньеръ.

Раймондо.

Сносить, отецъ, — терпѣть и всё терпѣть?
Другаго ты мнѣ не даешь совѣта.
Уже ль ты сталъ вполне работъ! Уже ль
Не чувствуешь ты тягостнаго ига,
Всей глубины позора и стыда?

Гульельмо.

Всё, всё, мой сынъ, я чувствую давно!
И, можетъ быть, сильнѣй, чѣмъ оскорбленье,
Которому подверглись мы съ тобой,
Меня позоръ всеобщій возмущаетъ.
Но, что, скажи, — что можно предпринять?
Не довели-ль уже раздоры партій
Насъ до того, что всякое движенье
Намъ гибельно и выгодно врагамъ?
Вѣрь истинѣ, какъ ни горька она,
Что измѣнить больное государство
Лишь къ худшему — возможно...

Раймондо.

Государство?

Но гдѣ жь оно? А если есть, то хуже
Оно никакъ ужь сдѣлаться не можетъ.
Скажи, отецъ, ужели это жизнь?
Иль тотъ живетъ, кто въ вѣчномъ униженъ!

Въ боязни дни безславные влачить?
 Чтò жь можетъ быть еще? Не то ли худшимъ
 Считаешь ты, что вмѣсто слезъ бесплодныхъ
 Мы кровь прольемъ хоть разъ? Но если такъ,
 Зачѣмъ же ты рассказывалъ, бывало,
 Восторга полнъ, ребенку своему,
 О временахъ минувшихъ и прекрасныхъ,
 И наши дни оплакивалъ зачѣмъ?
 Теперь и ты подъ игомъ ненавистнымъ,
 Какъ рабъ чело покорное склонилъ.

Гульельмо.

Была пора, была, мой сынъ, я знаю,
 Когда какъ ты нетерпѣливъ и гордъ
 Я пошатнуть готовъ былъ государство.
 Чтобъ подъ его руинами погибли
 Враговъ страны и жизнь и достоянье.
 Вѣдь юности все кажется легко!
 Но находилъ друзей я вѣрныхъ мало.
 Повсюду я двуличность, колебанье
 И медленность къ дѣламъ великимъ видѣлъ.
 А между тѣмъ все глубже съ каждымъ днемъ
 Въ странѣ пускало корни самовластье. —
 Но вотъ я сталъ отцомъ; и мысль моя теперь
 Склоняется лишь къ вѣрнымъ предпріятьямъ;
 Безсильный врагъ напрасно сталъ бы я
 Властителямъ одинъ сопротивляться.
 Въ родство вступить я съ ними предпочелъ,
 И ихъ сестру соединилъ съ тобою.
 Здѣсь не цвѣло ужъ дерево свободы,
 И потому, подъ сѣнью мощной власти,
 Тебя съ дѣтьми твоими я хотѣлъ
 Укрыть отъ всѣхъ опасностей...

Раймондо.

Ихъ власть

Позорный щитъ, — и слишкомъ не надежный?
 О Бьянкѣ я не думаю; я въ ней
 Давно отвыкъ сестру Медичи видѣть,
 Я полюбилъ ее, и дѣти наши тоже,
 Хотя они племянники Медичи
 Мнѣ дороги. Не ихъ я сожалею.
 Тебя отецъ — я о тебѣ скорблю!

Что Пацци кровь ты чистую смѣшалъ
 Съ такою кровью! Я отцовской волѣ
 Покорень былъ, и что жь? Смотри,
 Любуйся нашей трусости плодами...
 О почестяхъ, о силѣ ты мечталъ,
 А между тѣмъ, на насъ союзъ постыдный
 Лишь ненависть всеобщую навлекъ.
 Да! Граждане насъ вправѣ ненавидѣть...
 Вѣдь мы родня Медичи! А они?
 Не ненависть они — ужь, — а презрѣнье
 Питаютъ къ намъ! И стоимъ мы того,
 Коль гражданами быть не захотѣли!

Гульельмо.

Мой милый сынъ, въ иной странѣ скорѣе
 Я поощрять бы сталъ твое стремленье
 Къ дѣламъ благимъ и подвигамъ высокимъ,
 Чѣмъ, какъ теперь, обуздывать его.
 О вѣрь, молю, что въ этомъ унижены
 Моя душа отрады не находитъ,
 Что многихъ мнѣ усилій стоитъ гнѣвъ
 Свой подавить, и маску ложной дружбы
 Всегда носить... Подумай самъ о томъ.
 Ты правъ; въ груди твоей ужь съ дѣтскихъ лѣтъ
 Я сѣмена любви къ свободѣ видѣлъ.
 И сѣмена тѣ рано дали ростъ.
 Не утаю, что этимъ я порой
 Утѣшенъ былъ; но чаще втихомолку
 Я утиралъ горячую слезу,
 И о твоёмъ свободномъ, гордомъ духѣ
 Скорбѣлъ. — Тогда разумнымъ показалось
 Мнѣ — обуздать порывы молодые
 Вѣнки кроткою и нѣжною любовью.
 И ты, какъ я, ты тоже сталъ отцомъ.
 О! еслибъ имъ я не былъ никогда!
 Я за свою отчизну дорогую
 Иль вмѣстѣ съ ней, когда бъ то было нужно,
 Охотно бъ палъ...

Раймондо.

Но если это такъ,
 И если насъ родительское чувство

Всегда въ рабовъ покорныхъ превращаетъ,
Зачѣмъ меня отцомъ желалъ ты видѣть?

Гульельмо.

Не утаю... Не видя больше средствъ
Предотвратить паденье государства,
Я обольстить себя мечтой старался,
Что можетъ быть къ терпѣнью приучить
Тебя любовь супруга и отца.

Раймондо.

Но развѣ здѣсь кто можетъ безопасно
Отцомъ, супругомъ быть; и развѣ я
Здѣсь остаюсь самимъ собой, скажи?
Не нужны мнѣ тщеславія игрушки
Что первыми — послѣднихъ могутъ сдѣлать.
Я не для нихъ рожденъ... Знать потому
Ихъ у меня и рѣшено отнять.
И здѣсь онѣ позорнѣе вдвойнѣ,
Служа щитомъ свободѣ мнимой!.. Ихъ
Носить не могъ я безъ стыда, но нынѣ
Я обреченъ еще на больший стыдъ
Ихъ у меня срываютъ своевольно!
Вотъ до чего мы дожили — отецъ!

Гульельмо.

Да, говорятъ... Я самъ объ этомъ слышалъ,
И все еще повѣрить не могу...

Раймондо.

Но почему жь?... Иль мало оскорбленій
Перенесли отъ нихъ мы? Ты забылъ
Какъ насъ они ограбили, и какъ
Былъ измѣненъ законъ для этой цѣли?
Съ тѣхъ поръ какъ мы въ родню къ тиранамъ втерлись,
Намъ каждый день позоръ приноситъ новый.

Гульельмо.

Мой милый сынъ, повѣрь сѣдинамъ старца
И положишься на опытность его.
Ту ненависть, что можетъ быть скрываю
И я въ груди — не расточай бесплодно.
Еще сносить ты можешь. Сомнѣваюсь

Чтобъ посягнуть властители дерзнули
 На почести, которыя тебѣ
 Дарованы... Но если всѣ предѣлы
 Они съ безстыдствомъ наглѣмъ переступятъ,
 Молчи, мой сынъ... Угроза губить дѣло;
 Молчи — и помни: мечь — молчанья дочь!
 Учись у нихъ... Они должны служить
 Намъ образцомъ, какъ надо ненавидѣть.
 Пусть для тебя, руководящей нитью
 Улыбка ихъ, и взглядъ ихъ льстивый будетъ.
 Вотъ мой совѣтъ и вотъ моя наука.
 Терни пока! Когда жъ настанетъ часъ,
 Я самъ къ тебѣ приѣду учиться дѣлу. (*Уходитъ*).

Раймондо (*одино*).

Я не рѣшусь довѣриться ему
 Вполнѣ, пока не прибылъ Сальвиати.
 Онъ о моихъ еще не знаетъ планахъ,
 Не чувствуетъ, что я не примирить
 Съ собой хочу тирановъ, а напротивъ
 Ихъ раздражить, и вызвать ихъ нападки.
 Отецъ! отецъ! ты нынче сталъ терпѣнью
 Учитъ меня; покорности, трусливой.
 Ты, что бойцомъ отважнымъ за свободу
 И за права отчизны былъ когда-то!
 О, неужель такъ скоро научаетъ
 Насъ бремя лѣтъ искусству быть рабомъ.
 Нѣтъ! Нѣтъ — клянусь! Но если это правда,
 И если мы подъ старость привыкаемъ
 Сносить, молчать, дрожать и пресмыкаться —
 Я смерть зову!... Пускай она придетъ
 Меня спасти отъ участи позорной.

А. Плещеевъ.

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

IV.

ДИКІЙ ПОМѢЩИКЪ.

(Писано со словъ помѣщика Святлоокова).

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ былъ помѣщикъ, жилъ и на свѣтъ гляючи радовался. Всего у него было довольно: и крестьянъ, и хлѣба, и скота, и земли, и садовъ. И былъ тотъ помѣщикъ глухой, читалъ газету «Вѣсть», и тѣло имѣлъ мягкое, бѣлое и разсыпчатое.

Только и взмолился однажды Богу этотъ помѣщикъ.

— Господи! всѣмъ я отъ Тебя доволенъ, всѣмъ награжденъ! Одно только сердцу моему непереносно: очень ужъ много развелось въ нашемъ царствѣ этого мужика!

Но Богъ зналъ, что помѣщикъ глухой, и прошенью его не выслушалъ.

Видитъ помѣщикъ, что мужика съ каждымъ днемъ не убываетъ, а все прибываетъ да прибываетъ; видитъ, и опасается: а ну, какъ онъ у меня все добро пріѣстъ?

Заглянетъ помѣщикъ въ газету «Вѣсть», какъ въ семь случаевъ поступать должно, и прочтаетъ: старайся!

— Одно только слово написано, молвить глухой помѣщикъ:— а золотое это слово!

И началъ отъ стараться, и не то чтобы какъ-нибудь, а все по правилу. Курица ли крестьянская въ господскіе овсы забредетъ—сейчасъ ее, по правилу, въ супъ; дровецъ ли крестьянинъ нарубить, по секрету, въ господскомъ лѣсу соберется—сейчасъ эти самыя дрова на господскій дворъ, а съ порубщика, по правилу, штрафъ.

— Больше я нынче этими штрафами на нихъ дѣйствую! говорятъ помѣщикъ сосѣдямъ своимъ:— потому что для нихъ это понятнѣе.

Видятъ мужики: хоть и глупый у нихъ помѣщикъ, а разумъ ему данъ большой. Сократилъ онъ ихъ такъ, что некуда носа высунуть; куда ни глянуть—все нельзя, да не позволено, да не ваше! Скотинка на водоной выйдетъ — помѣщикъ кричить: моя вода! курица за околицу выбредетъ — помѣщикъ кричить: моя земля! И земля, и вода, и воздухъ—все его стало! Лучины не стало мужику въ свѣтецъ зажечь, прута не стало избу вымести. Вотъ и взмолились крестьяне всѣмъ міромъ къ Господу Богу:

— Господи! легче намъ пропасть и съ дѣтми съ малыши, нежели всю жизнь такъ-то маяться!

Услышалъ милостивый Богъ слезную молитву сиротскую, и не стало мужика на всемъ пространствѣ владѣній глупаго помѣщика. Куда дѣвался мужикъ — никто того не замѣтилъ, а только видѣли люди, какъ вдругъ поднялся мягинный вихрь, и, словно туча черная, пронеслись въ воздухѣ пасконные мужицкіе портики. Вышелъ помѣщикъ на балконъ, потянулъ носомъ, и чуетъ: чистый-пречистый во всѣхъ его владѣніяхъ воздухъ сдѣбался. Натурально, остался доволенъ. Думаетъ: теперь-то я понѣжу свое тѣло бѣлое! тѣло бѣлое, рыхлое, рассыпчатое!

И началъ онъ жить да поживать, и сталъ думать, чѣмъ бы ему свою душу утѣшить.

— Заведу, думаетъ,—театръ у себя! напишу къ актеру Садовскому: пріѣзжай, молъ, любезный другъ! и актерокъ съ собой привози!

Послушался его актеръ Садовскій, самъ пріѣхалъ и актерокъ привезъ. Только видитъ, что въ домѣ у помѣщика пусто, и ставить театръ и занавѣсъ поднимать нѣкому.

— Куда же ты крестьянъ своихъ дѣвалъ? спрашиваетъ Садовскій помѣщика.

— А вотъ такъ и такъ, — Богъ, по молитвѣ моей, всѣ мои владѣнія отъ мужика очистилъ!

— Однако, братъ, глупый ты помѣщикъ! кто же тебѣ, глупому, умываться подастъ?

— Да я ужъ и то сколько дней немутный хожу!

— Стало быть, шампильоны на лицѣ растить собрался? сказалъ Садовскій, и съ этимъ словомъ и самъ уѣхалъ, и актерокъ увезъ.

Вспомнилъ помѣщикъ, что есть у него по близости четыре генерала знакомыхъ; думаетъ: что это я все грань-пасьянсъ, да грань-пасьянсъ раскладываю! Попробую-ко я съ генералами впятеромъ пультку-другую сыграть!

Сказано—сдѣлано; написалъ приглашенія, назначилъ день, и

отправилъ письма по адресу. Генералы были не совсѣмъ настоящіе, но голодные, а потому очень скоро пріѣхали. Пріѣхали, и не могутъ надивиться, отчего такой у помѣщика чистый воздухъ сталъ.

— А оттого это, хвастается помѣщикъ: — что Богъ, по молитвѣ моей, всѣ владѣнія мои отъ мужика очистилъ!

— Ахъ, какъ это хорошо! хватаютъ помѣщика генералы: — стало-быть, теперь у васъ этого холопьяго запаха нисколько не будетъ?

— Нисколько, отвѣчаетъ помѣщикъ.

Сыиграли пульку, сыиграли другую; чувствуютъ генералы, что пришелъ ихъ часъ водку пить, приходятъ въ безпокойство, озираются.

— Должно быть, вамъ, господа генералы, закусить захотѣлось? спрашиваетъ помѣщикъ.

— Не худо бы, г. помѣщикъ!

Всталъ онъ изъ-за стола, подошелъ къ шкафу и вынимаетъ оттуда по леденцу да по печатному прянику на каждого человека.

— Что же это такое? спрашиваютъ генералы, вытаращивъ на него глаза.

— А вотъ, закусите, чѣмъ Богъ послалъ!

— Да намъ бы говядинки! говядинки бы намъ!

— Ну, говядинки у меня про васъ нѣтъ, господа генералы, потому что съ тѣхъ поръ, какъ меня Богъ отъ этого мужика избавилъ, и печка у меня на кухнѣ стоитъ не топлена!

Разсердились на него генералы, такъ что даже зубы у нихъ застучали.

— Да вѣдь жрешь же ты что-нибудь самъ-то? накнудись они на него.

— Сыръемъ кой-какимъ питаюсь, да вотъ пряники еще куда есть...

— Однако, братъ, глупый же ты помѣщикъ! сказали генералы и, не докончивъ пульки, разбрелись по домамъ.

Видитъ помѣщикъ, что его ужъ въ другой разъ дуракомъ чувствуютъ, и котѣль-было ужъ задуматься, но такъ-какъ въ это время на глаза попалась колода картъ, то махнулъ на все рукою и началъ раскладывать грань-пасьянсъ.

— Посмотримъ, говоритъ, господа либералы, кто кого одолѣетъ! Докажу я вамъ, чтò можетъ сдѣлать истинная твердость души!

Раскладываетъ онъ «дамскій напризъ» и думаетъ: ежели сразу три раза выйдетъ, стало-быть, надо не взирать. И какъ на зло,

сколько разъ ни разложить — все у него выходитъ, все выходитъ! Не осталось въ немъ даже сомнѣнiя никакого.

— Ужь если, говорить, сама фортуна указываетъ, стало-быть, надо оставаться твердымъ до конца. А теперь покуда, довольно грань-пасьянсъ раскладывать, пойду, позаймусь!

И вотъ, ходитъ онъ, ходитъ по комнатамъ, потомъ садеть и посидеть. И все думаетъ. Думаетъ, какiя онъ машины изъ Англи выпишетъ, чтобъ все паромъ да паромъ, а холопскаго духу чтобъ нисколько не было. Думаетъ, какой онъ плодовитый садъ разведеть: вотъ тутъ будутъ груши-дюшессы, вотъ тутъ—груши глiвы, вотъ тутъ—персики, тутъ — грецiй орѣхъ! Посмотритъ въ окошко, анъ тамъ все, какъ онъ задумалъ, все точно такъ ужъ и есть! Ломятся, по щучьему велѣнью, подъ грузомъ плодовъ деревья грушевыя, персиковыя, абрикосовыя, а онъ только знай фрукты машинами собираетъ, да въ ротъ владеть! Думаетъ, какихъ онъ коровъ разведеть, что ни кожи, ни мяса, а все одно молоко, все молоко! Думаетъ, какой онъ клубники насадить, все двойной да тройной, по пяти ягодъ на фунтъ, и сколько онъ этой клубники въ Москвѣ продастъ. Наконецъ, устанеть думать, подойдетъ къ зеркалу посмотрѣться — анъ тамъ ужъ пыли на вершокъ насѣло...

— Сенъка! крикнетъ онъ вдругъ, забывшись, но потомъ спохватится и скажетъ: — ну, пускай себѣ до поры, до времени такъ постоитъ! а ужъ докажу же я этимъ либераламъ, что можетъ сдѣлать твердость души!

Промаячить, такимъ манеромъ, покуда стемнѣетъ, и спать! А во снѣ сны еще веселѣе, нежели наяву, снятся. Снится ему, что самъ губернаторъ о такой его помѣщичьей непреклонности узналъ, и спрашиваетъ у исправника: «какой-такой твердый человекъ у васъ въ уѣздѣ завелся?» Потомъ снится, что его за эту самую непреклонность министромъ сдѣлали, и ходитъ онъ весь въ лентахъ и пишетъ циркуляры: быть твердымъ и не взирать! Потомъ снится, что онъ ходитъ по берегамъ Евфрата и Тигра...

— Ева, мой другъ! говоритъ онъ.

Но вотъ и сны всѣ пересмотрѣлъ; надо вставать.

— Сенъка! опять кричитъ онъ, забывшись, но вдругъ вспомнить... и поникнетъ головою.

— Чѣмъ бы, однако, заняться? спрашиваетъ онъ себя: — хоть бы лѣшаго какого-нибудь нелегкая принесла!

И вотъ по этому его слову вдругъ прiѣзжаетъ самъ капитанъ-исправникъ. Обрадовался ему глупый помѣщикъ несказанно; побѣжалъ въ шкафъ, вынулъ два печатныхъ прянника и думаетъ: ну, этотъ, кажется, останется доволенъ!

— Скажите, пожалуйста, господинъ помѣщикъ, какимъ это чудомъ всѣ ваши временно-обязанные вдругъ исчезли? спрашиваетъ исправникъ.

— А вотъ такъ и такъ, Богъ, по молитвѣ моей, всѣ владѣнія мои отъ мужика совершенно очистилъ!

— Такъ-съ; а не извѣстно ли вамъ, господинъ помѣщикъ, кто подати за нихъ платить будетъ?

— Подати?.. это они! это они! это ихъ священнѣйшій долгъ и обязанность!

— Такъ-съ; а какимъ манеромъ эту подать съ нихъ взискать можно, коли они, по вашей молитвѣ, по лицу земли разсѣяны?

— Ужь это... не знаю... я, съ своей стороны, платить не согласенъ!

— А извѣстно ли вамъ, господинъ помѣщикъ, что казначейство безъ податей и повинностей, а тѣмъ паче безъ винной и соляной регалин, существовать не можетъ?

— Я что-жь... я готовъ! рюмку водки... я заплачу!

— Да вы знаете ли, что, по милости вашей, у насъ на базарѣ ни куска мяса, ни фунта хлѣба купить нельзя?.. знаете-ли вы чѣмъ это?

— Помилуйте! я, съ своей стороны, готовъ пожертвовать! вотъ цѣлыхъ два пряника!

— Глупый же вы, господинъ помѣщикъ! молвилъ исправникъ, повернулся и уѣхалъ, не взглянувъ даже на печатные пряники.

Задумался на этотъ разъ помѣщикъ не на шутку. Вотъ ужъ третій человѣкъ его дуракомъ чувствуетъ, третій человѣкъ посматривать, посматривать на него, плюнетъ и отойдетъ. Неужто онъ въ самомъ дѣлѣ дуракъ? неужто та непреклонность, которую онъ такъ леглялъ въ душѣ своей, въ переводѣ на обыкновенный языкъ означаетъ только глупость и безуміе? и неужто, вслѣдствіе одной его непреклонности, остановились и подати и регалин, и не стало возможности достать на базарѣ ни фунта муки, ни куска мяса?

И какъ былъ онъ помѣщикъ глупый, то сначала даже фыркнулъ отъ удовольствія, при мысли, какую онъ штуку сыгралъ; но потомъ вспомнилъ слова исправника: «а знаете-ли, чѣмъ это пахнетъ?» и струсилъ не на шутку.

Сталъ онъ, по обыкновенію, ходить взадъ да впередъ по комнатамъ, и все думаетъ: чѣмъ же это пахнетъ? Ужь не пахнетъ ли водвореньемъ какимъ? напримѣръ, Чебоксарами? или, быть можетъ, Варнавинимъ?...

— Хотъ бы въ Чебоксары, что-ли! по крайней мѣрѣ, убѣ-

дился бы міръ, что значить твердость души! говорить помѣщикъ, а самъ по секрету отъ себя думаетъ: въ Чебоксарахъ-то я, можетъ быть, мужика бы моего милаго увидалъ!

Походитъ помѣщикъ, и посидитъ, и опять походитъ. Къ чему ни подойдетъ, все, кажется, такъ и говоритъ: а глухой ты, господинъ помѣщикъ! Видитъ онъ, бѣжитъ черезъ комнату мышенокъ и врадется къ картамъ, которыми онъ грань-пасьянсъ дѣлалъ и достаточно уже замаслилъ, чтобъ возбудить ими мышинный аппетитъ.

— Кшш... бросился онъ на мышенка.

Но мышенокъ былъ умный и понималъ, что помѣщикъ безъ Сеньки никакого вреда ему сдѣлать не можетъ. Онъ только хвостомъ вилянулъ въ отвѣтъ на грозное восклицаніе помѣщика, и черезъ мгновеніе уже выглядывалъ на него изъ-подъ дивана, какъ-будто говоря: погоди, глухой помѣщикъ! то ли еще будетъ! я не только карты, а и халать твой съѣмъ, какъ ты его позамаслишь, какъ слѣдуетъ!

Много ли, мало ли времени прошло, только видитъ помѣщикъ, что въ саду у него дорожки репейникомъ поросли, въ кустахъ змѣи да гады всякія кишмя кишатъ, а въ паркѣ звѣри дикіе воютъ. Однажды, къ самой усадьбѣ подошелъ медвѣдь, сѣлъ на корточкахъ, поглядываетъ въ окошки на помѣщика и облизывается.

— Сенька! вскрикнулъ помѣщикъ, но вдругъ спохватился... и заплакалъ.

— Однако, твердость души все еще не покидала его. Нѣсколько разъ онъ ослабѣвалъ, но какъ только почувствуетъ, что сердце у него начнетъ растворяться, сейчасъ бросится къ газетѣ «Вѣсть» и въ одну минуту ожесточится опять.

— Нѣтъ, лучше совсѣмъ одичаю, лучше пусть буду съ дикими звѣрьми по лѣсамъ скитаться, но да не скажетъ никто, что російскій дворянинъ, князь Урусъ-Кугушъ-Кильдибаевъ, отъ принциповъ отступилъ!

И вотъ онъ одичалъ. Хотя въ это время наступила уже осень и морозцы стояли порядочные, но онъ не чувствовалъ даже холода. Весь онъ, съ головы до ногъ, обросъ волосами, словно древній Исавъ, а ногти у него сдѣлались какъ желѣзные. Сморгаться ужъ онъ давно пересталъ, ходилъ же все больше на четверенькахъ, и даже удивлялся, какъ онъ прежде не замѣчалъ, что такой способъ прогулки есть самый приличный и самый удобный. Утратилъ даже способность произносить членораздѣльные звуки и усвоилъ себѣ какой-то особенный побѣдный кликъ, сред-

нее между свистомъ, шипѣньемъ и рываньемъ. Но хвоста не приобрѣлъ.

Выйдетъ онъ въ свой паркъ, въ которомъ онъ когда-то нѣжилъ свое тѣло рыхлое, бѣлое, рассыпчатое, какъ кошка въ одинъ мигъ взлѣзетъ на самую вершину дерева и стережетъ оттуда. Прибѣжить-это заяцъ, встанетъ на заднія лапки и прислушивается, нѣтъ-ли откуда опасности, — а онъ ужъ тутъ какъ тутъ. Словно стрѣла соскочить съ дерева, вцѣпится въ свою добычу, разорветъ ее ногтями, да такъ со всѣми внутренностями, даже со шкурой, и съѣстъ.

И сдѣлался онъ силенъ ужасно, до того силенъ, что даже счелъ себя вправѣ войти въ дружескія сношенія съ тѣмъ самымъ медвѣдемъ, который нѣкогда посматривалъ на него въ окошки.

— Хочешь, Михайло Ивановичъ, походы вмѣстѣ на зайцевъ будемъ дѣлать? сказала онъ медвѣдю.

— Хотѣть — отчего не хотѣть! отвѣчалъ медвѣдь: — только, братъ, ты напрасно мужика этого уничтожилъ!

— А почему такъ?

— А потому, что мужика этого ѣсть не въ примѣръ способнѣе было, нежели вашего брата дворянина. И потому, скажу тебѣ прямо: глупый ты помѣщикъ, хоть мнѣ и другъ!

Между тѣмъ, капитанъ-исправникъ хотъ и покровительствовавалъ помѣщикамъ, но въ виду такого факта, какъ исчезновение съ лица земли мужика, смолчать не посмѣлъ. Встревожилось его донесеніемъ и губернское начальство, пишетъ къ нему: а какъ вы думаете, кто теперь подати будетъ вносить? кто будетъ вино по кабакамъ пить? кто будетъ невинными занятіями заниматься? Отвѣчаетъ капитанъ-исправникъ: казначейство-де теперь упразднить слѣдуетъ, а невинныя-де занятія сами собой упразднились, вмѣсто же нихъ распространились въ уѣздѣ грабежи, разбой и убійства. Надняхъ-де и его, исправника, какой-то медвѣдь не медвѣдь, человекъ не человекъ едва не задралъ, въ каковомъ человекѣ-медвѣдѣ и подозрѣваетъ онъ того самаго глупаго помѣщика, который всей смутѣ зачинщикъ.

Обезпокоились начальники и собрали совѣтъ. Рѣшили: мужика изловить, а глупому помѣщику, который всей смутѣ зачинщикъ, наиделикатнѣйше внушить, дабы онъ фанфаронства свои прекратилъ, и поступленію въ казначейство податей препятствія не чинилъ.

Какъ нарочно, въ это время черезъ губернской городъ летѣлъ отроившійся рой мужиковъ и осыпалъ всю базарную площадь. Сейчасъ эту благодать обрали, посадили въ плетушку и послали въ уѣздъ.

И вдругъ опять завало въ томъ уѣздѣ мякиною и овчинами; но въ то же время на базарѣ появились и мука, и мясо, и живность всякая, а податей въ одинъ день поступило столько, что казначей, увидавъ такую груду денегъ, только всплеснулъ руками отъ удивленія и вскрикнулъ:

— И откуда вы, шельмы, берете!!

Что жъ сдѣлалось, однако, съ помѣщикомъ? спросить меня читатели. На это я могу сказать, что хотя и съ большимъ трудомъ, но его изловили. Изловили, сейчасъ же высморгали, вымыли и обстригли ногти. Затѣмъ, капитанъ-исправникъ сдѣлалъ ему надлежащее внушеніе, отобралъ газету «Вѣсть», и поручивъ его надзору Сенъни, уѣхалъ.

Онь, впрочемъ, живъ и донныѣ. Раскладываетъ гранъ-насынь, тоскуетъ по прежней своей жизни въ гѣсахъ, умывается лишь по принужденію и повременамъ мычить.

Г.

ДОБРАЯ ДУША.

Часто я думаю: что на свѣтѣ всего милѣе? и какъ ни гадаю, всегда выходитъ одинъ отвѣтъ: нѣтъ на свѣтѣ милѣе доброй души человѣческой. Конечно, не всегда хорошо живетъ доброму человѣку; конечно, онъ даже чаще страдаетъ, нежели другой, который смотритъ, выпучивъ глаза, на міръ Божій, и нѣтъ ему дѣла ни до чьихъ великихъ горестей, но и страдаетъ то онъ какъ-то тихо, сладко, любяще...

Хорошо встрѣтиться въ жизни съ добрымъ человѣкомъ: въ первыхъ, онъ всегда много видѣлъ, мыслилъ и испыталъ, а слѣдовательно, и рассказать и объяснить многое можетъ; во вторыхъ, самая близость доброй души человѣческой просвѣтляетъ и успокоиваетъ все, что бы ни пригоснулось къ ней. Какъ доходятъ люди до того, что дѣлаются совсѣмъ-совсѣмъ добрыми, что не обвиняютъ, не негодуютъ, а только любятъ и жалѣютъ — это объяснить сразу довольно трудно. Однако, можно почти безъ ошибки сказать, что достигнуть этого нельзя иначе, какъ путемъ постоянной работы мысли. Когда человѣкъ много мыслитъ, когда онъ разсматриваетъ не только внѣшніе признаки поступковъ и дѣйствій своихъ ближнихъ, но и ту внутреннюю исторію, которая послужила подготовкой для нихъ, то очень трудно бываетъ оставаться въ роли обвинителя, хотя бы внѣшніе признаки извѣстнаго дѣйствія и возбуждали негодованіе. Какъ скоро мысль объясняетъ и очищаетъ дѣйствие отъ запутывающихъ его примѣсей, сердце не можетъ не раство-

ряться и не оправдывать. Преступники исчезаютъ; ихъ мѣсто занимаютъ «несчастные», и по поводу этихъ «несчастныхъ» горить, томится и изнываетъ добрая, человѣческая душа...

Много встрѣчаемъ мы на свѣтѣ людей, но, къ сожалѣнію, большая часть ихъ принадлежитъ именно къ числу такихъ, которые ходятъ съ выпученными глазами и ни о чемъ слышать не хотятъ, кромѣ своихъ маленькихъ личныхъ интересовъ. Эти люди самые несчастные, несчастнѣе даже тѣхъ, кого мы называемъ собственно преступниками. У настоящаго «преступника», можетъ быть, вся душа переболитъ прежде, нежели онъ рѣшится на преступленіе, а этотъ, что ходитъ съ выпученными глазами по улицѣ, на каждомъ шагу дѣлаетъ свои маленькія гадости, и даже не чувствуетъ, что эти гадости — тѣ же преступленія, и что изъ ихъ темной массы источаются всѣ мірскія несчастія.

Но встрѣчается не мало и добрыхъ людей, и вы, милныя дѣти, всегда скорѣе всѣхъ успѣваете отличить ихъ. Когда вы чувствуете, что вамъ легко и пріятно около какого-нибудь человѣка; когда ваши лица разцвѣтаютъ улыбкою при видѣ его, когда васъ инстинктивно манитъ приласкаться къ нему... знайте, что это такой же чистый и милый человѣкъ, какъ и вы сами; знайте, что около васъ бьется именно то самое доброе человѣческое сердце, о которомъ я хочу повести здѣсь рѣчь.

Нигдѣ такъ много не встрѣчается добрыхъ душъ, какъ между женщинами. Мужчина почти всегда по горло занятъ мелкими своими житейскими дѣлами; онъ больше на народѣ, онъ чаще вынуждается вести борьбу, видѣть и терпѣть несправедливости. Поэтому, у него болѣе поводовъ воспитывать въ себѣ чувство досады, и нѣтъ времени соображать свои выгоды съ выгодами другихъ, нѣтъ времени и прощать. Сверхъ того, извѣстная доля самостоятельности сообщила его дѣйствіямъ нѣсколько хищнической характеръ, вслѣдствіе чего любимыми его пословицами стали: «на то война!», да «затѣмъ въ морѣ щука, чтобъ карась не дремалъ!». Напротивъ того, женщина, съ самыхъ малыхъ лѣтъ, почти всегда одна и всегда въ загонѣ; дѣйствительная роль, на которую — по крайней мѣрѣ, въ настоящее время — осуждена женщина — это роль безмолвія и исполненія чужихъ желаній и прихотей. Вотъ она и молчитъ, но въ то же время думаетъ, много думаетъ. И чѣмъ больше она думаетъ, чѣмъ томительнѣе таятся ея собственная одинокая жизнь, тѣмъ болѣе растворяется любящее, доброе сердце. Она видитъ, какъ суетится и колотится весь свой вѣкъ мужчина, какъ онъ

дуавить и изворачивается изъ-за куска насущнаго хлѣба, и мысль о «несчастіи», которое какъ бы сѣтью какою опутало весь людской родъ, сама собой возникаетъ въ ея головѣ. Мужъ ли вернется домой злой и хмѣльной, она думаетъ: «Господи! какой онъ несчастный!» Сынъ ли окажется уличеннымъ въ незаконныхъ дѣлахъ, она думаетъ: «Господи! какъ онъ долженъ страдать, и какъ нужно, какъ нужно ему любящее сердце, которое могло бы вселить миръ въ его тоскующую душу!»

И когда женщина захочетъ утѣшить скорбящаго человѣка, то можно сказать навѣрное, что въ цѣломъ мирѣ не найдется слаще и лучше того утѣшенія. Нѣтъ тата, у котораго не открылся бы источникъ слезъ, при видѣ умиротворяющей женской ласки; нѣтъ душегуба, котораго сердце не дрогнуло бы передъ любящимъ женскимъ словомъ. И не потому только, чтобы эта ласка или слово усыпляли человѣка или заставляли его забыть что-нибудь, а потому, что эта ласка, это слово восстанавливаютъ искаженный человѣческій образъ, что они вдругъ очищаютъ его душу отъ наносной житейской грязи, что они хотя и не уничтожаютъ прошлаго, но дѣлаютъ невозможнымъ возвратъ къ нему...

Когда я былъ въ той труппѣ, о которой вамъ недавно рассказывалъ, то случай свелъ меня именно съ одною безпредѣльно доброю женщиной, воспоминаніе о которой будетъ благословенно для меня до конца моей жизни. Объ ней-то я и поведу съ вами рѣчь.

Это была вдова мѣщанина, Анна Марковна Главщикова. Мужъ ея когда-то былъ достаточнымъ купцомъ, но потомъ прожилъ, разорился и умеръ въ мѣщанахъ, оставивши Аннѣ Марковнѣ самое ограниченное состояніе. Какъ теперь помню, жила она въ своемъ маленькомъ одноэтажномъ, обѣ трехъ окнахъ на улицу, домикѣ, около котораго стоялъ довольно помѣстительный анбаръ съ большими створчатыми дверьми. Въ этомъ анбарѣ, наполненномъ всякимъ мелочнымъ товаромъ, обыкновенно торговалъ Маркъ Гаврилычъ, отецъ Анны Марковны, старичокъ древній, словно мохомъ покрытый, который уже почти ничего не слышалъ и не видѣлъ, но выпустить изъ рукъ бразды правленія не соглашался. Въ помощь ему былъ опредѣленъ Сережа, довольно бойкій мальчуганъ, приходившійся Аннѣ Марковнѣ чѣмъ-то въ родѣ племянника, и совокупными усилиями они какъ-то успѣвали вести дѣла не въ ущербъ, хотя отецъ-протопопъ сосѣдней церкви, всякій разъ, какъ проходилъ мимо лавки Главшиковыхъ, никакъ не могъ утерпѣть, чтобы не сказать:

— Старость да младость въ союзъ вступили; обѣ вошютъ: помози!

Когда я узналъ Анну Марковну, она была уже женщина лѣтъ за пятьдесятъ. Лицо у нея, повидимому, и въ прежніе, молодые годы, нельзя было назвать красивымъ, но добродушіе и какое-то счастливое спокойствіе такъ и свѣтились во всѣхъ его чертахъ. Часто чувствительность заставляла ее плакать, но она плакала безъ всякихъ усилій; брызнуть сами собой слезы изъ глазъ и потекутъ по старчески-румянымъ щекамъ; и видно было, что ей легко плачется и сладко плачется. Часто она тоже вздыхала, но это были не настоящіе вздохи, а какое-то тихое всхлипываніе, совершенно подобное дѣтскому. Вообще некрасивость ея была такого рода, что къ ней очень скоро можно было привыкнуть, и чѣмъ больше съ нею свыкаешься, тѣмъ лучше и свободнѣе при ней себя чувствуешь, такъ что, подѣ конецъ, пожалуй, это лишенное всякаго изящества лицо покажется краше любой красы.

На дворѣ у ней всегда бѣгало великое множество дѣтей. Тутъ были и дѣти бѣдныхъ родственниковъ Анны Марковны, и сироты бездомные, которыхъ она какъ-то умѣла всюду отыскивать. Поэтому, возня на дворѣ и у воротъ, около лавки, была всегда страшная. Кто на доскѣ скачетъ, кто въ песокъ копаются, кто пироги изъ глины мѣсить, кто съ индѣйскимъ пѣтухомъ разговариваетъ, кто, наконецъ, подбродываетъ къ дѣдушкѣ Марку Гаврилычу и норовитъ снять у него съ носа толстые серебряные очки.

— Кшш... пострѣлята! крикнетъ на нихъ дѣдушка; но крикнетъ такъ незлобиво, что «пострѣлята» съ звонкимъ хохотомъ брызнуть во всѣ стороны и тутъ же начинаютъ совѣщаться, какой бы сочинить новый походъ противъ дѣдушки.

Эта любовь Анны Марковны къ дѣтямъ послужила соединительною связью между ею и мною. Я не могу пройти мимо маленькаго ребенка безъ того, чтобъ не погладить его по головкѣ, или не дать ему пряничка. Анна Марковна сразу запримѣтила это мое свойство, и стала я ей любъ. А еще любѣе я сдѣлался ей, когда она узнала, что я принадлежу къ числу «несчастненькихъ», что я тоже въ своемъ родѣ «узникъ», хотя и хожу каждый день на службу въ губернское правленіе, чтобы, какъ выражался Маркъ Гаврилычъ, «всякую вреду строить». А въ глазахъ Анны Марковны, послѣ младенца, не было въ свѣтѣ краше человѣка, какъ «несчастненькій» или «узникъ».

И вотъ, однажды, когда я, настроивъ въ теченіе утра, сильное количество «вредн», возвращался изъ губернскаго прав-

ленія домой, и, остановившись около лавки, бесѣдоваль съ обступившими меня «пострѣлятами», изъ калитки воротъ вышла сама Анна Марковна.

— Да вы, баринъ миленькій, хоть бы чайку чашечку выкушать зашли! сказала она мнѣ: — а то ужъ какъ-то и стыдно мнѣ, старухѣ! Все-то вы эту вольницу-то мою ласкаете, да дарите, а мнѣ васъ и побаловать-то ничѣмъ еще не удалось! пожалуйте, миленькій, познакомитесь!

Я пошелъ за нею, и съ той минуты, какъ переступилъ порогъ этого дома, на душѣ у меня какъ-то повеселѣло. Какъ будто кто-то издалека улыбнулся мнѣ и прилеплялъ меня, какъ будто давно затерянный и вдругъ снова обрѣтенный другъ крѣпко-крѣпко прижалъ меня къ груди своей.

Часто, почти каждый день я бесѣдовалъ съ нею, и все, что я уже зналъ, о чемъ говорила мнѣ книга, все это какъ будто бы я во второй разъ понималъ, понималъ и сердцемъ, и мыслью, и всѣмъ существомъ. Книга жизни, въ которой каждое слово какъ будто дышало и билось, раскрылась передо мной со всѣми своими болями, со всей жаждой счастья, которое, словно миражъ, манить и трепещетъ на горизонтѣ, понапрасну только изнурая и иссушая грудь бѣднаго странника моря житейскаго. Эта простая, но безпредѣльно добрая женщина много потрудилась на своемъ вѣку и много думала, но додумалась только до любви и прощенія. Она не получила никакого образованія, и потому не всегда умѣла уяснить себѣ причины того или другаго явленія; но такъ-какъ, въ ея лѣта и при ея обстановкѣ, помочь этому недостатку было уже невозможно, то она совершенно естественно возмѣщала его тѣмъ усиленнымъ горѣніемъ сердца, которое доступно даже наиболѣе простому человѣку, и которое, въ то же время, такъ много способствуетъ увеличенію въ мірѣ суммы добра.

Особенными фаворитами ея были: вопервыхъ, дѣти, ввторыхъ, мужики, и втретьихъ, преступники, или, какъ она всегда выражалась, узники.

— Не знаю, какъ ты, дружокъ, говаривала она мнѣ (она очень скоро подружилась со мной и начала говорить мнѣ «ты»): — а я такъ до страсти этихъ ребятишекъ люблю! Первое, умны и заняты они очень, второе — зла въ нихъ вотъ ни на эстолько нѣтъ! И не думай ты, другъ мой, чтобы этакой малецъ чего бы нибудь не понималъ! Нѣтъ, онъ, плутяга, отъ земли на аршинъ выросъ, а ужъ все смекнулъ! Вѣдь онъ тотъ же большой человѣкъ, только въ малую формочку вылитъ; все равно, какъ вотъ солнышко въ капелькѣ играетъ, такъ и въ него настоящій-то человѣкъ смотрится!

Говоря это, она гладила маленькаго внука Сережу, который фыркалъ отъ удовольствія, слушая бабушкину рѣчь, и тѣмъ несомнѣнно подтверждалъ справедливость ея.

— А расскажите-ка, Анна Марковна, что-нибудь про крестьянскую нужду? спрашивалъ я ее иногда, зная, что это одинъ изъ любимыхъ ея предметовъ, и что ничѣмъ нельзя сдѣлать ей большаго удовольствія, какъ доставивъ случай побесѣдовать объ немъ.

— Ахъ, какая это нужда, мой другъ! какая это тяжкая нужда! Кажется, и сердце-то все сгорѣть должно, какъ бы настоящимъ манеромъ подумать объ этой нуждѣ!

— И полноте, Анна Марковна! живутъ они себѣ припѣваючи, только тѣсненько немножко! скажешь ей на это, чтобъ подстрекнуть и пошутить надъ ея горячностью.

— Нѣтъ, не говори, даже не шути ты этимъ! Ты взойди только въ избу-то крестьянскую, ты попробуй хлѣба-то, который они ѣдятъ, такъ она, нужда-то ихняя, сама такъ въ глаза тебѣ и вьнется. И опять подумай ты, что для этого ихнаго хлѣба мяиннаго, да для пустыхъ шей, долженъ онъ цѣлый вѣкъ, до самой смерти своей, все работать, все работать! Какъ только Богъ души ихъ держитъ, какъ только сила-то въ нихъ еще остается! Вѣдь по настоящему-то, отъ этихъ пустыхъ шей боаъ у человека промытъ должно, а онъ все-то скрипитъ, все-то работаетъ! И не для себя все работаетъ... да, не для себя!

— А вотъ въ газетахъ, Анна Марковна, пишутъ, что мужикъ оттого бѣденъ, что пьетъ не въ мѣру! опять пошутить надъ нею.

— Врутъ все они, врутъ твои газеты! вскинется она на меня: — вотъ кабы и ты поменьше этихъ враньевъ-то писалъ, и ты бы въ этой трущобѣ-то не жилъ, а, пожалуй бы, въ звѣздахъ, да въ лентахъ мостовыя гранилъ! Ты подумай, какое они слово, эти газетчики-то твои говорятъ! Пьетъ мужикъ! А сколь часто онъ пьетъ, спросила бы я тебя? Въ недѣлю, а не то и въ мѣсяць разъ, на базарѣ бывши! А слышалъ ли ты, какъ мужикъ на базарѣ-то ѣдетъ, съ чѣмъ ѣдетъ и что онъ тамъ дѣлаетъ?

— Нѣтъ, Анна Марковна, признаться, мало я эти дѣла знаю.

— Такъ вотъ я тебѣ расскажу. Ѣдетъ мужикъ на базаръ ночью, чтобъ доспѣть ему въ городъ раннимъ рано, чуть брезжить начнеть. Не спитъ онъ, все около вога идетъ, и такъ-то ноги свои отколотить, что онъ у него словно изъ лаптей вырастать станутъ. И идетъ онъ такимъ манеромъ верстъ десятки, и въ мовреть,

и въ пыль, и въ снѣгъ, и во вьюгу, и въ дождикъ. И лицо-то у него отъ мороза бѣлѣетъ, и ноги мозжатъ, и сонъ-то его валить, а онъ все идетъ, все идетъ, словно у него и не вѣсть впереди какая радость стоитъ. А везетъ онъ, мой другъ, на возу-то на своемъ... знаешь ли, что онъ везетъ? Душу свою, другъ мой, онъ везетъ! душу свою, которая цѣльную недѣлю день-деньской надрывалася, не допивала, не доѣдала, а все думала: Господи! какъ бы мнѣ на соль, да на щи пустыя осталось, чтобы мнѣ христіанскою смертію помереть, а не околѣть съ голоду, какъ собакъ! Ну, вотъ, пріѣхалъ онъ, продалъ свою душу-то на базарѣ... какъ ты думаешь, куда онъ деньги-то свои напередъ всего понесетъ? въ подати, мой другъ, въ подати!

— Однако, Анна Марковна, согласитесь, что вѣдь и казна должна же чѣмъ-нибудь жить!

— Знаю, дружокъ, знаю, что подати платить — самое есть первое дѣло, да не про то я съ тобой и говорю! Я говорю, какъ мужику-то больно, какъ у него сердце-то его бѣдное щемить! И назаябнется-то онъ, и не доспитъ-то, и обмануть-то его, и оберуть-то! Что дѣлать-то ему! ты скажи, что ему дѣлать-то?

— И все-таки не резонъ въ кабакъ ходить!

— Ну, братъ, я вижу, что ты меня только нарочно въ сердце вводить хочешь! Инъ, прощай лучше, Богъ съ тобой!

— Ну, полноте, Анна Марковна! вы видите, что я шутки шучу. Не пошуту я съ вами, вы бы не расходились такъ, да и я бы не зналъ, какъ мужики на базаръ ѣздить.

— То-то, мой другъ, надо эту жизнь знать, чтобы объ ней говорить, а тѣмъ паче народъ смущать своими рѣчами! Я сама хоть и купчихой росла, а тоже недалеко отъ этого званія выросла. Вотъ и ты какъ станешь вникать, тоже будешь знать, благо наука эта не очень мудреная. И помани ты мое слово, запомни ты эту примѣту: какъ взглянешь ты на нашего мужика, да затоскуетъ въ тебѣ сердце твое, тогда говори смѣло: знаю, молъ, я нашего русскаго мужина, потому что безъ жалости смотрѣть на него не могу! И будетъ онъ тебѣ такъ милъ, такъ милъ, что и понитокъ-то его рванный краше ризы нешвенной покажется!

Много рассказывала въ этомъ родѣ Анна Марковна, и я никогда не уставала наслушаться рассказовъ ея. Говорила она, какъ родится русскій мужикъ, какъ онъ, словно крапива у забора растеть, покуда въ мѣру разума войдетъ; говорила, какъ пахать, боронить, косить, молотить, вѣсть русскій мужикъ, и все куда-то везетъ, все везетъ! говорила, какъ умираетъ русскій му-

жить кротко, покорно, истово... Разказы эти не разжигали меня, не поднимали во мнѣ горечи, но, напротивъ того, какъ будто смягчали мое сердце. И мнѣ кажется, что, дѣйствительно, бывали въ жизни моей такіе моменты, когда при взглядѣ на мужика, сердце мое начинало тосковать, и что этими моментами я обязанъ не кому иному, а именно милой моей Аннѣ Марковнѣ.

— Ну, а «несчастнѣнькихъ»-то вашихъ за что вы любите? вѣдь, не за добродѣтели же они, а за преступленія свои узнавали-то сдѣлались!

— Да ты, дружокъ, подумай крошечку, такъ и увидишь, можетъ быть, что настоящіе-то преступники не въ острогѣ сидятъ, а тутъ вотъ, промежъ насъ съ тобой, въ міру въ вольномъ веселятся, да благодумствуютъ!

Отвѣтъ этотъ нѣсколько смутилъ меня. Конечно, думалось мнѣ, есть такіе отвѣты... есть! Но какъ могла дойти до нихъ простодушная мѣщанка города Крутогорска? Какую такую свою собственную теорію невѣроятности соорудила она въ головѣ своей? Вѣдь, при помощи однихъ внѣшнихъ признаковъ, которые только и доступны той степени развитія, на которой она находилась, нельзя же придти къ такимъ нешуточнымъ обобщеніямъ!

На повѣрку, однакожъ, оказалось, что вопросы жизненные, даже наиболѣе мудреные, суть именно такіе вопросы, относительно которыхъ процессъ мысли самый простой и процессъ самый сложный очень часто сходятся между собой, и приводятъ къ одинаковымъ результатамъ. Единственное при этомъ условіе, котораго нельзя обойти, заключается въ томъ, чтобы мысль шла прямо, чтобы она не увлеклась изворотами и честно, и по-сильно разрѣшала вопросы, которые представляются ей вниманію.

— Какъ ты думаешь, продолжаетъ между тѣмъ Анна Марковна: — отъ снотости что ли воръ воруетъ, отъ хорошаго житія грабитель на дорогу выходитъ? Или, по твоему, человекъ такъ и родится злодѣемъ? Такъ вотъ они,—дѣти-то! гляди на нихъ! Вотъ ихъ тутъ, охапка цѣлая, какъ хочешь, такъ ихъ и поверни!

Взгляну я на дѣтей, и въ самомъ дѣлѣ убѣждаюсь, что всѣ они такіе бравые, добрые и умные, что никакъ даже вообразить себѣ нельзя, чтобы изъ нихъ вышли когда-нибудь злодѣи и грабители. Правда, что маленькій Петя постоянно ведетъ упорную борьбу съ старымъ возломъ, который грѣбется у конюшни на солнцѣ, и даже нерѣдко обижаетъ старика, но вѣдь у него на это свои резоны есть.

— Тетиньга! Васьга возить меня не хо-о-чить! оправдывается онъ всякій разъ, какъ Анна Марковна принимаетъ сторону разобитеннаго козла.

— Да вѣдь онъ, голубчикъ, старенькой! увѣщаетъ его тетиньга.

— Дѣдушка тоже старенькой, а вотъ возить!

Во всякомъ случаѣ, этотъ признакъ вовсе не столь рѣшительный, чтобы изъ него можно было выводить заключенія. Да и житье Васьки-козла, въ сущности, совсѣмъ не худое: сколько разъ въ сутки, тотъ же самый забіяка Петя, натѣшившись надъ нимъ, и хлѣбца ему дастъ и молочка принесетъ...

— Узы, мой другъ, вездѣ есть, продолжаетъ свою рѣчь Анна Марковна: — и какъ тяжелы... ахъ, какъ тяжелы эти узы! Только понять ихъ нелегко, потому что ищемъ мы ихъ не тамъ, гдѣ искать слѣдуетъ, и на то только горе бѣжимъ, которое само намъ въ глаза тычется! Какъ думаешь ты, подъ заборомъ-то расти—не узы это? большую-то дорогу своими ногами обколачивать — и это тоже не узы? А кабакъ-то! а воровства да грабительства, да убійства — вѣдь это, коли хочешь, даже не просто узы, а изъ всѣхъ узъ узы! Вотъ они, гдѣ наши мужицкія-то узы зрѣютъ — назрѣваютъ, а ты ихъ въ острогѣ да между заключенными ищешь! Тамъ вѣдь, дружокъ, ужъ развязка одна, а ты подумай только, какими путями-дорогами до этой развязки-то дойдено!

И отъ слова Анна Марковна немедленно переходила къ примѣрамъ, которыхъ знала не мало.

— А ты вотъ попробуй-ко съ лаской къ нему подойти, къ тому, котораго ты душегубомъ-то называешь, такъ и увидишь, какъ его, сердечнаго, отъ душевной-то муки перевертывать начнетъ!

— А вы, вѣрно, пробовали, Анна Марковна?

— Пробовала, сударь, не хвастаясь скажу: не однажды пробовала. Былъ, я тебѣ расскажу, у насъ, въ здѣшнемъ острогѣ, большой грѣшникъ передъ Богомъ, Василій Топоръ назывался. Сколько этотъ Васютка душъ христіанскихъ безовременно сгубилъ — такъ это и сказать невозможно. Читали это, читали, какъ на эшафотъ-то его вывели — даже и на народъ-то словно бы страхъ попалъ! А онъ стоитъ этакъ, руки назадъ къ столбу связавши, и даже въ лицѣ нисколько не измѣнился! И начали его полысать... Я сама тутъ, мой другъ, была, и хоть мнѣ не впервые эти страсти человѣческія видѣть, однако и я удивилась, какую онъ въ своемъ сердцѣ, даже подъ плетью отвагу сохранилъ! Только ворочаюсь я съ торговой-то площади домой,

словно пьяная, и думаю: Господи! да неужто-жь есть на свѣтѣ такой человѣкъ, который не видѣлъ бы лица Твоего! И рѣшилась я тогда же пойти къ нему въ больницу, и утѣшить его...

Анна Марковна останавливалась, и нѣсколько мгновений не могла продолжать отъ волненія.

— Вотъ и пришла я къ нему въ больницу... Много ли, мало ли говорили мы между собой—не мудренныя, мой другъ, наши рѣчи!—только сталь онъ понемногу смягчаться. «Васинька! говорю я:—сердце у тебя, другъ мой, горячее, укроти ты его, утоли ты вредную строптивость свою!» Посмотрѣлъ онъ на меня, и словно какъ бы въ первый разъ ему въ голову что пришло. «Не стерпѣлъ ты узъ своихъ тѣсныхъ, говорю:—въ лѣсахъ, да по дорогамъ горе свое большое разнести захотѣлъ!»— Не стерпѣлъ, прошепталъ онъ. «А ты бы, говорю, подумалъ, какія узы другіе—то христіане терять; можетъ, горше твоихъ!»— Горше, говорить. И вижу я, сталь онъ напряживаться, и потъ по нему проступать началъ. И вдругъ онъ хлынулъ. Только какая это горестъ, другъ мой, была, я даже выразить тебѣ это не могу! Ужь не то, что плачетъ, или рыдаетъ, а просто крикомъ кричить!... И мучится... и мучится... Такъ мнѣ, послѣ этого, пятна-то, которыя у него на щекахъ да на лбу напаянны были, краше честнаго дѣвичьяго румянца показались!

Признаюсь откровенно, когда я выслушалъ этотъ рассказъ, изъ глазъ моихъ полились невольныя слезы. Мнѣ почуялось, что я вдругъ сдѣлался чище и лучше, нежели былъ прежде, и что за всѣмъ тѣмъ, я и пади не стою этой простой и милой женщины, которой голосъ, точно горнило всеочищающее, умѣетъ проникать въ самыя темныя тайники души и примирять съ совѣстью самыя упорныя и закаленныя натуры.

— Такъ вотъ какъ насмотришься этакихъ примѣровъ, продолжала она:—такъ и посовѣстишься сазать про человѣка: вотъ воръ! а этотъ вотъ убійца! Вѣдь и убійцѣ Христось сердце растворилъ, вѣдь и въ адъ онъ, Батюшка, сходилъ... а мы!

Давно нѣтъ ужъ на свѣтѣ Анны Марковны, но я до сихъ поръ благословляю ея память. Я убѣжденъ, что ей я обязанъ большею частью тѣхъ добрыхъ чувствъ, которыя во мнѣ есть. Я могъ бы привести здѣсь много разговоровъ, которыми мы коротали съ нею долгіе зимніе вечера; я могъ бы рассказать, какъ она учила дѣтей идти прямою и честною дорогою и даже подъ страхомъ смерти не сворачивать съ нея, но предпочитаю возвратиться къ этому предмету въ особомъ рассказѣ.

Отгч. Записки.

Скончалась она тою самою «крестьянскою» смертью, о которой столько разъ говорила, и которой сильно желала. Въ одинъ изъ теплыхъ, весеннихъ дней, возвращаясь изъ церкви, она промочила ноги и простудилась. Вечеромъ я ее еще видѣлъ, и хотя тутъ былъ лекарь, который запрещалъ ей говорить, но такая ужъ она была словоохотливая старушка, что удержаться никакъ не могла. На другой день, утромъ, я узналъ, что Анна Марковна уснула...

Маркъ Гаврилычъ живъ и до сихъ поръ, но отъ старости ужъ ничего не говорить, а только все плачетъ. Сережа, старшій внукъ, достигъ двадцати лѣтъ и управляетъ дѣдушкинымъ капиталомъ, котораго, за добродѣтель Анны Марковны, набралось очень довольно. Часто проходя мимо знакомаго дома объ трехъ окошкахъ, я видѣлъ, какъ въ одномъ изъ нихъ улыбалось личико хорошенькой мѣщаночки, добрымъ выраженіемъ своимъ напоминавшее лицо покойной тѣтеньки. Я узналъ, что это личико принадлежитъ женѣ Сережи, и что въ домѣ всѣ счастливы, какъ будто живетъ еще въ немъ и приголубливаетъ всѣхъ и каждая вѣчно любимая тѣнь Анны Марковны.

Н. Щедринъ.

РАЗОРЕНЬЕ.

(Наблюденія Михаила Ивановича).

Повѣсть первая.

(Продолженіе).

VI.

Все по старому.

Какъ ни обстоятельно и ясно Павелъ Ивановичъ предъявилъ свои супружескія права и силу мужниной власти, однакоже Надя и Софья Васильевна сошлись другъ съ другомъ ближе; Надю къ этому побуждало сожалѣніе о горькой участи подруги; Софья Васильевна стремилась къ тому же почти буквально ради возможности дохнуть свѣжаго воздуха. Сближеніе это отчасти внесло нѣкоторую долю разнообразія въ скучную жизнь Нади, ибо вмѣстѣ съ нимъ, противъ Павла Ивановича была открыта война,—занятіе, конечно, не особенно доблестное, но въ томъ мірѣ, гдѣ умѣютъ только покоряться, гдѣ не имѣютъ другаго дѣла, кромѣ подставленія собственной спины подъ удары,—и эту войну можно счесть дѣломъ. Обѣ наши подруги принадлежатъ къ провинціальной «толпѣ», массѣ; онѣ неразвиты, необразованы и испытываютъ самыя первые, самыя ранніе симптомы сомнѣній; и если принять въ расчетъ, что въ этой толпѣ никто никогда не сомнѣвался въ томъ, въ чемъ сомнѣвается Надя, то и война противъ Павла Ивановича уже шагъ впередъ... Наперекоръ его брѣзжанью, онѣ стали все чаще и чаще пользоваться его отлучками въ должность, послѣобѣденными снами для того, чтобы удрти изъ дому куда нибудь, на что нибудь по-смотреть, посадѣть и погулять въ черемухинскомъ саду, или просто сказать другъ другу: «звая скука», и ждать пока не явится разбѣшанный Павелъ Ивановичъ. Появленія его доставляли Надѣ нѣкоторую долю удовольствія быть злой, и чувствовать себя какъ-будто бы самостоятельной, въ степени весьма впрочемъ

слабой, ибо вся эта самостоятельность состояла только въ томъ, что Надя съ теченіемъ времени приучила себя безъ страха смотрѣть въ разгнѣванные глаза Павла Ивановича и тоже безъ страха говорить ему, что Софья Васильевна не хочетъ идти домой, что она остается у ней ночевать...

— Вотъ и все! съ гнѣвомъ прибавляла она.

— Ночевать! восклицалъ Павелъ Ивановичъ.—Вотъ это великолѣпно! Ночевать ночевать,—а что такое? въ чемъ дѣло? Неизвѣстно!.. Вѣдь это... Авдотья Петровна! обращался Печкинъ къ старухѣ Черемухиной.—Вы мать... Я мужъ... Развѣ возможно... Она ваша дочь... Вѣдь это...

— Я, батюшка, человѣкъ старый!.. отдѣлывалась Черемухина, чувствуя, что и ея голова разорвется въ послѣднее время. Съ одной стороны ей кажется, что нѣту грѣха въ дружбѣ и скитаніяхъ ея дочери съ женой Печкина, съ другой ей тоже кажется, что Софья Васильевна должна почему-то сидѣть дома, ибо и сама Черемухина дѣлала такъ въ теченіе цѣлой жизни и теперь не знаетъ, почему она это дѣлала...

И Надя чувствовала полное торжество, когда, несмотря на продолжительное оранье и брюзжанье Печкина, ей удавалось обдѣлать такое дѣло, какъ оставить ночевать у себя Софью Васильевну, и видѣть какъ разбѣшонный Павелъ Ивановичъ плюнетъ и убѣжитъ со двора. Павелъ Ивановичъ, голова котораго, какъ ужъ намъ извѣстно, была разорена современностію до послѣдней возможности, — благодаря этой борьбѣ съ Надеей и съ женой, получилъ тоже достаточно опредѣленную жизненную цѣль, и имѣлъ возможность возставать противъ событій, ему совершенно ясныхъ, и уже не враждовалъ противъ желѣзной дороги, которая не сдѣлала ему ровно никакого зла. Теперь было уже совершенно ясно, что во всемъ виновата жена и о злодѣянιάхъ ея онъ трубилъ рѣшительно повсюду...

— Вотъ какъ, братъ, жоны-то нонѣшнія! въ гнѣвѣ кричалъ онъ въ окно сосѣду сапожнику и показывалъ ему чайникъ: — самъ, братъ, засыпь, самъ раздуй самоварчикъ,—а не хочешь, поди на улицу да издыхай въ подворотнѣ, какъ собака... Вотъ, братъ! Голую взялъ, думалъ, что за мое благодѣяніе...

— Ишь шельма!.. говорилъ портной, и прибавилъ со вздохомъ: —не тѣ нонѣ порядки, батюшка Павелъ Ивановичъ... Вы такъ думали, што за ваши ея благодѣянія онажеть она вамъ всякое удовлетвореніе напримѣръ,—да! а она, напримѣръ, задрала хвостъ... въ томъ случаѣ... Такъ-то-сь!..

— Да-а, братъ! Нонче порядки, братъ, пошли совѣшь собачьи... Ты хочешь такъ, а тебѣ вотъ такъ...

— Ты, напримѣръ, эдакъ вотъ имѣешь желаніе, а на мѣсто того тебѣ дѣлають такъ-то вотъ! прибавлялъ, поясняя, портной, и въ концѣ-концовъ получалъ отъ Павла Иваныча рюмку водки, что составляло тайную цѣль портнаго въ теченіе всего разговора.

Но главнымъ пристанищемъ Павла Иваныча во всѣхъ горестяхъ послѣдняго времени была все та же лавка Трифонова. Какъ ни сильна была у Трифонова привязанность исключительно къ самому себѣ, къ своей медицинѣ и пѣнію, но когда дѣло касалось женщинъ, или «бабъ», онъ не оставался хладнокровнымъ слушателемъ, и всегда готовъ былъ произнести сужденіе на этотъ счетъ, при чемъ на суровомъ лицѣ его мельгало нѣчто въ родѣ улыбки...

— Что, братъ, говорилъ Печкинъ, входя въ лавку и въ изнеможеніи опускаясь на стулъ. — Вѣдь опять подрала!...

— А ты храни поздоровья!... говорилъ Трифоновъ.

— Проснулся — хватъ! И слѣдъ простылъ.

— Про что-жь я-то говорю? Храни поздоровья; каша налупись... набей брюхо-то, — а она въ теченіе того времени будетъ тебѣ благодарна... Дубина!... начиналъ Трифоновъ, принимая обыкновенный суровый тонъ: — л-любownika ищи... Гнилая крупа! л-любowników розскаивай... Чего хранишь-то...

— Да нѣту любовниковъ... братъ! Нѣту! въ ушніи говорилъ Печкинъ.

— Да какъ нѣту любовниковъ?... сердился Трифоновъ. — Какую это имѣть возможность твое слово, ежели она бѣгаетъ отъ тебя? Плетень! Ужь ежели же она хвостъ треплетъ, — слѣдственно ужъ гдѣ-нибудь да имѣть она свой преступокъ... Какъ любовниковъ нѣту!...

— Да именно я тебѣ говорю, что нѣту ихъ! Съ дѣвчонкой съ Надькой Черемухиной шатается...

— Да черепокъ ты этакой! Да и у дѣвчонки-то, разглядико-сь хорошенько, ужъ они тамъ, любовники-то, гдѣ-нибудь приуготовляютъ себя... Глупецъ! Разберико-ко дѣвчонку-то съ разсудкомъ, такъ ужъ тамъ, братъ, они, любовники-то, въ значительномъ благополучіи состоятъ... Нѣту любовниковъ! Экий носъ табашный!... А ежели нѣту любовника, какъ же не можешь ты жену свою вогнуть въ струну?... И совершенная ты будешь палла, ежели ты его не разищешь, потому ежели ты его спасаешь, то можешь ты ее, супругу, по закону раскритиковать... Всячески... А безъ этого тебѣ никакъ нельзя... Я, братъ, учонъ ими... Они у меня, бабы-то, вотъ гдѣ сидятъ...

При этомъ Трифоновъ показывалъ на затылокъ, и именно

этимъ нужно объяснять то рвеніе, съ которымъ онъ относился къ дѣламъ Печкина. Дѣлъ этихъ, однако же, не поправляло участіе, которое Печкинъ находилъ въ лицахъ, ему сочувствовавшихъ: любовниковъ не находилось, и отлучки жены сдѣлались еще чаще. Не проходило дня, чтобы Софья Васильевна не ночевала у Черемухинныхъ, или Надя не приходила ночевать къ Печкинымъ, и съ каждымъ днемъ въ Софьѣ Васильевнѣ росло отвращеніе къ Павлу Ивановичу, къ его скучному дому, глухому переулку, словомъ ко всему, среди чего она, до знакомства съ Надей, могла выработать способность спать по 15 часовъ въ сутки. Идти домой отъ Черемухинной ей сдѣлалось столь же противно, какъ гимназисту идти въ пансіонъ, когда на дворѣ еще воскресенье, и когда дома братья и сестры еще бѣгаютъ и играютъ въ саду. Всякій разъ эти возвращенія сопровождались слезами, которыя прекращались только тогда, когда Надя шла ночевать къ ней. Дѣйствуя исключительно во имя жажды свѣжаго воздуха, Софья Васильевна съ каждымъ днемъ все больше и больше привязывалась къ Надѣ, и не отставала отъ нея ни на шагъ, доставляя тѣмъ Павлу Ивановичу множество обидъ. Обезоруженный доводами Трифонова на счетъ любовниковъ, Печкинъ рѣшительно не могъ возобновить припираній и полѣньевъ, и ограничивался попрежнему бесплодными воплями, иногда измѣняя только форму выраженія ихъ.

— Позвольте узнать, говорилъ онъ женѣ, когда та съ Надей возвращалась вечеромъ домой. — Позвольте мнѣ узнать, неужели я какая-нибудь собака, что... Вѣдь это, наконецъ... трепать хвосты...

— Мы не трепали, отвѣчала Надя за Софью Васильевну. — Мы гуляли.

— Не трепали! Вотъ это великолѣпно! Гуляли! Вотъ превосходно! Гуляли-гуляли, не трепали-не трепали, а что такое? Вѣдь не въ подворотню же мнѣ идти ночевать?

И т. д.

Во время этихъ отлучекъ, прогулокъ, посѣщеній родныхъ, дѣлавшихся болѣею частію въ сопровожденіи Михаила Ивановича и воспитывавшихъ въ Софьѣ Васильевнѣ духъ неповиновенія, жизненныя встрѣчи и сцены наводили Надю все на новыя и новыя сомнѣнія и все больше и больше разоряли ея неразвитый, необразованный умъ. Война съ Павломъ Ивановичемъ, въ которой супружескія права его играли такую видную роль, невольно заставляла Надю съ особенной впечатлительностью принимать только тѣ жизненные факты, въ которыхъ видѣлся

тотъ же вопросъ; много было этихъ встрѣчъ, и изъ всѣхъ ихъ все-таки можно было вывести то заключеніе, что самостоятельность, свои деньги, свой трудъ — существуютъ только у простыхъ людей. Случались, правда, встрѣчи, которыя озадачивали Надю, открывали ей совершенно новыя стороны жизни, но и онѣ въ концѣ-концовъ оказывались нулемъ.

Между прочимъ, одна изъ такихъ встрѣчъ произошла въ окружномъ судѣ, куда нашихъ подругъ затащилъ Михаилъ Ивановичъ, весьма интересовавшійся новыми порядками. Не зная ни старыхъ, ни новыхъ порядковъ, Надя и Софья Васильевна были прежде всего перепуганы обстановкой суда: налоемъ, священникомъ, толпою людей (которыхъ въ сущности было очень немного), и затѣмъ впали въ область полнаго непониманія того, что предъ ними творится. Въ глубочайшемъ конфузѣ слушали онѣ разбирательство какаго-то неизвѣстнаго имъ дѣла и не могли даже прибѣгнуть за совѣтомъ къ Михаилу Ивановичу, который почему-то усѣлся у самаго входа.

— Дѣйствительно ли, обращается предсѣдатель къ купцу-свидѣтелю: — рука проходить въ тотъ разрѣзъ въ чемоданѣ?

— Съ охотой пролѣзаетъ, ваше высокоблагородіе, съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчаетъ свидѣтель. — Потому что онъ ее, дыру-то, васкбродіе, ножичкомъ распоролъ, зво-ли какую! Икру, потому-што все онъ имъ рѣзалъ, ножикомъ-то... Вы у него увспросите у шельми...

— Вы не имѣете права, остановилъ предсѣдатель купца и довольно строго объяснилъ ему, какъ тотъ долженъ относиться къ подсудимому. Купецъ, все время отвѣчавшій весьма храбро и подробно, вдругъ испугался, замолягъ, поблѣднѣлъ.

— Потому что, который ножикъ у яво, лепеталъ онъ, спотыкаясь на каждомъ словѣ и обирая руками полы сюртука: — то онъ даже... васкбродіе... не имѣить, можетъ быть, своего ножа...

— Ишь путаетъ! говорили какіе-то мѣщане позади Нади. — Того и гляди, знать не знаю!

— Настращенъ старинными пустягами... Думаетъ, какъ бы самаго не упекли...

Надя и Софья Васильевна слушали и не понимали даже того, что понимаютъ мѣщане.

— Подсудимый! Что вы можете сказать на это?

Молодой малый, съ плутоватыми глазами, обвиняемый въ кражѣ денегъ изъ чемодана купца, кашлянулъ, тряхнулъ волосами и довольно напвнымъ голосомъ произнесъ:

— Ежели онъ меня упрекаетъ насчетъ бытто икры, то даже

совершенно это напрасно. Потому я ее съ малыхъ деньъ икру не потребляю...

— Дѣйствительно ли вы разрѣзали? поясняетъ предсѣдатель свой вопросъ.

— Дѣйствительно что я ее, васкбродіе, и по сіе время не люблю икру... И что въ ей скусу?

— Ишь оглобли-то поворотили! разсуждаютъ мѣщане.

Софья Васильевна и Надя понимали только одно, что подсудимый виноватъ въ употребленіи икры и за это окружонъ жандармами и штыками. Не къ чести ихъ относится также и то обстоятельство, что онѣ засмѣялись вмѣстѣ съ публикой, когда оказалось, что одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей, пожилой мужикъ, заснулъ, свѣсивъ съ ручки кресла въ стилѣ «возрожденія» лысую голову и руку съ громадной шапкой. Несчастнаго разбудили, въ краткихъ словахъ изобразили ему, что поклясться предъ крестомъ и евангеліемъ и захрапѣтъ — поступокъ, по меньшей мѣрѣ, не джентльменскій. Въ свое оправданіе, глубоко огорченный мужикъ могъ только сказать: «сморило... гналъ всю ночь... стомленъ...» Наконецъ, ему объявили: «вы больны» и посадили на его кресло въ стилѣ возрожденія другаго мужика, который вытянулся съ испугу, какъ палка, и съ затеяннымъ дыханіемъ и витаращенными глазами сталъ слушать, какъ обвинитель началъ «мотивировать», «формулировать», «обособлять», и какъ защитникъ потомъ, въ свою очередь, сталъ «объединять факты», въ родѣ икры и дыры, «дѣлать компромисы» и проч. Не знаю, какъ мужикъ, но ни Софья Васильевна, ни Надя рѣшительно не были бы въ состояніи произнести о подсудимомъ надлежащаго приговора, потому что неразвитое пониманіе ихъ было забито и испугано всѣми этими «да саро», «ав ово», «ех-аbrupto», «умственный уровень», «декорумъ той среды, гдѣ подсудимый» и другими оборотами образованной рѣчи защитниковъ и обвинителей, каковыми оборотами, словно кнутыями, поминутно обхлестывались уши слушателей, въ томъ числѣ Нади и Софьи Васильевны.

Въ глубокомъ уныніи и сознаниіи своей глупости сидѣли онѣ и слушали, отмахиваясь платками отъ жары и отъ этого тягостнаго сознанія.

И вдругъ въ залу суда вошла молодая, отлично одѣтая женщина, почти дѣвушка. Все, начиная съ походки и развязности, съ которою она прошла и сѣла около нашихъ подругъ, обличало въ ней, по малой мѣрѣ, полное знакомство со всѣмъ, что тутъ ни происходитъ. Но черезъ минуту оказалось, что сосѣдка знакома и не съ такими вещами. Въ маленькихъ рукахъ ея

очутились судебные уставы въ отличномъ переплетѣ; переплетствыя ихъ съ тою быстротою, съ какою вообще переплетываютъ книги дѣти, неумѣющія ихъ читать, она придавала своему лицу значительную серьезность и шептала довольно громко:

— Боже, какъ они неправильно рѣшаютъ! Ахъ, какъ врутъ! Почему нѣтъ мужа? Гдѣ мужъ... Что та-акое?.. Икра-а?.. И въ окружномъ!.. Вотъ мило... Да это просто тюремное заключеніе... Отчего не говорить мужъ?.. Я не понимаю!.. Со взломомъ? обратилась она къ Надѣ. — Ахъ, вы недавно!.. Вы не слышали. Ужасъ, что они дѣлаютъ... Гдѣ мужъ?.. Отчего...

Все это говорилось весело, игриво и невольно располагало къ сближенію, помимо познаній ея во всемъ, что ни дѣлается кругомъ, что заставляло Надю глубоко завидовать ей. Подъ вліяніемъ этой зависти, Надя не замѣтила, что въ разговорахъ сосѣдки о правильностяхъ и неправильностяхъ судоворенія, главную роль играетъ мужъ, «который знаетъ все это лучше всѣхъ»; не придавала особеннаго значенія тому восторгу дамы, который охватилъ ее, когда изъ-за прокурорскаго кресла выснулась и кивнула ей весьма приличная фигура мужа. вслѣдствіе чего зала суда огласилась радостнымъ восклицаніемъ: «ахъ, вотъ онъ!», а судебные уставы упали на полъ и разговоры о юриспруденціи замѣнились продолжительными киваньями мужу, посыланіемъ поклоновъ, поцалуевъ и проч. Надя не замѣтила этого, она видѣла только, что эта женщина все понимаетъ, знаетъ, гдѣ правильно и гдѣ неправильно, и завидовала ей.

Случай познакомилъ и подружилъ ихъ.

Фигура, выглядывавшая изъ-за прокурорскаго кресла, повидимому удовольствовалась изліяніемъ супружеской любви, которую выказала сосѣдка Нади: она качнула головой, насупила одну бровь и скрылась; сосѣдка Нади тотчасъ же притихла, усѣлась, и снова было-взялась за судебные уставы; но такъ-какъ небольшія часики съ музыкой, болтавшіяся у ней на груди, были занимательны ничуть не меньше юриспруденціи, то она, какъ ребенокъ, принялась баловаться и играть ими, вслѣдствіе чего въ залѣ суда запищала самая смѣшная музыка... Неумѣстность этого обстоятельства, здѣсь, среди людей, занимающихся дѣломъ, была до того понятна всѣмъ, не исключая Нади и Софьи Васильевны, что всѣ онѣ какъ-то вдругъ испугались, потомъ засмѣялись украдкой, вдругъ закрыли лица платками, переглянулись изъ-за нихъ—и подружились сразу.

Черезъ четверть часа онѣ уже о чемъ-то много и скоро говорили въ корридорѣ, выйдя сюда вмѣстѣ съ публикой и называя другъ друга «душечка»... Въ тотъ же день были пригла-

шены «къ намъ съ мужемъ», а спустя нѣсколько дней — Надя и Софья Васильевна были уже у Шапкиныхъ нѣсколько разъ.

На этотъ разъ Надѣ показалось, что она дѣйствительно попала въ земной рай, не такой, какой съумѣлъ оборудовать Павелъ Ивановичъ Печкинъ. Прежде всего, Шапкины жили въ удобномъ, свѣтломъ и чистомъ домѣ; въ комнатахъ было свѣтло, красиво: столы, рояль, стулья, полы и проч.,—все было новое, блестяло и не носило на своей поверхности ни пылинки, которая клубами вылетала изъ всѣхъ угловъ и вещей, находившихся въ домѣ Печкиныхъ. Въмѣсто запыленной и разрушенной фигуры Павла Иваныча, здѣсь былъ статный молодой человекъ, съ мягкимъ, деликатнымъ характеромъ, съ симпатичнымъ солиднымъ лицомъ, на которомъ хотя и мелькала, довольно часто, весьма милая улыбка, но въ то же время особенно ярко выступалъ отпечатокъ серьезной души, виднѣлись слѣды образованнаго ума, чему въ особенности способствовали темныя стекла очковъ. Какъ и Павелъ Ивановичъ, онъ говорилъ своей женѣ «ты»,—но въ такомъ братскомъ обращеніи рѣшительно не звучало желанія припереть жену полѣномъ или посадить ее на цѣпь: напротивъ, между супругами господствовало самое полное согласіе и любовь. Но что особенно сильно поразило Надю въ ихъ обществѣ,—это то, что жизнь ихъ была наполнена множествомъ занятій, уничтожавшихъ всякую возможность къ существованію того одуренія и ошалѣнія, которымъ такъ блистало райское семейство Печкиныхъ. Возвращаясь домой, мужъ сообщалъ супругѣ, чѣмъ рѣшили такое-то дѣло, кто хорошо или дурно говорилъ въ судѣ и проч. И жена была совершенно поглощена какими-то совершенно новыми для Нади интересами... Съ чувствомъ огорченія за самое себя, за свое невѣжество и съ чувствомъ зависти, смотрѣла она на Шапкину, когда та разговаривала объ этихъ непонятныхъ вещахъ съ мужемъ, или принимала участіе въ сужденіяхъ по тому же поводу съ его знакомыми—все молодымъ и умнымъ народомъ,—употребляя въ разговорѣ слова: въ родѣ «обжаловать», «Станиславъ съ короной» и проч. Но этого мало. Въ первый же почти день знакомства съ Шапкиными, оказалось, что помимо множества дѣлъ, которыя занимаютъ голову жены Шапкина, у ней есть и свои деньги, чего Надѣ рѣшительно не приходилось встрѣчать до настоящаго времени нигдѣ. Она перенисываетъ мужу бумаги и получаетъ отъ него жалованье. Часы съ музыкой куплены на собственные ея деньги; на свои же деньги приобрѣтены ею зонтикъ и альбомъ и еще нѣсколько вещей, которыя и показывались Надѣ съ особеннымъ удовольствіемъ... О взяткахъ и о

чемъ-нибудь злодѣйскомъ, обезобразившемъ для нея, благодаря Михаилу Иванычу, все—небо и землю,—здѣсь не было и помнуну. Напротивъ, былъ случай, когда Надя могла видѣть страшнѣйшій гнѣвъ и приливъ негодованія у обоихъ супруговъ, по тому только обстоятельству, что какая-то мужицкая борода осмѣлилась высунуть голову изъ передней въ залу и промнчать: «ба-тюшка!» По неразвитію своему Надя было-сжалилась надъ человѣкомъ, говорившимъ такимъ жалкимъ голосомъ, съ лицомъ, носившимъ слѣды великаго горя, но ей тотчасъ же было разъяснено, что человѣкъ этотъ—злодѣй, и убійца.

— Еслибы у тебя, или у твоего брата оторвали голову, что бы ты сказала?.. возразила ей жена Шапкина. — Неужели ему прощать?..

И тутъ же была разсказана ею исторія о томъ, какъ мужъ ея, обладая необыкновеннымъ умомъ, умѣлъ отыскать этого злодѣя.

— Представь себѣ — вагонъ! говорила она, прикладывая пальчикъ къ носу,—какъ это дѣлаетъ мужъ, всматриваясь или стараясь проникнуть въ существо того или другаго запутаннаго факта.—Шолъ человѣкъ, проѣхалъ вагонъ и человѣку этому оторвало голову... Чтѣ бы ты сдѣлала?.. Неужели такъ и бросить человѣка?.. И что же? Вагонъ ушелъ,—обвинить некого, доказательствъ нѣтъ, подозрѣнія?.. Ка-аво?.. У дороги валялась доска и мужъ нашелъ виноватаго... Вотъ онъ лѣзетъ... Одна доска—и мужъ нашелъ виноватаго! заключила она съ торжествомъ...

Надя была убита. Въ этомъ мірѣ умныхъ, занятыхъ людей,—самыя лучшія движенія ея сердца не стоили гроша, были ни къ чему ненужны, превращались въ нуль. Михаилъ Иванычъ, дѣлавшій наблюденія надъ новыми знакомствами Нади,—съ точки зрѣнія кухни, гдѣ онъ обыкновенно ожидалъ барышню, вступающую съ злодѣями и убійцами въ болѣе обстоятельные разговоры, хотя и не выносилъ изъ нихъ чувства глубочайшаго уваженія,—подобно Надѣ; хотя и бормоталъ почему-то все про разбойниковъ,—но на этотъ разъ не удостоился даже того, чтобы его слушали, ибо Надя не переставала питать самаго глубокаго уваженія къ новымъ знакомымъ, плѣненная свѣтлыми сторонами ихъ жизни. Она не видала того, что прежде нежели супругъ сталъ платить своей женѣ жалованье, — онъ положилъ къ себѣ въ карманъ довольно основательный кушъ, взятый за нею въ приданое; она не видала, что супруга, получающая жалованье и довольная своей самостоятельностью, стоитъ мужу втрое болѣе этого жалованья, что наконецъ самое жалованье есть не болѣе какъ любезность со стороны супруга, такъ-какъ писарь обыкно-

венный за ту же работу беретъ гораздо меньше; она видѣла, что у жены Шапкина свои деньги, свои труды, заботы, и свои веселые часы и дни... И завидовала ей безконечно, и безконечно любила ее.

Такъ-какъ къ этому времени война противъ Павла Ивановича утратила почти всякій интересъ, ибо даже Софья Васильевна въ эту пору могла говорить ему то, что прежде рѣшалась дѣлать только Нада, и такъ-какъ вслѣдствіе этого снова настала скука, то знакомство съ Шапкинскими было пріятно нашимъ подругамъ, несмотря на непріятное ощущеніе самоуниженія, которое испытывали онѣ въ ихъ обществѣ. Это былъ уголокъ свѣта, — и его нельзя было не любить, тѣмъ болѣе, что тотъ уголокъ тьмы и разоренья, гдѣ жили наши подруги, опротивѣлъ имъ до послѣдней степени, не исключая изъ числа надобнѣйшихъ лицъ и Михаила Ивановича, сдѣлавшагося къ этому времени воистину бѣшеной собакой.

Одно обстоятельство, съ котораго въ жизни Михаила Ивановича начинается нѣчто новое, уничтожило. Однако эту любовь Нади къ Шапкинскимъ и увеличило ее скуку новыми тягостными размышленіями.

Дѣло было въ мировомъ съѣздѣ. Однажды явилась къ Надѣ жена Шапкина и съ торжествомъ объявила, что сегодня мужъ ея, наконецъ, говорить... Очень жаль, что ему придется мало разговаривать, что нѣтъ возможности вполнѣ выказать талантъ, — но все-таки слушать его — наслажденіе. Михаилъ Ивановичъ тоже отправился вслѣдъ за дамами, помѣстился въ заднихъ рядахъ толпы, наполнявшей небольшую комнату съѣзда, до половины занятую столами господъ судей. Дамы, въ сопровожденіи жены Шапкина, пробрались впередъ и помѣстились на первой лавкѣ, въ виду величественной и необыкновенно привлекательной фигуры самаго Шапкина. Новенькій, отлично сшитый мундиръ сидѣлъ на немъ превосходно; золотой воротникъ какъ нельзя лучше и изящнѣе отгнѣялъ бѣлыя, выколенные и выбритыя щеки; бѣлая рука небрежно поигрывала золотою цѣпочкою и величественное лицо хранило печать тайны. Самоуниженію Нади на этотъ разъ рѣшительно не было границъ, — ибо сосѣдка ея, жена Шапкина, помощію продолжительныхъ киваній, улыбокъ съ мужемъ, выказала самымъ непреложнымъ образомъ и свое участіе въ дѣлахъ, полное пониманіе, и полную любовь этого величественнаго мужа, который при одномъ ея появленіи озарилъ свое лицо самою ясною улыбкой.

— Авдотья Тиханова! раздался голосъ предсѣдателя.

— Слушай! шепнула Надѣ Шапкина, и притаилась, словно окаменѣла.

«Тихонова... Авдоть?... Здѣсь?... Здѣсь!» послышалось въ публикѣ, и послѣ нѣкотораго волненія въ толпѣ, разступавшейся, чтобы дать дорогу Тихановой,—на средину комнаты робко выступила пожилая, худая, деревенская женщина; на плечахъ ея, несмотря на лѣтнюю пору, былъ надѣтъ старый и рванный тулупъ; изъ-подъ подиляго, старенькаго платка выглядывало испитое и лихорадочно-желтое лицо, съ ввалившимися глазами. Въ рукахъ ея былъ темно-синій набойчатый платокъ. Отдѣлившись отъ толпы, она прежде всего стала искать глазами образа. «Гдѣ у васъ Богъ-то?..» «Ай, его нѣту?» «Ай, вотъ онъ?» шептала она глухо, покашливая и прикрывая ротъ рукой. Окончивъ это, она подошла прямо къ столу судей и поклонилась; ее попросили отойти подальше, потомъ подойти поближе, и такимъ образомъ, установили на надлежащемъ мѣстѣ. Приѣмъ бабы не остался безъ улыбки со стороны публики. Подъ вліяніемъ игривой улыбки Шапкиной, Надя тоже было улыбнулась, но больное лицо бабы и ея нищенская, жалкая фигура уничтожили эту улыбку, тѣмъ быстрѣе, что Тиханова, помѣстившись противъ судей, на надлежащемъ мѣстѣ, почему-то глубоко вздохнула, сложивъ на груди руки съ платкомъ и закашлялась.

Среди тишины, прерываемой только легкимъ звяканьемъ цѣпей, которыми поигрывали нѣкоторые изъ господъ судей, секретарь прочиталъ слѣдующее: «Такого-то числа и года, въ такомъ-то мировомъ участіи, такими-то сельскими начальниками было начато дѣло противъ вдовы Авдотьи Тихановой, обвиняемой въ неисполненіи приказаній начальства. Имѣя въ домѣ своемъ довольно злую собаку, она никакъ не соглашалась ее убить или посадить на цѣпь, что было необходимо: ибо она собака дважды нападала на сельскаго старосту, а въ послѣдній разъ укусила за ногу проходившаго мимо дома Тихановой писаря. Хотя на излеченіе отъ укушенія, Тиханова и выдала писарю по требованію его до трехъ рублей, тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе неисполненіе приказаній сельскаго начальства, мировой судья постановилъ: оштрафовать Тиханову пятью рублями, а собаку разстрѣлять. Тиханова объявила себя недовольной рѣшеніемъ, собаки не разстрѣляла и подала въ съѣздъ».

Во время чтенія этого протокола, Тиханова стояла, потупившись, и по окончаніи его, снова глубоко вздохнула.

— Чтò вы желаете объяснить суду?.. спросили ее.

Тиханова замаялась, зашевелила платкомъ въ рукахъ и глухимъ надорваннымъ голосомъ произнесла:

— Я вдова, ваше высокоблагородіе... У меня пять человѣкъ дѣтей, мужиковъ нѣту, мнѣ невозможно безъ собаки... Ребята малыя, самой не досмотрѣть, мало-ли...

— Позвольте! весьма деликатно остановилъ ее председатель... Вы не имѣете права обжаловать дѣла по существу... Вы можете протестовать противъ окончательнаго рѣшенія...

Предсѣдатель проговорилъ ровно, заученно, словно по книгѣ прочиталь.

Тиханова замолчала; лицо ея покрылось потомъ...

— Потому, что, начала она взволнованнымъ голосомъ:—мнѣ безъ собаки никакъ невозможно... По моему сиротству, мнѣ требуется собака, чтобы вѣрная, злая... чтобъ она ликаго человѣка не подпускала... Ну, что же, ежели онъ ломить пьяный въ сѣнцы?.. Меня нѣту, собака пугается... Она поступаетъ по-собачьи...

— Потрудитесь разяснить Тихановой существо мирового съѣзда! повидимому, потерявъ терпѣніе, сказалъ предсѣдатель Шапкину.

Необыкновенная жалость, охватившая сердце Нади при видѣ запотѣвшаго отъ испуга лица Тихановой, при видѣ ея тщетныхъ усилій обратитъ на себя и на свои нужды чье-нибудь вниманіе,—жалость эта отлегла отъ сердца Нади, когда подъялся Шапкинъ.

— Назначеніе съѣзда, началъ тотъ самымъ симпатичнымъ и мягкимъ голосомъ, причемъ Надя почувствовала самыя нетерпѣливыя и нервныя поталкиванія въ бокъ со стороны счастливой жены оратора:—назначеніе съѣзда утверждать или кассировать рѣшенія мировыхъ судей; слѣдовательно, вы, подавая на кассацию, должны выставить суду неправильность употребленія господиномъ судьей тѣхъ или другихъ законоположеній... Вы подаете на кассацию...

— Да, ваше высокоблагородіе, завопила наконецъ Тиханова.— И что же теперича разрѣшаютъ собаку къ разстрѣлу!.. Ну, какъ мнѣ безъ собаки возможно?.. Что же теперича, ежели я ее на дѣнь-то посажу, — нѣшто она мнѣ станетъ помочь давать?.. И на мене-то въ ту пору будетъ она, какъ на злодѣя глядѣть... Спусти ее на ночь, она не стеречь, а убѣчь нарвится... Ну, что же я съ малыми ребятами...

— Кассационный порядокъ... возвышая голосъ надъ ревомъ бабы, попытался произнести предсѣдатель, но баба упала на колѣни, зарыдала, отстаивая собаку, и въ съѣздѣ воцарилось

нѣчто совершенно неосновательное... Съ одной стороны, господа судьи и Шапкинь выказывали свойства истинныхъ джентльменовъ: умоляя бабу подняться съ колѣнъ, и помогая ей въ этомъ; съ другой стороны, едва баба поднималась и открывала ротъ о своихъ нуждахъ, самымъ тѣснымъ образомъ сопряженныхъ съ участью вѣрной собаки — какъ тѣ же джентльмены немедленно опять валяли ее на земь новымъ требованіемъ держаться кассациі, въ чемъ Шапкинь принималъ самое дѣятельное участіе. Сердце Нади сжалось послѣ рѣчи Шапкина, которыхъ она не понимала точно также, какъ и баба, и если не заплакала отъ этого, при видѣ плачущей вдовы, такъ именно потому, что не совсѣмъ ясно понимала и ея горе. Въ пугливомъ недоумѣніи взглянула она на жену Шапкина, но и на ея лицѣ не было замѣтно особеннаго веселья. Недоумѣвающее, сконфуженное лицо ея улыбнулось, но тихо, и коротко... Она слезливо поглядѣла на мужа, полагая въ простотѣ душевной, вмѣстѣ съ Надей и Софьей Васильевной, что въ его власти осушить бабьи слезы немедленно. Послѣ довольно продолжительнаго вытья бабы, среди котораго пережѣшивались слова «собачка», «кассациа», «къ разстрѣлу», «идея мирового института», «я вдова... мнѣ невозможно...», «апеллируя на неправильность рѣшенія, вы...», «мнѣ легче помереть» и т. д., — судъ ушелъ, потомъ пришелъ, и тутъ въ разстроганнаго сердца нашихъ дамъ былъ нанесенъ новый ударъ, ибо Шапкинь съ своей каеэдрой окончательно пошаташилъ бабу: разсмотрѣвъ ее со множества сторонъ, подведя множество законныхъ основаній, онъ полагалъ бы приговорить бабу къ штрафу въ объемъ тѣхъ же пяти рублей, но собаку оставилъ въ живыхъ.

По окончаніи рѣчи, онъ взглянулъ на жену, попрежнему улыбаясь, но жена почему-то кусала кончикъ перчатки и глядѣла на Надю, грустную и разстроенную, и на бабу, которая всхлипывала, отирала синимъ дырявымъ платкомъ заплаканное и запотѣлое лицо и глубоко вздыхала.

Во время антракта они вышли въ сѣни съѣзда, чувствуя въ груди нѣчто весьма тягостное. Шапкина уже не хвалила своего мужа, а только отмахивалась платкомъ и смотрѣла черезъ перила на лѣстницу, на которой сидѣли и стояли мужики и бабы.

— Что онъ? Ай онъ очумѣлъ! шумѣлъ внизу, у самаго входа, среди кучки разныхъ людей, голосъ Михаила Иваныча.

Заслышавъ его, Нада тоже подошла къ периламъ. Михаилъ Иванычъ былъ совершенно взбѣшенъ, что, вмѣстѣ съ отсутствіемъ галстука на худой шеѣ и совершенно нищенскимъ ко-

стюмомъ, придавало его рѣчамъ нѣчто дѣйствовавшее особенно сильное.

— Ай онъ одурманилъ? Что онъ ее гвоздитъ по башкѣ-то? Онъ въ сорока наукахъ ученъ, въ ста водахъ мытъ, — идѣ-жь бабѣ деревенской сладить съ нимъ? Докуда?..

— Нѣтъ, братъ! слышалось тоже внизу, изъ толпы, окружавшей Михаила Ивановича.—Зубовъ у нашего брата нѣту!.. Вотъ чего! Покуда зубовъ не наживемъ, все насъ этакъ-то кувыркать будутъ...

— Не дадутъ! зубовъ-то не дадутъ нагулять!.. бѣсился Михаилъ Ивановичъ.

— А кабы она тоже его рѣзнула на евономъ нарѣчїи, анъ и безъ штрафу-ба!.. Онъ сто двадцать вторая статья, а она ему пять-сотъ тридцать... онъ ей тыщу, а она бы ему милїонтъ, — небось-ба присѣлъ...

Всѣ необразованные слушатели были согласны о необходимости «зубовъ» при новыхъ жизненныхъ порядкахъ; но такъ-какъ никто изъ слушательницъ достаточнымъ образомъ не участвовалъ въ этихъ порядкахъ и не имѣлъ достаточнаго личнаго опыта, гдѣ бы зубы эти требовались, то разсужденїя публики на этотъ счетъ хотя и припомнились Надѣ въ послѣдствїи, но въ настоящее время не обратили на себя особеннаго вниманїя, которое гораздо болѣе было поглощено словами разозленнаго Михаила Ивановича. Ничѣмъ не превосходя ни нашихъ дамъ, ни бабу въ пониманїи юридическихъ наукъ, Михаилъ Ивановичъ, подобно имъ, возмущался жестокосердіемъ господъ судей и выражалъ эту мысль на своемъ разозленномъ языкѣ такъ сильно, что слушательницы были возмущены поступкомъ Шапкина до глубины души, ибо не могли не сочувствовать ему.

— Онъ ошибся!.. съ трудомъ поборовъ тягостное молчанїе, проговорила Шапкина.

Въ это время въ сѣни вошелъ самъ Шапкинъ. Нада не чувствовала къ нему уже ни благоговѣнїя, ни симпатїи—она боялась его. Стоя у перилъ, она не поворачивала головы въ сторону разговаривавшихъ супруговъ, но слушала ихъ шопотъ съ любопытствомъ. Шапкинъ, успокоивая взволнованную жену, говорилъ ей, что онъ не имѣетъ права вступать съ бабой въ душевныя бесѣды, что такихъ бабъ приходитъ по сту въ день, всѣмъ не разъяснишь, что, наконецъ, дѣйствовалъ такъ, какъ говорить законъ, и что никакого зла онъ бабѣ не желалъ.

— Развѣ ты не понимаешь, чего она хочетъ? говорила Шапкина.

— Разумѣется, понимаю... Но видишь, въ чемъ дѣло...

— Такъ зачѣмъ же ты не слушаешь ея?.. Она говоритъ свое, а ты свое...

— Поэтому-то мы оба и правы: она говоритъ, что ей нужно, а я — что мнѣ нужно.

— Да она не понимаетъ тебя. Ты былъ въ университетѣ, а она...

— Чѣмъ же я виноватъ, что она не была тамъ?

Шапкинь улыбался. Жена молчала.

— Я самъ въ томъ же положеніи, какъ и она. Я не могу ей сдѣлать добра потому, что она тоже не можетъ доставить мнѣ удовольствія быть ей полезнымъ... Когда мы будемъ вмѣстѣ съ ней по одной книжкѣ читать, тогда все это и кончится...

Потолковавъ еще на тѣму о всеисправляющемъ времени, — Шапкинь ушелъ. На лицѣ его жены, послѣ этого разговора, не проходило выраженіе огорченія.

По уходѣ его, дамы постояли въ сѣняхъ еще минуты двѣ-три и тихо стали спускаться по лѣстницѣ къ выходу. У воротъ, на улицѣ, онѣ встрѣтили бабу; полушубокъ ея былъ разстегнутъ и концы головнаго платка развязаны; отирая платкомъ раскраснѣвшееся и потное лицо, она сидѣла на тумбѣ, уложивъ около себя какіе-то узелки, и говорила другой бабѣ:

— Пуще всего рада, собачку-то не ухлопали... Какъ вѣдь онъ меня полыхалъ!..

Шапкина дала ей двугривенникъ (больше у нея не было съ собой) и пригласила ее къ себѣ пить чай, но баба не пошла, отговариваясь тѣмъ, что она и такъ пять дней дома не была черезъ этотъ судъ и не знаетъ, что теперь съ дѣтьми, живы ли.

Всѣ медленно разошлись по домамъ.

Въ головѣ Нади бродила мысль, что не всякое дѣло образованнаго мужа можетъ придтись по вкусу женѣ. Богъ знаетъ, можетъ, мужу придеть охота взять должность душить да давить, какъ выражается необразованный Михаилъ Ивановичъ, — и тогда жить тоже плохо. Тутъ ей припоминалась взаимная любовь Шапкиныхъ, ихъ поцалуи, нѣжности, перемѣшанные съ непонятными словами, которые быть можетъ и значать дурное, — и она охладѣла къ нимъ, а на душѣ стало еще тяжеле. Необразованная мысль ея шла ухабами, кривыми дорогами, — словомъ, тѣмъ путемъ, какимъ шли современныя будни, неосвѣщенные никакимъ запасомъ знаній, опытовъ. Много было отъ этого лишнихъ мученій звуки, потому что каждый опытъ, почитаая въ эту нетвердую, неопытную мысль ея, только мутилъ и разорялъ ее.

Грустно возвращались Надя и Софья Васильевна въ свою глухую улицу, чтобы снова томиться въ однообразіи пустоты

скуки, поджидая нападенія Павла Иваныча. На этотъ разъ ихъ не сопровождалъ даже Михайлъ Иванычъ, съ которымъ въ эту пору происходили разныя новости...

VII.

Новости. — Чугунка.

Какъ уже сказано, злость Михаила Иваныча къ этому времени достигла самыхъ страшныхъ размѣровъ, такъ что рѣшительно не было человѣка, который бы, столкнувшись съ нимъ, не назвалъ его бѣшеной собакой. Причиною такого озлобленія было, вопервыхъ, долгое бездѣльное житье, къ какому Михайлъ Иванычъ совершенно непривыкъ и предѣлъ котораго былъ для него совершенно неизвѣстенъ; вовторыхъ, томительное однообразіе нищенскаго и безвыходнаго положенія, и втретьихъ, наконецъ, чугунка, открытія которой ждали съ минуты на минуту. До тѣхъ поръ, пока чугунка не была достроена, когда этого нужно было еще ждать, одинокая, заброшенная всѣми, душа Михаила Иваныча могла пробавляться разными надеждами на будущее. Терпѣливо ожидая ея, съ этими надеждами, ему было легче переносить постоянную насмѣшку надъ собой, скуку скитаній вслѣдъ за скучными барынями среди іюльской жары, пыли и пр. Но теперь это дѣлалось совершенно невозможнымъ. Глядя, какъ съ каждымъ днемъ около воксала уменьшаются лѣса, какъ двигаются первые тяжелые вагоны, свистятъ паровики, — Михайлъ Иванычъ сталъ чувствовать себя совершенно одинокимъ, ибо всѣ эти новости разсѣвали надежды на Петербургъ. Оказывалось, что у Михаила Иваныча нѣтъ денегъ, чтобы туда ѣхать, что даже и ѣхать ему незачѣмъ, а фигура Максима Петровича утратила почему-то всю ту ясность, съ которой представлялась до сихъ поръ. Михайлъ Иванычъ сталъ чувствовать себя растерзаннымъ, убитымъ, но пряталъ свое отчаяніе отъ насмѣшекъ, и показывалъ только злость. Въ это время онъ уже не могъ, даже у Черемухинныхъ, злиться тихо, какъ прежде, а, напротивъ, наравнилъ всякаго оборвать, перекусить пополамъ.

— Скучно! говорила Надя.

— Да вотъ какъ же! огрызнулся Михайлъ Иванычъ. — Сейчасъ для васъ заиграютъ въ барабаны, въ трубы затрубятъ, чтобы вамъ веселѣе... Очень всѣ объ этомъ въ заботѣ, чтобы васъ увеселить... Сію минуту-съ...

Вслѣдствіе замѣчаній старухи Черемухиной, чтобы онъ говорилъ попокойнѣе, потому, молъ, что между простыми людьми незачѣмъ этакъ шумѣть, — Михайлъ Иванычъ иногда замолякалъ, а иногда,

разозлившись, уходил ругаться въ другое мѣсто. Подобно семейству Черемухинныхъ, ему опротивѣлъ и помѣщикъ Уткинъ, и всѣ цаловальники и знакомые въ Желтиковѣ и на пути къ нему; онъ шатался то тамъ, то самъ, оборванный, худой, не вступая ни съ кѣмъ въ подробные разговоры, отплевываясь и отругиваясь отъ всѣхъ вопросовъ, задаваемыхъ кѣмъ-либо ему, какого бы невиннаго содержанія они ни были. Кашель и ревъ въ груди, усилившіяся въ послѣднее время, много помогали ему въ этой неразговорчивости.

Случай спасъ Михаила Ивановича отъ гибели, отъ одинокой смерти, гдѣ-нибудь въ полѣ, по крайней-мѣрѣ, на время. Оказалось, что есть люди, желающіе и умѣющіе взять дань съ этого кашля, ревушей груди и злости...

Предъявляя эти свойства на крыльцѣ мирового съѣзда, въ защиту несчастной бабы, защищавшей свою собаку, Михаилъ Ивановичъ обратилъ на себя вниманіе одного изъ слушателей. Это былъ высокій, полный купецъ; слушая, какъ онъ дается на властей, обидѣвшихъ бабу, какія онъ употребляетъ при этомъ выраженія, купецъ не могъ не сообразить, что передъ нимъ стоитъ человекъ, который въ грошъ не ставитъ цѣну своей головы. Купецъ долго слушалъ его; при особенно вѣскихъ выраженіяхъ отходилъ прочь, начиналъ смотрѣть въ сторону или въ потолокъ, принимая самое невинное выраженіе лица, и въ то же время не проронилъ ни слова...

— Чуденъ! произнесъ онъ съ улыбкой, наряду съ другими слушателями, когда публика на крыльцѣ начала расходиться и сталъ надѣвать шапку, чтобъ идти. Надъ шапкой онъ возился до тѣхъ-поръ, пока не разошлись всѣ, и тогда вышелъ за ворота, неторопливыми шагами пошелъ за Михаиломъ Ивановичемъ, догналъ его, тронулъ пальцемъ въ плечо и проговорилъ:

— Толконись въ трактиръ Утюгъ... разговоръ будетъ... дѣло есть...

И прошелъ мимо, и съ беззаботностью ребенка, читая по складкамъ вывѣски.

Михаилъ Ивановичъ остановился, какъ-то одеревенѣлъ отъ радости при словахъ «дѣло есть» — и торопливо пошелъ вслѣдъ за купцомъ. Тотъ опередилъ его; первый вошелъ въ самый грязнѣйшій трактиришко, гдѣ его, повидимому, коротко знали, и спросилъ номерокъ.

— Какое дѣло? пыталъ Михаилъ Ивановичъ, войдя въ номеръ. Но купецъ, не отвѣтивъ ему, оглянулъ стѣны, и сказалъ половому:

— Нѣтъ ли потемнѣй комнѣтки? Больно свѣту много... Дѣло секретное, не подходитъ... шепнулъ онъ Михаилу Иванычу. Половой привелъ ихъ въ темную кѣлѣтушку, съ темными ободранными обоями и окномъ, заслоненнымъ какими-то постройками и грязными тряпками, сушившимися противъ него на веревкѣ.

— Какое дѣло? повторилъ Михаилъ Иванычъ, когда они усѣлись около маленькаго заплываннаго стола.

— Настоящее будетъ дѣло-съ... сказалъ купецъ и потребовалъ водки и чаю.

— Просимъ покорно; выкушайте...

Михаилъ Иванычъ выпилъ и закусилъ, нѣсколько времени молча глядѣлъ на бушца и опять спросилъ:

— Въ какомъ смыслѣ дѣло будетъ ваше?

Купецъ налилъ чаю, уперся локтемъ въ столъ, и сталъ клебать, повидимому, не спѣша приготавливаясь къ самому основательному разговору.

— Кто такіе будете?.. спросилъ онъ наконецъ.

— Рабочій... выгнанъ за бунты... съ заводу.

— Очень превосходно!.. Выкушайте рюмочку.

Михаилъ Иванычъ выпилъ.

— На какомъ основаніи имѣли ваше бунтованіе?..

— А на такомъ, что большой очень разбой наущенъ на простаго человѣка...

Двѣ рюмки водки, выпитыя среди лютой июльской жары, подѣйствовали сильно на большие нервы Михаила Иваныча, и онъ въ длинномъ и жолчномъ разказѣ передалъ купцу свои взгляды на прижимку. Одобреніе, которое купецъ высказывалъ при словахъ: «рабочій человѣкъ ошалѣлъ», «задушенъ»,—придало его рѣчамъ гораздо большее количество энергіи, нежели водка, и всѣ душевныя скорби его были выпущены на волю, безъ всякихъ ограниченій.

Разказаны были, разумѣется, всѣ планы насчетъ Петербурга, Максима Петровича, отъ котораго въ дѣлѣ заступничества за простаго человѣка, ожидается значительная помощь. ●

Купецъ все слушалъ, изучая натуру Михаила Иваныча, одобрялъ и, наконецъ, перевернувъ двѣнадцатую чашку, сказалъ:

— Имѣете большое роптаніе... Очень превосходно! Для нашего дѣла такой человѣкъ требуется, чтобы съ ропотомъ... Толкнитесь завтрашняго числа вторительно въ номерокъ, объ эту пору... Можетъ, Богъ дастъ, въ Петербургъ съѣздите... Будьте здоровы.

Какъ ни темны были дѣла, предлагаемыя купцомъ, но Ми-

хаялъ Иванычъ ужъ былъ закупленъ въ пользу ихъ съ одного разу; вопервыхъ, эти дѣла одобряютъ его взгляды; вовторыхъ, сулятъ ему возможность уйти отсюда, изъ этого проклятаго города, гдѣ онъ страдалъ и чахъ цѣлую жизнь. Не разгадавъ сущности дѣлъ, затѣваемыхъ купцомъ, Михаилъ Иванычъ съ теченіемъ дальнѣйшей бесѣды съ нимъ убѣдился, что лично ему поручаемое дѣло состоитъ именно въ томъ, чтобы защищать простаго человѣка, чтò составляло его завѣтную мечту.

— Вы обижены, говорилъ ему купецъ, сидя за чаемъ въ комнатѣ: — вы простой рабочій человѣкъ, потерпѣли большое притѣсненіе... Такія ваши слова?

— Такъ точно. Потому всѣ мы замучены...

— Ну вотъ-съ. Вы такъ говорите, якобы всѣ. Еще того лучше... Слѣдственно ваше дѣло роптать на притѣсненія-съ... Куда вы намѣрены были сами въ Санктпетербургѣ жаловаться, роптать, напримѣръ, то вы и ропщите... Производите по вашему рабочему дѣлу шумъ — больше ничего и не требуется... Шумите-съ... Передъ начальствомъ, напримѣръ, сдѣлайте объясненіе... По знакомымъ, чтобы тоже бы шумѣли... Ропщите, напримѣръ, и все тутъ!... Больше ничего! Это для нашего дѣла очень способствуетъ, ежели вы за нашего рабочаго заступленіе окажете въ Санктпетербургѣ.

— За простаго человѣка? кричалъ въ такихъ случаяхъ Михаилъ Иванычъ, всегда угощенный водкой: — въ гробъ пойду!

— И чудесное дѣло!... Производите ваше роптаніе въ аккуратѣ, и отъ насъ будетъ вамъ взаимно.

Въ необходимости заступаться за простаго человѣка и шумѣть изъ-за него въ Петербургѣ, Михаила Иваныча укрѣпляло нѣсколько разныхъ лицъ, которыхъ поочередно приводилъ въ трактирную комнатку первый купецъ. Всѣ они выслушивали ропотъ Михаила Иваныча, предварительно заставивъ его выпить водки, переглядывались между собою, шептали другъ другу «на что же лучше», и затѣмъ объясняли цѣль его будущей миссіи именно въ смыслѣ роптанія на теперешнее положеніе рабочаго человѣка.

Такіе толки и испытанія способности Михаила Иваныча шли довольно долго; но мы не будемъ останавливаться на нихъ, ибо всѣ засѣданія въ комнатѣ грязнаго трактиришка были совершенно похожи другъ на друга. За день или за два до открытія чугунки, поѣздка его была рѣшена. Купцы дали ему пятьдесятъ цѣлковыхъ на расходы, одѣли его, какъ одѣваютъ вольника на три, на четыре дня, пока ему не надѣнутъ на плечи солдатской шинели, сказали, чтобы отписывать обо всемъ на

имя какого-то ничтожного мелочного лавочника, и отпустили его собираться въ дорогу.

И въ то время, когда задыхавшійся отъ радости Михаилъ Иванычъ бѣжалъ къ Черемухиннымъ, чтобы сообщить, что онъ воскресъ, что онъ побѣдилъ, между его благодѣтелями-гушцами, въ томъ же нумерочкѣ «Утюга», шелъ такой разговоръ.

— А это, братъ, ты аккуратно придумалъ, говорилъ одинъ: — коноводу тайнаго дѣла — запустить волчка... хе-хе-хе...

— Хе-хе-хе... смѣялся коноводъ. — Потому что безъ волчка невозможно... Ежели мы, примѣрно, сами пойдемъ по этому дѣлу... насъ, братъ, начнутъ тамъ чистить, карманы наши, на-примѣръ...

— Хе-хе-хе... Вѣрное слово!

— Кромѣ того мы пугливы... Тяжелы... Этакое дѣло намъ начать, такъ вѣдь это насъ, по нашей глупости, какъ разграбить-то?...

— Силь пороха не оставятъ!

— То-то вотъ... А какъ я перво-наперво этакое-то дѣлаю пуцу волчкомъ, какъ онъ на шумитъ тамъ, передъ начальствомъ-то, анъ ужъ намъ тогда вольготнѣе; тамъ ужъ они будутъ думать: эво, молъ, до чего народъ нѣмцемъ-арендателемъ прижать, что ровно бѣшеные, на послѣдніе въ Питеръ бѣгутъ жалиться... Какъ Мишку-то увидятъ... Вѣдь это что? Пуля!

— Пуля!... Это вѣрно... Ну, такъ надо думать, что башку ему свернуть тамъ...

— Это вѣрно! Прямо въ огонь лѣзеть... Да что жа? Первое дѣло, что своя его воля, а второе, что и башку ежели ему, такъ и то не Богъ вѣсть... Ни кола, ни двора, ни куриного пера... А намъ все сходнѣй тогда-то съ хлѣбомъ съ солью подвалить... Такъ, аль нѣтъ?...

Разумѣется, всѣ были согласны съ практичностью такого употребленія особы Михаила Иваныча, тѣмъ болѣе, что и самое дѣло, которое намѣрены были господа предприниматели начать хлѣбомъ-солью, не было особенно гуманнымъ: партія провинціальныхъ капиталстовъ, появившихся какъ-то внезапно въ послѣднее время, намѣрены были взять у казны заводъ, находившійся въ настоящую минуту въ рукахъ нѣмца-арендатора. Пошатнуть нѣмца съ разу было нелегко, потому что въ Петербургѣ онъ имѣлъ хорошую заручку; нужно было произвести особенный говоръ по вопросу о передачѣ завода въ русскія руки, нуженъ былъ шумъ въ Петербургѣ, сдѣланный фанатикомъ страданій рабочаго народа — и вотъ пригодился и большая грудь Михаила Иваныча, и его злость, и его фанатическая

вѣра, въ нынѣшнее время, когда простому человѣку даютъ ходъ.

Поможетъ или не поможетъ Михаилъ Ивановичъ этимъ людямъ въ набиваніи ихъ кошель, мы еще не знаемъ, какъ не знаетъ этого онъ самъ, твердо вѣрующій, что идетъ шумѣть за права простого человѣка. Вѣра въ это преобразовала его въ послѣдніе дни совершенно. Злость пронала и на худомъ, болѣзненнымъ лицѣ свѣтилась какая-то дѣтская радость. Въ новомъ костюмѣ, стоившемъ нѣсколько грошей, онъ, правда, походилъ въ это время на человѣка, который только что выписался изъ больницы — худъ, еще нездоровъ, но радъ дышать чистымъ воздухомъ, радъ глядѣть на людей, ходить по тразѣ. Безъ ругательства распрощался онъ съ жолтиковскими знакомыми, съ Уткинымъ, съ цаловальниками, съ дьячками — и всѣ они на этотъ разъ тоже дружелюбно отнеслись къ нему; иные даже просили похлопотать въ Петербургѣ. Дали ему множество адресовъ, просили розыскать, купить, написать поподробнѣе «обо всемъ». Михаилъ Ивановичъ охотно принималъ порученія, цаловался съ оставляемыми имъ врагами и въ дѣтскомъ умиленіи говорилъ:

— Много терпѣлъ простой человѣкъ — пора вздохнуть! Авось найдутся добрые люди, помогутъ намъ?...

Всѣ говорили, что найдутся, и вѣрили этому.

За день до отъѣзда, онъ совсѣмъ перебрался изъ Жолтикова въ кухню Черемухинныхъ, и уже не злился въ это время на скупавшую Надю, и на старуху Черемухину, потому, что въ эти минуты былъ счастливѣе всѣхъ. Напротивъ, ему почему-то было немного даже жалко покинуть ихъ; да и имъ безъ него видимо было скучно, въ особенности Надѣ, которая въ эту минуту стала чувствовать къ Михаилу Ивановичу особенное расположеніе: безъ него оставались одни мертвецы кругомъ ея. Подъ вліяніемъ этого расположенія къ Михаилу Ивановичу, Надя, ея мать, и Софья Васильевна снаряжали его въ дорогу, какъ близкаго имъ родного. Ходили съ нимъ въ ряды покупать галстухъ, манишку, каковыя вещи, по мнѣнію Михаила Ивановича, весьма необходимы въ разговорахъ съ петербургскими людьми; набили ему двѣсти панирсовъ изъ табаку въ гривенникъ, ибо Михаилъ Ивановичъ не рѣшался тратить на пустяки много, когда нужны деньги на хлопоты объ участіи простого человѣка. Въ свою очередь и Михаилъ Ивановичъ взялся сдѣлать для Черемухинныхъ доброе дѣло: сынъ Черемухиной Василій, тотъ самый, который завязъ къ Михаилу Ивановичу на печку слушать сказки, пять

лѣтъ почти безъ вѣсти пропадалъ въ Петербургѣ. Гдѣ онъ и что нимъ, мать рѣшительно не знала; послѣдніе два года онъ писалъ ни строки; слышно было, что вышелъ изъ университета не кончивъ курса, но живъ ли теперь или умеръ — Богъ знаетъ. Михайлъ Ивановичъ весьма былъ радъ взяться за это порученіе; кромѣ фантастическаго Максима Петровича, у него въ Петербургѣ не было никого, а Василій Андреевъ, братъ Нади, долженъ помнить его болѣе, нежели Максимъ Петровичъ, потому что онъ не одинъ десятокъ сказокъ разсказалъ ему въ дѣтствѣ.

— А не забыли, скажу, какъ вы ко мнѣ на печку бѣгали? а?... фантазировалъ Михайлъ Ивановичъ... Да, помнить! Какъ забыть!... А Максиму Петровичу — прямо въ ноги... Земной поклонъ! Передъ Богомъ! «Какъ ты, скажешь, — смѣлъ купецкія краденныя деньги на дорогу брать?» « — Голубчикъ! Максимъ Петровичъ! ужъ неужтожъ такъ имъ и оставлять всѣ?... Довольно они денегъ-то нашихъ положили въ карманъ. Дай и намъ грошикъ!...» Эхъ и человѣкъ-же!

Минуты всеобщаго расположенія охмѣлили Михаила Ивановича до того, что онъ въ послѣдніе дни былъ постоянно немножко навеселѣ, ибо на радостяхъ рѣшался пропивать въ день по двугривенному, по пятиалтынному; въ такомъ радостномъ настроеніи онъ лѣзъ цаловать ручки у Нади, у Черемухиной, у Софьи Васильевны; попилъ — погулялъ съ мастеровымъ Ваней и его женой Фенюшкой; пѣсенъ попѣлъ съ ними, пошатался ночью по улицамъ съ мастеровымъ народомъ и гармоніей, и даже выказалъ поползновенія насчетъ женскаго пола, — остановившись на улицѣ противъ проходной дѣвушки съ такими словами:

— Дать тебѣ дорогу, красавица, али нѣтъ?... сказалъ онъ, снявъ картузь и прибавилъ: — проходи, милая, никто не помѣетъ... Богъ съ тобой!...

Среди этого гулянья онъ не упустилъ случая разъ-другой заглянуть на чугунку и разспросить «не ушла ли?» Успокоенный отвѣтомъ «нѣтъ иша», шелъ проститься съ старымъ знакомымъ, въ кабачекъ, къ Трифонову, гдѣ на прощаньи весьма основательно обругалъ Павла Ивановича, за что заслужилъ всеобщее одобреніе. Наконецъ въ одно утро, — ужъ не рабочіе, а сторожъ при желѣзной дорогѣ, одѣтый какъ картинка, объявилъ, что сегодня въ седьмомъ часу вечера, будетъ изъ О. — первый поѣздъ въ Москву...

— Вре...? пролепеталъ Михайлъ Ивановичъ, обрадованный до испуга, и долгое время стоялъ молча съ разинутымъ ртомъ, чув-

ствуя, что какъ будто бы все тѣло его превратилось въ одно сердце, бьющееся отъ великаго счастья — и побѣждалъ къ Черемухиннымъ...

— Аблажена! пробормоталъ онъ, и сталъ сію же минуту собираться въ дорогу...

Надѣ вдругъ стало страшно тяжело отъ этого слова «облажено», отъ этого счастья улетѣть изъ разореннаго омота, освѣжить свою разоренную, бесплодно тоскующую голову...

Не для одного Михаила Иваныча и Черемухинныхъ этотъ день былъ чѣмъ-то особеннымъ, небудничнымъ, когда люди умираютъ отъ скуки, и непраздничнымъ, когда люди могутъ пить, спать до обморока и смотреть фейерверкъ въ присутствіи господина начальника губерніи... Въ этомъ днѣ чувствовалось что-то томительное и радостное. Въ нашу глушь, въ нашу скуку, беззащитную, брошенную жизнь, пришло что-то совсѣмъ новое, сулящее лучшее будущее, — и еще не измѣнившее нашей тоски, нашего гореванья ни на волосъ. Не одинъ Михаилъ Иванычъ ни свѣтъ ни заря суетился и торопился, собираясь на машину — весь городъ былъ какъ-то наэлектризованъ этой новостью, такъ что когда часовъ въ шесть Михаилъ Иванычъ, сопровождаемый Надеей и Софьей Васильевной, пришелъ въ вокзалъ, — здѣсь уже были толпы народа. Все это двигалось, было весело, собирались уѣхать, улетѣть; ни одной заспанной щеки, ни однихъ глазъ, заплывшихъ отъ одури, нельзя было встрѣтить, среди толпы, бродившей по широкимъ комнатамъ вокзала... Вся эта суета, пробужденіе, чѣмъ-то горькимъ отзывалось въ сердцѣ Нади; а Михаилъ Иванычъ, въ жизни котораго событія слѣдовали въ послѣднее время съ такой ошеломляющей быстротой, почувствовалъ нѣкоторый страхъ, вслѣдствіе чего, попросивъ барышень поглядѣть за узелкомъ, скрылся на время неизвѣстно куда, а возвратившись чрезъ нѣсколько минутъ имѣлъ лицо весьма радостное.

— То-есть вотъ какъ обладимъ дѣла! сказалъ онъ Надѣ, тряхнувъ кулакомъ.

— Вы водки напились? вмѣсто отвѣта сказала та.

— Да, голубчики! снимая картузь задепеталъ Михаилъ Иванычъ:— милые!... Да какъ мнѣ не выпить?... Ангелочки вы мои...

И принялся цаловать у барышень руки, что хотя и было не особенно замѣтно среди толпы, однако заставило Надю и Софью Васильевну уйдти впередъ, на платформу.

Скоро Михаилъ Иванычъ розыскалъ ихъ и здѣсь. Но отъ изліяній воздерживался, ибо всеобщее вниманіе было обращено

на лёсъ, изъ котораго съ минуты на минуту долженъ былъ выторкнуться первый пѣздъ. Въ ожиданіи его шли разговоры. Благородные толковали о томъ, что теперь представляется удобный случай ѣздить въ Москву въ театръ. «Утромъ выѣхалъ, къ обѣду тамъ; умылся, одѣлся и — маршъ, а къ утру — опять дома». — «Великодушнѣ!» Другіе, изъ числа тѣхъ же благородныхъ, смотрѣвшие на это дѣло глубже, разсуждали о подвозѣ, о расширеніи... Простой народъ, неизмѣннѣй возможности думать, что оный подвозъ и оное расширение могутъ образоваться изъ икъ дырявыхъ лаштей, трактовалъ чугунку съ точки зрѣнія величайшей умственной чуши...

— Потребовалъ ты чаю, случилось въ толпѣ.

— Ну?

— Ну, сейчасъ подадутъ тебѣ — га-аричева... изъ первыиъ кнптъковъ... Чуль?... Чтобы бѣднѣй ключомъ кнптъкъ — ну, чтобы ты его выпилъ! Ужь чтобы, братъ, ты его въ три минуты выхватилъ!... Ужь, братъ, тутъ ни-ни-ни...

— А ежели не дохлебашь?

— А ежели ты его не дохлебашь — штрафъ! Потому ей некогда тебя дожидаться, пока ты расхлебывать будешь. Ты хлебнулъ, а ужъ она, братъ, хвостомъ вилянула, — за тыщу верстъ... Тутъ, братъ, ужъ ни Боже мой!...

— Хитра пружинка!...

Въ другой группѣ омышалось...

— А батюшка?

— А батюшка, — онъ почему? Потому, что онъ съ кропиломъ. Какъ она подлетитъ, сейчасъ онъ ей кропиломъ въ это мѣсто... Напримѣръ, въ морду ей, — будемъ такъ говорить; для того, что намъ требуется, чтобы она насъ снабжала, напримѣръ на пользу, ну нежели чтобы позволить ей разводитъ бѣсину — просты Господи! Надеть его выволотить отсюда... Вотъ почему отецъ Амвросій съ причтомъ, а нежели вы утверждаете, чтобы принимать ему благословеніе отъ петербургскаго генерала... Фальшь!

Разговоры публики были прерваны необыкновенно громкимъ крикомъ какого-то сильнѣйшаго горла, раздавшимся откуда-то сверху...

— Ана-а!... Бра-атцы!...

Все зашумѣло, шатнулось и замолкло.

Изъ глубины начинавшаго темнѣть лёса выглянули два красные глаза, донесся видѣньный свистокъ — это былъ первый пѣздъ.

— Вотъ она, матушка! шепталъ замгнвшій Михайлъ Ива-

ничъ, въ то время, когда среди всеобщаго молчанія, поѣздъ все ближе и ближе подходилъ къ платформѣ.

— Ахъ, голубчики!... слышалось робко то тамъ, то сямъ.

Поѣздъ пришелъ и остановился. Молчаніе смѣнилось еще болѣе оживленнымъ движеніемъ. Говоръ. Шумъ. Смѣхъ. Михайлъ Ивановичъ чуть не пладалъ отъ радости и безпрятственно цаловалъ ручки своихъ спутницъ, которыя были совершенно подавлены всѣмъ, что видѣли.

— Дай Богъ вамъ! За вашу доброту!... Надежда Андревна! Софья Васильевна! бормоталъ Михайлъ Ивановичъ.

— Отпущите брата! Пожалуйста! просила его Надя.

— Подъ землей выроч-сы!... На нихъ надежда!... Для васъ, для мамоньки вашей!... Ту-исъ...

И снова начиналось хватаніе рукъ, цалованіе концовъ вафты, въ которую была одѣта Надя... Долго на свистъ Михайла Ивановича плясалъ узелъ съ пожитками отъ поклоновъ и намѣрній стать на колѣнки. Звонко прервалъ эти наліянія.

— Дай Богъ вамъ... крикнулъ Михайлъ Ивановичъ, махнувъ картузомъ и скрылся въ толпѣ. Въ дверяхъ началась давка, уничтожившая сразу всю новизну минуты.

Задергивая толпой, Надя и Софья Васильевна не видали, какъ Михайлъ Ивановичъ, высунувъ голову въ вагонное окно, искалъ ихъ глазами, чтобы еще разъ сказать «дай Богъ вамъ!» Онѣ слышали, какъ застучали колеса поѣзда, раздалась свистки, повисли надъ головами черныя клубы дыма...

Видѣли, какъ дымъ поблѣднѣлъ, потомъ исчезъ...

Громъ колесъ сдѣлался тише и скоро замолкъ...

Поѣздъ выглянулъ черной массой у новаго чугуннаго моста, прогремѣлъ надъ водой, окуталъ дымомъ старинную зарѣчанскую колокольню, на которой жиденькіе колокола возвращали третій звонъ, и скрылся.

Толпа долго стояла и смотрѣла въ слѣдъ. Многіе почему-то вздохнули и пошли по домамъ...

VIII.

Лѣтній вечеръ.

Былъ душный лѣтній вечеръ, когда Надя и Софья Васильевна возвращались съ желѣзной дороги. Ни той, ни другой не хотѣлась идти домой, — въ эту лютую скуку, изъ которой ускользнуть даже Михайлу Ивановичу. Надя была глубоко грустна и задумчива и не выказывала на этотъ разъ особенной внимательности въ Софью Васильевну, и такъ-какъ послѣдняя держалась

и жила только этимъ сочувствіемъ Нади и ея внимательностію, то въ настоящую минуту чувствовала себя совершенно одинокою, подавленною, брошенною. Слезы были близко. Сначала думали онѣ идти ночевать къ Печкинымъ, ибо Софья Васильевна не была дома почти два дня; но мысль о томъ, какая скука ожидаетъ ихъ въ обществѣ Павла Ивановича, сдѣлала невозможнымъ это намѣреніе. Подумали-было идти къ Черемухинымъ, но и тамъ было не веселѣй: пожалуй кто нибудь умеръ, кто нибудь отходить... Порѣшили идти на бульваръ; было уже довольно темно, — такъ, что простые костюмы не могли конфузить ихъ среди разряженныхъ губернскихъ баръ. И пошли въ той же тоскѣ и задумчивости.

Но на полупути къ бульвару, тоска ихъ была во сто разъ увеличена появленіемъ Павла Ивановича. На углу какой-то улицы, онъ наткнулся на нихъ и забормоталъ:

— Что это? Господи! Вѣдь это, наконецъ.... Что же это такое?

— Мы на желѣзной дорогѣ были... отвѣтили вмѣстѣ Надя и Софья Васильевна, почувствовавъ, что къ тоскѣ прибавилось что-то похожее на злость.

— На желѣзной дорогѣ! воскликнулъ Печкинъ. — Вотъ это великолѣпно! Желѣзная дорога, желѣзная дорога, ну, что же такое? Ужъ ежели желѣзная дорога, такъ мнѣ и выпячиваться на нее...

— Мы не выпячивались...

— Не выпячивались! Вотъ это еще великолѣпно! Не выпячивались, не выпячивались, а въ чомъ дѣло? Что такое? Неизвѣстно!

Въ дрожавшемъ отъ бѣготни и раздраженія голосѣ Павла Ивановича все-таки слышалась на этотъ разъ нѣкоторая доля радости, должно быть потому, что онъ отыскалъ жену и не въ сообществѣ офицеровъ или вообще мастеровъ любовныхъ дѣлъ. Только этимъ и можно объяснить, почему онъ шелъ вслѣдъ за женой и Надей, и хотя выказывалъ намѣреніе вернуть ихъ домой, однако, пришелъ вмѣстѣ съ ними на бульваръ.

На бульварѣ играла музыка и происходило обычное провинціальное гулянье. Между темнѣвшими въ вечернемъ сумрагѣ сучьями деревь, въ особенности же около небольшого кафе, въ русскомъ вкусѣ, видѣлись разноцвѣтные фонари, освѣщая то женскую шляпу, то мужскую шляпу, то столъ съ чайнымъ приборомъ, бутылку и проч. Липовая аллея, тянувшаяся по низменному берегу рѣки, около старинной кремлевской стѣны, была наполнена народомъ, медленно двигавшимся и весьма скучавшимъ. Когда замолкала музыка, то въ саду наставала почти

мертвая тишина; слышался только шумъ ногъ и шлейфовъ по песку, стукъ чайной ложечки объ край стакана и возгласъ «человѣкъ!» Скука, составляющая обычное достояніе провинціального гулянья, такъ-какъ обществу должно же надобѣсть исключительное занятіе однимъ гуляньемъ, — эта скука въ нынѣшній день перваго поѣзда была какъ-то упорнѣе и молчаливѣе обыкновенной. И можно сказать положительно, что «первый поѣздъ» игралъ въ этой всеобщей задумчивости не послѣднюю роль. То «что-то новое», сопряженное съ нимъ, та новая власть, какъ бы понукающая заснувшій народъ впередъ, которая скрыта въ этомъ событіи, и другіе элементы его, неуловимые но вломившіеся въ нашъ умъ и тронутые имъ съ новою силою, — все это какъ-то отягчало душу не одного изъ тосковавшихъ на бульварѣ, помимо тѣхъ, разумѣется, которые были озабочены перемѣною начальства, распеканіемъ, даннымъ губернаторомъ, и проч. и проч. Не одинъ семинаристъ, изъ числа тѣхъ, которые выступаютъ на гульбище позднимъ вечеромъ, и скитаются по заднимъ аллеямъ, боясь испугать своимъ халатомъ публику — не одинъ изъ нихъ чертилъ въ эту минуту планы будущей жизни въ Петербургѣ, куда теперь такъ легко попасть, и въ ожиданіи котораго такъ нелегко живетъ. Не одинъ подгулявшій мастеровой, раздумавшись на лавочкѣ около рѣки о своей судьбѣ, подумалъ о томъ, что «была не была. Удеру отсюда! Пропaday!» Не одна Надя, и Софья Васильевна, завидовали участи улетѣвшихъ изъ этого мертваго царства.

Быть можетъ, это тоскованье и нельзя признать общимъ; во всякомъ случаѣ, слегка знакомый намъ барчукъ Уткинъ, находившійся тутъ же на бульварѣ, испытывалъ на себѣ именно это гнетущее душу содержаніе нынѣшняго событія. Вялая, тощая фигура его, полулежащая на лавкѣ, едва виднѣлась въ темной тѣни бузиннаго куста. Мы разсматривать ее не будемъ, предпочитая сказать два слова о томъ, что именно дѣлалось въ головѣ барчука. Чугунка, явившаяся, наконецъ, у насъ, привела его къ мысли, что время идетъ все впередъ и впередъ; что дѣла съ каждымъ днемъ все больше и больше. И все это какъ-то мимо его! Вспомнились ему безъ толку загубленные галки, выстрѣлы въ собаку, въ окно; приващичья дочь, бесплодная возня съ ней въ теченіе полугода, чтеніе книгъ великихъ европейскихъ умовъ, при чемъ перевертывалось сразу по пятидесяти страницъ, и въ заключеніе раздавалось выпаливаніе въ галку... Все это необыкновенно грустно подѣйствовало на его душу. Напрасно буфетчикъ Ларивонъ Сердоликовъ, содержавшій въ саду кафе, вывѣсилъ объявленіе о новой кievской наливкѣ,

только что полученной изъ Петербурга; напрасно только что прїѣхавшая изъ Москвы камелія Анна Павловна нѣсколько разъ прошумѣла шлейфомъ около самыхъ его ногъ и даже закурила у него папирску, — не было никакого желанія съ горя пойдти въ буфетъ, выпить, встрѣтить прїателя; съ горя пойдти за Анной Павловной; съ горя спѣтъ хоромъ какую-нибудь соотвѣтственную ея салону пѣсню, протратить деньги, и потомъ воротиться въ Жолтиковъ для продолженія мыслей о подготовкѣ, о приващившей дочери, о смерти и дѣятельности въ сферѣ извѣстнаго галокъ, сопряженныхъ съ тоской о собственной бесполезности. Ничто не шло въ голову; даже денегъ въ карманѣ Уткина было болѣе обыкновеннаго, но они какъ-то слабо пытались вылетѣть оттуда на этотъ разъ. Не буфета, не Анны Павловны, не выстрѣла въ галку хотѣлось Уткину, а напротивъ, дѣла по возможности самого бы современнаго хотѣлось бы ему, чтобы жить и дышать, за нимъ, полной грудью. Спусти нѣсколько времени, онъ, правда, пошелъ и выпилъ, и даже съ Анной Павловной сказалъ нѣсколько словъ, и даже улыбнулся, когда она ударила его зонтикомъ по плечу, но, въ концѣ концовъ, все-таки пришелъ къ прежней лавкѣ и легъ подъ бузиннымъ кустомъ. Подъ вліяніемъ скуки, онъ не замѣчалъ ни публики, ни даже того, что около него на лавочку присѣлъ, предварительно извинившись, какой-то оборванный мастеровой съ значительнымъ градусомъ въ головѣ, и не слыхалъ, что онъ что-то бормоталъ.

— Вашъ бродъ! шепталъ робко мастеровой. — Ужли пропаду?... Вашесбродъ!... Неушта?... Ды братецъ ты мой... Ягодка!... Да я тебѣ скажу, это что такое? Игла! а-а! Вотъ то-то и оно. Я ей примусь орудовать — ахъ-ха! Долбону разъ — готово! Со святыми упокой! Прочина на вѣки вѣковъ. Отъ этого дѣла гонять, съ иглой возьмутъ. Эхъ ты-и, бра-атъ! Варигъ! Чуешь, что ль?... Чудака ты.

— Что тебѣ? произнесъ Уткинъ, такимъ тономъ, который прямо говорилъ, что слушать не хотѣть.

— Ну, не надо! сказалъ мастеровой, и сталъ молча переглядывать что-то изъ-за голенища за пазуху.

Настала тишина.

— Ну, посидѣли, и करा!... Что хорошаго? донеслось до слуха Уткина съ соседней лавки.

Здѣсь, освѣщеннымъ мѣсяцомъ, сидѣли Надя, Софья Васильевна и Печкинъ.

— Посидѣли и будетъ! повторилъ Павелъ Ивановичъ, боясь забрызгать при публикѣ, но все-таки съ признаками нѣботораго раздраженія въ голосѣ.

— Пожалуйста, минуточку, утомленно пролепетала Софья Васильевна.

— Да по мнѣ, я говорю—все одно. Только что некорошо. Посидѣли, и довольно. Что торчать-то?...

— Да что же все въ духотѣ? Господи! какъ-то раздраженно сказала Софья Васильевна.

— Въ духотѣ, въ духотѣ, забормотала уже обыкновеннымъ голосомъ Павелъ Иванычъ:—а вотъ какъ что nibудь случится. Ишь вонъ какъ шатаются. Ну, чего торчать-то? Посидѣли, чего еще? Ну, и пора. Ишь вонъ какія шлюхи, ей Богу...

— Павелъ Иванычъ! Да, неужели, въ самомъ дѣлѣ, лучше въ душной, начала-было Надя, но Печкинъ, взбѣсившійся въ конецъ, перебилъ ее.

— Да вотъ мы тутъ будемъ умудряться: ужели, нежели, а вотъ какъ случится что nibудь. Вотъ и «нежели» будетъ.

— Что же случится?

— Да вотъ мы тутъ самое мѣсто нашли разсуждать! Самое настоящее мѣсто, очень нужно! Вѣдь кажется довольно посидѣли. Ну, что хорошаго? Ишь вонъ какія шкуры...

Ему не отвѣчали.

Какъ ни была разбита голова Уткина, въ настоящую минуту, однако и въ ней нашлось нѣсколько доводовъ противъ того, что весьма глупо запрещать человѣку дышать чистымъ воздухомъ, на основаніи того, что кто-то шляется, и что можетъ случиться какая-то дичь. Онъ понялъ, что кто-то, почему-то притѣсняетъ другого.

— Вашъ бродъ! буркнулъ мастеровой... Извольте послушать!

— Будетъ, пожалуйста! умоляющимъ голосомъ останавливалъ его Уткинъ.

— Да вѣдь фальшивую дали... Цѣловальникъ-то который... Рупъ накримѣръ...

— Отстань!

— Да вѣдь лавочникъ-то...

— Убирайся къ чорту!... внѣ себя воскликнулъ Уткинъ.

Мастеровой остановился, добродушно сказалъ: «ну, не надо!» и снова сталъ рыться за голетищемъ, за пазухой, перекалдывая что-то изъ шапки въ рукавъ, изъ рукава въ сапогъ.

— То-есть, ваби зналъ бы... дребезжалъ Павелъ Иванычъ... Ну что толку! Ужъ кажется, вѣдь довольно...

— Пойдемъ! отрывисто сказала Надя, быстро поднялась съ лавки и пошла. Въ слѣдъ за ними торопливо побѣжалъ Павелъ Иванычъ, — а черезъ нѣсколько минутъ и Уткинъ, собравшійся «что тутъ что-то есть», пошелъ тоже вонъ изъ сада, куда

дѣйствительно началъ стекаться разбитной народъ. Музыка, оставленная капельмейстеромъ нѣмцемъ на произволъ солдата, помощника, — играла русскія пѣсни; по глухой аллеѣ кого-то тащили будочники. Кучка молочныхъ людей, среди которыхъ блистала на мѣсяцъ кокарда, свергали шляпы, накрененныя на богъ, палки, положенныя на плечо, — громко разговаривая, смѣясь, преслѣдовали двухъ дамъ, съ бронзовыми полумѣсяцами, въ большихъ шиньйонахъ и съ папиросами въ рукахъ...

Уткинъ шелъ почти слѣдомъ за Павломъ Ивановичемъ и его дамами. Молча прошли они пустынную площадь Кремля, гдѣ у лавога бѣгали на веревкахъ собаки; миновали соборъ, на высокой и свѣтлый крестъ котораго молился деревенскій мужикъ... Мѣсяцъ ярко освѣщаль и площадь, и соборъ, и мужика. Уткинъ шелъ тихо, — считалъ часы, которые съ перебивками били на колокольнѣ, и молчалъ... И тамъ молчали... Только Павелъ Ивановичъ, спотыкаясь о камни, и ступая о нихъ палкой, не сдерживалъ уже своего брюзжанія.

— Вѣдь этакъ торчатъ... Наконецъ вѣдь это... Надо же когда-нибудь домой? Не до бѣла же свѣта?

— Вѣдь домой идемъ, говорила Софья Васильевна... Ну, что жъ тутъ бормотать-то?

— Да то и бормотать, что дурно. Бормотать!...

— Что жъ тутъ дурнаго? говорила Надя.

— То дурное-съ, что нехорошо! Дурно! Больше ничего. Дурное! дурное, дурное, а-а... въ чемъ дѣло? Наконецъ ошальдѣшь.

Въ такихъ разговорахъ они наконецъ достигли переулга и воротъ дома Павла Ивановича.

— Съ нами! голубчикъ! не пуская Надиной руки умоляла Софья Васильевна.—Почевать! Но какая-то жажда одиночества, овладѣвшая Надей, на этотъ разъ рѣшительно побѣдила жалость къ ней. Надѣ захотѣлось быть дома одной, не говорить ни съ кѣмъ, никого не слушать.

— Нѣтъ, милая! Я домой! сказала она, вытаскивая руку.

Напрасно Софья Васильевна упрашивала ее остаться — Надя попросила кухарку проводить ее домой, и ушла съ ней.

— Умру-у!... слышался Уткину, повернувшему за уголъ, голосъ Софьи Васильевны... Пожалуйста! Завтра! Ра-ади Бо-ога...

— Ну, что же? Идти такъ иди! Не до свѣту же тутъ толкаться, проговорилъ Павелъ Ивановичъ, оставшись съ женой у воротъ по уходѣ Нади.

— Иди ты, пожалуйста! съ неменьшимъ раздраженіемъ отвѣтила Софья Васильевна, быстро ушла въ калитку и побѣжала

вдоль темныхъ сѣней. Тьма, духота и гниль, охватившая Софью Васильевну, едва вступила она въ первую комнату, и отсутствіе Нади, сразу подняло ея тоску до высокой степени. Захотѣлось сейчасъ же уйти отсюда, и она бросилась къ окну, не обращая вниманія на то, что рукавъ ея платья зацѣпилъ какой-то горшокъ или миску и опрокинулъ все это на полъ...

— Это что такое? воскликнулъ Павелъ Ивановичъ со двора, слышавъ грохотъ падающей вещи... Это еще что такое? продолжалъ онъ, прибѣжавъ въ комнату, гдѣ у окна стояла Софья Васильевна и старалась отворить забухшую раму...

— Это что такое? Что такое грохнулось?...

Рама распахнулась съ шумомъ и трескомъ...

— Надя-а! Надя! звала Софья Васильевна.

— То-есть, я говорю, тутъ самъ чортъ не сживетъ! проговорилъ въ величайшемъ гнѣвѣ Павелъ Ивановичъ... Тьфу ты Боже мой!... Ну, что ты зѣваешь на всю улицу?...

Софья Васильевна, безотвѣтной тишиной переулка убѣдилась, что Надя далеко, — и не раздѣваясь какъ была, сѣла, почти упала на ступь у подоконника, положивъ на него свою голову...

— Ну, какая тамъ Надя! Надя-Надя... Опрокинула что-то... Что такое опрокинулось? бормоталъ Павелъ Ивановичъ, ошупью направляясь къ столу, на которомъ обыкновенно помѣщался ужинъ, и что-то шарилъ...

— Ну, вотъ! бормоталъ онъ... Такъ и есть... И соль! Э-эхъ ма! Ужъ неужели... Неужели ужъ нельзя... Такъ и есть!... Протекло!... Эхъ ма-а... Надя, Надя...

Руки его въ это время шлепали по скатерти, по полу, по лужѣ пролитыхъ щей и потоки гнѣва увеличивались съ каждой минутой. Когда же, поднимаясь съ полу, Павелъ Ивановичъ самъ опрокинулъ что-то со стола, — гнѣвъ дошелъ до высшей степени, — и заставилъ его убѣжать въ другую комнату...

— Надя, Надя! А что такое? Съ этими Надями прости Господи... Тьфу!... Адъ, а не домъ! слышалось въ спальнѣ, въ то время, когда Павелъ Ивановичъ срывалъ съ себя сюртукъ и жилетъ... Посуда не посуда, — брякъ объ земь!... Больше намъ заботъ нѣту... Умру, умру! А что такое умру? Позвольте узнать?.. Самъ чортъ кажется...

Громкія всхлипыванія, донесшіяся изъ комнаты, гдѣ была Софья Васильевна, прервали эти рѣчи... Павелъ Ивановичъ приостановилъ свои ругательства, взглянулъ въ дверь и увидалъ, что жена его все лежитъ на подоконникѣ, — и шляпка, надѣтая на ней, колыхнется и дрожить отчего-то. Софья Васильевна плакала...

Павель Ивановичъ поглядѣлъ на эту картину, сдѣлавъ шагъ впередъ, попробоваль-было издали утѣшить жену, сказать: «эна важность, только пролилось...» Но вида, что это не помогаетъ, подошелъ еще ближе и попробоваль употребить болѣе сильныя утѣшенія...

— Ну, будетъ... Ну, брось, ну поцѣлуй... Ну, сядь на полѣнки.

— Отстань ты, ради Бога! вся въ слезахъ едва проговорила Софья Васильевна и снова опустила голову.

Въ минуту въ двѣ, слезы ея перешли въ такія громкія, пугающія рыданія, что Павель Ивановичъ, по мѣрѣ увеличенія ихъ, сначала разинулъ ротъ, потомъ подался къ двери, и наконецъ, во всю прыть бросился на улицу...

Цѣль его была найти доктора, но пробѣжавъ пустынный переулочекъ и пустынную улицу, онъ наткнулся у забора на Уткина, который, повернувъ за уголъ переулка, медленно плелся вдоль большой улицы, испытывая ту же самую гнетущую тоску, каковой были подавлены и Софья Васильевна, — одиноко рыдавшая въ пустой комнатѣ, и Надя — молча лежавшая лицомъ въ подушку среди мертвенной тишины родительскаго крова, и множество другаго народа... Мы не будемъ распространяться о подробностяхъ того, какимъ образомъ Павель Ивановичъ Печкинъ возвратился домой въ сопровожденіи Уткина, хотя бѣжалъ за докторомъ... Достаточно будетъ только сказать объ этомъ «случаѣ» и перейти къ продолженію наблюденій Михаила Ивановича, — такъ какъ только этими наблюденіями мы можемъ объяснить дальнейшую исторію Софьи Васильевны и Уткина, и новый шагъ во взглядахъ и развитіи Нади.

Глѣбъ Успенскій.

I.

Н Е Н О Г О Д Ъ .

Все покорно и уныло
Гибнетъ, голову склонивъ,
Что вчера еще сулило
Урожай веселыхъ нивъ.

Гибнуть долгиа усилъа...
Надъ сокровищемъ полей
Распустила осень крыльа
И заключетъ трудъ людей.

Повалила на земь колось,
Топчетъ вихремъ и дождемъ,
И бушуетъ грозный голось
Надъ смиреннымъ пустыремъ...

II.

По блѣдной осенней лазури,
Гонимыя крыльями бури,
Изъ дальнихъ суровыхъ краевъ
Несутся толпы облаковъ.

И солнце, блеснувъ надъ полями
На мигъ золотыми лучами,
Свои золотые лучи
Въ нахлынувшей топить ночи.

Подъ бурей житейскихъ волненій
Не такъ-ли для свѣтлыхъ движеній
Порою мгновенье одно
Разбитому сердцу дано...

III.

ПУСТОЙ САДЪ.

Я вошолъ въ аллеи сада:
 Все постарому кругомъ —
 Та же вѣчная прохлада,
 Тотъ же осѣненный домъ;

И его закрытыхъ ставней
 Посторонняя рука,
 Съ дня разлуки нашей давней,
 Не коснулася пока.

И стоять онъ неизмѣнный,
 Запустеніемъ хранимъ,
 Словно памятникъ блаженный,
 Полный милымъ прожитымъ.

Все какъ было: на дорожкѣ,
 Незагопанной нигѣмъ,
 Дорогой и слабой ножки
 Слѣдъ изглаженъ не совсѣмъ;

И лиловыя сирени
 Въ пустотѣ глухихъ аллей
 Благовонной сѣтью тѣни
 Стелять тѣ же что надъ ней.

Даже вынесъ мракъ и холодъ
 И идетъ въ свой прежній срокъ
 Изъ земли, и аль, и молодъ,
 Ею всколенный цвѣтокъ...

Тихой былью все тутъ вѣсть,
 И забвенья благодать
 Незабвенное легѣть,
 Какъ заботливая мать.

IV.

ВЕСНА.

Вотъ и первый соловей
 Въ первой зелени вѣтвей,

И надъ рощею пахучей
Комары кружатся тучей.

Первый теплый вѣтерокъ
Первый долу гнетъ цвѣтокъ,
И далече у опушки
Закукували кукушки...

Здравствуй, милая весна!
Сколько время ты ждана!
Сколько мѣсяцевъ суровыхъ
Плѣнный мiръ лежалъ въ оковахъ!

Наконецъ-то ты пришла,
Для свободы и тепла,
И для радостей невинныхъ,
И для пѣсенъ соловьиныхъ...

V.

Я посѣтилъ унылое жилище,
Гдѣ онъ страдалъ и изнемогъ.
Смотрѣли небеса привѣтливѣй и чище
На тотъ оплаканный порогъ.

И стерегли благоуханной тѣнью
Его и миртъ и кипарисъ...
О, какъ они, подобныя забвенью,
За это время разрослись!

Казалось тамъ, въ ихъ царствѣ изумрудномъ
Не убывало никого...
И сталъ я звать въ молчаньи непробудномъ
Непробудимаго его.

Но зовъ—мой прежній зовъ, уже никто не слышитъ!
Роняютъ цвѣтъ деревья на порогъ...
И тамъ, гдѣ онъ страдалъ и изнемогъ,
Все жизнью молодою дышитъ.

VI.

В О Й Н А.

Неужто снова загорится
Шальное зарево войны

И новой кровью обогрится
Земля труда и тишины!

Земля, завѣщанная плугу,
Въ покровахъ озимей густыхъ,
Ужель ты пахарю и другу
Въ громахъ предстанешь боевыхъ!

Затѣмъ ли потомъ и слезами
Онъ обливался надъ тобой,
Чтобъ лечь въ борьбѣ ему чужой
Между твоими бороздами!

Война! война! Зловѣщій крикъ
Наполнилъ села... Нѣтъ спасенья!
Смутились мирныя селенья,
Повѣсилъ голову мужикъ.

Въ грудь ударяя, плачутъ жоны,
Отъ слезъ не видитъ свѣта мать...
А сталью блеща, батальоны
Идутъ — и надо умирать...

Такъ лѣтомъ вихорь набѣгая,
Колосья влонить до земли;
Нагнулась полоса, другая —
И нивы разомъ полегли.

VII.

О С Е Н Ъ.

Когда пройдетъ сіяющее лѣто,
И осени холодная рука
Распишетъ лѣсъ мерцаньемъ блеклымъ цвѣта, —
Невѣрный лучъ, пронзая облака,
Не золотить ужъ голыя долины,
И даль лежитъ, угрюма и жества,
Съ печатью неминуемой кончины...

Такъ наша жизнь бросаетъ тусклый свѣтъ
Остатку дней, хилѣющихъ и скудныхъ,
Тѣнямъ надеждъ и тѣхъ стремлений чудныхъ,

Что разнесло, какъ вѣтромъ легкій цвѣтъ,
 Чѣмъ сердце вѣкъ свой билося немолчно...
 И только умъ, нещадно такъ и жолчно
 На все готовъ свой горькій дать отвѣтъ.

VIII.

Не о томъ мнѣ поетъ соловей,
 Что какъ голосъ его голосъ милой моей,
 Что какъ небо глаза, ровн щожь у ней,
 Что не сплю оттого я весенникъ ночей, —
 Не о томъ меня гложетъ тоска.

Не о томъ мнѣ поетъ соловей,
 Что онъ пѣлъ надъ могилами навикъ дѣтей,
 Что отъ слезъ меркнетъ взоръ у подруги моей,
 Что отъ жизни въ груди только пепелъ страстей,
 Что не сплю — изъ-за хлѣба куска!

IX.

Она оживаетъ отъ ласокъ весны:
 Лазурное небо глядитъ съ вышины,
 Лиловыя вѣтки цвѣтущей сирени
 Простерли надъ нею пахучія тѣни,
 И блѣдной березы, блестящъ и душистъ,
 На солнцѣ играетъ лепечущій листь...

X.

ВОПЛЬ МАТЕРИ.

Подъ сугробомъ снѣжнымъ
 Спитъ мое дитя!
 Воплямъ безнадежнымъ,
 Ласкамъ этимъ нѣжнымъ
 Не дойти туда.

Спеленала туго
 Смерть мое дитя!
 Баякаетъ друга
 Полночная вьюга,
 Воя и свистя...

XI.

О, не зови воспоминаній!
Былыхъ надеждъ, былыхъ страданій,
Былого праздника любви,
Изъ ихъ забвенья не зови!
Но жизни съ вѣчными дарами —
Съ надеждой новой и мечтами,
Къ бѣдѣ грозящей впереди
Стопою твердою иди.
У пня разбитаго грозю
Смотри какъ свѣжею лозою,
Навстрѣчу вѣтра и дождей,
Идетъ семья живыхъ вѣтвей...

П. Ковалевскій.

ПОСЛѢ СМЕРТИ.

(Сцены).

Утро. Дѣйствіе происходитъ въ кабинетъ купца, у котораго ночью умеръ отецъ. Дѣйствующія лица: Сирота-купецъ, Гроровщикъ, Ригвнтъ и Бава-салонница. Въ кабинетъ сидитъ купецъ; къ нему входитъ гроровщикъ и молча кланяется.

Купецъ. — Что вамъ надо?

Гроровщикъ. — Я Душиловъ, гроровщикъ-сь!

Купецъ. — Что же вамъ угодно?

Гроровщикъ. — Къ вашей милости-сь... на счетъ работы-сь!..

Купецъ. — А! Да!.. Что же вы возьмете за гробъ?

Гроровщикъ. — За гробъ мы возьмемъ недорого-сь... Ну, только-што... вамъ теперича, окромя гроба, потребуются дроги... Опять это дѣло такое: въ какомъ родѣ желаете церемонію устроить?

Купецъ. — Конечно, чтобы все было въ порядкѣ... ну, и чтобы недорого стоило... А то я другому закажу.

Гроровщикъ. — Объ эфтемъ будьте спокойны-сь: лишней конѣйки не возьмемъ.

Купецъ. — Ну, да... *(думаетъ)* Такъ сколько же вы возьмете за все?

Гроровщикъ. — Желаете, чтобы и носильщики были?

Купецъ. — Конечно, чтобы тятеньку на рукахъ несли; онъ этого желалъ.

Гроровщикъ. — А дроги какія: въ четверку или парю?

Купецъ. — Нѣтъ... Зачѣмъ же дроги, когда носильщики будутъ?

Гроровщикъ. — Это-сь, какъ вамъ угодно будетъ... Но только-что *настоящее купечество* всегда такъ провожаемъ-сь: и дроги чтобы были, и носильщики!

Купецъ. — Да зачѣмъ же это?

Гроровщикъ. — Церемоніи больше-сь... Совсѣмъ видъ

другой-съ!.. Выходить, будто покойника родителя вашего публика на себѣ несетъ за его добрыя дѣла... А впрочемъ, это какъ кому угодно-съ!

Купецъ. — Ну, да!.. Пожалуй, пускай и дроги будутъ. Сколько же это будетъ стоить?

Гроровщикъ. — Какія желаете дроги-съ: парюю или четверкою?

Купецъ. — Все равно! Сдѣлайте ужъ четверкою. Такъ сколько же?

Гроровщикъ. — Съ катафалкомъ-съ?

Купецъ. — Ну, да!

Гроровщикъ. — Лишняго съ васъ не возьмемъ-съ.

Купецъ. — Такъ сколько же, скажите?

Гроровщикъ. — Теперича не могу этого рѣшить-съ. А оносся счетецъ представимъ-съ. А сколько желаете фанельщиковъ-съ?

Купецъ. — Ахъ, Боже мой!.. Боже мой!.. Я ничего этого не знаю... Ну, сколько надо, столько и поставьте, только, пожалуйста, говорите скорѣе, сколько это стоитъ?

Гроровщикъ. — А могилу какъ желаете: на нашъ счетъ или на собственный?

Купецъ (*теряя терпѣнiе*). — Возьмите все на себя, только, пожалуйста, говорите скорѣе: что это стоитъ?

Гроровщикъ. — Безъ лишняго-съ?

Купецъ. — Ахъ, Боже мой!.. Ну, конечно!

Гроровщикъ. — То-есть, чтобы по совѣсти-съ?

Купецъ. — Конечно, по совѣсти, конечно! Ну?

Гроровщикъ. — Чтобы, значить, ни-ни?

Купецъ (*вскакивая съ мѣста, съ кулаками*). — Да ты это что-жь?.. подлая тварь!.. а?.. Смѣяться надо мною вздумалъ... а?.. Что-жь я тебѣ мальчишка достался?.. а?.. Ахъ, ты... (*Купецъ бросается на гроровщика и прогоняетъ его съ шумомъ за дверь. Входитъ регентъ*).

Купецъ. — Вамъ что угодно?

Регентъ. — Я—регентъ Подивановъ.

Купецъ. — А!.. хорошо!.. Садитесь, пожалуйста. На счетъ обѣдни?

Регентъ. — Точно такъ.

Купецъ. — Такъ какъ же?

Регентъ. — То-есть, чего?

Купецъ. — Да на счетъ обѣдни?

Регентъ. — Это надо обсудить хорошенъко, потому: если вы желаете всю потную, тогда...

Живецъ. — Да, непременно, чтобы вся потная была.

Регентъ. — И потная потной рознь бываетъ. Можно и за двадцать пропѣть, можно и за десять.

Купецъ. — Нѣтъ... ужъ нужно, чтобы вполнѣ настоящая была!

Регентъ. — «Жервинская» Бортнянскаго?

Купецъ. — Да, Бортнянскаго.

Регентъ. — «Вѣрю» Березовскаго?

Купецъ. — Разумѣется, Березовскаго. Чтобы все это въ порядкѣ было.

Регентъ. — Гмъ... Торговаться не будете?

Купецъ. — Что тутъ торговаться! дорого запросите, другихъ возьму. Ну?

Регентъ. — Пятьдесятъ рублей.

Купецъ. — Что вы! что вы! Да ты, любезный, нушаль ли сегодня?

Регентъ. — Какъ угодно! Меньше нельзя.

Купецъ. — Да помилуйте: на прошлой недѣлѣ наши родственники за свадьбу пятнадцать заплатили... За сва-атьбу!.. Такъ тамъ два концерта пѣли да еще «Тебѣ Бога хвалимъ»...

Регентъ. — Позвольте-съ!

Купецъ. — Ну, что?

Регентъ. — Вы возьмите въ расчетъ: вѣдь тутъ труда больше; впервыхъ, мы должны пѣшкомъ идти за гробомъ; второе дѣло, чтобы двадцать-пять человѣкъ пѣвчихъ было...

Купецъ. — Ну, да! знаемъ мы вашихъ двадцать-пять. Съ квартиры провожать васъ точно отправится двадцать-пять человѣкъ, а на кладбищѣ останется восемь.

Регентъ. — Этого никогда не бываетъ! Это одни фантазін ваши.

Купецъ. — Толкуйте! Знаемъ мы эти фантазін.

Регентъ. — Какъ благородный человѣкъ, увѣряю васъ!

Купецъ. — Знаемъ мы это, знаемъ. Пойдутъ дорогою: кто въ портерную, кто въ трактиръ, а на кладбище, глядишь, пять человѣкъ пришло и то всѣ пьяные.

Регентъ. — Никогда! Да позвольте... Наконецъ, если желаете, я могу, какъ только на кладбище пришли, сейчасъ въ самыхъ воротахъ «стой!», возьму при вашихъ глазахъ всѣхъ пересчитаю... Головою отвѣчаю: всѣ на мѣстѣ будутъ.

Купецъ. — Ну, это ладно, а только пятьдесятъ-то рублей въ дорого.

Регентъ. — Ахъ, Боже мой, нисколько не дорого. Вы нашего дѣла не понимаете. Мнѣ самому... положимъ, у меня басы,

можно сказать, первые во всемъ Петербургѣ... мнѣ самому придется челоуѣка два-три со стороны прихватить... За то ужъ такъ отхватаемъ, что всякому въ носъ бросится!.. Такъ вотъ вы и толкуйте тутъ!

Купецъ. — Ну, пошолъ канитель разводите! Ты заговаривай зубы-то другимъ, а не мнѣ; я, братъ, самъ челоуѣкъ прожженный!.. А ты вотъ что сдѣлай, другъ любезный. Ты не гордись... ты не больно спѣсився. Давай-ко лучше покончимъ дѣло на Михаилѣ Федоровичѣ...

Регентъ. — Чего-съ?

Купецъ. — А тово-съ. Я говорю, бери *красенькую* бумажку, вотъ и все.

Регентъ (*съ ужасомъ*). — Де-сять ру-бле-ей?

Купецъ. — Да, десять. А *впротчемъ*, какъ знаешь! Не сходно тебѣ — не иди. А я и безъ тебя обойдусь: я Митюхина возьму.

Регентъ. — Очень пріятно мнѣ это отъ васъ слышать. Поздравляю васъ! Ха, ха, ха!

Купецъ. — Да ты чего пасть-то разѣваешь? Такое ли время теперъ? И въ какомъ ты домѣ находишься—вспомни это!

Регентъ (*съ душевною теплотою*). — Напрасно вы сердчаете, Борисъ Васильичъ! я очень хорошо понимаю, что вы сирота, и что, быть можетъ, послѣ смерти вашего родителя осмнадцать челоуѣкъ сиротъ осталось, но только что мнѣ довольно смѣшно стало, когда вы насчетъ Митюхина заговорили. Ей-богу смѣшно!

Купецъ. — Ничего тебѣ тутъ смѣшнаго быть не должно. Митюхинъ—челоуѣкъ аккуратный, не пьющій, не гулящій...

Регентъ. — Это такъ, но только ежели сдѣлать такъ, какъ сдѣлалъ онъ въ Скорбящей, то-есть, оставить свадьбу безъ пѣвчихъ, такъ чортъ ли мнѣ въ его аккуратности... Ну, ужъ это не знаю какъ и назвать!..

Купецъ. — Ну, ты этого не ври... ты челоуѣка не черни... Вѣдь я тебя насквози вижу... Вѣдь это ты одни только разговоры разговариваешь... Эхъ ты, страулисть! захотѣлъ ты купца обѣхать!.. Задору нашего, купецкаго, въ тебѣ много кроется, очень много, но только что скажу тебѣ откровенно: ты еще рыломъ не вышелъ, потому — трѣхъ день тотъ не проживеть, кто купца оплетѣтъ! Нѣтъ! ты, лучше, эти разговоры оставь втунѣ, а говори дѣло.

Регентъ. — Вы не вѣрите? вы сомнѣваетесь?.. Мнѣ это весьма пріятно... Могу даже сказать: отъ всей души пріятно... На что вамъ лучше: вы спросите у Алексѣя Васильича. Вотъ и все!

Купецъ. — У какого Алексѣя? у Дульева?

Регентъ (*забыто*). — Н-н-да-съ! У Дульева.

Купецъ. — Ну, такъ что-жь?

Регентъ. — Ничего-съ! Спросите, и больше ничего! Онъ вамъ все расскажетъ. Онъ вамъ, какъ свой человѣкъ, все подробно разъяснитъ: какъ они пріѣхали въ церковь... какъ женихъ пріѣхалъ... какъ невѣста пріѣхала, какъ поѣзжане всѣ пріѣхали, а пѣвчихъ какъ не бывало... Что-съ? каково вамъ это покажется?.. Развѣ это пріятно? Развѣ это вамъ нравится? Положимъ, онъ задатовъ назадъ прислалъ, но каково новобрачнымъ? Невѣста входитъ въ церковь, а гдѣ же «Гряди невѣста отъ Ливана»... а?.. Гдѣ она? Нѣтъ!—каково вамъ тутъ... А?.. Что-съ? Ми-тю-хинъ! Ха, ха, ха! Смѣшно мнѣ и на васъ—тоже человѣка отпопали! Ей-богу, вѣдь смѣхъ!

Купецъ. — Ну, положимъ, все это такъ, но только что я больше пятнадцать рублей тебѣ не дамъ. Понимаешь? А тамъ какъ тебѣ угодно.

Регентъ. — Разумѣется, это дѣло полюбовное — какъ кому угодно! Но только я вамъ скажу одно: «всякъ по своему родителю плачетъ, какъ кто хочетъ». Но только что ежели вы хотите отдать «послѣдній долгъ» какъ слѣдуетъ, въ такомъ случаѣ прошу извинить меня... И ежели на то пошло: я съ васъ ничего не возьму... сколько вы дадите, и тѣмъ доволенъ буду... Своихъ приплачу, но только не позволю, чтобы этотъ возель, вашъ Митюхинъ, насмѣялся надъ прахомъ вашего родителя, почему что я знавалъ родителя вашего... царство ему небесное!.. могу сказать безъ церемоній—вотъ съ какихъ можно сказать лѣтъ!.. (*Отворяется дверь и просовывается голова кухарки*).

Кухарка. — Пришла, Борисъ Васильичъ, приплась-съ!

Купецъ. — А!? Хорошо. Сейчасъ — сейчасъ! (*къ регенту*). Ну, ладно! Спорить не будемъ. Ступай: дѣло кончено.

Регентъ. — Пятьдесятъ?

Купецъ. — Ступай, ступай! Тутъ еще другое дѣло есть. Сказано тебѣ «кончено» ну, и кончено. (*Регентъ хочетъ уйти*), Эй, ты, погоди!

Регентъ. — Что вамъ угодно-съ?

Купецъ. — Ты у меня смотри, рыжій! Уговоръ лучше денегъ... Ежели, Боже сохрани, я увижу, что пѣвчіе дорогой будутъ папирсы курить... Ну, тогда—извини!

Регентъ (*съ ужасомъ*).—Дорогой?.. за гробомъ? папирсы? Да по-ми-луй-те-съ!

Купецъ. — Ну, ну! ступай себѣ. Говорю одно: ни копѣй-

ви не получишь, ежели увижу хоть одну нашпросну... Мало тебѣ этого? Я напередъ говорю: волоса ни одного на головѣ у тебя не оставляю, ежели это случится, то-есть что называется, ни единого зуба не оставляю!.. Понялъ?

Регентъ (*успокоеннымъ волосомъ*). — Хе-хе-хе! Какъ не понять! все явственно понялъ! Ахъ, помиуйте, все это одни ваши фантази, потому: какъ теперь эта самая горестъ васъ разстроила, и потому вамъ все въ мрачномъ видѣ представляется. Вы это дѣло оставьте: будьте покойны! Я исполню все въ лучшемъ видѣ: вполне останетесь довольнымъ погребеніемъ вашего родителя. На этотъ счетъ можете быть покойны. Мое вамъ наилуччайшее. (*Входитъ баба салотница, и долго молится на образъ съ такими глубокими вздохами и съ такою тоскою, что, кажется, вотъ-вотъ эту самую бабу кто-нибудь жизни лишитъ, и будто она уже къ этому приготовляется, и потому съ большими слезами прощается*).

Купецъ. — Здравствуй, Лукьяновна! Здравствуй, матушка. Ну, что хорошаго скажешь?

Лукьяновна. — Охъ, хо-хо-хо-оо! (*Садится убитая горестью на стулъ. Молчаніе*).

Купецъ. — Н-да! Да, матушка, да, Лукьяновна!... Вотъ теперь и дѣлай что хочешь!

Лукьяновна. — Ахъ,—ахъ-а-ахъ! И кто бы только подумать могъ?.. Все воля божія!

Купецъ. — Н-да! Предѣлъ, и больше ничего! (*опять молчаніе*). Въ четвергъ еще въ баню ходилъ!

Лукьяновна. — Въ четвергъ?

Купецъ. — Да, въ четвергъ.

Лукьяновна. — Ай-яй-яй-яй!

Купецъ. — Да. А теперь вонъ что отъ него осталось. А? (*Молчаніе. Изъ соседней комнаты слышится медленное чтение: «а-а-а-а моя ануши, Господи-и... и разумный званіе мое-е!» Лукьяновна, сложивши комочкомъ платокъ, подтираетъ иль носъ и покачиваетъ съ тактъ подъ чтение головою*). Ну, такъ вотъ что! Ты, Лукьяновна, побудь у насъ эти дни, а я тебя не оставляю... зелененькую дамъ.

Лукьяновна (*встрепенувшись, какъ будто ее кто укололъ иголкой*). — Зелененькую? Голубчикъ, не могу! сизый мой, не могу! Кабы не такое время было, съ удовольствіемъ бы поплакала по твоемъ родителѣ. Да время не такое: къ Навилковымъ звали и къ Синевуховымъ зовутъ... Голубчикъ мой, въ два мѣста зовутъ — самъ посудн! сизый мой, не могу! Рада бы радостью, да не могу за эту кѣну.

Купецъ. — Что жь ты торговаться съ нами вздумала? а? А забыла старую хлѣбъ-соль?

Лукьяновна. — Лопни глаза — не забыла. Милый мой, не забыла! Я всегда чувствую вашъ домъ и все семейство ваше. Покойнива-родителя вашего... царство ему небесное!... ни во вѣкъ мнѣ не забыть. Отсохни моя правая рука, ежели я не чувствую вашей хлѣба-соли. Да чтобы мнѣ на семь мѣстѣ лопнуть, коли я что таково!... Какъ же мнѣ тятеньку вашего забыть? Ни во жисть! А кто же, бывало, меня за вашего вучера, Никифора, сваталъ? А? Шутникъ покойникъ быть. А кто, бывало, разругаетъ меня на чемъ бѣлымъ свѣтъ стоять? А? А кто, бывало, въ праздникъ и цалковенькой дастъ и наливочкою попочуетъ меня, горькую сироту? А? Ну-ка сважи: кто это? А все охъ, онъ покойничекъ... царство ему небесное!... Такъ ты, Борисъ Васильичъ, и сважи мнѣ, должна я это чувствовать или нѣтъ? Ахъ, ахъ, ахъ! сироты мы го-орькія. Давно бы намъ помереть, да Господь смерти не даетъ! А вонъ... вонъ какіе люди-то умирають! Эхъ, эхъ, эхъ! жить бы, важеться, жить, ахъ нѣтъ! На все воля Божія. *(Молчаніе)*.

Купецъ. — Ну, все это такъ. На все Его святая воля, а ты скажи мнѣ одно: синенькой бумажки тебѣ «за глаза» довольно будетъ или нѣтъ?

Лукьяновна. — Ей-Богу, не могу! Сизый, не могу! Золотой мой, не могу! Самъ посуди: къ Синеуховымъ — разъ, къ Навилковымъ — два! Ахъ, и время же какое приспѣло, хоть возьми, да разорвись. У Навилкова-то старенькая престная повалилась... Не любила я покойнику при жизни, и хоть сказано въ писаніи... но только что я не любила ее... А теперь она, какъ нарочно... вѣдь выбрала же время, старая вѣдьма, когда ей поколѣтъ. Ну, кабы за недѣлю раньше, али позже, а то просто моченьки моей нѣту. А они, сами вы знаете, богатые черти — пятнадцать цалковыхъ даютъ мнѣ. Вотъ что, сизый мой!

Купецъ. — Да за что же тебѣ пятнадцать? Никакъ ты съ ума сошла. Да великъ ли твой трудъ? За что деньги платить-то? Эхъ заломила! Ты смотри, Лукьяновна, не ровень часъ, смотри — не облопайся!

Лукьяновна. — Ахъ, ахъ, ахъ! Голубчикъ ты мой, всякій видить, какъ сирота скачетъ, да не всякій видить, какъ она плачетъ. Вы думаете, легко наше занятіе и-и-и! не дай Богъ никому... Да я всегда послѣ этой церемоніи съ недѣлю въ постелѣ лежу.

Купецъ. — Ну да, врн больше!

Лукьяновна. — Ей-богу, не могу! Ей-богу, касатикъ, правду говорю. Натура моя такая, что я себя удержать не могу. Ужь какъ ежели я взялась за работу, ну такъ ужь сдѣлай милость. И Трофимовна... потаскушка подлая!... тоже плачетъ, такъ чортъ ли въ ейномъ плаканьи! Одинъ смѣхъ и можно сказать всей фамилии страмъ. А я про себя скажу... вотъ передъ истиннымъ Господомъ... нисколько не хвастаюсь, ну, а только что третьяго года насилу-насилу отъ смиренняго дома ноженъки свои упледа... Н-да-съ. Такъ вотъ какая наша должность!...

Купецъ. — Ой, погляжу я на тебя, Лукьяновна, цѣны тебѣ нѣту: воръ баба. Пройди, кажется, весь бѣлый свѣтъ, и то другой подъ масть не подберешь! И къ чему только ты эти алегории закупаешь? Я даже въ сумлѣннѣ прихожу, и ничего понять не могу.

Лукьяновна. — А я къ тому говорю, что ежели я кого *провожаю*, ну, тогда весь городъ ужаснется. Потому я съ собою совладать не могу, такой ужь характеръ у меня... Когда ужь я, значить, выйду изъ себя, тогда ничего со мною не подѣлаешь, даже до сумасшествія дохожу, платокъ съ головы сорву, волосы рву, а слезы... рѣка рѣкою льются... Ну, такъ вотъ третьяго года за это самое... охъ-хо-хо! хлѣбецъ-то нашъ горькій!... вотъ третьяго за это самое меня взяли въ полицію, такъ что же вышло?

Купецъ. — Ну?

Лукьяновна. — Въ кварталѣ еще часа три плакала. Н-да! Ей-богу не лгу! Удержу мнѣ никакого нѣту-ти. Просто — смерть! плачу, аки бы прокаженная какая. Ни квартальный, ни дежурный, никто, никто удержать меня не можетъ... Ну, однако, они сократили меня.

Купецъ. — Ха-ха-ха! Чѣмъ? водою обливали, что ли?

Лукьяновна. — Какое водою! Что мнѣ вода — это бы ничего, а то высѣчь хотѣли. Высѣчь, голубчикъ, высѣчь, красавецъ, хотѣли. Вотъ что! Одинъ какой-то идолъ говорить: «а вотъ я ее, говорить, приведу въ чувство, принесите-ка, говорить, пороху»... ну, а я-то ужь знаю, что порохомъ розги называютъ, я себѣ и смекаю, меня не проведешь!... да клинките, говорить, сюда Соболева... тутъ ужь я ничего не поняла, кто такой этотъ Соболевъ, только слышала, что этотъ самый продъ-то рассказывалъ своимъ: Соболевъ, говорить, живо ее успокоить! И кто такой Соболевъ, я и до сей минуточки не знаю. Однако, я тужь минуту утихла, сердце мое чуяло, что эти разбойники не съ добромъ ко мнѣ приставали! Вотъ, голубчикъ, вотъ, миленькій, какой хлѣбецъ-то на-ашъ! Хорошъ?

Кухарка (*смыется*). — Коли не врешь, такъ оно тово! М-м-да!
Лукьяновна. — Чего врать-то? Зачѣмъ врать? Неприятно-
ствеъ столько, что не оберешься. Двѣ недѣли тому назадъ то-
же такой случай...

Купецъ. — Ну?

Лукьяновна. — Поповыхъ узнаете?

Купецъ. — Знаю. Невѣстка у нихъ умерла?

Лукьяновна. — Да! Отъ родовъ умерла. Пригласили они
меня. Я пришла такъ, что-же бы ты думалъ?

Купецъ. — Ну, ну?

Лукьяновна. — Поглядѣла я, поглядѣла на покойницу: кра-
сивая, прекрасная... Вспомнила я тутъ свою Анютку, стою да
и думаю: «ну что, ежели бы Анюта моя жива была, и выросла
бы такая?... И была бы она, можетъ, въ тыщу разъ краси-
вѣе покойницы...» думаю, да какъ грохнусь объ полъ, а тамъ
ужъ ничего и не слышу больше. Не знаю, сколько времени
прошло, а потомъ слышу кто-то меня толкаетъ. Вижу, самъ ста-
рикъ-то стоитъ надо мною да и говоритъ: «ты, говоритъ, Лукья-
новна, поаккуратнѣе, полегче, а то, говоритъ, жильцы что надъ
нами живутъ за полицей послали». Вотъ ей-Богу не лгу! такъ
и сказалъ: ты, говоритъ, дѣло дѣлай, но только поаккуратнѣе!

Купецъ. — Ну, ладно! Такъ и быть: жертвую тебѣ, на твою
бѣдность, одну красненькую. Только смотри: не подгадь дѣла.

Лукьяновна. — Будьте спокойны! Ужъ ежели я за что взя-
лась, такъ останетесь довольны.

Купецъ. — Ладно, ладно! Авось увидимъ!

Лукьяновна. — И увидите, да, и увидите сами. Вы только
извините за одно: до Николаевского моста я буду идти какъ
слѣдуетъ, потому тутъ первое дѣло Невскій проспектъ, а тамъ
Аглицкая набережная все большіе господа живутъ, а вотъ ужъ
какъ ступимъ мы на Николаевскій мостъ, ну...

Купецъ. — Ну?

Лукьяновна. — Ну, тогда сами увидите. Будь я не Лукья-
новна, ежели я не подыму весь Васильевскій островъ...

Купецъ. — Ну, ну, тебѣ и честь будетъ. Ну, ступай въ
своему мѣсту.

Лукьяновна. — Иду, Борисъ Васильевичъ, сію минуту иду!
Борисъ Васильичъ!

Купецъ. — Что надо?

Лукьяновна. — Чувствуешь ты своего родителя?

Купецъ. — Чувствую! А тебѣ что?

Лукьяновна. — А коли чувствуешь его, купи мнѣ новый
платокъ. Сдѣлай милость!

Купецъ. — Ахъ ты, прорва ненасытная! Изъ какого-же бѣса тебѣ наряжаться и о чемъ ты только возмечтала, я и самъ понять не могу.

Дукьяновна. — А ты не бранись, Борисъ Васильичъ. Ты выслушай меня, платочекъ черный у меня худенькій, за тятенькою твоимъ въ этомъ платочкѣ идти мнѣ будетъ стыдно. А ты хучь недорогой, а только бы новенькій ты платочекъ-то мнѣ купи. Потому: я вамъ же добра желаю; я буду ровно сродственница какая, а не какъ либо што.

Купецъ (*вынимаетъ деньги*). — Ну, вотъ тебѣ пять дѣлковыхъ. Пожалуйста убирайся ты отъ меня къ чорту.

Дукьяновна (*аукава*). — Эй, не гони! Эй, не гони! пригосумь еще. Вудешь жениться: не разъ Дукьяновнѣ поклонисься. Я тебѣ говорю!

Купецъ (*шопоткомъ грозитъ Дукьяновнѣ*). — Эй, уходи до грѣха!... Убирайся ты отъ меня къ чорту! А то всѣ ребра переломаю. Тятеньку еще не убрали, а ты, ровно сатана, смущать меня начинаешь!

Дукьяновна. — Уйду, уйду! (*ослабившись и сдобнымъ голосомъ*). Не ерепенься, сдѣлай милость! Не ерепенься! еще не разъ въ ножки поклонисься! Ну, зато же и крадю какую выберу: всѣ пальчики оближешь... Н-да! Н-да!... Ужь будь повоенъ. И день и ночь Богу за меня молиться будешь... Н-да!

Купецъ (*порываясь къ салонницѣ, и тоже шопотомъ и не безъ удовольствія*). — Ахъ, ты дьяволь этакой... ей-Богу — дьяволь!... Те-бѣ я говорю, или нѣтъ?

Дукьяновна (*въ дверяхъ*). — Н-да! н-да! И поклонитесь, Борисъ Васильичъ, и поклонитесь еще не разъ! Н-да! (*Слова уходитъ, купецъ сирота садится къ столу и сладко зажмуривается*).

Л. Чечерскій.

ВЕСЕЛАЯ ЖИЗНЬ.

(Изъ «Châtiments» Виктора Гюго. Писано послѣ переворота 8 дек. 1851 г.)

I.

Всевластные плуты, кретины, интриганы!
Сбирайтесь толпой на пирь, на праздникъ званный—
Для всѣхъ найдется мѣста тамъ!
Ликуйте въ шумѣ оргіи побѣдной:
Онъ вашъ, онъ вашъ — народъ униженный и бѣдный,
Онъ обреченъ на жертву вамъ!

Родной страны торгуйте достояньемъ,
Упейтесь алчностью, распутствомъ и стяжаньемъ—
Насталъ для васъ желанный день!
Берите все, что можно съ бѣдной твари:
Пусть грошъ послѣдній свой несетъ вамъ пролетарій
Изъ городовъ, изъ деревень!

Живите роскошью въ великолѣпныхъ залахъ,
Живите весело! Пусть мретъ въ сумракѣ подвалахъ
Семья больная бѣдная!
Пусть въ тьмѣ ночной отецъ протягиваетъ руку,
Пусть сохнетъ мать, ребенокъ терпитъ муку,
Терзая грудь безъ молока!

II.

Великолѣвье! Влесья! Чертоги! Милліоны!
А тамъ, средь нѣдръ земли, рыданія и стоны
Страдальцевъ гибнущихъ звучать!
Въ душѣ дрожь ужаса и боль тоски осия,
Я нисходилъ туда, во тьму подваловъ Ламы,
Я видѣлъ этотъ страшный адъ!

Я видѣлъ тамъ, подъ сводомъ отсырѣлымъ,
 Рабовъ труда. Съ изнеможеннымъ тѣломъ,
 Съ поблекшимъ взоромъ и лицомъ,
 Согнутые рукой недуга безпощадной,
 Несчастные! они глотаютъ воздухъ смрадный,
 До срока задыхаясь въ немъ!

Тамъ нѣтъ огня. Сквозь окна слуховня
 Чуть брезжетъ свѣтъ дневной и капли дождевыя
 Въ нихъ съ скорбнымъ ропотомъ стучать,
 И близъ колесъ, вращающихся съ шумомъ,
 Снуютъ рабочіе въ молчаніи угрюмомъ,
 Какъ будто привидѣній рядъ!

О бѣдность! тамъ отецъ, тоскою злой томимый,
 Сносить безчестье дочери любимой
 За хлѣбъ насущный осужденъ;
 Когда она ему приноситъ пропитанье,
 Чѣмъ купленъ скудный кормъ — у бѣднаго созданья
 Увы, спросить стыдится онъ!

Тамъ спитъ отчаянье подъ рубищемъ ужаснымъ,
 Тамъ жизни май не блещетъ солнцемъ яснымъ,
 Но вѣетъ мрачною зимой;
 Невинность — роза дня тамъ вянетъ въ тѣмѣ холодной,
 И всюду призракъ нищеты голодной
 Разносить ужасъ роковой!

Тамъ, ниже сточныхъ трубъ и ниже плить панели,
 Я видѣлъ бѣдняковъ: ихъ лица посинѣли,
 Отъ стужи дрогли ихъ тѣла,
 И смерть, какъ злой вампиръ, вонзивъ въ сердца ихъ жало,
 Что день, къ могильной тѣмѣ страдальцевъ приближала
 И кровь ихъ медленно пила!

Тамъ мать несчастная полъ земляной разрыла,
 И, сдѣлавъ яму въ немъ, малютокъ положила
 На эту страшную постель;
 И дѣти, какъ птенцы дрожали, въ ямѣ лежа...
 Увы! они едва узнали жизнь — и что же?
 Могила — вотъ ихъ колыбель!

Подвалы Лилы! Тамъ, гдѣ сводомъ ваши камни
 Нависли надъ людьми, давила грудь тоска мнѣ,
 Въ слезахъ блуждалъ кругомъ мой взглядъ:
 Я видѣлъ стариковъ, смерть звавшихъ страшнымъ крикомъ,
 Безумныхъ дѣвушекъ, младенцевъ съ мертвымъ ликомъ,
 О, Данте! я твой видѣлъ адъ!

Счастливые, сыны распутства и стяжанья!
 Вы тѣшитесь слезой несчастья и страданья
 Въ развратѣ мерзостномъ своемъ!
 И ваше золото со сводовъ этихъ склеповъ
 Съ сердець страдалцевъ, мрущихъ въ тѣмѣ вертеповъ,
 Струится кровянымъ ручьемъ!

Изъ этихъ мрачныхъ норъ, гдѣ плачетъ влажный камень,
 Гдѣ никогда надежды ясный пламень
 Не проникаетъ въ скорбныя сердца;
 Гдѣ сонмы бѣдняковъ, снести не въ силахъ муки,
 Съ мольбою къ небу простираютъ руки,
 Прося желаннаго конца;

Изъ этихъ нѣдръ нужды и нищеты скорбящей
 Выходитъ призракъ роскоши блестящей,
 И, кровью бѣдняковъ облить,
 Гуляетъ гордо онъ средь залъ позолоченныхъ,
 Гдѣ слышенъ смѣхъ живой, гдѣ свѣтъ отъ люстръ зажженныхъ
 Ласкаетъ гладкій мраморъ плитъ!...

III.

Великолѣпный пиръ! Рѣкою льются вина,
 Гремятъ оркестръ и тостъ въ честь славы властелина
 Устами тысячъ повторенъ!...
 Всѣ двери заперты. Въ часы веселой ночи
 Ликуй развратъ и плачьте, плачьте очи
 Дѣвъ осверняемыхъ и женъ!

О, вы, участники безстыдныхъ этихъ оргій:
 Преторіанцы, честь продавшіе на торгѣ,
 Трибуны гнусныя, обманщики —
 Вкругъ Лувра, гдѣ вы пиръ воздвигли сладострастный
 Изъ мукъ и голода, мрутъ смертію ужасной
 Иссохшихъ бѣдняковъ толпы!

Что вамъ до этого — вы счастиемъ богаты!
 Властители, князья, вельможи и прелаты
 Вы рождены для благъ земныхъ!
 Пусть бѣдняки голодине съ рыдаемъ
 Глядятъ на праздникъ вашъ, внимають лигованьямъ,
 И этого довольно съ нихъ!

Такъ набивайте же полнѣй карманы ваши
 Тролонъ, Сибуръ, Варошъ — и дружно сдвиньте чаши:
 Для васъ страданья въ мирѣ нѣтъ!
 Пусть жметъ нужда народъ рукою безошадной,
 Изъ бѣдствія, изъ нищеты громадной
 Громадный дѣлайте банкетъ!

IV.

.....
 Народъ! Народъ! Увы, онъ сталъ рабомъ послъ шнымъ,
 Онъ клонить голову и взоромъ равнодушнымъ
 Глядитъ на стыдъ своихъ цѣпей!
 Онъ ходитъ въ рубищѣ, а Цезарь въ пышной тогѣ
 Царить надъ нимъ и въ золотомъ чертогѣ
 Его безчестить дочерей!

V.

Но пусть, не вида слезъ, не внемля страшнымъ стонамъ,
 Какъ Валтассаръ въ своемъ дворцѣ позолоченомъ,
 Ликують палачи — шуты,
 День роковой придетъ: замолкнетъ смѣхъ и пѣнье
 И передъ взоромъ ихъ небесныхъ словъ отмщенья
 Блеснутъ горящія черты!

В. Вуремпъ.

ПОѢЗДКА ВЪ ИСПАНІЮ.

IV.

Физиономія революціи въ Барселонѣ.

Уличныя сцены.—Провинціальная депутація.—*Maestro del gay Saber*.—Вашъ покорнѣйшій слуга король Аррагонскій.—Благими намѣреніями въ аду поль мостать. — Вакханалія лотерей и апотеоза индюка.

Уличной агитаціи въ Барселонѣ, къ моему удивленію, было очень мало. «La Rambla», уже описанный мною салонъ здѣшней плебы, была у меня подъ окномъ, и я неоднократно имѣлъ случай наблюдать, какъ здѣсь національная *mucha calma* одерживала верхъ надъ свойственною южнымъ народамъ вообще склонностью къ манифестаціямъ и зрѣлищамъ...

Появлялись-было народныя ораторы, но приняты были публичною весьма холодно. Тѣмъ не менѣ провинціальная депутація (то-есть муниципальное управленіе) сочло почему-то нужнымъ запретить эти невинныя развлеченія. Причиною запрещенія, кажется, было то, что одинъ изъ такихъ демосееновъ не кстати припомнилъ, какъ Эспартеро бомбардировалъ Барселону. Потому ораторы эти появились вновь, но съ немалымъ противъ прежняго неуспѣхомъ...

Не было ни полиціи, ни жандармовъ, солдаты праздно бродили по городу въ киверахъ, съ которыхъ сорванъ былъ гербъ королевы и не замѣщенъ еще новымъ. Всѣхъ этихъ блюстителей общественнаго спокойствія замѣняли вооруженные работники. Сторожили Барселонскіе не безъ удовольствія замѣчали совершенное отсутствіе на улицахъ монаховъ и монахинь, столь многочисленныхъ здѣсь въ обыкновенное время. Увѣряли меня, что и число бѣлаго духовенства значительно уменьшилось; я находилъ однако же, что изъ пяти проходящихъ непременно одинъ, по крайней мѣрѣ, оказывается священникъ, семинаристъ

или клерикъ; а также и то, что чернѣ испанскаго «бѣлаго» духовенства ничего и вообразить себѣ невозможно: даже лица у нихъ черно-зеленаго, желчнаго цвѣта.

Въ горожанакъ выказывалось усиленное желаніе доказать, что они созрѣли; вслѣдствіе чего нѣсколько натянутое благочиніе царило въ городѣ. Нѣсколько позже это настроеніе прошло; стали появляться въ эстампныхъ магазинахъ каррикатуры скоромно-политическаго содержанія. На главномъ театрѣ «Liceo» поставили балетъ-канканъ съ танцорами въ классическомъ здѣшнемъ клерикальномъ убранствѣ. Кстати замѣтить, что изъ всего несмѣтнаго количества появившихся здѣсь политическихъ и патриотическихъ листовъ, стиховъ и прозы, картинъ, аллегорій, поученій, программъ и т. п., только однѣ каррикатуры дѣйствительно заслуживали вниманія. Все остальное насквозь было пропитано бездарностью, натянутостью и неумѣлостью...

Однажды вечеромъ, гуляя все по той-же неизмѣнной «Rambla», я вижу необычное движеніе; народъ толпится вокругъ одной изъ сямеекъ около фонаря...

— Надо убить его,—замѣчаетъ разсудительнымъ голосомъ какой-то господинъ съ закинутою на плечо полою плаща, и раскуривая папиросу...

— Въ депутацію! въ депутацію его! (впрочемъ, здѣсь и восклицательный знакъ не уместа, потому что испанскій народъ и шумитъ—то даже безъ крику и безъ возгласовъ: только ораторы и адвокаты здѣсь не говорятъ, а воспеваютъ).

— Да что? Что случилось? спрашиваютъ другъ у друга большинство толпящихся, съ завистью поглядывая на счастливецъ, которымъ удалось занять мѣста близъ сямейки.

«Eh! quien lo sabe» (кто его знаетъ)—всего чаще слышится отвѣтъ и съ пожиманіемъ плечъ многіе уже начинаютъ расходиться.

— Агентъ іезуитовъ... Поймали агента іезуитовъ, поясняютъ другіе...

— Оооо!.. Lo han muerto (убили его)?.. Чтò съ нимъ сдѣлали? какъ его распознали?..

— Онъ предлагалъ жечь церкви и избивать священниковъ...

Вдругъ толпа разступается. Изъ средины кружка, подъ прикрытіемъ вооруженныхъ гражданъ, идутъ нѣсколько человѣкъ...

— Надо убить ихъ, замѣчаютъ нѣсколько голосовъ, но весьма равнодушно и не трогаясь съ мѣста... «Въ депутацію!» рѣшаетъ общій голосъ. Но еще и до его рѣшенія вооруженный патруль со своими плѣнными отправляется по направленію къ Plaza don Jainie...

Такія сцены случались нѣсколько разъ въ теченіе перваго мѣсяца; кончались онѣ очень разнообразно, но всегда миролюбиво и во всеобщему удовольствію. Въмѣсто агента іезуитовъ обыкновенно оказывался какой-нибудь загулявшій господинъ, отъ тѣснаго знакомства съ *буррумомъ* потерявшій способность поддерживать равновѣсіе и въ словахъ и въ дѣйствіяхъ. Разъ захватили такимъ образомъ нѣсколько человекъ, устроившикъ какую-то демонстрацію, какъ оказалось впоследствии, съ либеральными даже стремленіями. Провинціальная депутація принимаетъ пѣвника, благодарить съ балкона приведшихъ его гражданъ; а когда послѣдніе разошлись, то отправляетъ того же самаго арестанта подъ прикрытіемъ другаго патруля домой...

Революціонное движеніе въ Барселонѣ имѣло два центра: одинъ прогрессистскій, другой демократическій. Но каждый изъ этихъ центровъ только издали могъ казаться чѣмъ-то дѣйствительно опредѣленнымъ, имѣющимъ свою программу и свой напередъ разсчитанный образъ дѣйствія. На дѣлѣ между ними существовалъ только весьма смутный антагонизмъ, основанный на томъ, что прогрессистскій центръ состоялъ изъ представителей буржуазіи и того, что называютъ во Франціи «*capacités*»; тогда какъ второй, не имѣя опредѣленнаго состава, стремился стать представителемъ ремесленныхъ интересовъ, хоть не всегда успѣвалъ въ этомъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе неумѣлости и слишкомъ усиленнаго желанія выгородить себя отъ всякаго подозрѣнія въ социализмъ. Оба равно стремились привлечь на свою сторону рабочее народонаселеніе, которое однакоже довольно скоро обособилось отъ обонхъ, создало въ Барселонѣ конгрессъ изъ представителей ремесленныхъ корпорацій всей Каталоніи и составило свою особую программу, показывающую съ одной стороны, что каталонскіе работники не чужды движенію и интересамъ, заявленныхъ на международномъ конгрессѣ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Брюсселѣ; а съ другой стороны на столько опредѣлительную и разработанную въ главнѣйшихъ своихъ частностяхъ, что она уже можетъ служить руководящею нитью для представителей этого сословія какъ въ созванномъ теперь законодательномъ собраніи (*Cortes constituyentes*), такъ и въ будущемъ конгрессѣ, то-есть парламентѣ, если таковой точно состоится на основаніи всеобщей подачи голосовъ, то-есть съ доступомъ въ него депутатамъ отъ рабочаго сословія.

Два центра, о которыхъ я говорилъ, съ первыхъ же дней своего существованія, подняли споръ о томъ: кто изъ нихъ совершилъ послѣднюю революцію? Каждый, конечно, приписывалъ

*

себѣ честь побѣды; каждый былъ правъ и неправъ въ свою очередь; потому-что, какъ вдова унтеръ-офицера, которая, по увѣренію Гоголевскаго городничаго, сама себя высѣла, такъ точно и правительство королевы Изабеллы ниспровергло само себя въ Каталоніи, не дожидаясь пока Серрано, покончивъ съ королевскими войсками въ Андалузій, разобьетъ съ возмущеннымъ имъ войскомъ каталонскаго генераль-капитана Честе; или пока Примъ, вернувшись изъ изгнанія, возмутитъ каталонскія войска и сдѣлаетъ въ этой провинціи то же, что Серрано уже сдѣлалъ въ Андалузій и въ столицѣ.

Прогрессистскимъ центромъ движенія служила уже извѣстная провинціальная депутація, избранная въ первое время революціи всеобщю подачею голосовъ и господствовавшая если не *de jure*, то *de facto*, во всей Барселонской провинціи. Въ составъ этого важнаго административнаго учрежденія были выбраны три работника, не принадлежашіе ни къ какой партіи, нѣсколько либеральныхъ знаменитостей третьяго и четвертаго разряда (первостепенныя знаменитости были либо въ изгнаніи, либо въ Мадридѣ), тоже безъ особенно опредѣленныхъ политическихъ воззрѣній... Прогрессистскою стала провинціальная депутація потому, что предсѣдатель ея, донъ Викторъ Балагеръ, въ числѣ прочаго, оказался также и прогрессистомъ...

Донъ Викторъ Балагеръ извѣстенъ за перваго каталонскаго трубадура, перваго *maestro del gay Saber* во всемъ современномъ провансальскомъ мірѣ, отъ Тулона до Аликанте влѣчительно. Ему подносилъ серебряный вѣнокъ Фредерикъ Мистраль въ Авиньонѣ, Луи Ромьё (L. Roumieu) въ Безье; самъ принцъ Бонапартъ уступилъ ему предсѣдательство на праздникѣ провансальскихъ поэтовъ въ своемъ замкѣ близъ Авиньона. Балагеръ возродилъ не только поэзію трубадуровъ, но задался еще трудною задачею возрожденія каталон-провансальской національности. Съ этою цѣлью онъ еще въ пятидесятыхъ годахъ основалъ журналъ сперва «*La Corona d'Aragón*», потомъ «*La patria catalana*» и весьма скоро стяжалъ себѣ репутацію горячаго патріота. Дѣятельность Балагера по этой части слѣдуетъ отнести къ романически-политическимъ попыткамъ, бывшимъ въ большой модѣ въ Европѣ въ началѣ настоящаго столѣтія. Это не помѣшало ей встрѣтить себѣ значительное сочувствіе въ литературныхъ и отчасти ученыхъ кружкахъ. Правительство, при всей своей подозрительности, не считало нужнымъ препятствовать. Барселонская буржуазія благоволила и покровительствовала Балагеру, для котораго она придумывала всякаго рода муниципально-поэтическія должности, въ родѣ

напримѣръ, «хрониста города Барселоны» и т. п. Лучшимъ плодомъ этой дѣятельности было то, что самъ Балагеръ и его послѣдователи разработали очень хорошо народную исторію Каталоніи и южной Франціи, остававшуюся до тѣхъ поръ въ пренебреженіи. При весьма замѣчательномъ поэтическомъ и ораторскомъ талантѣ, будучи человѣкомъ испытанной честности, готовымъ на всякую услугу и помощь нуждающимся, Балагеръ заслужилъ себѣ не только извѣстность, но и всеобщее расположеніе. Онъ былъ въ теченіе долгаго времени любимцемъ барселонскихъ студентовъ. Его знало и чернорабочее городское населеніе, къ которому и самъ онъ относился довольно сочувственно, хотя и ставилъ интересы *de la patria catalana* выше всякихъ экономическихъ нуждъ и потребностей страны.

Собственно на политическое поприще Балагера натолкнула случайность. Въ одну изъ либеральныхъ минутъ мадридскаго управленія каталанская буржуазія задумала исходатайствовать себѣ новыхъ прерогативъ, болѣе таможенно-покровительственнаго свойства. Съ этою цѣлью изъ Барселоны была отправлена въ столицу особая депутація, членомъ которой былъ избранъ и Балагеръ, едва-ли даже не со специальною цѣлью прикрыть не совѣмъ безкорыстныя стремленія барселонскихъ спекуляторовъ романтическимъ плащомъ *de la patria catalana*. Во время этой своей повѣдки Балагеръ сошелся съ Салюстіаномъ Олозагою, вождемъ и генераломъ Эспартеро, служившимъ чѣмъ-то въ родѣ знамени для партіи прогрессистовъ. Порывъ мадридскаго либерализма прошелъ прежде, чѣмъ депутація успѣла добиться, чего хотѣла. Наступило время гоненія на прогрессистовъ, а слѣдовательно и на каталанскую депутацію, которую они приняли подъ свое покровительство. Съ тѣхъ поръ «el trobador de Monsegat» (подъ этимъ псевдонимомъ Балагеръ издастъ свои каталонскія стихотворенія) попалъ въ ряды гонимыхъ и, по своимъ личнымъ связямъ съ прогрессистскими вождями, считалъ самъ себя за члена этой партіи, хотя жилъ большею частью за границею и въ политическую дѣятельность своихъ друзей мѣшался очень мало. Его либеральная репутація еще болѣе возрасла, когда въ 1866 г. новыя преслѣдованія обрушились на него за его романтическіе помыслы о возрожденіи каталонской народности. Гоненій онъ счастливо избѣгъ, оставаясь два года за границею; а за нѣсколько мѣсяцевъ до кадисскаго «*pronunciamiento*» благополучно вернулся на родину. При такихъ antecedentes ему весьма естественно было сдѣлаться председателемъ провинціальной депутаціи. По уму, об-

разованію и безкорыстію онъ стоялъ значительно выше болѣе части своихъ сотоварищей; однакоже, въ сущности онъ и здѣсь игралъ ту же роль, какъ и при началѣ своей политической карьеры: имѣя видъ вождя и руководителя, онъ только подставлялъ романтически возвышенныя формы для несовсѣмъ чистенькихъ стремленій барселонской буржуазіи...

Балагеръ принялъ меня въ зданіи «провинціальной депутаціи», откуда, какъ мнѣ сказали, онъ не выходитъ уже около двухъ недѣль, будучи заваленъ работою. При входѣ, меня остановилъ часовой изъ вооруженныхъ гражданъ и пропустилъ не иначе, какъ по предъявленіи особой записки... Подъ портиками человѣкъ до трехсотъ рабочихъ, занятыхъ разрушеніемъ городскихъ укрѣпленій, получали въ это время (это было вечеромъ) заработную плату. Низкіе старые своды живописно освѣщались большими мѣдными свѣтильниками. Поднявшись по широкой каменной лѣстницѣ, я очутился среди громадной залы, совершенно пустой, похожей на церковь. Большая картина изображала Прима верхомъ на лошади, побѣждающаго мароккскихъ мавровъ. На единственномъ прилавкѣ швейцаръ въ форменной фуражкѣ бесѣдовалъ съ необыкновенно тучной старухой.

Въ щегольски убранной комнатѣ, съ малиновой бархатной мебелью, за нѣсколькими столами засѣдало человѣкъ около десяти въ шляпахъ и съ сигарами. Это были временные отцы отечества, рѣшавшіе судьбы Каталоніи. Теперь они на скорую руку отдыхали послѣ обѣда. Каждую минуту являлись чиновники, швейцары или вооруженные граждане съ депешами, письмами и бумагами.

Балагеръ оказался небольшого роста, сухимъ и сѣдоватымъ кавальеро съ энергическимъ смуглымъ лицомъ, съ сѣдою щетинистою бородою и орлинымъ взглядомъ. Нѣсколько вздернутый носъ съ подвижными широкими ноздрями придавалъ ему нетерпѣливое и вызывающее выраженіе.

«Монархія или республика», говорилъ онъ мнѣ уже въ это первое мое посѣщеніе: «намъ все равно. Если *они* (это означало кастильянцевъ) хотятъ короля, мы изъ-за этого спорить не станемъ. Главное — это автономія нашихъ областей, и ее-то мы отстаиваемъ во что бы то ни стало. Съ этою цѣлью мы составляемъ союзъ съ Аррагонією и Валенсією». «Если нельзя идти вмѣстѣ, мы готовы даже совсѣмъ отдѣлиться. Существовало же Аррагонское королевство и въ такія времена, когда на свѣтѣ не было права, кромѣ силы»...

Какъ-то, когда рѣчь зашла о претендентахъ на испанскій престолъ, Балагеръ принялся излагать слѣдующія воззрѣнія:

«Не все ли равно, тотъ или другой? Мы примемъ всякаго, если предварительно онъ согласится принять аррагонскую формулу. Мы не должны забывать, что шесть вѣковъ тому назадъ, когда вся Европа находилась въ состояніи полнѣйшаго безправія, мы, каталонцы, имѣли свои *fueros y libertades* (льготы и вольности) и въ глазахъ власти не были стадомъ безсловесныхъ, которые для того только и созданы, чтобы ихъ рѣзать или стричь...» «Вы знаете договоръ, который заключали и аррагонцы, и каталонцы со своими королями?... Вы знаете, что такое былъ *justicia* въ Аррагонскомъ королевствѣ? Теперь надо, чтобы этимъ *justicia* былъ самъ народъ».

Этотъ верховный сановникъ бывшей аррагонской монархіи, то-есть хустисія, или жустисія по каталонскому выговору, тѣсно связанъ въ моемъ воображеніи съ нѣкимъ донъ-Онофріо, личностью столь же почтенною, сколько невеличавою. Бывшій въ дни молодости чѣмъ-то въ родѣ фактора или маклера на барселонской биржѣ, донъ-Онофріо, почти шестидесятилѣтній старецъ и одинъ изъ наиболѣе горячихъ приверженцевъ Балагеровой партіи, добровольно принялъ на себя многотрудную обязанность познакомить меня одновременно съ достопримѣчательностями каталанской исторіи и каталанской кухни. Добродушные его глаза даже увлажались, когда онъ внушительнымъ тономъ учителя, объясняющаго ученику «особенно заманчивое мѣсто изъ грамматики», описывалъ мнѣ, какъ готовится *arroz a la Valenciana* (рисъ поваленсіанскіи), или же какъ предки его, донъ-Онофріо, гордые каталонцы, принимали вновь вступающаго на престолъ аррагонскаго короля...

Послѣднее, по увѣренію моего собесѣдника, происходило слѣдующимъ образомъ:

«Тукъ-тукъ», стучить рукояткою ножа донъ-Онофріо по столу, описавъ, сколь пышное и величавое зрѣлище представляетъ каталонская знать, собравшаяся для торжественнаго приѣма будшаго своего властелина.

— Кто тамъ? спрашиваетъ онъ же, изображая въ своемъ лицѣ эту знать.

— El rey d'Arragon (аррагонскій король), отвѣчаетъ онъ же съ достоинствомъ.

— Войдите, *кавалъеро* (и замѣтьте: *кавалъеро*, не болѣе, замѣчаетъ онъ мнѣ какъ бы въ скобкахъ и отъ своего лица). Что вамъ угодно, *caballero*? спрашиваетъ въ лицѣ донъ-Онофріо каталонская знать.

— Я хочу быть королемъ вашимъ.

— А, хорошо, *caballero*. Ну, такъ слушайте же...

Донъ-Онофрiо встаетъ и, выставивъ одну ногу впередъ, гордо откинувъ назадъ свою безволосую голову, и умѣренно жестикулируя правою рукою, требуетъ отъ меня (въ эту минуту я изображаю аррагонскаго короля, смиряющагося передъ гордостью пылкой Каталонiи), чтобы я форменною присягою подтвердилъ слѣдующую его рѣчь, подъ опасенiемъ, въ случаѣ съ моей стороны вѣроломства, страшной кары въ этой жизни и въ будущей.

... «Ну, такъ слушайте же:

«Nosotros que valemos tanto como Vos y que podemos mas que Vos, Vos elegimos rey *contanto* (тутъ донъ-Онофрiо становится рѣшительно грозенъ) que guardareis nuestros fueros y libertades y que sea tra Vos y Nos uno que manda mas que Vos.» (Мы, которые значимъ столько же, какъ и вы, а можемъ болѣе, чѣмъ вы, избираемъ власть королемъ съ тѣмъ, что вы сохраните наши льготы и вольности и что между вами и нами будетъ нѣкто болѣе могущественный, чѣмъ вы). «Si по—по» (если же нѣтъ—нѣтъ), добавляетъ онъ послѣ минутной паузы, пронзительно глядя мнѣ въ глаза, чтобы удостовѣриться, не питаю ли я въ тайникахъ души своей клятвопреступныхъ замысловъ...

— Замѣтили вы этого *uno que manda mas que Vos*? спрашиваетъ меня донъ-Онофрiо, уже переставшiй быть каталонскою знатью:—это и есть Жустисiя, самое главное лицо въ государствѣ. И онъ, знаете ли, Жустисiя то-есть, могъ, въ случаѣ надобности, разрѣшить народу, — каталонцамъ или аррагонцамъ, все равно, — избрать себѣ другаго короля, *antiquo pagano* (хотя бы даже язычника): такъ это и выговаривалось въ законоположенiи...

Другой центръ барселонскаго революціоннаго движенiя сначала дробился на нѣсколько кружковъ, стремившихся каждый организовать, сплотиться по возможности съ другими союзными кружками. *En la noche*, то-есть вечеромъ поздно, послѣ театра, въ одной изъ заднихъ залъ *Cafe Nuevo*, на *Rambra*, въ большомъ мавританскомъ павильонѣ, со множествомъ легкихъ сѣрыхъ колоннъ, собирались дѣятели барселонской демократiи, образуя изъ себя нѣчто въ родѣ постоянного клуба или демократическаго комитета. Всѣ члены этихъ еженочныхъ собранiй были согласны между собою въ томъ, что прогрессисты непремѣнно такъ или иначе надуютъ публику. Всѣ болѣе или менѣе негодовали на то, что упустили власть въ руки противниковъ,

и всѣ побивались одинаково, что торжествующая военщина, «Union Liberal» или «викальваристы» (такъ со времени О'Донелли называютъ въ Испаніи дѣятелей и приверженцевъ военныхъ переворотовъ) могутъ порѣшнить все дѣло какъ вздумается имъ самимъ, не спросась ни прогрессистовъ, ни ихъ, демократовъ. По всѣмъ остальнымъ пунктамъ между ними царило полнѣйшее разногласіе.

Каталонская демократія не имѣла ни одного имени, которое бы представляло собою что бы то ни было, могло бы служить знаменемъ, центромъ соединенія. Прима (онъ родомъ изъ Каталоніи) боялись. Пьеррадь имѣлъ за себя симпатіи очень многихъ, и преимущественно сельскаго народонаселенія смежныхъ областей Каталоніи и Арагоніи. Но его поведение было загадочно: онъ уѣхалъ въ Мадридъ, когда увидѣлъ, что собранные имъ въ горахъ волонтеры стали ненужны. Никакой политической программы онъ не заявилъ. Въ Примѣ онъ совершенно разочаровался послѣ мадридскаго возстанія 1866 года. Въ самой Каталоніи онъ никакихъ связей не заводилъ... Маргаль, хотя тоже каталонецъ, слишкомъ, однакоже, отсталъ отъ мѣстныхъ интересовъ, чуждался всякой дѣятельности, кромѣ литературной, не хотѣлъ выѣзжать изъ Парижа, гдѣ онъ жилъ уже много лѣтъ среди прудонистскаго кружка. Его считали слишкомъ теоретикомъ и только студенты относились къ нему не съ холоднымъ уваженіемъ, а отчасти и съ преданностью.

Еще бродившіе элементы этого центра высказывали всѣ болѣшую или меньшую склонность къ республиканскимъ идеямъ; но вновь пущенная тогда въ Каталоніи мысль, что вопросъ о правительственной формѣ существеннаго значенія не имѣетъ и что республиканская идея должна уступить передъ идеею федераціи и областной самостоятельности, смущала многихъ. Ждали съ нетерпѣніемъ Фернандо Гарридо изъ Лондона или изъ Лозанны, который могъ наставить робкихъ и нерѣшительныхъ и разрѣшить многія недоумѣнія и сомнѣнія. Гарридо, однакоже, не ѣхалъ; сомнѣнія и недоумѣнія продолжались...

«Помилуйте, да какая же здѣсь можетъ быть организація», говорилъ мнѣ нѣсколько желчный юноша съ фізіономіею креола и съ замѣчательнымъ талантомъ стихотворной импровизаціи: «гдѣ соберутся пять человекъ, тамъ непремѣнно шесть различныхъ мнѣній, потому что хоть одинъ навѣрное въ продолженіе пяти минутъ успѣетъ совершенно измѣнить свой образъ мыслей.»

За немнѣніемъ лучшихъ, свѣтилами этихъ собраний были Роберто-Роберъ и Ансельмо Клаве, оба уже немолодые, оба раздраженные. Роберъ былъ маленький, худой и плѣшивый чело-

вѣчекъ, съ подслѣповатыми глазами, съ сѣдыми усами и бабенбардами. Большую часть своей жизни онъ провелъ чернорабочимъ въ редакціяхъ либеральныхъ мадридскихъ газетъ; впоследствии ему случилось быть и редакторомъ. Кромѣ большаго навыка въ редакторскомъ дѣлѣ, кромѣ умѣнья повести надлежащимъ образомъ избирательную интригу и доставить покровительствуемому имъ кандидату торжество при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, Робертъ былъ сметливъ, дѣятеленъ до суетливости. Позже онъ оказался едва-ли не самымъ полезнымъ дѣятелемъ барселонской республиканской партіи; но въ первое время онъ и самъ очевидно изнывалъ безъ дѣла и другимъ служилъ только помѣхою. Онъ непремѣнно хотѣлъ первенствовать, и съ этою цѣлью переселился даже въ Барселону, рассчитывая на то, что на безрыбьи раку легко быть рыбою. А между тѣмъ, кажется, сама природа создала его для того, чтобы онъ былъ вторымъ, въ Римѣ или въ деревнѣ, все равно. Поставьте его въ извѣстную обстановку — и онъ будетъ неопѣнимъ; но создать себѣ такую обстановку самъ онъ не можетъ.

Ансельмо Клаве наружностью смахивалъ сильно на Собакевича, къ тому же былъ безмѣрно лѣнивъ и неспособенъ ни на какую работу. Въ счастливыя минуты онъ хорошо говорилъ и говорилъ смѣло, за что и саживалъ неоднократно въ тюрьмѣ при предыдущихъ порядкахъ. Ни самъ онъ въ себѣ, ни другіе въ немъ не могли видѣть серьезнаго политическаго дѣятеля. Вокругъ него группировались тѣ, которыхъ отталкивала щепетильная раздражительность Робера; но, послушавъ въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ вдохновенныхъ рѣчей этого коренастаго оратора, отщепенцы либо снова возвращались къ прежнему своему руководителю, либо такъ уже и оставались, «безъ руля и безъ вѣтриль»...

Ясно было, что дѣла республиканцевъ и демократовъ въ Барселонѣ идутъ плохо; а ее, неизвѣстно почему, считали оплотомъ испанской демократіи. Время шло и ближайшія задачи предводителей различныхъ оттѣнковъ общественнаго мнѣнія выяснялись сами собою. Надо было оказывать давленіе на временное правительство, которое уже начинало медлить съ осуществленіемъ даже тѣхъ преобразованій, которыхъ оно наобѣщало торжественнымъ и официальнымъ образомъ; надо было устроить строгій контроль надъ предстоявшими выборами муниципалитета и кортесовъ и разбить планъ, составленный тогда временнымъ правительствомъ, разыграть избирательную комедію въ родѣ пресловутаго французскаго *suffrage universel* 1852 г. Надо было противодействовать «Провинціальной депутаціи»,

которая на славу популярничала передъ ремесленнымъ народонаселеніемъ города... Я и не говорю о задачахъ болѣе широкихъ и многосложныхъ, въ которыхъ, конечно, тоже не было недостатка въ это критическое время.

Въ виду такой опредѣленной и нетерпѣвшей отлагательства работы, барселонскіе демократы сдѣлали рѣшительную попытку организоваться. Нѣсколько человѣкъ составили клубъ и пригласили къ участию на первомъ его собраніи всѣхъ сочувствующихъ ихъ стремленіямъ. Стремленія эти, однакоже, заявлены еще не были. Тѣмъ не менѣе, число инициаторовъ скоро возрасло до пятидесяти слишкомъ.

Въ низкой и темной залѣ надъ какою-то маленькою кофейною, въ шляпахъ и съ сигарами или папиросками, вокругъ открытаго валенковорымъ чохломъ бильярда, собрались эти инициаторы, энергическіе, красивые и суровые.

Было здѣсь пять или шесть Лопесовъ, изъ которыхъ одинъ уже заранѣе считался совѣтникомъ будущаго Ayuntamiento, а другой — депутатомъ въ кортесы, и два или три Гарсія; изъ этого вы можете заключить, что первыхъ въ Испаніи больше, чѣмъ въ Россіи Ивановыхъ, а вторыхъ больше, чѣмъ Петровыхъ. Больше было коренныхъ каталонскихъ прозваній: Пуичъ и Пойгъ, Мортадель и Канпель и т. д. Все больше артисты и журналисты; нѣсколько студентовъ; изъ буржуазіи болѣе ученый народъ, какъ-то: книгопродавцы, оптики, типографы. Рабочее населеніе представляли корректоръ и метранпажъ небольшой типографіи...

Звонокъ президента, его первый спичъ и другія предварительныя формальности прошли благополучно. Даже выраженіе благодушія проявляется на многихъ лицахъ...

... «И такъ, caballeros!» заключаетъ президентъ, отчеканивая звучнымъ баритономъ каждое свое слово: «демократическо-республиканско-федеральный клубъ города Барселоны съ нынѣшняго числа считается окончательно конституированнымъ подъ этимъ названіемъ»...

— Pregunto la palabra (прошу слова), раздается довольно неожиданно въ разныхъ концахъ.

— Давая нашему клубу такое названіе, замѣчаетъ одинъ: — мы исключаемъ изъ него тѣхъ республиканцевъ, которые не держатся федеративныхъ воззрѣній, а слѣдовательно разъединяемъ и безъ того слабыя силы нашего лагеря...

— Идея федераціи, возражаетъ другой: — имѣетъ много приверженцевъ среди монархистовъ. Федеративные монархисты и

федеративные республиканцы могут, мнѣ кажется, значительную долю пройти вмѣстѣ, и т. д.

Завязываются оживленныя пренія. Вопросъ усложняется и путается, и инициаторы расходятся, назначивъ для новаго своего собранія другой день и другое помѣщеніе. Клубъ пока остается безъ имени...

Этотъ нѣсколько комическій дебютъ не помѣшалъ, однакоже, тѣмъ же самымъ людямъ образовать впоследствии болѣе тѣсный кружокъ, оказавшій свое вліяніе на выборы; и одинъ Лопесъ попалъ-таки въ совѣтники муниципальнаго Ayuntamiento, а другой депутатомъ въ кортесы.

Студенты прежде другихъ бродившихъ тогда элементовъ успѣли выбраться на болѣе ровную дорогу. Правда, у нихъ и дѣла было больше. Съ самыхъ первыхъ дней революціи они уже должны были сплотиться и коллективными силами ходатайствовать передъ провинціальною депутаціею о расширеніи программы университетскихъ курсовъ. Ходатайство это скоро увѣнчалось успѣхомъ. Тогда студенты Барселоны вступили въ сношенія съ молодежью остальныхъ испанскихъ университетовъ, чтобы подать адресъ временному правительству о декретированіи свободы вѣронсповѣданій. Въ то же время они стали организовать вечерніе курсы для ремесленниковъ, вступили по этому поводу въ сношенія и съ провинціальною депутаціею, и съ самими ремесленными братствами, устраивали миссіи для распространенія просвѣщенія въ деревняхъ...

Еще разъ мнѣ случилось навѣстить Барселону въ самый разгаръ рождественскихъ святокъ. Съ тѣхъ поръ представленіе «Rambla» въ моемъ мозгу стало неразрывно съ понятіемъ о хаосѣ... Все здѣсь было въ движеніи и въ волненіи.

Вглядѣться въ этотъ шумный водоворотъ человѣческихъ особъ всякаго рода, вида, пола, возраста и званія, подмѣтить или различать въ немъ что бы то ни было, было крайне трудно. Но вглядѣвшись, нельзя было не замѣтить, что во всемъ этомъ оживленіи также мало какихъ бы то ни было религиозныхъ побужденій, какъ и того пластическаго и дикаго веселья, которымъ славится римскій карнавалъ со своими *moccoli* и *confetti*, съ неистовою скачкою невзвезданныхъ лошадей. Нѣтъ здѣсь граціознаго баловства венеціанцевъ, ни вѣчнаго неаполитанскаго *allegro furioso*. Недѣля рождественскихъ святокъ въ Барселонѣ должна быть по справедливости названа вакханаліею

лоттерей и апотеозою индѣйскаго пѣтуха. Нигдѣ и никогда этому самовластному и пернатому животному, конечно, не приходилось играть столь значительной роли, какъ въ жизни барселонскаго народонаселенія въ описываемые мною дни.

Все, что когда либо было говорено о лотереяхъ въ Римѣ и въ Неаполѣ, примѣнимо къ Испаніи вообще, а къ Барселонѣ въ усиленной степени. Какъ въ Италіи, такъ и здѣсь, правительство холить и лелѣетъ въ народѣ эту прирожденную склонность къ азартной игрѣ, съ которой оно взимаетъ одинъ изъ самыхъ главнѣйшихъ своихъ доходовъ. Разнообразіе правительственныхъ и муниципальных лотерей въ Испаніи достойно удивленія. Есть билеты, стоящіе 200 дурось (то-есть слишкомъ 250 р. с.), и есть билеты по 1-му реалу, то-есть по 7-ми копѣекъ. Лотереями содержатся всякаго рода благотворительныя и неблаготворительныя заведенія; лотереями добываютъ деньги на освѣщеніе городовъ, мощеніе мостовыхъ и т. п. Лотереи создали здѣсь цѣлую литературу снотолковательныхъ книгъ, въ которыхъ всякое явленіе обыденной жизни, всякій сумбуръ, могуцій присниться человѣку, подведены къ извѣстнымъ нумерамъ. Лотереи создали здѣсь особую профессію тунеядцевъ, которые тѣмъ только и живутъ, что составляютъ для любителей всевозможнаго рода комбинаціи цифръ, кабалистическія формулы и амулетками, при помощи которыхъ ихъ обладатель, хотя и проиграется до тла во всевозможныя лотереи, но будетъ все же убѣжденъ, что выиграетъ непременно. Вѣра въ этихъ кабалистовъ до того непоколебима, — и не въ однихъ только грубо-невѣжественныхъ классахъ народонаселенія, — что съ трудомъ отыщется добродѣтельный отецъ семейства, который не пустилъ бы по міру и себя и семью, если такой предвѣщатель дастъ ему завѣтъ въ родѣ слѣдующаго: «ты проиграешься до тла, продашь послѣднюю рубашку своей жены, возьмешь на эти деньги билетъ, и тогда выиграешь»...

Въ Испаніи никто почти не продаетъ домовъ или имѣній: ихъ разыгрываютъ въ лотерею. Несмотря на то, что правительство за разрѣшеніе частныхъ лотерей беретъ обильную дань, этотъ способъ находятъ чрезвычайно выгоднымъ для обѣихъ сторонъ. Продавецъ избавляется отъ труднаго дѣла пріисканія покупателя, да къ тому же продаетъ билетовъ на сумму въ два или три раза превышающую дѣйствительную стоимость товара; тотъ же, кто выиграетъ за 1 р. сер. имѣніе въ 50,000, разумѣется, почитаетъ себя счастливымъ и не претендуетъ на то, что въ объявленіяхъ выигрышъ оцѣненъ въ 150,000.

Недѣля рождественскихъ святокъ есть время розыгрыша боль-

шей части лотерей, мѣстныхъ и государственныхъ. По утрамъ въ первые дни вывѣшиваются на углахъ общественныхъ зданій длинные списки. Конечно, не такъ тѣснились въ пустынь мучимые жаждою евреи къ источнику, извлеченному для нихъ Моисеемъ изъ скалы, какъ тѣснятся здѣсь къ этимъ заповѣднымъ листамъ люди всѣхъ званій и половъ. И гусарскій офицеръ, расшитый золотомъ, и завернутый въ полосатое шерстяное одѣяло подгородный плебей, и биржевой тузъ въ безукоризненно-модномъ одѣяніи, и нечесанный оборвышь безъ званія, но съ припухлыми глазами... Медленно движется къ блѣлому листу черная закоптѣлая рука кочегара съ желѣзнаго завода съ выдвинутымъ впередъ указательнымъ пальцемъ, и тутъ же встрѣчается съ крошечной ручкой городской щеголихи, въ раздушенной перчаткѣ, въ кружевахъ и съ поджидающимъ ее у тротуара экипажемъ. Черные глаза и глазки искрятся и меркнутъ, переходя такъ сказать безъ инстанцій отъ выраженія самыхъ радужныхъ надеждъ до тоски и унынія...

— Caballero, умоляющимъ голосомъ говоритъ мнѣ что-то нящая старуха на своемъ невинномъ кудахтаньи, именуемомъ каталонскою рѣчью. Я опускаю два пальца въ жилетный карманъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! живо восклицаетъ она, указывая на одинъ изъ заповѣдныхъ листовъ и вынимая изъ-за пазухи кипу тщательно завернутыхъ въ тряпье лотерейныхъ билетовъ. Она была безграмотна и не могла сама сличить своихъ нумеровъ съ выставленными на табели.

Но время перейти къ другому герою дня, сановитому *raio* (то-есть индѣйскому пѣтуху), который въ эти дни рѣшительно затмилъ здѣсь собою всякаго Кастаньяра и Прима.

Еще до наступленія праздниковъ, куда бы вы ни пошли въ Барселонѣ, всюду раздаются тоскливыя кудахтанья; всюду вамъ встрѣчаются возы на двухъ колесахъ, нагруженные до верку индюками. Тысячами собираются красноголовыя жертвы въ городѣ, какъ будто онъ приготавлился къ осадѣ и запасался живностью на долгій срокъ. И несмотря на такое изобиліе продукта, на базарѣ вы его встрѣчаете мало и можете купить не иначе, какъ по баснословной цѣнѣ.

Но вотъ наступилъ первый святочный вечеръ «*Rambla*» засіяла огнями и по всей своей длинѣ обставилась столиками, вокругъ которыхъ тѣснится народъ. Тутъ же и пернатые пассажиры утромъ встрѣченныхъ вами возовъ красуются въ нарочито-устроенныхъ клѣткахъ, увѣшанныхъ разноцвѣтными флагами. Дикари, только что привезенные изъ пустынь Барбастро въ Аррагоніи, они не безъ удивленія и даже глупо посматриваютъ

на окружающій ихъ блескъ, шумъ и гамъ; судя однако же по величавой ихъ осанкѣ, можно предположить, что они догадываются о томъ, что они истинные герои праздника. Лѣниваго вида деревенскій паренъ съ заломленной на бекрень лиловой горрѣ, крутить рулетку или проволочное колесо съ вложенными въ него нумерами на деревянныхъ цилиндрикахъ.

— El ravo! el ravo! si juega al ravo! (индюкъ! индюкъ! разыгрывается въ лотерею индюкъ) раздаются пронзительные крики, заглушающіе и говоръ толпы, и трескъ нѣсколькихъ сотъ колесъ, и вудахтанья самихъ героевъ и доносящіеся отовсюду звуки патриотическаго гимна Ріего или качучи... И опять всѣ сословія, всѣ возрасты, помы и званія смѣшиваются вокругъ этихъ столиковъ и ставятъ на черную доску съ намалеванными на ней нумерами, кто серебрянный реаль или *peretta* (франгъ), кто цѣлыя груды *кальдерони* (мѣдной монеты). Быстро исчезаетъ ставка въ кожаныхъ мѣшкахъ, висящихъ на поясѣ у деревенскихъ парней; но рѣдко удается видѣть счастливица, который бы приобрѣталъ себѣ въ законную собственность индюка. За то меня увѣрили, что не мало мудрецовъ, а особенно экономныхъ хозяекъ изъ недостаточнаго разряда, ухитряются проиграть всѣ свои слабые достатки на этого рода лотереяхъ.

Въ кофейныхъ идетъ та же игра.

Для нѣжнаго дѣтскаго рода, на сосѣдней площади del Palacio Real, устроены особыя лотереи, гдѣ разыгрывается сладкое миндальное тѣсто, привозимое изъ Аликантской провинціи особыми купцами на рождественскія святки въ Барселону. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и болѣе разгарается это распутство лотерей. На послѣднихъ дняхъ я видѣлъ на «Rambla» мальчишку, который разыгрывалъ въ лотерею *одну ситару*. Не помню, по чѣмъ была ставка, но охотники понтировать находились и тутъ...

V.

«ВЕСЬ СВѢТЪ И ЕЩЕ ЧЕТЫРЕ НАЦІИ.»

Блаженный уголокъ. — Монсерратъ. — Лерида. — Арагонія. — *Despoblados*. — Саррагосса. — *Santissima Virgen del Pilar*. — Маршалъ Сепрано. — Выставка.

— Не правда ли совершенно тосканскій пейзажъ? — замѣтилъ мой дорожный спутникъ, когда мы снова въ вагонѣ мчались изъ Барселоны по направленію къ Саррагоссѣ.

Дѣйствительно, приморскіе холмы круглились по обѣимъ сторонамъ съ той же пріятностью очертаній, которыя характери-

зуетъ воспѣтые столько разъ тосканскіе *monti e roggi* (холмы и пригорки). Зонтикообразныя итальянскія сосны весело зеленились и широко раскидывали на голубомъ небѣ свои тяжелыя, какъ бы металлическія верхушки. Но кто хоть однажды не окомъ эстетика-пейзажиста взглянулъ на тосканскіе холмы, тотъ уже не могъ бы смѣшать съ ними тѣхъ очаровательныхъ пригорковъ, среди которыхъ извиваясь змѣей, стуча и качаясь, не мчался, а скорѣе тащился нашъ поѣздъ, подымаясь мало-помалу на значительную высоту...

Знаете ли вы ту рыжеватую краску, которая подъ именемъ «тердесенцы» (*сыенской земли*) была въ большой чести у нашихъ художниковъ минувшихъ временъ? Я не спорю: пущенная слегка въ «лессировочку» въ темную тѣнь подъ носомъ или подъ бровями какого-нибудь портрета, она даетъ очень пріятный тонъ и производитъ очень хорошее впечатлѣніе. Совершенно иное дѣло, когда эта рыжеватая глина представляется вамъ не на палитрѣ художника, а составляетъ почву, на которой вы живете; когда вамъ приходится не подпускать ее въ лессировочку въ темную тѣнь подъ носомъ или подъ бровями, а надо возвращать на ней пшеницу и кукурузу, капусту и бобы, тамъ гдѣ даже неразборчивая оливка чахнетъ безъ удобренія. Вотъ въ такомъ-то непріятномъ знакомствѣ съ *тердесенцемъ* состоятъ крестьяне въ миловидной и живописной Тосканѣ, и въ этомъ именно отношеніи мѣстность, которую вы проѣзжаете между Барселоною и Манресою, представляетъ съ нею наиболѣе вопіющій контрастъ. вмѣстѣ съ полями подлѣ Остальрика мѣстность эта составляетъ самый благодатный уголокъ вообще благодатной Каталоніи. По обѣ стороны дороги вы не находите квадратнаго аршина земли, который бы не былъ воздѣланъ, и который бы не давалъ мало-мальски толковому хозяину трехъ жатвъ ежегодно. При господствѣ здѣсь мелкаго землевладѣнія, почвѣ этой приходится производить все, что можетъ оказаться пригоднымъ въ жизни достаточнаго подгороднаго селянина, начиная отъ апельсиновъ и миндаля, кончая чеснокомъ и *ghisantes*, чрезвычайно грубымъ и крупнымъ испанскимъ горохомъ. Однакоже главный предметъ воздѣлыванія въ этихъ мѣстахъ составляетъ конопля, которой опьяняющій запахъ заглушаетъ даже запахъ гари и копоти отъ локомотива...

Но скоро тунель за тунелемъ скрываютъ отъ глазъ привлекательное зрѣлище благодатной природы. Впереди начинаютъ появляться горы, голаго, дикаго, скалистаго вида. Изъ нихъ многія богаты солью и минеральныя воды встрѣчаются почти вездѣ.

Рѣзко бросается въ глаза чрезвычайно высокая, крутообрывающаяся во всѣ стороны громада скалъ, похожая на развалины какого-то непомятно-гигантскаго перистила или колонады. Описать причудливыя формы ея для тѣхъ, кто не видалъ ея, по крайней-мѣрѣ, на картинкѣ, очень трудно. Вообразите себѣ множество церковныхъ свѣтчъ, поставленныхъ близко одна къ другой; вообразите себѣ, что всѣ онѣ неравномѣрно обгорѣли при сильномъ вѣтрѣ и что расплавленный воскъ залилъ промежутки между ними, образуя въ разныхъ мѣстахъ узорные сталактиты. До нельзя странная гора эта — Монсерратъ: нѣчто въ родѣ священной горы, слава которой гремитъ не въ одной Каталоніи и привлекаетъ туда пилигримовъ не только изъ далекой Андалузій, но даже изъ Галисіи, хотя тамъ, какъ извѣстно, не занимать-стать священныхъ мѣстъ и Богомъ възсканныхъ обителей. И оказывается, что противъ многихъ душевныхъ и тѣлесныхъ недуговъ монсерратскіе святые оказываются несомнѣнно дѣйствительныѣ даже самого Сант-Яго Компостельскаго.

Исторія главнѣйшаго изъ монсерратскихъ святыхъ, который почитается даже за основателя тамошняго монастыря, Фрай-Хуанъ-Гаринъ, столь же оригинальна, какъ и назидательна. Чтобы рассказать ее, я долженъ начать съ конца IX вѣка и объяснить прежде всего, какимъ образомъ сама Богородица избрала это мѣсто святою обителью.

Пастухи изъ сосѣдняго мѣстечка, Олеса, возвращаясь однажды вечеромъ съ пастбищъ, слышали со стороны Монсеррата мелодію, которую они тотчасъ же признали за небесную, потому что земныхъ мелодій во всей Арагоніи существуетъ только одна, *la jota*, а въ Каталоніи ни одной; такъ что запомнить ихъ очень нетрудно. Впрочемъ, были и разныя другіе признаки, не оставившіе на этотъ счетъ никакого сомнѣнія: сіяніе, ароматы и проч. Слухъ о необыкновенномъ событіи этомъ скоро дошелъ до епископа, который прозывался Гондемаръ и жилъ въ Манресѣ, скорбя о грѣхахъ своей паствы и о бѣдности своей горной епархіи.

Во всѣ времена, читатель, чтобы заставить гору идти себѣ на встрѣчу, нужна была вѣра; но въ тотъ грубый вѣкъ, въ которому относится этотъ рассказъ, вѣра, или что-либо равносильное ей, нужны были даже для того, чтобы самому отправиться въ горы; а особливо въ горы Монсеррата, крутыя, голыя и обрывистыя до того, что даже въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, со всѣми улучшеніями путей сообщенія, возможность сломить себѣ шею представляется въ нихъ на каждомъ шагу. Гондемаръ однако пошелъ. За это онъ награжденъ былъ тѣмъ,

что напелъ, на указанномъ пастухами мѣстѣ, чудесный образокъ Божьей Матери, вырѣванный изъ чернаго дерева самимъ евангелистомъ Лукою. Епископъ отправился—было назадъ въ Манресу съ драгоценною своею ношею; но дальше одного склона горы идти не могъ: неодолима сила приковывала его къ этому мѣсту. Ясно было, что Матерь Божья избрала это мѣсто своею резиденціею. На немъ тотчасъ же воздвигли часовню, подлѣ которой поселился добродѣтельный пустынный, Фрай-Хуанъ-Гаринъ, и прожилъ онъ тамъ мирно нѣсколько лѣтъ, охраняя часовню и спасая душу.

Добродѣтельень Фрай-Хуанъ былъ до того, что даже чорту стало завидно. Тогда еще непроученный многократнымъ опытомъ, что всѣ его хитросплетенія и козни противъ святыхъ людей ованчиваются обыкновенно къ его же вящему посрамленію, врагъ человѣческаго рода попытался погубить Фрай-Хуана, избравъ для этого несовсѣмъ лишенный пріятности путь...

Барселонскимъ графомъ въ это время былъ Вильфредъ Мохнатый; а у него была дочь Рикильда, красоты, разумѣется, не описанной. Въ нее-то вселился демонъ, и должно полагать, что самъ же онъ и внушилъ ей родителю мысль отдать ее для излѣченія къ пустынику Фрай-Хуану. Пустынный не только изнасиловалъ дѣвушку, но еще и убилъ ее на придачу; такъ что даже, по мнѣнію дьявола, этого было достаточно, чтобы Фрай-Хуанъ угодилъ въ пекло. Но святѣйшій отецъ въ Римѣ не сошелся на этотъ счетъ въ убѣжденіяхъ съ дьяволомъ; въ этомъ, надѣюсь, никто не найдетъ ничего предосудительнаго. Папа простилъ явившагося къ нему съ покаяніемъ Фрай-Хуана, но счелъ нужнымъ положить на него нѣкоторую эпитемію; онъ приказалъ грѣшнику не поднимать глазъ къ небу, не произносить ни одного слова, пока самъ Всевышній не объявитъ ему какимъ-нибудь путемъ своего прощенія. Въ добавокъ Фрай-Хуану было приказано доползти изъ Рима до своей кельи близъ часовни Богородицы на Монсерратѣ, на четверенькахъ, «какъ скотинѣ». Покаявшійся грѣшникъ исполнилъ буквально повелѣніе святѣйшаго отца, то-есть не только доползъ домой на четверенькахъ, но даже шерстью поросъ и принялъ скотскій образъ съ такою добросовѣстностью, что когда графу Вильфреду случилось много лѣтъ спустя охотиться въ этихъ мѣстахъ, то и охотничьи его собаки и самые ловчіе приняли его за настоящаго звѣря, и только потому не растерзали на мѣстѣ, что очень уже испугались его необычайно-звѣрскаго вида. Вильфредъ, пораженный необычнымъ видомъ звѣря, приказалъ его взять живьемъ и держалъ на цѣпи

у себя въ замкѣ. Все народонаселеніе Барселоны сбѣгалось смотрѣть на чудовище.

Однажды графъ пировалъ въ замкѣ съ множествомъ гостей, которые просили его показать имъ небывалаго звѣря. Фрай-Хуана привели на цѣпи; но въ эту минуту новорожденный сынъ графа, бывшій тутъ же на рукахъ у кормилицы, сказалъ: «встань, Фрай-Хуанъ-Гаринъ; Богъ тебя прощаетъ». Путь показался Фрай-Хуану достаточно экстреннымъ. Онъ всталъ, обратился въ Фрай-Хуанъ-Гарина и покался передъ отцомъ своей жертвы. Вильфредъ тоже простилъ его и пожелалъ только видѣть трупъ своей дочери. Фрай-Хуанъ повелъ его къ мѣсту, гдѣ онъ похоронилъ дочь графа съ помощью дьявола. Разрыли землю и Ривильду нашли живою ко всеобщему удивленію и удовольствію. Только на шеѣ ея, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прошла обезглавившая ее сѣкира Фрай-Хуана, остался розовый шрамъ.

Вильфредъ построилъ на мѣстѣ преступленія монастырь и переселилъ туда 12 монаховъ изъ сосѣдняго монастыря *Santa-Maria de Ripoll*. Фрай-Хуанъ, очутившись тринадцатымъ, вскорѣ умеръ и мощи его стали исцѣлять разные недуги, особливо противъ головной боли; говорятъ, это самое вѣрное средство... Такъ или иначе, но дѣло это произвело въ свое время много шума, и Барселонское графство приобрѣло себѣ священное мѣсто, которое съ перваго же раза было поставлено охотниками до *romerias*, то-есть богомольцами всей Испаніи, на ряду съ первоклассными знаменитостями этого рода: съ Сант-Яго Компостельскимъ и съ Саррагосскою Мадонною *del Pilar*.

Монастырь Монсерратской Божьей Матери игралъ неоднократно очень важную роль въ каталонской исторіи. Въ XIV и XV столѣтіи онъ слылъ самымъ богатымъ испанскимъ монастыремъ. Арагонскіе, наварскіе и кастильскіе короли щедро одаряли этотъ монастырь каждый разъ, когда хотѣли польстить каталонцамъ. Даже въ началѣ XVIII вѣка, во время войны за наслѣдство испанскаго престола, эрцгерцогъ Карлъ Австрійскій, желая привлечь каталонцевъ на свою сторону, совершилъ богомольное путешествіе въ Монсерратскій монастырь, оставивъ тамъ латинскіе стихи своего собственнаго сочиненія и золотую шпагу съ 97-ю брилліантами необыкновенной величины.

Теперь отъ этого монастыря осталось очень мало слѣдовъ; а несмѣтныя богатства его исчезли и вовсе безслѣдно. Въ 1811 г. въ немъ заперлись каталонскія *somutenes*, то-есть народныя ополченія, и выдержали въ два раза отчаянную осаду со стороны французскихъ войскъ, подъ начальствомъ сперва генерала Дево (*Désvaux*), а потомъ Матѣ, который взорвалъ наконецъ

на воздухъ монастырь и со всѣми его сокровищами... На мѣстѣ прежняго монастыря выстроенъ новый, самъ по себѣ не представляющій ничего особенно достопримѣчательнаго. Но дикая, причудливая красота мѣста, благораствореніе воздуха, особенно въ лѣтнее время, которое здѣсь никогда не бываетъ жарко, три великолѣпныя сталактитовыя пещеры, состоящія подъ особымъ покровительствомъ законовъ (въ нихъ не только запрещено обламывать сталактиты, но запрещено даже громко говорить и вообще производить какой бы то ни было шумъ, вслѣдствіе котораго могли бы обвалиться иные узоры, черезчуръ нѣжно и заботливо отдѣланные благодатною матерью-природою) — всѣ эти прелести привлекаютъ сюда ежегодно несмѣтныя полчища посѣтителей и туристовъ, туземныхъ и иностранныхъ. Эти экскурсіи въ область романтизма представляются столь соблазнительными для достаточной и недостаточной буржуазіи каталонскихъ городовъ, что постороннему наблюдателю легко себѣ вообразить, будто ихъ и въ самомъ дѣлѣ гонить туда религіозное рвеніе. Но, увы! поѣздка въ Монсерратъ въ наше скептическое время также мало имѣетъ характеръ благочестиваго паломничества, какъ напримѣръ поѣздка въ Павловскъ или на острова въ Петербургѣ. Самый монастырь сталъ скорѣе гостиницею, въ которой и вѣрующіе, и скизматики, а всего болѣе англійскіе еретики встрѣчаютъ равно дружелюбный привѣтъ, хотя и безкорыстный.

Здѣсь встаетъ замѣтить, что репутація благочестія, которую пользуется испанскій народъ, главнѣйшимъ образомъ основана на недоразумѣніяхъ такого же рода, какъ напримѣръ эти будто бы богомольческія странствія въ Монсерратъ. Что касается Каталоніи, то я считаю нелишнимъ здѣсь же покончить всѣ недоразумѣнія подобнаго рода; а для этого мнѣ достаточно припомнить фактъ, весьма многозначительный и недавній... Здѣсь же, у подножія Монсеррата, революціонныя хунты нѣкоторыхъ второстепенныхъ или же и вовсе ничтожныхъ городковъ, должны были, *по требованію мѣстнаго чернорабочаго народонаселенія*, ввести гражданскіе браки, не дожидаясь пока временное правительство, тормозимое прогрессистами, трепетавшими передъ фанатизмомъ народныхъ массъ, издастъ наконецъ декретъ о свободѣ совѣсти и вѣроисповѣданій и опредѣлитъ законнымъ путемъ новыя отношенія государства къ церкви въ Испаніи. Первая ввела у себя гражданскіе браки революціонная хунта города Реусъ; а первые, воспользовавшіеся здѣсь этимъ нововведеніемъ, были поденщики и поденщицы.

Само собою разумѣется, что сказанное мною относится только

къ Каталоніи. Сосѣдняя Арагонія, напримѣръ, судя по всему, что мнѣ о ней извѣстно, должна представлять собою совершенно противоположное зрѣлище. Но туда-то мы съ вами теперь и направляемся.

Желѣзная дорога въ нѣсколько минутъ переноситъ васъ отъ подножія романическаго Монсеррата въ сферу законченныхъ фабричныхъ трубъ, шума машинныхъ колесъ, запаха каменнаго угля и масла... Городки и деревушки пройжаемой нами мѣстности, всѣ безъ исключенія, отличаются чрезвычайно развитою въ нихъ фабричною и мануфактурною промышленностью. Заслуживаетъ особеннаго вниманія то обстоятельство, что здѣсь развитіе фабричнаго производства вызвано не скудостью почвы, а совершенно напротивъ: оно обусловлено изобиліемъ сырыхъ матеріаловъ, доставляемыхъ отчасти и своею землею, плодородною *que es un robell de ou!* («какъ яичный желтокъ», — я объяснилъ уже выше, что обозначаетъ собою подобное восклицаніе), отчасти же привозимыхъ изъ сосѣдней Арагоніи. Обстоятельство это, по крайней-мѣрѣ въ моихъ глазахъ, бросаетъ очень выгодный свѣтъ на характеръ каталонцевъ. Кроме того, оно поневолѣ заставляетъ усомниться, если не въ глубокомысленности, то по крайней-мѣрѣ въ справедливости политико-экономическаго воззрѣнія на необходимость и благотѣльное значеніе нищеты, какъ стимула къ производству.

Сравненіе богатой каталонской природы съ другою, весьма сходною съ нею, а именно съ неаполитанскою, наводитъ меня на рядъ вопросовъ и сомнѣній. Если подѣлкостью природы мы будемъ разумѣть исключительно то вознагражденіе, которое она даетъ человѣку за приложенный къ ея эксплуатаціи трудъ, то мы рѣшительно затруднимся: какой изъ двухъ названныхъ здѣсь странъ, — Неаполю или Каталоніи, — должны мы отдать пальму преимуществъ. Но отчего же, при совершенной почти одинаковости мѣстныхъ и климатическихъ условій, Каталонія развиваетъ въ своихъ «святыхъ и хранителяхъ» смѣлый, бодрый и предприимчивый духъ, неутомимую стойкость въ трудѣ и отвагу, отличающіе ихъ столько же отъ полуголоднаго, лѣниваго ладзарони, отъ диваго, хоть и сытаго «*contadino*» Неаполитанской провинціи, какъ и отъ эскимоса или самоѣда? — Конечно, отвѣтъ на этотъ небезынтересный вопросъ даетъ намъ то общественное положеніе, въ которомъ находится и тотъ, и другой. Каталонецъ, могъ бы и сказать вамъ, властелинъ и хозяинъ въ своемъ, хотя бы небольшомъ имѣніи; онъ съ незапамятныхъ временъ привыкъ

работать самъ и для себя; если онъ и терпѣлъ внѣшній гнетъ, отъ доморощенныхъ ли своихъ графовъ, отъ аррагонскихъ и кастильскихъ королей, то потому, что находилъ въ этомъ свою выгоду. Онъ входилъ въ опасные договоры и сдѣлки съ сосѣдями: какъ конь въ эзоповой баснѣ, онъ неоднократно приглашалъ всадника сѣсть на свою спину; но неоднократно также показавъ, что умѣетъ сбросить сѣдока, когда тотъ, противъ уговора, попытается взнуздать его. А такова ли была исторія Неаполя, этого вѣчно завоевываемаго края?.. Различіе положенія этихъ двухъ странъ выработалось, слѣдовательно, различіемъ ихъ исторій. Но вѣдь одинъ изъ главнѣйшихъ факторовъ исторій всякаго народа — это степень его собственной энергіи или противодѣйствія, которое онъ можетъ представить вліяющимъ на него извнѣ постороннимъ условіямъ. Самая сильная энергія можетъ сложиться подъ гнетомъ особенно грозно сложившихся обстоятельствъ; самый мощный народъ можетъ пасть или погибнуть, когда ему придется бороться съ превышающею его энергію силою; но тогда въ его исторіи остается одинъ, торжественный, хоть и мрачный моментъ, свидѣтельствующій о томъ, чѣмъ бы могъ быть онъ, еслибы не сложила его неумолимая историческая случайность. Во всякомъ случаѣ, доза энергіи, съ которой каждый народъ выступаетъ, такъ сказать, на встрѣчу своему историческому развитію, какъ и самая внѣшняя фізіономія этого народа, есть болѣе или менѣе прямой и непосредственный продуктъ породившей его страны, со всѣми ея климатическими, этнографическими и всякими другими условіями. Это уже успѣло стать общимъ мѣстомъ, но, къ сожалѣнію, не успѣло еще залечь въ основаніе нашихъ дѣйствительныхъ воззрѣній на исторію, былую и текущую. Зачатки исторіи каждаго народа обусловлены наиболѣе тѣсно и непосредственно мѣстомъ его жительства; впоследствии и самые, повидимому, сходные зародыши могутъ добраться до чрезвычайно различныхъ развитій. А къ тому же всѣмъ извѣстно, до чего чувствительны и воспримчивы ко всему всякіе зародыши; повидимому, вовсе несуществующія или чуть примѣтныя различія въ ихъ обстановкѣ современемъ легко могутъ развиваться въ такіе контрасты, какой представляютъ намъ каталонцы и неаполитанцы. А такіе контрасты всегда чрезвычайно полезно имѣть въ виду; если вамъ будутъ говорить, что природа оканчивается иногда виновницею по отношенію къ нѣкоторымъ изъ своихъ дѣтей, что отъ этого ея баловства, отъ легкости, съ которою человѣку иногда будто бы достается его кусокъ хлѣба, цѣлые народы утрачиваютъ свое человѣческое достоинство, гиб-

нута отъ гнѣва и невѣжества, то смѣло ссылайтесь на примѣръ Каталоніи. А если противникъ вашъ, чтобы отвѣтить другимъ примѣромъ, назоветъ вамъ Неаполь, то вы напередъ можете торжествовать его поражение. Вы укажите ему, что, равно вознаграждая за трудъ неаполитанскаго и каталонскаго сѣятеля, природа запугиваетъ умъ и воображеніе перваго изъ нихъ своимъ вулканическимъ видомъ, ни съ того, ни съ сего заливая вдругъ его домъ, его жатву, пожалуй, собственную его особу, огненною лавою; она приучаетъ его не рассчитывать на завтрашній день и прелоняться передъ шарлатаномъ, который за весьма сходную цѣну предлагаетъ ему милость и благоволеніе грозныхъ и непонятныхъ ему силъ; въдобавокъ ко всему, она дѣлаетъ изъ его страны приманку для всякаго рода хищниковъ и отдаетъ его въ руки имъ, беззащитнаго и ошеломленнаго. Вотъ чѣмъ вызванъ упадокъ народной энергіи или низкій ея уровень въ Неаполѣ и многихъ другихъ мѣстахъ Испаніи и Италіи. Маленькая случайность: крутизна и неприступность береговъ и выгодное для защиты очертаніе остальныхъ границъ, а также отсутствіе всякихъ устрашающихъ и подавляющихъ воображеніе природныхъ зрѣлищъ,—избавила каталонцевъ отъ невзгодъ, развила въ нихъ духъ самостоятельности и отвагу труда.

Но вотъ и Сабадель, «каталонскій Манчестеръ», изъ пятнадцатитысячнаго народонаселенія котораго около 10,000 числятся работниками на бумагопрядильныхъ и суконныхъ фабрикахъ. Послѣднихъ здѣсь насчитываютъ до восьмидесяти. Матеріаломъ для нихъ служитъ привозимая изъ провинціи Венаско въ Арагоніи шерсть, которая считается лучшею во всей Испаніи.

Слишкомъ сто фабрикъ разсыяны въ гнѣи густой зелени и не производятъ тоскливаго впечатлѣнія, свойственнаго имъ въ другихъ мѣстахъ. Статные бронзоваго цвѣта люди спуютъ здѣсь и тамъ, толпятся на веткомъ, каменномъ помостѣ дебаркадера. Всѣ почти носятъ національное платье съ щеголеватостью, которой я не встрѣчалъ прежде.

Вмѣстѣ съ сосѣднею Манресою, Сабадель составляетъ какъ бы промышленную столицу всей этой мѣстности, начинающейся почти тотчасъ за Барселоною и простирающейся до Лернды, то-есть, почти до самой арагонской границы. Причиною процвѣтанія фабричной дѣятельности во всемъ этомъ краѣ считаютъ то немаловажное, конечно, обстоятельство, что множество ручьевъ и потоковъ, сливающихся съ сосѣднихъ горъ, представляютъ, особенно для маленькихъ фабрикантовъ, дароваго

двигателя. Въ самомъ Сабаделѣ и въ Манресѣ паръ повсюду уже замѣнилъ воду; но въ небольшихъ городахъ и мѣстечкахъ пользуются водою, какъ двигателемъ для весьма разнообразныхъ производствъ.

Наравнѣ съ фабричною промышленностью, крупною и мелкою, здѣсь всюду процвѣтаетъ и сельское хозяйство, которое, какъ уже сказано, поставляетъ матеріалъ для нѣкоторыхъ второстепенныхъ вѣтвей промышленности. Изъ этихъ второстепенныхъ вѣтвей самую главную составляетъ производство такъ называемаго *киршассера*, то-есть швейцарской водки. Повсюду выдѣлывается красное вино, которое черезъ Барселону отправляется въ Бордо, приправляется тамъ разными снадобьями и оттуда уже развозится по всей Европѣ подъ псевдонимомъ бордоссаго.

Подъемъ становится все круче и труднѣе. Справа выдвигается скалистая, словно червями источенная масса сьерры *Калабъ*, составляющей центръ и самую возвышенную точку Каталоніи. Изъ Манресы дикая, горная дорога ведетъ черезъ Кардону съ соляными ломнями въ Пуйгсерду и Сеод'Ургель, а нѣсколько выше послѣдняго въ пресловутую, хотя и нѣсколько балетную Андорру. Несмотря на то, что дѣло было въ октябрѣ, и что даже въ Мадридѣ о зимѣ еще не было и помину, дорога изъ Сеод'Ургель въ Андорру оказалась уже заваленною снѣгомъ.

Послѣ почти четырехчасовой ѣзды нашъ поѣздъ взобрался наконецъ на высоту около 750 метровъ надъ морскимъ уровнемъ, чтобы снова очутиться у подошвы причудливаго Монсеррата; на этотъ разъ уже съ сѣверо-восточной его стороны. Станція носитъ названіе Сан-Гимъ и находится (вслѣдствіе одной изъ тѣхъ продѣлокъ здѣшнихъ желѣзнодорожныхъ администрацій, о которыхъ я уже писалъ вамъ) на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ города Игалада, правда, неотличающагося ни особеннымъ торговымъ или промышленнымъ развитіемъ, ни оживленіемъ, но имѣющимъ все же свыше 1,000 жителей, а это въ здѣшнихъ мѣстахъ составляетъ цифру весьма почтенную,

Для меня, какъ для человѣка, утомляемаго тихою ѣздою, станція Сан-Гимъ памятна потому, что отсюда поѣздъ съ удесатеренною быстротою несется внизъ до самой Лериды, ежеминутно теряясь въ темныхъ путяхъ. Вдали мелькающія долины, представляющіяся вамъ какъ бы въ рамѣ придорожныхъ скалъ, исчезаютъ и появляются снова съ какою-то волшебною быстротою.

Изъ проѣзжаемыхъ городовъ обращаю вниманіе на одну только

Серверу, имѣющую около 4,000 жителей.⁶ Филиппъ V вздумалъ перенести сюда университетъ изъ Барселоны, которую онъ хотѣлъ наказать за то, что она передалась на сторону его соперника (эрцгерцога Карла Австрійскаго). Сервера была тогда совершенно ничтожною деревушкою. Открытіе университета въ этой горной мѣстности, конечно, стоило громаднѣхъ издержекъ; существовать этотъ университетъ все же не могъ, въ особенности, когда барселонскій открылъ снова свои курсы. Однако же, офиціально университетъ въ Серверѣ покончилъ свое существованіе всего какихъ-нибудь двадцать или тридцать лѣтъ тому назадъ. Тяжеловѣсное и огромное его зданіе стоитъ еще до сихъ поръ безо всякаго употребленія, какъ памятникъ популярности, которою долженъ былъ пользоваться здѣсь Филиппъ V, немогшій въ цѣлой Каталоніи отыскать инаго мѣста, которое заслуживало бы его признательности.

Но вотъ и Лерида, весьма прославившаяся въ XVI столѣтіи своею побѣдою надъ принцемъ Конде, или точнѣе говоря, тѣмъ, что принцъ Конде вздумалъ ознаменовать баломъ начало своей осады этого города, кончившейся для него весьма печально. И до сихъ поръ, вы не встрѣтите здѣсь ни одного уличнаго мальчишка, который не зналъ бы этого событія и не гордился имъ; хотя, съ тѣхъ поръ, два раза (разъ во время войны за наслѣдство испанскаго престола, и въ другой разъ въ 1810 г.) французамъ удавалось взять приступомъ этотъ городъ.

По своему административному значенію Лерида соотвѣтствуетъ нашему губернскому городу; имѣетъ, однако же, всего около 12,000 жителей, и по части всякаго рода достопримѣчательностей славится только тѣмъ, что въ ея соборѣ хранится пеленка, которою повить былъ Христосъ...

Лерида стоитъ почти на краю высокой террасы, которая постепенно и извилисто понижаясь отъ самаго Сан-Гима, вдругъ круто обрывается и переходитъ въ низменную аррагонскую равнину рѣкъ Кламора и Синка... Куда бы вы ни взглянули, прогуливаясь вдоль дебаркадера, въ ожиданіи саррагосскаго поѣзда, видъ отовсюду великолѣпный. Къ сѣверу зеленѣютъ долины Ургеля, окаймленные вдали нѣсколькими ярусами Пиринеевъ, надъ которыми въ хорошую погоду (а дурной я въ Испаніи не встрѣчалъ) сверкаетъ снѣжная Маладетона. Къ востоку, у подножья дикой сьерры Калафъ, уже знакомой намъ, сады и зеленые конопляники съ теряющимися въ нихъ высоготрубчатыми фабриками, бѣлыми домами и виллами, съ развалинами средневѣковыхъ замковъ *de los Aboros* и всевозможныхъ *de los caballeros*.

Къ югу и къ западу, словно на ладони, или словно на географической картѣ, стелется передъ вами безъ конца аррагонская низменность, теряясь въ синевато-черномъ туманѣ.

Нищенство, религиозный и политическій фанатизмъ (Аррагонія считается и до сихъ поръ, наравнѣ съ сосѣднею Наваррою, оплотомъ карлизма, то-есть испанскаго легитимизма), безграничная гордость и почти африканское невѣжество, вмѣстѣ съ непоколебимою стойкостью, близко граничащею съ тупымъ упорствомъ—такова незавидная репутація, которою съ давнихъ поръ пользуются аррагонцы и горныхъ и низменныхъ странъ. И они гордятся даже этою своею незавидною репутаціею, потому что по истинно-африканскимъ понятіямъ, все истинно-аррагонское должно быть хорошо и должно составлять предметъ народной гордости. На сколько справедлива эта ихъ неблестящая слава, на сколько и аррагонскій консерватизмъ уступилъ наконецъ все-сглаживающему вліянію времени, рѣшать не берусь, такъ-какъ мнѣ удалось пробыть въ Аррагоніи очень немного времени.

Тотчасъ же по выѣздѣ изъ Лериды, окрестный пейзажъ начинается весьма примѣтно утрачивать свою привлекательную, роскошную каталонскую фізіономію. Амисхельмъ, Бинефаръ (гдѣ вы переѣзжаете собственно аррагонскую границу), могли бы показаться очень привѣтливыми мѣстечками, еслибы ихъ довелось видѣть не тотчасъ послѣ описанныхъ выше холмовъ и Манресы. Сѣрая листва оливокъ на примѣтно тоже посѣрѣвшемъ и менѣе воздѣланномъ грунтѣ непріятно поражаетъ взглядъ. Дома, тоже сѣрые, принимаютъ ветхій видъ, и даже самыя лица жителей мѣняютъ колоритъ: вмѣсто бронзовыхъ и чернокудрыхъ каталонцевъ вы видите дюжихъ, тяжеловатыхъ людей съ желчно-смуглыми лицами, съ темно-русскими жесткими волосами.

Но вотъ Монсонъ, «стражъ Аррагоніи». Грозный замокъ на сѣрой скалѣ; а внизу, на берегу быстрой довольно рѣки, сѣрыя зданія совершенно теряются на сѣромъ грунтѣ, сухомъ, истрескавшемся, испещренномъ темными пятнами низкой, но сочной травы. Протекающая здѣсь рѣчка, Синка, составляетъ главный путь торговли лѣсомъ, довольно значительной между Каталоніею и горными областями Аррагоніи. Срубленные на склонѣ пиринейскихъ холмовъ бревна безъ дальнѣйшихъ церемоній сбрасываются въ рѣку и плывутъ до Монсона, гдѣ ихъ грузятъ на желѣзную дорогу; не такъ давно онѣ не оканчивали Синкою своею рѣчнаго плаванія, а ея же, безо всякаго

участія человѣческаго труда, переносились въ Эбро и перехватывались только у самаго моря.

Начиная отъ Монсона вась охватываетъ сполна безлюдная, унылая Аррагонія. Рѣже и рѣже попадаются дома и жилища, тянутся безъ конца обширныя поля, безъ малѣйшихъ признаковъ обработки. Даже соназы, составляющія по прежнему славу и главную отрасль богатства этой страны, встрѣчаются рѣдко. Очень часто на разстояніи болѣе часа ѣзды не встрѣчается ни куста, ни дерева, ни тычинки. Самыя линіи пейзажа преобразились: безконечная низменность мѣстами перерѣзывается прямолинейными возвышеніями, похожими на земляной валь; то повышается, то понижается прямоугольными, обрывистыми уступами.

Эти унылыя мѣста носятъ столь же унылыя прозвища: *despoblados* (обезлюденныя). И дѣйствительно, безлюдье составляетъ какъ бы характеристическій признакъ всей Аррагоніи. Статистически, она составляетъ наименѣе населенную область; но даже тамъ, гдѣ люди встрѣчаются, они производятъ впечатлѣніе прохожихъ по этой угрюмой, невоздѣланной пустынѣ... Вотъ тянется цѣлое стадо муловъ, головъ двадцать или тридцать, нагруженныхъ тюками или бревнами. На одномъ сидитъ *arriero* (погонщикъ)—этотъ чисто арагонскій типъ, оставшійся и теперь тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ мрачныя времена величія Испаніи и святой Эрмандады (*Santa Hermandad*). Въ рубашкѣ изъ толстаго темнаго полотна, въ короткихъ штанахъ, кончающихся у колѣна раструбомъ съ какими-то пуговками и тесемками, угрюмо сидитъ онъ, свѣсивъ на одну сторону обуви въ тяжелыя сандалиі ноги. Голова повязана пестрымъ платкомъ со свѣсившимися внизъ концами въ родѣ косъ нашихъ деревенскихъ дьячковъ. Сверхъ повязки какъ-то странно сидитъ похожая на большой черныи блинъ съ маленькимъ коническимъ возвышеніемъ на срединѣ шляпа: она не надѣта на голову, а только касается ея и держится на ней какимъ-то чудомъ равновѣсія. За плечами классическое *trabuco* (ружье извѣстной формы).

Ружье — неразлучный спутникъ арагонскаго простолюдина, *arriero* и пастуха (другихъ типовъ Аррагонія не представляетъ) вмѣстѣ съ *navaja* (ножемъ), заткнутымъ за складки шерстянаго пояса, которымъ обмотано все туловище арагонца, отъ груди и почти до колѣнъ. Но назначеніе этого огнестрѣльнаго оружія несравненно миролюбивѣе, нежели можно бы было подумать, зная не вовсе успокоительную наружность арагонцевъ и ихъ еще менѣе успокоительную репутацію. Оно служитъ исключительно для охоты за полевою курочкою, или за длинноногою

драхвою, этимъ страфсомъ европейскихъ степей. Для расправы съ недругомъ употребляется только *navaja*, широкое лезвее которой наноситъ чрезвычайно опасныя раны. Въ дѣлѣ такого рода расправъ аррагонцы уступаютъ только своимъ ультра-католическимъ сосѣдямъ, наварцамъ, которые поставляютъ *каротъ* (замѣняющей гильотину въ Испаніи) наибольшее количество ея жертвъ. Убіиства въ Аррагоніи, какъ и въ Наваррѣ, часто заканчиваютъ пустую ссору на улицѣ, въ посадѣ или вентѣ; но убійства для грабежа, разбойничества по дорогамъ здѣсь чрезвычайно рѣдки. Одною изъ причинъ ихъ рѣдкости можно почитать то, что и дороги «*carreteras*» здѣсь тоже не очень часты. Кромѣ того, правительствомъ были приняты очень дѣятельныя мѣры къ охраненію безопасности ограниченнаго числа прохожихъ и проѣзжихъ, и еще болѣе ограниченнаго числа товарныхъ транспортовъ и каравановъ. При такомъ характерѣ большаго числа убійствъ въ Испаніи, весьма естественно, что значительнѣйшая часть ихъ совершается въ городахъ. «*Agüero*» и пастухъ, и по нраву своему недюдами и живутъ среди безлюдія; такъ что имъ и ссориться не съ кѣмъ, или не изъ-за чего. Говорятъ, что случается иногда полевымъ жандармамъ подобрать въ глуши гдѣ нибудь мертвое тѣло муниципального писаря, таможеннаго или сборщика податей; то-есть людей такого рода, которые могутъ и любить иногда поживиться реаломъ или септою насчетъ проѣзжаго аггiero, или же сельскаго жителя, вздумавшаго, не въ примѣръ прочимъ своимъ соотечественникамъ, заняться какою-нибудь торговлею и завести у себя лишній грошъ. Но такіе случаи рѣдки. «*Agüero*» извѣстны за свой неудержимый нравъ; такъ что власти не любятъ ссориться съ ними, а уже однажды поссорившись, сдѣлають охотно нѣсколько верстъ крюку, чтобы не встрѣтить въ глуши «*despoblado*» со своимъ недругомъ, который легко можетъ оказаться близорукъ и принять его издали за драхву. А *trabuco* бьетъ и на большомъ разстояніи...

Аггiero или пастухъ, аррагонецъ, по большей части, безслѣдно проходитъ по своей землѣ и не любитъ заключать съ нею болѣе прочныхъ и дружескихъ союзовъ. Гдѣ есть лѣса, то-есть на пиринейскихъ холмахъ, тамъ онъ вырубаетъ ихъ и сплавляетъ уже описаннымъ способомъ по Сингѣ и по нѣкоторымъ другимъ притокамъ Эбро. Гдѣ есть дуга, какъ напримѣръ въ провинціи Барбостро, онъ скормитъ ихъ на своихъ овецъ, на подмогу имъ разведетъ пожалуй стада индѣекъ и гусей, которыхъ по выгодной цѣнѣ сбудетъ потомъ въ Каталоніи. Сѣять и жать онъ отваживается только въ крайнихъ

случаяхъ. Нивы и пашни встрѣчаются здѣсь не только чрезвычайно рѣдко, но онѣ поражаютъ своимъ тощимъ и печальнымъ видомъ, который можетъ дать постороннему наблюдателю весьма невыгодное понятіе о плодородіи аррагонской почвы. Аррагонскія поля, какъ и сосѣднія съ нимъ поля Старой Кастильи, дѣйствительно страдаютъ иногда отъ засухи. Но и плодородныя поля Каталоніи избавлены отъ этого бича только тѣмъ, что онѣ почти сплошь усажены тѣнистыми деревьями; между тѣмъ какъ во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ Испаніи (за исключеніемъ бассейна Гвадалквивира и юго-восточныхъ областей) не только деревья, но даже кусты составляютъ рѣдкость. Замѣчательно, что и аррагонскіе и кастильскіе крестьяне (а послѣдніе вообще трудолюбивый и исключительно земледѣльческій народъ) питаютъ рѣшительную антипатію къ деревьямъ и не хотятъ терпѣть ихъ въ сосѣдствѣ своихъ полей.

«Albergas-rajaos», то-есть «заведешь деревья, заведутся птицы»; а птицы, по ихъ мнѣнію, первый врагъ земледѣльца.

Однакоже знатоки дѣла, напримѣръ, дон-Паскуаль-Мадозъ и Жермонъ де-ля-Винь (Germont de la Vigne), составившій лучший французскій путеводитель по Испаніи, увѣряютъ, что почва Аррагоніи, вообще говоря, стоитъ каталонской почвы; «въ рукахъ каталонцевъ или валенсійцевъ» — утверждаютъ они оба — «она стала бы обѣтованною землею». Сравнительно со Старою-Кастильею, Аррагонія имѣетъ то громадное преимущество, что орошеніе полей въ ней можетъ быть устроено очень легко и съ небольшими издержками, благодаря множеству здѣсь небольшихъ, но сравнительно многоводныхъ рѣкъ, не считая самого Эбро.

«Земледѣліе не въ духѣ аррагонскаго народонаселенія», гласить здѣсь общій голосъ. Если вы не удовлетворяетесь такимъ отвѣтомъ, то я могу указать вамъ на то, что въ Аррагоніи нѣтъ крестьянъ-собственниковъ, хотя нѣтъ и крупной поземельной собственности въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ она встрѣчается въ Андалузіи. Если слишкомъ крупная поземельная собственность ведетъ къ нерадивому и неразумному обращенію съ естественными богатствами страны (а это составляетъ въ глаза бросающійся фактъ, и главное общественное зло на всемъ почти югѣ Испаніи), то средняя собственность сопряжена съ неудобствами хоть и иного рода, но едва-ли менѣе тяжелыми для страны и губельными для имущихъ и неимущихъ.

Аррагонскій помѣщикъ, не имѣя въ своемъ обладаніи неисчислимыхъ богатствъ какого-нибудь андалузскаго *duque*, вынужденъ разсчитывать свои затраты и вымещать на работниковъ срав-

нительную скудность своихъ доходовъ. Отсюда протекають весьма озлобленныя взаимныя отношенія между обоими классами. Безвыходность положенія аррагонскаго простолюдина, обезземеленнаго и немѣющаго подъ рукою ни фабрикъ, ни заводовъ, гдѣ бы нуждались въ его трудѣ, такова, что всякій другой народъ, менѣе закостѣлый въ своей дикости, вѣроятно давно сложился бы передъ нею. Но не должно забывать, что въ этомъ народонаселеніи, суровомъ и удовлетворяющемся очень малымъ, споконъ-вѣку развивали воинственный и фанатическій духъ, презрѣніе къ труду, почти китайскую ненависть ко всякому нововведенію и гордое довольство собою; однимъ словомъ, всѣ тѣ качества, благодаря которымъ только и могла сложиться Аррагонская монархія среди сочетанія неблагоприятныхъ условій, окружавшихъ ее почти до самого слитія ея съ Кастильскою. Прошла эпоха геройской борьбы съ маврами, истощавшая всѣ силы и помыслы аррагонскаго народонаселенія; наступило время войнъ Карла V, затѣмъ ухищреній Филиппа II. И тѣ и другія представляли для аррагонцевъ исключительно интересъ грабежа, но за то въ этомъ отношеніи они заслужили себѣ громкую славу своею холодною, основательною жестокостію. Потомъ въ самой Испаніи междоусобныя войны, «филиппизмъ и карлизмъ», наполеоновское вторженіе; опять «карлисты и хрестиносы». Во всѣхъ этихъ внутреннихъ неурядицахъ аррагонцы принимали самое дѣятельное участіе; принявъ сторону австрійскаго донъ-Карлоса противъ Филиппа V (во время войны за наслѣдство престола), а потомъ сторону королевы Христины противъ старшей линіи Бурбонскаго дома, которую съ особеннымъ жаромъ поддерживали не только ближайшіе ихъ сосѣди, но даже и горные жители самой Аррагоніи. Надменные и кичливые со своими собственными королями, аррагонцы никогда не сливались на столько съ Кастильскою монархіею, чтобы принимать близко къ сердцу ея величіе и ея династическіе интересы. Но обратившись однажды въ военную машину, они не могли не искать поприща для дѣятельности, жадно ловя всякій поводъ къ междоусобіямъ, съ тѣхъ поръ какъ миновала возможность войнъ внѣ предѣловъ своей родины.

Вѣчнымъ предлогомъ къ возстанію служило смутное стремленіе къ возрожденію старыхъ своихъ *fueros*, то-есть основъ народнаго самоуправленія, уничтоженныхъ еще задолго до ихъ соединенія съ Кастильею (а именно: въ 1336 г., при вступленіи на престолъ донъ-Педро IV), но сохранявшихъ до временъ Филиппа II хоть призракъ своего существованія. При воцареніи Филиппа V аррагонцы лишились и послѣднихъ своихъ привил-

легій и вольностей, о возрожденіи которыхъ, разумѣется, и не подумала королева-регентша (Христина), наградившая вѣрную ей Сарагоссу громкимъ титуломъ *Siemre heroica* («вѣчно геройская»).... Впрочемъ, дѣло не въ томъ, что выиграли или могли бы выиграть аррагонцы отъ династическихъ перемѣнъ; я указываю здѣсь на эту непрерывную послѣдовательность войнъ и междоусобій, потому что онѣ развивали и поддерживали въ аррагонскомъ простоліудинѣ отвращеніе отъ труда и настолько несговорчивый нравъ, что и въ настоящее время слишкомъ многіе тамошніе землевладѣльцы предпочитаютъ довольствоваться доходами съ овцеводства, но не заводятъ правильного сельскаго хозяйства въ своихъ владѣніяхъ. Послѣдняя революція обнаружила такое озлобленіе между крестьянами и тѣми изъ землевладѣльцевъ, которые отступили отъ этого образа дѣйствій, что другіе, вѣроятно, не раскаяваются въ своемъ нерасчетливомъ съ чисто экономической точки зрѣнія поведеніи.

Но поѣздъ, словно наскучивъ нестись около часу, а можетъ и болѣе, по безлюдной равнинѣ, гдѣ не видно и слѣдовъ человѣческаго жилья, останавливается подлѣ низкаго каменнаго зданія. Подлѣ полуразвалившася одинокая *posada*, у раскрытыхъ дверей которой осѣдланннй мулъ шумно жуеть кормъ изъ подвизаннаго къ его мордѣ веревочнаго мѣшка. Не безъ труда можно различить въ нѣкоторомъ отдаленіи три-четыре каменныхъ дома: ихъ рыжевато-сѣрый цвѣтъ едва темнѣе такого же цвѣта почвы.

У деревянной рѣшетки дебаркадера толпа нищихъ обращаетъ на себя мое вниманіе такою характерностью образовъ, которой я и не надѣялся никогда встрѣтить въ нашемъ «иже рѣчется цивилизованномъ» полушаріи. Завернутая въ рыжія рубища фигура сидитъ, понутивъ голову, такъ что измятый и изорванный блинъ шляпы закрываетъ отъ меня ея лицо. Костлявый и острый подбородокъ и рука, похожая на анатомическій препаратъ, одни заставляютъ предполагать, что подъ этою кучею тряпья скрывается человѣческое тѣло. Изподлбья сверкая черными глазами, прыгаетъ на одной ногѣ что-то похожее на молодого человѣка, съ косматою, черною, развѣвающимся гривой. Здѣсь стройнаго вида слѣпецъ, съ повязанною пестрымъ платкомъ головою, съ широко откинутымъ воротомъ рубахи, брячить на гитарѣ, и широко раскрывъ ротъ, откинувъ вверхъ свое печальное лицо, заунывно поетъ на голосъ «хоты» какую-то безконечную пѣсню, обращенную къ прекрасному полу и начинающуюся словами: «*Senoras y Senoritas*», повторяющимися послѣ каждаго двухъ или трехъ стиховъ. Отвратительнѣйшія раны, изувѣчен-

ные или отсутствующіе члены, какіе-то обрубки человѣка безъ ногъ... Мимо! мимо! вѣдь не поможешь горю, а смотрѣть дѣйствительно тяжело.

На ряду съ «аггіего» и пастухомъ, даже едва-ли не многочисленнѣе его, третій аррагонскій типъ — этотъ фантастически-жалкій типъ нищаго. Отъ описанія его отказываюсь добровольно. Замѣчу, что слѣпота здѣсь наиболѣе распространенный изъ физическихъ недостатковъ. Мѣстные доктора, съ которыми мнѣ случилось говорить объ этомъ, приписываютъ ее слишкомъ яркому солнцу, а также свѣжему вѣтру, который пронизываетъ васъ особливо въ низменностяхъ и на берегахъ рѣкъ въ осеннее утро. Что касается прочихъ уродствъ, доведенныхъ здѣсь до какого-то непонятнаго совершенства, то, кажется, онѣ создаются искусственно для того, чтобы возбуждать состраданіе и отличаться въ многочисленной толпѣ нищей братіи.

И до такого ремесла доведены люди, живущіе въ странѣ, гдѣ совершенно непроемчиво гибнутъ весьма щедрые дары природы. Я не говорю уже про землю, которая всюду здѣсь могла бы быть воздѣлываема съ успѣхомъ; но на каждомъ шагѣ въ Аррагоніи встрѣчаются весьма разнообразныя минеральныя богатства: желѣзо, каменный уголь, мѣдь; также квасцы и т. п. Многіе изъ этихъ рудниковъ эксплуатируются, но крайне плохо. Всего болѣе разрабатываются еще желѣзные рудники. Серебряная руда, которою такъ славилась Испанія въ древнія времена, теперь истощена почти вовсе. За то каменно-угольныя копи, повидимому, чрезвычайно обильныя и превосходнаго качества, можно считать совершенно непочатыми. Образовывались нѣсколько разъ акціонерныя общества съ цѣлью разрабатывать наиболѣе извѣстныя своимъ богатствомъ каменно-угольныя копи, но кончалось обыкновенно тѣмъ, что директора обворовывали самымъ непростительнымъ образомъ своихъ акціонеровъ. Жермонъ де-ля-Винь говоритъ о золотыхъ россыпяхъ, существующихъ будто бы въ Эчо, но до сихъ поръ даже неразслѣдованныхъ. Мнѣ не удалось собрать никакихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ.

Во всякомъ случаѣ, Аррагонія представляетъ весьма рѣзкій примѣръ страны, гдѣ никакая промышленность не можетъ развиваться вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ. Всѣ писатели, которыхъ мнѣ случилось читать по этому дѣлу (Мадозъ, Лабордъ, де-ля-Винь), по крайней мѣрѣ, согласны въ этомъ, и то же самое подтвердили мнѣ единодушно мои немногіе аррагонскіе знакомцы. А въ то же время народонаселеніе этой страны, несомнѣнно несоотвѣтствующее размѣрамъ ея территоріи (все оно

не достигаетъ и 900,000 человекъ), гибнетъ среди нищеты. Число собственно «despoblados», то-есть деревень, совершенно обезлюдѣвшихъ и опустѣвшихъ съ 1808 до 1866 г., удвоилось. Американецъ Кэрри *, на изученіи экономическаго быта Аррагоніи въ связи съ уменьшеніемъ въ ней народонаселенія, основываетъ чрезвычайно интересныя опроверженія мальтусовой теоріи. Вообще Аррагонія, благодаря своему сосѣдству съ Каталоніей, съ которой она, при большомъ сходствѣ этнографическихъ и климатическихъ условій, представляетъ столь живой и вопіющій контрастъ, могла бы послужить чрезвычайно интереснымъ субъектомъ для социологическихъ изслѣдованій и для фактической провѣрки различныхъ положеній и выводовъ экономической науки.

Причинъ этого страннаго факта, что нѣсколько сотъ тысячъ аррагонскаго народонаселенія буквально гибнутъ отъ нищеты и голода въ странѣ, гдѣ естественнаго богатства достало бы для прокормленія миллионовъ, искали во многомъ. Такъ, напримѣръ, цѣлый кружокъ мыслящихъ аррагонцевъ (одинъ изъ лучшихъ представителей котораго поэтъ Румъ-Понсъ, недавно умеръ въ изгнаніи) все зло приписывалъ плохой, безтолковой и своекорыстной администраціи. Многіе другіе видятъ спасеніе въ проведеніи новыхъ желѣзныхъ дорогъ и вообще въ улучшеніи путей сообщенія. Въ отношеніи послѣднихъ, Аррагонія представляется дѣйствительно самою отсталою областью Испаніи. Дороги въ ней наперечетъ, пять-шесть и никакъ не болѣе, да и тѣ содержатся крайне плохо. Но съ другой стороны, желѣзная дорога перерѣзываетъ уже всю Аррагонію по самому большому ея поперечнику, соединяя Сарагоссу съ ближайшими столицами, Барселоною и Мадридомъ. Другая вѣтвь, на сѣверъ, соединяетъ ее черезъ Памплону съ Франціею. Проведеніе этихъ большихъ путей, однакоже, вовсе не отозвалось улучшеніемъ экономическаго быта страны и не могло остановить даже увеличенія въ немъ «despoblados» и уменьшенія народонаселенія. Только горная промышленность близъ Уэски (университетскаго города Аррагоніи) дѣйствительно оживилась и вызвала появленіе очень небольшой вѣтви, соединяющей (близъ Сарагоссы) барселонско-мадридскую вѣтвь съ самою уэскою.

Какъ ни плохо состояніе здѣсь путей сообщенія, оно, однакоже, вполне удовлетворяетъ мѣстнымъ потребностямъ циркуляціи. Караваны муловъ, подъ руководствомъ своего «агіего», бла-

* Carrey: «Principles of Social Science», не помню, какая глава I тома.
Т. CLXXXIII. — Отд. I.

гополучно совершаютъ свои странствія цѣлиною, переправляясь въ бродъ черезъ во множествѣ встрѣчающіеся здѣсь ручьи и рѣчки. Не на трудность пути жалуются «агігегос», а на недостатокъ грузовъ.

Одну изъ причинъ этого бѣдственнаго положенія видятъ также въ постоянныхъ политическихъ агитаціяхъ Испаніи. На мои глаза эта предполагаемая причина весьма легко могла бы оказаться только ближайшимъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ. Пока массы народонаселенія ждутъ, какъ манны небесной, междоусобной войны, знамени или законнаго предлога, чтобы прибѣгнуть къ хищничеству, до тѣхъ поръ, какъ ни мѣняйте династїи и какіе ни издавайте законы, знамя это или предлогъ отыщется непременно.

Едва-ли не всѣхъ ближе къ истинѣ тѣ, которые видятъ причину бѣдственнаго положенія Арагонїи въ томъ, что феодальное право на землю удержалось здѣсь и до сихъ поръ, тогда какъ въ сосѣдней Каталонїи отъ него только и уцѣлѣли развалины старинныхъ замковъ съ болѣе или менѣе романическими прозванїями. Возраженїя въ родѣ того, что въ другихъ странахъ, въ Англіи, напримѣръ, право это уцѣлѣло въ еще болѣе большихъ размѣрахъ, едва-ли можетъ быть принято: между Англіею и Арагонїею трудно проводить какія бы то ни было паралели.

Въ физическомъ, какъ и въ нравственномъ отношенїи арагонецъ представляетъ одинъ изъ наиболѣе рѣзкихъ и характеристическихъ испанскихъ типовъ. Несмотря на мое слишкомъ кратковременное пребываніе въ этой странѣ, у меня вѣзались въ памяти ихъ дюжія, коренастая, часто приземистыя фигуры, ихъ одноцвѣтныя, коричневатыя лица, которыя кажутся почти четырехугольными отъ непомерно развитыхъ нижнихъ челюстей. Небольшія карїе глаза въ глубокихъ орбитахъ, вѣчно желтоватый бѣлокъ и тонкія губы придаютъ лицу раздраженное, злое выраженїе.

Общїя, огуловыя характеристики цѣлыхъ народовъ въ немногихъ строкахъ имѣютъ, по моему мнѣнію, очень относительное значенїе; но чтобы не оставить васъ при однихъ своихъ личныхъ и отрывочныхъ впечатлѣнїяхъ, я приведу здѣсь оцѣнку арагонскаго характера, заимствуемую мною у такихъ знатковъ испанской народности, каковы Мадозъ и Лабордъ.

«Арагонецъ», по ихъ увѣренїю, «гордъ, неразговорчивъ и крѣпко стоитъ за однажды высказанное имъ мнѣніе. Его пре-

клоненіе передъ своею народностью до крайности; онъ не стерпитъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго противорѣчія или возраженія. Онъ не хочетъ видѣть недостатковъ въ себѣ и въ своихъ соотечественникахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ проглядываетъ зависть. Его прирожденная гордость, его угрюмый видъ и холодный, часто даже вызывающій пріемъ въ обращеніи, отталкиваютъ отъ него при первомъ знакомствѣ».

А вотъ и достоинства, которыми, по мнѣнію вышеназванныхъ авторовъ, искупаются эти не вовсе похвальные качества:

«Но за то аррагонцы благоразумны и смыслены. При всемъ ослѣпленіи своею народностью, они готовы заплатить должную дань личнымъ доблестямъ чужеземца. Ихъ пріемъ холоденъ, но за то онъ искреннѣе и прямодушнѣе вѣжливости и кажущагося радущія нѣкоторыхъ другихъ испанцевъ. Они ловкіе дипломаты, но безъ лживости; храбры безъ фанфаронства и отважны часто до невозможности. Притомъ они честолюбивы и непреклонны въ своихъ стремленіяхъ. Ихъ часто обвиняли въ кичливости за ихъ рѣшительный и непоколебимый нравъ» *.

Въ племенномъ отношеніи они составляютъ смѣсь лимузинской (Langue d'Och) или каталонской народности съ кастильянскою, что всего болѣе отражается на ихъ языкѣ. Въ восточныхъ, смежныхъ съ Каталонією и Валенсією, частяхъ Аррагоніи говорятъ довольно чистымъ каталонскимъ нарѣчіемъ, которое здѣсь гораздо пріятнѣе для слуха, нежели въ самой Каталоніи. Рѣже встрѣчаются отрывистыя окончанія «окъ», «икъ», «ау» и т. п., по которымъ, какъ по кочкамъ, припрыгиваетъ быстрая каталонская рѣчь. Чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ болѣе и болѣе преобладаетъ кастильянское начало; шипящія звуки ж (j) и ш (x) переходятъ въ гортанные.

Весьма распространенную черту народныхъ нравовъ въ цѣлой Аррагоніи составляютъ *las romerías* — богомольскія странствія въ различныя священныя обители, которыхъ несмѣтное количество находится въ этой благочестивой странѣ. Нетолько каждый округъ, но почти каждая маломальски значительная деревушка имѣетъ свое особое мѣсто для такихъ религіозныхъ странствованій, совершаемыхъ періодически въ однажды установленныя сроки. Установился этотъ обычай, какъ увѣряютъ, съ незапамятныхъ временъ. Но въ особенной силѣ онъ былъ во времена Карла V и Филиппа II, когда аррагонцы возвращались изъ итальянскихъ походовъ или съ нидерландскихъ усмирений, хвативъ, даже по собственному сознанию, грѣха на душу

* Заимствовано изъ компиляціи А. Жермонъ-де-ля-Виня.

и рады были столь дешевымъ способомъ заглушать просыпавшіяся въ нихъ угрызения. Обычай этотъ не выводится и до сихъ поръ. Но если мы по этимъ ромеріямъ, каковы они теперь, будемъ судить о набожности аррагонцевъ, то придемъ къ тому заключенію, что въ этомъ отношеніи они ближе всего подходятъ къ каталонцамъ, своимъ сосѣдямъ. А о тѣхъ ужъ говорено: чѣмъ другимъ развѣ, но избыткомъ клерикализма упрекнуть ихъ рѣшительно невозможно. Подъ религиозною внѣшностью ромерій въ настоящее время кроется самое свѣтское желаніе провести нѣсколько дней (а иногда и недѣль, смотря по средствамъ благочестивыхъ странниковъ) вдали отъ будничной обстановки, за игрою въ кегли или въ мячъ, имѣющую очень часто азартный характеръ; а иногда просто въ кутежѣ и пьянствѣ. Къ послѣднему, должно сказать, нѣкоторые аррагонцы чувствуютъ совсѣмъ не похвальное пристрастіе. Въ оправданіе ихъ могу сказать развѣ то, что, послѣ шерсти, вино составляетъ лучшее произведеніе ихъ страны; да пожалуй то еще, что матеріальная ихъ обстановка слишкомъ ужъ тяжела; не пользуясь они своимъ крѣпкимъ, сладковатымъ, краснымъ виномъ (которое, какъ и каталонское, приправивъ тартаромъ или лимономъ, обращаютъ въ Бордо) — они, вѣроятно, прибѣгли бы еще къ одному продукту, который въ достаткѣ родится на аррагонской почвѣ: къ пеньгѣ... чтобы свить веревку и перетянуть ею свое злополучное горло.

«La Siempre heroica ciudad de Zaragoza» предстала намъ уже поздно вечеромъ, послѣ слишкомъ двѣнадцатичасовой ѣзды отъ Барселоны, весьма умѣренно сверкая огнями, отраженіемъ которыхъ вдали изобличала свое присутствіе рѣка Эбро. Несмотря на то, что это было въ самый разгаръ здѣшней выставки, только что накануне осчастливленной посѣщеніемъ «шефовъ-освободителей», Серрано и Топете, оживленія на станціи не было вовсе. Два или три омнибуса отъ отелей хищническимъ образомъ ловили немногихъ выходившихъ изъ-за рѣшетки пассажировъ, отбирая ихъ пожитки и предлагая свои услуги такимъ тономъ, какимъ, должно быть, предлагается на разрѣшеніе дилемма: «кошелекъ или жизнь»...

— Fonda del Universo, спрашиваетъ какой-то господинъ съ длинною эспаньолою, въ плащѣ и съ двумя дорожными мѣшками.

— Вотъ, вотъ. Идите. И его съ мѣшками просовываютъ въ узкую дверь длинной кареты.

— *Fonda de las Cuatro Naciones?* спрашиваю я. И меня под-
вергаютъ той же процедурѣ...

— Да вѣдь это *Universo*, обращается ко мнѣ господинъ съ
эспаньолою, приподымаясь и изображая изумленіе въ своихъ
крупныхъ сине-черныхъ глазахъ.

— Говорять, «*Cuatro Naciones*», замѣчаю я, тоже недо-
умѣвая...

— Это мошенничество или недоразумѣніе, говорятъ мой со-
сѣдъ, вставая съ очень энергическимъ видомъ.

Но лошади уже несутся вскачь, звеня колокольчиками. Колеса
гремятъ по мостовой. Мой *vis-à-vis*, пожилой офицеръ съ не-
обыкновенно большими усами, жметъ и колетъ мнѣ ноги раз-
ными аксесуарами своей воинственной сбруи. Высокая молодая
дама въ шерстяномъ капорѣ, кутаетъ шарфомъ дѣвочку лѣтъ
шести и говоритъ ей что-то, чего разслушать нельзя за шумомъ
и звономъ, но что-то очень злое, судя по выраженію ея тон-
кихъ аррагонскихъ губъ. Два господина, въ темной глубинѣ
кареты, ссорятся очень горячо, и только отъ времени до вре-
мени долетаетъ до меня:

«*Sey caballero non menos de Usted*» (я джентльменъ не меньше
васъ), и т. п.

Кстати замѣчу, что испанское слово «*caballero*» совершенно
соотвѣтствуетъ англійскому «*gentleman*» и иначе переведено
быть не можетъ. «Кавальеро»—обращаетесь вы къ каждому муж-
чинѣ на улицѣ или въ публичномъ мѣстѣ; и въ этомъ своемъ
значеніи соотвѣтствуетъ французскому «*monsieur*»; но это одинъ
только изъ частныхъ случаевъ употребленія этого слова. Говоря
о какомъ-нибудь, что онъ «кавальеро», вы опредѣляете его,
какъ порядочнаго человѣка во всѣхъ отношеніяхъ, совершенно
независимо отъ его общественнаго положенія. Про севильскихъ
«*mozos de cordel*», то-есть уличныхъ носильщиковъ, говорятъ,
что они вообще «*my caballeros*, то-есть не только честные, но
вообще порядочные люди. Господинъ такой-то «*es un gran
Senor, pero no es caballero*», то-есть господинъ такой-то боль-
шой баринъ, но онъ не «кавальеро», значить, что онъ или
грубъ въ обращеніи, или имѣетъ иные недостатки, недѣлающіе
изъ него «*felon*», то-есть негодяя, но несообразные съ испан-
скими понятіями о порядочности. Извѣстно, что испанскій «языкъ
приличій» чрезвычайно выработанъ и имѣетъ въ себѣ много, что
на нашъ сѣверный слухъ производитъ непріятное впечатлѣніе
низкопоклонства. Фразы: *baso Sus manos* (цалю ваши ручки),
Caigo a Sus pies (падаю къ вашимъ ногамъ, что, впрочемъ,
исключительно говорится женщинамъ, тогда какъ первая на-

оборотъ, всего чаще женщиною говорится мужчинѣ) повторяются очень часто и такъ же обязательны, какъ «милостивый государь» или «готовый къ услугамъ» въ нашемъ, — а «*miuy Senor mio y de toda mia consideracion*» и «*que Dios guarda a Usted*» въ испанскомъ письменномъ слогѣ. Мѣстоименіе «ты» или «вы» поиспански можетъ быть употреблено только въ самыхъ интимныхъ разговорахъ; иначе оно всюду замѣняется словомъ *Usted*, которое пишется иногда *U^m*. и считается сокращеніемъ «*Vuestra merced*» («ваша милость»); хотя въ арабскомъ языкѣ, оставившемъ такъ много своихъ слѣдовъ во всей южной и средней Испании, то же самое слово; *usted* или *ustad* имѣетъ весьма близко подходящее къ дѣлу значеніе еврейскаго *равви* (то-есть учитель, господинъ). Рядомъ со всѣми этими приторностями, даже болѣе нихъ, употребительны такого рода обращенія, поражающія своею патриархальною простотою: «*hombre*» (человѣкъ), «*hijo*» (сынъ) или «*hija*» (дочь), и притомъ въ чрезвычайной далекихъ отъ интимности разговорахъ. Притомъ всѣ эти: «*usted*», «*caballero*»; «*hombre*» или «*hijo*» остаются совершенно неизмѣнны и равно обязательны, къ кому бы вы ни обращали вашу рѣчь: къ самымъ сильнымъ міра сего, или къ нищему мальчишкѣ, къ эфирной свѣтской красавицѣ или къ белому «*mozo de cordel*» обыкновенно астурийскаго или галисійскаго происхожденія...

Переѣхавъ длинный каменный мостъ черезъ Эбро, нашъ омнибусъ остановился у ярко-освѣщеннаго портика на главной Сарагосской улицѣ «*Yon Gaime el Conquistador*». Дородный съ просѣдью брюнетъ, со свойственною церемоніймейстерамъ, дипломатамъ и мэтръ-д'отелямъ величественною осанкою, приготовлялся встрѣчать насъ съ подобающимъ достоинствомъ. Но мой сосѣдъ съ эспаньолкою уже налетѣлъ на него со злобной быстротою рыси или дикой кошки.

— Какой это отель? спросилъ онъ строгимъ, но сдержаннымъ голосомъ.

— «*Fonda del Universo*», caballero.

— Какъ же здѣсь иностранный кавалеро спрашиваетъ «*Cuatro Naciones*», а его привезли сюда? спрашивалъ, уже нисколько не сдерживая своего негодованія достойный потомокъ слишкомъ пресловутаго защитника всѣхъ угнетенныхъ невинностей.

— Она же и есть, отвѣчалъ хозяинъ лѣнливо-равнодушно.

— Да какъ же?

— Такъ, кавалеро, нашъ отель носить фирму «*Universo y Cuatro Naciones*».

«Весь свѣтъ и четыре націи!» Это почище гоголевскаго портнаго въ городѣ N «изъ Парижа и Лондона».

Во время своего пребыванія въ Испаніи, первый римскій цезарь Августъ, говорятъ, былъ пораженъ красотою равнины по обонимъ берегамъ Эбро и велѣлъ здѣсь построить городъ, служившій ему резиденціею въ лѣтнее время. Городъ былъ названъ *Caesarea Augusta*, а въ устахъ всякаго рода визиготовъ и вандаловъ, иберійцевъ и галловъ, мавровъ и еще ни вѣсть какихъ племенъ, вошедшихъ, мало по малу, въ составъ народонаселенія этихъ мѣстъ, римское имя это обратилось въ *Zaragoza, Sarragossa* или, наконецъ, *Zarragossa*; потому что пишутъ его на всѣ эти лады, хотя удвоеніе буквы *s* не въ духѣ кастильскаго языка, а *r* безъ удвоенія произносится такимъ громовымъ образомъ (особливо въ началѣ словъ), что надо нашихъ, по крайней мѣрѣ, три для обозначенія этого барабаннаго звука.

Въ 40 году по Р. X. случилось, — по увѣренію сестры Маріи Агредской — слѣдующее событіе:

«Возлюбленная Мать моя, — сказала Иисусъ, — желалъ бы я, чтобы вы низошливъ Саррагосу и приказали бы святому Якову вернуться въ Іерусалимъ. Передъ отправленіемъ изъ Саррагоссы пусть выстроитъ онъ храмъ, посвященный вашему имени, и пусть въ этомъ храмѣ люди славословятъ васъ и зываютъ къ вашему милосердію...»

«Блаженный Сантъ-Яго Апостолъ былъ въ это время со своими учениками за городомъ, какъ разъ подлѣ стѣны вдоль берега Эбро. Вдругъ видятъ они свѣтъ съ небеси, и передъ этимъ свѣтомъ меркнетъ даже свѣтъ солнечный. Ангелы разверзли передъ апостолами Престоль Божьей Матери, передъ которымъ онъ палъ ницъ въ порывѣ благоговѣйнѣйшей молитвы...»

«Одни изъ ангеловъ несли яхонтовый или мраморный столбъ (Pilar); другіе-же изваянія самой царицы небесной изъ невѣдомаго, но драгоценнаго вещества, и несли они его съ особымъ благоговѣніемъ».

«— «Сынъ мой, Сантъ-Яго», — сказала царица небесная: «Всемогущему угодно, чтобы ты на этомъ мѣстѣ воздвигъ храмъ Ему, посвященный Моему Имени. Я со своей стороны обѣщаю вѣрующимъ, которые будутъ посѣщать этотъ храмъ, свое покровительство и благословеніе, и храмъ этотъ будетъ Моею обителью и Моимъ наслѣдіемъ».

— «Начни, какъ можно скорѣе, а кончивъ ступай въ Иерусалимъ, гдѣ Сынъ Мой ждетъ отъ тебя въ жертву Ему твою жизнь».

«За тѣмъ Пресвятая Дѣва повелѣла ангеламъ поставить столбъ со Своимъ изваяніемъ на то мѣсто, гдѣ онъ стоитъ и теперь...»

«Таково было блаженное начало святилища de la Santissima Virgen del Pilar въ Саррагоссѣ, и храмъ этотъ, по справедливости, зовется покоемъ ангельскимъ, собственнымъ домою Божиимъ и Пречистыя Его Матери».

«Святой Яковъ, тотчасъ по исчезновеніи божественнаго видѣнія, созвалъ своихъ учениковъ, и съ ними вмѣстѣ принялся за постройку часовни. Такъ-какъ ему помогали ангелы, то маленькая часовня была окончена до его отправленія въ Иерусалимъ...» И т. д., что все и еще съ большими подробностями рассказано въ «*Мистической исторіи Божьей Матери*», благочестивой агресской монахини.

Храмъ del Pilar, собственно говоря, единственная универсальная достопримѣчательность Саррагоссы. Въ художественномъ отношеніи я мало видалъ такихъ неуклюжихъ и совершенно дюжинныхъ зданій, какъ это аррагонское святилище. Она даже не имѣетъ въ свою пользу древности своего происхожденія, такъ-какъ постройка его начата въ самомъ концѣ XVII вѣка. Говорятъ, что еще въ началѣ нашего столѣтія Саррагосская Santissima Virgen del Pilar обладала несметными сокровищами. Ихъ несли ей въ даръ корона и претенденты, желавшіе склонить на свою сторону аррагонцовъ, которые и до сихъ поръ состоятъ въ подозрѣніи необычайной преданности этой Святой Покровительницѣ града своего.

Сокровища, большею частью, исчезли во времена знаменитой осады Саррагоссы (1808) наполеоновскимъ маршаломъ Ланномъ (Lannes). Про нее, какъ извѣстно, самъ Наполеонъ отзывался будто бы такъ, что еще одна побѣда въ родѣ взятія Саррагоссы погубила бы въ конецъ его армию. Ужасы осады, въ которой, въ теченіе сорока двухъ дней, погибло 54,000, изъ ста тысячъ мѣстныхъ гражданъ и скопившихся здѣсь окрестныхъ жителей *, легче вообразить себѣ, чѣмъ описать. Ограничусь одною слѣдующею подробностью, сообщенною Жозефомъ Лавалле (Lavallée):

«Въ самый разгаръ осады не прекращались собранія *tertulias* (то-есть, влюбовъ иногда политическихъ, иногда танцевальныхъ, но въ Аррагоніи почти исключительно съ цѣлью кар-

* Цифры взяты мною у Тьера: «Histoire du consulat et de l'Empire».

тежной игры). Только когда съ Торре-Нуэва раздавался призывный звонъ, граждане складывали свои карты, отправлялись...» Потомъ та же самая партія продолжалась вновь, до новаго *Somaten* (набата)...

Что касается благочестивой преданности саррагосскихъ жителей своей *Nuestra Senora del Pilar*, то маршалъ Серрано, сопутствующій неразлучнымъ съ нимъ Топете, накануне моего приѣзда въ Саррагоссу, сдѣлалъ опытъ снисканія себѣ популярности въ Аррагоніи заявленіемъ нарочитаго своего благочестія у подножія алтаря *del Pilar*. Онъ не оставилъ здѣсь ни латинскихъ стиховъ, ни золотой съ діамантами шпаги, во всемъ же остальномъ велъ себя по примѣру Карла Австрійскаго въ свѣтилищѣ Монсеррата въ Каталоніи. Но, увы! *tempora mutantur...* Правда, благочестивый «*Eco d'Aragon*», — органъ умѣренныхъ прогрессистовъ въ Саррагоссѣ, — остался даже тронуть достохвальнымъ благочестіемъ маршала. Зато почти вся остальная Саррагосса, точно также, какъ и остальная Испанія, всполошилась, вида въ этомъ весьма дурное предзнаменованіе для вопроса о вѣротерпимости, рѣшенія котораго ждали въ то время отъ временнаго правительства. И оно, дѣйствительно, не рѣшило его тогда, «чтобы не огорчить донъ-Салюстьяна Олѳагу», — какъ увѣряли тогда министеріальныя газеты; а потомъ, «чтобы не лишитъ кортесы удовольствія осчастливить страну столь желаннымъ декретомъ»...

Красивый видъ Саррагоссы, когда смотрѣть на нее издали, особливо съ *Paseo de Santa Engracia*, возвышеннаго бульвара надъ рѣкою, совершенно исчезаетъ, когда находишься въ самомъ городѣ. Улицы, не исключая и главнѣйшую изъ нихъ, *Calle de don Jaime Primero* или *Conquistador*, узки и темны. Магазины бѣдны и немногочисленны. Главная площадь, *de la Constitucion*, очень неправильной формы и окружена совершенно невзрачными, хотя и высокими домами, изъ которыхъ нѣкоторыя окрашены въ розовый и свѣтло зеленый цвѣтъ. Нищихъ едва ли не больше, чѣмъ всякаго другаго народонаселенія, и они не утрачиваютъ здѣсь своей типичности, достойной карандаша Калло или пера Гоффмана. Вниманіе поневолѣ останавливалось на всякой гауптвахтѣ или иномъ мѣстѣ, удостоенномъ караула: вездѣ, рядомъ съ солдатомъ въ красныхъ штанахъ, стоялъ часовой изъ вооруженныхъ гражданъ. Саррагосскіе жители едва ли не одни во всей Испаніи имѣли откровенность прямо заявить, что они не довѣряютъ войску и желаютъ поровну дѣлить съ нимъ труды по отправленію общественныхъ службъ и охраненію общественнаго спокойствія. На подмогу горожанамъ

пришли нѣсколько сотъ человѣкъ изъ подгородныхъ деревень. Изъ нихъ незанятые по службѣ виднѣлись повсюду на улицахъ и площадяхъ, въ чистыхъ бѣлыхъ рубашкахъ, съ неизмѣнными полосатыми одѣялами на плечѣ.

Студенческаго народонаселенія въ городѣ мало. Филиппъ V нанесъ саррагосскому университету болѣе смертельный ударъ, чѣмъ барселонскому; теперь здѣсь существуетъ нѣчто въ родѣ филологическаго факультета или высшей классической гимназій, подъ названіемъ *Universita de letras*.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о выставкѣ, устроенной, какъ было объявлено, съ цѣлью ознакомить публику съ экономическимъ положеніемъ Аррагоніи вообще. Но или устроена она была несовсѣмъ сообразно съ этою благою цѣлью, или же я не былъ достаточно подготовленъ для того, чтобы какая бы то ни была выставка послужила мнѣ въ прокъ. Общее впечатлѣніе ея было мизерное и вполне соответствовало тому невыгодному представленію, которое я имѣлъ объ аррагонской производительности. Одноэтажное зданіе въ родѣ вокзала, состоящее изъ трехъ галлерей въ формѣ буквы «покоя», длиною каждая не больше пятнадцати саженъ, а шириною въ полторы, вмѣщало въ себѣ все, чѣмъ наша нужнымъ похвастать передъ публикою аррагонская индустрія, изящная и неизящная. У входа красовалось нѣсколько плуговъ, изъ которыхъ одинъ оказался американскій и выставленъ былъ, вѣроятно, для соблазна аррагонскимъ землевладѣльцамъ агентомъ какой-то американской компаніи, открывшей депо въ Барселонѣ. Изъ мѣстныхъ продуктовъ всего больше обращали вниманіе фотографіи и картины масляными красками, которыхъ было столько же (если не больше), какъ и всѣхъ остальныхъ продуктовъ, взятыхъ вмѣстѣ. Фотографіи всѣ безъ изыятія, а изъ картинъ особенно портреты, были дѣйствительно очень хороши. Въ стеклянномъ шкафу красовались восковыя свѣчи, и чудовищной и лилипутской величины, раззолоченныя и украшенныя даже благочестивыми надписями. Подъ стекляннымъ колпакомъ красовался шелковый костюмъ герольда XVI-го вѣка, но сшитый вновь театральнымъ портнымъ изъ Барселоны; можетъ быть, это должно было служить указаніемъ на то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Аррагоніи шелководство, еслибы существовало, составило бы очень выгодную доходную статью. Подъ другимъ колпакомъ стоялъ манкенъ лошади съ андалузской уздечкой, отличающейся отъ всѣхъ другихъ уздечекъ стальнымъ переносимъ и идущемъ отъ него лишнею парюю поводьевъ. Впрочемъ, такихъ андалузскихъ уздечекъ я не видалъ нигдѣ, кромѣ аррагонской выстав-

ки. Я искалъ аррагонской шерсти, не потому, чтобы надѣялся извлечь для себя что-нибудь изъ ея созерцанія, а только потому, что на чужбинѣ пріятно встрѣтиться со знакомымъ. Ни шерсти, ни пеньки не оказалось, а была тѣква дѣйствительно чудовищныхъ размѣровъ и сладкій лимонъ, ростомъ съ порядочный арбузъ.

Особая часть галлерей была отгорожена для ученыхъ продуктовъ. По стѣнамъ ея тоже висѣли фотографическіе портреты, очень хорошіе и въ натуральную величину; а также головы Аполлоновъ и Юпитеровъ, рисованныя учениками школы изящныхъ искусствъ. Тутъ же висѣла карта Аррагоніи, сдѣланная топографами арміи Наполеона I-го. Съ тѣхъ поръ въ Испаніи никому не приходило въ голову (разумѣется, кромѣ инженеровъ желѣзныхъ дорогъ тамъ, гдѣ есть желѣзныя дороги) заняться топографическими съемками, хотъ здѣсь и есть цѣлый корпусъ военныхъ топографовъ и инженеровъ, изъ которыхъ многіе при постройкахъ желѣзныхъ дорогъ оказались даже лучше французскихъ. Тутъ же были выставлены образцы каллиграфіи учениковъ и ученицъ муниципальныхъ школъ.

Успокоенный насчетъ красоты почерка молодого аррагонскаго поколѣнія, я покинулъ выставку, а скоро вслѣдъ затѣмъ и самую Саррагосу.

* * *

Блаженны нищіе духомъ; ибо ихъ есть
царствіе небесное.

Европа движется... Надъ ней
Громады черныхъ тучъ нависли.
Тамъ жизнь всецѣло у людей
Обречена труду и мысли.

А мы, въ родныхъ своихъ степяхъ,
Храня преданья вѣковыя,
Живемъ, какъ птицы въ небесахъ,
Иль какъ лилеи полевныя.

Нѣтъ хлѣба — мы кору ѣдимъ;
Сгорить изба — ночуемъ въ полѣ;
Обидеть ктонибудь — молчимъ,
Во всемъ предавшись Божьей волѣ.

С. Дуровъ.

СЫНЪ ВДОВЫ.

(Литовская народная пѣсня).

Три лебеди громко сзываютъ народъ:
«Сѣдлайте коней, собирайтесь въ походъ!»

Село выставляетъ всѣ силы свои:
По младшему сыну изъ каждой семьи.

Три женщины молодцу такъ говорятъ:
«Женихъ мой, сынокъ мой хорошій, мой братъ!

«Намъ плохо придется, у насъ ты одинъ,
«Женихъ мой хорошій, мой братецъ, мой сынъ!

«Мы, женщины, въ путь молодца соберемъ:
«Невѣста тебя опояшетъ мечомъ,

«Сестра вороного коня подведетъ,
«А старая мать ворота отопретъ.

«Когда же ты снова вернешься домой,
«Мой братъ, мой женихъ, мой сынокъ дорогой?

— «Чуть стануть свободны земля и вода,
И воздухъ отчизны, — вернусь я сюда!»

Вотъ суша, и воды, и воздухъ родной
Свободны,—а онъ все не ѣдетъ домой.

«Мы, женщины, вмѣстѣ, на встрѣчу ему
«Пойдемъ на дорогу, къ большому холму».

И пристально смотреть въ долину втроемъ:
Не скачетъ ли кто на конѣ ворономъ?

День первый проходить, проходить два дня,—
Нигдѣ не видать вороного коня.

Но вотъ заклубилася пыль подѣ конемъ...
Онѣ мчится, но всадника нѣту на немѣ.

Три женщины быстро поймали его:
«Зачѣмъ безъ ховяина ты своего?»

«Онѣ винуть тобою? зачѣмъ ты одинѣ?
«Гдѣ братъ мой? женихъ мой? гдѣ милый мой сынѣ?»

— «Убить мой хозяинѣ, врагами убить
И въ землю сырую глубоко зарыть.

«Меня отпустили, — и грустную вѣсть
«Подѣ кровлю родную спѣшилѣ я принесть.»

Три лебеди быстро летять въ вышинѣ,
И плачуть, и ищуть могилу онѣ;

Нашли и, спустясь, размѣстились въ слезахѣ,
У сердца его, въ изголовѣ, въ ногахѣ.

У сердца-то мать, въ головахѣ-то сестра,
У ногѣ-то невѣста... И вплоть до утра

Рыдали: «О, горе троиѣ сиротамѣ!
«О, кто на страданѣ откликнется намѣ!»

И солнышко съ неба отвѣтъ подаетѣ:
«Я, солнце, откликнусѣ на слезы сиротѣ!

«Я въ траурѣ одѣнусѣ; четырнадцать дней
«Не выгляну къ людямѣ изѣ тучки моей.»

Невѣста въ тоскѣ три недѣли была,
Сестрица три года въ слезахѣ провела,

А мать позабыла про горе свое,
Когда ужѣ могила взяла и ее.

II. Вейнбергѣ.

К О Н Ъ.

(Изъ Варъе).

О, Франція! во время мессидора
Какъ дикій конь ты хороша была,
Не вѣдала, что значить бичъ и шпора,
Стальной узды носить ты не могла.

Ничья рука къ тебѣ не прикасалась,
Чтобъ оскорбить лихого скакуна;
Подъ всадникомъ враждебнымъ не сгибалась
Могучая, широкая спина.

Какъ хорошо, какъ дѣвственно-прекрасно
Блестала шерсть, несмятая нигѣмъ!
Поднявъ главу, ты ржала громогласно,
И цѣлый міръ былъ отъ испуга нѣмъ.

Но овладѣлъ скакуньею игривой
Герой-центавръ; плѣнился онъ тобой,
И корпусомъ, и поступью, и гривой,
Сѣлъ на тебя — и стала ты рабой.

Любила съ нимъ ты раздѣлять походы
При свистѣ пуль, въ дыму пороховомъ;
И предъ тобой склонялися народы,
Разбитые на полѣ боевомъ.

Ни день, ни ночь очей ты не смыкала,
Работала безъ отдыха съ тѣхъ поръ,
По мертвецамъ, какъ по песку, скакала,
Въ крови по груди — неслась во весь опоръ.

Пятнадцать лѣтъ, взметая поколѣнья,
Носилась ты на кровожадный пиръ;

Пятнадцать лѣтъ въ бояхъ, безъ сожалѣнья,
 Коштыми давила цѣлый міръ.

Но, наконецъ, безъ цѣли и предѣла
 Уставъ скакать и прахъ земной мѣсить,
 Изнемогла, и больше не хотѣла
 Топтать людей и всадника носить.

Подъ нимъ дрожа, шатаясь, умирая,
 Усталыя колѣна преклоня,
 Взмолилась ты; но бичъ родного края
 Не пощадилъ несчастнаго коня.

На слабый вопль онъ отвѣчалъ ударомъ,
 Бока сдавилъ у лошади сильнѣй,
 И въ бѣшенствѣ неукротимо-яромъ
 Всю челюсть вдругъ онъ сокрушилъ у ней.

Конь поскакалъ... но въ роковомъ сраженіи,
 Невзнузданный, свой бѣгъ остановилъ,
 Упалъ, какъ трупъ, и при своемъ паденіи
 Онъ подъ собой центавра раздавилъ!

Л. Трефолевъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

АНТРОПОЛОГИ ВЪ ЕВРОПѢ

ИХЪ СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ.

Предшественники новыхъ антропологическихъ обществъ и изданій. Парижское антропологическое общество. Эпоха 1863 года. Труды парижскаго общества. Нѣмецкіе съезды и нѣмецкій «Архивъ». Лондонское антропологическое общество. Его наступательная политика. Антропологи и этнологи. Антропологи и Британская ассоціація. Рѣчь Гукера въ 1868 г. Новое обвиненіе Гента. Конгрессы исторической антропологии. — Траншей науки. Борьба науки и преданія. Выдѣленіе науки и борьба міросозерцаній. Факты и аналогіи. Знаніе и развитіе ученыхъ. Гукеръ и Шафгаузенъ. Міросозерцаніе реалистовъ. Единство природы и теорія развитія. Дарвинизмъ. Моногенисты и полигенисты. Генеалогія человѣка. Выгодное положеніе антропологовъ. Философское значеніе новаго міросозерцанія. Право убійства и мученія. Человѣчскій родъ и человѣчество. Царство человѣка. Споры специалистовъ. Краіологи и лингвисты. Жизненное значеніе антропологическихъ обществъ въ наше время.

На нашихъ глазахъ развилась и сформировалась въ Европѣ новая наука—антропология. По живости многихъ вопросовъ, въ нее входящихъ, она привлекаетъ къ себѣ вниманіе не только специалистовъ, но и публики вообще. Въ общихъ журналахъ Франціи, Германіи и Англии можно встрѣтить часто статьи, указывающія на тотъ или другой вопросъ изъ этой науки. Такъ-какъ можно предполагать, что и у насъ могутъ быть, въ числѣ читателей, люди, интересующіеся этими вопросами, то мы хотимъ посвятить эту статью указанію тѣхъ главныхъ центровъ, въ которыхъ разрабатывается эта наука. Къ ней, можно сказать, съ самаго ея рожденія, приложены были тѣ способы, которые наше время считаетъ наилучшими для успѣховъ какой-либо отрасли науки, именно спеціальныя общества, или конгрессы специалистовъ и спеціальныя журналы. Нигдѣ не встрѣчалось такой необходимости въ примѣненіи того и другаго приема, какъ именно здѣсь, потому что разнообразіе отраслей новой науки, разнообразіе методовъ, требуемыхъ при изслѣдованіи ея вопросовъ, и въ то же время многосторонность весьма многихъ изъ этихъ вопросовъ указывала на то, что обрабатыва-

Т. СLXXXIII. — т. Од. II. 1

ніе антропологін отдѣльными личностями черезчуръ затруднительно и что лишь совокупный трудъ нѣсколькихъ специалистовъ можетъ устранить неизбѣжныя, въ противномъ случаѣ, промахи и недосмотры. Это вызвало составленіе этнологическихъ и антропологическихъ обществъ, устройство международныхъ сѣздовъ по антропологии и придадо преніямъ этихъ собраній живой интересъ. Журналы, избравшіе себѣ специальнымъ предметомъ антропологию, находили уже частію въ этихъ преніяхъ обширный матеріалъ, но, кромѣ того, подобныя изданія, при нѣскольکو искусной редакціи, могли разсчитывать на довольно обширный кругъ читателей, потому что, за исключеніемъ весьма немногихъ вопросовъ (преимущественно краниологін) предметы, входящіе въ кругъ антропологін, имѣютъ общій интересъ для образованныхъ людей, а, съ другой стороны, весьма часто затрогиваютъ самыя обширныя задачи теоретической и практической философіи. Все это придаетъ антропологическимъ обществамъ и изданіямъ особенное значеніе и позволяетъ надѣяться, что указанія на ихъ положеніе не будутъ лишены интереса для читателей нашего журнала ¹.

Давно уже замѣтили, что разработка всѣхъ отраслей антропологии превышаетъ силы одного человѣка и что это дѣло можетъ съ успѣхомъ быть ведено или цѣлымъ обществомъ, или специальными изданіями. Въ началѣ XIX вѣка находимъ въ Парижѣ «Общество наблюдателей человѣка» (Soc. des observateurs de l'homme) и въ немъ, по словамъ его секретаря Жофрѣ, были членами и корреспондентами самыя знаменитые путешественники и ученые. «Нельзя скрыть,—говоритъ Жофрѣ,—что (естественная) исторія человѣка, разсмотрѣнная въ отношеніи различныхъ мѣстностей, имъ обитаемыхъ, представляетъ еще лишь разбросанный и недостаточный матеріалъ. Достойно начинающагоса вѣка совершить, въ этомъ отношеніи, то, что было слишкомъ пренебрежено предыдущими вѣками, т.-е. не только изучать нравы и обычаи разныхъ народовъ, даже самыхъ дикихъ ордъ, но опредѣлить, помощью точныхъ наблюденій, вѣшнія формы разныхъ расъ, вліяніе климата на цвѣтъ жителей, словомъ—собрать необходимый матеріалъ для составленія полной и достоверной (естественной) исторіи человеческого рода.—Отдѣльные путешественники, не ставящіе себѣ ни опредѣленной цѣли, ни опредѣленнаго назначенія, никогда не достигали бы этого. Успѣхи антропологии могли быть ускорены лишь ученымъ обществомъ, самое названіе котораго показываетъ, что человѣкъ составляетъ специальную цѣль его работъ, и ускорить эти успѣхи оно можетъ, направляя ревность и вниманіе путешественниковъ; давая имъ розысканіямъ ту *цѣльность*, которая такъ нужна для

¹ Относительно объема и состава антропологии, а также ея исторіи до начала шестидесятыхъ годовъ нашего вѣка предлагаемъ читателю обратиться къ статьѣ «Совр. Обзор.» № 6.

полученія выводовъ; принимая на себя собраніе и послѣдовательное обнародованіе ихъ различныхъ наблюдений». Будешь, изъ рѣчи котораго ¹ мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, совнается, что онъ не знаетъ, долго ли существовало «Общество наблюдателей человѣка».

Во второмъ десятилѣтіи нашего вѣка возникъ первый антропологическій журналъ, именно въ Германіи. Это былъ журналъ Нассе «Zeitschrift für Anthropologie», который существовалъ съ 1818 года по 1830 годъ годъ ². Въ 1839 году Вильямъ Эдвардъ основалъ общество этнологовъ, переименованное скоро въ «Парижское общество этнологовъ». Его цѣль была, какъ сообщаетъ Брокъ ³, изучить одновременно «организацію человѣческихъ расъ, ихъ умственные особенности, ихъ языки и историческія традиции, чтобы возвести на этихъ истинныхъ основаніяхъ настоящую науку этнологіи». Это общество существовало до 1848 года и вызвало къ жизни этнологическія общества въ Лондонѣ и Нью-Йоркѣ. Послѣднее, основанное въ 1842 г., поставило себѣ цѣлю «успѣхи весьма важной и интересной области знанія, именно знанія человѣка и сферы, имъ обитаемой» ⁴.

Въ 1835 году основано опять въ Германіи специальное антропологическое изданіе, именно «Centralblatt für Anthropologie», но оно существовало всего 12 мѣсяцевъ ⁵.

Таковы были предшественники Парижскаго антропологическаго общества. Оно было основано 19-го мая 1859 года, когда ему придало это названіе его 19 членовъ-основателей, въ числѣ которыхъ прежде всего слѣдуетъ упомянуть Брокъ; за тѣмъ Изидора Жофруа Сентъ-Илера, Гратіола, Годара, и друг. ⁶. Первымъ его президентомъ былъ Мартенъ-Магронъ, совершенно неизвѣстная личность; имя его мы напрасно искали въ біографическихъ словаряхъ Вапрѣ и Дидо и онъ, кажется, во все продолженіе существованія общества, принялъ лишь разъ участіе въ дебатахъ, именно 21-го февраля 1861 года, когда дѣло шло о людяхъ, заговаривающихъ змѣй. Да еще, слагая съ себя президентство, 19-го января 1860 года, онъ поблагодарилъ сочленовъ за то, что они не отвергаютъ тѣхъ, «которые приносили обществу лишь чистыя чувства и добрую волю» ⁷. Почему выбрали первымъ президентомъ подобное ничтожество, сказать трудно. Съ тѣхъ поръ президенты были постоянно ученые знаменитости и постоянно мѣнялись.

Но съ перваго же дня и до этого времени секретаремъ обще-

¹ Рѣчь 2 января 1862 г. см. «Bulletins» d. l. soc. anthrop.» III, 2 и сл.

² См. «Journ. of the Anthropol. Soc. of London» III, CVIII.

³ Въ рѣчи 4 іюня 1863 г. Она переведена въ «Загран. Вѣстникъ» 1864 г.

⁴ Journal of the A. S. of L. III, XCVIII.

⁵ Тамъ же, CVIII.

⁶ «Bulletins» I, etc.

⁷ Тамъ же, 142.

ства былъ Поль Брокъ. Его мы видимъ участникомъ и руководителемъ во всѣхъ важнѣйшихъ преніяхъ. Его точка зрѣнія обыкновенно наиболѣе рациональна, столько же удалена отъ узкой специализаціи, какъ и отъ тенденціозной легкости. Ему особенно обязано парижское общество тѣмъ виднымъ значеніемъ, которымъ оно теперь пользуется.

21-го іюня 1864 года императорскій декретъ утвердилъ это общество, которое первымъ пунктомъ своего статута установило¹: «парижское антропологическое общество имѣть цѣлю научное изученіе человѣческихъ расъ». Сначала общество, кромѣ почетныхъ членовъ, корреспондентовъ и иностранныхъ сотрудниковъ (associés étrangers), имѣло два разряда членовъ: титулярныхъ членовъ и членовъ сотрудниковъ (associés), изъ которыхъ лишь первые могли входить въ составъ управленія и дополнять свое число новыми титулярными членами. Съ 1863 года эта разница уничтожена и всѣ члены признаны титулярными членами. Въ годъ утвержденія общества, оно имѣло 154 титулярныхъ члена, 6 почетныхъ, 36 иностранныхъ сотрудниковъ, 18 корреспондентовъ во Франціи и 8 за границею². Почетными его членами были съ 1860 года Бушъ де-Перть, Ренауъ и Серръ; съ 1861 года Мильнъ-Эдвардсъ, д'Авезакъ и Анри Мартенъ; съ 1863 года Литрзъ; съ тѣхъ поръ до 1867 г. прибавились Дюрюи и Лартэ. Нашему отечеству принадлежали въ началѣ 1867 г. три изъ его иностранныхъ сотрудниковъ: фонъ-Бэръ, Якубовичъ и Каталинскій; кромѣ того, въ числѣ членовъ, встрѣчаемъ Ханькова въ Парижѣ и Вешнякова въ Москвѣ. Члены общества вносятъ 20 франковъ. Общество собирается каждыя двѣ недѣли.

Съ самаго начала, общество имѣло двухъ секретарей, но съ 1863 г. оно имѣетъ главнаго секретаря, избираемаго на три года (Брокъ), и двухъ ежегодно смѣняемыхъ секретарей. Въ началѣ 1867 года число всѣхъ членовъ доходило до 315.

Общество издаетъ «Бюллетени» и «Оригинальныя записки», помѣщая въ первыхъ протоколы засѣданій и труды, не вошедшіе въ «Записки», но отосланные секретарямъ публикаціонною комиссіею, для помѣщенія въ «Бюллетенякъ». Эта публикаціонная комиссія изъ трехъ человѣкъ безусловно и безапелляціонно произноситъ свои рѣшенія. Она опредѣляетъ: публиковать, отложить или отвергнуть предлагаемые труды, опредѣляетъ порядокъ ихъ помѣщенія и входить въ сношенія съ авторами относительно измѣненій и сокращеній, которыя находятъ нужными.

Безспорно, что записки общества заключаютъ весьма интересныя и важныя научныя данныя, но несравненно интереснѣе «Бюллетени». Здѣсь, въ подробныхъ протоколахъ и извлече-

¹ «Bulletins» etc. II (1860), Statuts; V (1864) fasc. 3. Statuts.

² См. рѣчь Гратіоза 4 января 1864 года въ «Bullet.» V, 2—3.

ніяхъ, имѣемъ пренія парламента ученыхъ о самыхъ интереснѣхъ вопросахъ, касающихся науки о человѣкѣ. Здѣсь осуществляется несравненно совершеннѣе, чѣмъ въ засѣданіяхъ академіи, принципъ ассоціаціи мнѣній, о которомъ Брокъ говоритъ въ своей рѣчи, выше упомянутой: «Различныя отрасли антропологии, конечно, существовали, но сама антропология, къ которой онѣ сходятся, еще не существовала, и для того, чтобы организовать и оживить ее, нужно было кое что болѣе, чѣмъ усилія личностей. Гдѣ былъ умъ, достаточно всеобъемлющій, чтобы охватить столь различныя отрасли знаній? Умъ, способный согласить ихъ? Соединенные гениіи Аристотеля, Галлера и Гумбольдта были бы для этого недостаточны. Лишь оживляющій принципъ нашего времени, еще болѣе плодотворный на поприщѣ духа, чѣмъ на поприщѣ матеріальнаго прогресса, лишь ассоціація могла достигнуть этой пѣли, и для этого-то, м.м. г.г., составилось антропологическое общество».

Когда Брокъ произносилъ свою рѣчь, эпоха была самая удобная для работъ по антропологии. Три замѣчательныя личности въ наукѣ, Лайелль, Фогтъ и Гэксли, рѣшительно приступили къ теоріи Дарвина, обнародованной за четыре года передъ тѣмъ, и прилагали эту теорію къ антропологии въ трехъ одновременныхъ трудахъ, которые сами по себѣ имѣли большое научное значеніе и должны были составить точку исхода для всѣхъ дальнѣйшихъ разсматриваній. Гэксли въ своей небольшой книгѣ «О мѣстѣ человѣка въ природѣ»¹, представляетъ самый подробный разборъ вопросовъ, касавшихся систематики высшихъ челоѣко-образныхъ обезьянъ въ связи съ анатоміею челоѣка и съ требованіями правильной научной систематики. Книга Лайелля о древности челоѣка² давала самыя точныя результаты работъ, произведенныхъ въ Даніи надъ сорными кучами, въ Швейцаріи надъ озерными жилищами, въ Бельгіи надъ слѣдами пещернаго челоѣка, наконецъ, въ разныхъ мѣстахъ міра надъ древнѣйшими указаніями на существованіе челоѣка, и сводъ этихъ указаній, освященный опытностію и авторитетомъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ геологовъ современности, отодвигалъ древность существованія челоѣка въ неизмѣримую даль времени. Наконецъ, «Лекціи Фохта»³ въ блестящемъ, но чисто ученомъ изложеніи, нелишенномъ иногда ѣдкаго остроумія, развивали большинство вопросовъ по антропологии (за исключеніемъ этнологіи), съ обычною смѣлостію автора въ совершенно общедо-

¹ Переведено подъ редакціею А. Бекетова и подъ заглавіемъ: *Т. Г. Гэксли: «О положеніи челоѣка въ ряду органическихъ веществъ».* (Спб. 1864 г.).

² Въ русскомъ переводѣ: *«Лайелль. Древность челоѣка».* Пер. съ 5-го англ. изд. А. Ковалевскій. (Спб. 1864 г.).

³ Въ русскомъ переводѣ: *«Челоѣкъ и мѣсто его въ природѣ. Карла Фохта. Спб. 1863 и 1865 г.»* Не имѣя перевода въ рукахъ, не могу ничего сказать ни о достоинствѣ, ни о полнотѣ его, и не знаю, чьего онъ изданія.

ступной формѣ, и давали первое, вполне современное, руководство по новой наукѣ. Эти сочиненія были еще замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ три первостепенные ученые, по различнымъ областямъ естествознанія, приступали къ учению Дарвина, заявивъ прежде свое убѣжденіе въ неизмѣяемости видовъ. На сколько подобное явленіе рѣдко въ наукѣ, можно видѣть изъ словъ Гукера, президента Британской ассоціаціи въ нынѣшнемъ 1868 году. Упомянувъ о возраженіяхъ теоріи Дарвина со стороны геологовъ, Гукеръ замѣчаетъ: «Одинъ изъ нихъ, самъ по себѣ составляющій армію, ветеранъ сэръ Чарльзъ Лайелль, посвятившій дѣльми главы первыхъ изданій своихъ «Началь» (Principles) на утвержденіе учения о спеціальныхъ созданіяхъ (видовъ), отбрасываетъ это ученіе въ 10-мъ изданіи ¹ и еще поступаетъ такъ, по указанію своего ученика..... Я не знаю болѣе блестящаго примѣра героизма своего рода, какъ этотъ примѣръ, что авторъ, въ послѣднее время жизни, отбрасываетъ теорію, на которую впродолженіе 40 лѣтъ онъ смотрѣлъ, какъ на самое основное начало сочиненія, доставившаго ему высшее положеніе, достижимое ученымъ писателемъ. Конечно, онъ можетъ гордиться надстройкою возведеннаго на основаніи непрочнога ученія, когда онъ находитъ, что можно ее подпереть, подвести подъ нея новый фундаментъ, и, когда все кончено, то авторъ замѣчаетъ, что зданіе не только прочно, но болѣе гармонично въ своихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде, потому что, конечно, біологическія главы въ 10-мъ изданіи Principles болѣе гармонируютъ съ ученіемъ о медленныхъ измѣненіяхъ въ исторіи нашей планеты, чѣмъ то, что ихъ замѣняло въ предыдущихъ изданіяхъ» ².

Но не одни упомянутыя сочиненія по антропологіи составляли для этой науки эпоху въ разсматриваемый годъ. Въ 1863 году Бушэ де-Пертъ удалось найти первую достовѣрную востокъ доисторическаго человѣка въ древнѣйшихъ наносахъ, и въ томъ же году Дюнойе находилъ слѣды человѣческой жизни въ третичной формаціи (хотя послѣднее еще не вполне доказано). Подобныя открытія, наравнѣ съ появленіемъ первостепенныхъ сочиненій, возбуждали самыя живыя ожиданія и привлекали не только спеціалистовъ, но и людей общей образованности къ обсужденію антропологическихъ вопросовъ. Конечно, это придавало и преніямъ новыхъ обществъ живой интересъ.

Парижское общество касается всѣхъ сторонъ антропологіи, но съ особенною любовію останавливается на вопросахъ общей антропологіи, т. е. на разсмотрѣніи человѣческой группы въ ея цѣломъ и въ ея отношеніи къ другимъ животнымъ ³. Такъ въ

¹ Оно вышло въ нынѣшнемъ году.

² См. «Athenaeum» 1868 г. 22 Ang. стр. 247.

³ Въ своей замѣчательной статьѣ по антропологіи, помѣщенной въ «Nouv. dict. encyclopedique des sciences medicales» подъ словомъ *anthropologie*, Броуэ раздѣляетъ зоологическую антропологію отъ общей, но едва-ли это раздѣленіе имѣетъ особое значеніе.

1861 году споръ о строеніи и отравленіяхъ мозга и о рядѣ связанныхъ съ ними задачъ изъ физиологій мысли, тянулся чрезъ длинный рядъ засѣданій. Точно также споръ о вліяніи среды на человѣка, о вліяніи кровнаго союза между родственниками вызвалъ саміи жаркія пренія. Въ 1865 году мнѣніе Броня о доиндизаціи способности слова и мнѣніе Гассена о способности выражаться виввали вопросъ о различіи человѣка отъ животнаго, и о человѣческомъ царствѣ въ зоологій, и споръ длился еще въ 1867 году. Изъ этнологическихъ вопросовъ опять-таки самымъ общій, т.-е. наипаче этнологическій, вызвалъ самые оживленные и долгіе споры; это вопросъ о единствѣ неловѣческаго вида или множественности человѣческихъ видовъ. Изъ болѣе специальныхъ предметовъ въ этой области особенно было обращено вниманіе на національный для Франціи вопросъ о кельтахъ, а въ связи съ ними, и о индо-европейцахъ вообще. Впрочемъ, и многія племена были подвергнуты старательному обсужденію. Говоря объ этой области трудовъ парижскаго антропологическаго общества, слѣдуетъ съ особеннымъ уваженіемъ упомянуть о подробныхъ и весьма обстоятельныхъ инструкціяхъ, данныхъ этимъ обществомъ для антропологическаго изслѣдованія разныхъ странъ, именно Сенегала, Бразиліи, сѣверной Африки, Перу, Мексики, Чили, Сициліи, береговъ Чернаго моря и др. Это весьма важныя работы, опредѣляющія, что именно извѣстно и что подлежитъ еще изслѣдованію въ антропологическомъ обзорѣ каждой страны. Должно помнить, что именно Броня обязана антропологиі замѣчательными «Общими инструкціями для антропологическихъ изслѣдованій и наблюденій». Одобренныя въ засѣданіи 17-го іюня 1862 г., онѣ были напечатаны во второмъ томѣ «Записокъ Парижскаго антропологическаго общества» въ 1865 году, и въ томъ же году появились на русскомъ языкѣ, въ переводѣ А. Богданова, въ первомъ томѣ «Извѣстій антропологическаго отдѣленія общества любителей естествознанія, при императорскомъ московскомъ университетѣ», съ дополненіями, касающимися Россіи, хотя эти дополненія, по словамъ самого автора, «вовсе не имѣютъ той полноты, которую можетъ требовать важность затронутыхъ въ ней фактовъ». Конечно, при молодости антропологиі, въ настоящемъ ея состояніи, и при чрезвычайной обширности ея предмета, не мудрено, что иногда споры въ антропологическихъ обществахъ хотя затрагиваютъ весьма интересные предметы, но терются въ областяхъ ненаучныхъ. Примѣровъ этому можно привести не мало, и читатели этого журнала могутъ ознакомиться съ однимъ изъ этихъ примѣровъ по вопросу о смыслѣ цивилизаціи¹. Но должно замѣтить, что весьма рѣдко париж-

¹ Авторъ указываетъ здѣсь на статью «Цивилизація и дикіе народы», которая доставлена уже нѣтъ въ редакцію и будетъ напечатана въ «Отеч. Зап.» въ непродолжительномъ арамени. Ред.

ское общество даетъ подобнымъ спорамъ развитіе, выходящее за предѣлы научнаго приличія (что бываетъ-таки въ англійскомъ). Подъ вліяніемъ Бровѣ подобныя споры прекращаются, какъ только они оказываются безвыходными.

Во Франціи издается еще одинъ журналъ, относящійся спеціально къ антропологіи, но намъ до сихъ поръ удалось имѣть въ рукахъ лишь одну его тетрадку, и потому считаемъ лучшимъ привести объ немъ отзывъ К. Фогта въ библиографическомъ отчетѣ, о которомъ скажемъ ниже. Этотъ журналъ носить название: «*Materiaux pour l'histoire positive et philosophique de l'homme*», ежемѣсячный указатель работъ и открытій по антропологіи, по доисторическимъ временамъ, по эпохѣ наносной формации, по вопросамъ о видахъ и о самопроизвольномъ зарожденіи, съ иллюстраціями, изд. Габріэль Мортилье, появляется съ сентября 1864 г. Фогтъ отзывается объ немъ такъ¹: «весьма полезный; можетъ быть желательно бы болѣе критики въ допущеніи нѣкоторыхъ статей и менѣе поверхностности въ ихъ обработкѣ, но таковъ, каковъ онъ есть, это незамѣнимый сборникъ (*Repertorium*); даетъ все, что возможно, именно для Франціи и Италиі, доставляя свѣдѣнія о множествѣ изданій, очень мало распространенныхъ вслѣдствіе положенія тамошняго книжнаго дѣла».

Переходимъ въ Германію. Въ сентябрѣ 1861 г. собрался въ Гёттингенѣ съѣздъ антропологовъ, главными двигателями котораго были Карль-Эрнстъ фонъ-Бэръ и Рудольфъ Вагнеръ, и который былъ преимущественно представителемъ нѣмецкой антропологіи. На этомъ съѣздѣ фонъ-Бэръ сказалъ своимъ сочленамъ²: «Прежде чѣмъ профессоръ Вагнеръ и я, мы рѣшили пригласить васъ, мы рассмотрѣли различные способы, которыми можно обогащать и направлять антропологію. Предъ нами «Бюллетени парижскаго антропологическаго общества» съ ихъ разнообразнымъ содержаніемъ, и мы спросили себя, нельзя ли сдѣлать что-либо подобное и въ Германіи. Изданія этого общества отличаются и становятся поучительны живыми преніями о теоріяхъ разныхъ писателей и объ описаніяхъ путешественниковъ. Эти пренія исправляютъ или дополняютъ наблюденія, часто опирающіяся на весьма узкія данныя. Это изданіе дѣлается тѣмъ болѣе поучительно, что, рядомъ съ учеными спеціалистами по зоологіи, фізіологіи, антропологіи, медицинѣ и т. д., въ нихъ участвуютъ и другіе, именно — натуралисты и ученые путешественники, жившіе, или еще живущіе въ чуждыхъ странахъ. Ни одинъ нѣмецкій городъ не представляетъ подобнаго удобства. Германія не имѣетъ колоній. Въ ней нѣтъ недостатка въ ученыхъ, но рѣдки путешественники по чуждымъ

¹ «*Archiv f. Anthropologie*» I, 375 и сл.

² «*Bericht über d. Zusammenkunft einiger Anthropologen in Sept. 1861 in Goett. enstattet v. K. E. v. Boer und R. Wagner. (Leipzig, 1861).*»

странамъ, особенно тамъ, которые долго тамъ пробыли. Гамбургъ, можетъ быть, единственный нѣмецкій городъ, заключающій много путешественниковъ изъ разныхъ странъ свѣта, но это вообще купцы, которые жили въ столицѣ той или другой страны. Слѣдовательно нѣмцы, въ этомъ отношеніи, поставлены въ менѣе выгодное положеніе, чѣмъ ихъ сосѣди по ту сторону Рейна, въ особенности же сравнительно съ своими, болѣе счастливыми рѣдственниками, по ту сторону пролива. Слѣдовательно, они должны, кромѣ изслѣдованія матеріала, имъ доступнаго, ограничиться собираніемъ, перевариваніемъ и дополненіемъ антропологическихъ наблюденій и изданій другихъ народовъ». И Эккэръ говоритъ о проектѣ германскаго антропологическаго общества ¹: «лишь какъ съѣздъ (Wanderversammlung), какъ отдѣленіе собранія естествоиспытателей могло бы возникнуть подобное общество. Безъ сомнѣнія, оно и составится». Отчетъ, составленный фонъ-Бэромъ и Вагнеромъ, показали, что и способъ временнаго собранія ученыхъ можетъ дать весьма полезныя результаты для науки. Тогда же обсуждали планъ основанія центральнаго нѣмецкаго органа для антропологии, но онъ не осуществился «по многимъ встрѣтившимся затрудненіямъ», какъ выражается Эккэръ ². Думали-было устроить отъ времени до времени въ Германіи международный конгрессъ антропологовъ и Р. Вагнеръ пригласилъ антропологовъ на сентябрь 1864 года въ Гёттингенъ. При этомъ предполагалось посвящать каждый съѣздъ заранее опредѣленнымъ вопросамъ и составлять международную выставку череповъ и другихъ предметовъ, относящихся къ вопросамъ, разбираемымъ съѣздами. На съѣздъ 1864 года назначались четыре группы, состоящая изъ девяти расъ: 1) лапландцы и эскимосы, 2) китайцы и индусы, 3) кафры и готтентоты, 4) ново-голландцы, папуасы и океаническіе негры съ шерстистыми волосами. Для слѣдующихъ конгрессовъ предполагались вопросы о расахъ центральной Европы, о расахъ, расположенныхъ около Средиземнаго моря, наконецъ о первобытныхъ расахъ Европы. Вагнеръ посвятилъ этому проекту длинную записку, читанную имъ въ королевскомъ гёттингенскомъ обществѣ 24-го декабря 1862 года ³. Но этотъ проектъ остался безъ исполненія. Уже 6-го октября 1863 года Вагнеръ былъ пораженъ параличемъ. Въ началѣ 1864 года онъ разослалъ извѣщеніе, что конгрессъ отлагается, чему поводомъ, между прочимъ, была и война Германіи съ Даніей. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 13-го іюня 1864 года Р. Вагнеръ умеръ ⁴. Мы не имѣемъ свѣдѣній, чтобы международные конгрессы антропологовъ, начавшіяся въ 1865 году, находились въ какой-либо связи съ проектомъ фонъ-Бэра и Вагнера.

¹ «Archiv f. A.» I (1866), 5.

² Тамъ же.

³ «Bulletins» etc. III, 619 и сл.

⁴ «Bulletins» etc. V, 138, 447.

Въ Германіи до сихъ поръ не образовалось особеннаго антропологическаго общества, но 7-го іюня 1865 года собрались во Франкфуртѣ на Майнѣ Дозоръ изъ Невшателя, Эккеръ изъ Фрейбурга, Гисъ изъ Базеля, Линденшмидтъ изъ Майнца, Луко изъ Франкфурта на Майнѣ, Шафгаузенъ изъ Бонна, Фогтъ изъ Женева и Вальберъ изъ Галлэ, которые, вмѣстѣ съ отсутствовавшими фонъ-Бэромъ и Рютимейеромъ изъ Базеля, основали центральный органъ для антропологии на нѣмецкомъ языкѣ: «Archiv für Anthropologie»¹. Онъ началъ выходить съ 1866 года подъ редакцію Эккера и Линденшмидта. Журналъ этотъ поставилъ себѣ, по словамъ Эккера², задачей: «служить точною соединеніемъ для работъ по антропологии въ Германіи и въ странахъ, ей одноплеменныхъ». Въ немъ предполагалось соединить оригинальные труды, отчеты, переводы, небольшія сообщенія, корреспонденціи и библиографію предмета. Онъ долженъ былъ имѣть въ виду и ученыхъ и публику, заключать основныя статьи и популяризующія. Мы имѣемъ предъ собою два тома его, и надо отдать справедливость, что, по ученому достоинству, онъ далеко превзошелъ журналы какъ французскій, такъ и англійскій. Въ немъ, конечно, нѣтъ той живости, которую представляетъ полемика французскаго общества, или той смѣлости, которую англійское изданіе выставляетъ нѣсколько на показъ. Мелкія статьи и сообщенія въ немъ играютъ весьма незначительную роль, такъ что движеніе новой науки въ ней не такъ замѣтно. Но ни въ какомъ другомъ изданіи нѣтъ такихъ краниологическихъ изслѣдованій, какъ статьи Краузе, Гиса, Вальпера, Вейсбаха (собственно по взвѣшиванію мозга); такихъ разборовъ современнаго положенія вопроса объ озерныхъ жилищахъ, какъ обзоры Линденшмидта, или такой работы, какъ трудъ Фогта о малоголовыхъ, получившій Годаровскую премію въ Парижѣ. И болѣе популярныя статьи Фогта, Шафгаузена, Фрааса обработаны вполне научно. Вообще, каждая изъ подобныхъ статей даетъ столь полное понятіе о средствахъ антропологии, для разработки того или другаго вопроса, что недостатки современнаго состоянія науки и ея требованія выступаютъ совершенно выпукло. Но особеннаго вниманія въ нѣмецкомъ изданіи заслуживаетъ библиографія, часть которой ведется постоянно Фогтомъ. Чрезвычайная полнота и дѣльность, при крайней сжатости и мѣткости отзывовъ, составляютъ ея поразительное достоинство. Этотъ отдѣлъ не существуетъ въ англійскомъ и французскомъ изданіяхъ. Всего меньше мѣста въ нѣмецкомъ журналѣ имѣетъ этнологія. Весьма замѣтно, что въ изданіяхъ англійскомъ и французскомъ мы имѣемъ труды многихъ путешественниковъ, объѣздившихъ далекія страны; здѣсь же, почти исключительно, кабинетныхъ ученыхъ.

¹ «Archiv» etc. I, 5.

² Тамъ же.

Лондонское антропологическое общество, основанное 24 февраля 1863 года, т.-е. именно въ эпоху, когда интересъ въ антропологию былъ наиболѣе возбужденъ, представляетъ и въ характерѣ своей дѣятельности и въ изданіяхъ своихъ рѣзкое отличіе отъ парижскаго. Единственное сходство заключается въ томъ, что здѣсь, какъ и тамъ, главнымъ двигателемъ общества является одинъ человекъ. Въ Англіи это—Джемсъ Гэнтъ (Hunt), до 1867 года президентъ, въ 1867 году директоръ, а теперь опять президентъ общества; онъ каждый годъ скромно отказывается и каждый же годъ общество почтительно отклоняетъ его просьбу объ отставкѣ. Число членовъ англійскаго общества не только не менѣе французскаго, несмотря на его позднѣйшее основаніе, но даже болѣе. Черезъ два года послѣ своего основанія, въ январѣ 1865 года, оно заключало 453 члена, въ январѣ 1867 г.—706. Въ числѣ 26 его почетныхъ членовъ были всѣ главные знаменитости міра по антропологии. Само собою разумѣется, что въ числѣ ихъ былъ и фонъ-Бэръ. Три почетные секретаря общества замѣнены въ 1867 г. директоромъ, но особенность общества заключается въ томъ, что оно имѣетъ еще множество мѣстныхъ секретарей (local secretary), разбѣянныхъ какъ въ Англіи, такъ и по всему міру. Въ 1865 г., за предѣлами Англіи ихъ было 36, въ началѣ 1867 г.—57. Собранія Лондонскаго общества происходятъ съ ноября до іюня и бывають около 15 разъ въ году.

Читателя «Антропологическаго обозрѣнія» (Anthropological Review), которое, какъ увидимъ ниже, заключаетъ и органъ общества, могло поразить съ перваго же года то, что въ изданіи не встрѣчалось ни статута, ни устава, какъ въ парижскомъ обществѣ, но, въ ряду объявленій о новыхъ книгахъ, какъ подобныя объявленія обычны при англійскихъ журналахъ, помѣщено было и объявленіе о новомъ обществѣ.

«Лондонское антропологическое общество, 4, St Mortius place, Trafalgare square.

«Это общество составилось съ цѣлю содѣйствовать успѣхамъ строго-научнаго изученія антропологии. Оно намѣрено изучать человѣчество во всѣхъ важнѣйшихъ отношеніяхъ: въ физическомъ, умственномъ и историческомъ; изслѣдовать законы его происхожденія и развитія; опредѣлить его мѣсто въ природѣ и его отношеніе къ различнымъ животнымъ формамъ, и достигнуть этой цѣли путемъ терпѣливаго изслѣдованія, старательнаго наведенія и содѣйствія всѣмъ розысканіямъ, способствующимъ установленію фактической науки о человѣкѣ. Ни одно общество въ этой сторонѣ не ставило себѣ этой задачи, а потому учрежденіе этого общества представляетъ попытку устранить явный недостатокъ нашего времени.

«Это предполагается сдѣлать:

«1. Дѣлая собранія для чтенія статей и обсужденія различныхъ антропологическихъ вопросовъ.

«2. Печатая отчеты о статьяхъ и извлеченія изъ преній въ формѣ трехмѣсячнаго журнала, а также, печатая главныя записки, читаемыя предъ обществомъ, въ формѣ разсужденій (Transaction).

«3. Назначая должностныхъ лицъ или мѣстныхъ секретарей въ разныя мѣстности міра, для собранія систематическихъ свѣдѣній. Дѣло общества будетъ заключаться въ указаніи, какіе факты нужны и въ стремленіи этимъ путемъ къ систематическому развитію антропологій.

«4. Учредивъ старательно собранный и надежный музей и хорошую справочную бібліотеку.

«5. Печатая рядъ сочиненій по антропологій, содѣйствующихъ успѣхамъ дѣла общества. Это вообще будутъ переводы, но допустятся и оригинальныя произведенія ¹.

«6. Назначая отъ времени до времени различныя комитеты, которые составляли бы для общества доклады о спеціальныхъ предметахъ, имъ порученныхъ; результаты ихъ изслѣдованій были бы, во всякомъ случаѣ, доложены обществу.

Въ первой рѣчи президента общества, 24-го февраля 1863 года ², можно было видѣть уже характеръ, который оно получаетъ. Конечно, Гэнтъ говорилъ: «надо основать науку фактическую; будущія поколѣнія насъ будутъ болѣе благодарить за установленіе хорошихъ надежныхъ фактовъ, чѣмъ за какія бы то ни было смѣлыя умозрѣнія. Мы должны рѣшиться отбросить всѣ предположенія, дикія теоріи, и помнить, что великая задача антропологій можетъ быть рѣшена лишь на основаніи фактовъ, а не отвлеченной мысли. Можетъ быть, намъ придется ждать года... Но мы должны переждать наше время, мы должны помнить, что къ истинѣ ближе тотъ, кто ничего не принимаетъ на вѣру, чѣмъ тотъ, который вѣритъ въ ложный фактъ.» Тѣмъ не менѣе, рѣзкое отношеніе къ вѣрованіямъ, которыя въ Англіи

¹ Съ самаго начала предполагалось къ переводу:

Waitz: «*Anthropologie der Naturvölker*», съ котораго и начато.

Quatrefages: «*Unité de l'espèce humaine*».

Wagner: «*Bericht über die Arbeiten in der allgemeinen Zoologie und der Naturgeschichte des Menschen*».

Broca: «*Sur l'hybridité*».

Gosse: «*Mémoire sur les deformations artificielles du crâne*».

Gratiolet: «*Mémoire sur les plis cerebraux*».

Pouchet: «*Pluralité des races humaines*».

Кромѣ того переведено:

Vogt: «*Vorlesungen über den Menschen*» вслѣдъ за появленіемъ.

Blumenbach: «*Anthropologische Abhandlungen*» и нѣкоторыя другія.

Въ 1867 г. книги Вайца, Фогта, Гостальди, Брокъ и Пушэ были въ продажѣ. Были изготовлены для печати сочиненія Андрея Ретціуса и Гратіоля. Приводимъ этотъ списокъ, потому что онъ даетъ читателю приблизительное понятіе о современной литературѣ важнѣйшихъ сочиненій по антропологій въ Англіи.

² «*Anthr. Rev.*» I, 1 и слѣд.

принято уважать, и частое возвращеніе къ подобнымъ вопросамъ, показывало, что Гэнтъ придаетъ вообще обществу характеръ агрессивный, что англійская респектабельность и осторожность, въ отношеніи преданія, не найдетъ мѣста въ этихъ со-вѣщаніяхъ. Точно также, въ рѣчи Гэнта сразу проявилось, что высшія отношенія антропологическаго общества займутъ въ исторіи его первыхъ лѣтъ столь же видное мѣсто, какъ ученныя пренія. Съ насмѣшкою отнесся онъ къ «этнологическому обществу», котораго дѣятельность, по правдѣ сказать, была довольно ничтожна. Мысль о завоеваніи лучшаго положенія для антропологии въ Британской ассоціаціи, чѣмъ то, которое было пред-оставлено этой наукѣ, заявлена была Гэнтомъ весьма рѣши-тельно. Но и относительно официальнаго положенія антропо-логии, онъ заявилъ довольно широкія требованія. «Мы должны основать великую науку, и намъ нужны будутъ работники какъ дома, такъ и за границею. Чтобъ эти работники принесли дѣй-ствительную пользу, они нуждаются въ предварительной под-готовкѣ (training). Изъ ихъ умовъ должны быть удалены всѣ бабьи сказки, и они должны быть научены желать фактовъ и искать истины. Антропологъ нуждается въ подготовкѣ, подобно ботанику, зоологу, геологу. Но эта подготовка не можетъ быть дѣломъ общества, подобнаго нашему... Она должна быть дѣ-ломъ публики. Правительство должно оказать антропологамъ такую же помощь, которую оказываетъ геологамъ. Конечно, неразумно дѣлать болѣе для исчезнувшихъ, чѣмъ для настоя-щихъ формъ животной жизни. Если правительство должно со-дѣйствовать трудамъ антропологовъ, то университеты обязаны сдѣлать изъ науки о человѣкѣ специальный предметъ изученія. Я предвижу день, когда во всѣхъ нашихъ университетахъ будутъ профессора, единственнымъ предметомъ трудовъ кото-рыхъ будетъ наука (philosophy) о человѣчествѣ... Мы должны употребить всѣ силы на нашу работу, и скоро публика увидитъ, что ея собственная польза и благо человѣчества вообще требуетъ, чтобы научное изученіе человѣка сдѣлалось частію національ-наго обученія».

Антропологическое общество и сохранило въ своей дѣятель-ности тотъ характеръ, который пытался придать ему его пре-зидентъ съ самаго начала. Оно, конечно, говорило о фактахъ, собирало ихъ и дало рядъ ученыхъ преній и диссертаций, изъ которыхъ инны имѣютъ безспорное научное значеніе. Но для чистой науки его пренія имѣютъ несравненно менѣе важности, чѣмъ пренія французскаго общества, а часто они получали ха-рактеръ на столько поверхностный, что докладчикъ парижскаго общества могъ сказать объ одной статьѣ: ¹ «я бы не говорилъ объ этой статьѣ, еслибы она не была читана предъ лондон-скимъ обществомъ». Другая рѣчь (3-го февраля 1866 г.) вы-

¹ «Bulletins» V, 9 и сл.

звала со стороны нѣкоторыхъ членовъ громко высказанную надежду, что эта статья не найдетъ мѣста ни въ одномъ изъ изданій общества, но она, все-таки, вошла въ «Записки».

Зато въ отношеніи права науки на свободное исследование и на пренебреженіе всѣми соображеніями, ограничивающими это право, лондонское антропологическое общество явилось самымъ энергическимъ дѣятелемъ. Не говоря уже о весьма смѣлой постановкѣ вопросовъ о происхожденіи и древности человѣка, о единствѣ человѣчества или множествѣ видовъ его, достаточно прочтеть пренія о значеніи миссіонерства для развитія дикихъ племенъ, пренія, въ которыхъ участвовалъ знаменитый епископъ Наталъ, Коллензъ¹, чтобъ убѣдиться въ воинственномъ настроеніи лондонскаго антропологическаго общества, не только неизбѣгающаго опасныхъ вопросовъ, но всего болѣе на нихъ останавливающагося.

Несравненно менѣе интереса для лицъ, не принадлежащихъ къ этому обществу, имѣла война, непрерывно имъ веденная съ этнологическимъ обществомъ. Предметъ ихъ занятій совершенно одинаковъ, но одно общество драхтуетъ, тогда какъ другое развиваетъ всѣ свои силы. Попытки соединить оба общества въ ноябрѣ 1864 г. и позже не удалась, потому что ни то, ни другое не желало серьезно соединенія. Всего страннѣе для посторонняго читателя то, что споръ преимущественно вертѣлся на превосходствѣ словъ *этнологія* и *антропологія*, и на ихъ относительномъ значеніи. Гэнтъ даже посвятилъ значительную часть своей рѣчи 3-го января 1865 г. на разборъ этихъ словъ и на длиннѣйшій рядъ цитатъ изъ всевозможныхъ авторовъ, употреблявшихъ оба слова. Конечно, этого предмета онъ не исчерпалъ, и нѣмецкая литература могла бы ему представить еще множество примѣровъ употребленія слова *антропологія* съ самыми разнообразными значеніями. Онъ пытался даже доказать, что слово «этнологія» вовсе употреблять не должно.

Въ тѣсной связи съ этой, нѣсколько мелочной борьбой, была борьба лондонскаго общества за приличное положеніе въ «Британской ассоціаціи», гдѣ этнологія имѣла мѣсто, но весьма плохое. Когда Британская ассоціація явилась на свѣтъ въ 1831 году, то объ этнологіи и антропологіи еще не было и рѣчи, какъ объ особыхъ наукахъ. Въ 1844 году этнологіи дали особый подъ-отдѣлъ въ зоологическо-ботаническомъ отдѣлѣ Д. Въ томъ же году этнологи Кингъ, Причардъ и другіе потребовали особаго отдѣла для этнологіи, но ихъ требованіе было отвергнуто, и въ 1847 г. Причардъ писалъ:² «Лишь въ собраніяхъ Британской ассоціаціи этнологія занимаетъ подчиненное мѣсто

¹ Съ этими преніями читатель познакомится изъ названной выше статьи «Цивилизація и дикіе народы», которую мы скоро напечатаетъ. *Ред.*

² «Transactions of the Ethnol. Soc.» I. Цитата въ «Journ. of the A. S. of L.» III, LXXXIX.

въ отдѣлѣ естественной исторіи. На это приводятъ причину, что естественная исторія человѣка составляетъ часть естественной исторіи живыхъ существъ, и что очевидно удобнѣе отнести къ одному отдѣлу (естественную) исторію всѣхъ организованныхъ существъ, именно — всѣхъ существъ, которыя живутъ въ видѣ ряда послѣдовательныхъ поколѣній, предназначенныхъ къ тому, чтобы одно за другимъ возникало, процвѣтало и гибло — судьба, которой одинаково подчинены цари созданія и черви, ими попираемые, и растенія, и животныя, имъ служащія для насущной пищи. Однако, хотя въ систематическомъ расположеніи, естественная исторія человѣка можетъ составить отдѣленіе зоологіи, но легко показать, что главное содержаніе этнологическихъ изслѣдованій совершенно отлично отъ зоологіи, и отнесеніе обоихъ предметовъ къ одному отдѣлу Британской ассоціаціи могло возникнуть только по недоразумѣнію». Въ 1850 году, по предложенію Родерика Мэрчисона, этнологія отдѣлена отъ зоологіи и ботаники, но для еще худшей участи. Она была соединена съ географіею въ отдѣлѣ Е, называемомъ обыкновенно *дамскимъ отдѣломъ* (lady's section), потому что чтенія этого отдѣла имѣютъ преимущественно общезанимательный характеръ. Этнологи постоянно жаловались, что ихъ записки смѣшаны съ множествомъ записокъ о желѣзныхъ дорогахъ, телеграфахъ, полярныхъ льдахъ, и т. п. Въ такомъ положеніи было дѣло при основаніи лондонскаго антропологическаго общества.

Въ первой же своей рѣчи Гэнтъ заявилъ, что «для науки о человѣкѣ совершенно невозможны какіе бы то ни было успѣхи, пока она занимаетъ второстепенное и подчиненное мѣсто въ отдѣлѣ Е... Антропология можетъ быть разсматриваема, какъ послѣдній томъ зоологіи, можетъ быть, съ нѣкоторою прибавкою. Поэтому, нѣтъ сомнѣнія, что настоящее мѣсто антропологии или въ отдѣлѣ Д, или въ подъ-отдѣлѣ, непосредственно связанномъ съ группою ученыхъ, изслѣдующихъ другія отрасли животной жизни». Но, съ одной стороны, было очевидно, что на этомъ скромномъ требованіи антропологи не останутся; съ другой, что воинственный духъ новаго общества не по сердцу «Британской ассоціаціи», хранящей традиціи другого свойства. Когда еще въ 1860 году Гэнтъ цитировалъ предъ собраніемъ ассоціаціи въ Оксфордѣ мнѣніе Вайца о древности человѣка, превосходящей 3500 лѣтъ, а, можетъ быть, достигающей и нѣсколькихъ милліоновъ лѣтъ, это мнѣніе было встрѣчено взрывомъ хохота¹. Многочисленныя вліянія дѣйствовали на «Британскую ассоціацію» въ 1863, 1864 и 1865 годахъ для устраненія предполагаемой опасности отъ перенесенія свободныхъ взглядовъ антропологическаго общества въ среду англійскаго ученаго конгресса. «Вообще говорили — пишеть «Антро-

¹ «Anthr. Rev.» I, 6.

пологическое обозрѣніе» въ 1865 г.¹ — что свобода совѣщаній установившаяся въ «Антропологическомъ обществѣ», возбуждала страхъ, какъ бы что подобное не проникло и въ новый отдѣлъ» (предполагавшійся для антропологін).

Одну изъ антропологическихъ статей хотѣли-было отвергнуть въ ассоціаціи, какъ «относящуюся къ нравственнымъ вопросамъ», принимая слова *моногенія* и *политенія* за *моногомію* и *политамію*. Несмотря на эти препятствія, антропологи предприняли завоевать себѣ приличное мѣсто въ Британской ассоціаціи.

Въ 1863 г. въ Ньюкестлѣ былъ поднятъ уже вопросъ по этому предмету. Гинксъ заявилъ о необходимости особаго отдѣла для антропологін. Гэнтъ и другіе антропологи требовали, чтобъ отдѣлъ Е получилъ названіе отдѣла географін, этнологін и антропологін. Это требованіе было отвергнуто, и сейчасъ же оказались задрудненія. Были статьи (о древнихъ черепахъ), которыя пересылались изъ отдѣла геологін въ отдѣлъ физиологін, а оттуда въ отдѣлъ географін и этнологін. Въ 1864 году въ Басѣ (Bath) депутаты антропологическаго общества получили опредѣленныя инструкціи² «поддерживать предложеніе о признаніи антропологін въ отдѣлѣ Е.» Депутатамъ было поручено, при неудачѣ этого предложенія, выставить другое, чтобъ отдѣлъ Е былъ предоставленъ географін и антропологін. Оно было замѣнено впоследствии другимъ — требовать отдѣла Н для антропологін. «Если же комитетъ не захочетъ признать антропологін ни въ отдѣлѣ Е, ни другимъ приличнымъ образомъ, то вы возвратите статьи въ общество».

Увеличеніе числа ученыхъ по антропологін давало особенную силу предложенію, но антропологическое общество встрѣтило живую оппозицію въ «Этнологическомъ обществѣ» и особенно въ его президентѣ Крзуфордѣ (Crawford). Этнологи возражали противъ слова *антропологін*; они вліяли на общій комитетъ ассоціаціи, чтобы не дать антропологін особаго отдѣла. Они не допустили антропологовъ въ отдѣлъ Е. Кромѣ того комитетъ принялъ за угрозу порученіе, данное депутатамъ антропологическаго общества возвратитъ статьи. Но уже въ этотъ годъ антропологін сдѣлалась силою. Странно показалось, что множество однородныхъ статей о человѣческихъ черепахъ и объ остаткахъ доисторическаго быта читалось въ разныхъ отдѣленіяхъ. Заговорили заграничныя ученые. Заговорила пресса. Въ 1865 году, предъ собраніемъ въ Бирмингемѣ, Гэнтъ объявилъ, что единственное приличное положеніе для антропологін есть особый отдѣлъ. Если же онъ не будетъ допущенъ, то совѣтъ общества рѣшился созвать антропологическій конгрессъ, выра-

¹ Anthr. Rev. III, 362.

² «Journal of the A. S. of L.» III, LXXXIV.

жал, впрочемъ, крайнее нежеланіе это сдѣлать ¹. «Антропологическое обозрѣніе», въ июльской книжкѣ того же года, говорило о дѣйствіяхъ этнологическаго общества: «должно быть, въ этой странѣ наука выродилась до жалкаго положенія, если какое либо, такъ называемое—ученое общество, дѣйствуетъ подобнымъ образомъ» ², и далѣе: «мы бы должны стыдиться упорнаго *Джонъ-Булизма*, который одинъ продолжаетъ не допускать эту науку занять признанное положеніе въ нашемъ англійскомъ національномъ ученomъ конгрессѣ» ³. Въ Бирмингемѣ, въ общемъ комитетѣ ассоціаціи, Гэнтъ дѣйствительно потребовалъ особеннаго отдѣла для антропологии, указывая на ея обширное развитіе. Мэрчисонъ, отъ имени совѣта, объявилъ, что онъ предлагаетъ отвергнуть это предложеніе, такъ-какъ неудобно увеличивать число отдѣленій далѣе 7, и въ теченіе 34 лѣтъ, это первое подобное предложеніе. Грове говорилъ въ томъ же смыслѣ. Райтъ (Wright) предложилъ отнести антропологию въ отдѣлъ Д, назвавъ его отдѣломъ физиологии и этнологіи. Ли (Lee) прибавилъ къ этому еще антропологию. Филиппсъ предложилъ, чтобы впередъ всякое подобное предложеніе объ увеличеніи и измѣненіи отдѣловъ переходило въ комитетъ представленій (Recommendation Committee). Главный комитетъ нетерпѣливо потребовалъ голосованія и отвергъ предложенія Райта, Ли и Гэнта. Предложеніе Филиппса было принято. Объ немъ говорили, что изъ него намѣревались сдѣлать «гробъ для антропологовъ» ⁴.

Гэнтъ снова предложилъ въ комитетѣ отдѣла Е признать антропологию частію этого отдѣла, или создать особый для этнологіи и антропологии. Это было отвергнуто, но наконецъ Мэкензи внесъ примирительное предложеніе объ устраненіи спорныхъ словъ и о требованіи новаго отдѣла для «Науки о человѣкѣ» (Science of man). Всѣ согласились. Комитетъ представленій сначала объявилъ, что желаніе отдѣла Е будетъ исполнено. Антропологи согласились принять то, что будетъ, каково бы ни было названіе. Но темныя силы, враждебныя антропологическому обществу, работали, и подъ конецъ президентъ ассоціаціи, профессоръ Филиппсъ, объявилъ, что этнологія остается на мѣстѣ, но антропологию присоединяютъ къ зоологическому отдѣлу Д ⁵.

«Во всякомъ случаѣ — говорить «Антропологическое обозрѣніе» ⁶ — наука о человѣкѣ будетъ имѣть отдѣлъ въ Британской ассоціаціи, и мы думаемъ, что немногіе годы пройдутъ до этого... Результатъ бирмингемскаго собранія болѣе, чѣмъ что либо, содѣйствовалъ успѣху вашего (антропологовъ) дѣла.

¹ «Journal of the A. S. of I.» III, XCI.

² «Anthr. Rev.» III, 226.

³ Тамъ же, 226.

⁴ Тамъ же, III, 354 и сл.

⁵ Тамъ же, 365 и слѣд.

⁶ Тамъ же, 368 и слѣд.

Пресса обратила на него вниманіе и узнала кое что о вашемъ положеніи. Узнали, что ваше дѣло правое; вамъ нужно лишь терпѣніе и единство дѣйствія».

Дѣйствительно, въ слѣдующемъ году антропологическое общество одержало побѣду. Въ 1866 году въ Ноттингемѣ Британская ассоціація допустила образованіе особаго антропологическаго подѣла; именно отдѣлъ (section) Д назначенъ былъ на біологію и, особенно вслѣдствіе вліянія его президента Гексли, этотъ отдѣлъ раздѣленъ былъ на два *подѣла* (department), изъ которыхъ одинъ былъ посвященъ *наукамъ о человѣкѣ*¹. Антропологи этимъ не довольствовались и хотѣли завоевать больше, тѣмъ скорѣе, что эта мѣра была временною; но слѣдующіе два года обманули ихъ ожиданіе. Въ 1867 году, при собраніи ассоціаціи въ Донди (Dundee), отдѣлъ Д вовсе не былъ раздѣленъ на подѣлы, а слово «этнологія» снова появилось въ отдѣлѣ Е, вмѣстѣ съ географіею. Последнее обстоятельство повторилось и въ нынѣшнемъ году, на собраніи въ Норвичѣ, между тѣмъ какъ біологія была раздѣлена на отдѣлы фізіологіи и зоологіи вмѣстѣ съ ботаникою.

Тѣмъ не менѣе дѣло антропологовъ нельзя считать проигранымъ. Напротивъ, всѣ данныя указываютъ на вѣроятность того, что скоро антропологія займетъ видное мѣсто въ Британской ассоціаціи и въ британской наукѣ вообще. Отсутствіе антропологическихъ статей въ норвичскомъ собраніи было замѣчено. Отчетъ о засѣданіи отдѣла Е (географіи и этнологіи) говорить:² «Нельзя сказать, чтобы засѣданія отдѣла Е представляли что либо столь особенно интересное, способное усвоить собранію въ Норвичѣ специальное воспоминаніе. Происхождение человѣка, единство или множественность человѣческаго рода, характеристика негровъ, начало цивилизаціи и другіе близкіе къ тому предметы, въ которыхъ съ такою гордостью расходится богословская полемика съ людьми науки, и споры о которыхъ такъ внимательно выслушиваются большинствомъ присутствующихъ и большинствомъ публики, все это почти совершенно отсутствовало въ преніяхъ». Совѣтъ ассоціаціи тоже замѣтилъ это, и общій комитетъ ея положилъ исключить, на будущее время, слово *этнологія* изъ отдѣла Е. «Вѣроятно — говорить приведенный уже отчетъ³ — что въ слѣдующіе годы отдѣлъ Д (біологіи) будетъ подраздѣленъ, какъ въ 1866 году въ Ноттингемѣ, такъ что образуеетъ подѣлъ этнологіи или антропологіи».

Особенно ясно растущее значеніе антропологіи въ Англійи выразилось на этомъ же собраніи въ рѣчи его президента, Гукера⁴. Онъ нѣсколько разъ возвращался къ этой наукѣ, на-

¹ «Anthr. Rev.» VI, 386; «Journal of the A. S. of L.» V, и сл.

² «Quart. Journ. of Science» Oct. 1868, № XX, 540.

³ Тамъ же, 534.

⁴ Рѣчь Гукера см. въ «Athenaeum» 22 авг. 1868 года № 2130, стр. 248—248.

ходящейся въ своей зарѣ», изслѣдованія которой суть, «могутъ быть самія увлекательныя изъ всего, что возбуждало способности человѣка, и не могутъ не вызвать всего сочувствія членовъ Британской ассоціаціи когда ведутся, какъ теперь, въ истинно-научномъ духѣ и подчиняясь научнымъ методамъ». Подъ самый конецъ своей рѣчи онъ выразился о розысканіяхъ относительно древности человѣка слѣдующимъ образомъ: «Море времени раздѣляетъ своими волнами періодъ, о которомъ говорятъ древнѣйшія преданія нашихъ предковъ, отъ болѣе ранняго періода, когда человѣкъ впервые появился на землѣ. Напрасно спрашиваетъ человѣкъ у своихъ духовныхъ учителей о пути чрезъ это море. Наука предлагаетъ ему служить лопманомъ если не чрезъ море, то вдоль по его ближайшему берегу. Каждое новое открытіе о доисторическомъ человѣкѣ есть какъ бы столбъ, воздвигнутый на скалѣ, обнаженной отливомъ моря, и на этихъ столбахъ когда-нибудь воздвигнуть арки, которыя поведутъ человѣка далѣе чрезъ глубины моря. Правда, что наука, быть можетъ, никогда не измѣритъ глубинъ этого моря, не переплыветъ его мелей и не изслѣдуетъ его самыхъ узкихъ заливовъ, но она будетъ продолжать свои постройки на всѣхъ скалахъ, обнажаемыхъ отливами, и не сочтетъ своей обязанности выполненною, пока она не измѣритъ самой темной глубины и не достигнетъ самаго дальняго берега, или пока не докажетъ, на основаніяхъ, еще неизвѣстныхъ человѣку, что первая неизмѣрима, а послѣдній недостижимъ». Если припомнимъ, какія затрудненія встрѣчали предъ тѣмъ антропологи и какая оппозиція дѣйствовала противу нихъ въ средѣ самой Британской ассоціаціи, то эти слова человѣка, избраннаго президентомъ ассоціаціи, имѣютъ свое значеніе.

Мы остановились нѣсколько на этой борьбѣ антропологовъ, хотя она не имѣетъ особеннаго научнаго значенія, но она важна для современной исторіи мысли. Тѣ же силы, которыя прежде зажигали костры и бросали ученыхъ въ темницы инквизиціи, дѣйствуютъ и теперь, но въ болѣе скромныхъ формахъ, вѣчно враждебныя всѣмъ проявленіямъ свободной мысли и свободнаго слова. Каковы бы ни были недостатки лондонскаго антропологическаго общества, но справедливо указать на ту дѣятельность, въ которой англійское общество стоитъ впереди своихъ братьевъ. Оно завоевало для антропологии официальное признаніе гораздо быстрѣе, чѣмъ сдѣлалось бы это другимъ путемъ, и оно же объявило смѣло, что наука о человѣкѣ имѣетъ столько же правъ относиться *чисто* научно къ своимъ вопросамъ, устраняя *всякія* постороннія соображенія, какъ и всякая другая наука.

Но провозглашая права науки, лондонское антропологическое общество недостаточно позаботилось сдѣлаться ея достойнымъ представителемъ. Слишкомъ часто пренія его теряютъ всякое научное значеніе; записки, помѣщаемыя въ его изданіяхъ, допускаютъ самыя странныя гипотезы, и даже личное достоинство

главныхъ его дѣятелей не безупречно. Уже было сказано, что Гэнтъ играетъ въ немъ преобладающую роль. Но онъ, какъ человѣкъ, далеко не обладаетъ тактомъ, съ которымъ Броуэ являлся въ Парижѣ почти всегда представителемъ не только науки, но и передоваго направленія мысли. Гэнтъ особенно неловко повелъ борьбу противу дарвинизма, оскорбляя при этомъ людей, подобныхъ Гэскли, но еще ниже онъ выказалъ себя, когда, вслѣдствіе того, что негры для него раса низшая, онъ выступилъ защитникомъ звѣрствъ Эйра на Ямаикѣ. Уже это уронило его и общество, гдѣ онъ вліятельнѣйшая личность. Но въ послѣдніе мѣсяцы противъ него поднялось и еще обвиненіе, довольно оскорбительнаго свойства. Въ связи съ изданіями общества «Лондонское антропологическое общество» издается съ самаго начала свой журналъ (*Journal of the Anthropological Society of London*), заключающій краткіе отчеты о засѣданіяхъ, и «Записки». Журналъ его появился въ 1863 году, какъ составная часть «Антропологическаго обозрѣнія» (*Anthropological Review*), особеннаго трехмѣсячнаго изданія, о которомъ было извѣстно лишь, что оно печатается у Требнера. Уже въ третьемъ выпускѣ отчеты о засѣданіяхъ общества обособились подъ названіемъ «*Transactions of the Anthr. Soc. of London*». Съ 1864 г. Журналъ издается вмѣстѣ съ «Обозрѣніемъ», но съ особой пагинаціей. Въ 1868 г. къ этому присоединился было еще третій отдѣлъ (*Popular magazine*), назначенный для популярныхъ статей. Отношеніе «Журнала общества» къ «Обозрѣнію» оставалось неопредѣленнымъ до нынѣшняго года. Общество не отвѣчало за статьи Обозрѣнія, какъ редакція послѣдняго не отвѣчала за то, что помѣщалось въ «Журналѣ общества». Статьи Обозрѣнія были весьма различны по достоинству. Иныя заслуживали полнаго вниманія по интересу сообщаемыхъ фактовъ, но многія были очень слабы. Въ послѣдніе годы полемика противъ «Этнологическаго общества», противу Мэрчисона и Гэскли приняла такой рѣзкій характеръ, что возбудила неудовольствіе многихъ членовъ. Кромѣ этого весьма многіе находили, что экономическія дѣла общества ведутся дурно и полагали, что для него было бы выгодно не имѣть ничего общаго съ «Обозрѣніемъ» или приобрести этотъ журналъ въ собственность. Объ этомъ упоминалось не разъ въ отчетахъ совѣта общества и въ рѣчи президента. Въ 1864 г. Гэнтъ поздравлялъ общество съ выгодами его союза съ «Обозрѣніемъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ высказывалъ неудобство пріобрѣтенія «Обозрѣнія» обществомъ. Въ 1867 году онъ отъ имени совѣта выражалъ мнѣніе, что «Обозрѣніе» оказало услуги обществу и что общество надѣется имѣть возможность помочь собственникамъ «Обозрѣнія» возвысить еще его научное достоинство. Кто были эти собственники, было неизвѣстно. Внезапно 15-го августа нынѣшняго года появляется въ «*Athenaeum*» письмо Клэрка, гдѣ онъ высказывалъ, что дѣла общества ведутся весьма дурно, что виною всему связь съ «Обозрѣ-

ніемъ», вовлекающимъ общество въ долги, и прямо обвинялъ Гэнта въ злоупотребленіяхъ. Съ тѣхъ поръ полемика не перестаетъ идти на страницахъ «Athenaeum». Клэрка хотѣли выключить изъ общества, но достаточнаго большинства не оказалось. И вдругъ, 26-го сентября въ «Athenaeum» появляется письмо Гэнта, гдѣ онъ объявляетъ, что онъ, Гэнтъ, былъ и остался единственнымъ собственникомъ «Обозрѣнія» и отвѣтственнымъ его издателемъ. Разумѣется, противники обрадовались и объявили, что онъ этимъ сознался въ шарлатанствѣ и барышничествѣ (puffery and jobbery). Конечно, у него враговъ много и возможно еще, что его дѣйствія не имѣютъ характера эксплуатаціи общества. Но должно сознаться, что президентъ ученаго общества, выхваляющій изданіе, составляющее втайнѣ его собственность, ставить себя въ весьма неловкое положеніе. Надо подождать, чѣмъ кончится дѣло, но оно, вмѣстѣ съ предыдущимъ, доказываетъ, что Гэнтъ не изъ тѣхъ людей, которые партия свободы мысли можетъ безбоязненно ставить въ члѣмъ своихъ руководителей.

Съ 1867 года антропологическія общества размножились. Въ 1865 г. была попытка открытія антропологическаго общества въ Испаніи. Другое открыто въ Нью-Йоркѣ. Въ 1866 г. открыто общество въ Манчестерѣ. Предполагались они и въ другихъ мѣстахъ, но на сколько предположенія исполнились, мы не имѣемъ свѣдѣній ¹.

Въ декабрѣ 1864 г. имѣло свое первое засѣданіе и антропологическое отдѣленіе общества любителей естествознанія при московскомъ университетѣ, но ему мы уже посвящали особую статью.;

Укажемъ вкратцѣ еще на международные съѣзды антропологовъ по специальному вопросу древностей человѣка. Эти съѣзды происходятъ ежегодно въ различныхъ городахъ, и нынѣшній слѣдуетъ считать четвертымъ (хотя его большею частію называютъ третьимъ). Въ 1865 г. собрался первый международный конгрессъ палеонтоологовъ (ислѣдователей древняго человѣка) въ Спецціи. Объ немъ мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній. Въ августѣ 1866 г. конгрессъ собрался въ Невшателѣ подъ предсѣдательствомъ Дезора. На немъ встрѣчаемъ, между прочимъ, записки К. Фогта, Дюпона, Дезора, Мортилье ². Въ августѣ 1867 года конгрессъ собрался подъ предсѣдательствомъ Лартэ въ Парижѣ ³. Секретаремъ былъ Мортилье. Вопросы, назначенные на обсужденіе, были слѣдующіе:

18-го августа. При какихъ геологическихъ условіяхъ и среди какой флоры и фауны нашли въ разныхъ странахъ міра древ-

¹ Съ нихъ см. въ антропологическихъ журналахъ, указанныхъ выше.

² «Archiv f. Anthropol.» I, 399.

³ Только что объявленъ въ продажѣ отчетъ о засѣданіяхъ этого конгресса, и я его еще не видалъ.

нѣйшіе слѣды человѣка? Какія измѣненія могли произойти съ тѣхъ поръ въ распредѣленіи материковъ и водъ?

20-го августа. Повсемѣстно ли люди жили въ пещерахъ? Принадлежать ли пещерные жители одной и той же расѣ и эпохѣ? Если нѣтъ, то какія можно допустить раздѣленія и каковы существенные признаки этихъ отдѣловъ?

22-го августа. Слѣдуетъ ли приписать мегалитическіе памятники (изъ огромныхъ камней) одному и тому же народу, который послѣдовательно обиталъ въ разныхъ странахъ? Если такъ, то какимъ путемъ онъ шелъ? Каковы были его послѣдовательные успѣхи въ искусствахъ и ремеслахъ? Наконецъ, какое можно допустить отношеніе между нимъ и жителями озерныхъ построекъ, имѣвшихъ подобныя же ремесла?

24-го августа. Слѣдуетъ ли разсматривать бронзу на Западѣ какъ продуктъ туземнаго производства, или какъ слѣдствіе насильнаго завоеванія, или какъ результатъ новыхъ торговыхъ отношеній?

26-го августа. Каковы главныя характеристическія черты ранняго періода желѣза въ разныхъ странахъ Европы? Относится ли эта эпоха къ доисторическому времени?

28-го августа. Чтò извѣстно объ анатомическихъ особенностяхъ человѣка въ доисторическій періодъ отъ древнѣйшаго времени до появленія желѣза? Можно ли, особенно въ Западной Европѣ, доказать послѣдовательность нѣсколькихъ расъ и охарактеризовать эти расы?

Наконецъ послѣднее собраніе конгресса доисторической археологіи (*Pre-historie archeology*) имѣло мѣсто въ нынѣшнемъ году въ Норвичѣ, одновременно съ собраніемъ Британской ассоціаціи въ томъ же городѣ. Президентомъ былъ Лэббокъ. Изъ трехмѣсячнаго журнала науки узнаемъ, что на немъ участвовали и читали свои статьи Тэйлоръ, Гэксли, Роллестонъ, Эвѡнсъ и другіе. Не встрѣчаемъ имени ни одного иностраннаго участника ¹.

Чтò же сдѣлали антропологическія общества и изданія? При той энергической дѣятельности, которая въ нихъ проявляется, какіе именно пункты выдвинулись впередъ въ настоящее время? Успѣли ли они уже что-либо сдѣлать для науки? Имѣютъ ли они жизненное значеніе въ исторіи мысли современной Европы?

Относительно научныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ въ антропологіи, можно цитировать слѣдующія слова фонъ-Бэра: «Всякая великая научная задача,—говоритъ онъ ²,—подобна укрѣп-

¹ «*Quart. Journ. of Sc.*» Oct. 1868, № XX, 546 и слѣд.

² См. статью объ этнографико-краниологической коллекціи импер. санкт. академіи въ «*Bullet. d. l. classe phys.-math.*» etc. XVII. Цитата Гента въ «*Journ. of the A. S. of L.*» III, LXXXVII.

ленію, къ которому можно приблизиться лишь понемногу, подводя траншеи. Вообще полагаютъ сначала, что укрѣпленіе можно взять приступомъ, но скоро становится яснымъ, что мы говорили не о самой вещи, а только о ея призракѣ, о ея изображеніи въ нашемъ умѣ. Поэтому будемъ работать и рыться понемногу впередъ, защищаясь фашинами критики; современемъ, мы постепенно подойдемъ ближе и увидимъ конецъ яснѣе предъ нашими глазами, а, между тѣмъ, хорошо укрѣпимся на внѣшнихъ верхахъ. Если мы никогда не овладѣемъ всею крѣпостью помощью нашихъ траншей, причину тому, можетъ быть, надо искать въ обстоятельствахъ, — придерживаясь прежней метафоры, — что природа не трусливый комендантъ, сдающійся, какъ только взяты внѣшніе верхи».

Описаніе этихъ *траншей* науки и медленныхъ, послѣдовательныхъ ея завоеваній принадлежитъ изслѣдованію частныхъ вопросовъ, до которыхъ нельзя коснуться лишь мимоходомъ. Они требовали бы спеціальнаго изслѣдованія. Здѣсь имѣются въ виду лишь общія, главныя направленія въ разработкѣ антропологии. Въ нихъ, конечно, далеко не все научно; часто высказывается желаніе вопросъ приступить; но связь этихъ вопросовъ съ современнымъ мышленіемъ и съ настоящими задачами науки такова, что и ненаучной постановкѣ вопросовъ здѣсь нельзя отказать въ значеніи, хотя слѣдуетъ ее строго различать отъ научной. Антропология употребляетъ всѣ усилія, чтобы выдѣлнить гипотетическіе элементы изъ своихъ работъ и сдѣлать свои изслѣдованія отъ нихъ независимыми; антропология и станетъ *вполнѣ* наукою лишь тогда, когда оставитъ ихъ совсѣмъ въ сторонѣ. Но до сихъ поръ эти ненаучныя мнѣнія заявляютъ себя безпрестанно; они составляютъ жизненный элементъ въ развитіи науки, и потому нельзя не обратить на нихъ вниманія.

Первая, основная, существенная борьба, проявляющаяся въ большей части вопросовъ, о которыхъ мы говоримъ, есть борьба, выходящая за предѣлы антропологии, старая борьба, которая начинается съ перваго періода исторіи человѣческой мысли, составляетъ важнѣйшій жизненный элементъ этой исторіи и еще долго, долго не кончится. Это — борьба между свободою мысли и установившимся преданіемъ, предвзятымъ мнѣніемъ, связаннымъ съ священными текстами. За нее страдали Анаксагоры въ древнихъ Аѳинахъ, какъ Галилеи въ XVII вѣкѣ, какъ Штрауссы въ XIX-мъ. Для новой Европы, это вопросъ существенный, какъ *свобода науки*. Поставленный въ XVII вѣкѣ, этотъ вопросъ создалъ новую Европу, когда получилъ утвердительное рѣшеніе. Но затѣмъ онъ преобразовался въ другой: гдѣ предѣлы науки? Весь XVIII вѣкъ бился за то, чтобы отодвинуть ихъ возможно далѣе, и передалъ XIX вѣку защиту своего рѣшенія въ такомъ видѣ: «*нетъ* вопроса, котораго бы наука не имѣла права коснуться, прилагая къ нему свои критическіе методы».

Но вотъ здѣсь-то и выступаетъ оппозиція партіи преданія. Она противопоставляетъ категорическому утвержденію противниковъ столь же категорическое утвержденіе: «*есть* вопросы, которыхъ наука не имѣетъ права касаться и которыхъ касаться вовсе бесполезно, потому что эти вопросы уже рѣшены разъ навсегда и болѣе точно, чѣмъ могла бы наука рѣшить какой бы то ни было вопросъ. Это *всѣ* вопросы, на которые даетъ свой отвѣтъ священное преданіе, неоспоримый авторитетъ». Противники выставляютъ на видъ историческія доказательства погрѣшности авторитетовъ, заключаются ли они въ папскихъ энцикликахъ, или въ Коранѣ или въ Ведахъ; выставляютъ на видъ противорѣчія въ преданіяхъ, ихъ недостоверность, ихъ различное пониманіе въ разное время. Но тутъ уже защитники преданія отрицаютъ вовсе всякую возможность спора, относя къ запрещеннымъ областямъ именно разборъ основательности священныхъ авторитетовъ и преданій. Какъ только споръ дошелъ до этого фазиса, то партія науки и преданія перестаютъ понимать другъ друга. Ни та, ни другая уступить *не можетъ*, и является множество вопросовъ, къ которымъ обѣ партіи приступаютъ, каждая съ своими особенными методами рѣшенія. Немудрено, что и результаты получаются иные. Вопросъ изъ области мысли переходитъ въ область жизни и споръ мнѣній обращается въ борьбу личностей, пытающихся уже не доказать другъ другу ошибочность взгляда противника, но лишить его возможности высказывать и распространять этотъ взглядъ.

Мы находимъ эту борьбу во всѣхъ странахъ Европы. «Прошло время, — говоритъ Гэнтъ, открывая лондонское антропологическое общество ¹, — когда можно было обойти вопросы, къ разбору которыхъ мы приступаемъ. Благодаря распространенію мысли и свободы, публика требуетъ, чтобъ всѣ предметы, относящіяся до человѣка, были свободно и открыто разобраны. Она начинаетъ понимать, что дѣйствительно истины опасаться нечего. Крикъ объ «опасности» можетъ раздастся, но публика уже не отвѣтитъ на него. Она слышала его такъ часто, что онъ не производитъ болѣе впечатлѣнія. Астрономія и геологія выдержали нападенія, когда онѣ осмѣлились излагать истины природы... Что бы ни вышло, мы должны мужественно дѣлать свое дѣло, не отворачиваясь ни направо, ни налево, чтобы обратить вниманіе на обвиненія, которыя бросаетъ въ насъ невѣжество, фанатизмъ и зависть... Съ нашей стороны, мы должны старательно избѣгать нападокъ на чьи бы то ни было религіозныя убѣжденія. Мы не имѣемъ права нападать или высказывать мнѣнія въ области предметовъ религіи или богословія. Наше дѣло — просто отыскивать истину, собирая терпѣливо факты, и потомъ старательно и смиренно пытаться объяснять значеніе и важность фактовъ». Подъ конецъ онъ приводитъ слова Форбеса: «Выс

¹ «Anthr. Rev.» I, 18.

пая цѣль человѣка — открыть истину; исканіе истины есть его благороднѣйшее занятіе. Еще болѣе: это его обязанность. Каждый шагъ впередъ въ наукѣ и въ изученіи показываетъ намъ, какъ тѣсно связаны всѣ науки. Въ этой, еще не изслѣдованной, связи заключается глубокая философія, философія весьма важная для человѣка; будемъ искать ее... Мы всѣ братья... Одному приятно одно, другому — другое. Будемъ же работать вмѣстѣ, какъ товарищи, для нашего общаго счастья и радости. Зачѣмъ людямъ ссориться между собою, если они слѣдуютъ разнымъ ученіямъ? Тѣ, которые ищутъ истину надлежащимъ образомъ, симпатизируютъ одинъ другому и, какъ бы ни были противоположны ихъ настоящія мнѣнія, они не унижаютъ мнѣнія противника, но способствуютъ его развитію, зная, что, какъ ни далеки, повидимому, одинъ отъ другаго пути, ими избранные, они ведутъ къ одной цѣли, и, слѣдуя этими путями, они должны встрѣтиться въ одномъ и томъ же желанномъ храмѣ».

Конечно, это прекрасно, но въ томъ фазисѣ борьбы, о которомъ мы говоримъ, оно уже невозможно. Противники не могутъ допустить и того, что другой путь ведетъ къ истинѣ. Они смотрятъ одинъ на другаго, какъ на людей, *напрямно извращающихъ* истину. Они не только мыслятъ разумно, они еще *дѣйствуютъ* иначе. И Форбесъ не совсѣмъ правъ: открытіе истины и ея исканіе не есть еще *высшая* цѣль человѣка. Это лишь *половина* его дѣла, первый шагъ на пути совершенія дѣла. Истину не только надо открыть, ее надо еще *воплотить въ жизнь*. Сообразно ей, надо *дѣйствовать*. И вотъ тутъ-то партія науки и партія преданія не могутъ мирно подать руку другъ другу, на той точкѣ борьбы, о которой мы говоримъ. Ихъ требованія радикально противоположны. Одна говоритъ: эти вопросы рѣшать *слѣдуетъ*; другая: ихъ рѣшать *не должно*. Перейдя изъ области мнѣнія въ область нравственной обязанности, споръ возбуждаетъ неумолимую вражду.

Между тѣмъ, возможно, если не примиреніе и не прекращеніе ожесточенной борьбы, то, по крайней мѣрѣ, выдѣленіе изъ нея *науки* и поставленіе этой послѣдней внѣ арены, на которой сталкиваются личности разнаго направленія. Это даже лежитъ въ историческихъ стремленіяхъ нашего вѣка. Вопросъ XVII вѣка о *правѣ* науки получилъ въ концѣ XVIII вѣка опять новую форму. Если *объективно* наука предѣловъ не имѣетъ, то *субъективно*, какъ процессъ познающаго духа, она получаетъ ихъ неизбежно въ самыхъ свойствахъ этого духа, и потому приходится замѣнить вопросъ: какіе предметы, *по ихъ сущности*, входятъ въ область науки? другимъ: какіе предметы, *по способу человѣческаго познания*, входятъ въ область науки? Тогда немедленно вся область мышленія распадается на міръ знанія, къ которому приложимы точные методы изслѣдованія, и на міръ метафизики, гдѣ эти методы мѣста имѣть не могутъ. Вся сущность вещей или вещи *сами въ себѣ* разомъ отдѣляются изъ науки въ область

мнѣній, предположеній, построеній, вѣрованій, но уже никакъ не знаній, и не потому, что ихъ изслѣдовать *не должно*, а потому, что о нихъ *ничего научно знать нельзя*. Но раздѣленіе это вовсе иное, чѣмъ прежде. Наука отдѣлена отъ метафизики не такъ, что иные вопросы принадлежатъ первой, другіе второй. Нѣтъ, во всѣхъ вопросахъ есть элементъ, принадлежащій наукѣ, доступный ея изслѣдованіямъ, о которомъ она можетъ получить совершенно опредѣленные и точные результаты. Но рядомъ съ нимъ находится другой элементъ, къ которому ея методъ неприложимъ и который поневолѣ передается метафизикѣ. Напримѣръ, по вопросу о душѣ, наука можетъ прослѣдить исторически развитіе мнѣній по этому предмету, объяснить ихъ происхожденіе въ связи съ знаніями и вѣрованіями каждой эпохи, разобрать процессъ психическихъ явленій, указать ихъ зависимость отъ явленій физическихъ и вліяніе первыхъ на послѣднія; но затѣмъ—она остановится, и вопросъ о томъ, есть ли слово «душа» лишь отвлеченная формула для группы явленій, или нѣчто реальное внѣ этой формулы, и какія ея отравленія *отъ* разобранныхъ явленій, *до* ихъ начала, *по* ихъ прекращеніи, — до этого наука касаться не можетъ. Это можетъ *для себя* рѣшить ученый, какъ и всякій другой человѣкъ, но онъ это рѣшаетъ уже не на основаніи научнаго изслѣдованія, а на основаніи собственнаго мнѣнія, чужаго авторитета той или другой метафизической партіи, на основаніи того или другаго *неопутыимаго текста*.

Если строго раздѣлить эти два элемента въ каждомъ вопросѣ, то окажется, что партія преданія въ каждомъ вопросѣ дорожитъ *именно тѣмъ*, что относится къ *сущности дѣла*, къ вещамъ *самимъ въ себя*, а самые факты для нея довольно индифферентны. Поэтому ей собственно вовсе и не слѣдуетъ бороться противъ свободы мысли въ *науку*, потому что свобода мысли въ *науку* вовсе ея не касается. Ее беспокоитъ не то, что ученый говоритъ: мы *знаемъ* объ этихъ историческихъ явленіяхъ *то-то*, а о естественныхъ *то-то*; партію преданія беспокоитъ, когда ученый затѣмъ говоритъ: *слѣдовательно*, всего вѣроятнѣе, что дѣло было *такъ-то* и что связь этихъ явленій *надо* *себя* *представить* *такъ-то*. Но это дѣло *личности*, а не *науки*. Другой изъ тѣхъ же фактовъ дѣлаетъ иное заключеніе. Борьба подобныхъ личностей съ партией преданія и партіи преданія противъ нихъ совершенно естественна; она была и будетъ. Желательно, чтобы она шла открыто, не прибѣгая къ насиліямъ закона и предоставляя всякому взвѣсить борющіяся міросозерцанія, такъ-какъ эти міросозерцанія борются *должны*. Въ этомъ исторія человѣческой мысли. Но это борьба въ области *міросозерцаній*, а на область *науки* никакимъ образомъ перенесена быть не должна. Разбирать и оцѣнивать *фактическое* положеніе всякаго вопроса есть *право* науки и право, противъ котораго нельзя спорить во имя какого бы то ни было преданія. На этомъ могли бы помириться или прекратить борьбу наука и преданіе.

Но затрудненіе лежитъ въ томъ, что люди, занимающіеся учеными вопросами, почти никогда не останавливаются на предѣлѣ *возможности* научнаго изслѣдованія. Они переступаютъ предѣлъ частью по неясному сознанію процесса *научнаго* познанія, частью по всегдашнему стремленію человѣка перейти отъ пониманія частныхъ къ цѣльному представленію, отъ науки къ философіи. И вотъ столь же категорически, какъ въ *предѣлахъ пониманія*, они произносятъ свои рѣшенія и *отъ* этихъ предѣловъ, выставляютъ метафизическіе афоризмы о сущности вещей, называя это *наукою* и, начиная борьбу съ другими міросозерцаніями, увѣряютъ себя и другихъ, что они ведутъ эту борьбу во имя науки. Но они вредятъ этимъ и наукѣ, и себѣ. Право бороться за свое міросозерцаніе (выработанное или заимствованное) принадлежитъ имъ безспорно, но какъ мыслящимъ *единицамъ*, а не какъ представителямъ науки. Борясь *во имя науки*, они вызываютъ вражду противъ нея со стороны людей, которымъ она должна бы быть вовсе индифферентна, и какъ бы прикрываются щитомъ фактовъ, гдѣ должно бы говорить смѣло о *мысляхъ*; интересами *мысли*, когда слѣдуетъ выступить прямо борцами за интересы *жизни*. Съ другой стороны, они ослабляютъ въ глазахъ спокойныхъ наблюдателей и свой научный авторитетъ, когда другіе со стороны видятъ, какъ они сознательно или бессознательно смѣшиваютъ одно съ другимъ и говорятъ о научномъ *знаніи* тамъ, гдѣ вовсе ничего *знать* нельзя. Большинство горячихъ споровъ, которые ведутся въ области антропологии, какъ и въ разныхъ другихъ областяхъ человѣческой мысли, противу партіи преданія, относятся именно къ такимъ внѣ-научнымъ элементамъ вопросовъ. Не самые вопросы тутъ раздражаютъ, но то міросозерцаніе, въ которое ихъ вставляютъ.

Я надѣюсь, что уже изъ предыдущаго читатель не станетъ выводить заключенія, будто я считаю самую борьбу, о которой сказано выше, вредною. Напротивъ, я сказалъ уже, что каждой мыслящей единицѣ принадлежитъ право бороться за свое міросозерцаніе; что исторія человѣческой мысли заключается въ борьбѣ противоположныхъ міросозерцаній, и что, поэтому, подобныя міросозерцанія борются *должны*. Но міросозерцанія указываютъ не объемъ знаній человѣка, а его *развитіе*, его участіе въ жизненныхъ вопросахъ его времени. Человѣкъ, обладающій огромнѣйшей эрудиціей, какъ только онъ коснулся жизненнаго вопроса, лежащаго за *фактами* его знанія, можетъ стать въ ряды самой ретроградной партіи по теоріи міра и по практикѣ жизни, потому что, *какъ человекъ*, онъ стоитъ низко въ ряду современниковъ. Съ другой стороны, мы ежедневно видимъ, что молодежь, неуспѣвшая пріобрѣсти никакихъ обширныхъ знаній, инстинктивно примыкаетъ къ тому міросозерцанію, которое въ данную минуту принадлежитъ къ числу передовыхъ; мы видимъ, что уваженіе личности борца за идею,

вѣра въ честность и чистоту его стремлений, группируетъ около него обширную партію послѣдователей, которые принимаютъ его міросозерцаніе изъ убѣжденія, что подобный человѣкъ не усвоилъ бы міросозерцаніе, не придумавши его основаній и слѣдствій. Здѣсь развитіе опережаетъ знаніе, какъ въ первомъ примѣрѣ оно отставало отъ него. Въ ретроградныхъ, какъ въ прогрессивныхъ міросозерцаніяхъ, всегда лишь очень небольшое меньшинство обладаетъ достаточными знаніями и достаточною силою мысли, чтобы *для себя* продумать и провѣрить всѣ частности міросозерцанія. Нѣкоторое число усвоиваетъ себѣ хотя аргументацію руководителей; остальные не дѣлаютъ и этого, а довольствуются догматическимъ утвержденіемъ того, что имъ *кажется* теоретически яснѣе и практически нравственнѣе. Успѣхъ человѣчества, конечно, требуетъ, чтобы первые преобладали и увеличивались по числу, но исторія доказываетъ, что на фактѣ преобладаютъ послѣдніе и что они-то борются всего энергичнѣе. Долго еще, въ практической борьбѣ за успѣхи мысли, побѣды и пораженія будутъ зависѣть отъ числа приверженцевъ послѣдняго рода въ партіи реакціи или въ партіи прогресса.

И такъ знаніе ученаго и его *развитіе* — двѣ разныя вещи. Въ знаніи всѣ ученые стоятъ на одной почвѣ, употребляютъ одинакія орудія и не особенно часто могутъ придти къ ожесточенному спору. Но по *развитію* они неизмѣримо отличаются одинъ отъ другаго и часто едва могутъ понимать одинъ другаго. Индифферентизмъ къ успѣхамъ мысли, подленькое желаніе подслужиться вліятельной партіи или вліятельному лицу, трусливое опасеніе выйти изъ обычной рутинѣ, привычка преклоняться предъ идолами преданія — всѣ эти побужденія, толкающія неученыхъ людей въ лагерь ретроградовъ, могутъ точно также руководить и ученымъ. Въ то же время другой его собрать, нисколько не превосходящій его знаніемъ фактовъ или неуступающій ему въ обладаніи точными методами, развилъ въ себѣ любовь ко всему, расширяющему горизонтъ человѣческой мысли: независимость характера, вражду къ рутинѣ и къ идоламъ всякаго сорта. И надо замѣтить, что оба они, въ области *фактовъ точною знанія*, будутъ говорить или, по крайней мѣрѣ, могутъ говорить совершенно одно и то же, а въ результатахъ, нисколько не искажая науки, могутъ разойтись на противоположные полюсы.

Дѣло въ томъ, что точные факты составляютъ лишь незначительную долю того, что входитъ въ область научной мысли. Ученые безпрестанно прибѣгаютъ къ пособію *аналогіи*, и вотъ тутъ-то начинается разница. Для того, чтобы найти аналогію между двумя или болѣе явленіями, даже не весьма далекими, нужно уже нѣчто болѣе, чѣмъ знаніе. Нужно соображеніе, охота сблизить то, что само собою не совпадаетъ, нужна *живая работа мысли*. *Талантливые* ученые отличаются отъ болѣе тупыхъ именно въ умѣннѣ угадывать вѣрныя аналогіи, и отъры-

тіе обширной аналогіи дѣлается важнымъ шагомъ въ наукѣ. Но самая простая аналогія уже *не очевидна*, не есть безспорный фактъ и потому допускаетъ споры. Въ нихъ ученые подраздѣляются: у однихъ мысль живѣе, у другихъ лѣнливѣе; одни обладаютъ большимъ развитіемъ, побуждающимъ ихъ охватить возможно широкій горизонтъ; другіе меньшимъ, вслѣдствіе котораго имъ непріятно выйти изъ самыхъ узкихъ и мелкихъ соображеній. Простѣйшія аналогіи въ наукѣ весьма мало отличаются отъ такъ-называемыхъ законовъ явленій, но отъ нихъ идетъ непрерывный рядъ все расширяющихся аналогій и возрѣвній, рядъ, въ концѣ котораго находимъ самыя широкія философскія міросозерцанія. Чѣмъ дальше идемъ на этомъ пути, тѣмъ *личность* ученыхъ получаетъ болѣе возможности внести свое развитіе въ аналогическія сближенія. Пова факты не *противостоятъ* аналогіямъ, до тѣхъ поръ каждый ученый имѣетъ право, по особенностямъ своего развитія, по своимъ привычкамъ мысли, выбирать для своего личнаго употребленія ту или другую аналогію. Его можно считать революціонеромъ или ретроградомъ, поклонникомъ новизны или малоразвитымъ человѣкомъ, но *знаніе* его остается неприкосновеннымъ. Можно не уважать его, какъ человѣка, или какъ мыслителя за то, что онъ допускаетъ сближеніе, которое нельзя и вредно въ нашихъ глазахъ, или можно ставить его высоко, опять-таки какъ человѣка и какъ мыслителя, за то, что онъ нашелъ обобщающее начало, обобщающее болѣе ширины мысли человѣка и болѣе свободы его дѣйствію. Но это дѣло личности, а не *науки*. Наше міросозерцаніе расширилось, но наше знаніе не увеличилось отъ новой аналогіи. Всякая аналогія къ понятію прибавляетъ нѣкоторое представленіе, и эти представленія уясняютъ понятія того, кто можетъ усвоить себѣ представленіе. Но понятіе не *требуетъ* представленія и наука не *обязываетъ* насъ ни къ какому *представленію*, предоставляя его нашему личному развитію и нашимъ жизненнымъ привычкамъ.

Мнѣ скажутъ: такъ проще и вѣроятнѣе себѣ представить дѣло, потому что аналогичнѣе. Положимъ, оно удобнѣе для меня, для васъ, для третьяго; но для четвертаго, можетъ быть, совершенно иное; а то, что наука *знаетъ*, не нуждается въ болѣе или менѣе удобномъ *представленіи*: оно одинаково для всѣхъ, лишь бы они *поняли*, въ чемъ дѣло. Развѣ нужно какъ-нибудь особенно представлять себѣ свойства треугольниковъ, продукты разложенія воды, измѣненія зародыша въ яйцѣ, метаморфозу насѣкомаго, форму цвѣтка, относящую растеніе къ тому или другому ботаническому семейству, измѣненіе слова при переходѣ отъ одного родственнаго языка къ другому? Оно *такъ*, и одинаково *такъ* для всякаго, кто привыкъ наблюдать и дѣлать умозаключенія. Это — *знаніе*. Для него не нужно никакого особаго развитія, а только тщательное изученіе факта. Но отъ данныхъ науки сдѣлать *еще* шагъ и перейти къ міросозерца-

нію — дѣло иное: въ немъ именно выказывается *развитіе* чело-
вѣка. Одинъ остановится на самомъ простомъ, потому что ему
нѣтъ необходимости притягивать въ науку посторонніе элемен-
ты. Другой непремѣнно примѣшаетъ къ наукѣ личныя сообра-
женія, и міросозерцаніе его выдѣлетъ сложнѣе. Третій захочетъ
еще болѣе сложной комбинаціи — и она для него *удобнѣе*, чѣмъ
самая простая. И каждый съ своей точки зрѣнія правъ: каждый
имѣетъ право бороться за свое міросозерцаніе, потому что въ
міросозерцаніе каждый человекъ вноситъ не только то, что онъ
знаетъ, а *всею собою*. Наука есть одинъ изъ элементовъ развитія
и ему способствуетъ, но люди борются за свободу мысли или
противъ нея, не смотря по тому, что они знаютъ, но смотря по
тому, на сколько это знаніе вошло въ ихъ общее міросозерца-
ніе, въ ихъ жизненныя потребности.

Ученые, борющіеся за свободу мысли, за то или другое міро-
созерцаніе, должны ясно сознать, что они борются *какъ личности*,
и отвѣчаютъ каждый за свое мнѣніе, какъ личности. Они
отстаиваютъ *свое* развитіе, *свои* жизненныя взгляды, *свои* при-
вычки мысли и оспариваютъ развитіе, взгляды, привычки мысли
другихъ людей. Они могутъ сказать, что современный строй
мысли, современныя задачи жизни требуютъ принятія такого-то
взгляда или отверженіе другаго. Но они не имѣютъ права ска-
зать, что *наука* этого требуетъ; она требуетъ лишь одного:
знанія и пониманія фактовъ, отсутствія противорѣчія съ ними.
Все остальное — вѣвъ ея. Личности борются за прогрессъ или
реакцію: имъ слава или позоръ. Міросозерцанія оспариваютъ
другъ у друга господство въ обществѣ: жизнь и исторія произ-
несутъ приговоръ надъ ними. Но наука лежитъ вѣвъ борьбы.
Она устанавливаетъ факты, которые не пошатнутся и не сдви-
нутся никакое міросозерцаніе. Она опредѣляетъ почву, на ко-
торой личности воздвигаютъ болѣе или менѣе прочныя, болѣе или
менѣе воздушныя зданія своихъ воззрѣній. Но почва — одно, а
зданія, на ней построенныя — другое. Какъ бы они ни были
прочны и прекрасны, они — не почва. Люди должны бороться
и должны знать, за что они ведутъ борьбу. Но наука должна
оставаться почвою нейтральныхъ фактовъ.

Борьба за антропологию и противъ нея вполнѣ подходитъ
подъ то, что мы говорили; это борьба направленной мысли;
борьба міросозерцаній, но вовсе не борьба въ *области* знаній.

Гукеръ высказалъ ¹ въ своей рѣчи слѣдующую мысль о со-
временномъ значеніи антропологии въ одной изъ ея отраслей:
«Доисторическая археологія (историческая антропологи́я) есть по-
слѣдній изъ ряда свѣточей, рассвѣявшихъ мракъ вѣковъ (ages)

¹ «Athenaeum» № 2130, 233.

и замѣнившихъ уважаемыя преданія научными истинами. Астрономія... прежде другихъ вырвала факель изъ рукъ догматическихъ учителей, разрушила букву и почтила смыслъ закона. За нею слѣдовала геологія, но лишь послѣ двухъ вѣковъ. Она указала, что животная и растительная жизнь существовали человѣку мірадами годовъ... Наконецъ, новая наука объявляетъ, что самъ человѣкъ жилъ на землѣ, можетъ быть, за многія тысячи лѣтъ до начала историческаго періода». Не ограничиваясь одною отраслю антропологии, Шафгаузенъ за годъ предъ тѣмъ, 23 сентября 1867 года, говорилъ ¹ въ 41-мъ собраніи нѣмецкихъ естествоиспытателей и медиковъ: «Не сговариваясь между собою, почти всѣ лица, произносившія рѣчи въ этой залѣ, свидѣтельствуютъ о новомъ воззрѣніи на вещи, о единствѣ природы. Вы скоро замѣтите, что въ моемъ отчетѣ объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ звучитъ тотъ же мотивъ, но иначе варьированный. За нѣсколько дней здѣсь было сказано, что пала преграда между физикою и физиологіею, между неорганической и органической природою. Мы знаемъ, что она также пала между животными и растеніями. Прибавимъ теперь, она пала точно также между настоящимъ и прошедшимъ, между человѣкомъ и животнымъ».

Подобныхъ выраженій можно бы привести очень много, и мы выбрали эти лишь потому, что они высказаны въ самое послѣднее время людьми, которыхъ заподозрить въ легкомысліи, въ либеральничаніи было бы смѣшно; высказаны предъ двумя аудиторіями, принадлежащими къ самымъ почтеннымъ, и въ двухъ національностяхъ, гдѣ представители науки скорѣе склонны къ излишнему консерватизму, чѣмъ къ выходкамъ чрезчуръ радикальнымъ. Но съ перваго же взгляда и по собственнымъ словамъ ораторовъ можно видѣть, что дѣло идетъ о воззрѣніяхъ, о сближеніяхъ, о міросозерцаніяхъ, а не о фактахъ точнаго знанія. Оно, конечно, весьма дико узнать, что въ третьей четверти XIX-го столѣтія какой-нибудь Кнакъ оспариваетъ весьма серьезно систему Коперника ²; можно сказать, что онъ очень ограниченъ, очень неразвитъ или просто лицемеръ, но это еще не доказательство, что онъ невѣжда (хотя оно довольно правдоподобно). Онъ могъ бы отлично знать все, писанное объ астрономіи, не хуже другаго наблюдать кометы и астерониды, но принимать всѣ существующія формулы и математическіе законы движеній небесныхъ тѣлъ за выводы изъ наблюденій, недающіе еще никакого права заключать о томъ, какъ, въ *самомъ дѣлѣ*, происходятъ движенія небесныхъ тѣлъ. Заключение по аналогіи, неоспоримо-убѣдительно для всякаго другаго, могло бы быть ему недоступно. Это было бы очень жаль для его здраваго смысла, но это не помѣшало бы ему, еслибы онъ вздумалъ по-

¹ «Archiv f. Anthr.» II (1868), 327.

² О немъ смотри «Вѣстникъ Европы» (1868) IV, 878 и сл.

святить свое время астрономическимъ работамъ, записать свое имя *по праву* въ лѣтописи науки открытіемъ новой кометы, новаго факта въ теоріи двойныхъ звѣздъ, или въ данныхъ спектральнаго анализа небесныхъ тѣлъ. Система Коперника есть бесспорная истина для всякаго *развитаго* человѣка, но все-таки это — обобщеніе; можно ставить очень низко личность, его оспаривающую, но это не научный фактъ, а одна изъ элементарныхъ *аналогій* науки.

Оно еще замѣтнѣе для геологій, на которую сослался Гугеръ. Древность формациі очевидна при предположеніи, что процессы при ихъ образованіи совершались *аналогично* съ тѣмъ, какъ подобныя же процессы совершаются теперь въ природѣ или въ лабораторіяхъ; но еслибы кто нашелъ возможнымъ представить себя, что процессы, требующіе въ наше время тысячелѣтій для своего совершенія, могли происходить прежде въ нѣсколько часовъ, что бы на это можно отвѣтить? Да ничего. Можно бы пожалѣть объ ограниченности ума подобнаго человѣка, о его полной неспособности къ раціональному мышленію, къ усвоенію самыхъ простыхъ аналогій, но спорить съ нимъ бесполезно. Между тѣмъ ничто не мѣшало бы ему прекрасно знать всѣ минералогическія, палеонтологическія особенности той или другой формациі, сдѣлать весьма важныя открытія и получить такъ же видное мѣсто въ наукѣ.

Шафгаузенъ самъ приводитъ слова: *единство природы—новое воззрѣніе на вещи*, которыя указываютъ, насколько всѣ частности, имъ упоминаемыя, принадлежатъ къ аналогическимъ обобщеніямъ, а не къ области точныхъ фактовъ. Между физикомъ и физиологіею, между растеніями и животными, между минувшимъ и настоящимъ, между животнымъ и человѣкомъ преграды нали для тѣхъ ученыхъ, которые достаточно развиты какъ личности, чтобы уловить истинныя аналогіи и не поклоняться идоламъ преданія, не симпатизировать рутинѣ. Мы имѣемъ фактическія доказательства въ современной ученой литературѣ, что есть еще не мало видныхъ дѣятелей въ наукѣ, для которыхъ эти преграды не пали. Эти ученые стоятъ по развитію невысоко; ихъ можно не уважать, какъ людей; но нельзя еще нисколько взъ-за ихъ недостаточнаго развитія утверждать, что они невѣжды. Они могутъ быть весьма и весьма ученые люди; ихъ работы могутъ дать много новыхъ фактовъ наукѣ, и эти факты могутъ быть всего болѣе полезны для ихъ противниковъ; но это ни на одну іоту не измѣнитъ ихъ низкаго значенія, какъ личностей и мыслителей.

Въ новой Европѣ, съ XVII-го вѣка устанавливается міросозерцаніе, придающее высшую дѣйствительность фактамъ реального наблюденія, высшую убѣдительность—аналогіямъ, почерпнутымъ изъ сближенія подобныхъ фактовъ, высшую вѣроятность—обобщеніямъ, наименѣе нуждающимся во вспомогательныхъ представленіяхъ чего либо чуждаго реальному опыту для сближенія

реальныхъ фактовъ. Человѣческія свидѣтельства, гипотетическія существа получаютъ въ этомъ міросозерцаніи тѣмъ менѣе довѣрія, чѣмъ менѣе они аналогичны съ выводами изъ реального наблюденія и совершенно отвергаются, если не подходятъ подъ реальныя аналогіи. Въ этомъ вся развитая часть нашихъ современниковъ видитъ успѣхъ человѣчества, и можно доказать исторически, что распространеніе этого міросозерцанія совпадало съ увеличеніемъ благосостоянія обществъ, съ пробужденіемъ въ человѣкѣ сознанія своего достоинства и желанія бороться за улучшеніе своего положенія. Но все-таки это міросозерцаніе остается міросозерцаніемъ. Для того, кто ставить выше цитату изъ уважаемой имъ книги, чѣмъ обобщеніе, получаемое изъ реальныхъ наблюденій, это міросозерцаніе, со всѣми его послѣдствіями, не существуетъ, и самыя простыя аналогіи недоступны. Для того, кто ставитъ какое либо гипотетическое созданіе воображенія, недоступное повѣркѣ и опыту, неоспоримымъ, заранѣе даннымъ фактомъ, для того всегда найдется возможность отклонить аналогическія заключенія, совершенно убѣдительныя въ глазахъ человѣка, стоящаго на почвѣ реализма. Не отсутствіе *знанія*, а отсутствіе *развитія* представляетъ въ этихъ случаяхъ помѣху усвоенію истины. Система Коперника, признаніе древности геологическихъ формаций вошли элементами въ указанное міросозерцаніе. Они показали, что *весьма элементарная*, такъ сказать, рѣжущая глаза, аналогія изъ научныхъ фактовъ становится въ разрѣзъ съ *буквальнымъ смысломъ* свидѣтельства, считавшагося самымъ почтеннымъ, и съ гипотезами, пользовавшимися наибольшимъ авторитетомъ.

Міросозерцаніе было уже достаточно распространено для того, чтобы элементарныя аналогіи побѣдили, такъ что защитники преданія и свидѣтельства въ наше время, почти повсемѣстно, рѣшились принимать тексты, сюда относящіяся, не въ буквальномъ, а въ переносномъ смыслѣ, гипотезы же измѣнить, на сколько необходимо. Эта уступка на двухъ частныхъ пунктахъ внесла въ убѣжденіе развитыхъ людей мысль, что и впредь свидѣтельство, авторитетъ, гипотеза, освященная временемъ, должны будутъ уступить въ умѣ *всякаго развитаго* человѣка, какъ только имъ противопоставятъ элементарную аналогію изъ фактовъ реальныхъ. Слѣдовательно задача *науки*—собрать возможно большее количество фактовъ реальныхъ. Слѣдовательно задача *науки* — собрать возможно большее количество точныхъ фактовъ, допускающихъ реальную повѣрку. Задача *раціональных мыслителей* — найти для этихъ фактовъ аналогическія обобщенія самаго элементарнаго свойства, такъ чтобы всякій неискаженный умъ сказалъ: да, эти факты очень близки, очень похожи другъ на друга, имъ слѣдуетъ искать *одинаковаго* объясненія. Задача *развитыхъ людей* — отстаивать болѣе простыя аналогіи противъ болѣе сложныхъ, придавать сближенію реальныхъ фактовъ болѣе значенія, чѣмъ свидѣтельствамъ, авторите-

тамъ, гипотезамъ, недопускающимъ опыта. Но никто не мѣшаетъ людямъ *менѣ развитымъ*, на тѣхъ же строго исследованныхъ фактахъ знанія, возводить міросозерпаніе, гдѣ отдаленныя аналогіи, неприкосновенные авторитеты играютъ перво-степенную роль.

Одна изъ отраслей современнаго міросозерпанія высказывается въ формѣ единства всего сущаго, то-есть въ представленіи, что явленіе и существа, нами наблюдаемая, отличаются одно отъ другаго не рѣзкими перерывами, но отгѣнками, почти исчезающими при внимательномъ изученіи; и что эти явленія и существа во времени переходятъ и переходили одно въ другое постепенными измѣненіями. Отсюда представленіе міра, какъ *природы*, въ которой всѣ существа составляютъ *непрерывный рядъ*, различающійся количественно въ томъ или другомъ отношеніи. Отсюда представленіе всѣхъ процессовъ міра, какъ одного процесса *развитія*, проявляющагося въ разнообразныхъ формахъ.

Конечно, это общее міросозерпаніе, и ни одинъ ученый не назоветъ его научнымъ; тѣмъ не менѣе, всѣ *развитые* ученые особенно старательно отыскиваютъ аналогіи, подходящія подъ него, и столь же старательно пытаются ослабить значеніе фактовъ, подъ него не подходящихъ, такъ-какъ они находили, что *ихъ* теорія представляетъ болшую аналогію съ реально наблюдаемыми явленіями движенія отъ толчка. Теорія единства физическихъ силъ, теорія произвольнаго зарожденія, теорія медленныхъ геологическихъ измѣненій, въ противоположность теоріи переворотовъ, наконецъ теорія измѣненія видовъ, именно потому встрѣчаются сочувственно всею развитою частью ученыхъ, наравнѣ съ развитою частью общества, что эти теоріи наиболѣе гармонируютъ съ общимъ міросозерпаніемъ, о которомъ мы только что говорили. Конечно, ни одинъ серьезный ученый не станетъ принимать которую-либо теорію, если она *противорѣчитъ* положительнымъ фактамъ. Но до сихъ поръ теоріи, подходящія подъ представленіе единства природы, непрерывнаго ряда существъ и развитія явленій при переходѣ одного въ другое, не противорѣчили фактамъ, а только предполагали иные факты, еще не вполне доказанные, или не совсѣмъ просто объясняли нѣкоторые факты, входящіе въ реальное наблюденіе. Тѣмъ не менѣе должно сказать, что изъ упомянутыхъ теорій лишь немногія достигли уже совершенно прочнаго положенія, какъ высшіе научные законы или *элементарныя аналіи* природы. Другія еще имѣютъ болѣе философскій характеръ, чѣмъ научный, но въ спорахъ за нихъ слишкомъ часто эго забываютъ и выставляютъ ихъ столь же элементарно-научными обобщеніями, какъ систему Коперника или древность геологическихъ формацій. Теоріи, о которыхъ мы говорили, представляютъ гораздо болѣе сложный характеръ, такъ что лишь частью онѣ подлежатъ научной повѣркѣ или могутъ относиться къ элементарнымъ аналогіямъ; частью же онѣ принадлежатъ къ философскимъ воззрѣніямъ,

весьма допускающимъ споры или просто скептическое отношеніе. Изъ предъидущихъ теорій мы упомянемъ лишь о теоріи Дарвина, имѣющей непосредственное отношеніе къ антропологіи.

Она такъ близко входитъ въ антропологическія изслѣдованія, что и въ парижскомъ и въ лондонскомъ обществахъ не разъ возвращались къ преніямъ о ней. Во всѣхъ антропологическихъ журналахъ неизбѣжно встрѣчаются статьи, развивающія ее или колеблюющія противъ нея. «Если припомнимъ — говоритъ Шафгаузенъ¹ — съ какимъ упорствомъ держались неизмѣнности видовъ самыя замѣчательныя изслѣдователи, то быстрый переворотъ во взглядахъ нашихъ современниковъ долженъ казаться непонятнымъ. Надъ чѣмъ сначала смѣялись, или чему улыбались съ сожалѣніемъ, то теперь не стыдятся признавать. Тѣ самыя люди, которые высказывали рѣзкое противорѣчіе, притихаютъ и, наконецъ, соглашаются». Гэвель смотритъ² на гипотезу Ламарко-Дарвиновскую, какъ на совершенно соотвѣтствующую по важности Копернико-Ньютоновской системѣ астрономіи, потому что послѣдняя довела до ошибки древней геоцентрической системы, точно такъ же, какъ первая высказываетъ ложность антропоцентрическаго вѣрованія, разсматривающаго человѣка, какъ центръ животнаго міра, созданнаго будто бы для того, чтобы удовлетворить потребности человѣка. Гукеръ посвятилъ довольно значительную часть своей рѣчи теоріи Дарвина и устраненію возраженій на нее, дѣлаемыхъ съ точки зрѣнія геологіи и астрономіи. «Съ того времени — говоритъ онъ³ — какъ появилась книга «О происхожденіи видовъ», именно въ 10 лѣтъ, она имѣла четыре изданія въ Англіи, два въ Америкѣ, два въ Германіи, два во Франціи, нѣсколько изданій въ Россіи, одно въ Голландіи и одно въ Италіи. Сочиненіе же «Объ измѣненіи видовъ», едва семь мѣсяцевъ тому появившееся въ печати, имѣло уже два изданія въ Англіи и по одному въ Германіи, Россіи, Америкѣ и Италіи.... Естественный подборъ... есть признанная теорія для всякаго мыслящаго (philosophical) естествоиспытателя, включая сюда, разумѣется, значительную часть лицъ, несогласныхъ въ томъ, чтобы эта теорія объясняла все то, что сводитъ на нее Дарвинъ... Мнѣ остается прибавить, что изъ многихъ превосходныхъ натуралистовъ, принявшихъ ее, ни одинъ не оставилъ ее, на сколько это извѣстно; что она постоянно приобретаетъ приверженцевъ, и что она по преимуществу признанная теорія растущей школы естествоиспытателей». Другой президентъ въ Британской ассоціаціи, именно президентъ отдѣла биологіи, Бэркели (Berkeley), оспаривая въ нѣкоторой степе-

¹ «Archiv» etc. II, 335.

² Haeckel: «Ueber die Entstehung und den Stammbaum des Menschen geschlechts» (1868).

³ «Athenaeum» № 2130, 247.

ни новую теорію Дарвина, именно теорію пангенезиса ¹, сказалъ, что, на сколько онъ можетъ судить, онъ не колеблясь считаетъ Дарвина самымъ великимъ наблюдателемъ новаго времени, и потому полагаетъ, что его теоріи, какъ бы о нихъ ни думали при ихъ развитіи до ихъ крайнихъ результатовъ, заслуживаютъ тщательнаго и безпристрастнаго разсмотрѣнія, подобно всему, что вышло изъ его пера». ² Выраженіе: борьба за существованіе и естественный подборъ, и представленія, съ ними связанныя, сдѣлались столь же привычными для настоящаго поколѣнія (а можетъ быть и болѣе), какъ выраженія: всеобщее тяготѣніе и понятіе о немъ для поколѣнія, слѣдовавшаго за Ньютономъ. Посмотримъ же, на сколько чисто научнаго элемента входитъ въ вопросы, на которые отвѣчаетъ теорія Дарвина.

Шафгаузенъ замѣчаетъ ³, что пониманіе измѣняемости видовъ упало, какъ зрѣлый плодъ съ дерева, потому что одного взгляда на работы систематиковъ (въ ботаникѣ и зоологіи) было достаточно для того, чтобы замѣтить, что всюду, гдѣ мы сравниваемъ значительное число особей одного вида, предѣлы вида и разновидности (Spielart) смѣшивались, и видъ, сначала рѣзко ограниченный, исчезалъ подъ руками изслѣдователя, распадаясь на множество формъ ⁴. Оно дѣйствительно такъ было, и работы Уэллеса, Гукера, самого Шафгаузена, не считая многочисленныхъ систематиковъ, вели съ разныхъ точекъ зрѣнія въ этому воззрѣнію, но оно стало ясно и могло войти въ общее достояніе лишь тогда, когда обобщилось въ трудѣ Дарвина.

Ученые совершенно правомѣрно могли ставить вопросы: что такое видъ? не есть ли это лишь терминъ классификаціи? или онъ предполагаетъ генетическій процессъ существъ? Проверка установленныхъ видовъ могла доказать вѣдъ всякаго міросозерцанія, что генезисъ существъ доступенъ нашему наблюденію въ самомъ небольшомъ числѣ животныхъ формъ, слѣдовательно, что совершенно противонаучно отстаивать постоянство вида, какъ группы существъ одинаковаго происхожденія, или какъ группы существъ, способныхъ совокупляться и имѣть болѣе или менѣе длинное потомство; противонаучно потому, что въ большинствѣ

¹ Нельзя не удивиться, что, на сколько мнѣ извѣстно, о пангенезисѣ Дарвина не появилось въ нашей литературѣ ни одной руководящей статьи, хотя его второе сочиненіе такъ быстро переведено на русский языкъ.

² «Quart. Journ. of Sc.» № XX, 527.

³ «Archiv» etc. II, 335.

⁴ На сколько противникамъ измѣненія видовъ приходится размножать ихъ, видно изъ того, что Агассисъ (одинъ изъ главныхъ противниковъ Дарвина) насчиталъ во время Амазонской ученой экспедиціи 200 разныхъ видовъ прѣспородныхъ рыбъ на пространствѣ около 80 квадр. саж., когда во *всѣхъ* рѣкахъ Европы насчитываютъ ихъ не болѣе 150; вся же экспедиція дала отъ 1800 до 2000 видовъ, то-есть вдвое болѣе числа видовъ въ Средиземномъ морѣ. «Quart. of Sc.» № 469, въ разборѣ «A Journey in Brazil», by Agassiz. (1868).

случаевъ мы не можемъ наблюдать ни совокупленій, ни плодородія существъ, живущихъ на свободѣ. Какъ только видъ получилъ смыслъ лишь классификаціонный, то совершенно въ предѣлахъ науки заключались вопросы: можетъ ли быть установлено строгое различіе между терминами: видъ и разновидность? имѣемъ ли мы данныя, что классификація фауны и флоры въ предыдущій періодъ была та же или иная, чѣмъ нынѣ? наконецъ: при наблюденіи послѣдовательныхъ поколѣній существъ, когда генезисъ ихъ доступенъ нашему наблюденію, не происходятъ ли существа, безспорно родственныя, а между тѣмъ столь различныя по формѣ, что мы, на основаніи методической классификаціи, непремѣнно отнесли бы ихъ къ разнымъ видамъ, родамъ и даже семействамъ, еслибы не знали достовѣрно, что эти существа родственны по происхожденію? — На всѣ эти вопросы отвѣчаютъ положительные факты, которыхъ не признать не можетъ ученый, каково бы ни было его міросозерцаніе, начиная съ самаго ретрограднаго до самаго передоваго.

Затѣмъ представляется вопросъ, уже требующій, со стороны ученаго, нѣкотораго развитія: мы имѣемъ нѣкоторые факты наблюденія, показывающіе, что, при безспорномъ происхожденіи однихъ существъ отъ другихъ, новыя поколѣнія могутъ отличаться на столько формою отъ старыхъ, что могли бы, по законамъ классификаціи, считаться новымъ видомъ; не представляютъ ли другіе виды, для которыхъ подобныхъ наблюденій не существуетъ, столь близкой аналогіи къ прежде рассмотрѣннымъ видамъ, что само собою является заключеніе объ измѣненіи видовъ и въ этихъ послѣднихъ случаяхъ? При одинаковомъ знаніи, но при разномъ развитіи, ученые могутъ отвѣчать на этотъ вопросъ различно, потому что аналогіи для нихъ будутъ болѣе или менѣе убѣдительны. Совершенно подобнымъ же образомъ можно было бы отдѣлить совершенно научные вопросы отъ вопросовъ, требующихъ сознанія аналогіи и въ теоріи борьбы за существованіе, въ теоріи удержанія потомствомъ случайныхъ отклоненій формы у предковъ, въ теоріи атавизма и т. д.

Но все, что было указано, относится или къ чистой наукѣ, или къ столь простымъ аналогіямъ, что онѣ могутъ быть названы лишь дальнѣйшими обобщеніями науки. Какъ личности, ученые идуть далѣе и ставятъ вопросы: произошли ли всѣ нынѣшніе виды органическихъ существъ изъ другихъ, имъ предшествовавшихъ, или нѣкоторые остались постоянными? Какъ произошли нынѣшніе зоологическіе виды? Какъ произошелъ и развивался органическій міръ вообще?—Отвѣты на эти вопросы прежде всего требуютъ аналогіи уже несравненно болѣе широкихъ и сложныхъ, чѣмъ чисто-научныя обобщенія; объ этихъ аналогіяхъ можно сказать, что лишь дальнѣйшее накопленіе фактовъ можетъ ихъ сдѣлать болѣе или менѣе научными обобщеніями. Но за предѣлами этихъ аналогіи здѣсь стоятъ еще вопросы о сущности, вопросы о томъ, какъ *дѣйствительно* со-

вершились процессы, наблюдать которые мы не въ состояніи; т.-е. мы находимся предъ вопросами *метафизическими*, которые личность имѣетъ право ставить и отвѣчать на нихъ по личному убѣжденію, вѣрованію или мнѣнію; наука же этихъ вопросовъ не ставить и ставить не можетъ. Если іенскій профессоръ Дорнъ (Dohrn), на основаніи открытаго имъ ископаемаго насѣкомаго Eugeneon Boeckingi, отыскиваетъ ¹ общихъ предковъ для сѣтчатокрылыхъ (neuroptera) и для полужестковкрылыхъ (hemiptera) насѣкомыхъ, то мы имѣемъ здѣсь аналогію, идущую далеко за предѣлы безспорныхъ обобщеній. Когда же другой іенскій профессоръ, Гэксель, предполагаетъ ² общаго предка для насѣкомыхъ, пауковъ, ракообразныхъ и многоногихъ, или даже, въ своей «Родословной человѣка» ³, спускается отъ амфиокса, чрезъ миногъ и исчезнувшихъ родственниковъ акулъ, къ лепидосиренамъ, затѣмъ, чрезъ протеевъ и родственные имъ виды, къ перитонамъ, саламандрамъ, къ птицевѣврямъ (monotremata), къ двуутробкамъ, лемурувымъ, обезьянамъ стараго свѣта, къ человѣкообразнымъ обезьянамъ, пока не доходитъ до *чаря* созданія — на подобную смѣлую попытку въ *наше время* нельзя еще смотрѣть иначе, какъ на *метафизическое* построеніе, для котораго факты доставляютъ лишь весьма отдаленныя аналогіи, хотя и не противорѣчатъ ему.

Но совершенно очевидно, что людямъ всякаго преданія, какъ всякаго прогресса, первые указанные нами вопросы совершенно индифферентны. Они составляютъ почву, общую для всѣхъ. Споры, ожесточеніе, борьба міросозерцаній начинаются съ поставленіемъ послѣдняго рода вопросовъ. За *право* ихъ ставить, независимо отъ какого-либо авторитета, и отвѣчать на нихъ по собственному убѣжденію борется всякій развитой человѣкъ. Изъ-за *различныхъ* отвѣтовъ на нихъ борются разныя партіи. Это споръ *личностей* за развитіе и прогрессъ, а наука лежитъ внѣ этихъ споровъ.

Въ предѣлахъ самой антропологіи точно также чисто-научные вопросы сливаются съ менѣе научными и переходятъ мало по малу въ вопросы метафизическіе. Въ своей запискѣ о физио-антропологіи (ученіе о зависимости психическихъ процессовъ отъ физическихъ) ⁴ Гэнтъ утверждалъ, что лондонское общество можетъ ставить себѣ въ заслугу первую попытку, сдѣланную въ Англии, приложить истинный бэновскій методъ наведенія къ физической антропологіи. Онъ говорилъ: «мы должны ставить впереди всего, какъ требованіе нашихъ работъ, что мы не болѣе, какъ совѣстливые изслѣдователи и толкователи приро-

¹ «Quart. Journ. of Sc.» № XX, 591.

² Тамъ же.

³ Haeckel: «Ueb. d. Entsteh. und d. Stammbaum d. Menschengeschlechts» въ «Sammlung gemeinverst. wissenschaftl. Vorträge» herausg. v. Virchow u. v. Heltzendorff. Ser. III, Hefte 52, 53.

⁴ «Journ. of the A. S. of L.» V, CCIX и сл.

ды... Наша цѣль — создать науку чисто индуктивную, которая, по самой своей природѣ, не будетъ никогда закончена и, слѣдовательно, никогда не будетъ совершенна. Антропология, наука человѣческой природы, должна измѣняться съ измѣненіями самой человѣческой природы». Она цитировала слова Эткинсона: «Не будемъ предполагать ничего; этимъ путемъ мы положимъ основаніе наукѣ человѣческой природы; и пока мы не признаемъ эту науку, мы будемъ жить въ вѣкѣ варварства и мрака».

Но, несмотря на эти оговорки, антропология всегда и всюду не ограничилась установленіемъ фактовъ, доступныхъ наблюденію, повѣрѣ и, слѣдовательно, безспорныхъ для всякаго ученаго. Она перешла въ область болѣе или менѣе широкихъ аналогій и, наконецъ, въ область міросозерцаній.

Издавна уже преданію о единствѣ человѣческаго рода и теоріи моногенистовъ, съ нимъ связанной, нѣкоторые антропологи противопоставляли теорію полигенизма, основанную на зоологической аналогіи: еслибы въ другихъ классахъ существовали подобныя же различія, какія встрѣчаемъ между людьми, то всякій зоологъ безспорно призналъ бы ихъ видовыми, — говорили полигенисты. Моногенисты имъ противопоставляли фактъ, что до сихъ поръ не могутъ этнологи согласиться въ числѣ подраздѣленій человѣческаго рода. Это число то уменьшалось дагѣ 5 блуменбаховскихъ расъ, то заходило далеко за 15 видовъ человѣка, установленныхъ Бори-де-сенъ-Венсаномъ. Если возраженія полигенистовъ относительно различія въ строеніи человѣка не только не теряютъ своей силы, но приобрѣтаютъ новыя основанія съ каждымъ годомъ, то и возраженія моногенистовъ относительно несогласія этнологовъ въ числѣ человѣческихъ видовъ безпрестанно подтверждаются. На послѣднемъ конгрессѣ доисторической антропологии Гэнтъ принялъ ¹ четыре различія (расы или вида) въ формахъ человѣка, а Гэкель, въ упомянутомъ выше разсужденіи, устанавливаетъ 10 видовъ человѣка. Борьба между моногенистами и полигенистами продолжается до сихъ поръ съ ожесточеніемъ, и за чисто-научнымъ вопросомъ о значеніи слова *видъ* и о правѣ приложить его такъ или иначе къ классификаціи людей, здѣсь стоятъ вопросы различныхъ міросозерцаній. Силы въ этомъ случаѣ еще недавно были тѣмъ болѣе равны, что каждая партія въ извѣстной степени поддерживала прогрессивное міросозерцаніе новой Европы, а въ другомъ отношеніи склонялась къ ретроградному возрѣнію. Полигенисты выступали противъ освященнаго авторитета и прилагали къ человѣку аналогію реальныхъ фактовъ зоологіи несравненно шире, чѣмъ моногенисты, но они недостаточно признавали въ приложеніи къ человѣку весьма важную аналогію измѣняющаго дѣйствія среды и помѣсей, а въ особенности придерживались и придерживаются теоріи постоянства видовъ въ противорѣчій съ

¹ «Quart. Journ. of Sc.» № XX, 547.

теорією розвитку, слѣдовательно, отступали отъ воззрѣнія на мѣръ, какъ на единую природу, находящуюся въ процессѣ развитія. Моногенисты имѣли на своей сторонѣ аналогіи измѣняющаго дѣйствія среды, теорію непрерывнаго развитія, но выказывали склонность подыскивать аргументы въ виду результата, не очень отходящаго отъ словъ преданія.

Со вступленіемъ дарвинизма на поле столкновенія міросозерцаній, положеніе партій измѣнилось. Сначала можно было думать, что дарвинизмъ усилитъ партію моногенистовъ, но весьма скоро оказалось, что онъ можетъ допускать и то и другое предположеніе. Весьма многіе антропологи видятъ въ различіи человѣкообразныхъ обезьянъ Азіи и Африки явленіе, представляющее замѣтныя аналогіи съ различіями основныхъ человѣческихъ расъ, и дозволяющее заключать съ нѣкоторою вѣроятностію о различныхъ центрахъ происхожденія человѣка. Мы видѣли, что смѣлый дарвинистъ Гэкель, возведшій родословную человѣка къ амфіоксу, нисколько не задумался подраздѣлить человѣчество на 10 группъ, которыя могутъ называться видами съ тѣмъ же правомъ, какъ и всякія другія зоологическія группы, носящія это названіе. Теорія развитія человѣка, какъ составляющая частный случай развитія природы, — вотъ основной принципъ современныхъ антропологовъ, работающихъ ли въ частной области огромной науки о человѣкѣ, или обобщающихъ результаты разныхъ группъ. «Противъ предположенія, что человѣкъ постепенно развился изъ грубаго состоянія — пишетъ Шафраузенъ ¹ — не говорятъ ни одинъ фактъ изъ новѣйшихъ изслѣдованій; за него говорятъ всѣ факты, на которые слѣдуетъ обратить вниманіе для отвѣта на вопросъ, именно факты: отношенія минувшаго (Vorwelt) къ настоящему, послѣдовательнаго усовершенствованія организмовъ путемъ развитія видовъ, доисторическаго состоянія человѣка, анатоміи низшихъ расъ, анатоміи ископаемаго человѣка и высшихъ обезьянъ, развитія человѣческаго зародыша, исторіи языка, успѣха знаній и всей культуры... И безъ книги Дарвина замѣтили, что рядъ ступеней въ развитіи животной жизни представляетъ единственное возможное объясненіе происхожденія человѣка. Опираясь на собственныя изслѣдованія, неупомянутыя Дарвиномъ, антропология пришла къ этому заключенію; оно было сначала высказано не безъ сомнѣнія и съ боязнію; затѣмъ получило болѣе определенную форму и, хотя издавна утверждаемое нѣкоторыми изслѣдователями и входившее въ вѣрованія цѣлыхъ народовъ, это заключеніе могло быть съ увѣренностію выведено лишь изъ фактовъ, доступныхъ современной наукѣ. Между тѣмъ какъ Дарвинъ выводилъ свой законъ развитія изъ разсмотрѣнія низшихъ существъ природы, растений и животныхъ; между тѣмъ какъ онъ признавалъ возможность перехода одной формы въ другую,

¹ «Archiv» etc. II, 331 и сл.

но не рѣшался приложить этотъ законъ къ человѣку, антропология приходила къ тому же результату въ изученіи высшаго организма, человѣка, такъ-какъ, несмотря на значительное различіе человѣка отъ обезьяны, тѣмъ не менѣе нельзя найти между ними специфическаго различія; напротивъ, связь между ними путемъ послѣдовательнаго развитія можетъ быть подтверждена столькими доказательствами, какія едва-ли можно встрѣтить въ отношеніяхъ двухъ какихъ-либо другихъ животныхъ видовъ... Познаніе истиннаго происхожденія человѣка есть столь богатое слѣдствіями открытіе для всѣхъ человѣческихъ воззрѣній, что будущее время признаетъ, можетъ быть, этотъ результатъ высшимъ, чѣмъ все, что назначено было найти человѣческому уму».

Здѣсь мы имѣемъ наглядно послѣдовательныя ступени, черезъ которыя переходитъ умъ ученаго, начиная съ простѣйшихъ аналогій, которыя сами собою являются въ умѣ развитаго человѣка отъ сближенія фактовъ, до обширнѣйшаго философскаго міросозерцанія, гдѣ предками человѣческаго рода является длинный рядъ предшествующихъ формъ. Дойдя до этого міросозерцанія, мыслитель сознаетъ себя, какъ личность, представителемъ воззрѣнія, которое должно бороться за свое право противъ авторитетовъ, уважаемыхъ преданій, привычныхъ предразсудковъ и общественной рутинны; онъ сознаетъ, что эта борьба проникаетъ до самыхъ глубокихъ вопросовъ.

Конечно, основные, научные факты, на которыхъ воздвигается, здѣсь все остальное, совершенно безразличны для всякой теоріи. Наблюденіе, доступное самому тупому, какъ самому широкому уму, указываетъ, каковы анатомическія формы човѣкообразныхъ обезьянъ и човѣка разныхъ расъ. Разница и сходство могутъ тутъ быть измѣрены и взвѣшены. Черепъ древняго човѣка, найденный въ Неандерталь и челюсть, найденная въ Trou de la Noulette, могутъ быть также измѣрены. Положеніе слоевъ, гдѣ найдены эти остатки или слѣды древнѣйшей культуры, тоже можетъ быть наблюдаемо съ самой строгой точностью. Это все факты, принадлежащіе безспорной и мирной области науки. Споръ о нихъ добросовѣстно длиться не можетъ. Когда Оуэнъ сталъ оспаривать противъ Гэксли, что «третья лопастъ, задній рожокъ боковаго желудочка и малый гиппокамъ» составляютъ особую принадлежность човѣка, то, несмотря на авторитетъ его имени, отъ него отреглись тѣ самыя (Шредеръ и Фроликъ), на которыхъ онъ между прочимъ ссылался, и онъ остался одинъ при своемъ мнѣніи. Точно также, открытія Буше де-Шерта до тѣхъ поръ лишь оспаривались, пока не нашлось нѣсколько ученыхъ, пріѣхавшихъ *посмотрѣть* его раскопки.

Но уже первыя аналогическія заключенія изъ фактовъ вызываютъ борьбу міросозерцаній, слѣдовательно, разногласіе личностей. Правда, антропология здѣсь находится въ болѣеи вы-

годѣ, чѣмъ прежнія науки при ихъ спорахъ. Когда разъ древность человѣческихъ породъ была допущена, то нельзя уже было оспаривать древности остатковъ обезьяны и человѣка при строгомъ обследованіи находокъ ихъ въ слояхъ опредѣленныхъ геологическихъ формацій. Споръ о древности человѣка есть, собственно, споръ, лежащій *въ* предѣлахъ антропологии. Дѣло геологовъ — доказывать древность формацій. Антропологъ говоритъ: *фактъ* доказываетъ, что человѣкъ современенъ сѣверному оленю или древнему слону, что его слѣды находятся въ нижнихъ слояхъ наносной формаціи, или въ третичной; геологъ дополняетъ: *смыслительно*, древность превышаетъ тотъ или другой періодъ времени. — Точно также въ зоологіи. Какого рода аналогіи допускаютъ соединеніе особей въ одинъ видъ или раздѣленіе ихъ на нѣсколько видовъ? Это вопросъ, на который издавна пытались отвѣтить и отвѣчали зоологи-систематики. Дѣло антрополога только *приложить* установившіяся методы классификаціи къ человѣку. Если эти методы допущены для животныхъ, то нѣтъ причины не допускать ихъ для человѣка. Подобнымъ же образомъ споръ о переходѣ однихъ видовъ въ другіе идетъ въ области *всей* зоологіи. Если фактъ этого перехода будетъ доказанъ для нѣкоторыхъ видовъ, если онъ будетъ распространенъ, по неотразимой аналогіи, на другіе виды, настолько различающіеся одинъ отъ другаго, что ихъ различіе превосходитъ разницу человѣкообразныхъ отъ человѣка, то антропологу остается умозаключить отъ меньшей аналогіи къ болѣе. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ, степень развитія ученаго опредѣляетъ, на сколько подобныя аналогіи будутъ для него убѣдительны. Если убѣжденіе въ древности человѣка стало уже на ступень элементарнаго научнаго обобщенія, то теорія перехода однихъ видовъ въ другіе какъ вообще, такъ и въ приложеніи къ высшимъ животнымъ формамъ, давно соединеннымъ Линнеемъ въ группу *приматовъ*, вовсе еще не научный фактъ, и даже не элементарная аналогія. Это заключеніе по аналогіи, доступное лишь для развитыхъ умовъ. Гёксли говорилъ уже пять лѣтъ тому назадъ: «Я убѣжденъ, что если эта гипотеза (Дарвина) не совершенно истинна, то, по крайней-мѣрѣ, она на столько близка къ истинѣ, какъ напр. гипотеза Коперника приблизилась къ настоящей теоріи движенія свѣтила». Но это и теперь еще ясно не для всѣхъ, даже между учеными.

Шагъ, сдѣланный далѣе, насъ ведетъ въ область метафизики. Поэтическое воззрѣніе Шафгаузена на рядъ предковъ человѣка, точно также какъ болѣе подробная попытка возсоздать этотъ рядъ, сдѣланныя Гёкелемъ, точно также какъ и вообще теорія единства природы въ развитіи явленій существъ — это все

• Т. Г. Гёксли: «О положеніи человѣка въ ряду органическихъ существъ» Пер. подъ ред. А. Бекетова. Спб. 1864 г., 121.

философскія воззрѣнія. За нихъ можно спорить, и тотъ, кто въ нихъ вѣрить, обязанъ ихъ отстаивать, какъ всякое убѣжденіе. Развитые ученые, наравнѣ съ развитыми личностями, необладающими столь обширнымъ знаніемъ, могутъ сознавать, что опираясь на это широкое воззрѣніе, они отстаиваютъ человѣку право развиться и бороться за свое развитіе въ будущемъ, когда они утверждаютъ, что онъ достигъ своего настоящаго путемъ развитія вслѣдствіе этой борьбы. Они вполне могутъ сознавать, что это задача современности, вопросъ жизни для настоящаго. Но все это не должно бы ихъ побуждать къ смѣшенію области науки съ областью своею міросозерцанія. Открытія древнихъ остатковъ человѣка, анатомическая, физиологическая, психическая, и социологическая параллель различныхъ современныхъ расъ человѣка между собою, съ другими, жившими въ историческое время, еще съ иными, отъ которыхъ остались лишь слѣды, относящіяся въ до-историческому времени, и наконецъ съ животными — все это представляетъ достаточный матеріалъ для безспорной, точной, спокойной установки фактовъ, которые ни пошатнуть, ни измѣнить *нельзя*. Изъ прочныхъ фактовъ сами собою возникнутъ элементарныя аналогіи, которыя установятся въ умахъ съ неотразимою силою. Люди развитія и враги рутинны усоятъ и нѣсколько обширнѣйшія аналогіи, для которыхъ найдутся противники, но этимъ сопротивленіемъ сами подпишутъ приговоръ своему развитію.

Разсматривая же самостоятельно философское значеніе воззрѣній, построенныхъ въ наше время на работахъ антропологовъ, надо признать его весьма немаловажнымъ. Въ антропологии человѣкъ одновременно черпаетъ сознаніе своей тѣсной связи съ природою, своей зависимости отъ нея, и сознаніе того, насколько онъ *можетъ* развиться изъ своего первобытнаго состоянія; слѣдовательно, на сколько онъ *еще можетъ* развиться въ будущемъ. Есть жалкіе представители нашей породы, которые говорятъ: надо подчиниться обстоятельствамъ, жить какъ другіе, придерживаться существующаго, потому что *невозможно* достигъ лучшаго; нечего стремиться къ утопіи. Имъ можно указать на кости древняго людоеда и отвѣтить: еслибы ни одинъ пещерный человѣкъ не боролся за улучшеніе своего быта, настоящее человѣчество не было бы тѣмъ, что оно есть. Если изъ *этого* человѣкъ *можетъ* дойти до нынѣшняго состоянія, то имѣемъ ли мы право считать какую либо высшую ступень *невозможностью* для человѣческаго развитія?

Считаемъ полезнымъ здѣсь коснуться одного обстоятельства, которое иные тѣсно связываютъ съ рѣшеніемъ антропологическихъ вопросовъ. Если люди не имѣютъ одного общаго происхожденія, то существуетъ ли обязанность для человѣка высшей расы обращаться съ человѣкомъ расы низшей, какъ съ существомъ ему равноправнымъ? Не имѣетъ ли права бѣлый убивать негра или австрайлца, мучить его, производить надъ нимъ вивисекціи и

другіе опыты, наконецъ — обращать его въ рабство, какъ дѣлаетъ это человѣкъ съ прочими животными? — Здѣсь, прежде всего, должно замѣтить, что весьма сомнительно *нравственное право* человѣка убивать, а тѣмъ болѣе мучить животное вообще. *Необходимость* заставляетъ человѣка ѣсть животное, слѣдовательно убивать его, какъ необходимость сдѣлала новозеландцевъ людоедами по истребленіи большихъ птицъ на островѣ, и отсутствіе ея устранило людоедство, когда на островъ привезли домашнихъ животныхъ. *Необходимость* продолжаетъ обуславливать отношеніе человѣка къ животному міру. *Необходимость* же побуждаетъ физиолога къ вивисекціямъ и *развитый* физиологъ точно также старается ограничить при этомъ мученіе животнаго минимумомъ, какъ развитый хирургъ старается уменьшить по возможности страданіе пациента. *Нравственность* и *право* при этомъ суть слова, неимѣющія смысла. *Необходимое* есть законъ *до-человѣческой* природы; *нравственное* и *правомѣрное* — довольно поздніе результаты человѣческихъ сношеній. *Право убійства* и *право мученія* не существуютъ; самое совокупленіе этихъ словъ — насмѣшка надъ здравымъ смысломъ.

Но далѣе еще надо замѣтить, что чувство родственности происхожденія вовсе не составляетъ практическаго препятствія для самыхъ жестокихъ насилій человѣка надъ человѣкомъ. Кажется, ни европейскіе феодалы, ни наши помѣщики не придерживались полигенизма и не считали своихъ предковъ потомками каковаго либо другаго Адама. Они даже признавали, что Сынъ Божій одинаково страдалъ за нихъ и за крестьянъ. Они приступали вмѣстѣ съ послѣдними къ священнѣйшему таинству христіанства; все это, однако, не помѣшало существовать отвратительнѣйшему варварству со стороны господствующаго класса надъ классомъ крѣпостнымъ. Точно также родственное чувство гражданъ одной изъ передовыхъ націй Европы не помѣшало нѣмцамъ истреблять другъ друга тысячами на поляхъ Садова во славу нѣмецкаго Vaterland и для округленія государства короля Вильгельма. Если мнѣнія Нотта и Глиддона и были однимъ изъ аргументовъ мѣдоголовыхъ въ Америкѣ, какъ теперь, можетъ быть, служатъ аргументомъ для общества ку-клюдскланъ, то можно быть увѣреннымъ, что плантаторы отстаивали бы невольничество и убійцы рѣзали бы политическихъ противниковъ безъ всякой помощи политической теоріи. Теоретическія положенія могутъ быть *подысканы* для оправданія практическаго побужденія, но послѣднее дѣйствуетъ нисколько не нуждаясь въ первыхъ.

Наконецъ должно замѣтить, что идея человѣчности, или идеально-нравственнаго отношенія къ людямъ вообще, опирается на идею *человѣчества*, а не *человѣческаго рода*; это совсѣмъ иное дѣло. Единство *человѣческаго рода* есть понятіе чисто теоретическое, имѣющее значеніе въ классификаціи, въ исторической антропологіи, но изъ него не слѣдуетъ никакого нравственнаго

обязательства, потому что и въ томъ случаѣ, когда это понятіе соотвѣтствовало бы реальному факту, и въ томъ, когда бы это былъ призракъ, оно не зависѣло бы и не могло бы зависѣть отъ того, что человѣкъ называетъ своею волею. Единство *человѣчества* есть идея нравственная, постепенно вырабатывавшаяся въ развитомъ меньшинствѣ и коренящаяся въ идеѣ личнаго достоинства, постепенно распространеннаго на большее и большее число личностей, пока оно окватило, въ представленіи развитой личности, всѣ особи человѣческаго рода, какъ нравственно солидарныя по достоинству. Эта идея *обязуетъ* того, кто ее развилъ въ себѣ, поступать человѣчно со всякимъ *человѣкомъ*, и въ этой обязанности, налагаемой личностью на себя, идея *человѣчества* находитъ свое осуществленіе какъ идея нравственная. Но изъ ея генезиса слѣдуетъ, что она совершенно независима отъ идеи единства *человѣческаго* рода. Ревностный дарвинистъ и полъенистъ можетъ выработать ее въ себѣ въ то время, когда мы имѣли множество примѣровъ, что люди, жарко борющіеся за единого общаго прародителя, Адама, оказываются въ числѣ наименѣе способныхъ усвоить обязанности личности относительно *человѣчества*, какъ нравственно солидарнаго. Приведемъ здѣсь слова Гэнта изъ его первой рѣчи, которою онъ открывалъ лондонское антропологическое общество, — слова, которымъ, къ сожалѣнію, онъ не остался вѣренъ, когда вступилъ въ число защитниковъ Эйра. «Еслибы можно было доказать, — говорилъ онъ 3-го января 1863 года ¹, — что негръ произошелъ отъ обезьяны чрезъ немногія лишь генерации, то оно бы нисколько не измѣнило факта, что теперь это — *человѣкъ*, и что у него достаточно общаго съ нами, для невозможности намъ оправдать жестокое обращеніе съ нимъ, на основаніи его родственныхъ отношеній. Или допуская, что оранг-утангъ, какъ вѣрять даяки, выродившійся видъ *человѣка*, столь же вѣрно, что онъ теперь *не человѣкъ* и не имѣетъ тѣхъ же *правъ* на наше сочувствіе, какъ самый жалкій дикарь».

При широкихъ вопросахъ о началѣ *человѣчества* и о его древности, о единствѣ или множественности *человѣческихъ* породъ, уже весьма блѣднымъ и несвоевременнымъ кажется вопросъ о томъ, составляетъ ли *человѣкъ* особый видъ, особый родъ, зоологическое семейство, подклассъ, классъ или особое царство природы. Здѣсь классификаціонный, то-есть научный, вопросъ очень простъ. Если мы относимъ муравья, строителя, завоевателя, поработителя и земледѣльца, къ одному классу съ какимъ либо неподвижнымъ паразитнымъ насекомымъ и отдѣляемъ отъ паука, то, слѣдуя тѣмъ же принципамъ классификаціи, въ какомъ отношеніи слѣдуетъ поставить *человѣка*, съ его культурою, къ другимъ млекопитающимъ въ ихъ группировкѣ? Это — вопросъ элементарной аналогіи и можетъ войти въ пре-

¹ «Anthr. Rev.» I (1863), 4.

дѣлы науки. Вопросъ же: не составляетъ ли человѣкъ нѣчто совершенно особое *по сущности* отъ всѣхъ остальныхъ существъ—весь проникнуть метафизическими требованиями, до которыхъ наукѣ совсѣмъ нѣтъ дѣла, потому что о *сущности* человѣка она ничего знать не можетъ. Между тѣмъ, вопросъ о *человѣческомъ царствѣ*, какъ мы уже говорили, составилъ предметъ преній, продолжавшихся болѣе года въ ученomъ парижскомъ антропологическомъ обществѣ.

Всѣ упомянутые споры относились къ борьбѣ свободы мысли и преданія; но есть въ области антропологии и партіи, борющіяся во имя другихъ принциповъ. Привычка къ опредѣленному роду занятій, хорошее знаніе достоинствъ занятій этого рода и недостаточное знакомство съ занятіями иной отрасли ведутъ къ искаженію научной перспективы въ умѣ изслѣдователя, къ преувеличенію качествъ одного и къ пренебреженію другаго. Частная гипотеза можетъ сдѣлаться для одного ученаго и для кружка ученыхъ столь же дорогимъ достояніемъ, какъ религиозное преданіе для людей внѣ сферы науки. И вотъ возникаютъ крайне-ожесточенные споры изъ-за преобладанія, при общихъ вопросахъ, точки зрѣнія той или другой науки; изъ-за гипотезъ, которыя перестаютъ играть свою законную роль: научнаго объясненія, связующаго представленія, частнаго міросозерцанія, но дѣлаются палладіумомъ мѣстной или національной традиціи. Для подобныхъ споровъ совѣщанія ученыхъ обществъ и конгрессовъ имѣютъ огромное значеніе, и эти споры, хотя точно также, въ своей сущности, ненаучны, какъ и предыдущіе, но допускаютъ аргументацію на научной почвѣ, и становятся весьма поучительны, когда получаютъ всестороннее развитіе.

Въ антропологии подобныя споры могли тѣмъ скорѣе возникнуть, что она требовала содѣйствія ученыхъ самихъ разнообразныхъ отраслей, и эти ученые неизбѣжно приносили въ рѣшеніе антропологическихъ вопросовъ склонность къ извѣстному строю мысли. Анатомъ относился равнодушно къ культурной обстановкѣ древнихъ костей, придавалъ огромнѣйшее значеніе измѣненію размѣровъ черепа, и сближалъ людей по строенію тѣла, пренебрегая ихъ рѣчью. Археологъ разбиралъ до мелочей форму найденнаго орудія или убора, сближая ее съ извѣстными ему формами, забывая о химическомъ составѣ предмета и бросая при своихъ раскопкахъ кости, съ которыми исчезалъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ науки. Лингвистъ прислушивался къ формамъ слова, къ грамматическому строю рѣчи, къ преданію, частности котораго повторялись подъ разными меридіанами и параллельными кругами, и съ полнымъ презрѣніемъ относился къ измѣреніямъ череповъ, къ взвѣшиванію мозга, къ изслѣдованію физиологическихъ особенностей. Датчанинъ дѣлалъ всевозможныя натяжки, чтобы поддержать мнѣніе своихъ національныхъ авторитетовъ о раздѣльности и правильной послѣдовательности эпохъ употребленія камня, бронзы и

желѣза. Человѣкъ, изучившій древности Востока, охотнѣе видѣлъ въ ископаемыхъ бронзовыхъ предметахъ работу финикійца, а человекъ, посвятившій себя германскимъ или кельтическимъ древностямъ,—продуктъ національной фабрикаціи. Одинъ видѣлъ національную заслугу въ утвержденіи, а другой въ оспариваніи, что племя, оставившее слѣды своего существованія въ дольменахъ и менгирахъ, было—кельты. Одному хотѣлось озерныя постройкн сдѣлать какъ можно древнѣе, другому какъ можно новѣе. Антропология должна была принять въ себя размысканіе всѣхъ этихъ ученыхъ, примѣшивавшихъ безсознательно къ своимъ изслѣдованіямъ свои любимыя конки, и только изъ столкновенія мнѣній можно было опредѣлить: какую долю могутъ дать антропологиі различные отрасли знанія? на сколько та или другая научная гипотеза удобнѣе объясняетъ извѣстные намъ факты?

Въ этомъ отношеніи антропология явилась весьма полезнымъ органомъ сближенія специальныхъ отраслей занятій, раздробившихся до чрезвычайности въ послѣдній періодъ развитія науки. Остановимся нѣсколько на спорѣ краниологовъ съ лингвистами относительно значенія того или другаго способа различія племенъ. Въ парижскомъ антропологическомъ обществѣ сошлись люди, объявившіе, подобно Бонтэ, что языкознаніе даетъ весьма слабыя доказательства для антропологическихъ вопросовъ ¹; подобно д'Омалуусу, что надо быть очень осторожнымъ, рѣшая вопросъ о происхожденіи народовъ при пособіи языкознанія ²; подобно Трелà, что языкъ вовсе не есть антропологическій признакъ ³, а люди, подобные Прюнеръ-Бего, въ особенности же Шавэ, превозносившіе заслуги языкознанія, какъ исправляющаго ошибки физическаго сравненія ⁴ и какъ единственнаго орудія для разрѣшенія спора между моногенистами и полигенистами о происхожденіи расъ ⁵. Въ этихъ жаркихъ преніяхъ истиннымъ ученымъ выступилъ Брокà, объявившій, что языкознаніе и наблюденіе антропологическое даютъ одинаково драгоценныя свѣдѣнія, что факты, ими доставляемые, одинаково вѣрны ⁶, но что, въ естественной классификаціи расъ, какъ и во всякой другой, надо слѣдовать принципу *подчиненія признаковъ* и дать первое мѣсто признакамъ болѣе постояннымъ ⁷, а потому факты языкознанія, всегда полезные, иногда необходимые, сами по себѣ не могутъ рѣшать антропологическіе вопросы; что языкознаніе доставляетъ антропологиі свѣдѣнія, а не приговоры; оно должно быть въ ея преніяхъ *свидѣтелемъ*, а не *судьею* ⁸.

¹ «Bulletins» IV, 427.

² Тамъ же, V, 265.

³ Тамъ же, III, 244.

⁴ Тамъ же, V, 129.

⁵ Тамъ же, V, 191.

⁶ Тамъ же, V, 306.

⁷ Тамъ же III, 282.

⁸ Тамъ же; III, 317.

Конечно, сравнительная краниологія сдѣлала еще очень мало, и тѣ, которые нападаютъ на ея выводы и черезчуръ смѣлыя заключенія, въ извѣстной степени правы. Напримѣръ, Вейсбахъ помѣстилъ въ нѣмецкомъ «Архивѣ для антропологіи» чрезвычайно тщательныя таблицы о вѣсѣ мозга различныхъ народовъ Австріи¹, но едва-ли этотъ старательный трудъ нелишенъ всякаго научнаго значенія. Спрашивается, какимъ образомъ ученый могъ узнать, что данная личность принадлежитъ къ *чистому* племени нѣмцевъ, славянъ, венгровъ и т. под. Подъ вліяніемъ государственнаго сожителства и историческихъ столкновеній славяне принимали культуру нѣмцевъ и мадьяръ, мадьяры онѣмчивались или ославянивались; наконецъ, происхожденіе по женской линіи законнымъ и незаконнымъ путемъ могло, на всемъ пространствѣ имперіи, представить самыя разнообразныя помѣси. Не говоримъ уже о томъ, что въ историческое время земли нынѣшней Австрійской имперіи представляли мѣсто перехода для столь различныхъ расъ, племенъ и народностей, что, подъ одними и тѣми же названіями нѣмцевъ, итальянцевъ, венгровъ могутъ жить потомки римлянъ, всевозможныхъ народностей, служившихъ въ ихъ легіонахъ, потомки аваръ, гунновъ, лонгобардовъ, давовъ и т. д., и т. д., причемъ племенный составъ этихъ исчезнувшихъ національностей можетъ быть опредѣленъ лишь весьма гадательно. Какой же антропологическій смыслъ можно приписать среднимъ величинамъ, полученнымъ Вейсбахомъ для столь смѣшанныхъ народностей? Никакого. А кромѣ помѣси племень, черепъ еще измѣняется подъ вліяніемъ природы и культурныхъ измѣненій. Очевидно, что надобно еще строго держаться словъ фонъ-Бэра о невозможности заключать о происхожденіи по однімъ формамъ череповъ. Приходится, по словамъ этого ученаго, отодвинуть пока на задній планъ исторію распредѣленія человѣческаго рода и этнологію, подобно всякой другой наукѣ, основанной на наблюденіи, должно начать съ изслѣдованія частностей, чтобы получить общіе результаты лишь вполнѣ послѣдствіи. Раздѣленіе человѣческаго рода на расы и племена такимъ образомъ оказывается еще не научнымъ представленіемъ, дальнею аналогіею, и рѣшеніе этнологическихъ вопросовъ далеко отстало по научности отъ рѣшеній вопросовъ общей и исторической антропологіи. Три элемента могли служить къ различію племенъ: физическія особенности, языкъ и культура, но всѣ они въ извѣстной степени могли измѣняться и законы измѣненія ихъ еще не изслѣдованы. Культурныя особенности распространялись отъ одного племени на другое всего удобнѣе и, кромѣ того, нѣтъ, по замѣчанію Тейлора², ни

¹ Weissbach: «Die Gewichtsverhältnisse der Gehirne österreichischer Völker mit Rücksicht auf Körpergröße, Alter, Geschlecht und Krankheiten» въ «Archiv». etc. I, 191 и сл., 285 и сл.

² E. B. Tylor: «Researches into the early history of mankind» etc. 1861) 362 и сл. Это сочиненіе недавно появилось въ русскомъ переводѣ.

одного явленія элементарной культуры, которое не повторилось бы въ народностяхъ весьма отдаленныхъ. Народности и племена принимали нарѣчія другихъ племенъ, не только искажая ихъ, но утрачивая иногда до послѣдняго слова свой прежній языкъ. Наконецъ, физическія формы мѣнялись, и самыя прочныя изъ нихъ, кости, какъ мы видѣли, подвергались измѣненію.

Все-таки, конечно, послѣдній элементъ былъ самый прочный, и Брокъ былъ правъ, придавая ему преимущественное значеніе. Но чтобы этотъ элементъ могъ быть надлежащимъ образомъ изслѣдованъ и лечъ въ основаніе правильной этнологіи, надо приступить къ его разработкѣ методически. Не всякая страна можетъ служить годною мѣстностью для точки исхода подобнаго изслѣдованія, и черепа древнихъ раскопокъ этою точкою исхода служить ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Надо идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, а не на оборотъ и начинать съ точекъ, гдѣ *приблизительно* можно допустить самый простой случай для разрѣшенія.

Первое приближеніе даетъ исторія. Она сохранила преданія переселенія племенъ въ ближайшее къ намъ время и, слѣдовательно, всюду, гдѣ намъ *извѣстно исторически*, что племена смѣшивались, подвергались вліянію разнообразныхъ климатическихъ и топографическихъ условій, переходили чрезъ весьма различныя ступени культуры, тамъ, очевидно, вопросъ столь сложенъ, что теперь же рѣшить его *нельзя*. Этими самымъ исключается возможность рѣшенія вопроса въ наше время во всей Западной Европѣ, въ южной и средней Россіи, на всемъ пространствѣ мусульманскихъ завосваній и всюду, гдѣ европейская колонизація оказала болѣе или менѣе значительное вліяніе.

Очевидно, вопросъ бы упростился, еслибы приступить къ нему въ странѣ, населенной племенемъ, чистота котораго едва-ли можетъ быть заподозрѣна въ тотъ періодъ, когда человечество существуетъ въ формѣ отдѣльныхъ расъ; въ племени, неиспытавшемъ значительныхъ культурныхъ измѣненій, и которое, если имѣло обширнѣйшее распространеніе въ древнее время, то тѣмъ не менѣе въ мѣстностяхъ, природа которыхъ была не весьма различна. Доведа до минимума въ данномъ случаѣ, отклоняющее вліяніемъ природы, культуры и смѣшенія племенъ, мы можемъ уже съ большою вѣроятностію сказать, что современный анатомическій типъ разсматриваемаго нами племени долженъ былъ остаться почти тѣмъ же, чѣмъ былъ въ глубокой древности, и при достаточномъ современномъ матеріалѣ получимъ прочную данную и для историческихъ выводовъ.

Если послѣ этого для другой мѣстности мы имѣемъ историческую вѣроятность, что племя, нами разсмотрѣнное и анатомически опредѣленное, смѣшалось лишь съ другимъ, исторически-извѣстнымъ племенемъ, то эта вторая мѣстность можетъ намъ дать

новые выводы, которые могут быть признаны основательными. Именно, анатомический материал, доставленный второю мѣстностью, можетъ, по сравненію съ анатомическимъ матеріаломъ первой мѣстности, указать намъ, какъ измѣненіе перваго анатомическаго типа подъ вліяніемъ втораго, такъ отличіе перваго отъ втораго тамъ, гдѣ смѣшеніе не произошло и, наконецъ, однообразіе и разнообразіе типовъ втораго племени. Конечно, послѣдній вопросъ, какъ болѣе сложный, дать и результаты, требующіе болѣе строгой повѣрки, но тѣмъ не менѣе мы можемъ этимъ путемъ получить довольно точное рѣшеніе. Рѣшивъ же второй вопросъ, можно будетъ приступить къ сложнѣйшимъ вопросамъ относительно смѣшанныхъ населеній.

Рѣшивъ вопросъ для одного, двухъ, трехъ наиболѣе чистыхъ племенъ, а потомъ для народностей, смѣшанныхъ изъ нихъ, мы можемъ уже приступить къ племенамъ тѣхъ же расъ, но въ которыхъ культура очень измѣнилась, или которыя подвергались различнымъ естественнымъ вліяніямъ. Лишь получивъ такимъ путемъ болѣе или менѣе прочный матеріалъ, можно будетъ задать себѣ вопросъ: къ какому племени принадлежитъ данный найденный черепъ? До тѣхъ поръ лингвисты имѣютъ право насмѣшливо слушать смѣлыя заключенія краниологовъ относительно этнологіи той или другой страны, относительно принадлежности могилы той или другой національности и указывать на коллекцію Генля, заключающую образцы всѣхъ характеристическихъ особенностей череповъ разныхъ расъ, тогда какъ черепа получены въ нижней Саксоніи¹.

Ограничиваемъ предъидущимъ нашъ очеркъ дѣятельности антропологовъ и ихъ значенія. Конечно, не они вызвали замѣчательнѣйшія открытія въ антропологіи за послѣднее время; напротивъ, общества были вызваны этими открытіями. Но значеніе антропологіи для современнаго движенія мысли такъ велико, что собраніе авторитетовъ науки и гласное, свободное обсужденіе антропологическихъ вопросовъ, было совершенно необходимо какъ для того, чтобы скорѣе внести пріобрѣтенные результаты въ общій капиталъ европейской мысли, оградивъ ихъ отъ нападокъ рутинны, такъ и для того, чтобы направляя къ одной цѣли умственную дѣятельность специалистовъ по разнымъ отраслямъ, научить рѣшить антропологическіе вопросы, заключающіе столь разнообразныя элементы. Въ дѣятельности антропологическихъ обществъ весьма-легко найти много недостатковъ и ошибокъ. Болѣе старыя науки могутъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ смотрѣть на разборъ вопросовъ, гдѣ ежеминутно проглядываетъ и недостаточное знаніе фактовъ, и неумѣнье ихъ изслѣдовать методически, и поспѣш-

¹ *W. Krause: «Ueb. die Aufgaben der wissenschaftlichen Krianiometrie» въ «Archiv» etc. I, 251.*

ность въ полученіи результатовъ, и безпкойное сознаніе, что каждое слово, произнесенное при разборѣ этихъ вопросовъ, имѣеть не только значеніе теоретическаго мнѣнія, но можетъ служить мечомъ въ битвѣ защитниковъ преданія съ борцами новыхъ идей, можетъ навлечь на мирнаго ученаго грозную ненависть обширной партіи, озлобленной безпрестанными поражениями, или насмѣшку и презрѣніе людей, стоящихъ въ первыхъ рядахъ новаго направленія мысли. Конечно, отсюда получается, какъ слѣдствіе и то, что пренія иногда безтолковы и не приводятъ ни къ какому результату, въ другой разъ не научны и служатъ лишь поводомъ къ ораторству второстепенныхъ личностей. Тѣмъ не менѣе общества дѣлають свое дѣло. Факты собираются и обсуждаются. Лингвисты, археологи, естествоиспытатели знакомятся съ методами другихъ отраслей знанія и съ результатами ими забытыми. Ученый, который, можетъ-быть, промолчалъ бы въ неловкомъ вопросѣ, высказывается въ жару преній, и самъ не замѣчаетъ, какой вѣсь имѣеть его слово для партіи, которой онъ вовсе содѣйствовать не былъ намѣренъ. Устанавливаются элементарныя аналогіи въ общественномъ мнѣніи. Яснѣе прежняго публика понимаетъ значеніе новыхъ пріобрѣтеній науки для современной мысли. На кафедрахъ, прежде столь осторожныхъ, въ изданіяхъ нежелавшихъ оскорблять старины, все чаще высказываются мысли, которыя казались бы еще недавно *неудобными*. Все болѣе расширяется новое міросозерцаніе, уже три вѣка вырабатываемое въ Европѣ, и центромъ его становится развивающаяся наука о человѣкѣ.

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧЪ ПИСАРЕВЪ.

(Его критическая дѣятельность въ связи съ характеромъ его интеллектуальнаго развитія).

(Статья вторая и послѣдняя).

I.

Въ первой статьѣ о Писаревѣ мы имѣли дѣло съ тѣми критическими статьями его, которыя относятся къ явленіямъ современной намъ жизни. Мы видѣли, что характеръ анализа Писарева по преимуществу моральный: анализируя факты дѣйствительности, онъ обращаетъ вниманіе не столько на тѣ общія условія жизни, которыя ихъ создаютъ, сколько на свой собственный нравственный идеалъ, съ которымъ онъ сличаетъ разсматриваемые имъ факты, выводитъ заключеніе о ихъ годности или негодности и рекомендуетъ своимъ современникамъ вопло-

* См. 1-ую статью въ № 1 «Отеч. Запис.» 1869 г.

шать въ своихъ личностяхъ этотъ идеаль, не принимая при этомъ въ расчетъ, что такое воплощеніе возможно только какъ результатъ переработки общихъ условій жизни, а напротивъ того, думая, что самая эта переработка зависитъ оттого, чтобы какъ можно большее количество личностей были идеальными по своему нравственному совершенству.

Теперь мы обратимся къ статьѣ Писарева «Пушкинъ и Бѣлинскій», въ которой онъ имѣетъ дѣло съ явленіями прошлой нашей жизни. Здѣсь мы увидимъ точку зрѣнія, опять-таки исключительно моральную. Моралисты обыкновенно къ прошлому относятся съ тѣмъ же нравственнымъ масштабомъ, какъ и къ настоящему. Какъ мало обращаютъ они вниманія на условія, вліяющія на жизнь ихъ времени, такъ и на условія прошлыхъ вѣковъ. Въ современномъ намъ ученомъ мірѣ мы имѣемъ одного такого моралиста — г. Ор. Миллера. Прочтите вы его различныя ученія изслѣдованія, и вы увидите, что какіе бы памятники искусства онъ ни разбираетъ, онъ обращаетъ вниманіе не на то, какое значеніе имѣли они въ связи со своимъ вѣкомъ, а на то, на сколько они удовлетворяютъ его собственному нравственному кодексу. Ему, напримѣръ, кажется, что памятники древней Индіи нравственнѣе греческихъ — онъ и ставитъ имъ лучшій балъ въ поведеніи, чѣмъ послѣднимъ. Нѣтъ спору въ томъ, что нравственный кодексъ Писарева совершенно иной, чѣмъ у г. Ор. Миллера, и васъ можетъ болѣе удовлетворить первый, чѣмъ послѣдній, но тѣмъ не менѣе отношеніе къ прошлому у Писарева совершенно такое же, какъ у г. Ор. Миллера. И тѣмъ болѣе трудно бываетъ уловить ложность такого отношенія, что моралисты съ своей точки зрѣнія *бываютъ* обыкновенно совершенно правы. Такъ, читая вышеозначенную статью Писарева, вы встрѣчаете на каждой страницѣ много мыслей, съ своей точки зрѣнія истинныхъ, съ которыми вы не можете не согласиться. Можете ли вы не согласиться, что Евгеній Онѣгинъ, какимъ бы Пушкинъ ни выставлялъ его умнымъ и блестящимъ, а Бѣлинскій несчастнымъ, все-таки въ концѣ-концовъ праздный и бесполезный филистеръ, что Татьяна, какими бы природными качествами ни была она надѣлена, все-таки не можетъ выдержать ни малѣйшаго сравненія съ умною, развитою, энергическою труженицею нашего времени, что лирика Пушкина, что бы тамъ Бѣлинскій ни говорилъ о ея художественности, все-таки пуста, иногда и пошла. Все это, безспорно, справедливо. Но въ то же время, читая статью Писарева, вы чувствуете, что въ ней недостаетъ чего-то существеннаго, и такого притомъ, безъ чего, какъ ни справедливы всѣ вышеозначенныя мысли, онѣ нисколько не рѣшаютъ вопроса о значеніи Пушкина въ нашей литературѣ и типа Онѣгина въ нашей жизни.

Представьте вы себѣ, что вы разсматривали бы картину съ глубокою перспективою. Естественно, что художникъ на первомъ планѣ изобразилъ фигуры, которыя должны вамъ пред-

ставляться вдесятеро громаднѣйшими, чѣмъ тѣ колоссальнаго, быть можетъ, роста люди, которые стоятъ на заднемъ планѣ. Вдругъ является человекъ, и на основаніи непосредственнаго наблюденія начинаетъ доказывать вамъ, что близъ стоящія фигуры дѣйствительно больше тѣхъ гигантовъ, которые находятся въ отдаленіи. Какъ убѣдите вы собесѣдника въ его заблужденіи, если онъ беретъ въ руки циркуль, сначала прилагаетъ его къ однѣмъ фигурамъ, потомъ къ другимъ, и дѣйствительно первыя занимаютъ больше мѣста на холстѣ, чѣмъ послѣднія, которыя составляютъ едва десятую долю первыхъ. Вашъ собесѣдникъ съ своей точки зрѣнія совершенно правъ, передъ нимъ живая дѣйствительность, осязаемая циркулемъ и глазомъ, и вамъ остается только пожать плечами, и посовѣтовать вашему собесѣднику познакомиться съ основными законами оптики.

Для публициста и критика необходимо знаніе своего рода перспективы, которую можно назвать историческою. Отсутствие этого знанія можетъ завести писателя въ непроходимыя трущобы. Вы посмотрите, до какихъ курьезныхъ выводовъ дошли нѣкоторые западные экономисты, не принявши во вниманіе законовъ исторической перспективы: усматривая въ исторіи культуры Европы, что современные рабочіе во многихъ первыхъ потребностяхъ жизни обезпечены гораздо болѣе, чѣмъ рабочіе прежнихъ временъ, а американскіе рабочіе еще того болѣе, они пришли прямо къ тому выводу, что, слѣдовательно, никакихъ социальныхъ улучшеній быта рабочихъ не требуется, что достаточно одного промышленнаго прогресса, который и безъ того самъ собою улучшаетъ съ каждымъ вѣкомъ бытъ рабочихъ; затѣмъ слѣдуетъ приведеніе историческихъ фактовъ, доказывающихъ, что прежде рабочіе жили такъ-то, а теперь живутъ вотъ какъ, прежде питались тѣмъ-то, а теперь вотъ чѣмъ. Лассаль, въ одной изъ своихъ брошюръ, сдѣлалъ отличное возраженіе противъ экономистовъ подобнаго рода, напомнивъ имъ, что короли германскихъ дикарей жили хуже современныхъ намъ рабочихъ. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о современномъ работникѣ, послѣдній нищій, питающійся подаеніемъ, неимѣющій угла, почувствующій гдѣ-нибудь на ступеняхъ храма, покрытый жалкими рубищами, въ то же время гораздо болѣе обезпеченъ, и пользуется большими удобствами, чѣмъ пользовался король германскихъ дикарей: спать на ступеняхъ храма цивилизованнаго города — во всякомъ случаѣ безопаснѣе, чѣмъ въ какой-нибудь пещерѣ или въ лѣсу; гораздо вѣрибѣ рассчитывать на обѣдъ, хоть и очень скудный, собранный въ видѣ мѣдныхъ грошей отъ добродѣтельныхъ дателей, чѣмъ надѣяться на удачу охоты, съ плохимъ первобытнымъ оружіемъ, въ видѣ какого-нибудь заостреннаго дреколія, и ужъ, конечно, лучше хоть лохмотьями, да прикрыть наготу, чѣмъ рисковать иногда остаться нагишемъ совсѣмъ безъ всякаго одѣянія; да и вообще лохмотья, какъ бы они ни были ужасны на видъ, а все-таки удобнѣе для тѣла,

чѣмъ жесткіе безобразные куски звѣриныхъ шкуръ, составлявшіе нѣкогда королевскую мантию какого-нибудь предводителя тевтоновъ. И неужели же вслѣдствіе этого современный нищій долженъ благословлять прогрессъ и блаженствовать глядя на свою участь и сравнивая ее съ участью многихъ королей остготскихъ и вестготскихъ, герульскихъ и гепидскихъ. Заблужденіе заключается здѣсь въ томъ, что экономисты постунаютъ совершенно такъ же, какъ и вышеупомянутый вашъ собесѣдникъ, который съ циркулемъ въ рукахъ доказываетъ вамъ, что люди, стоящіе на первомъ планѣ картины, выше людей, стоящихъ на заднемъ. А еслибы они приняли въ расчетъ законы исторической перспективы, еслибы они поняли, что только фигуры, стоющія на одномъ планѣ, могутъ быть измѣряемы между собою непосредственно и безусловно, тогда они сообразили бы, что хотя современные рабочіе, повидимому, живутъ лучше прежнихъ, но это больше ничего, какъ оптическій обманъ: въ сущности же положеніе ихъ не только не улучшилось, а ухудшилось: какъ и прежде, такъ и теперь, они зарабатываютъ послѣдній минимумъ, необходимый для существованія; этотъ минимумъ увеличился съ вѣками, потому что съ развитіемъ цивилизаціи люди сдѣлались менѣе сильны, терпки и выносливы, необходимыя потребности осложнились и увеличились вмѣстѣ съ тѣмъ; ужъ на что иногда закалится, привыкнетъ и къ голоду, и къ холоду — какой-нибудь бездомный бродяга, а и онъ не вынесъ бы, можетъ быть, и года той жизни, какую вели дикари. Поэтому минимумъ существованія необходимо долженъ былъ подняться; но все-таки онъ представляетъ минимумъ, съ уменьшеніемъ котораго существованіе современнаго человѣка дѣлается невозможнымъ.

Къ этому нужно еще прибавить, что медленное возрастаніе минимума идетъ далеко неравномѣрно съ быстрымъ возрастаніемъ первыхъ потребностей съ каждымъ вѣкомъ. Было время, когда люди плохо одѣтые жили по большей части на чистомъ воздухѣ — и это не мѣшало имъ пользоваться желѣзнымъ здоровьемъ и доживать до глубокой старости. Нынѣ теплая одежда и теплое жилище сдѣлались одною изъ первыхъ потребностей жизни; организмъ европейца дошелъ до такой утонченности, что не только жизнь на чистомъ воздухѣ, а въ мало-мальски холодной и сырой квартирѣ — быстро его истощаетъ и разрушаетъ. Но возросъ ли вмѣстѣ съ этимъ минимумъ заработной платы на столько, чтобы масса рабочихъ могла пользоваться теплою одеждою и жильемъ, благоприятнымъ для здоровья?

Изъ этой краткой замѣтки о состояніи и измѣненіи быта рабочихъ вы можете видѣть, на сколько важно знаніе исторической перспективы для того, чтобы составить хоть на сколько нибудь вѣрное понятіе объ этомъ предметѣ. Но не менѣе важна историческая перспектива и въ изученіи быта образованныхъ сословій, въ изученіи исторіи наукъ, искусствъ и вообще всякаго движенія жизни и мысли. Въ жизни образованнаго общества

есть своего рода минимумъ для удовлетворенія разныхъ нравственныхъ, умственныхъ и общественныхъ потребностей образованнаго человѣка. Минимумъ этотъ тоже принужденъ возвышаться вмѣстѣ съ прогрессивнымъ развитіемъ умственныхъ и нравственныхъ потребностей съ каждымъ вѣкомъ, и весьма важно и поучительно прослѣдить, дѣйствительно ли этотъ минимумъ возвышается пропорціонально съ развитіемъ идей и потребностей вѣка, или же, напротивъ того, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ потребности быстро возрастаютъ и осложняются, минимумъ движется черепашинымъ шагомъ или стоитъ на одномъ мѣстѣ и люди вертятся какъ бѣлки въ колесѣ, воображая наивно, что съ прогрессомъ идей они идутъ впередъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они продолжаютъ, можетъ быть, стоять на одномъ мѣстѣ, или же, если и подвинулись, то на самый ничтожный, куриный шагъ.

«Время Бельтовыхъ, Чацѣныхъ и Рудиныхъ прошло навсегда съ той минуты, какъ сдѣлалось возможнымъ появленіе Базаровыхъ, Лопуховыхъ и Рахметовыхъ; но мы, новѣйшіе реалисты, чувствуемъ свое кровное родство съ этимъ отжившимъ типомъ; мы узнаемъ въ немъ нашихъ предшественниковъ, мы уважаемъ и любимъ въ немъ нашихъ учителей, мы понимаемъ, что безъ *нихъ* не могло бы быть и *насъ*. Но съ онѣгинскимъ типомъ мы не связаны рѣшительно ничѣмъ; мы ничѣмъ ему не обязаны; это типъ бесплодный, неспособный ни къ развитію, ни къ перерожденію; онѣгинская скука не можетъ произвести изъ себя ничего, кромѣ нелѣпостей и гадостей. Онѣгинъ скучаетъ, какъ толстая купчиха, которая вышила три самовара и жалѣетъ о томъ, что не можетъ выпить ихъ тридцать три. Еслибъ чело-вѣческое брюхо не имѣло предѣловъ, то онѣгинская скука не могла бы существовать. Бѣлинскій любитъ Онѣгина по недоразумѣнію, но со стороны Пушкина тутъ нѣтъ никакихъ недоразумѣній».

Такъ говоритъ Писаревъ на 157 стр., 3 ч. Но что, если, вооружась историческою перспективою, мы увидимъ вдругъ, что Онѣгинъ былъ своего рода писаревскій Базаровъ 20-хъ годовъ, и что если подобная аналогія послужитъ намъ вовсе не для возвышенія Онѣгина во мнѣніи публики, а напротивъ того, для значительнаго пониженія мнимой титаничности писаревскаго Базарова? Что, если мы увидимъ, что современные намъ лучшіе люди показали Писареву какими-то колоссами только потому, что они стояли на первомъ планѣ предъ его глазами, въ дѣйствительности же, если мы подвинулись хоть на одинъ шагъ отъ Онѣгина и Печоринныхъ, то это случилось только благодаря тому, что самыя условія жизни нѣсколько измѣнились; но это измѣненіе такъ ничтожно въ сущности и условія жизни такъ мало гарантированы противъ обратнаго ихъ измѣненія, что очень и очень не много нужно, чтобъ они снова встали на ту точку, на которой стояли во время Онѣгина, и тогда если не всѣмъ,

то многимъ изъ современныхъ намъ людей ничего не стоитъ снова сдѣлаться Онѣгинскими и Печоринскими своего рода. А съ другой стороны, вооружась законами исторической перспективы, мы увидимъ, что Пушкинъ, хотя въ настоящее время и не можетъ имѣть уже никакого прямого воспитательнаго значенія на наше поколѣнiе, но въ свое время онъ принесъ своему поколѣнiю столько же пользы, сколько приносятъ современные намъ лучшiе дѣятели литературы. Въ этомъ отношенiи вопросъ о значенiи Пушкина представляется намъ тѣмъ же, чѣмъ можетъ представиться вопросъ о тѣхъ поистинѣ великихъ людяхъ своего времени, которые впервые развели огонь и научились жарить на немъ мясо. Я полагаю, всякій согласится, что этимъ первымъ изобрѣтателямъ не менѣе трудно было дойти до своихъ изобрѣтенiй, чѣмъ Гуттенбергу и Вайту—додуматься до своихъ. Но что такое ихъ изобрѣтенiя въ современной намъ жизни? — Обыденныя, будничныя занятiя поваровъ и кухарокъ. Въ настоящее время всякій посмѣется надъ человѣкомъ, который сталъ бы доказывать о великомъ значенiи на прогрессъ вкусныхъ обѣдовъ; но не менѣе, конечно, смѣшонъ былъ бы и такой человѣкъ, который на основанiи современныхъ идей вздумалъ бы осмѣивать первыхъ изобрѣтателей очага и жаренаго мяса и сталъ бы отвергать за ними всякое значенiе въ исторiи прогресса человѣчества на томъ основанiи, что заслуга этихъ людей ничѣмъ не отличается отъ ежедневной заслуги поваровъ и кухарокъ.

II.

Что Писарева болѣе всего, повидимому, вооружило противъ Онѣгинскаго типа, это именно то, что въ то время, какъ Пушкинъ писалъ свой романъ, въ жизни нашей существовала особенная среда людей, имѣвшая право относиться презрительно къ герою Пушкина романа. Среда эта въ глазахъ Писарева стояла во главѣ русской интеллигенциі того времени, Онѣгинъ же вовсе не принадлежалъ къ этой средѣ:

«Если вы пожелаете узнать, говорить Писаревъ на 179 стр. 3 ч., чѣмъ занималась образованнѣйшая часть русскаго общества въ двадцатыхъ годахъ, то энциклопедiя русской жизни (т.-е. романъ Пушкина) отвѣтитъ вамъ, что эта образованнѣйшая часть ѣла, пила, плясала, посѣщала театры, влюблялась и страдала то отъ скуки, то отъ любви. И только? спросите вы. — И только! отвѣтитъ энциклопедiя. — Это очень весело, подумаете вы, но не совсѣмъ правдоподобно. Неужели въ тогдашней Россiи не было ничего другаго? Неужели молодые люди не мечтали о карьерахъ и не старались проложить себѣ, такъ или иначе, дорогу къ богатству и къ почестямъ? Неужели каждый отдѣльный человѣкъ былъ доволенъ своимъ положенiемъ и не шевелилъ ни однимъ пальцемъ для того, чтобы улучшить это

положеніе? Неужели Онѣгину приходилось презирать людей только за то, что они очень громко стучали каблуками во время мазурки? И неужели не было въ тогдашнемъ обществѣ такихъ людей, которые не задерживали мыслителей XVIII вѣка траурной тафтой, и которые могли смотрѣть на Онѣгина съ такимъ же презрѣніемъ, съ какимъ самъ Онѣгинъ смотрѣлъ на Буянова, Пустягова и разныхъ другихъ представителей провинціальной фауны? На послѣдній вопросъ энциклопедія отвѣчаетъ совершенно отрицательно. По крайней-мѣрѣ, мы видимъ, что Онѣгинъ на всѣхъ смотритъ сверху внизъ, и что на него самого не смотритъ такимъ образомъ никто. Всѣ остальные вопросы оставлены совершенно безъ отвѣта.»

Но прежде чѣмъ обвинять Пушкина, зачѣмъ онъ въ своемъ романѣ не вывелъ одного изъ людей, не задерживавшихъ тафтою мыслителей XVIII вѣка, мы взглянемъ пристальнѣе въ вѣкъ Пушкина и освѣдомимся, много ли было такихъ людей, и каково было все общество того времени.

Въ нашей литературѣ уже съ незапамятныхъ временъ—весьма нерѣдко и неново представленіе старой жизни нашего общества, въ видѣ жизни чисто восточной, азиатской. Какъ ни старо такое сравненіе, а его трудно избѣгнуть, едва только начинаешь разсматривать какую-нибудь изъ прожитыхъ нами эпохъ, хотя бы даже эпоху Пушкина.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ общество, въ которомъ мало того, что не было той живой, горячей, бьющей ключемъ общественной жизни, которую полна Европа, но въ которомъ личная и семейная жизнь была замкнута въ тѣсныя рамки цѣлой системы обрядовъ и обычаевъ, заранее установленныхъ и опредѣляющихъ каждый шагъ человѣка, такъ что едва человѣкъ родился, можно предсказать въ точности всю жизнь его до гробовой доски—и вотъ вамъ общество временъ Пушкина. Читая бездну мемуаровъ, автобіографій или біографій людей того времени, удивляешься тому мертвому однообразію, той чисто восточной обычности, по которымъ слагалась въ то время жизнь людей,—и людей, не забудьте, выдающихся, жизнь которыхъ, при всемъ своемъ однообразіи, все-таки отличалась отъ жизни тысячи людей и была разнообразнѣе въ своемъ родѣ. Едва юноша кончалъ курсъ въ какомъ-нибудь схоластическомъ заведеніи, послѣ скуднаго образованія болѣе для соблюденія обычая, чѣмъ для чего-нибудь иного, родители приводили молодого человѣка къ какому-нибудь благодѣтелю; здѣсь слѣдовало обычное количество поклоновъ, обычное количество всякаго рода пожеланій, просьбъ не оставить молодого птенца безъ руководящей мастидой руки опытности и замѣнить ему родителей. Затѣмъ молодой человѣкъ начиналъ свою карьеру, и не будемъ обвинять его, если, по примѣру своихъ родителей, по примѣру всей окружающей его среды, онъ смотрѣлъ на своего благодѣтеля съ благоговѣніемъ, какъ на своего новаго отца, если онъ съ безпре-

рословнымъ почтеніемъ выслушивалъ его нелѣпыя замѣчанія, его грубости, иногда незаслуженныя оскорбленія. Такъ поступали всѣ, такъ поступалъ и нашъ юноша: въ обыденный день являлся онъ къ своему благодѣтелю на званный обѣдъ или вечеръ, и тамъ заранѣе все было опредѣлено: кто какъ ему поклонится, кто сколько скажетъ ему словъ и какимъ тономъ, на какое мѣсто его посадятъ, даже какое вино поставятъ передъ его приборомъ, и самъ онъ заранѣе долженъ былъ начертить въ головѣ планъ, кому какъ поклониться, кому что сказать и даже съ кѣмъ говорить, а кого и вовсе не замѣтить; — и это предстояло испытывать и продѣлывать не только на благодѣтельскихъ вечерахъ и обѣдахъ, но и вообще, куда бы ни являлся юноша въ домъ, въ какое бы общество ни показывался. Главную, исключительную науку жизни составляло знаніе тѣхъ китайскихъ обрядовъ и обычаевъ, безъ которыхъ человѣку невозможно было ступить въ общество, но за то знаніе которыхъ отворяло человѣку широкую дверь къ достиженію какихъ угодно цѣлей. Подобная обрядность жизни выработывала Фамусовыхъ и Молчалиныхъ — и нужно сказать, что типы эти были не однимъ исключительнымъ проявленіемъ чиновничества: они были преобладающими типами общества во всѣхъ сферахъ, не исключая науки и литературы. Большинство нашихъ ученыхъ, поэтовъ и журналистовъ — были Фамусовы или Молчалины съ ногъ до головы: то-есть, если добивались чего-нибудь въ жизни, то добивались только смотря по тому, на сколько извѣстна была имъ фамусовская наука стоянія въ переднихъ, поклоновъ и всякаго рода церемоній. Вся жизнь людей была ни чѣмъ инымъ, какъ постояннымъ переходомъ отъ однихъ благодѣтелей къ другимъ, отъ низшихъ къ высшимъ, отъ павшихъ къ возвысившимся — и не только общественная дѣятельность, но и частная жизнь — женитьба, развлечения, костюмъ, домашнія привычки — все это зависѣло не отъ личнаго вкуса и свойства темперамента или развитія, а отъ заранѣе опредѣленныхъ обычныхъ рамокъ, малѣйшее отклоненіе отъ которыхъ возбуждало бурю общественнаго мнѣнія, какъ нѣчто святотатственное, какъ покушеніе на ниспроверженіе религіи, нравственности и даже общественного порядка. И эти люди, слагавшіе свою жизнь съ китайскою обрядностью, чинностью и церемонностью, имѣли свою литературу; они, которые въ жизни ничего не знали лучшаго, кромѣ обѣда, который ѣлъ бы три часа, а три дня не сварилось, — любили поэзію, и мало того, что любили, а превозносили ее и ставили ее чуть не наравнѣ съ религіею. Они, погрязая въ самой беззавѣтной пошлости жизни, благоговѣли передъ искусствомъ гораздо болѣе, чѣмъ благоговѣемъ мы, и требовали, чтобы искусство возвышало ихъ отъ земнаго и постоянно твердило имъ о разныхъ возвышенныхъ предметахъ. Ничего тутъ нѣтъ удивительнаго. Какъ ни странно съ перваго взгляда совпаденіе романтическаго паренія мыслей горѣ и

фамусовской пошлости въ жизни, но это совпаденіе мало того, что естественно, а необходимо. Европейецъ, въ истинномъ значеніи этого слова, на религію, искусство, науку смотритъ по степени своего развитія, какъ на нѣчто такое, отъ чего ждать онъ совѣта, отвѣта на то, какъ ему жить и дѣйствовать. Но представьте вы себѣ китайца, у котораго жизнь слагается по обрядамъ и обычаямъ, заранѣе установленнымъ и непреложнымъ. Для руководства въ жизни такого человѣка нужно только знаніе этихъ обычаевъ и обрядовъ, и соблюденіе ихъ. Это знаніе пріобрѣтается практическимъ опытомъ помимо книжекъ, какого бы онѣ содержанія ни были духовнаго, научнаго или поэтическаго. Но природа такого человѣка, погрязая въ тинѣ пошлости и грязи, опутанная мелкими обычаями и обезличенная, будетъ постоянно искать и жаждать такихъ минутъ, въ которыя она чувствовала бы себя высоко стоящею надъ житейскою пошлостью и свободною отъ всѣхъ оковъ, хотя бы эта свобода была фиктивная, мнимая. Объяснить въ точности причину этого факта мы не беремъ, но мы постоянно видимъ, что экзальтація, минутное или постоянное отрѣшеніе отъ реальной жизни и пареніе въ разныхъ отвлеченныхъ сферахъ, постоянно являются тамъ, гдѣ жизнь пошла, мелка, скована въ опредѣленные, тѣсныя рамки и гдѣ личность совершенно обезличена. Это мы видимъ на Востокѣ, и то же самое встрѣчаемъ въ нашей прошлой жизни. Чѣмъ пошлѣе былъ какой-нибудь Фамусовъ, тѣмъ болѣе было у него потребности прослѣзиться при видѣ какой-нибудь похоронной процессіи и вознести мысли горѣ, тѣмъ естественнѣе было ему, который въ своей жизни совершенно расходился съ требованіями той религіи, которую исповѣдывалъ, искать въ этой религіи минутныхъ пареній и забвенія всего земнаго, чтобы потомъ еще глубже погрязнуть въ своей пошлости. Точно того же искалъ Фамусовъ и въ литературѣ. Поэзія, по его мнѣнію, должна была быть такая, которая высокимъ слогомъ говоря о высокихъ предметахъ, отвлекала бы его на нѣсколько минутъ отъ пошлой жизни и поселяла бы въ иной міръ, гдѣ не было бы ни званыхъ обѣдовъ, ни чинныхъ поклоновъ. Это было, однимъ словомъ, требованіе пьяницы, ищущаго въ винѣ забвенія. И Фамусовъ находилъ, чего искалъ. Поэзія того времени была или ложно классическая, или романтическая, смѣнившая первую. Какъ та, такъ и другая школы стоятъ въ этомъ отношеніи совершенно на одной ногѣ. Романтизмъ, который смѣнилъ у насъ ложный классицизмъ, нисколько не подвинулъ впередъ литературу или общество: въ то время, какъ классики, начиная съ Ломоносова и кончая Дмитриевымъ, доставляли своимъ современнымъ людямъ забвеніе, поселяя ихъ въ міръ классическихъ ходульныхъ героевъ, говорившихъ нечеловѣческимъ языкомъ, пылавшихъ нечеловѣческими страстями и производившихъ нечеловѣческіе подвиги, Жуковскій увлекъ своихъ современниковъ въ міръ вѣдьмъ, чертей и печальныхъ рыцарей,

изнывающихъ при блескѣ луны. Теперь представьте вы себѣ, что въ этомъ обществѣ явилось нѣсколько десятковъ людей, увлекшихся западными мыслителями XVIII вѣка, и мало того, что рѣшившихся устроить свою частную жизнь не по установленнымъ обычаямъ, но дерзнувшихъ мечтать о томъ, чтобы всю жизнь устроить на иныхъ основаніяхъ. Люди эти такъ мало общаго имѣли со всею массою общества и настолько опередили ее, что ихъ скорѣе можно назвать исключеніемъ, чѣмъ передовымъ слоемъ своего времени. Что они не имѣли ничего общаго съ жизнью своего времени, это видно изъ той замкнутости и совершенной изолированности, въ которой находилась та сторона ихъ жизни, въ которой они видѣли свое призваніе. Они не имѣли возможности создать хотя бы школу въ литературѣ, свое особенное направленіе, они не могли и заикнуться о своихъ идеяхъ, а издавали альманахи, которые наполняли тѣми же романтическими рыцарями и дѣвами, какіе были тогда въ модѣ и слѣдовательно, угождали Фамусовымъ и Молчалинымъ, искавшимъ въ поэзіи минутной экзальтаціи; а свои идеи, свои мечты глубоко зарывали въ тайникахъ своихъ кабинетовъ. Когда потомъ одни изъ этихъ людей сошли со своего поприща, другіе задернули тафтою мыслителей XVIII вѣка и — погрязли въ житейской пошлости, или же предалися той же онѣгинской суетѣ и праздности. Онѣгинъ и по своему образованію и по складу всей своей жизни представляется намъ, конечно, далеко ниже этихъ людей. Но въ то же время онъ представляетъ въ своей личности столько живыхъ и свѣжихъ элементовъ сравнительно съ общимъ строемъ современной ему жизни, что и его, при всемъ его ничтожествѣ, невольно поставишь выше большинства его современниковъ.

Представьте вы себѣ, что Японія увлеклась бы европеизмомъ; высшіе классы Японіи одѣлись бы въ европейскіе костюмы, завели бы европейское войско, европейскій флотъ, два-три университета и два-три трактира на европейскую ногу. Но жизнь оставалась бы все та же японская, какая была и прежде, и личность въ этой жизни, попрежнему, была бы опутана и подавлена японскими обычаями и церемоніями. Явились бы въ Японіи и литераторы; но они, упорно отвращая свои взоры отъ всего японскаго, только и дѣлали бы, что высокопарнымъ слогомъ воспѣвали героевъ европейской древности или средневѣковаго рыцарства.

И вдругъ, среди этой японской жизни явилась бы цѣлая среда людей, которые впервые додумались бы до самыхъ элементарныхъ идей свободы личности. Предположимъ, что эту свободу они понимали бы вовсе не въ видѣ какой-либо гражданской или политической свободы, а просто въ видѣ признанія своего человѣческаго достоинства, признанія чести, нравственнаго благородства и независимости. Эти новыя въ японской жизни убѣжденія они сейчасъ же начали бы примѣнять на практикѣ; подобное

примѣненіе было бы весьма невиннаго свойства: оно заключалось бы только въ томъ, что эти новые люди сбросили бы съ себя иго тѣхъ обычаевъ и церемоній, на которые современники ихъ смотрѣли, какъ на нѣчто, безъ чего невозможно существованіе. Являясь куда-нибудь въ домъ, они перестали бы заниматься глубокомысленнымъ обдумываньемъ, кому какой сдѣлать реверансъ, кому сказать какую пріятную нѣжность. Какъ европейцы, они кланялись бы просто, безъ затѣй, кому имъ хотѣлось, разговаривали бы о чемъ пришло въ голову, и нисколько при этомъ не помышляли бы, какъ бы снискать благорасположеніе такого-то великаго лица, какъ избѣгнуть немилости другаго. Въ то же время въ своей частной жизни они рѣшились бы слѣдовать своимъ личнымъ вкусамъ и прихотямъ, нисколько не стѣсняясь тѣми обычаями, по которымъ въ глазахъ большинства японцевъ должна была бы быть расположена жизнь всякаго порядочнаго японца. Предположимъ, что эта свободная жизнь по личнымъ вкусамъ и прихотямъ не представляла бы никакого пнаго содержанія, кромѣ необузданнаго кутежа и донъ-жуанства, не стѣняясь никакими законами японской узкой морали и обрядности. Такая жизнь, конечно, казалась бы безсодержательна, пуста и пошла съ современной намъ точки зрѣнія, но для японцевъ это былъ бы огромный шагъ впередъ; старше японцы смотрѣли бы на эту жизнь, какъ на нѣчто новое, неслыханное и невиданное; они подняли бы цѣлую бурю противъ этихъ новыхъ людей, какъ противъ опасныхъ нововводителей, какъ противъ безнравственныхъ чудовищъ, дерзнувшихъ ниспровергнуть освященные вѣками прагматовскіе законы и обычай. За то всѣ молодые и свѣжіе японцы не замедлили бы толпами присоединиться къ этимъ новымъ людямъ.

Совершенно такое же явленіе мы видимъ въ нашей жизни времянъ Пушкина. Молодые, свѣжіе люди, явившіеся на поприще жизни послѣ войны 1812 года, внесли въ жизнь рядъ новыхъ убѣжденій о благородствѣ, о чести, о независимости личности, и вмѣстѣ съ этимъ саркастическое отношеніе къ прежней жизни, расположенной по извѣстнымъ темпамъ и обычаямъ. Отношеніе ихъ къ прежней жизни, правда, ограничивалось однимъ отрицаніемъ; они въ сущности только и дѣлали, что не слѣдовали примѣру своихъ соотечественниковъ: не торчали въ переднихъ, не кланялись сильнымъ міра и вмѣсто благоразумнаго устройства карьеры—занимались кутежами, донъ-жуанствомъ, или тѣшились маленькими шалостями, въ сущности ребяческими, но которыя были направлены постоянно на осмѣяніе какой-нибудь пошлости и протестъ противъ рутинной обрядности жизни. Но столько было чопорности, чинности, натянутости въ жизни общества того времени, что всего этого взятаго вмѣстѣ достаточно было, чтобы люди эти прослыли опасными вольнодумцами, разрушителями общественнаго порядка и благочинія. Достаточно было Чапкому посмѣяться надъ китайскимъ обычаемъ:

У покровителей звать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообтдать,
Подставить стулъ, поднять платок...

для того, чтобы Фамусовъ въ ужасть вскричалъ:

Онъ вольности изволятъ проповѣдать.

Пушкину удалось только три года послѣ выпуска изъ лицея прожить въ столицѣ жизнью хоть сколько-нибудь свободною и независимою, и хотя эта жизнь по преимуществу заключалась въ бурныхъ кутежахъ молодости и невинныхъ свѣтскихъ развлеченіяхъ, но такъ-какъ отношеніе его къ окружающимъ людямъ было совершенно иное, чѣмъ у массы людей, то этого было достаточно, чтобы дальнѣйшее пребываніе его въ столицѣ сдѣлалось невозможнымъ. «Поводомъ къ удаленію Пушкина изъ Петербурга — говоритъ біографъ Пушкина г. Анненковъ — были *его собственная неосмотрительность, заносчивость въ мнѣніяхъ и поступкахъ*, которыя вовсе не лежали въ сущности его характера, но привились къ нему по легкомыслію молодости, и потому, что проходили тогда безъ осужденія (?). Этотъ недостатокъ общества, намъ уже, къ счастью, неизвѣстный, долженъ былъ проявиться сильнѣе въ натурѣ воспримчивой и пламенной, какова была Пушкина. Не разъ переступалъ онъ черту, у которой остановился бы всякій, болѣе разсудительный человѣкъ, и скоро дошелъ до края той пропасти, въ которую бы упалъ непременно, еслибъ его не удержали снисходительность и попечительность начальства. Говорятъ, что наказаніе, ожидавшее Пушкина за грѣхи его молодости, было смягчено ходатайствомъ и поручай Н. М. Карамзина».

Вы посмотрите, какъ съ другой стороны относился къ пушкинскому кружку современникъ его В. И. Панаевъ, человѣкъ благоусмотрительный, чинный, поклонявшійся старымъ литературнымъ корифеямъ и вполне усвоившій всю китайскую мудрость Фамусова: «Литературное партизанство — говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ (см. В. Евр. сент. 1867) — еще усилилось съ появленіемъ лицействовъ, къ которымъ примкнули другіе молодые люди, сверстники ихъ по лѣтамъ. Они были (оставляя въ сторонѣ гениальнаго Пушкина) по большей части люди съ дарованіями, но съ непомѣрнымъ самолюбіемъ. Имъ хотѣлось поскорѣе войти въ кругъ писателей, поравняться съ ними. Поэтому, ухватясь за Пушкина, который тотчасъ сталъ на ряду съ своими предшественниками, окружили они нѣкоторыхъ литературныхъ корифеевъ, льстили имъ, а тѣ, съ своей стороны, за это ласкали ихъ, баловали. Напрасно нѣкоторые изъ нихъ: Дельвигъ, Кюхельбекеръ, Баратынскій старались войти со мною въ короткія сношенія: *мнѣ не нравилась ихъ самонадѣянность, рѣшительный тонъ въ сужденіяхъ, пристрастіе и не очмы похвальный поведеніе: моя разборчивость не допускала сблизенія съ такими молодыми людьми; я старался уклониться отъ ихъ*

короткости, даже не заплатилъ имъ визитовъ. Они на меня противались, и очень ко мнѣ не благоволили. Впоследствии они противались на меня еще больше, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, за то, что я не совѣтовалъ одной молодой, опрометчивой женщины — съ ними знакомиться».

Но когда, въ отсутствіе Панаева въ Москвѣ, опрометчивая женщина познакомилась-таки съ кружкомъ Пушкина, благочестивая Москва пришла въ ужасъ отъ такого событія: «пріятели Яковлева введены имъ въ домъ: насчетъ водворенія его пошли невыгодныя для бѣдной Софьи Дмитріевны толки; отецъ, сестра перестали къ ней ѣздить. Глубоко всѣмъ этимъ огорченный, продолжаетъ Панаевъ, я выразилъ ей мое негодованіе, указавъ на справедливость моихъ предсказаній, и прекратилъ мои посѣщенія». Когда потомъ Софья Дмитріевна умерла, ея родные и друзья не замедлили, конечно, объяснить ея смерть прямо, какъ слѣдствіе знакомства съ такими зловредными людьми, какъ друзья Пушкина. «Когда я рядомъ съ отцомъ ея — говорить Панаевъ — шелъ за ея гробомъ, онъ сказалъ мнѣ: если бы она слѣдовала вашимъ совѣтамъ и сохранила вашу дружбу — мы не провожали бы ее на кладбище». Чтобъ еще нагляднѣе очертить отношеніе Пушкина и передовыхъ людей его времени къ современной имъ дѣйствительности и отношеніе этой дѣйствительности къ нимъ, выпишемъ одну строфу, непомѣщенную въ романъ Пушкина:

Носилъ онъ красную рубашку,
 Платокъ шелковый кушакомъ,
 Армякъ татарскій на распашку
 И шапку съ бѣлымъ козырькомъ; —
 Но только смѣя уборомъ чуднымъ,
 Безразсуднымъ и безразсуднымъ,
 Была весьма огорчена
 Его сосѣдка Дурина.
 А съ ней Мизинчиковъ, Егисній,
 Быть можетъ, толки презиралъ,
 Быть можетъ, и про нихъ не зналъ:
 Но всѣхъ своихъ обыкновеній
 Не измѣнялъ въ угоду имъ:
 За то былъ ближнимъ нестерпимъ.

Натуры мелкія, плоскія и пустыя вполне удовлетворялись подобнаго рода ребяческими протестами противъ окружавшей ихъ пошлости. Наряжались они какими нибудь шутами, на зло Дуриной или Мизинчикову, требовавшимъ, чтобы человѣкъ ни однимъ пятнышкомъ на воротничкѣ рубашки не отличался отъ принятыхъ обычаевъ и приличій, осмѣивали какую нибудь ходячую пошлость, устраивали какой нибудь фантастическій кутежъ, идущій совершенно въ разрѣзъ съ законами порядочности, умѣренности и благочестія, въ родѣ тѣхъ кутежей Анатоля Курагина съ надзирателемъ, посаженнымъ верхомъ на медвѣдя, которые

описаны въ романѣ Толстаго, — и такіе люди вполне были счастливы и довольны своею жизнью. Но можетъ ли подобнаго рода отношеніе къ окружающей пошлости удовлетворить натуру маломальски глубокую, дѣльную, активную. Такая натура никогда не можетъ быть удовлетворена однимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ жизни или одними бесплодными мелкими протестами, выражаемыми въ предѣлахъ своей собственной личности; для такой природы необходимою какою нибудь положительный трудъ, который приносилъ бы осязательную пользу людямъ, — а если нѣтъ такого труда, въ такомъ случаѣ никакой комфортъ, никакія развлеченія, никакія чувственныя, умственныя или моральныя утѣхи не могутъ удовлетворить человѣка, и удѣлъ такого человѣка — вѣчная скука праздности, вѣчная мучительная тоска, которую ничѣмъ не разсѣять, вѣчная жажда, удовлетворить которую нѣтъ человѣческой возможности. Эту скуку, тоску, жажду, эти муки Тантаала испытывали всѣ лучшіе люди времени Пушкина, и Евгений Онѣгинъ является передъ нами представителемъ этихъ людей. Писаревъ совершенно правъ, говоря въ своей статьѣ, что скука Онѣгина прямо происходила отъ недостатка положительнаго, разумнаго и полезнаго труда въ его жизни, но онъ неправъ въ то же время во многихъ отношеніяхъ. Во первыхъ, онъ неправъ, говоря, что скука Онѣгина не имѣетъ ничего общаго съ недовольствомъ жизнью, что въ этой скукѣ нельзя подмѣтить даже инстинктивнаго протеста противъ тѣхъ неудобныхъ формъ и отношеній, съ которыми мирится и уживается по привычкѣ и по силѣ инерціи пассивное большинство, что скука эта есть не что иное, какъ простое физиологическое послѣдствіе очень безпорядочной жизни; что, наконецъ, она есть видоизмѣненіе того чувства, которое нѣмцы называютъ Katzenjammer и которое обыкновенно посѣщаетъ каждую кутилу на другой день послѣ хорошей попойки (см. 129 стр. ч. 3). Болѣзнь Katzenjammer, заключающаяся въ безпрічинной хандѣ, безпокойномъ настроеніи духа, соединенномъ съ угрызеніями совѣсти, есть явленіе минутное, скоропреходящее въ жизни кутилы и донъ-жуана; она является, какъ пресыщеніе послѣ излишествъ, и быстро проходитъ, смѣняясь новымъ разгуломъ и увлеченіями. Тысячи кутилъ и волокитъ всю жизнь свою предаются излишествамъ и вполне удовлетворяются своею жизнью до послѣдняго истощенія, до гробовой доски. Они испытываютъ минутами Katzenjammer, но понятія никакого не имѣютъ о той тоскѣ, какую испытывалъ Онѣгинъ и которая происходитъ не отъ пресыщенія, а, напротивъ того, отъ невозможности удовлетворяться тѣмъ, чѣмъ удовлетворяются тысячи людей: Анатоль Курагинъ въ романѣ Толстаго «Война и миръ» тоже, по всей вѣроятности, могъ испытывать порою Katzenjammer, но едва являлся онъ на балъ или пріятельскую пирушку, онъ забывалъ о всѣхъ своихъ катценъямерахъ и увлекался виномъ и женщинами съ полнымъ самозабвеніемъ дикаря. И даже, когда

подъ старость лѣтъ Курагины доходятъ до полного истощенія силъ, они, вслѣдствіе этого, вовсе не предаются онѣгинской скукѣ, не зѣваютъ на балахъ и балетъ имъ не надобѣдетъ; не въ силахъ вкушать наслажденій молодости, они обыкновенно облизываются и таятъ, стараясь всячески возбуждать свою плоть какими нибудь насильственными способами. Онѣгинъ же былъ молодъ, силенъ, а между тѣмъ всѣ такъ-называемыя «наслажденія» опротивѣли ему; онъ скоро увидѣлъ мелкость и пошлость ихъ; они не могли удовлетворить въ немъ жажды жизни, и тоска Онѣгина была не чета Katzenjammer Курагина.

Съ другой стороны, Писаревъ неправъ, отдѣляя почему-то рѣзкою чертою типъ Онѣгина отъ типовъ Чацкаго, Рудина и Бельтова. Чацкій былъ тотъ же Онѣгинъ, только Онѣгинъ болѣе юный, неопытный, незнающій, какіе люди вокругъ него. Разочарованный Онѣгинъ зѣвалъ и молчалъ среди салоновъ, или отпускалъ какія нибудь короткія замѣчанія, сарказмы, потому что онъ очень хорошо зналъ, что проповѣдывать высокія идеи Фамусовымъ, князьямъ Тугоуховскимъ, Молчалинымъ или Загорѣцкимъ — все равно, что метать бисеръ передъ свиньями. Въ этомъ отношеніи Онѣгинъ представляется намъ гораздо умнѣе Чацкаго, который разражался громовыми тирадами въ салонѣ Фамусова не для чего инаго, какъ для того, чтобы прослыть сумасшедшимъ въ глазахъ людей, которые, не слушая его, преспокойно танцевали въ это время мазурку. Недаромъ, вслѣдствіе этого, роль Чацкаго не удавалась вполнѣ ни одному актеру, бравшемуся за нее, и никогда не удастся: актеру представляется здѣсь выполнить невозможное — представить передо ваго человѣка, который казался бы зрителямъ умнѣе всѣхъ прочихъ дѣйствующихъ лицъ комедіи и въ то же время выдѣлывалъ бы передъ публикой невообразимыя глупости. И эта глупость Чацкаго, вовсе не природное качество его, которое ставило бы его безусловно ниже Онѣгина. Ее можно объяснить тѣмъ, что Чацкій со школьной скамьи прямо ухалъ за границу. Тамъ, въ европейскихъ салонахъ, ему могло приходиться нерѣдко и самому высказывать свои завѣтныя идеи, и выслушивать проповѣдниковъ, громившихъ окружающее ихъ общество во имя тѣхъ или другихъ идеаловъ. Въ европейскихъ салонахъ подобнаго рода проповѣдники были нерѣдки въ концѣ прошлаго или началѣ нынѣшняго столѣтія; ихъ выслушивали спокойно, не считая сумасшедшими, и даже иногда увлекались ими. Подъ влияніемъ такихъ впечатлѣній, пріѣхавъ Чацкій въ Москву, попалъ въ салонъ Фамусова и, видя европейскую обстановку этого салона, европейскіе костюмы, европейскій лоскъ, — естественно, какъ человѣкъ юный, неопытный, новичокъ въ московской жизни, онъ принялъ салонъ Фамусова за дѣйствительно европейскій и началъ громогласно высказывать свои мысли и мнѣнія... Это было для него урокъ опытности, послѣ котораго, вѣроятно, онъ болѣе не повторялъ своихъ проповѣдей. И те-

Т. СLXXXIII. — Отд. II. 5

перь подумайте, въ какомъ видѣ можно себѣ представить дальнѣйшую жизнь Чацкаго послѣ окончанія комедіи, когда онъ пошелъ отыскивать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ? Можно ли представить себѣ Чацкаго иначе, какъ не въ видѣ того же Онѣгина, постоянно мѣняющаго мѣста, постоянно путешествующаго, ищущаго чего-то новаго, живаго, свѣжаго, дѣятельнаго, что наполнило бы праздную жизнь его, что развѣяло бы скуку и тоску его, но нигдѣ въ то же время не находящаго ничего, кромѣ той же апатіи, чувственности, мелкости интересовъ и мертваго прозябанія чисто въ китайскомъ духѣ. Таковъ былъ Онѣгинъ, таковъ долженъ былъ сдѣлаться Чацкій; но развѣ не таковы были Рудины и Бельтовы? Если въ тоскѣ ихъ было болѣе сознательности, если они понимали болѣе Онѣгина, чего имъ недоставало въ жизни и вслѣдствіе этого имѣли болѣе опредѣленныя стремленія, то въ результатѣ они приходили все къ той же тоскѣ и апатіи.

Встрѣтыхъ, Писаревъ неправъ, предполагая, что Онѣгинъ самъ былъ виноватъ въ своей тоскѣ и апатіи: если тоска Онѣгина происходила вслѣдствіе праздности, думалъ Писаревъ, то Онѣгину, чтобы избавиться отъ тоски, стоило приняться за какойнибудь разумный и полезный трудъ, а онъ, вмѣсто этого, задержнулъ тафтою мыслителей XVIII вѣка,—слѣдовательно, онъ пустой филистеръ и пошлякъ, не заслуживаетъ ни малѣйшаго уваженія, и Бѣлинскій совершенно неправъ, выставляя за образецъ лучшаго человѣка своего времени лѣнтяя, забросившаго книги подъ столъ (см. стр. 131—133 ч. 3). И въ этомъ отношеніи Писаревъ оказывается опять-таки моралистомъ, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Для моралистовъ не существуетъ такихъ обстоятельствъ и условій, которыя они признавали бы неотразимыми въ томъ или другомъ случаѣ. Для нихъ существуетъ только извѣстное моральное правило, въ родѣ, напри- мѣръ: праздность есть мать всѣхъ пороковъ, и поведение чело- вѣка, къ которому они прилагаютъ свое нравственное правило, и затѣмъ они прямо дѣлаютъ выводъ о годности или негодности чело- вѣка. Если вы имъ возразите, что чело- вѣкъ, отступив- шій отъ ихъ моральнаго правила, не могъ поступить иначе, вслѣдствіе такихъ-то и такихъ-то обстоятельствъ, они вамъ сей- часъ же возразятъ: ну, а затѣмъ виновникъ не предсмотрѣлъ этихъ обстоятельствъ, затѣмъ онъ не позаботился увлечься отъ нихъ, затѣмъ онъ не боролся съ ними?—Онъ не могъ это- го сдѣлать. — А, не могъ! Ну, такъ онъ никуда негодный чело- вѣкъ, потому что только такой чело- вѣкъ заслуживаетъ ува- женія, который можетъ бороться съ обстоятельствами и борется. И дальше никакихъ возраженій моралистъ не захочетъ и слушать отъ васъ. Совершенно точно такъ же поступаетъ Писаревъ. Онъ видитъ, что Евгенийъ Онѣгинъ началъ читать хорошія книги и по- томъ вдругъ бросилъ ихъ. Затѣмъ Писаревъ взялъ во вниманіе то соображеніе, что Базаровъ, конечно, мыслителей XVIII столѣ-

тія не забросилъ бы и не задернулъ тафтою, и изъ этого прямо выводить заключеніе о несостоятельности Онѣгина. Но если мы вооружимся историческою критикою, то мы увидимъ, что какъ бы ни былъ Онѣгинъ уменъ, глубоко и образованъ, ему рѣшительно нечего было дѣлать съ мыслителями XVIII вѣка въ 20-е и 30-е годы, какъ только задернуть ихъ тафтою. Не забудьте, что въ то время ни на литературномъ поприщѣ, ни на ученомъ невозможно было и заикнуться, чтобы проводить новыя идеи этихъ мыслителей. Чтѣ же оставалось дѣлать Онѣгину съ своими книгами? Вѣчно читать ихъ и читать для своего собственного наслажденія, закупорившись въ своемъ кабинетѣ безъ всякой возможности подѣлиться своими знаніями съ ближними? Или оставалось ему, для удовлетворенія своей совѣсти и естественнаго стремленія къ передачѣ своихъ знаній, довольствоваться развитіемъ отдѣльныхъ личностей, чтобы 4, много 10 человекъ, которымъ ему удалось бы въ теченіе жизни внушить свои знанія, передали бы ихъ другимъ 5; 10 человекамъ. И теперь вы можете найти утѣшителей подобнаго рода, которые утѣшаютъ и себя, и другихъ, предлагая этотъ первобытный способъ распространения идей, принадлежащій доисторическимъ эпохамъ, и думаютъ они, что этимъ способомъ они дѣйствительно чего нибудь достигнуть въ то время, какъ въ другихъ рукахъ существуютъ могучіе, созданные цивилизаціей способы распространения идей на цѣлыя массы общества въ видѣ школъ, лекцій, книгъ, и газетъ, — и нечего сказать, завидная была доса Онѣгина трудиться надъ развитіемъ одного человекъ въ то время, какъ на пѣлыя массы людей посредствомъ иныхъ, болѣе могучихъ орудій, распространялись идеи совершенно противоположнаго свойства.

Но мы взяли человекъ на столько образованнаго, который могъ понимать мыслителей XVIII вѣка и интересоваться ими; такіе люди, какъ мы выше замѣтили, были большою рѣдкостью въ 20-е и 30-е годы, и всѣхъ ихъ можно пересчитать по пальцамъ. Для большинства же людей книги мыслителей XVIII вѣка были такими же темными, какъ для неграмотныхъ простолюдиновъ, и это большинство смотрѣло на эти книги, какъ Писаревъ на школьной скамьѣ смотрѣлъ на критическія статьи журналовъ. Онѣгинъ могъ затянуть тафтою книги западно-европейскихъ мыслителей просто потому, что не понималъ, чтѣ въ нихъ написано, а не понималъ потому, что общая образованность вѣка стояла низко, что воспитаніе получилъ онъ очень плохое, и ставить ему въ вину, зачѣмъ онъ, задернувъ тафтою книги, пошелъ на балетъ, или на балъ, такъ же въ сущности смѣшно, какъ смѣшно негодовать на мальчика 12 лѣтъ, если онъ развернетъ Дарвина или Бокля, прочтеть странички двѣ, затѣмъ зѣвнетъ, закроетъ непонятную для него книгу и пойдетъ играть въ лошадки.

Я не знаю, нужно ли, послѣ этихъ общихъ соображеній, разбирать различныя частности жизни и поступковъ Онѣгина, ко-

торья разбирает Писаревъ для доказательства несостоятельности героя Пушкина? Конечно, Писаревъ совершенно справедливъ, съ своей моральной точки зрѣнія, доказывая, что отношенія Онѣгина къ Татьянѣ или дуэль его съ Ленскимъ совершенно не удовлетворяютъ тому нравственному идеалу, который сложился въ головѣ Писарева, подъ условіями современной намъ жизни. Но, еще разъ повторяю, можно ли мѣрять Онѣгина мѣркою современныхъ намъ нравственныхъ идеаловъ, нисколько не принимая въ расчетъ ни идеаловъ времени Онѣгина, ни условій тогдашней жизни. Конечно, съ точки зрѣнія труженика, который, сознавая пользу своего труда, общественную и личную, въ любви къ женщинѣ ищетъ прочную нравственную опору для своей жизни и для своего труда, — для такого труженика всегда было и будетъ противно легкое донъ-жуанское отношеніе къ женщинѣ, создаваемое филистерствомъ. Но вы возьмите передовую единицу тридцатыхъ годовъ, затертую въ массѣ пошлости, рутинны, лишенную всякаго полезнаго, положительнаго труда, — и вы поймете тогда, что Онѣгина не могли относиться къ женщинамъ иначе, чѣмъ они относились. Развивая въ своей личности исключительно идеаль личную индивидуальную свободу, люди эти естественно бѣжали брака, потому что видѣли въ немъ цѣлый рядъ стѣсненій для своей индивидуальной свободы и притомъ прямую дорогу къ халату, туфлямъ и дурацкому колапаку Фамусова. Для нихъ существовало отношеніе къ женщинѣ только въ двухъ видахъ: или въ видѣ необузданныхъ сатурналій съ женщинами легкаго поведенія, въ чемъ они выражали протестъ противъ мѣщанскаго благочинія, умѣренности и аккуратности фамусовской среды, или волокитство за женами Фамусовыхъ, въ чемъ опять-таки они видѣли наслажденіе нарушать сонный покой мѣщанскаго счастья. Когда же женщина сильная, глубокая, подходила къ нимъ съ требованіемъ иной любви, серьезной, нравственной, прочной, развивающей, инаго счастья дѣятельнаго, разумнаго, — тогда они принуждены были бѣжать отъ такихъ женщинъ, потому что такое счастье не было въ ихъ рукахъ... Что могли они дать такимъ женщинамъ, — они, которые не имѣли въ своей жизни никакого полезнаго труда, никакой цѣли, и мало того, что не имѣли, не могли имѣть, еслибы и хотѣли. А можетъ ли одна любовь, безъ труда, безъ двигающей цѣли въ жизни продолжаться долго, не въ видѣ минутной, быстро перегорающей страсти? Они нѣсколько разъ въ жизни испытывали всю непрочность такой любви; настоящей причины этой непрочности они не знали; а изъ неоднократнаго опыта выводили прямо индуктивное заключеніе, что любовь вообще есть чувство непрочное и скоропреходящее, и они бѣжали отъ женщинъ, приступавшихъ къ нимъ съ требованіями глубокой и прочной любви, хотя въ то же время они внутренно терзались, видя себя неспособными любить прочно, или отрицая самую возможность прочной любви, потому что они чувствовали въ себѣ живую по-

требность прочной привязанности, удовлетворить которую не имѣли возможности. Въ этомъ заключалось поистинѣ трагическое положеніе, не только для нихъ, но и для женщинъ, которымъ выдавалось несчастье встрѣтиться съ ними, потому что женщинамъ мало-мальски сильнымъ и глубокимъ нравились эти люди; они привлекали такихъ женщинъ, какъ лучшіе люди своего вѣка, своею отвагою, независимостью, свободою высказываемыхъ мнѣній, рѣзкостью сарказмовъ и жизнію, выдающеюся изъ массы окружающей пошлости. Кѣмъ же было увлекаться, кого же было любить хорошимъ женщинамъ того вѣка, какъ не этихъ людей, когда вокругъ заурядъ были Фамусовы съ приторными сласотлюбивыми облизываньями, да приниженные Молчалины съ безмолвно-подобострастными поклонами?

Что касается до дуэли Онѣгина съ Ленскимъ, то на этотъ фактъ мы имѣемъ менѣе всего права смотрѣть съ нашей точки зрѣнія. Если въ наше время всякій здравомыслящій человекъ смотритъ на дуэль, какъ на нелѣпый, дикій, противообщественный предразсудокъ, вынесенный изъ среднихъ вѣковъ, то въ 20-е и 30-е года не только противъ дуэлей не было ни малѣйшаго предубѣжденія, а напротивъ того, лучшіе люди на нихъ смотрѣли, какъ на высшій нравственный долгъ, доказательство отваги, мужества и сознанія своего достоинства. Онѣгины и Печорины, между прочимъ, тѣмъ и отличались отъ окружавшихъ ихъ Фамусовыхъ и Молчалиныхъ, что первые дрались на дуэляхъ, а послѣдніе нѣтъ; особенно если взять во вниманіе, что дуэли и въ то время были плодомъ запретнымъ. Отказаться отъ дуэли, значило встать въ ряды Фамусовыхъ и Молчалиныхъ. Писаревъ же, оправдывая тургеневского Базарова и считая дуэль его дѣломъ необходимости, изъ-за которой можно иногда, по его мнѣнію, отступать отъ своихъ принциповъ, въ то же время напускается на Онѣгина и предаётъ его строгой карѣ.

IV.

Несмотря на весь идеализмъ своего вѣка, Бѣлинскій во многихъ отношеніяхъ былъ въ большей степени реалистомъ, чѣмъ истинный поклонникъ реализма Писаревъ. Въ статьяхъ Бѣлинскаго вы можете замѣтить удивительную двойственность. Тотъ же самый Бѣлинскій, эстетикъ и гегелианецъ, когда онъ занимается передъ вами опредѣленіемъ художественныхъ красотъ произведеній искусства на основаніи своихъ отвлеченныхъ эстетическихъ теорій, является передъ вами истиннымъ реалистомъ, когда онъ начинаетъ анализировать жизнь современную ему или прошлую. Конечно, въ такомъ взглядѣ на вещи, который оцѣниваетъ людей какой-либо эпохи, на основаніи общихъ условій жизни этой эпохи, заключается гораздо болѣе реализма, чѣмъ во взглядѣ, который, не взирая ни на какія условія, оцѣниваетъ

людей и событія на основаніи своихъ собственныхъ идеаловъ и теорій. Люди, признающіе великое значеніе Галилея, болѣе реалисты, чѣмъ такіе, которые вздумали бы отрицать за Галилеемъ всякое значеніе на томъ основаніи, что истины, найденныя имъ, извѣстны въ настоящее время всякому десятилѣтнему ребенку.

Бѣлинскій отнесся къ Онѣгину съ сочувствіемъ; онъ посмотрѣлъ на него, какъ на лучшаго представителя своего времени; но было бы ложно заключить изъ этого, чтобы онъ считалъ Онѣгина безусловно идеальнымъ человѣкомъ на основаніи идеала своего времени, подобно тому, какъ Писаревъ безусловно отвергнулъ Онѣгина, приложивши къ нему современныя намъ требованія. Нѣтъ, Бѣлинскій взглянулъ на Онѣгина, какъ на типъ прежняго времени, который въ его время былъ уже отжившимъ типомъ, но въ свое время, тѣмъ не менѣе, былъ представителемъ своего вѣка.

«Въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія — говоритъ онъ (см. Соч. Бѣл., 537 стр., 8 ч.) — русская литература отъ подражательности устремилась къ самобытности: явился Пушкинъ. Онъ любилъ сословіе, въ которомъ почти исключительно выразился прогрессъ русскаго общества и къ которому принадлежалъ самъ, и въ Онѣгинѣ онъ рѣшился представить намъ внутреннюю жизнь этого сословія, а вмѣстѣ съ нимъ и общество, въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось въ избранную имъ эпоху, т. е. въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. И здѣсь нельзя не подивиться быстротѣ, съ которою движется впередъ русское общество: мы смотримъ на «Онѣгина», какъ на романъ времени, отъ котораго мы уже далеки. Идеалы, мотивы этого времени уже такъ чужды намъ, такъ внѣ идеаловъ и мотивовъ нашего времени... «Герой нашего времени» былъ новымъ «Онѣгинымъ»: едва прошло четыре года, и Печоринъ уже не современный идеаль. И вотъ въ какомъ смыслѣ сказали мы, что самыя недостатки «Онѣгина» суть, въ то же время, и его величайшія достоинства: эти недостатки можно выразить однимъ словомъ — «старо»; но развѣ вина поэта, что въ Россіи все движется быстро? И развѣ это не великая заслуга со стороны поэта, что онъ такъ вѣрно умѣлъ схватить дѣйствительность извѣстнаго мгновенія въ жизни общества? Еслибъ въ «Онѣгинѣ» ничего не казалось теперь устарѣвшимъ или отсталымъ отъ нашего времени, это было бы явнымъ признакомъ, что въ этой поэмѣ нѣтъ истины, что въ ней изображено не дѣйствительно существовавшее, а воображаемое общество: въ такомъ случаѣ, что-жь бы это была за поэма и стоило ли бы говорить о ней?»

Вы видите изъ этихъ словъ, что Бѣлинскій не менѣе Писарева считалъ произведеніе Пушкина явленіемъ старымъ, мотивы котораго потеряли уже во время его свое значеніе, и на типъ Онѣгина онъ смотрѣлъ, какъ на отжившій типъ; но это нисколько не мѣшало ему понимать все значеніе типа Онѣгина въ 20-е годы:

«Онѣгинъ не Мельмотъ, не Чайльдъ-Гарольдъ, не демонъ, не пародія, не модная причуда, не гений, не великій человѣкъ,—говорить онъ далѣе (см. 550 стр.)—а просто—«добрый малый, какъ вы, да я, какъ цѣлый свѣтъ». Поэтъ справедливо называетъ «обветшалую модою» вездѣ находить или вездѣ искать все геніевъ да необыкновенныхъ людей. Повторяемъ: Онѣгинъ—добрый малый, но, при этомъ, недюжинный человѣкъ. Онъ не годится въ геніи, не лѣзетъ въ великіе люди, *но бездѣятельность и пошлость жизни душатъ его, онъ даже не знаетъ, что ему надо, чего ему хочется; но онъ знаетъ, и очень хорошо знаетъ, что ему не надо, что ему не хочется того, чѣмъ такъ довольна, такъ счастлива самолюбивая посредственность. И за то-то эта самолюбивая посредственность не только провозгласила его «безнравственнымъ», но и отняла у него страсть сердца, теплоту души, доступность всему доброму и прекрасному.* Вспомните, какъ воспитанъ Онѣгинъ, и согласитесь, что натура его была слишкомъ хороша, если ея не убило совсѣмъ такое воспитаніе. Блестящій юноша, онъ былъ увлеченъ свѣтомъ, подобно многимъ, но скоро наскучилъ имъ и оставилъ его, какъ это дѣлаютъ слишкомъ немногіе. Въ душѣ его тлѣлась искра надежды—воскреснуть и освѣжиться въ тиши уединенія, на лонѣ природы; *но онъ скоро увидѣлъ, что перемѣна мѣстъ не измѣняетъ сущности нѣкоторыхъ неотразимыхъ и не отъ нашей воли зависящихъ обстоятельствъ...*

«Благая, благотворная, полезная дѣятельность! Зачѣмъ не предался ей Онѣгинъ?»—говоритъ далѣе Бѣлинскій, какъ будто прямо возражая Писареву. — Зачѣмъ не искалъ онъ въ ней своего удовлетворенія? Зачѣмъ? Затѣмъ, милостивые государи, что пустымъ людямъ легче спрашивать, нежели дѣльнымъ отвѣчать...

Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобъ только время проводить,
Сперва задумалъ нашъ Евгенийъ
Порядокъ новый учредить.
Въ своей глуши мудрецъ пустынной,
Яремъ онъ барщаны старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ:
Мужикъ судьбу благословилъ.
За то въ углу своемъ надулся,
Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его расчетливый сосѣдъ;
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ:
Что онъ опаснѣйшій чудакъ.
Сначала всѣ къ нему ѣзжали;
Но такъ-какъ съ задняго крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донскаго жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Засыпать ихъ домашни дроги:

Поступкомъ оскорбясъ такимъ,
 Всѣ дружбу прекратили съ нимъ.
 «Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбродитъ,
 Онъ фармазонъ; онъ пьетъ одно
 Ставаномъ красное вино;
 Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
 Все да, да нтъ, не скажетъ да-съ
 Иль нтъ-съ». Таковъ былъ общій гласъ.

«Что нибудь дѣлать можно только въ обществѣ, на основаніи общественныхъ потребностей, указываемыхъ самою дѣйствительностью, а не теоріею; но что бы сталъ дѣлать Онѣгинъ въ обществѣ съ такими прекрасными сосѣдами, въ кругу такихъ милыхъ ближнихъ? Облегчить участь мужика, конечно, много значило для мужика; но со стороны Онѣгина тутъ еще немного было сдѣлано. Есть люди, которымъ если удастся что-нибудь сдѣлать порядочное, они съ самодовольствіемъ рассказываютъ объ этомъ всему міру и такимъ образомъ, бываютъ приятно заняты на дѣлюю жизнь. Онѣгинъ былъ не изъ такихъ людей: важное и великое для многихъ, для него было не Богъ знаетъ что...

«Романъ оканчивается отповѣдью Татьяны, и читатель навсегда расстаётся съ Онѣгинимъ въ самую злую минуту его жизни... Что же это такое? Гдѣ же романъ? Какая его мысль? И что за романъ безъ конца? Мы думаемъ, что есть романы, которыхъ мысль въ томъ и заключается, что въ нихъ нѣтъ конца, потому что въ самой дѣйствительности бываютъ событія безъ развязки, существованія безъ цѣли, существа неопредѣленныя, никому непонятныя, даже самимъ себѣ, словомъ то, что по французски называется *les êtres manquées les existences, avortées*. И эти существа часто бываютъ одарены большими нравственными преимуществами, большими духовными силами: общаются много, исполняютъ мало, или ничего не исполняютъ. *Это зависитъ не отъ нихъ самихъ; тутъ fatum, заключающийся въ дѣйствительности, которою окружены они, какъ воздухомъ, и изъ которой не въ силахъ и не во власти человека освободиться.* Другой поэтъ представилъ намъ другаго Онѣгина подъ именемъ Печорина. Пушкинскій Онѣгинъ съ какимъ-то самоотверженіемъ отдался зѣвоу; лермонтовскій Печоринъ бьется на смерть съ жизнію и насильно хочетъ у нея вырвать свою долю; въ дорогахъ разница, а результатъ одинъ: оба романа такъ же безъ конца, какъ и жизнь и дѣятельность обоихъ поэтовъ...

«Что стало съ Онѣгинимъ потомъ? Воскресила ли его страсть для новаго, болѣе сообразнаго съ человѣческимъ достоинствомъ страданія? Или убила она всѣ силы души его, а безотрадная тоска его обратилась въ мертвую, холодную апатію? Не знаемъ, да и на что намъ знать это, *когда мы знаемъ, что силы этой богатой природы остались безъ приложенія, жизнь безъ*

смысла, а романъ безъ конца! Довольно и этого знать, чтобъ не захотѣть больше ничего знать»...

Всѣ эти выписки ясно показываютъ, что Бѣлинскій и не думалъ ставить Онѣгина на какой-то идеальный пьедесталъ и считать его безусловнымъ совершенствомъ. Если онъ признавалъ, что въ Онѣгинѣ были недюжинныя силы, то изъ этого еще ничего не слѣдуетъ. Только идеалисты и романтики воображаютъ, что если человѣкъ обладаетъ недюжинными силами, то онъ непременно будетъ срывать звѣзды съ неба и разсыпать вокругъ себя добро горстями. Истинные же реалисты очень хорошо понимаютъ, что силы, какъ бы онѣ ни были велики, сами по себѣ суть начала чисто стихійныя; онѣ могутъ произвести массу добра и массу зла, смотря по тому, куда онѣ будутъ направлены, а если онѣ встрѣтятся съ враждебными силами, равными имъ или превышающими ихъ, то онѣ могутъ и ничего не произвести и останутся мертвыми, скованными силами. Бѣлинскій понималъ это, и въ этомъ отношеніи онъ былъ истинный реалистъ: признавая въ Онѣгинѣ недюжинныя силы, онъ, въ то же время, не опустилъ изъ виду тѣхъ другихъ враждебныхъ силъ, которыя совершенно парализовали силы Онѣгина и сдѣлали ихъ мертвыми силами безъ приложенія, а жизнь Онѣгина — безъ смысла, и въ этомъ онъ видѣлъ истинный трагизмъ положенія Онѣгина. Точно съ такой же точки зрѣнія оцѣнилъ онъ и Татьяну.

Писаревъ посмотрѣлъ на Татьяну опять-таки совершенно съ точки зрѣнія современнаго намъ идеала. Онъ никакъ не могъ себѣ представить сильную женщину съ глубокою натурою иначе, какъ въ видѣ героини, читающей полезныя книги и разливающей вокругъ себя добро цѣлыми потоками. Татьяна же жила совершенно праздною жизнью и занималась только своею любовью къ Онѣгину, да чтеніемъ разныхъ романтическихъ бредней, и Писаревъ за это обрушился негодованіемъ и на Пушкина, зачѣмъ Пушкинъ вывелъ въ своемъ романѣ, въ видѣ героини, такую пустую женщину, и на Бѣлинскаго, зачѣмъ Бѣлинскій считаетъ эту женщину обладающею недюжинными силами.

Но вы представьте себѣ только положеніе женщинъ въ 20-ые года: едва прошло столѣтіе, какъ онѣ были выведены изъ своихъ восточныхъ теремовъ и имъ позволено было являться на ассамблеи и балы, танцовать съ мужчинами и выслушивать отъ нихъ комплименты. Въ сущности теремная жизнь продолжалась еще въ 20-ые года во всей своей силѣ, въ особенности для незамужнихъ женщинъ. Дѣвушки, въ эпоху Пушкина, были совершенными невольницами; ихъ выводили въ праздничные дни на балы и собранія, на показъ, ради выгоднаго сбыта, какъ на рынокъ негровъ, а въ будніе дни онѣ сидѣли въ заперти подъ надзоромъ маменекъ, тетенокъ, мамушекъ и нянюшекъ, строго слѣдившихъ за каждымъ ихъ шагомъ. Единственнымъ заня-

тѣмъ, дозволеннымъ имъ, было вышиванье въ пальцахъ, единственнымъ чтеніемъ — баллады Жуковскаго, сантиментальныя повѣсти Карамзина, да французскіе романы. Еслибы какая-нибудь барышня и захотѣла читать что-нибудь посерьёзнѣе, то скажи хоть за 1,000 верстъ, она не отыскала бы ни одной книги мало-мальски дѣльной; да и то, что могла читать дѣвушка, она читала иногда урывками, тишкомъ, держа книжку подъ подушкой и пряча ее отъ всѣхъ, какъ запрещенный товаръ. И въ виду такихъ условій жизни російскихъ барышень 20-хъ годовъ, Писаревъ морализируетъ вдругъ относительно Татьяны слѣдующимъ образомъ: *«Необходимо или отыскать себѣ другое здоровое чтеніе (!) или, по крайней-мѣрѣ, прислониться въ действительной жизни къ какому-нибудь хорошему и разумному дѣлу (!!), которое могло бы поддерживать въ ней умственную трезвость и отвлекать ее отъ туманной области наркотическихъ мечтаній. Такое хорошее и разумное дѣло отыскать нетрудно, намекъ на него существуетъ даже въ нелѣпомъ письмѣ Татьяны; она говорить, что помогаетъ бѣднымъ; ну, и помогай, но только займись этимъ дѣломъ серьёзно и смотри на него, какъ на постоянный и любимый трудъ, а не какъ на дешевое средство стереть съ своей совѣсти кое-какіе микроскопическіе грѣшки. Имѣй въ виду, при этомъ помоганіи, дѣйствительныя потребности нуждающихся людей, а не то, чтобы подать бѣдному копѣечку, а потомъ погладить себя за это по головкѣ. Словомъ, несмотря на пустоту и безцвѣтность той жизни, на которую была осуждена Татьяна съ самаго дѣтства, наша героиня все-таки имѣла возможность (!!!) дѣйствовать въ этой жизни съ пользою для себя и для другихъ, и она непременно принялась бы за какую-нибудь скромную, но полезную дѣятельность, еслибы нашелся умный человекъ, который бы энергическимъ словомъ и рѣзкою насмѣшкою выбросилъ ее вонъ изъ ядовитой атмосферы фантастическихъ видѣній и глупыхъ романовъ».*

Однимъ словомъ, какъ жалко, что въ 20-ые года не было Базаровыхъ съ энергическими словами и ядовитыми насмѣшками! Но если такъ глядѣть на исторію, то, конечно, еще жалче, что Базаровыхъ не было при Петрѣ Великомъ, въ XV вѣкѣ, въ IX и ужъ, конечно, остается обливаться горькими слезами, глядя на нашихъ прародительницъ, которыя шлялись по лѣсамъ и, можетъ быть, плясали и горланили вокругъ какого-нибудь горящаго пня, принимая его за Бога. Зачѣмъ не явился среди нихъ умный человекъ, который энергическимъ словомъ и рѣзкою насмѣшкою не выбросилъ ихъ вонъ изъ ядовитой атмосферы фантастическихъ видѣній! Въ томъ-то и дѣло, что являлись такіе умные люди и въ IX вѣкѣ въ видѣ миссіонеровъ и проповѣдниковъ новой религіи — и для своего вѣка они были Базаровыми своего времени въ глазахъ дикарей, которые смотрѣли на нихъ, какъ на опасныхъ отрицателей и нововводителей. Но и Евгеній Онѣгинъ, этотъ Базаровъ 20-хъ годовъ, разрушилъ

не мало иллюзіи Татьяны. Все несчастіе его заключалось въ томъ, что, разрушая, онъ былъ не въ силахъ создать что-нибудь, съ одной стороны вслѣдствіе низкаго уровня своего развитія, съ другой—вслѣдствіе обстоятельствъ, которыя парализировали и его умственное развитіе, и его практическую дѣятельность.

Далѣе Писаревъ находитъ у Бѣлинскаго неразрѣшимое, повидимому, противорѣчіе: Бѣлинскій смѣется надъ идеальными дѣвами, которыя бредили до истерики рыцарями, луною, любовью, а потому это не мѣшало имъ дѣлаться обиденными пошлыми бабами и сплетницами. Татьяна тоже была предана романтическимъ мечтаніямъ, а потомъ, по волѣ маменьки, сдѣлалась украшеніемъ генеральскаго дома. Чѣмъ же отличается Татьяна отъ идеальныхъ дѣвъ, надъ которыми смѣется Бѣлинскій, и за что геніальный критикъ поставилъ ее на какой-то недосыгаемый пьедесталъ? Но если вы начнете читать романъ Пушкина безъ всякихъ предвзятыхъ идей и современныхъ намъ требованій, то вы найдете, что между Татьяною и Ольгою Лариными, при всей аналогичности ихъ умственнаго развитія, склада ихъ жизни, наконецъ ихъ судьбы, есть какая-то существенная разница. Въ чемъ же заключается эта разница? Чтобы понять ее, обратимся къ нашей жизни: въ каждомъ вѣкѣ есть свои Татьяны и Ольги, и чтобы нагляднѣе понять ихъ различіе, конечно, всего лучше обратиться къ явленіямъ времени ближайшаго, наиболѣе намъ понятнаго и осязательнаго. Чѣмъ отличается Щетинина въ повѣсти «Трудное время» В. Слѣпцова отъ Кукишиной? Обѣ онѣ могутъ быть одинаково развиты, читать однѣ и тѣ же книги, увлекаться одними и тѣми же вопросами дня и цѣлями въ будущемъ, наконецъ обѣ, подъ гнетомъ обстоятельствъ, могутъ ни къ чему не прийти, какъ только къ тому же вождеденному замужеству и нянчанью дѣтей. Но какая между ними будетъ разница: Кукишина очень скоро помирится съ своею долею, забудетъ всѣ свои мечты и цѣли и будетъ весела и беззаботна, какъ птичка; совершенно напротивъ того — Щетинина: у нея не такъ легко будетъ выбить изъ головы все то, что волновало ее въ юности и не нашло въ жизни никакого оправданія; она, можетъ быть, въ глубинѣ души своей затаитъ всю горечь, всю тоску разбитой жизни, она, можетъ быть, бровью не шевельнетъ и будетъ жить съ стиснутыми зубами, холодна и спокойна по наружности, но въ душѣ ея будетъ постоянно бушевать огонь, который, если не найдетъ выхода, сожжетъ ее самое.

Вотъ вамъ наглядное различіе между Татьяною и идеальными дѣвами 20-хъ годовъ. У тѣхъ романтическія мечты и иллюзіи проходили черезъ голову и нервы, не оставляя никакого слѣда: мечты оставались мечтами, а жизнь жизнью. Какая нибудь идеальная дѣва могла сразу совмѣстить томный вздохъ и пощечину горничной. Не такая была Татьяна: для нея ея романтическія иллюзіи были вопросами жизни. Она предалась имъ вся, всѣмъ

пыломъ своей страстной, глубокой натуры. Но вина ли ея была, что жизнь не дала ей не только возможности какого нибудь выхода изъ ея неволи, не дала ей даже сознанія всей униженности ея рабскаго положенія. Она могла только чувствовать и страдать. Бѣлинскій въ этомъ отношеніи и не думалъ ставить ее на какой нибудь пьедесталь: онъ только указалъ на фактъ, что вотъ каковы были условія жизни въ 20-е годы, что даже женщина съ недюжинными силами, глубокая, цѣльная натура, не могла найти нетолько никакого разумнаго приложенія своихъ силъ, но и вообще хотъ сколько-нибудь естественно и свободно устроить свое личное существованіе. И развѣ это не правда? Развѣ не такова была дѣйствительность въ 20-е годы? Писаревъ же смотритъ на Татьяну совершенно такъ же, какъ и на Онѣгина: ужъ если, молъ, ты сильная натура, такъ дѣйствуй и будь счастлива, въ которомъ бы ты вѣкѣ и при какихъ бы условіяхъ ни жила, и еслибы даже вокругъ тебя нетолько не было бы никакихъ книгъ, а и грамотности никакой не существовало, ты все-таки читай полезныя книги и въ особенности по части естествознанія; а если ты этого не исполнила въ свой вѣкъ, то что же ты за сильная натура!

Говоря объ отсталости типовъ Онѣгина и Печорина, Бѣлинскій, конечно, разумѣетъ то, что большее распространеніе знаній, большее развитіе литературы во время Бѣлинскаго осмыслили инстинктивную и бессознательную тоску Онѣгинныхъ и Печоринныхъ. вмѣсто безалаберныхъ порывовъ и метаній по свѣту, которымъ старались лучше люди прежнихъ поколѣній удовлетворить жажду дѣятельности, явились опредѣленные стремленія, и лучше люди эпохи Бѣлинскаго поняли, чего имъ недостаетъ въ жизни. Но условія жизни были тѣ же, что и при Онѣгинѣ, уровень умственнаго развитія все еще былъ низокъ, и потому сознаніе причинъ тоски и жажды ни къ чему не приводило: отдѣльные развитые индивидуумы были разрознены, разобщены, каждый самъ по себѣ старался удовлетворить жаждѣ дѣятельности, мечтая одинъ своими собственными силами воплотить въ своей личности идеалъ энергическаго дѣателя на поприщѣ добра и правды; но разбиваясь о каменную стѣну, развитой индивидуумъ падалъ въ безсиліи, и въ результатъ оказывалась та же тоска и апатія Онѣгина. Онѣгинъ не умеръ, не выродился, онъ продолжалъ жить только подъ другими формами. Являлся онъ то въ формѣ Рудина, то въ формѣ Бельтова, то Тентетникова, то Обломова.

Въ эпоху 60-хъ годовъ къ типу этому и общество, и критика относились съ полнымъ презрѣніемъ и негодованіемъ. И мудро было относиться иначе въ эпоху, въ которую все кипѣло жизнью, дѣятельностью, надеждами, къ людямъ, которые ни на что не надѣялись, ничего не дѣлали, скучали и зѣвали въ праздномъ и бесплодномъ разочарованіи. Казалось, мы совсѣмъ разстались съ типомъ Рудинныхъ и пр., настали времена Иса-

ровыхъ, Лопуховыхъ, Рахметовыхъ, и Писаревъ славилъ появленіе новаго типа образованнаго труженника съ его безпощаднымъ отношеніемъ къ окружаемому міру и энергическою дѣятельностью, хотя бы только въ сферѣ естественныхъ наукъ. Но не прошло и нѣскольکو лѣтъ, поослабли гордые порывы, коикаія надежды поразсѣялись, и въ литературѣ нежданно-негаданно снова промелькнулъ типъ Рудина. Онѣгинъ ожилъ, хотя и въ совершенно новой формѣ, до того новой, что публика совсѣмъ не узнала своего стараго знакомаго и до сихъ поръ еще не узнаетъ. Этотъ новый Онѣгинъ появился въ видѣ Рязанова въ «Трудномъ времени» В. Слѣпцова. Въ эпоху появленія повѣсти г. Слѣпцова публика до такой степени была еще подъ обаяніемъ движеній 60-хъ годовъ, что отнеслась къ Рязанову какъ-то двойственно: съ одной стороны отнесла его къ новымъ людямъ и дѣятелямъ, а съ другой—почувствовала, что это что-то не совсѣмъ то, и въ недоумѣніи пожала плечами. Писаревъ не замедлилъ отнести Рязанова прямо къ базаровскому типу, единственно на томъ основаніи, что Рязановъ относится къ окружающему такъ, какъ подобаетъ Базарову. Въ сущности же Рязановъ — Рудинъ съ ногъ до головы: подобно Рудину, является онъ въ домъ Щетинину и начинаетъ проповѣдывать свои идеи, увлекаетъ своею проповѣдью женщину, ссоритъ ее со всею окружающею ее обстановкою, и затѣмъ, когда она естественно ждетъ, что онъ, не ограничиваясь однимъ отрицаніемъ, покажетъ ей новый путь и поведетъ ее по этому пути, потому что куда жъ идти ей, когда кругомъ вездѣ стѣнь и глушь — зачѣмъ, къ какимъ людямъ, можетъ быть, къ новымъ Щетиннымъ? Рязановъ на эти естественные вопросы отвѣчаетъ: идите хоть на всѣ четыре стороны, авось сами найдете что нибудь, а моя пѣсенка слѣта:

Мертвый въ гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій.

И Рязановъ, подобно Рудину, отвергаетъ естественную привязанность женщины, которая видитъ въ немъ живаго человѣка и хочетъ идти съ нимъ вмѣстѣ рука въ руку по одному пути. На какомъ же основаніи такой аскетизмъ? Единственно на томъ, что для Рязанова для самаго всѣ дороги закрылись, и куда жъ онъ поведетъ хорошую женщину, ожидающую отъ него истиннаго пути, когда онъ самъ не знаетъ, куда ему идти...

Что же это сдѣлалъ В. Слѣпцовъ? Откуда онъ выкопалъ своего Рязанова? Не понималъ онъ людей нашего времени и произвелъ анахронизмъ? Нѣтъ, Рязановъ не клевета на наше поколѣніе и не анахронизмъ. Типы, являющіеся въ произведеніи писателя такъ, какъ является передъ вами Рязановъ, то-есть въ видѣ героя нашего времени съ полнымъ отсутствіемъ объективнаго отношенія къ нимъ со стороны писателя, никогда не бывають анахронизмами и клеветами. Рудинъ воскресъ вмѣстѣ съ

тѣмъ, какъ условія жизни сдѣлались нѣсколько подходящи къ условіямъ жизни временъ Рудина. Правда, что условія жизни до сихъ поръ все-таки еще не вполне таковы, поэтому большинство развитыхъ людей нашего времени все еще находятъ кой-какія возможности разумнаго, плодотворнаго труда и дѣятельности. Наконецъ, въ развитой средѣ съ каждымъ днемъ прибавляется количество людей, для которыхъ трудъ не есть только удовлетвореніе одной нравственной потребности, но и физической необходимости; поэтому Рязановыхъ до сихъ поръ встрѣчается еще не очень много, хотя каждому, я убѣжденъ, удавалось уже встрѣтить по нѣскольку людей съ гордо-сложеными на груди ненужными руками и мрачнымъ разочарованіемъ въ головѣ... Но представьте вы себѣ, что условія жизни встанутъ въ такіе предѣлы, въ какихъ они были во времена Онѣгина. Рязановъ; какъ видно изъ повѣсти, былъ литераторъ и имѣлъ возможность хотя въ литературѣ проявлять свою дѣятельность. Но еслибы и это ему было невозможно, вѣдь онъ не могъ же бы удовлетвориться описаніями гулянья на Невскомъ проспектѣ, легкими замѣтками о игрѣ актеровъ и сѣтованіями на то, что вотъ, молъ, какъ бѣдна наша литература, что въ цѣлый годъ не явилось ни одной дѣльной книги, кромѣ поваренной, да соннива. Чѣмъ же въ такомъ случаѣ отличался бы Рязановъ отъ Онѣгина? Развѣ тѣмъ только, что онъ зналъ бы, что отчего происходитъ? Много радости было бы ему отъ этого знанія, еслибы онъ былъ принужденъ носить это знаніе въ головѣ, не имѣя возможности ни съ кѣмъ подѣлиться имъ, кромѣ развѣ только интимной бесѣды съ загадочнымъ другомъ...

Нѣтъ, рано еще говорить, что съ тѣхъ поръ, какъ появились Базаровы, Рудины невозможны, и что съ Онѣгинскими у насъ нѣтъ никакого уже средства. Сказать это будетъ вправѣ только то поколѣніе, которому удастся совершенно избавиться отъ такихъ условій жизни, какія создаютъ эти типы, и вполне прочно и надежно гарантировать себя отъ этихъ условій. А пока эти условія будутъ существовать, сколько бы мы ни анализировали растлѣнность Онѣгинскихъ и Рудинскихъ, сколько бы мы ни изливали нашего негодованія и презрѣнія по поводу лишнихъ и ненужныхъ людей, сколько бы мы ни убѣждали нашихъ современниковъ быть положительными, полезными труженниками—нашъ голосъ будетъ вѣчно голосомъ вошіющихъ въ пустыню и, какъ грибы, будутъ выростать вокругъ насъ Онѣгины и Рудины въ различныхъ видахъ и формахъ. И при такихъ условіяхъ всегда будетъ возможно появленіе писателей, которые, поклоняясь положительному и полезному труженнику, ставя его за образецъ для подражанія, въ то же время труженника этого характеризуютъ въ видѣ того же Онѣгина, хотя къ Онѣгину въ то же время относятся совершенно антипатично. Такъ поступилъ Писаревъ, который Онѣгина разобралъ, что называется, по суставамъ и нашель, что каждый суставъ у него гнилой; но въ своей статьѣ о Базаровѣ,

онъ идеализировалъ намъ того же самаго Онѣгина, только въ новой формѣ. Въ самомъ дѣлѣ, представьте вы человѣка, который становится въ гордой повѣ передъ толпою и говорить: «презрѣнная толпа, я живу своей жизнію, ты своей; мнѣ дѣла нѣтъ, что ты думаешь обо мнѣ; между мною и тобою ничего нѣтъ общаго; у меня нѣтъ въ жизни никакихъ надеждъ, никакихъ упованій, я никого не люблю, ни съ кѣмъ ничѣмъ не связанъ, и пойдешь ли ты за мною или не пойдешь, мнѣ рѣшительно все равно»... Такого человѣка, очевидно, вы назовете ветхимъ человѣкомъ, романтикомъ 20-хъ годовъ, и уважете тотчасъ на мѣткій анализъ Писарева пушкинскаго поэта въ статьѣ его о Пушкинѣ. Писаревъ относится съ справедливымъ негодованіемъ къ поэту, который говорить толпѣ:

Подите прочь, какое дѣло
Поэту мирному до васъ!

А самъ въ то же время выставляетъ передъ вами въ статьѣ «Базаровъ» положительнаго труженика, который относится къ толпѣ нисколько не лучше пушкинскаго поэта: «Базаровъ — говоритъ онъ — если трудится, то единственно для самаго себя, для своей собственной выгоды и личнаго наслажденія; ему нѣтъ дѣла, пойдеть за нимъ толпа или не пойдеть; онъ никого не любитъ, ни съ кѣмъ не связанъ, ни на что не надѣется—однимъ словомъ,

Не для житейскаго волненья,
Не для борысти, не для битвъ,
Мы рождены для

химическихъ ретортъ и рѣзанія лягушекъ въ нашемъ гордомъ уединеніи.

И выходятъ въ концѣ-концовъ, что своя своихъ не познаша.

V.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ типомъ Онѣгина и съ опредѣленіемъ значенія его въ свое время. Теперь мы обратимся къ значенію поэзіи Пушкина, и вообще всей его литературной дѣятельности.

И здѣсь опять-таки мы должны начать съ полнаго согласія съ Писаревымъ, что поэзія Пушкина, какъ бы она ни была сама по себѣ художественна, очевидно, не можетъ удовлетворить тѣхъ требованій отъ искусства, которыя создало наше время, и потому не можетъ имѣть прямаго воспитательнаго вліянія на наше поколѣніе. Смѣшно было бы и думать, чтобы современный намъ юноша раскрылъ какой-нибудь томъ произведеній Пушкина, хотя бы даже Евгенія Онѣгина, съ цѣлью найти отвѣты на тѣ вопросы, которые ему задало наше время. Но не говоря уже о современномъ намъ юношѣ, даже въ 30-е годы, когда Пушкинъ

былъ еще живъ, были уже на Руси люди, которыхъ не могла удовлетворить поэзія Пушкина и которые отрицали ее совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ отрицалъ ее Писаревъ. Таковъ былъ кружокъ Надеждина, и въ «Телескопѣ» служившемъ выраженіемъ этого кружка, вы найдете критическія статьи Надеждина подъ псевдонимомъ Надоумки, въ которыхъ вы увидите анализъ всей русской литературы того времени совершенно съ той точки зрѣнія, съ которой смотритъ Писаревъ на Пушкина. — Надеждинъ смѣется надъ нашею литературою, разумѣя въ томъ числѣ и Пушкина за то, что литература наша, довольствуясь одною внѣшнею, безсодержательною художественностью, по большей частию подражательною, не проникнута въ то же время никакими глубокими идеями и не вноситъ въ наше общество анализа жизни на философскихъ основаніяхъ подобно западно-европейскимъ литературамъ.

Но если Пушкинъ даже въ 30-ые годы не удовлетворялъ требованіямъ образованнѣйшихъ людей того времени, то слѣдуетъ ли изъ этого, что литературная дѣятельность его не имѣла равно никакого значенія въ свое время. Если въ его произведеніяхъ мы не видимъ идей, не только нашего времени, но даже тѣхъ идей, которыя явились въ 30-ые годы, и вообще никакихъ идей, кромѣ самыхъ наивныхъ, шаткихъ, чисто дѣтскихъ взглядовъ на жизнь и на людей, то слѣдуетъ ли изъ этого, что дѣятельность его была совершенно безплодна и въ ней нельзя видѣть ничего, кромѣ невинныхъ, игривыхъ, въ своемъ родѣ приятныхъ, но совершенно ничтожныхъ поэтическихъ затѣй отжившаго барства? Для разрѣшенія этого вопроса Бѣлинскій не можетъ уже служить намъ такимъ руководителемъ, какимъ онъ былъ для насъ при опредѣленіи значенія въ прошлой жизни нашей онѣгинскаго типа. Мы уже сказали выше, что тотъ же самый Бѣлинскій, который является передъ нами истиннымъ реалистомъ при анализѣ русской жизни своего времени или пушкинскаго, совершенно не тотъ, когда онъ анализируетъ какія-нибудь поэтическія произведенія. Здѣсь онъ платитъ дань своему времени и является передъ нами истимъ гегеліянцемъ и эстетикомъ. Такъ, анализируя Пушкина, онъ находитъ, что главное значеніе этого поэта заключалось въ томъ, что онъ былъ чистый художникъ и познакомилъ русскую публику съ истинною поэзіею, и влияніе произведеній Пушкина онъ находитъ въ томъ, что они развиваютъ въ читателяхъ чувство изящнаго и гуманности. Въ этомъ онъ видитъ влияніе не только преходящее, существующее для одного какого-нибудь вѣка, но безусловное и вѣчное. И въ самомъ дѣлѣ, если въ этомъ видѣть влияніе произведеній какого-либо поэта, то такое влияніе, конечно, должно быть вѣчно и безусловно. Но Бѣлинскій въ своей статьѣ недостаточно показалъ, да и не могъ показать, почему же мы должны только Пушкину приписывать такое влияніе. Если мы будемъ смотрѣть на произведенія искусства съ чисто эстетической точки зрѣнія,

и искать въ нихъ только развитіе чувства изящнаго, то въ каждомъ произведеніи, къ какому бы времени оно ни относилось, мы должны видѣть то же самое вліяніе, т.-е. развитіе чувства изящнаго. И если мы припишемъ это вліяніе произведеніямъ Пушкина, то чѣмъ же они будутъ отличаться отъ произведеній Жуковскаго, Батюшкова, Крылова и многихъ другихъ, предшествовавшихъ Пушкину поэтовъ, не исключая даже и Державина при всей его ветхости. Всѣ они главною цѣлюю своею ставили—чувство изящнаго и достигали ея смотря по силамъ и потребностямъ своего времени. Правда, что поэзія Пушкина по большей выработанности языка и поэтическихъ формъ — лучше удовлетворяетъ чувству изящнаго, чѣмъ поэзія всѣхъ предыдущихъ русскихъ поэтовъ. Но исчерпываетъ ли это все значеніе поэзіи Пушкина въ исторіи нашего прогресса? Если мы будемъ разсматривать произведенія Пушкина не съ одной только исключительной точки зрѣнія, на сколько они удовлетворяютъ общими, отвлеченными эстетическими идеалами, а захотимъ опредѣлить, какое значеніе имѣли они въ связи съ движеніемъ жизни всего общества въ свое время, какъ отразилась на нихъ эта жизнь, и какое они въ свою очередь оказали вліяніе на нее, — то мы никакъ не согласимся съ Бѣлинскимъ, чтобы произведенія Пушкина въ свое время имѣли только эстетическое значеніе развитія чувства изящнаго. Но въ то же время не согласимся мы и съ Писаревымъ, который, не находя въ произведеніяхъ Пушкина никакихъ глубокихъ, основательныхъ, развивающихъ идей, отвергаетъ за нимъ всякое значеніе въ исторіи нашего прогресса, кромѣ значенія стилиста, говоря, что «усовершенствованіе русскаго стиха составляетъ его единственную заслугу передъ лицомъ русскаго общества и русской литературы, если только это усовершенствованіе дѣйствительно можно назвать заслугою» (см. т. III, стр. 199).

Конечно, нечего и спорить о значеніи такихъ поэтовъ, которые, живя въ вѣкѣ, богатомъ великими идеями, стояли во главѣ движенія своего времени и своею плодотворною дѣятельностью проводили въ поэтическихъ формахъ въ массы тѣ идеи, которыя были достояніемъ немногихъ лучшихъ умовъ вѣка. Но можно ли требовать того же самаго отъ поэтовъ, жившихъ въ такое время, когда вообще никакихъ идей въ обществѣ не было, когда и читателей-то у литературы было столько, что издателю можно было заранѣе передъ изданіемъ книжки сосчитать ихъ и потомъ лично каждому въ отдѣльности приподнести книжку для прочтенія. Еслибы писатель въ то время случайно и познакомился бы съ какими-нибудь идеями самаго скромнаго, безобиднаго свойства, едва выходящими изъ ряду обыденныхъ взглядовъ, то нетолько ему самому не было возможности провести этихъ идей, но и читателямъ небезопасно было читать книжки съ такими идеями. Взявши это въ соображеніе, вы поймете, какъ смѣшно требовать, чтобы въ произведеніяхъ Пушкина могли бы быть

глубокія, плодотворныя идеи, которыя будили бы общественное сознание, возбуждали бы анализъ окружающей жизни и давали бы философскіе отвѣты на философскіе вопросы. Поэтому, чтобы оцѣнить вполнѣ безпристрастно значеніе поэзіи Пушкина въ свое время, необходимо совершенно отрѣшиться отъ всякихъ современныхъ намъ требованій отъ искусства, а просто посмотреть, чѣмъ была литература до Пушкина и чѣмъ стала она послѣ него — и тогда только мы поймемъ, что далъ Пушкинъ своему вѣку и какой переворотъ сдѣлалъ онъ въ области литературы.

Въ нашей литературѣ неоднократно проскальзывали такіе взгляды на значеніе произведеній Пушкина, что будто онъ былъ первый писатель въ Россіи, внесшій къ намъ начала реализма въ искусствѣ, и въ то же время неоднократно подымался вопросъ о народности Пушкина, и вопросъ этотъ иногда рѣшался положительно. Оба эти взгляда возбуждали противъ себя бездну справедливыхъ возраженій. Можно ли говорить о реализмѣ Пушкина, который является передъ нами по своему міросозерцанію истымъ романтикомъ и идеалистомъ? Стоитъ только припомнить его взгляды на поэзію и на поэта, выраженные имъ въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ, хотя бы вышеупомянутое обращеніе поэта къ черни, чтобы понять всю нелѣпость взгляда на Пушкина, какъ на перваго реалиста въ нашей поэзіи. А съ другой стороны можно ли говорить о народности такого поэта, который пѣлъ не для народа и не отъ народа, никогда не былъ выразителемъ его нуждъ и страданій, принадлежалъ къ небольшой средѣ людей, для которыхъ писалъ и потребностямъ, вкусамъ которыхъ старался удовлетворять своими произведеніями. Но какъ, повидимому, ни нелѣпы эти взгляды съ точки зрѣнія современныхъ намъ понятій о реализмѣ и народности, тѣмъ не менѣе въ нихъ есть своя, хотя очень микроскопическая, доля правды. По крайней-мѣрѣ есть *нѣчто* въ произведеніяхъ Пушкина, что вызвало эти взгляды, хотя они это *нѣчто* раздули до крайности.

Чтобы уловить это *нѣчто*, намъ слѣдуетъ возвратиться къ той характеристикѣ нашего общества 20-хъ годовъ, которую мы сдѣлали въ началѣ этой статьи. — Представьте вы себѣ, что въ то время, какъ общество съ чисто-восточнымъ складомъ жизни косябло въ своихъ восточныхъ обрядахъ и обычаяхъ, нѣсколько поэтовъ подносили этому обществу фіаль забвенія въ видѣ высокопарной риторики, гласившей о герояхъ древности или средне-вѣковыхъ рыцаряхъ и томныхъ дѣвахъ, цѣлующихся съ мертвецами при блескѣ луны. — Вспомните только, что даже солдатъ 12-го года нельзя было иначе представить въ поэзіи, какъ въ видѣ рыцарей въ шлемахъ и со щитами, поющихъ съ кубками въ рукахъ высокопарную пѣснь славы и побѣды. — Творить что нибудь поэтическое — значило въ то время высокимъ слогомъ говорить о высокихъ предметахъ, неимѣющихъ ничего общаго

съ обыденною, пошлою и грязною жизнію. Наслаждаться поэзіею; — значило забиваться и возноситься въ надзвѣздные міры. И вдругъ среди этого общества явился поэтъ, который дерзнулъ нивести поэзію съ заоблачныхъ высотъ на землю: простымъ разговорнымъ языкомъ онъ заговорилъ о простыхъ, обыденныхъ предметахъ, составлявшихъ обстановку и содержаніе жизни тысячи людей, окружавшихъ его. — Писаревъ считаетъ поэзію Пушкина пошлою на томъ основаніи, что не заключая въ себѣ никакихъ развивающихъ идей, она ограничивается описаніемъ бобровыхъ шубъ, серебрившихся при морозѣ, ножекъ Истоминой, подробностей обѣда въ модномъ ресторанѣ, свѣточныхъ таданій, красотъ природы или мотивовъ обыденной любви простыхъ смертныхъ. — И съ нашей современной точки зрѣнія Писаревъ совершенно правъ: ограничивать въ наше время искусство такими предметами весьма недостаточно и недостойно мыслящаго поэта. — Но въ томъ самомъ, въ чемъ въ настоящее время заключается пошлость, во время Пушкина былъ величайшій шагъ впередъ и высочайшая заслуга поэта передъ современниками, и Писаревъ напрасно думаетъ, будто «та фраза, что Пушкинъ завоевалъ русской землѣ поэзію, или не имѣетъ никакого осязательнаго смысла, или заключаетъ въ себѣ тотъ *очень скромный смыслъ*, что Пушкинъ, усовершенствовалъ русскій стихъ и осмѣлился заговорить въ стихахъ о пивной кружкѣ и о бобровомъ воротничкѣ, между тѣмъ, какъ его предшественники говорили только о фіалахъ и хламидсахъ» (см. 3 ч., стр. 199).

То, что можетъ казаться скромнымъ въ наше время, было вовсе не такъ скромно въ свое время. Возьмемъ только то во вниманіе, что до Пушкина говорить о предметахъ обыденной жизни дозволялось только въ двухъ отрасляхъ литературы: въ комедіи и бѣсѣ. Вспомнимъ при этомъ, что съ появленіемъ поэзіи Пушкина тысячи всякаго рода обскурантовъ съ Каченовскимъ во главѣ — завонили, глядя на поэзію Пушкина, какъ на посягательство на святость искусства, нравственности и всего прочаго... На поэзію Пушкина глядѣли въ свое время такъ же, какъ потомъ глядѣли на поэзію Гоголя, а еще позже на поклонниковъ искусства для жизни: Пушкина считали безнравственнымъ, говорили, что онъ унижилъ искусство, опоздиль его, низведя въ низменность житейской грязи, придирались къ отдѣльнымъ выраженіямъ и речамъ его, считая ихъ лишенными всякаго изящнаго вкуса, грубыми и мужицкими. — Да и самому Пушкину не легко было сдѣлать этотъ шагъ и отдѣлаться сразу отъ старинной высокопарности и отрѣшенности отъ жизни. Вся литературная дѣятельность его представляется постепеннымъ движеніемъ нашей литературы изъ заоблачныхъ высотъ на землю. Такъ первыя его произведенія написаны совершенно въ духъ Жуковского и носятъ на себѣ явное вліяніе старой школы, не исключая и тѣхъ, которыя созданы подъ вліяніемъ образцовъ французской литературы. Затѣмъ яв-

*

ляется на сцену «Русланъ и Людмила», — поэма эта написана въ романтическомъ духѣ, но она рѣзко уже выдѣляется изъ романтическихъ произведеній своего времени: хотя содержаніе ея взято изъ сказочнаго міра, но дѣйствіе совершается не въ оссіановскомъ туманѣ, а на землѣ, характеры дѣйствующихъ лицъ очерчены пластично и представляются намъ живыми людьми, а не блѣдными призраками. Самый языкъ поэмы является передъ нами простымъ, сказочнымъ русскимъ языкомъ, а не напыщеннымъ, торжественнымъ языкомъ балладъ Жуковского или элегій Батюшкова; затѣмъ слѣдуетъ рядъ поэмъ изъ нашей южной жизни: «Цыгане», «Бахчисарайскій фонтанъ», «Кавказскій плѣнникъ». — При всемъ романтизмѣ этихъ поэмъ, вы видите въ нихъ постоянное стремленіе изображать передъ вами живыхъ людей и обставлять ихъ живою, осязаемою дѣйствительностью. — Такова вся байроновская школа, въ духѣ которой написаны эти поэмы: она была ни чѣмъ инымъ, какъ переходомъ отъ романтизма къ реализму: она старалась совмѣщать романтизмъ съ реализмомъ, облекая романтическое содержаніе въ формы живой, современной дѣйствительности. — Въ Евгениѣ Онѣгинѣ вы видите новый шагъ на пути къ реализму. — Здѣсь уже не выбираются для содержанія романа исключительно предметы, поражающіе воображеніе своею колоссальностью, красотой формъ или мелодраматичностью, — а напротивъ того изображается обыденная жизнь русскаго общества того времени. — Наконецъ въ «Дубровскомъ», «Капитанской дочкѣ» и «Повѣстяхъ Бѣлкина» почти исчезаютъ послѣдніе слѣды романтизма даже въ байроновскомъ духѣ. — Повѣсти Бѣлкина представляются намъ верхомъ безсодержательности и пошлости. Но что же было дѣлать, если жизнь того времени была столь пошла, что не могла дать лучшаго содержанія, а поэтъ былъ такъ мало развитъ, что не могъ осмыслить этой пошлости и взглянуть на нее, хоть бы такъ, какъ взглянулъ Гоголь? Для насъ повѣсти Бѣлкина важны не по своему содержанію, а по тому по истинѣ колоссальному шагу, который мы видимъ между ними и «Русланомъ и Людмилою». Только появленіемъ повѣстей Бѣлкина и можно представить себѣ естественнымъ явленіемъ въ то же время Гоголя съ его натуральною школою. — А безъ этого повѣсти Гоголя должны казаться намъ какимъ-то чудомъ, свалившимся съ неба, неожиданнымъ и негаданнымъ катаклизмомъ. И надо замѣтить еще то, что Пушкинъ многими своими произведеніями опередилъ свой вѣкъ, потому что одновременно съ «Дубровскимъ» и «Капитанскою дочкою» и послѣ нихъ возможны были произведенія Марлинскаго, Полеваго и воскресеніе байронизма Лермантовымъ.

Если обскуранты въ духѣ Каченовскаго напали на Пушкина за его нововведенія въ литературу, совершенно иначе отнеслись къ нему люди молодые и свѣжіе. Съ восторгомъ встрѣтили они появленіе такого поэта, который простымъ языкомъ началъ го-

ворить имъ о предметахъ и чувствахъ, близкихъ всѣмъ и каждому. И въ этомъ отношеніи понятнымъ становится тотъ энтузіазмъ, съ которымъ встрѣчалась каждая любовная элегія Пушкина, въ наше время неизмѣющая ровно никакого значенія и представляющаяся намъ лишенною всякаго мало-мальски серьезнаго содержанія. — Въмѣсто отвлеченной любви какого-нибудь туманнаго Вадима къ туманной дѣвѣ, въ элегіяхъ Пушкина находили такіе обыденные мотивы любви, которые были близки сердцу всѣмъ влюбленнымъ въ то время юношамъ — и поэзія Пушкина потому и приводила въ восторгъ, что она задѣвала за самыя живыя, чувствительныя, завѣтныя струны жизни своихъ современниковъ. Этими своимъ свойствомъ, соединеннымъ съ простотою и общедоступностью, — поэзія Пушкина привлекла тысячи читателей и поклонниковъ литературы, въ людяхъ, которые до того времени чуждались литературы, потому что съ одной стороны она была для нихъ недоступна по своей отвлеченности, а съ другой стороны они не видѣли въ ней ничего общаго со своею жизнію, ничего задѣвающего за сердце. — До Пушкина существовалъ небольшой кружокъ диллетантовъ литературы, покровительствующихъ ей и поддерживающихъ ее ради собственной улады. Пушкинъ создалъ цѣлую массу читающей публики и послѣ него литература могла существовать самостоятельно, опираясь на эту массу, могла развиваться, несмотря на то, что прежніе диллетанты обратились въ ея заклятыхъ враговъ и гонителей. Вотъ почему Пушкина считали реальнымъ и народнымъ поэтомъ, и если съ современной намъ точки зрѣнія мы не видимъ въ Пушкинѣ никакой народности или реализма въ истинномъ значеніи этихъ словъ, то относительно его времени, пожалуй, его можно назвать народнымъ и реальнымъ поэтомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ приложили бы мы эти эпитеты къ японскому писателю, который, переставши въ своихъ произведеніяхъ идеализировать европейскую жизнь и европейскихъ людей, началъ бы черпать содержаніе своихъ произведеній изъ окружающей его японской жизни, хотя бы жизни одного небольшого слоя японскаго общества.

Но признавая за Пушкинымъ только историческое значеніе, мы не можемъ въ то же время согласиться съ Писаревымъ въ томъ, что будто мѣсто Пушкина «не на письменномъ столѣ современнаго работника, а въ пыльномъ кабинетѣ антикварія, рядомъ съ заржавленными латами». Другое дѣло, еслибы разговоръ шелъ о какихъ нибудь мексиканскихъ и перуанскихъ древностяхъ, или о неизвѣстномъ поэтѣ, жившемъ въ царствованіе Александра I и ничѣмъ себя незаывившемъ; но здѣсь дѣло идетъ объ одномъ изъ главныхъ представителей эпохи, весьма близкой къ намъ, о такомъ представителѣ, безъ изученія котораго эпоха не можетъ быть вполне понята. Конечно, еслибы Писаревъ принималъ излишность лежанія Пушкина на столѣ современнаго рабочаго только въ томъ смыслѣ, въ какомъ пред-

полагают это желание эстетики, т.-е. въ смыслѣ ежедневнаго наслажденія эстетическими красотами произведеній Пушкина для развитія изящнаго вкуса, то мы могли бы совершенно согласиться съ Писаревымъ. Но Писаревъ говоритъ: «Пушкинъ можетъ имѣть теперь только историческое значеніе, а для тѣхъ людей, которымъ некогда и не вѣдѣтъ заниматься исторіей литературы, не имѣетъ даже совсѣмъ никакого значенія» (см. т. 3, стр. 200). Вотъ это-то мы и не понимаемъ, что это за люди, которымъ не вѣдѣтъ и некогда заниматься исторіей литературы — и притомъ исторіей литературы не какой нибудь отдаленной эпохи, неимѣющей никакого отношенія къ нашему времени, а ближайшаго намъ времени. Если это люди давно окончившіе всякое образованіе, откинувшіе самую мысль о дальнѣйшемъ образованіи и занявшіе тѣмъ или другимъ практическимъ дѣломъ, — это другое дѣло. Но если это люди еще образующіеся, такіе люди не должны смотрѣть на поэзію Пушкина, какъ на древность, любопытную однимъ археологамъ, въ родѣ одѣ Майкова, комедій Лукина и проповѣдей пр. Платона. Пусть такіе люди не думаютъ, что они сдѣлаются истинными реалистами; если ограничатся чтеніемъ книжекъ, налагающихъ современныя идеи, да усвоятъ кой-какія знанія по естественнымъ наукамъ. Какимъ бы реальнымъ путемъ ни были добыты великія истинны людьми, впервые ихъ открытыми, тѣмъ не менѣе эти истины ни мало не способны сдѣлать реалистами людей, у которыхъ въ головѣ очень мало фактовъ по всѣмъ отраслямъ знанія; необходимо, чтобы добытая истина не болталась въ мозгу въ видѣ готовыхъ отвлеченныхъ формулъ, а имѣла прочную индуктивную подкладку. Въ этомъ отношеніи изученіе историческихъ эпохъ, въ особенности эпохъ ближайшихъ намъ, и литературныхъ памятниковъ въ связи съ этими эпохами — всегда будетъ служить плодороднымъ матеріаломъ для индуктивнаго мышленія, не менѣе необходимымъ, чѣмъ изученіе фактовъ естествознанія. Вслѣдствіе этого, если поэзія Пушкина не можетъ уже представлять для современнаго юноши прямого развивательнаго значенія въ видѣ чтенія, возбуждающаго мысль и дающаго готовый анализъ окружающей жизни, то тѣмъ не менѣе она представляетъ богатый матеріалъ для индукціи; безъ этого матеріала въ головѣ юноши будетъ значительный пробѣлъ, при существованіи котораго онъ никогда не составитъ себѣ яснаго понятія объ эпохѣ 20 и 30 годовъ и о различіи этой эпохи отъ нашей. Въ этомъ отношеніи нельзя не пожалѣть, что въ курсахъ словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ настоящее время совершенно опущенъ предметъ, самый живой; составляющій такъ-сказать результатъ и вѣнецъ этихъ курсовъ; именно исторія литературы; преподаваніе словесности нынѣ ограничивается разборомъ литературныхъ памятниковъ — эстетическимъ и филологическимъ, въ то время, какъ самый плодотворный анализъ этихъ памятниковъ есть историческій, имѣю-

щій тотъ результатъ, чтобы у образованныхъ людей было ясное понятіе о литературныхъ памятникахъ въ связи съ жизнью вѣка и развитіемъ образованности въ нашемъ отечествѣ.

VI.

Анализомъ статей Писарева о Пушкинѣ я могу закончить свою статью. Конечно, разобранныя мною статьи Писарева далеко не исчерпываютъ всего, помѣщеннаго въ 9-ти томахъ собранія его сочиненій. Но цѣль моя заключалась не въ томъ, чтобы разобрать все написанное Писаревымъ въ подробности и въ отдѣльности, сколько въ опредѣленіи общаго характера критической дѣятельности Писарева, для чего я выбралъ изъ статей Писарева наиболѣе выдающіяся и наиболѣе въ свое время надѣлавшія шума.

Анализъ мой можетъ инымъ показаться слишкомъ рѣзкимъ и жесткимъ по отношенію къ писателю, который во всякомъ случаѣ былъ однимъ изъ талантливѣйшихъ и изъ честнѣйшихъ дѣятелей литературы, и который едва только сошелъ въ могилу. Найдутся, можетъ быть, и такіе люди, которые въ рѣзкости моего анализа увидятъ признакъ затаенной вражды къ покойному. Но такіе люди, которые въ каждомъ полемическомъ отношеніи сейчасъ же предполагаютъ личныя закулисныя страсти, глупо и пошло ошибутся. Къ Писареву, какъ къ человѣку, я питалъ всегда живую симпатію и искренно любилъ его. Разбирая же его сочиненія, я имѣлъ дѣло не съ его личностью, а съ тѣмъ складомъ мышленія, который часто встрѣчается въ нашемъ обществѣ, едва переходящемъ еще отъ идеалистическаго міросозерцанія къ истинно-реальному. При этомъ я совершенно далеко отъ той мысли, что будто Писаревъ своею литературною дѣятельностью произвелъ такой складъ мыслей, хотя есть люди, которые думаютъ такимъ образомъ, приписывая непосредственно пропагандѣ Писарева созданіе среды, видящей альфу и омегу прогресса въ мирномъ занятіи естественными науками и презрительномъ отношеніи ко всякой другой отрасли дѣятельности. Я полагаю, что не Писаревъ создалъ эту среду, ее создала жизнь со всѣми ея условіями; Писаревъ же былъ только талантливѣйшимъ и умѣйшимъ выразителемъ ея.

Въ то же время я совершенно далеко отъ мысли, чтобы характеръ дѣятельности Писарева былъ окончательно сложившимся, укоренившимся въ немъ, такъ что, еслибы съ Писаревымъ не случилось несчастной катастрофы, а онъ жилъ бы долѣе, то онъ продолжалъ бы до смерти писать все въ томъ же родѣ и духѣ. Напротивъ того, вся литературная дѣятельность Писарева была ничѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ моментовъ его развитія. Правда, вслѣдствіе обстоятельствъ ранней юности и послѣдующей жизни, этотъ моментъ былъ слишкомъ задержанъ; при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ Писаревъ пережилъ

бы его гораздо скорѣе; но въ то же время онъ былъ слишкомъ воспримчивый, живой и талантливый человѣкъ, чтобы могъ окончательно остановиться на этомъ моментѣ и не пережить его. Такъ, разсматривая дѣятельность Писарева въ хронологическомъ порядкѣ, вы видите, что хотя до самаго конца своего, она сохраняетъ тотъ же характеръ, но въ ней, во всякомъ случаѣ, вы замѣчаете движеніе къ выходу изъ того исключительно моральнаго склада мыслей, въ которомъ пребывалъ Писаревъ. Въ первыхъ статьяхъ своихъ Писаревъ болѣе моралистъ, чѣмъ въ послѣднихъ. Такъ, напримѣръ, прочтите въ «Дѣлѣ» 1866 г. статью его о романѣ Достоевскаго «Преступленіе и наказаніе». Подумайте только о томъ, какую обильную пищу могъ бы доставить Писареву типъ Раскольниковъ для сличенія его съ базаровскимъ типомъ, и опредѣленія, насколько Раскольниковъ походить или не походить на Базарова, еслибы статья была написана въ 1862, 1863—64 годахъ. Но въ 1866 году вы видите у Писарева совершенно иной пріемъ: онъ ставитъ на первый планъ тѣ обстоятельства жизни, которыя довели Раскольниковъ до преступленія, подобно разбираетъ, какъ пришелъ Раскольниковъ къ такому выходу, и при этомъ замѣчаетъ, что одни и тѣ же обстоятельства могутъ вліять равно на образованнаго человѣка, какъ и на темнаго; различіе только въ томъ, что въ то время, какъ необразованный человѣкъ будетъ подверженъ данному процессу инстинктивно и безсознательно, образованный человѣкъ будетъ анализировать этотъ процессъ, формулировать его, возвестить его въ теорію, и все-таки, результатъ будетъ одинъ и тотъ же — одно и то же преступленіе, вызванное одними и теми же причинами. Какъ видите, здѣсь Писаревъ совершенно стоитъ на добролюбовской точкѣ зрѣнія, и не говоритъ уже, что только одни варники и дѣти, необразованная, темная сволочь способна вдругъ съ бухты-барахты или себя уватать, или другаго положить на мѣстѣ, а образованные люди способны только наслаждаться разумнымъ счастьемъ и разливаться его вокругъ себя.

Такой же тонкій и глубокой анализъ вы видите въ статьяхъ его, помѣщенныхъ въ прошлогоднихъ «Отечественныхъ Запискахъ», изъ которыхъ въ особенности хороша статья «Старое барство», разбирающая типы романа Толстаго «Война и миръ». Изъ статей, принадлежащихъ къ прежней дѣятельности Писарева, въ «Русскомъ Словѣ» встрѣчается не мало такихъ, въ которыхъ, сообразно съ характеромъ разбиравшихся внижекъ, Писаревъ не могъ слишкомъ вдатся въ свою мораль, и такіа статьи представляютъ болѣе реальный характеръ, чѣмъ прочія; таковы: «Наша университетская наука», «Сердитое безсиліе», «Промакъ незримой мысли», «Погибшіе и погибающіе» и пр. Наконецъ, вездѣ тамъ, гдѣ Писаревъ не пускается въ характеристику положительныхъ типовъ современной намъ эпохи, а ограничивается однимъ анализомъ отрицательныхъ явленій жиз-

ни, тамъ анализъ его блестящъ, глубоокъ и тонокъ. Его анализъ отношеній Молотова къ Леночкѣ, въ статьѣ «Романъ кисейной барышни», характеристика россійскихъ либераловъ въ статьѣ «Подростающая гуманность», характеристика нѣмецкихъ либераловъ въ статьѣ о Гейне и многія другія—верхъ совершенства. По этимъ характеристикамъ только мы можемъ составить понятіе, какую могучую силу въ литературѣ мы утратили. Очень можетъ быть, что еслибы эта сила продолжала жить и развиваться, то вся эта дѣятельность, которую Писаревъ въ настоящее время оставилъ послѣ себя, была бы ни чѣмъ инымъ, какъ первымъ только періодомъ, представляющимъ первые, нетвердые размахи мысли сильной, глубокой, но еще не создавшей себѣ опредѣленнаго широкаго русла для дальнѣйшаго теченія. Такимъ образомъ, главная и наиболѣе плодотворная дѣятельность Писарева могла быть еще впереди, и въ этомъ отношеніи нельзя не пожалѣть о преждевременной уtratѣ силы, которая только что начинала развертываться. Вспомнимъ, что Писаревъ умеръ всего какихъ-нибудь 26—27-ми лѣтъ.

Что касается до вліянія статей Писарева на молодое поколѣніе, то и въ этомъ отношеніи я далекъ отъ той мысли, чтобы вліяніе это было вредное и совращающее съ истиннаго пути. Напротивъ того, я признаю за статьями Писарева положительную пользу въ своемъ родѣ. Въ жизни каждаго человѣка есть періодъ, въ который юноша, живя подъ защитою родительскаго крова или школы, бываетъ далекъ отъ всякихъ непосредственныхъ столкновеній съ жизнью, умъ его непробудно спитъ и юноша не только не имѣетъ никакого понятія о томъ, что дѣлается вокругъ него, но не сознаетъ, что такое онъ самъ и съ какою цѣлю онъ живетъ на свѣтѣ. Вотъ въ этотъ-то періодъ весьма полезно, если въ ухахъ юноши раздастся могучій голосъ, полный искреннаго энтузіазма, который начнетъ говорить юношѣ о томъ, что онъ человѣкъ; а потому ничто человѣческое не должно быть ему чуждо, что онъ долженъ трудиться и учиться, чтобы быть достойнымъ названія человѣка, что только въ трудѣ и знаніяхъ истинное призваніе, сила и счастье человѣка и т. п. Такой голосъ, въ періодъ, когда личные, нравственные вопросы стоятъ у человѣка на первомъ планѣ, можетъ служить могучимъ нравственнымъ толчкомъ, необходимымъ для умственнаго пробужденія. Впослѣдствіи, когда юноша столкнется болѣе съ жизнью и она начнетъ шупать его ребра и переклеивать его по своему, тогда для него сдѣлаются необходимы иные учителя, которые могли бы дать благоразумный совѣтъ, какъ бороться съ жизнью, противъ чего бороться, при какихъ условіяхъ и какими средствами. Тогда юноша, при болѣшемъ объемѣ знаній и опыта, можетъ не согласиться со многими взглядами своего перваго учителя, сознать его заблужденія, односторонности, противорѣчія, но тѣмъ не менѣе юноша не перестанетъ сознавать, что первымъ толчкомъ въ развитіи онъ все-таки былъ обязанъ этому

учителю. Этимъ только и можно объяснить, почему статьи Писарева, при всѣхъ своихъ очевидныхъ недостаткахъ, возбуждаютъ такой энтузіазмъ въ самомъ юномъ возрастѣ; почему ими зачитываются до бреда начинающіе развиваться. А потомъ эти начинающіе переходятъ къ анализу своего учителя и начинаютъ посмѣиваться надъ его разными недостатками. Въ способности будить мысль и поднимать нравственные вопросы въ умѣ юноши—главная сила, успѣхъ и вліяніе статей Писарева. И въ этомъ отношеніи статьи Писарева будутъ долго самымъ любимымъ чтеніемъ юношества.

Что же касается тѣхъ людей, которые, начавши мыслить по Писареву, не идутъ далѣе, а останавливаются на идеалистическомъ поклоненіи базаровскому типу и дѣлаются адептами чистаго естествознанія, то виною этому не Писаревъ, а тѣ обстоятельства, которыя мѣшаютъ этимъ людямъ развиваться, идти далѣе отъ писаревского идеализма къ истинному реализму, отъ вопросовъ индивидуально нравственныхъ къ общественнымъ, къ изученію жизни въ связи со всѣми ея условіями.

А. Скабичевскій.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

Собраніе стихотвореній Василія Курочкина. 2 тома. Спб. 1869.

До сихъ поръ, большинство русскихъ читателей было знакомо съ Вас. Курочкинымъ по его удачнымъ переводамъ Беранже, Мюссе и другихъ иностранныхъ поэтовъ; нынѣ, то-есть издаціемъ собранія стихотвореній, оказывается, что лучшія оригинальныя юмористическія стихотворенія, печатавшіяся въ «Искрѣ» подъ разными псевдонимами, также принадлежатъ перу этого писателя.

Очень нерѣдко случается выслушивать въ обществѣ мнѣнія не совсѣмъ благоприятныя для нашей современной сатиры; такъ, напримѣръ, говорятъ, что она поверхностна и почти исключительно останавливается на такихъ предметахъ, которыхъ ничтожество слишкомъ очевидно. Въ этихъ отзывахъ, конечно, есть значительная доля правды, но они, во всякомъ случаѣ, не могутъ относиться къ г. Курочкину; юмористическія стихотворенія этого писателя, всегда живыя и меткія, повременамъ захватываютъ очень серьёзные явленія нашей общественной жизни и являются проникнутыми тѣми идеалами добра и правды, безъ которыхъ сатира не можетъ быть плодотворною. Вотъ, напримѣръ, стихотвореніе «Разсказъ няни», которое мы съ особеннымъ удовольствіемъ здѣсь выписываемъ:

— Няня, любила ли ты?
 — Я, что ли, барышня? Что вамъ?
 — Какъ что?... Страданья... мѣтѣ...
 — Не оскорбить бы васъ словомъ.

Нашей сестры разговоръ
 Все изъ простыхъ, значить, словъ.
 Намъ и любовь не въ любовь,
 Намъ и позоръ не въ позоръ!

Другъ нуженъ по сердцу вамъ:
 Намъ и друзей-то не надо:
 Баринъ обдѣляетъ самъ —
 Мы вѣдъ послушное стадо.
 Нашъ былъ на это здоровъ...
 Тутъ былъ и мнѣ приговоръ...
 Намъ и любовь не въ любовь,
 Намъ и позоръ не въ позоръ!

Послѣ... племянникъ ли... смятъ...
 Это ужъ дѣло не наше —
 Только прямой господинъ —
 Вѣрите ль: солнышка краше.
 Тоже господская кровь...
 Лютъ былъ до нашихъ сестеръ...
 Намъ и любовь не въ любовь,
 Намъ и позоръ не въ позоръ!

Раньше... да что вспоминать!
 Было, какъ будто, похоже,
 Вотъ какъ въ романахъ читать
 Сами изволите тоже.
 Только ужъ много годовъ
 Парень въ солдатахъ съ тѣхъ поръ.
 Намъ и любовь не въ любовь,
 Намъ и позоръ не въ позоръ!

Тамъ и пошла, и пошла...
 Все и со мной, какъ съ другими...
 Нонѣ спасаюсь отъ зла
 Только дѣтами своими,
 Что у старухи и кровь
 Похолодѣла и взоръ...
 Намъ и любовь не въ любовь,
 Намъ и позоръ не въ позоръ!

Барышня, скученъ разказъ?
 Вотъ и теперь подрастаетъ
 Дѣвушка... дѣвка для васъ...
 А ужъ господъ соблазняетъ...
 Черныя косы да бровь
 Сгубятъ красавицу скоро...
 Господи! Дай ей любовь
 И огради отъ позора!

Въ заключеніе скажемъ, что собраніе стихотвореній г. Курочкина издано очень тщательно даже красиво, и что цѣна

ему назначена авторомъ самая умѣренная, а именно: за 2 тома, въ восемьсотъ почти страницъ, два рубля.

Васни и Отголоски. В. Незамай. *Сиб.* 1869.

Совершенною противоположною г. Курочкину представляетъ поэтъ Незамай. Тамъ, гдѣ Курочкинъ говоритъ: черно, тамъ, навѣрное, Незамай распишется: бѣло. По мнѣнію Курочкина, все зло оттого происходитъ, что жердь еще не совсѣмъ сдана въ архивъ, но что, повременамъ, ею помахиваютъ; по мнѣнію Незамай, корень зла заключается въ томъ, что жердь, отъ продолжительнаго бездѣйствія въ углу, начинаетъ покрываться паутиной.

Г. Незамай мыслить, такъ сказать, наизнанку и напереворъ стихіямъ. Сатира его имѣетъ характеръ исключительно уголовный; онъ не признаетъ усовершенствованій; благодущіе и протость противны ему. Палка и кандалы — вотъ идеалы, изъ которыхъ онъ выходитъ, и во имя которыхъ вдохновляется. «На-прасный трудъ», говоритъ онъ:

.... злодѣевъ вразумлять.
Есть совѣсти, которыхъ не пронять
Ничѣмъ — ни добрымъ поставленьемъ,
Ни кроткимъ убѣжденьемъ.
Когда ужъ люди такъ несправимо злы,
То, вмѣсто словъ, имъ нужны кандалы.

Незамысловато, но, по крайней-мѣрѣ, просто.

Собзаръ Тараса Шевченка *въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изданномъ подъ редакціей Н. В. Гербеля. Изданіе второе, дополненное.* *Сиб.* 1869.

Любители задушевной поэзіи Шевченка будутъ, конечно, обрадованы, узнавъ о новомъ собраніи его поэмъ, думъ и пѣсень, предпринятомъ г. Гербелемъ. Мы, съ своей стороны, съ удовольствіемъ извѣщая объ этомъ изданіи, можемъ прибавить, что оно очень красиво, почти роскошно и притомъ довольно дешево (1 р. 25 к. за томъ въ 332 страницы).

Безъ вины виноватъ. *Разсказъ въ двухъ частяхъ.* А. К. Владиміровой. *С.-Петербургъ.* 1869.

Мы очень охотно рекомендуемъ эту книгу нашимъ читателямъ. Въ ней, если не разрѣшаются, то, во всякомъ случаѣ, довольно отчетливо рекомендуются нѣкоторые вопросы, стоящіе въ современной жизненной практикѣ на весьма близкой очереди. Особенное же вниманіе автора обратилъ на себя вопросъ о положеніи въ обществѣ такъ называемыхъ «незаконнорожденныхъ» дѣтей. Онъ-то собственно и послужилъ канвою для его разсказа.

Нельзя не сознаться, что явленіе, разсматриваемое г-жею Владиміровою, далеко не нормальное, и что человѣкъ, явившійся

на свѣтъ съ незавиднымъ прилагательнымъ «незаконнорожденнаго», уже тѣмъ самымъ фаталистически отбѣгается отъ пользованія даже тѣми благами жизни, которыя, въ данный историческій моментъ, составляютъ обыкновенную, будничную ея основу, безъ всякаго спора доступную для каждаго изъ членовъ законнорожденнаго большинства. Поставленный внѣ обыкновенныхъ законовъ и условій, состоя въ обществѣ на правахъ дивинни, «незаконнорожденный», какъ только начинаетъ сознавать себя, уже вынуждается устронвать свою жизнь собственными средствами и на основаніяхъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, которыми руководится окружающая среда. Онъ долженъ или самъ завоевать себѣ мѣсто въ обществѣ, или же вполнѣ подчиниться господствующему предрасудку, т.-е. откровенно признать за собою титулъ парія, и затѣмъ рѣшиться на цѣлый рядъ поступковъ, лишенныхъ даже той *относительной* жизненной правды, которую мы можемъ хотя отчасти объяснить себѣ поступки большинства, обладающаго правильными документами. Такимъ образомъ, въ обществѣ является цѣлый классъ людей, для которыхъ обязательно или быть героями, или всю жизнь избѣгать прямого шага, всю жизнь пригибаться и только цѣною всевозможныхъ униженій покупать себѣ право на существованіе. Но такъ-какъ герои вообще рѣдки, то понятно, что и въ этомъ случаѣ они составляютъ лишь исключеніе, а большинство волей-неволей становится въ ряды осужденныхъ на вѣчную фальшь и вѣчное примиреніе съ ходячими аксіомами жизни, какъ бы ни была сомнительна ихъ непогрѣшимость.

Г-жа Владимірова отнеслась къ своему предмету не только добросовѣстно, но и вполнѣ сознательно. Героиня ея разсказа находится въ условіяхъ, сравнительно, довольно благопріятныхъ (по крайней-мѣрѣ, на столько благопріятныхъ, что читатель не замѣчаетъ со стороны автора наклонности къ преувеличеніямъ, при посредствѣ которыхъ нерѣдко проигрывается самое безпроигрышное дѣло), и тѣмъ не менѣе жизнь для нея становится на столько тягостною, что никакія кажущіяся сдѣлки не могутъ смягчить ту основную горечь, которая таится на днѣ ея. Эта жизнь, повидимому, обставленная очень удобно, нелишенная матеріальнаго довольства, окруженная любовью и заботамъ, ставитъ на каждомъ шагу великое множество вопросовъ, которыхъ разрѣшенія невозможно достигнуть безъ особенной сердечной боли. Главное обстоятельство, которое томить и давить въ этомъ случаѣ — это тайна, это исключительность отношеній, на которую осуждена героиня разсказа, вслѣдствіе особенности ея положенія. Здѣсь любовь переводится словомъ «сожалѣніе», участіе и учтивость — словами «предназначенная и унижительная деликатность». Сердце страдает и оскорбляется на каждомъ шагу, ежели не отъ дѣйствительныхъ страданій, то отъ страданій вымышленныхъ, но тѣмъ не менѣе очень существенныхъ. Повторяемъ: все это по-

нято и передано г-жею Владиміровой очень хорошо и сознательно.

Но мы, въ то же время, имѣемъ подать и полезный совѣтъ почтенному автору: сочиненіе его чрезчуръ длинно. Еслибы г-жа Владимірова значительно сократила свой рассказъ, еслибы она устранила изъ него нѣкоторыя длинноты, которыя по-ложительно вредятъ ему, намъ кажется, что сочиненіе ея во всѣхъ отношеніяхъ выиграло бы.

Основные понятія политической, общественной или промышленной экономіи, съ присовокупленіемъ словаря экономическаго языка. Сочиненіе Жозефа Гарнье. Перевелъ съ 3-го исправленнаго и дополненаго изданія Павелъ Кисловскій. С.-Петербургъ. 1868.

Очеркъ народнаго кредита въ западной Европѣ и въ Россіи. А. В. Яковлевъ. (Гласный с.-петербургской городской общій думы). Цѣна 2 руб. С.-Петербургъ. 1869.

Что такое социализмъ? Для передовыхъ мыслителей науки — это разрѣшеніе всѣхъ задачъ современной экономической жизни работниковъ, устраненіе нищеты и рабскаго состоянія трудящихся массъ, уничтоженіе произвола буржуа надъ пролетаріемъ, однимъ словомъ — разрѣшеніе всѣхъ противорѣчій, въ которыхъ стоитъ современная жизнь съ выработавшимися нравственными принципами. Для другихъ, и въ томъ числѣ для г. Жозефа Гарнье, это: «Родовое названіе системъ, предлагающихъ измѣнить существующій общественный строй на разные искусственные лады, уничтожая собственность и свободу человѣка, насильствуя свободу, разсчитывая на чрезмѣрное развитіе чувства самоотверженія, мечтающъ объ образованіи одной всемірной семьи и доходя до предоставленія всякой инициативы государству, т.-е. до коммунизма, котораго послѣдствіемъ было бы огрубѣніе человѣчества до скотскаго состоянія» (стр. 229).

Если экономисты, люди ученые, распространяютъ столь странные и нелѣпыя слухи о социализмѣ, то мудрено ли, что между людьми, не занимавшимися наукой, связалось съ этимъ словомъ понятіе о какой-то безразсудной утопіи. Оспаривать здѣсь экономическое ученіе г. Гарнье было бы слишкомъ длинно и неумѣстно. Поэтому мы постараемся только отвѣтить на вопросъ: что такое социализмъ? и такимъ образомъ показать, что г. Гарнье, отъявленный врагъ послѣдняго, быть можетъ, и знаетъ то, что выработано Адамомъ Смитомъ, Мальтузомъ и другими основателями экономической науки, но вовсе не понимаетъ мыслителей позднѣйшихъ, своихъ современниковъ, и того, что происходитъ на его собственныхъ глазахъ.

Съ развитіемъ положительнаго знанія развиваются способность и умѣніе человѣка измѣнять, до извѣстной степени, случайный ходъ вещей и направлять его къ извѣстной цѣли. Въ окончательномъ результатѣ всякая наука порождаетъ соотвѣт-

ственное искусство. Наука объ электричествѣ научаеъ насъ строить громоотводы и избавляться отъ случайностей грозы, физиологія порождаетъ гигиену, научаеъ насъ, какими условіями должны мы окружить себя, чтобы сохранить здоровье, и т. д. То же самое слѣдуетъ сказать и о социальной наукѣ. Мы изучаемъ законы распредѣленія и производства богатствъ. За чѣмъ? Неужели затѣмъ только, чтобы возвести въ правило то, что составляетъ случайный, хотя, при извѣстномъ устройствѣ общества, и неизбѣжный ходъ вещей? По словамъ г. Гарнье, Ричардъ Кобденъ очень понятно объяснилъ англійскимъ рабочимъ законъ спроса и предложенія, сказавъ: «Когда два работника бѣгутъ за однимъ хозяиномъ, рабочая плата понижается; когда же два хозяина бѣгутъ за однимъ работникомъ, она повышается». Неужели отсюда слѣдуетъ, какъ думаетъ г. Гарнье, «что правосудіе экономически выражается закономъ предложенія и спроса». Экономическій законъ спроса и предложенія состоитъ въ слѣдующемъ. Если мы предположимъ, что капиталъ, т. е. орудія производства сосредоточены въ однихъ рукахъ; рабочая сила въ другихъ, и еще: что каждый изъ капиталистовъ и работниковъ стремится съ возможно меньшими усиліями приобрести возможно больше, то рабочая плата опредѣлится отношеніемъ количества предлагаемыхъ капиталовъ съ одной стороны, и рабочихъ рукъ съ другой. Если капиталовъ много, а работниковъ мало, рабочая плата будетъ высока, въ обратномъ случаѣ она будетъ низка. слѣдуетъ ли изъ этого, что этотъ законъ, этотъ рыночный способъ опредѣлять плату за трудъ, допускающій всевозможныя бѣдствія: нищету, голодь, разбой, отупѣніе и изнуреніе человѣка въ борьбѣ изъ-за куска хлѣба, неизбѣжно долженъ господствовать въ жизни? Никакимъ образомъ. Мы очень хорошо знаемъ, при какихъ условіяхъ онъ дѣйствуетъ. Эти условія: сосредоточеніе капиталовъ и рабочей силы въ разныхъ рукахъ, и то низкое состояніе нравственнаго развитія, въ которомъ каждый изъ насъ стремится къ приобретенію, къ удовлетворенію своихъ нуждъ и желаній, помимо всякихъ соображеній объ интересахъ общественныхъ. Ясно, что законы современной экономической жизни никакимъ образомъ не могутъ быть возведены въ правила и названы «выраженіемъ правосудія». Эти правила должны быть созданы иначе. Они составляютъ содержаніе социального искусства, великаго искусства жить въ обществѣ. Экономическая наука можетъ дать намъ эти правила, научить насъ дѣйствовать такъ, чтобы достичь желаемой цѣли, но самая цѣль зависитъ отъ насъ самихъ. Желаемъ ли мы достичь наибольшей суммы счастья всѣхъ отдѣльныхъ членовъ обществъ? Если да, то, изучивъ явленія общественной жизни, мы должны отыскать тѣ условія, при которыхъ достиженіе этой цѣли возможно, и при томъ такія условія, которыя выполнимы. Отсюда проистекаетъ ученіе, называемое социализмомъ. Всѣ социалистическія ученія имѣютъ

ту общую черту, отличающую ихъ отъ экономическихъ теорій, въ родѣ исповѣдуемыхъ Гарнье, что онѣ не ограничиваются изученіемъ общественныхъ явленій, а ищутъ тѣ социальныя условия, при которыхъ достигается наибольшее и равномерное благосостояніе всѣхъ членовъ общества. Конечно, многое изъ того, что называется социализмомъ, могло быть ошибочно, точно такъ, какъ многое ошибочно изъ того, что называется политической экономіей, но тѣмъ не менѣе разрѣшеніе задачи, которую ставятъ себѣ социалисты, составляетъ настоятельнѣйшую потребность человечества и конечную цѣль социальной науки. Рѣшеніе этой задачи значительно ушло впередъ въ теоріи, и даже отчасти на практикѣ. Все это г. Гарнье игнорируетъ и заботится только о томъ, чтобы заклеить именами утопіи и безразсудства все, что не укладывается въ рамки современной жизни. Онъ считаетъ барышничество дѣломъ хорошимъ и полезнымъ, требуетъ полной свободы торговли и спекуляцій, однимъ словомъ требуетъ всего того, что требовалось экономистами прошлаго столѣтія, въ виду интересовъ третьяго сословія, получившаго тогда преобладающее значеніе. Онъ вовсе не понимаетъ того, что третье сословіе, интересамъ котораго онъ подчиняетъ свою научную дѣятельность, исполнило уже свою задачу, разрушило, насколько то было въ его власти, средневѣковой строй общества, и что дальнѣйшее господство его есть ни что иное, какъ гнѣть рабочихъ. Послѣднимъ нужна не свобода (отсутствіе вмѣшательства) экономическихъ отношеній, результатомъ которой, при неравенствѣ условій, въ которыхъ стоятъ рабочіе и капиталисты, выходитъ преобладаніе однихъ надъ другими, а разумное вмѣшательство людей въ свои собственныя общественныя дѣла, которое имѣло бы въ виду равномерное увеличеніе благосостоянія всѣхъ членовъ общества. Соціалисты — это представители интересовъ работниковъ точно такъ, какъ приверженцы свободы торговли, свободы промышленности были когда-то представителями интересовъ третьяго сословія. Еслибы книга г. Гарнье явилась въ концѣ прошлаго столѣтія, то она составила бы явленіе прогрессивное, она отстаивала бы свободу промышленности противъ безконтрольнаго произвола королевской власти и чиновниковъ, а въ наше время она защищаетъ свободу промышленности противъ разумнаго вмѣшательства работниковъ въ свои собственныя дѣла. Но мало сказать о г. Гарнье, что онъ не понимаетъ современнаго значенія рабочаго класса. Онъ является врагомъ послѣдняго, всегда, когда только интересы работниковъ сталкиваются съ интересами буржуазіи. Вотъ какъ разсуждаетъ онъ объ ассоціаціяхъ: «Преувеличивая примѣненія, къ которымъ способно начало ассоціаціи, нѣкоторые пришли къ увѣренности и стали внушать рабочимъ классамъ, что еслибы мастеровые, какого бы ремесла они ни были, начали соединяться въ группы изъ большаго числа сотрудниковъ, съ цѣлю отправленія всякаго рода промысловъ, то эти группы могли бы размножиться до

того, что замѣнивъ теперешнія формы промышленности, онѣ преобразовали бы состоящихъ на жалованьѣ или получающихъ рабочую плату въ такихъ общникахъ, которые, вмѣсто жалованья и рабочей платы, сдѣлались бы всѣ равными участниками въ прибыляхъ, какъ будто веденіе дѣлъ могло обойтись безъ участія рабочихъ высшаго разряда (какихъ это? людей, понимающихъ дѣло, или владѣющихъ капиталомъ, хотя бы они дѣла и не понимали?), и будто общественный интересъ можетъ имѣть ту же энергію, какъ и интересъ частный (а если тотъ и другой для участниковъ предпріятія совпадаютъ?). Они думали, что рабочія ассоціаціи покончатъ тѣмъ, что вытѣснятъ изъ области промышленности капиталистовъ и предпринимателей всякаго рода предпріятій (замѣтимъ, что такъ думаетъ и Джонъ-Стюартъ Милль, котораго еще никто не называетъ утопистомъ или мечтателемъ), какъ будто рабочіе могутъ отважиться на неудачу предпріятія и ожидать осуществленія случайныхъ выгодъ, какъ будто предпріятіе можетъ обойтись безъ капитала и безъ управленія. Что касается до послѣдняго, то-есть до управленія предпріятіемъ, то ассоціація вовсе не исключаетъ его. Что же касается до капитала, то ассоціація, какъ это доказалъ одинъ изъ величайшихъ мыслителей нашего вѣка, дѣйствительно можетъ обойтись безъ него, или лучше сказать, безъ помощи капиталиста-предпринимателя. Для того, чтобы работать, человѣку нужны, во первыхъ, кровь, пища, одежда, однимъ словомъ все то, что поддерживаетъ существованіе, и вторыхъ, ему нужны матеріалы и орудія производства. Все это, за исключеніемъ сырыхъ матеріаловъ, то-есть почвы, на которой можно было бы сѣять, руды, изъ которой добывается металлъ и т. д., всего того, что доставляетъ человѣку сама природа, составляетъ продуктъ труда. Трудъ, при настоящихъ средствахъ производства, настолько производителенъ, что работникъ способенъ произвести гораздо больше того, что ему необходимо потребить. При существующихъ условіяхъ производства, трудъ рабочаго, помимо того, что идетъ на его содержаніе, выдѣляетъ большую долю капиталисту, владѣльцу орудій производства, въ видѣ процента, и собственнику сырыхъ матеріаловъ (владѣльцу земли) въ видѣ ренты. Такимъ образомъ работникъ можетъ своимъ трудомъ не только прокормить себя и семейство, но и, съ теченіемъ времени, погасить тотъ долгъ, который онъ необходимо долженъ сдѣлать, не занявъ, а купивъ въ домѣ орудія производства, вещи необходимыя для существованія, и сырые матеріалы. Вся бѣда рабочаго состоитъ въ томъ, что ни капиталистъ, ни землевладѣлецъ не продадутъ ему своей собственности въ долгъ, а пользуясь его безвыходнымъ положеніемъ, дадутъ все, что ему нужно, взаимн съ тѣмъ, чтобы взять себѣ весь излишекъ труда, который останется за всѣми расходами, которые необходимы для поддержанія жизни человѣка на время труда. Соціализмъ вовсе не исключаетъ собственности, какъ то проповѣдуетъ г. Гарнье.

Онъ возстаетъ только противъ того страшнаго злоупотребленія собственностью, которое даетъ возможность поработить себѣ работника. Но у кого же, кромѣ капиталиста и землевладѣльца, можетъ работникъ найти все, что ему нужно, и притомъ не занять, а купить, съ уплатой, безъ процентовъ? Одни требуютъ, чтобы государство приняло на себя эту обязанность относительно рабочихъ. Прудонъ же, тотъ самый мыслитель, о которомъ мы здѣсь уже упомянули, требовалъ, чтобы работники сами вышли изъ такого положенія путемъ взаимнаго дароваго кредита. Открывая другъ другу кредитъ на свой текущій и будущій трудъ при незначительномъ запасѣ капитала и сырыхъ матеріаловъ, работники могутъ окончательно освободиться отъ гнета капиталистовъ. Всѣ слышали о Прудоновскомъ банкѣ, но немногіе понимаютъ весь смыслъ и значеніе мысли, изъ которой развивается это учрежденіе. По нашему мнѣнію, это самое полное и коренное разрѣшеніе экономическихъ противорѣчій и рабочаго вопроса. Но, могутъ возразить намъ, вѣдь этотъ банкъ не удался на дѣлѣ. Не удался, и вотъ почему. До тѣхъ поръ, пока мы не усвоимъ себѣ, какъ нравственный принципъ, ту истину, что барышъ, процентъ, чистый доходъ—есть трудъ рабочаго, источникъ угнетенія послѣдняго и составляетъ дѣло, противное благосостоянію человѣчества и его дальнѣйшему развитію, до тѣхъ поръ, пока общество будетъ стоять на той низкой ступени нравственнаго развитія, на которой оно находится теперь, до тѣхъ поръ все, что противорѣчитъ нашимъ корыстнымъ побужденіямъ и стремленію эксплуатировать другъ друга, пропадетъ безслѣдно, какъ пропалъ Прудоновскій банкъ, который, повторяемъ, заключаетъ въ себѣ полное разрѣшеніе рабочаго вопроса.

Заговоривъ о народномъ кредитѣ, отъ отсталой книжки г. Гарнѣе, мы весьма удобно можемъ перейти къ сочиненію г. Яковлева: «Очеркъ народнаго кредита». «Книга эта написана—говорить г. Яковлевъ—вслѣдствіе примаго практическаго вопроса, возникшаго въ с.-петербургской общественной думѣ, вопроса объ огражденіи небогатаго населенія Петербурга отъ разоряющаго вліянія ростовщиковъ». Но г. Яковлевъ поставилъ вопросъ гораздо шире, не выходя, однакожъ, изъ практической сферы, то-есть того, что можетъ быть осуществлено на дѣлѣ. Цѣль его—доставить возможность пользоваться возможно дешевымъ кредитомъ не только тѣмъ изъ обитателей столицы, которые находятся въ рукахъ ростовщиковъ, но вообще всѣмъ трудящимся и немущимъ, преимущественно крестьянскому населенію, развитіе благосостоянія котораго немислимо, если оно будетъ лишено возможности приложить капиталъ къ своему труду. Содержаніе книги составляетъ разборъ существующихъ на Западѣ и у насъ кредитныхъ учреждений, и проектъ г. Яковлева устройства «Общества кредита труду». Все это исполнено г. Яковлевымъ съ знаніемъ дѣла и съ полнымъ сочувствіемъ къ

народнымъ интересамъ. Разбирая существующія кредитныя учрежденія, г. Яковлевъ проводитъ разницу между займомъ производительнымъ и непроизводительнымъ. Первый имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, если капиталъ занимается подъ залогъ такого предмета, который остается въ пользованіи должника (домъ, земля и т. д.), второй — это ссуда подъ ручные залого. Онъ отличается отъ перваго въ томъ отношеніи, что здѣсь отнимается у должника пользованіе заложенной вещью. Я закладываю вещь, цѣною въ 150 руб., и получаю подъ нее только 100 руб. За эти 100 руб. я плачу проценты, какъ за нанятый капиталъ, но пользуюсь ли я имъ? Ничуть. Получивъ въ пользованіе 100 руб., я лишился возможности пользоваться 150. Производительный заемъ доступенъ только людямъ состоятельнымъ, такъ-какъ у людей немущихъ нѣтъ ни земель, ни домовъ, ни фабрикъ. А между тѣмъ они-то и нуждаются безпрестанно въ кредитѣ и вынуждены прибѣгать къ помощи ростовщиковъ, которые способны разорить ихъ въ конецъ. Гдѣ выходъ изъ такого положенія? Въ Западной Европѣ въ послѣднее десятилѣтіе возникли общества взаимнаго кредита, основанныя и распространенныя Шульце-Деличемъ. Какъ бы ни были далеки эти учрежденія отъ полнаго разрѣшенія рабочаго вопроса, во всякомъ случаѣ они способны иногда поднять благосостояніе рабочихъ, и дать имъ почувствовать выгоды взаимнаго довѣрія, кооперативнаго труда и солидарности интересовъ. Кредитъ бываетъ двухъ родовъ: личный и реальный. Первый основывается на томъ, что работодатель довѣряетъ личнымъ способностямъ, предприимчивости, трудолюбію, искусству и честности заемщика. Реальный же кредитъ основывается на довѣрїи имуществу заемщика. Каждый отдѣльно изъ бѣдныхъ рабочихъ не можетъ воспользоваться ни личнымъ, ни реальнымъ кредитомъ иначе, какъ подъ ручные залого, что будетъ непроизводительно. Но, если нѣсколько рабочихъ соединятся въ общину круговой, безграничной отвѣтственностію другъ за друга, то они представляютъ достаточно гарантїи, чтобы воспользоваться личнымъ кредитомъ. Г. Яковлевъ полагаетъ, чего нельзя и оспаривать, что наши крестьяне, точно такъ, какъ и нѣмецкіе рабочіе, вполне способны воспользоваться тѣми выгодами, которыя представляетъ система взаимнаго кредита. Но для того, чтобы такое дѣло у насъ возникло и пошло съ успѣхомъ, нужно, чтобы земство приняло на себя инициативу этого дѣла. Г. Яковлевъ предлагаетъ устроить при думѣ «Общество Кредита Труду», на подобіе такого же общества, существующаго въ Парижѣ. Задача его должна состоять въ томъ, чтобы содѣйствовать возникновенію частныхъ обществъ взаимнаго кредита. Мы говоримъ о содержаніи этой книги только вскользь, чтобы дать хотя самое слабое понятіе о ней. Ее полезно прочесть каждому, кто интересуется благосостояніемъ нашего крестьянскаго населенія и общимъ успѣхомъ

рабочаго дѣла у насъ; въ особенноти желательно возможно большаго распространенія ея между дѣятелями земства.

Этнографическіе и историческіе матеріалы по средней Азійи и Оренбургскому краю. *Сиб. 1869 г. Съ нѣсколькими видами, планами и картой.* М. Н. Галкина.

Западно-европейская, преимущественно англійская печать начала въ послѣднее время обращать большое вниманіе на завоеванія, дѣлаемые русскими въ средней Азійи. Хотя нашихъ соотечественниковъ и называютъ естественными цивилизаторами этого дикаго края; хотя стараются увѣрить всѣхъ и каждаго, что завоеванія эти вообще принесутъ большую пользу не только Россіи, но и вообще всей Европѣ, но, тѣмъ не менѣе, однако же, горко и ревниво слѣдятъ за тѣмъ, чтобы завоеванія эти не сдѣлались слишкомъ ужъ значительными. Съ этою цѣлю старательно изучаютъ характеръ мѣстности и ея обитателей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ входятъ и въ болѣе прямые съ ними сношенія, секретно оказывая помощь, снабжая напр. хорошимъ оружіемъ и проч. Въ Англии, въ настоящее время тѣ, которымъ вѣдать надлежитъ, очень уже близко успѣли познакомиться съ новыми этими странами, да вообще и публика англійская, принимающая дѣятельное участіе въ дѣлахъ общественныхъ, не остается объ нихъ въ полнѣйшемъ невѣденіи, чего никакъ нельзя сказать про нашу, русскую публику. Годъ тому назадъ, намъ удавалось не мало встрѣчать господъ, отправлявшихся въ Ташкентъ на службу и, тѣмъ не менѣе, на столько же знакомыхъ съ краемъ, въ который отправлялись, на сколько знакомъ съ подробностями загробной жизни умирающій, ни во что не вѣрующій человекъ. Знали они только лишь, какимъ образомъ всего удобнѣе доѣхать до Оренбурга; знали, что въ Оренбургѣ не хватаетъ лошадей на всѣхъ проѣзжающихъ, потому что для управленія новымъ краемъ вразъ туда двинулись цѣлыя полчища русскихъ чиновниковъ; но что такое за штука Ташкентъ, Хива или Бухара — объ этомъ понятія имѣли весьма смутныя. Нѣкоторые были глубоко убѣждены, что всѣ эти ташкентцы — народъ совершенно дикій, въ родѣ индѣйцевъ, которые, если случится, не прочь содрать и шкуру съ проѣзжаго. Хотя и сильно побаивались этого снятія шкуры, но все-таки ѣхали управлять дикимъ краемъ, жители котораго, съ своей стороны, тоже съ неменьшимъ основаніемъ побаивались тоже, чтобы проѣзжіе цивилизаторы не стали съ нихъ драть шкуры. Подробныхъ, сколько-нибудь точныхъ описаній новаго края не представляли ни газеты, ни журналы, въ которыхъ встрѣчались только отдѣльныя, отрывочныя статейки, да и то — изрѣдка.

Только лишь въ нынѣшнемъ, 1869 году, начинаютъ появляться въ свѣтъ болѣе или менѣе подробныя описанія этой обфтованной для русскихъ чиновниковъ terra incognita. О книгѣ г. Пашино мы говорили уже въ предыдущей книгѣ, а теперь

мы обратимъ вниманіе на книгу г. Галкина, заглавіе которой приведено выше.

Книга эта, какъ заявляетъ ея издатель, составлена изъ разныхъ доскутковъ и отрывковъ, разбросанныхъ по газетамъ и журналамъ, написанныхъ въ разное время. Авторъ, находясь на службѣ въ Оренбургскомъ краѣ, объѣхалъ значительную часть Киргизскихъ степей, на пространствѣ отъ Урала до Тобола и средняго теченія Сыръ-Дарьи; кромѣ того, онъ участвовалъ и въ экспедиціи, снаряженной въ 1859 году для обозрѣнія Туркменскихъ степей вдоль восточнаго берега Каспійскаго моря; слѣдовательно, онъ имѣлъ полную возможность дать обстоятельныя свѣдѣнія о краѣ, по которому столько ѣздилъ. Изложеніе книги сухое, носить на себѣ officialный характеръ; впрочемъ, и называется она не путевыми замѣтками и впечатлѣніями, а просто этнографическими и историческими матеріалами. Если мы припомнимъ, какъ составляются у насъ всѣ эти замѣтки и впечатлѣнія, бѣлая часть которыхъ состоятъ въ описаніи пищи, какою пользовался авторъ, и хорошенькихъ женщинъ, которыя бросились ему въ глаза, то нельзя не порадоваться и появленію книги г. Галкина, несмотря на сухость и officialность ея изложенія.

Несмотря на довольно давно начавшіяся сношенія наши съ туркменами, сношенія эти, какъ изъ предлагаемой книги видно, далеко не могутъ быть названы прочными и надежными. Торговля съ туркменами находится еще въ зародышномъ состояніи, да, притомъ, въ торговлѣ этой бѣдныхъ туркменъ до таковой степени притѣсняють и эксплуатируютъ, что едва-ли когда подобная торговля можетъ упрочить наши связи съ злосчастнымъ туркменскимъ народомъ. Обыкновенную пищу туркменъ составляетъ хлѣбъ, а такъ-какъ они почти нигдѣ его сами не сѣютъ, то принуждены усиленно заниматься рыболовствомъ и обмѣнивать армянамъ Александровскаго форта рыбу на хлѣбъ, съ чрезвычайною для себя невыгодой. Три севрюги, длиною отъ хвоста до головы въ аршинъ, и три пяти-четвертныхъ осетра идутъ у нихъ не дороже рубля, а хлѣбъ въ обмѣнъ получаютъ они самаго дурнаго качества до пяти рублей мѣшокъ, а если обмѣниваются на рыбу, то за мѣшокъ должны дать до пятнадцати штукъ осетровъ или севрюгъ. Различныя мелкія вещи, необходимыя въ хозяйствѣ, какъ напр. котлы, таганы, и т. д., они тоже принуждены вымѣнивать у тѣхъ же армянъ-монополистовъ и, разумѣется, тоже съ величайшей для себя невыгодой. Кромѣ рыбы, туркмены очень богаты запасами нефти и нафтагиля, правильная торговля которыми началась только лишь съ 1858 года, когда туркмены продали нѣкоторое количество нафтагиля закаспійскому торговому товариществу и русскимъ частнымъ промышленникамъ на выдѣлку парафина по 60 к. за пудъ. Въ такомъ же точно зародышномъ состояніи находится туркменская торговля и съ другими сосѣдами, какъ напр. съ персіанами.

Очень понятно, что подобныя, до крайности слабыя торговли связи съ ближайшими сосѣдами не въ состояніи удержатъ этотъ полудикій народъ отъ страсти къ грабежу, кого только можно безопасно грабить, а на этотъ случай какъ нельзя болѣе удобны персіане, которые, повидимому, сами напрашиваются, чтобы ихъ грабили.

Всѣ берега Астрабадскаго залива и юго-восточнаго прибрежья, какъ оказывается, покрыты густымъ, высокимъ камышемъ, растущимъ въ водѣ. Этимъ лѣсомъ камыша туркмены пользуются очень ловко. Они въ своихъ легкихъ лодкахъ скрываются въ этихъ камышахъ, потомъ внезапно появляются на берегу и грабятъ ближайшія персидскія селенія. Повидимому, ничего не могло бы быть проще, какъ уничтожить камышъ, тѣмъ болѣе, что персіане не пользуются имъ ни для какихъ домашнихъ потребностей, но они, по врожденной лѣности и безпечности, никакъ не могутъ рѣшиться на такое предпріятіе. Мало того: они постоянно снабжаютъ еще грабителей маленькими лодками, на которыхъ они совершаютъ свои грабежи. Вообще персіане, какъ оказывается, народъ хитрый. Въ Мазандеранской области, напримѣръ, гдѣ представляется болѣе удобствъ къ огражденію отъ набѣговъ, и гдѣ успѣла развиться уже кое-какая торговля, персидскія власти, сознавая свою силу, всячески притѣсняють туркменъ, пріѣхавшихъ единственно съ торговой цѣлью; не прочь даже и сами ихъ пограбить, а въ Астрабадской области, чувствуя себя беззащитными, боятся даже отразить нападенія, чтобы не раздражить враговъ!

Къ русскимъ туркмены относятся почти такъ же враждебно, какъ и къ персіанамъ, и, если нападаютъ на нихъ не такъ часто, какъ на персіанъ, то исключительно по слабосилію. Измѣнить къ лучшему такія неблагоприятныя условія, по мнѣнію автора разбираемой книги, возможно только карательными мѣрами и постояннымъ страхомъ. «По поводу преданности къ русскимъ тѣхъ или другихъ туркменъ-амудовъ — пишетъ авторъ,—позволю себѣ замѣтить, что всякій изъ нихъ не можетъ дѣйствовать иначе, какъ среди двухъ искушеній: боязни своихъ родичей и желанія служить намъ. *Какъ бы преступно* подобное поведеніе, нельзя, однако, винить за него туркменъ въ той мѣрѣ, *какъ бы слѣдовало*: все покровительство наше въ отношеніи преданныхъ и искавшихъ подданства туркменъ ограничивалось постоянно одними подарками, болѣею частію весьма незначительными, которые возбуждали только тщеславіе, тогда какъ жизнь и имущество этихъ туркменъ оставались въ рукахъ ихъ соплеменниковъ безъ всякой нашей защиты. Поэтому, пока не будетъ адѣсь прочнаго заселенія нашего, которое могло бы держать въ страхѣ мѣстныхъ обитателей, врядъ ли возможно рассчитывать на безкорыстную преданность русскимъ кого бы то ни было изъ нихъ». Въ другомъ мѣстѣ книги авторъ опять высказываетъ свою, крѣпко засѣвшую въ немъ мысль о необхо-

димости террора. «И такъ, не временный страхъ — говорить почтенный террористъ — а постоянный нуженъ туркменамъ!»

Вообще, весьма миролюбивый во всѣхъ другихъ случаяхъ, авторъ является чѣмъ-то въ родѣ Марата или Робеспьера, когда рѣчь коснется злосчастныхъ турменъ, которыхъ наши армяне жестоко надуваютъ на северугѣ и осетрахъ. Даже въ тѣхъ немногочисленныхъ мѣстахъ своей книги, въ которыхъ авторъ старается выставить себя какъ бы защитникомъ турменъ, — все-таки въ немъ скорѣе видѣнъ строгій прокуроръ, а никакъ ужъ не защитникъ. Бѣдняга-туремецъ рискуетъ собственной жизнью и всѣмъ имуществомъ, находящимися въ полномъ распоряженіи его соотечественниковъ, враждебно относящихся къ русскимъ, и изъ-за чего рискуетъ-то? Изъ того только, чтобы получить почетную медаль, похвальный листъ, или какой-нибудь халатишко изъ термаламы! Поставивъ себя въ глупое положеніе, между двухъ огней изъ-за халата, онъ, разумѣется, мечется и вылазетъ на сколько возможно, чтобы жизнь свою сохранить, а г. Галкинъ все-таки говорить про этого бѣдняка: *«какъ ты преступно подобное поведеніе, но нельзя его винить въ той мѣрѣ, какъ бы следовало; то-есть, преступленіе онъ все-таки признаетъ несомнѣннымъ, но только со смягчающими вину обстоятельствами. Намъ кажется, что, вмѣсто постоянного террора, на сторонѣ котораго находится г. Галкинъ, несравненно было бы прочнѣе и удобнѣе постараться завести поскорѣе съ туркменами постоянныя, правительныя торговыя сношенія, приносіяція туркменамъ несомнѣнныя выгоды. Одними халатами изъ термаламы, похвальными листами, да медалями, едва-ли можно достигнуть хорошихъ результатовъ! Не лучше ли было бы, вмѣсто дрянной армянской муки, вымѣниваемой на несообразное количество отличной рыбы, доставлять туркменамъ хорошую муку и всѣ другіе необходимыя имъ предметы по настоящей цѣнѣ? Неужели даже туркмены не поняли бы, что для нихъ хорошо, что худо? Безъ всякаго сомнѣнія личная выгода, какъ всегда и вездѣ, уничтожила бы необходимость въ постоянномъ террорѣ, который, вообще, дѣйствуетъ непрочно и ненадежно, до первой только оплошности, къ которой мы, русскіе, чрезвычайно какъ склонны.»*

Изъ журнала экспедиціи, снаряженной въ 1859 году для обозрѣнія восточнаго берега Каспійскаго моря, въ которой, между прочими, участвовалъ и г. Галкинъ, опять-таки видно, что онъ страхъ считаетъ самымъ лучшимъ и почти исключительно надежнымъ средствомъ къ тому, чтобы сношенія наши съ туркменами сдѣлать надежными и болѣе прочными. Мѣры, предлагаемыя г. Галкинымъ къ упроченію нашего вліянія на турменъ, надобно замѣтить, очень суровы и безопаздны; впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ онъ предлагаетъ не самъ, а только видимо имъ сочувствуетъ, какъ напр., къ мѣрамъ, предлагаемымъ полковникомъ Дандевилемъ, который писалъ въ своемъ

донесеніи, что «есть два средства заставить турменъ прекратить разбой и подчинить ихъ намъ хотя временно безъ значительныхъ пожертвованій и съ малыми средствами: это уничтоженіе турменскихъ лодокъ по всему побережью отъ Балхаскаго залива до персидской границы, и *уничтоженіе нашихъ на Амрекиъ порожю оросительныхъ каналовъ и плотинъ* на протяженіи 20 верстъ отъ его устья». (Вотъ бы тогда армяне-то наши, сбывающіе турменамъ дрянную муку по несообразной цѣнѣ, спасибо-то намъ сказали!).

Впрочемъ, предложивши такіа ужасныя мѣры, полковникъ Дандевилъ тутъ же замѣчаетъ, что мѣры эти, «можетъ быть, покажутся жестокими (еще бы!) и подорвали бы благосостояніе турменъ, о которомъ, принявъ ихъ въ подданство, правительству было бы труднѣе озаботиться послѣ».

Если мы серьезно считаемъ себя естественными цивилизаторами среднеазиатскихъ степныхъ странъ, въ которыхъ, по бѣдности въ водѣ, безъ искусственной ирригаціи полей, никакая жизнь невозможна, то едва-ли предложенныя жестокія мѣры разрушенія и уничтоженія всего существующаго могутъ быть признаны основательными, ведущими къ цѣли. Мы, вмѣсто жизни и благосостоянія, этими мѣрами повсюду только будемъ вносить съ собою смерть и разрушеніе, а, взамѣнъ, подаримъ нѣсколькимъ несчастнымъ ханамъ халаты изъ термалами, золотыя медали и похвальные листы, которыми, тоже едва-ли съ выгодой для края, обратимъ турменскихъ хановъ во что-то въ родъ русскихъ чиновниковъ съ беспорочными пряжками! Изъ того же журнала, впрочемъ, видно, что подобныя жестокія мѣры едва-ли даже и нужны, если ихъ не считать безусловно вредными. Въ большей части мѣстностей, въ которыхъ была экспедиція, жители принимали нашихъ чиновниковъ радушно и, если бы увидали личную для себя выгоду изъ подобныхъ посѣщеній, то, разумѣется, принимали бы еще радужнѣе. У подножья горъ Кизляръ-Тахта, близъ колодца Суюджи и аула, экспедиція выходила на берегъ и принимала у себя на пароходѣ мѣстныхъ почетныхъ жителей, въ сопровожденіи одного турменца, въ качествѣ оратора, чрезъ котораго они выражали свои мысли. Всѣ почетные обыватели были одѣты самымъ жалкимъ образомъ, а называющійся ханомъ *не имѣлъ даже сапоговъ*. (Изъ журнала не видно, чтобы экспедиція, или кто-нибудь изъ ея членовъ подарилъ злосчастному, босоному хану сапоги, что было бы очень недурно въ видахъ сближенія). Въ разговорѣ несчастные намекали, что живутъ съ сосѣдями дружно и что въ защитѣ не нуждаются (едва-ли, впрочемъ, босоногіе бѣдняки гдѣ-нибудь нуждаются въ защитѣ). Ихъ навели на рассказы о невыгодности торговли съ армянами и на удобства установленія болѣе правильной и постоянной. Имъ было, между прочимъ, сказано, что «если мы и ходимъ по ихъ землѣ, то собственно для ознакомленія съ дорогами, по которымъ можно будетъ до-

ставлять имъ хлѣбъ и товары. «Наши головы и руки вручаемъ вамъ»—отвѣчали туркмены, послѣ чего, немедленно, попросили позволеніе носить оружіе, чтò имъ и было разрѣшено. Въ аулѣ члены экспедиціи заходили въ нѣкоторыя кибитки, гдѣ встрѣчали ихъ весьма радушно, угощали вилымъ овечьимъ молокомъ въ родѣ простокваши; дѣти ласкались, женщины не дичились. Роздали нѣсколько вещицъ, какъ-то: ножей, бритвъ, браслетовъ, ножницъ и проч. и при этомъ замѣтили въ кибиткахъ большую бѣдность. Въ другихъ мѣстахъ дружескими отношеніями туркменъ къ русскимъ зашли еще дальше и выразились еще рельефнѣе. 6-го іюня утромъ начальникъ экспедиціи принималъ Кадыръ-Хана, который явился въ жалованномъ халатѣ изъ термамаи, съ золотой медалью на шеѣ и съ украшеннымъ каменьями кинжаломъ, пожалованнымъ ему въ бытность Кадыра въ Петербургѣ, по окончаніи экспедиціи г. Карелина, которому онъ сопутствовалъ. Кадыръ подтвердилъ здѣсь желаніе своего сына: предоставить въ распоряженіе Государя Императора родовую его землю, лежащую у устья рѣки Гюргени, извѣстную подъ именемъ серебрянаго бугра, съ окрестностями. Вообще, изъ разспросовъ мѣстныхъ жителей, члены экспедиціи могли убѣдиться, что богатые туркмены всѣ благонамѣренны; что у нихъ есть и хорошіе люди (т.-е. богатые) и дурные (*собаки*, т.-е. бѣдняки); «на первыхъ можно дѣйствовать золотомъ, а на послѣднихъ силою». Чтобы доказать собравшимся туркменамъ, что русскіе могутъ, смотря по обстоятельствамъ, дѣйствовать и тѣмъ и другимъ способомъ, солдаты начали стрѣлять при нихъ изъ револьверовъ, и стрѣльба эта, быстрая и мѣткая, очень удивила собравшихся полудиякарей. Кромѣ стрѣльбы въ цѣль, нижніе чины отряда играли еще, въ присутствіи туземцевъ, въ чехарду. Впрочемъ, игра эта была предпринята вѣроятно исключительно для собственной потѣхи, потому что чехарда не могла представить азіатамъ ничего внушающаго и поучительнаго.

Впрочемъ, путешествіе экспедиціи не постоянно было одинаково удачно и дѣло не обошлось безъ приключеній. Впервые, случилось маленькое несчастіе съ паровой шкуной «Персіанинъ», которая была необходима для экспедиціи. Сломался (разумѣется, неожиданно) какой-то клинъ у шатуновъ, вслѣдствіе чего паровое судно принуждены были пустить подъ парусами. Сначала думали, что шкуна совсѣмъ ужъ пропала, но она однако же возвратилась, значительно опоздавши. Началась на туркменскомъ берегу дѣятельная переписка по этому поводу, и оказалось, что портовое начальство выслало шкуну въ море, не снабдивъ ее даже самыми необходимыми вещами (команда, напр., не имѣла даже масла для продовольствія и занимала его у баржи № 2; да и для смазки машины масла было тоже недостаточно, а, быть можетъ, и его съѣли. Вѣроятно предполагали, что авось, Богъ милостивъ, и такъ дойдетъ какъ-нибудь!) Въ Балханскомъ заливѣ и въ единственномъ пароходѣ

«Вояга», которымъ располагала экспедиція, тоже открылась сильная течь, такъ что и его привелось оставить. Вѣроятно, и въ этомъ случаѣ тоже предполагали, что авось, течи не будетъ.

Въ то самое время, какъ у насъ отправляются въ Каспійское море экспедиціи на авось, на волю Божию, въ то время, какъ наши хотятъ ваять исключительно однимъ только страхомъ и не могутъ перехватить въ свои руки торговлю отъ жадныхъ армянъ, — другіе кто-то (неизвѣстно, кто именно), какъ видно, не дремлютъ. Вотъ маленькая выписка изъ книги г. Галкина, изъ которой видно, что высказанное здѣсь предположеніе — не собственная наша выдумка. «Только въ теченіе послѣднихъ 15-ти лѣтъ — пишетъ г. Галкинъ — со времени устроенія на островѣ Амуръ-Адѣ морской станціи, а также консульства въ Астрабадѣ, торговыя сношенія наши стали нѣсколько устраниваться: въ нѣкоторыхъ турменахъ явилась потребность обмѣнивать свои произведенія на русскія, они привыкли видѣть и наши суда въ прибрежныхъ заливахъ, освоились и съ посредничествомъ нашимъ при разборѣ возникающихъ недоразумѣній между ими и русскими торговцами, но, къ сожалѣнію, *смыслили они и съ военными силами станціи, такъ что ближайшіе только и покорны ей болѣе или менѣе*, а отдаленные сдѣлались еще болѣе дерзкими и предприимчивыми. Въ подтвержденіе этихъ словъ я могъ бы привести нѣсколько примѣровъ нападеній на берегу и открытомъ морѣ, но всѣ они имѣютъ официальную уже извѣстность. Также умолчу о всѣхъ предположеніяхъ насчетъ возможности усиленія настоящей дерзости и предприимчивости турмень, *о посторожемъ, замѣчаемомъ вліяніи на нихъ и, наконецъ, о возможныхъ послѣдствіяхъ такого порядка для нашего исключительнаго пользованія Каспіемъ*».

Впрочемъ, и экспедиція, въ которой участвовалъ г. Галкинъ, тоже не обошлась безъ драки и нѣкоторыхъ приключеній. Въ одномъ мѣстѣ турмены отогнали приготовленныхъ для экспедиціи верблюдовъ, а у «Бѣлаго бугра» турмены вступили даже съ нашимъ отрядомъ въ перестрѣлку, хотя и безъ особеннаго вреда для нашихъ, за что предположено было наказать дерзкихъ. Г. Галкинъ, рассказывая объ этихъ происшествіяхъ, постоянно говоритъ въ третьемъ лицѣ, при чемъ, гдѣ нужно, не забываетъ упомянуть о себѣ въ особенности, когда представляется случай сказать кое-что о своей храбрости, или объ особенномъ какомъ-нибудь усердіи, за которое иногда даются и награды различныя. «Начальство десантною командою, командированною для наказанія непокорныхъ — пишетъ г. Галкинъ — изъ 50 штуцерныхъ и 50 матросовъ при горномъ единорогѣ, поручено полковнику Бернову, *при которомъ пожелалъ находиться коллежскій ассесоръ Галкинъ*». Такая храбрость со стороны коллежскаго ассесора Галкина дѣйствительно вполнѣ заслуживала того, чтобы она поставлена была на видъ, а кому же было всего удобнѣе поставить ее на видъ, какъ не ему же самому, описавшему экспедицію?

Къ книгѣ приложена очень недурная карта средне-азиатскихъ владѣній и нѣсколько видовъ, сдѣланныхъ — нельзя сказать, чтобы очень изящно. Кроме того приложено нѣсколько отдѣльныхъ статей, какъ-то: обзоръ сношеній Россіи съ Хивою, выдержки изъ дневника, объ историческихъ правахъ Россіи на Туркестанъ и Ташкентъ и показанія русскихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Бухары въ 1858—59 годахъ. Изъ историческаго обзора Россіи съ Хивою видно, что и въ старыя годы наши соотечественники страдали тѣмъ-же самымъ недугомъ — необыкновенною безпечною, по поводу которой и въ настоящее время на пароходахъ экспедиціи не хватаетъ ни угля, ни масла для смазки машины и самыя машины ломаются и открываются въ нихъ течы. Только въ старыя годы безпечность эта влекла за собою еще болѣе серьезныя послѣдствія, чѣмъ нынѣ. Еще въ 1717 году несчастный князь Черкасскій попался въ ловушку, и, надобно правду сказать, ловушку очень незамысловатую. Достигнувъ съ трехтысячнымъ отрядомъ до Хивы, онъ удачно отразилъ нападеніе хана, но тотчасъ же послѣ пораженія, ханъ его перехитрилъ. Онъ объявилъ довѣрчивому князю, что такъ-какъ ему тяжело продовольствовать весь отрядъ, то онъ проситъ раздѣлить его на пять частей, по пяти городамъ, на что, къ несчастію, князь и согласился. Только что успѣли раздѣлить и ослабить тѣмъ войско, какъ хивинцами сдѣлано было общее нападеніе, и всѣ отдѣльныя части были уничтожены, начальники всѣ казнены, а князя Черкаскаго раздѣли прежде до нага, распороли животъ и потомъ уже отрубили голову. Въ позднѣйшія времена, хотя подобныхъ грубыхъ промаховъ уже не было, но однако же походы наши на Хиву не отличались особеннымъ успѣхомъ, какъ напримѣръ походъ Перовскаго, стоившій болѣе полу-милліона рублей. Показанія русскихъ плѣнныхъ, отобранныя при генеральномъ штабѣ Оренбургскаго корпуса, переданы цѣликомъ бывшимъ начальникомъ края г. Катенинымъ автору книги съ тѣмъ, чтобы онъ ихъ разработалъ какъ слѣдуетъ, но г. Галкинъ, почему-то, предпочелъ передать эти свѣдѣнія въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ получилъ—безъ измѣненій. Показанія эти, отобранныя отъ сибирскихъ казаковъ и отставныхъ солдатъ, не особенно много прибавляютъ къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя уже имѣются, но и они, разумѣется, не лишены нѣкотораго интереса. Одинъ, напримѣръ, показывалъ, что воинственнаго духу въ сарбазахъ никакого нѣтъ; при опасности прячутся они въ ямы и при удачномъ выстрѣлѣ противника разбѣгаются. Другой добавлялъ, что коканцы въ стрѣльбѣ изъ ружей и пушекъ не особенно искусны. Особеннаго устройства ихъ пушки безъ лафетовъ при пальбѣ сильно откидываетъ, вслѣдствіе чего коканцы, приложивъ фитиль, тотчасъ-же со страхомъ бѣгутъ отъ орудія. Всѣ эти показанія какъ нельзя лучше подтвердились нынѣшними удачными походами; да, впрочемъ, въ превосходствѣ русскаго орудія предъ туземнымъ нинго нивогда

и не сомнѣвался. Желательно, чтобы соотечественники наши показали въ этомъ полудикомъ, нецивилизованномъ краю не одну только силу своего орудія, въ которой и сомнѣнія никакого не могло быть.

Отъ книги г. Галкина, представляющей несомнѣнный интересъ, можно было бы желать болѣе дѣльнаго и связнаго изложенія и болѣе старательной обработки находящихся въ ней матеріаловъ, помѣщенныхъ въ грубомъ, необработанномъ видѣ; но такъ-какъ самъ авторъ назвалъ свою книгу «Матеріалами», то мы можемъ оставаться при своемъ желаніи, не имѣя никакого права требовать отъ автора болѣе того, что онъ далъ.

Сочиненія и переводы А. Н. Важенова. Томъ I. Съ портретомъ автора. Москва. 1869.

Появленіе перваго тома сочиненій малоизвѣстнаго московскаго театральнаго рецензента г. Важенова, умершаго года полтора тому назадъ, въ литературной сферѣ, по нашему мнѣнію, представляетъ, такъ сказать, явленіе, весьма похожее на недавнее, надѣлавшее столько шума, моршанское дѣло Плотичина. Оно такъ же поражаетъ, какъ своей колоссальностью, такъ и тѣмъ, что у насъ могутъ открываться недуманно, негаданно громадныя матеріальныя и умственныя богатства, находящіяся въ всякаго обращенія, и самое существованіе которыхъ извѣстно только небольшому кружку людей, прикосновенныхъ къ дѣлу или связанныхъ съ обладателями ихъ особенною интимностью. Въ самомъ дѣлѣ, кто, кромѣ лицъ, посвященныхъ въ самыя сокровеннѣйшія тайны сплочества, или имѣвшихъ къ оному административно-опекательныя отношенія, могъ подозрѣвать о существованіи таинственныхъ кладовыхъ Плотичина, проникать въ которыя даже мысленно было, вѣроятно, возможно только избраннымъ, и то съ извѣстнымъ сказочнымъ лозунгомъ: «дверца отворись»; вслѣдъ зачѣмъ, какъ это говорится въ сказкахъ, золото чуть само не лѣзло въ карманы счастливецъ? Кто до помѣщенія перваго извѣстія въ газетѣ г. Гилярова-Платонова о моршанскихъ дѣлахъ зналъ даже самое имя г. Плотичина? Точно такъ же и имя г. Важенова было извѣстно чуть ли не однимъ только отъявленнымъ и завзятѣйшимъ московскимъ театраламъ. Въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, о покойномъ писателѣ знали только то, что онъ пишетъ театральныя рецензіи, да помѣщаетъ ихъ въ различныхъ убогихъ изданіяхъ, въ родѣ скончавшихся «Театральнаго и музыкальнаго вѣстника», «Искусствъ» и мѣстныхъ московскихъ листовъ «Развлеченія» и «Антракта», влачащихъ свое существованіе, такъ сказать, мѣстно, и едва-ли получаемыхъ и читаемыхъ гдѣ-либо въ Петербургѣ. Но вѣдь писать въ Москвѣ театральныя рецензіи — еще не богъ знаетъ что. Пишутъ ихъ тамъ въ достодолжномъ количествѣ и маститые Пановскіе, и различные Яковлевы, Вильде и Родиславскіе, и кто изъ нихъ собственно Лессингъ, а кто не Лессингъ — рѣ-

шать въ Петербургѣ едва-ли кому приходило даже въ голову или доставало досуга. Признаемся откровенно, мы всегда считали всѣ эти отчеты объ исполненіи пьесъ, особенностяхъ игры артистовъ, отзывы о томъ, понравилась ли такая-то или другая пьеса публикѣ, точно такъ же, какъ измышленія московскихъ специалистовъ балета «о триллерахъ и кабриоляхъ», явленіемъ эфемернымъ, статейками, если и имѣвшими иногда порою мѣстный и временной интересъ, то собственно съ серьезной критикой неизмѣющимися ничего общаго. Въ простотѣ душевной, мы, да вѣроятно и большая часть русской публики, и произведеніямъ г. Баженова не придавали особеннаго значенія. Оказалось не то. Г. Родиславскій, которому, по словамъ его въ предисловіи: «по смерти Александра Николаевича Баженова, *родные его поручили собрать и издать его сочиненія и переводы*», взялся за исполненіе порученія родныхъ покойнаго рецензента такъ усердно, что однихъ его статей о московскомъ театрѣ собралъ цѣлый томъ въ большую 8°, въ 814 страницъ самаго убористаго шрифта, да еще общаетъ скорую выдачу двухъ такихъ же томовъ!! Слѣдовательно, должно полагать, что издатель, хотя и говоритъ въ предисловіи, что имя г. Баженова «не пользуется большою относительно извѣстностью», но полагаетъ, что онъ-то именно и есть Лессингъ современнаго московскаго театра. Иначе, онъ, вѣроятно, отклонилъ бы отъ себя порученіе родныхъ г. Баженова, или исполнилъ бы его иначе, т.-е. выбралъ бы изъ его сочиненій только то, что имѣетъ какое-либо существенное значеніе для русскаго драматическаго искусства, а не затѣялъ бы сохранить для потомства каждое слово покойнаго рецензента, какъ жемчугъ разумнѣя и перлъ краснорѣчія. Очевидно, что г. Родиславскій полагаетъ, что г. Баженовъ «не пользуется относительно большою извѣстностью» не потому, что въ теченіе своей литературной дѣятельности не сумѣлъ сказать по своей специальности ничего такого, что заставило бы всѣхъ и каждого обратить на него вниманіе, какъ оно обращалось, напримѣръ, на статьи о театрѣ Бѣлинскаго, а вслѣдствіе неразвитости русской публики и неумѣнья ея цѣнить своихъ высокоталантливыхъ дѣятелей. Вѣроятно, г. Родиславскій видѣлъ въ статьяхъ г. Баженова и глубину идей, и вѣрную постановку различныхъ вопросовъ, обусловливающихъ будущее развитіе русскаго сценическаго искусства, созналъ великое значеніе г. Баженова, какъ первостепеннаго критика, и рѣшился открытъ очамъ публики изъ-подъ спуда огромнаго умственнаго окроваща, подлежащаго по праву свободному въ ея средѣ обращенію. Такъ это слѣдовало бы по крайней мѣрѣ предполагать. Все должно имѣть достаточное основаніе, что несомнѣнно слѣдуетъ признать однимъ изъ руководящихъ принциповъ, и въ издательствѣ точно такъ же, какъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣческихъ. Развѣ открытіе для жадныхъ взоровъ публики кладовой Плотницына могло бы имѣть какое-либо значеніе, еслибы въ ней, за тяжелыми замками и кованными две-

рами, сохранялось—ну, хоть пятнадцать пятнадцатых? Г. же Родиславскій однихъ театральныхъ рецензій собралъ томъ-левизантъ, равняющийся своимъ объемомъ, примѣрно, двумъ книжкамъ нашего журнала. Въ матеріальномъ смыслѣ, это—богатый запасъ для чтенія. Если начать считать деньги таинственной кладовой Плотичина, предполагая приблизительно, что въ ней, до не менѣ таинственнаго, проблематическаго исчезновенія изъ нея сокровищъ, могло находиться около тридцати милліоновъ, дѣло не легкое, рѣшиться на которое добровольно, изъ любви къ искусству, безъ чаянія для себя матеріальнаго за это вознагражденія, едва-ли найдется много охотниковъ,—то это же самое можно сказать и о чтеніи перваго тома сочиненій А. Н. Баженова. Прочитать болѣе ста листовъ обыкновенной печати отчетовъ о бенефисахъ гг. Федотова, Тимофеева, Чернявскаго, г-жъ Корской, Федотовой, Линовской, Юхновской и т. д., безъ конца, отзывы о дебютахъ гг. Каншина, Рѣшимова, Дурново, Абраменка, г-жъ Гутаковской, Левлевой, Кукки опять-таки и т. д. безъ конца, разборовъ давно вавнувшихъ въ Лету «Наполеоновскихъ генераловъ», «Жертвъ мщенія», «Цыганскихъ жизней», «Золотыхъ ручекъ» и прочихъ подобныхъ произведеній, украсившихъ московскую сцену за восемь лѣтъ—дѣло совсѣмъ не легкое. На подобный подвигъ можно отважиться только въ такомъ случаѣ, когда авторъ своимъ талантомъ предоставляетъ читателю вознагражденіе за его трудъ и время или массою дѣльныхъ, самобытныхъ и плодотворныхъ мыслей, или хотя подкупаетъ его оригинальностью своихъ воззрѣній и блескомъ и остроуміемъ своего изложенія. Къ сожалѣнію, ничего подобнаго книга г. Баженова не представляетъ. Статьи его (разумеется, мы могли одолѣть изъ нихъ только такія, которыя намъ показались наиболѣе опредѣляющими воззрѣнія и основной строй мысли г. Баженова), если, говоря вообще, довольно приличны по изложенію и представляютъ нѣкоторую степень знакомства автора съ европейскимъ искусствомъ, то значительно растянуты и скучны. Сущность его воззрѣній уловить довольно трудно, такъ-какъ ни въ одной изъ своихъ статей онъ не проводитъ дѣльнаго взгляда своего на театральное дѣло, и не высказываетъ тѣхъ основныхъ своихъ принциповъ, которые служили ему руководящими началами его дѣятельности, если не принимать за таковыя эстетико-теоретической любви къ классическимъ драматическимъ произведеніямъ. Отдаваясь съ увлеченіемъ всаческимъ мелочамъ и явленіямъ, имѣющимъ только минутное значеніе, онъ весь, повидимому, поглощался случайностями впечатлѣній, дѣйствовавшими на него въ ту или другую минуту, и только пригонялъ ихъ подъ мѣрку устарѣлыхъ эстетическихъ теорій. Хотя, по свидѣтельству г. Родиславскаго, любимыми его словами было выраженіе: «если говорить, то надо до чегонибудь договариваться», но во вссѣмъ томъ, что мы прочли, мы не встрѣтили ничего такого, что носило бы на себѣ устойчивый

характеръ основательнаго и глубокаго пониманія коренныхъ причинъ жалкаго состоянія драматическаго искусства въ Россіи, что признавалось бы имъ какъ радикальное средство для противодѣйствія многочисленнымъ обстоятельствамъ русской дѣйствительности, обусловливающимъ, какъ жалкій уровень нашей драматической литературы, такъ и печальное ограниченіе значенія и развивательнаго вліянія на общество русской сцены. Всѣ его взгляды, надежды и пожеланія показались намъ на столько же узкими, на сколько поверхностными. По нашему мнѣнію, онъ даже былъ просто лишенъ всякой способности къ плодотворнымъ обобщеніямъ и тому синтезу, который создавая писателя и обусловливая логическую послѣдовательность его тенденцій, даетъ почву его недовольству дѣйствительностью, философское основаніе его критическому къ ней отношенію, и при неизбѣжномъ условіи страстнаго отношенія человѣка ко всякому глубоко-сознанному имъ дѣлу, придаетъ извѣстную окраску порывамъ его негодованія и самую силу его словамъ, приобретающимъ драгоцѣнное свойство производить вліяніе. Этимъ, конечно, и обусловливается полнѣйшее отсутствіе извѣстности г. Баженова при его жизни, полнѣйшее ничтожество его, какъ критика, несмотря на значительное изобиліе его литературнаго многоглаголанія. Въ теоріи онъ былъ эстетикомъ въ схоластическомъ смыслѣ этого слова. Любимѣйшая мысль его, встрѣчающаяся въ лежащемъ передъ нами томѣ на каждомъ шагѣ, состояла въ томъ, чтобы русскій театръ оживился постановками классическихъ пьесъ иностранныхъ литературъ. Въ этомъ, по его мнѣнію, состояла вся задача русскаго драматическаго искусства, все спасеніе русской сцены, вкуса русскаго общества, чуть ли не всего нашего развитія. Сочувственно относясь къ дирекціи московскихъ театровъ, онъ ждалъ всего отъ ея инициативы. Недовольный большею частью, если не всѣми оригинальными пьесами, появившимися за послѣднее время на московской сценѣ, почти на столько же, на сколько былъ противъ переводныхъ мелодрамъ (о которыхъ замѣтимъ, между прочимъ, до него и лучше его все уже было сказано въ русской критикѣ), онъ вмѣсто того, чтобы направить ту свою степень энергіи, на какую былъ способенъ — на усиленно литературное противодѣйствіе тѣмъ многосложнымъ обстоятельствамъ, которыя его обусловливаютъ (что, конечно, предварительно слѣдовало основательно понять), успокоился на томъ, что ожидалъ отъ водворенія классическихъ пьесъ на русскихъ сценахъ какихъ-то чудодѣйственныхъ результатовъ, «договариваясь» даже до того, что простой русскій народъ ждетъ не дождется наслажденія видѣть на сценѣ «Сонъ въ лѣтнюю ночь» или «Бурю» Шекспира. Эту любимую свою мысль высказывалъ онъ постоянно и въ основанной имъ съ января 1864 г. театральнаго газеткѣ «Антрактъ».

«Статью свою «На новый (1865) годъ» — говоритъ г. Родиславскій въ предисловіи — Баженовъ заключилъ надеждою, «что

хотя наступившій годъ поможетъ нѣсколько осуществиться нашимъ давнимъ мечтамъ, что въ теченіе его мы увидимъ на нашей сценѣ хотя двѣ, три вновь поставленныя пьесы Шекспира и будемъ въ состояніи произнести наше: *Нынѣ отпущасишъ*. И судьба дозволила Баженову дожить до исполненія его надеждъ и желаній. Невадолго до смерти, разговаривая со мною о томъ, что на нашей сценѣ уже поставлены *Укрощеніе строптивой*, *Много шума изъ ничего*, *Все хорошо, что хорошо кончится*, *Виндзорскія проказницы* и *Двенадцатая ночь*, что пьесы Мольера не сходятъ съ московскаго репертуара, что играны уже три пьесы Кальдерона, что готовятся къ постановкѣ *Гамлетъ*, *Зимняя сказка* и др. — покойный сказалъ мнѣ: «Еслибы теперь *Антрактъ* по какому-нибудь случаю прекратился, мы имѣли бы право сказать, какъ Симеонъ: *Нынѣ отпущасишъ*».

Мы нарочно привели эту небольшую выписку. Она характеризуетъ вполне лучшую сторону дѣятельности г. Баженова и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ границы, далѣе которыхъ мысль его не дерзала, чѣмъ и обуславливается то третьестепенное значеніе, какое онъ имѣлъ при жизни своей въ литературѣ. Платоническій любовникъ классическаго искусства, онъ видѣлъ въ постановкѣ у насъ, дѣйствительно желательной, пьесъ Шекспира, Шиллера, Кальдерона, Лопе де-Вега и Мольера — панацею противъ всѣхъ недуговъ русской сцены. О свободномъ развитіи русской мысли и русской сцены, о такихъ учрежденіяхъ, которыя дали бы возможность занять драматическому искусству и театру ту благородную, цивилизующую и побуждающую роль, какия имѣла на Западѣ сцена и драматическіе писатели — онъ даже и не думалъ... Издатель его и послѣдователь его идей г. Родиславскій, тотчасъ вслѣдъ за приведеннымъ нами мѣстомъ, восклицаетъ:

«Да, покойный былъ утѣшенъ, занимавшеюся сквозь мракъ, покрывающій нашу сцену, обѣтованною зарею, и, дай Богъ, чтобы заря эта не обманула и была дѣйствительно зарею, предвѣстницею утра, а не мимолетною зарницею».

Читатели наши легко увидятъ изъ этой тирады, что могло удовлетворить идеаламъ гг. Баженовыхъ и Родиславскихъ. Поставить дирекція еще двѣ-три классическія пьесы — и послѣдній будетъ убѣжденъ, что заря занялась дѣйствительно, а не была мимолетной зарницею. Всякія дальнѣйшія требованія его отъ драматическаго искусства и сцены — прекратятся, и ему останется только мѣтть отъ эстетическаго восторга и Божьей росы — и еще одинъ новый Симеонъ съ кликою своихъ единомышленниковъ произнесетъ свое: *нынѣ отпущасишъ*.

Интересъ публики при этомъ только въ одномъ; чтобы за смертью этихъ Симеоновъ, услужливые друзья и родственники не загромождали литературы полными собраніями ихъ сочиненій. Подобныя услуги умершимъ посредственностямъ — можно смѣло назвать медвѣжьими. Издай г. Родиславскій толково и съ

выборомъ только небольшое число лучшихъ изъ статей Баженова, и онъ гораздо болѣе сдѣлалъ бы для его репутаціи, чѣмъ теперь. Впрочемъ, о г. Баженовѣ намъ придется еще говорить по выходѣ слѣдующихъ томовъ его сочиненій, въ которыхъ г. Родиславскій грозитъ печатать его переводные водевили, въ родѣ «Вѣдовой бабушки», «Любовнаго напитка» и т. д., начатые переводы въ стихахъ комедій Аристофана и какія-то стихотворенія изъ «Сына Отечества», «Развлеченія» и «Антракта»... Этими онъ, вѣжета, собирается услужить покойному рецензенту до конца...

Услужилъ онъ ему не мало и теперь, какъ изданіемъ полнаго собранія его театральныхъ рецензій, такъ и наивнымъ предисловіемъ, своего собственнаго сочиненія, предпосланнымъ лежащему передъ нами тому. Раздвывая значеніе г. Баженова, какъ театральнаго критика, онъ доводитъ свое поклоненіе ему до смѣшнаго. Такъ, онъ на страницѣ VI восхищается совѣтомъ покойнаго русскимъ драматическимъ писателямъ изучать «индѣйскихъ драматурговъ»; такъ на стр. XIII онъ говоритъ: «Со смертью Баженова, Россія, по выраженію газеты «*Signale für die musikalische Welt*» (1867, № 3), потеряла въ немъ *своего лучшаго театральнаго критика*». Такъ говоря о томъ, что «можно быть критику лучше, даровитѣе Баженова, но нельзя быть честнѣе» (въ чемъ, конечно, не зная покойнаго, мы не имѣемъ никакого права и сомнѣваться), онъ въ подтвержденіе своихъ словъ и для доказательства того, что онъ «писалъ всегда по убѣжденію» и «ни дружба, ни вражда, ни страхъ, ни выгода, ни вообще какія бы то ни было личныя отношенія не имѣли вліянія на его приговоры» — приводитъ въ примѣръ и возводитъ въ какіе-то подвиги самыя обыкновенныя случаи, обязательныя для всякаго, сколько нибудь уважающаго себя писателя. Вотъ эти случаи. Разъ какъ-то Баженовъ отнесся критически къ игрѣ любителей-аристократовъ, и когда отъ него потребовали имя автора этой статьи, то онъ назвалъ себя. Въ другой разъ онъ не похвалилъ переведенную г. Родиславскимъ пьесу Виктора Сежура (чепуху невообразимую). Третьихъ — покойный, любя и уважая какаго-то г. Н. Н., писавшаго въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» — не щадилъ въ печати слабыхъ сторонъ его статей. Четвертыхъ — не смягчилъ своего отзыва о дебютѣ М. Н. Владыкина, за то, что послѣдній помѣстилъ въ *Антрактѣ* передъ тѣмъ цѣлую пьесу! Для всего этого, какъ видятъ читатели, не было никакой необходимости обладать никакими особенными доблестями, тутъ нѣтъ даже ровно ничего характеристическаго; такъ дѣлали и дѣлаютъ всѣ писатели, не смотряшіе на литературное служеніе, какъ на средство къ житейской карьерѣ или какъ на спекуляцію. Посмотрите же, съ какимъ пафосомъ описываетъ г. Родиславскій хоть два первые случая (VII):

«Въ концѣ перваго года существованія «Антракта», лица
Т. СLXXXIII. — Отд. II.

высшаго московскаго общества устроили публичной раутъ-спектакль въ пользу погорѣвшихъ жителей г. Симбирска. Въ статьѣ своей, помѣщенной въ «Антрактѣ» 4-го декабря 1864 г., Важеновъ со *всего откровенностью, справедливостью и безпристрастиемъ* разобралъ этотъ спектакль. Статья эта поразила участниковъ раута-спектакля; они возстали противъ нея *всѣми силами и завистливыми отъ нихъ средствами*. Этотъ спектакль, какъ я уже сказалъ, былъ исполненъ лицами московскаго высшаго общества (какова фигура усугубленія!) Дотогѣ подобные исполнители объ игрѣ своей не встрѣчали въ печати ничего, кромѣ похвалъ, были ли онѣ заслуженныя, или нѣтъ (съ извѣстной точки зрѣнія это и справедливо: въ подобныхъ любительскихъ спектакляхъ цѣнится цѣль ихъ и количество сбора; общественному обсужденію подлежатъ только контролъ приходовъ и расходовъ подобныхъ филантропическихъ затѣй, а также употребленіе приобретаемыхъ ими денегъ. Талантливости отъ любителей требовать нельзя. Если относиться критически даже къ тѣмъ изъ подобныхъ спектаклей, которые устраиваются въ видахъ личной выгоды, развлечения или тщеславія участниковъ — то едва-ли найдется много такихъ, которые могли бы выдержать самое легкое и поверхностное критическое къ себѣ отношеніе). *И вдругъ раздастся сильный и безпристрастный юморъ* (на муку идутъ съ обухомъ!). Представьте же себѣ, какой поднялся переполохъ (въ этихъ словахъ слышится до сихъ поръ неугасшее въ груди г. Родиславскаго чувство испуга!). Тогдашній корреспондентъ «Русскаго Инвалида», г. Омега (хорошъ и этотъ!), описывая его, говоритъ: «дамы высшаго свѣта чрезвычайно изумились, когда, сквозь густой оμίамъ лести и непрерывный гулъ комплиментовъ, *вдругъ предсталъ предъ ними странный образъ правды и раздался суровый глаголъ* (1) *ея*. «Какъ!» разсуждали эти дамы, «мы удостоиваемъ общество чести публично показывать себя и дочерей нашихъ съ эстрады (печатное выраженіе одного изъ ихъ заступниковъ), и вмѣсто того, чтобы падать ницъ передъ нашею *condescendence*, находятъ люди, дерзающіе разбирать наши *gestes et paroles*, хвалить одно, хулить другое! *Quelle horreur! Quelle insolence!* Нужно замѣтить, что тонъ статьи *Антракта* вовсе не былъ оскорбительный, и въ ней не было никакихъ личностей; оскорбительною могла показаться одна только рѣшимость произнести безпристрастный публичный судъ надъ публичнымъ же дѣломъ. Нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ спектаклѣ, разыгрывая роль рыцарей и вступааясь за честь одной изъ исполнительницъ, лично оскорбленной будто бы названіемъ игры *ея* жеманною, кинулись въ одно и то же время съ угрозами къ редактору *Антракта* и съ жалобою на него. Явилась статья противъ статьи *Антракта* о раутѣ-спектаклѣ: устроитель этого спектакля взялъ на себя трудъ печатно извиниться за автора этой статьи, даже настоячиво и съ угрозами требовали, чтобы авторъ *ея* печатно отрекся отъ

написаннаго въ ней». Все это не смутило Баженова. Онъ смѣло объявилъ себя авторомъ статьи, напечатать, что она принадлежитъ редакціи *Антракта*, съ прежнею смѣлостію и безпристрастіемъ отвѣчалъ на возраженія на его статью и уже само собою разумѣется, отвергнувъ требованіе отказаться печатно отъ того, что имъ было написано.

«Разскажу другой случай нелицепріятія Баженова. Смѣло могу сказать, что я принадлежу къ числу людей, которые были наиболѣе близки къ покойному, которыхъ онъ особенно любилъ. Лѣтъ пять тому назадъ, увлеченный идеєю, положенною Викторомъ Сажуромъ въ основаніи его пьесы «*la Tigreuse de cartes* (Ворожея)», и не обративъ должнаго вниманія на отсутствіе художественнаго достоинства въ пьесѣ, я перевелъ ее. Пьеса была сыграна на московской сценѣ. Тогда *Антрактъ* состоялъ еще подъ театральною цензурою и статьи о московскомъ театрѣ разсматривались теперешнимъ управляющимъ московскими театрами Н. И. Пельтомъ. Разборъ Баженова переведенной мною пьесы помѣщенъ въ «*Антрактъ*» 1-го октября 1864 г., и вслѣдъ, кто прочелъ или прочтетъ этотъ разборъ, убѣдится, что авторъ ея нисколько не смятилъ своею приговора ради дружбы къ переводчику пьесы. Этотъ разборъ Баженовъ передалъ мнѣ, прося доставить его Н. И. Пельту для просмотра. Я исполнилъ его порученіе. Н. И. Пельтъ просмотрѣлъ статью и, можетъ быть, по нашей дружбѣ съ Баженовымъ, не ожидалъ такого безпристрастнаго, строгаго и справедливаго разбора, сказалъ мнѣ: «Ну, я не думалъ, чтобы Баженовъ былъ такъ благороденъ и безпристрастенъ». (Все это самоотверженно разсказываетъ самъ г. Родиславскій). Въ то время шелъ еще первый годъ существованія «*Антракта*», но потомъ, ознакомившись поболѣе съ нелицепріятіемъ покойнаго редактора, никто не сказалъ бы уже этихъ словъ».

Чтобы для читателя было ясно, что это была за пьеса, и какой идеей увлекся г. Родиславскій, постараемся изъ статьи о ней г. Баженова—извлечь приблизительно ея содержаніе. Драма была въ пяти дѣйствіяхъ съ прологомъ и эпилогомъ; важное дѣйствіе имѣло свое собственное названіе (Кормилица, Гаданье, Двѣ матери, Споръ за дочь и Спасеніе). Въ прологѣ кто-то похищаетъ отъ умирающаго на сценѣ еврея и кормилицы, у которой въ голову бросается молоко—дѣвочку ребенка съ тѣмъ, чтобы обратить ее въ католичество. Въ самой пьесѣ, мать украденнаго ребенка отъ отчаянія дѣлается ворожей, и отыскивая свою дочь, «врывается въ дома, бросается въ варты, кусается и царапается». Случайно въ ея квартиру входитъ женщина, взявшая ея ребенка на воспитаніе. Гимея (еврейка) почему-то ее узнаетъ—и двѣ матери, оспаривая другъ у друга дѣвчушку, доводятъ ее до помѣшательства, отъ котораго послѣдняя избавляется чудодѣйственною молитвою, вслѣдствіе чего мать ея, еврейка, обращается въ христіанство.

Г. Родиславскому казалось, что даже и такую чепуху можно хвалить ради дружбы, но г. Баженовъ имѣлъ свои основанія отнестись къ ней со строгостью, и вотъ именно какія (стр. 349): «Авторъ *Ворожеи* приурочилъ свою шестнадцатую небыллицу къ борьбѣ изъ-за религіи и заканчиваетъ ее молитвою и торжествомъ христіанства. Вотъ чего мы никакимъ образомъ не можемъ простить ему. *Разсказывай онъ намъ какія угодно сказки, говори и показывай всякія пустяки, принимай насъ за малыхъ, неразумныхъ дѣтей, или за кого ему будетъ угодно, но не позволяй себѣ кощунствовать и трогать нечистыми руками предметы святыя и досточтимыя.* Вотъ что, признаемся, привело насъ въ особенное негодованіе и т. д. и т. д.»

Неправда ли, что подобное отношеніе къ разбираемымъ произведениямъ (замѣтьте, пропущеннымъ весьма строгой у насъ театральной цензурою) если и трудно признать строго критическимъ, за то нельзя не назвать похвальнымъ въ религіозномъ отношеніи?

О преподаваніи русской литературы. *Сочин. Владимира Стоюнина. Изданіе второе, измененное и дополненное. С.-Петербургъ. 1863 г.*

Преподаваніе теории и исторіи словесности представляется, до сихъ поръ, крайне неудовлетворительнымъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Это хорошо извѣстно всѣмъ практическимъ педагогамъ, всѣмъ лицамъ, сколько-нибудь заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ. Объясненія для этого факта представляются различныя. Иные, относя все къ личности преподавателя, умѣющаго или неумѣющаго осмыслить и изложить свой учебный предметъ, склонны находить причину явленія въ плохой подготовкѣ учителей, изъ которыхъ далеко не всѣ прошли «серьезную филологическую школу», то-есть, воспитали себя на чтеніи и изученіи классическихъ авторовъ. Повидимому, съ цѣлью помочъ этой бѣдѣ, основанъ недавно историко-филологическій институтъ, питомцы котораго должны будутъ преподавать намъ образцы надлежащаго пониманія задачъ и требованій современной науки въ ихъ примѣненіи къ педагогическимъ условіямъ среднихъ общеобразовательныхъ школъ... Мы желаемъ всякихъ успѣховъ новому разсаднику филологическихъ познаній въ Россіи; но думаемъ, что дѣятельность его врядъ ли принесетъ замѣтную пользу, если ко времени перваго выпуска его «дорогихъ» слушателей (несомнѣнно, что они стоютъ казны очень дорого, такъ-какъ въ институтѣ совсѣмъ нѣтъ своеобразныхъ воспитанниковъ, и классическую древность признано полезнымъ изучать только на казенный счетъ), — если къ этому радостному дню не измѣнятся нисколько господствующіе нынѣ взгляды на преподаваніе словесныхъ наукъ. Личность преподавателя, его познанія и педагогическій тактъ, безъ сомнѣнія, много значать для успѣха преподаванія; но самая-то личность несетъ на

себѣ вліяніе общихъ условій, которыя не всегда удобно и не всегда возможно устранить. Какъ ни будь свѣдущъ и талантливъ преподаватель, но если его свяжутъ по рукамъ и по ногамъ обязательной программой, односторонней и схоластической,—то врядъ ли онъ можетъ выпутаться совершенно невредимо изъ этихъ крѣпкихъ тенетъ, врядъ ли не загубить въ нихъ большую часть своихъ познаній и горячаго рвенія къ дѣлу. Къ сожалѣнію, въ нашихъ вліятельныхъ педагогическихъ сферахъ, откуда излетаютъ всевозможные прожекты и программы, все, повидимому, съ цѣлью усовершенствоваться, — никакъ не можетъ установиться и окрѣпнуть правильный взглядъ на задачу и объемъ преподаванія словесности. Въ былые дни мы изучали по курсу Зеленецкаго всѣ роды и виды поэзии и прозы, всѣ риторическія украшенія рѣчи; обогащали свою память бездною тонкихъ отвлеченныхъ опредѣленій романа, драмы, комедій и пр., не прочтя толкомъ ни одного порядочнаго автора, бойко сдавали свой выпускной экзамень и, уже много лѣтъ спустя, при первомъ запросѣ на дѣйствительныя познанія, на серьезную критическую оцѣнку литературнаго произведенія, убѣждались, что зазубрить по книжкѣ теоретическое опредѣленіе — не значитъ еще умѣть примѣнить его къ живому литературному образцу. Такъ научались мы по Зеленецкому теоріи словесности. По тому же курсу (но по другой книжкѣ) знакомились мы съ прогрессивнымъ движеніемъ русской литературы. Тутъ узнавали мы имена и отчества почти всѣхъ сочинителей, когда либо воздѣлывавшихъ вертоградъ російской словесности, запоминали годъ ихъ рожденія и смерти, чины и знаки отличія, полученные ими (буде сочинители состояли въ государственной службѣ), заучивали неукоснительно всѣ заглавія, никогда непрочтенныхъ нами, поэмъ, драмъ и всего прочаго и, въ заключеніе всего, начинивъ себя различными фразами о сентиментальности Карамзина, народности Пушкина и юморѣ Гоголя, получали право сказать, что мы-де знаемъ исторію русской литературы. Схоластика Зеленецкаго рухнула и, послѣ нѣсколькихъ попытокъ рациональнаго веденія дѣла, мы снова пришли къ другой, не менѣе вредной крайности. Многіе педагоги (и притомъ изъ вліятельныхъ), осудивъ Зеленецкаго за обиліе отвлеченной мудрости, вообразили, что теорія и исторія словесности не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ звонкими, безсодержательными фразами, ни мало непонятными для учениковъ; ссылаясь на плохой результатъ обученія («по Зеленецкому»), они стали увѣрять, что вообще критика литературныхъ произведеній съ выводомъ изъ нея основныхъ теоретическихъ различій (т.-е., то, что составляетъ въ здоровомъ преподаваніи теорію словесности) недоступна ученику средняго учебнаго заведенія — такъ точно, какъ недоступно ему связанное систематическое изложеніе постепеннаго развитія и смѣны понятій, и идеаловъ въ исторіи словесности. Оба предмета, взаимнодополняющіе одинъ другаго,

исчезали, такимъ образомъ, изъ гимнастическаго курса, а чтобы замѣстить чѣмъ-нибудь этотъ пробѣлъ, новые педанты предлагали особенно налечь на исторію языка. Какъ будто историческое изученіе языка — дѣло немногихъ специалистовъ — болѣе доступно пониманію юношества, болѣе своевременно и плодотворно, чѣмъ изученіе литературныхъ произведеній въ достаточно широкой, разъясняющей ихъ исторической обстановкѣ; какъ будто, наконецъ, рациональная исторія языка возможна безъ исторіи мысли, выразившейся въ немъ! Въ духѣ этой филологической односторонности составлены всѣ новѣйшія программы по исторіи русской словесности, въ которыхъ видно желаніе расширить, сколько возможно, филологическій матеріалъ и сжать до послѣдней степени исторію мысли въ литературныхъ произведеніяхъ. Такимъ образомъ, число авторовъ и количество сочиненій, обязательныхъ для разбора въ старшихъ классахъ гимназій, убавляется съ каждымъ годомъ: изъ Фонтъ-Визина нынѣ рекомендуется только одинъ «Недоросль», котораго нельзя ни понять, ни оцѣнить, не сопоставляя его съ другими произведеніями того же писателя и современныхъ ему авторовъ; изъ лирическихъ стихотвореній Пушкина берутся только «Бородинская годовщина» и «Клеветникамъ Россіи»; за Грибоѣдовымъ, кажется, совсѣмъ не признано права просвѣщать русское юношество, и т. д. Зато филологія процвѣтает!

Но въ то время, какъ официальные программы обнаруживаютъ попытку обойтись совсѣмъ безъ теории и исторіи литературы, ограничившись одними лингвистическими упражненіями, въ нашей педагогической литературѣ разрабатываются съ большимъ толкомъ новые методы преподаванія обоихъ изгоняемыхъ предметовъ. Въ началѣ прошлаго года вышла полезная книга г. Водовозова: «Словесность въ образцахъ и разборахъ, съ объясненіемъ общихъ свойствъ сочиненія и главныхъ родовъ поэзіи и прозы». Здѣсь авторъ сдѣлалъ очень удачный опытъ — вывести главнѣйшія правила, такъ-называемой, теоріи словесности изъ внимательнаго критическаго разбора самыхъ литературныхъ произведеній, устраняя всѣ схоластическіе приемы, доннынѣ употреблявшіеся при этомъ случаѣ. Такъ, напримѣръ, г. Водовозовъ сличаетъ весьма подробно «Капитанскую дочку» съ историческимъ описаніемъ пугачовскаго бунта и затѣмъ, уже послѣ долгихъ объясненій и выводовъ, приступаетъ къ характеристикѣ поэзіи вообще. Такъ же точно свойства эпоса вообще, отличительныя черты народнаго эпоса, общія свойства драмы, трагическое и комическое въ искусствѣ — все это изслѣдуется чисто-индуктивнымъ путемъ, и теоретическія обобщенія даются, какъ результатъ точнаго и дробнаго анализа. Свойства образнаго слога (то, что въ старыхъ реторикахъ называлось тропами и фигурами) указывались г. Водовозовымъ тоже на примѣрахъ, и притомъ безъ лишняго употребленія терминовъ. Въ своемъ критическомъ разборѣ литературныхъ произведеній авторъ книги

такъ мало скупился на анализъ всѣхъ даже незначительныхъ подробностей, такъ добросовѣстно углублялся во всѣ изгибы поэтической мысли, что вызвалъ справедливый упрекъ въ излишествѣ мелочныхъ критическихъ наблюдений и въ недостаткѣ синтеза, то-есть обобщающихъ выводовъ. Тѣмъ не менѣе книга его составляетъ приобрѣтеніе для педагогической литературы. Въ такомъ видѣ теорія словесности перестаетъ быть пугаломъ для учениковъ и дѣлается средствомъ для полезныхъ умственныхъ занятій, естественнымъ продолженіемъ и завершеніемъ высшаго грамматическаго курса. Отъ изученія языка, какъ формы, въ которой выражается человѣческая мысль, такъ просто и необходимо перейти къ анализу самой этой мысли, къ отысканію тѣхъ общихъ правилъ, по которымъ создаются литературныя произведенія и обогащаютъ языкъ новыми образами, выраженіями и оборотами. Сколько бы ни говорили педанты о томъ, что подобная критическая работа приходится будто бы не по силамъ ученикамъ старшихъ классовъ гимназій, педагогическій опытъ всегда будетъ говорить противъ нихъ и покажетъ яснымъ образомъ, что за этимъ соболѣзнованіемъ о слабыхъ силахъ юношей скрываются какія-нибудь другія, болѣе искреннія и болѣе внушительныя соображенія въ родѣ тѣхъ, которыя высказаны были довольно откровенно въ одномъ официальномъ отчетѣ о преподаваніи словесности въ гимназіяхъ здѣшняго учебнаго округа. Въ этомъ отчетѣ говорилось, напримѣръ (и, помнится, именно по поводу преподаванія г. Водовозова), что ученики не должны-де критически относиться къ *самому* Карамзину, что такое отношеніе разовѣетъ въ нихъ гордость, фразерство, самоувѣренныя претензіи и т. п., тогда какъ въ ихъ нѣжномъ возрастѣ полезнѣе внимать безпрекословно хвалебнымъ характеристикамъ, которыя услышать они съ кафедръ учителя (конечно, благонамѣреннаго) и прочтуть въ учебникахъ (конечно, одобренныхъ начальствомъ). При такомъ оригинальномъ взглядѣ на значеніе критическаго анализа въ воспитаніи, преподаваніе словесности можетъ, дѣйствительно, превратиться въ пустую, самодовольную, недопускающую возраженій, догматику съ одной стороны и въ бессмысленное заучиванье фразъ учителя или учебника — съ другой. Такого рода словесность, дѣйствительно, бесполезна, и мы за нее не стоимъ... Но зачѣмъ же сваливать свою вину на другихъ и обвинять въ подготовленіи фразеровъ именно тѣхъ людей, которые, развивая въ ученикахъ способность критической оцѣнки и предметовъ, тѣмъ самымъ отучаютъ ихъ отъ рабскаго, неосмысленнаго повторенія чужихъ фразъ? Зачѣмъ отказываться отъ логическихъ послѣдствій своего собственнаго мнѣнія? Il faut avoir courage de son opinion, mes-sieurs...

Если книга г. Водовозова полезна для рациональнаго преподаванія теоріи словесности, то книга г. Стоюнина, заглавіе которой приведено выше, въ той же мѣрѣ полезна для препо-

даваніи исторіи русской литературы. Она выходитъ нынѣ уже вторымъ изданіемъ и вполне заслуживаетъ своего успѣха, такъ-какъ, несмотря на нѣкоторые чувствительные недостатки, она представляетъ единственный или, по крайней-мѣрѣ, лучший образчикъ примѣненія литературнаго курса къ потребностямъ среднихъ учебныхъ заведеній. Г. Стоюнинъ не имѣлъ въ виду писать цѣлый курсъ исторіи русской литературы въ строгой связи и послѣдовательности; цѣль его была преимущественно педагогическая, а именно онъ вознамѣрился, по поводу нѣкоторыхъ книгъ, общеупотребительныхъ въ преподаваніи русской словесности (какъ-то: «Исторіи словесности» г. Галахова и хрестоматій гг. Буслаева и Филонова), изложить свои мысли о томъ, чѣмъ должна быть исторія литературы въ гимназическомъ курсѣ, какъ нужно готовить учениковъ къ ея слушанію и на какія именно стороны литературныхъ произведеній, древнихъ и новыхъ, слѣдуетъ обращать вниманіе при классномъ разборѣ. Такимъ образомъ книга г. Стоюнина распадается на нѣсколько частей, недостаточно связанныхъ между собою: прежде всего авторъ опредѣляетъ педагогическую цѣль въ преподаваніи словесности (разумѣя здѣсь какъ теорію, такъ и исторію предмета) и указываетъ средства, какими можетъ быть достигнута эта цѣль; далѣе онъ обращается къ книгѣ г. Водовозова и высказываетъ свое мнѣніе, вполне добросовѣстное, о степени ея педагогической пригодности; затѣмъ переходитъ собственно къ исторіи литературы и останавливается подробно, въ связи съ разбираемыми имъ книгами, на самыхъ важныхъ моментахъ въ развитіи русской литературы — на тѣхъ моментахъ, на которыхъ долженъ сосредоточиться, по его мнѣнію, весь интересъ и смыслъ преподаванія. Въ этомъ отдѣлѣ авторъ обращаетъ всего больше вниманія на развитіе народныхъ «идеаловъ», понимая подъ этимъ словомъ образное представленіе народа о политической власти, о религіозныхъ, общественныхъ и семейныхъ обязанностяхъ человѣка. Здѣсь мы находимъ вѣрное пониманіе многихъ, весьма важныхъ литературныхъ вопросовъ; кромѣ того, встрѣчается нѣсколько сдержанныхъ, но вѣскихъ и справедливыхъ возраженій г. Галахову. Только уже въ 21-й главѣ своей книги авторъ представляетъ образцы разборовъ по теоріи словесности, хотя эти разборы были бы умѣстнѣе въ началѣ книги: вѣдь теорія словесности должна предшествовать исторіи, а не наоборотъ. Изъ этого краткаго перечня содержанія главъ видно, что книга г. Стоюнина страдаетъ недостаткомъ правильнаго и опредѣленнаго плана. Авторъ желалъ совмѣстить въ своемъ трудѣ, по малой мѣрѣ, три разнородныя задачи: во-первыхъ, написать критическій разборъ на нѣсколько книгъ (гг. Галахова, Водовозова, Буслаева и Филонова); во-вторыхъ, представить пробный курсъ по теоріи словесности и, наконецъ, в-третьихъ, прослѣдить всѣ главнѣйшіе моменты въ развитіи русской литературы и общества. Между тѣмъ для каждой изъ

этихъ задачъ, чтобы исчерпать ее вполнѣ, понадобилось бы написать особую книгу, какъ это и сдѣлалъ г. Водовозовъ исключительно для теоріи словесности. Вслѣдствіе этой разрозненности плана г. Стоюнинъ не успѣлъ высказать вполнѣ своихъ взглядовъ на развитіе русской литературы, такъ-какъ первый томъ «Исторіи словесности» Галахова, на который онъ писалъ свой разборъ, доведенъ только до появленія Карамзина, и это обстоятельство стѣснило, повидимому, г. Стоюнина, ограничившагося обязанностью рецензента. По той же причинѣ, курсъ теоріи словесности, вошедшій въ книгу въ видѣ пробныхъ уроковъ, оказался черезчуръ сжатъ и не представляетъ отвѣта на многіе крупныя теоретическія вопросы, неизбѣжно являющіеся при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній. Г. Стоюнинъ, пожалуй, возразитъ намъ, что онъ считаетъ теорію и исторію словесности *однимъ* предметомъ, а потому и говорить объ нихъ въ одной книгѣ; но этимъ возраженіемъ врядъ-ли возможно удовлетвориться. Какъ бы ни были шатки теоретическія основанія литературной критики, составляющія то, что называется на учебномъ языкѣ «теоріей словесности», какъ бы мало ни соотвѣтствовала современная эстетика названію науки (мы не будемъ спорить съ г. Стоюнинымъ, что такого названія она покуда и не заслуживаетъ); но несомнѣнно, однако, то, что, приступая къ чтенію и оцѣнкѣ литературныхъ произведеній, необходимо установить эстетическія начала въ томъ или другомъ видѣ, примѣняясь, конечно, къ потребностямъ и пониманію учениковъ. И такъ, одно дѣло — изучать литературу съ цѣлю указать общіе признаки, по которымъ словесныя произведенія группируются подъ рубрики драмы, эпоса и лирики, а также найдти общія требованія, одинаково приложимыя къ цѣлому роду произведеній, и другое дѣло — коснуться спеціально исторіи литературы одного только народа, чтобы показать существенныя черты народнаго духа и постепенное измѣненіе народныхъ идеаловъ. Въ первомъ случаѣ возможно и даже должно заимствовать подходящія приемы и доказательства изъ всѣхъ европейскихъ литературъ; во второмъ случаѣ преподаватель ограниченъ исторіей своего народа, и чѣмъ больше захватитъ онъ въ свой курсъ реальныхъ, бытовыхъ и историческихъ чертъ, тѣмъ полезнѣе для его учениковъ. Выяснить критическія начала, растолковывать ходячіе литературныя термины тутъ уже поздно: это дѣло должно быть сдѣлано ранѣе. Стоитъ только сравнить двѣ половины книги г. Стоюнина — историческую и эстетическую, чтобы увидѣть, что и самъ онъ преслѣдуетъ въ обоихъ случаяхъ разныя цѣли. Тѣмъ не менѣе книга г. Стоюнина заключаетъ въ себѣ много хорошихъ сторонъ: сюда относимъ мы всѣ педагогическія разсужденія его, обнаруживающія въ немъ опытнаго и здравомыслящаго педагога, и большую часть его историко-литературныхъ взглядовъ, за исключеніемъ, напримѣръ, преувеличенныхъ похвалъ Кантеміру,

изъ всѣхъ сатиръ котораго только одна сатира «Къ уму моему» заслуживаетъ, на нашъ взглядъ, разбора съ учениками, да и то не сама по себѣ, а какъ удобный предлогъ для характеристики петровскаго времени. Педагогическая цѣль преподаванія словесности опредѣлена у г. Стоюнина совершенно правильно, и съ этимъ опредѣленіемъ стоитъ познакомиться нашихъ читателей. По мнѣнію г. Стоюнина, каждый преподаватель долженъ найти въ своемъ учебномъ предметѣ три живыя силы, которыя благотѣтельно дѣйствовали бы на учащихся: 1) онъ долженъ сообщать имъ истинныя познанія, касающіяся природы и человека; 2) развивать ихъ и 3) приучать къ труду. Примѣняя эти требованія къ преподавателямъ словесности, авторъ находитъ, что только немногіе изъ нихъ удовлетворяютъ всѣмъ нужнымъ условіямъ, большинство же гонится за однимъ изъ нихъ, забывая остальные. «Есть такіе преподаватели — пишетъ г. Стоюнинъ — которые исключительно заботятся о количествѣ знаний; чѣмъ больше, тѣмъ лучше — говорятъ они — и, дѣйствительно, передаютъ много фактовъ и даже разсужденій, разсчитывая на силу памяти, которая на извѣстное время можетъ удержать все переданное. Про ихъ учениковъ можно сказать, что они выучили предметъ, но нельзя сказать, что они правильно развивались на этомъ предметѣ, а тѣмъ болѣе, что они разумно надъ нимъ работали и слѣдственно привыкали къ труду. Они только учили на память, считая это занятіе утомительнымъ трудомъ, къ которому трудно почувствовать расположеніе. Есть другіе преподаватели, которые на первомъ планѣ ставятъ развитіе, и основываютъ его на занимательности или интересности передаваемыхъ познаній. Необходимо овладѣть вниманіемъ ученика — говорятъ они — чтобы онъ слушалъ васъ съ большимъ интересомъ; только при такомъ условіи онъ безъ всякаго труда, легко и скоро, будетъ запоминать ваши уроки и, конечно, будетъ развиваться вашими бесѣдами съ нимъ. Такіе преподаватели, дѣйствительно, рассказываютъ чрезвычайно интересно. Ученики слушаютъ ихъ очень внимательно, спрашиваютъ ихъ съ удовольствіемъ, а они еще съ большимъ удовольствіемъ распространяются въ подробностяхъ на ихъ разспросы. Все это очень хорошо, потому что въ такихъ бесѣдахъ много жизни, есть живая связь между наставниками и учениками; но нѣтъ одного очень важнаго обстоятельства: заботясь о всевозможныхъ облегченіяхъ, наставникъ нисколько не думаетъ о трудѣ. Его ученики легко воспринимаютъ все, что онъ имъ рассказываетъ, показываетъ и объясняетъ; такъ-какъ онъ знаетъ во всемъ мѣру, то они не утомляются, а всегда бодры, свѣжи и радуютъ его, пересказывая его рассказы и объясненія, убѣждая при этомъ, что любознательность дѣйствительно возбуждена въ нихъ. И это хорошо; но тутъ мы видимъ только страдательное, пассивное воспріятіе. Оно доставляетъ ученику большое удовольствіе, раскрывая ему новый міръ, сообщая много новыхъ понятій; само-

му ему трудиться не надъ чѣмъ. А между тѣмъ, впереди ждетъ его жизнь, главное значеніе которой должно быть въ трудѣ. Если воспитаніе готовить человѣка для жизни, то большая ошибка со стороны воспитателя не обращать вниманіе на возбужденіе труда, не заставлять трудиться такъ, чтобы ученикъ увидѣлъ, наконецъ, въ трудѣ нравственную пользу, независимо отъ матеріальной, чтобы трудъ сталъ его потребностью». Наконецъ, есть третій сортъ педагоговъ, которые, вообразивъ, по словамъ г. Стоюнина, что «мука и трудъ одно и то же, съ намѣреніемъ дѣлаютъ разныя трудности, лишь бы только помучить ученика надъ работою». Г. Стоюнинъ совершенно правъ въ теоретическомъ опредѣленіи достоинствъ педагога; но такъ-какъ совершенства на землѣ нѣтъ (что давно извѣстно даже не учившимся въ семинаріи), то мы думаемъ, что изъ всѣхъ представленныхъ односторонностей самая терпимая и — сважемъ больше — самая желательная, это, скорѣе всего, вторая односторонность. Пусть существуетъ «живая связь между наставниками и учениками», пусть ученики слушаютъ съ наслажденіемъ учителя и, такъ сказать, влюбляются въ науку въ его разсказахъ; положимъ, что это будетъ «пассивный трудъ», какъ выражается г. Стоюнинъ, и самостоятельной умственной работы, къ которой должна приучать школа, здѣсь не окажется; но добрыя сѣмена все-таки западутъ въ молодую душу, и если ученикъ не попадетъ потомъ въ особенно душную атмосферу, то принесутъ непремѣнно хорошіе плоды. Любви и привычки къ труду они не дали, но не поселили, по крайней мѣрѣ, отвращенія къ нему, и мальчишъ, выходя изъ школы, не вспомнить съ ненавистью своихъ наставниковъ и не бросить съ озлобленіемъ въ печку свои книги и тетради. Такой результатъ былъ бы еще очень сносенъ; но у насъ, къ сожалѣнію, сталъ развиваться въ послѣднее время третій сортъ педагоговъ, которые «дѣлаютъ различныя трудности, чтобы только помучить ученика надъ работою»; иначе чѣмъ же бы объяснить недавно усилившееся въ гимназіяхъ преподаваніе никому ненужнаго, никѣмъ нежелаемаго (кромя г. Каткова, который можетъ сказать: «классицизмъ — это я») греческаго языка? Чтобы сообщить при изученіи словесности истинныя познанія ученикамъ и дать имъ при этомъ удобный матеріалъ для самостоятельной разработки по вопросамъ, указаннымъ преподавателемъ, г. Стоюнинъ дѣлаетъ строгій выборъ произведеній, полезныхъ для чтенія въ классѣ. «Въ каждой литературѣ — говоритъ онъ — есть столько прекрасныхъ произведеній, что нѣтъ возможности перечитать въ классѣ ихъ всѣ, слѣдственно, необходимо опредѣлить, чего держаться при выборѣ ихъ для чтенія и изученія въ классѣ, а съ этимъ вмѣстѣ и обсудить достоинство тѣхъ познаній, которыя будутъ сообщать они. Разумѣется, эстетическимъ и народнымъ произведеніямъ литературы должно дать предпочтеніе передъ всѣми прочими уже потому, что они развиваютъ эстетическое

чувство; это въ педагогическомъ дѣлѣ есть ихъ спеціальность, такъ-какъ всѣ другіе учебные предметы не имѣютъ въ виду этой стороны развитія. Впрочемъ, указывая на изящныя произведенія, мы никакъ не хотимъ ограничиться одною эстетикою, чтобы носиться въ заоблачномъ мірѣ безусловно и вѣчно прекраснаго и восхищаться одними возвышенными идеалами. Нѣтъ, здѣсь мы имѣемъ въ виду еще другія условія. Каждое истинно-эстетическое произведеніе отражаетъ въ себѣ жизнь, дѣйствительность, съ которою связывается много нравственныхъ, общественныхъ и другихъ вопросовъ. Разбирая такое произведеніе, мы необходимо должны подробно обсудить его содержаніе, безъ чего невозможно даже и одна эстетическая оцѣнка, слѣдственно, должны имѣть дѣло съ разнообразными вопросами жизни: коснемся ли разбора фактовъ или личностей и ихъ характеристикъ, или отношенія ихъ между собою, или идеаловъ самаго поэта и пр., все будетъ наводить насъ на вопросы близкіе и интересные каждому, вопросы житейскіе, а съ ними вмѣстѣ будутъ разясняться и самыя понятія — нравственныя, семейныя, общественныя; понятія, которыя у учениковъ обыкновенно бывають слишкомъ туманны, неопредѣленны и сбивчивы, такъ-какъ имъ рѣдко приходится задумываться надъ ними. Въ этомъ туманѣ они нерѣдко остаются и по выходѣ изъ школы, а иной и всю жизнь... Умъ ученика, безпрестанно возбуждаемый вопросами, близкими къ жизни и, слѣдовательно, живо интересующими, а не отвлеченными, не будетъ принимать пассивно познанія, а напротивъ, самъ будетъ приобрѣтать ихъ изъ наблюденія надъ даннымъ матеріаломъ. Заботиться только о томъ, чтобы ученикъ умѣлъ пересказать одно содержаніе литературнаго произведенія — значить, хлопотать о знаніяхъ безполезныхъ. Они займутъ свое мѣсто въ памяти, но не объяснятъ ни природы, ни жизни, ни человѣка». Подвергая такой всесторонней критической оцѣнкѣ читаемья въ классѣ произведенія, г. Стоюнинъ невольно встрѣтился съ моднымъ нынѣ вопросомъ: будетъ ли полезно развивать въ ученикахъ критическій анализъ и не поведетъ ли это къ фразерству, нигилизму и неповиновенію старшимъ? Съ своей обычной сдержанностью (переходящей иногда въ уклончивость) онъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: «Нѣкоторыхъ педагоговъ пугаетъ слово: критическое изученіе предмета, чего мы рѣшительно не понимаемъ. Въротно, подъ именовъ критики мы разумѣемъ совсѣмъ не то, что они. Обстоятельно обсудить съ учениками прочитанное сочиненіе, найти въ немъ отвѣты на многіе вопросы, которые изъ него вытекають, указать на достоинства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказать, почему они считаются достоинствами, и равнымъ образомъ замѣтить недостатки; неужели это можетъ развивать въ ученикѣ фразерство и самонадѣянность, какъ иные предполагають? Намъ кажется, напротивъ, такіе приемы передадутъ ученику нѣсколько критическихъ

пріемовъ, которые не позволяютъ ему судить о сочиненіи вкривъ и вкось, а приучать вникать въ дѣло и убѣждать, что нельзя произносить своего рѣшительнаго суда безъ многихъ опредѣленныхъ доказательствъ. Фразерство развиваетъ не критика, а голословныя сужденія безъ всякихъ данныхъ, общія характеристики предметовъ, съ которыми ученикъ не успѣлъ познакомиться, когда его заставляютъ высказывать свой судъ, не давъ возможности собрать наблюденія. Но неужели же это критика? По нашему мнѣнію, критика есть судъ, на основаніи многихъ собранныхъ признаковъ. Приучать собирать признаки и строго обсуживать ихъ, значить, приучать къ строгому мышленію и къ осторожному суду. Тамъ фразерства быть не можетъ, гдѣ судъ составляютъ выводы изъ опредѣленныхъ данныхъ; могутъ быть ошибки, но ошибки еще далеко не фразерство. Мы даже не знаемъ, какимъ образомъ можно избѣгать критики, еслибы даже ограничиться объяснительнымъ чтеніемъ съ полнѣйшимъ усвоеніемъ содержанія произведенія. Вѣдь можетъ случиться, что ученикъ будетъ несогласенъ съ тою или другою мыслью изучаемаго сочиненія или ему не понравится какая-либо сцена и даже цѣлое произведеніе? Что же тутъ будетъ дѣлать учитель, опасующійся критики? Заставить вѣрить на слово, что эта мысль вѣрна, а эта сцена прекрасна? Что же это за педагогическое средство убѣждать? И такъ, по нашему мнѣнію, критики нечего бояться при изученіи литературнаго произведенія: она часто бываетъ неизбежна, вызываемая самими учениками, и всегда полезна, потому что не допускаетъ никакихъ голословныхъ опредѣленій».

Еслибы нѣсколько лѣтъ тому назадъ подобное сомнѣніе въ пользѣ критическаго начала было высказано въ литературѣ, то врядъ ли нашлись бы даже охотники возражать на него: до такой степени оно показалось бы страннымъ, нелѣпымъ и незаслуживающимъ опроверженія. Но теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ, мы рекомендуемъ отвѣтъ г. Стоюнина всѣмъ педагогамъ, которыхъ смущаетъ не гамлетовскій, а молчалинскій вопросъ: «Да можно-ль смѣть свое сужденіе имѣть?» Надѣемся, что такихъ педагоговъ наберется достаточное количество, и слѣдовательно, мы не безъ пользы привели мнѣніе почтеннаго автора.

Небольшая замѣтка, помѣщенная въ библиографіи январскаго № «Отечественныхъ Записокъ» о переводной книгѣ госпожы Стасовой и Трубниковой «Женскій Трудъ», вызвала со стороны автора предисловія къ этой книгѣ г. Ткачева во 2 № «Дѣла», судорожную статью, въ которой онъ съ пѣною у рта накидывается какъ на автора рецензій, такъ и на редакцію «Отечественныхъ Записокъ». Запальчивая раздражительность г. Ткачева помѣшала вѣроятно ему увидать, до какой степени его отвѣтъ нарушаетъ всякое литературное приличіе. Такъ онъ позволяетъ себѣ всевоз-

можны оскорбительные эпитеты, говоря о рецензентѣ, усумнившись въ незыблемости авторитета г. Ткачева. Будетъ ли отвѣчать ему авторъ рецензій—мы не знаемъ, такъ-какъ это зависитъ отъ его доброй воли, мы же считаемъ необходимымъ отвѣтить только на одну выходку г. Ткачева. Въ концѣ его статьи, вмѣстѣ съ различными непрошенными совѣтами, находятся слѣдующія слова, обращенныя къ намъ: «Если въ «Отечественныхъ Запискахъ» появится еще одна, двѣ статьи, подобныя разобранной рецензій, то онѣ дадутъ мнѣ (г. Ткачеву) довольно богатый матеріалъ, чтобъ опредѣлить передъ его читателями характеръ и направленіе экономическихъ тенденцій этого журнала». Заявляемъ г. Ткачеву, что его комическая угроза нисколько не повергаетъ насъ въ трепетъ, и, если въ послѣдующихъ статьяхъ «Отечественныхъ Записокъ» снова что либо будетъ ему не по нутру, то мы просимъ его не стѣсняться и говорить все, что онъ пожелаетъ и разумѣется какъ умѣетъ и можетъ. Предваряемъ его объ одномъ. Если мы не прочь отъ полемики приличной и сдержанной, если не отклонимся отъ спора за идеи, то предоставляемъ себѣ рѣшительное право не обращать вниманія и не отвѣчать ни словомъ на голословную брань и наѣздничества, выходящія изъ всякихъ предѣловъ литературнаго приличія.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НОВОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ БЕЛЪЕТРИСТИКИ.

(ДВА НОВЫЕ РАЗСКАЗА ЭРКМАНА-ШАТРИАНА).

Между разными бѣдствіями, устраненными на половину или вовсе уничтоженными первою французскою революціей, не малое мѣсто занимаютъ тиранства мелкихъ владѣтельныхъ князей Германіи. Исторія того времени сохранила много фактовъ изъ дѣятельности этихъ лицъ, — фактовъ, въ которыхъ непризнание самыхъ простыхъ законовъ права и человѣчности является въ самомъ яркомъ свѣтѣ. Эти страницы исторіи послужили основнымъ мотивомъ новаго разсказа Эркмана-Шатриана, писателя, уже хорошо знакомаго русской публикѣ и рѣзко выдѣляющагося изъ среды своихъ собратьевъ-французовъ жизненною правдою и глубиною основной мысли.

На этотъ разъ авторъ переноситъ насъ въ небольшую страну, лежащую между Лотарингією и Альзасомъ.

«Эта страна—говоритъ онъ — принадлежала, до первой французской революціи, герцогамъ Двухъ-Мостовъ (Zweibrücken) и составляла одно изъ богатѣйшихъ владѣній ихъ. Въ 1792 г. рейнская французская армія, подъ предводительствомъ Кюсти-

на, завладѣла этою мѣстностью, и національный конвентъ распредѣлилъ ее между тремя изъ департаментовъ республики.

«Жители этого клочка земли, гордые и счастливые тѣмъ, что изъ рабовъ и вассаловъ, какими они были до тѣхъ поръ, они сдѣлались французами, свободными людьми, — съ восторгомъ приняли присоединеніе къ Франціи.

«Не изъ неблагодарности отrekliсь они съ такою готовностью и навѣки отъ своихъ прежнихъ государей; энтузіазмъ ихъ не былъ тоже раскаленъ обыкновеннымъ рвеніемъ всякаго новообращеннаго, рвеніемъ, часто преувеличеннымъ. Нѣтъ, — только дыханіе свободы возродило ихъ къ новой жизни и развило въ ихъ сердцахъ законную гордость, присущую человѣку, принадлежащему къ великой націи, въ которой равенство составляетъ основной камень общественнаго устройства.

«До 1792 г. у этихъ людей не было отечества; на нихъ смотрѣли, какъ на принадлежность помѣщичьей земли; ими торговали, ихъ перегоняли съ мѣста на мѣсто, какъ стада; по прихоти владѣтельныхъ князей, они переходили изъ рукъ въ руки въ видѣ приданого и т. п. и становились подданными то графа Вельденцаго или принца Нассаускаго, то графа Зарверденскаго или герцога Двухъ-Мостовъ.

«Но всѣ эти перемѣны владѣтельныхъ лицъ ни мало не улучшали нравственнаго положенія подданныхъ. Постоянно оставались они пригнѣзженными къ землѣ, постоянно несли на себѣ самые тяжелые налоги и постоянно зависѣли отъ прихоти своихъ правителей, которые считали ихъ ничѣмъ инымъ, какъ живыми машинами, лишенными права думать и имѣть какую бы то ни было волю».

Съ двумя изъ такихъ правителей и съ однимъ изъ такихъ подданныхъ знакомитъ насъ Эрманъ-Шатрианъ въ своемъ новомъ разсказѣ «Дѣдушка Вандеецъ». Правители: ландграфъ Гессенскій и герцогъ Двухъ-Мостовъ, подданный — отставной солдатъ, Михаилъ Гильдебрандъ, прозванный «дѣдушкой Вандеецемъ» вслѣдствіе того, что онъ особенно любилъ рассказывать о своихъ походахъ въ Вандеѣ, несчастной провинціи, болѣе всѣхъ другихъ потерпѣвшей отъ кровопролитныхъ стычекъ между республиканскими и королевскими войсками.

Автобіографія Михаила Гильдебранда, рассказываемая имъ автору — вотъ канва, на которой этотъ послѣдній рисуетъ самые грустные узоры. Черты изъ исторіи времени, прожитаго ветераномъ Михаиломъ, проходятъ передъ читателемъ печальною вереницею; но авторъ не хочетъ вѣрить, что «темное царство», которое онъ изображаетъ словами своего друга, стараго солдата, не окончится когда нибудь. Эти темныя явленія исчезнутъ — въ этомъ убѣжденъ онъ, — но «Богъ будетъ жить вѣчно, и придетъ день, когда разумъ и справедливость сдѣлаются, послѣ Бога, единственными рѣшительными судьбы міра».

Черты мрачной картины, рисуемой талантливымъ авторомъ,

взяты, какъ сказано выше, преимущественно изъ исторіи мелкихъ владѣтельныхъ княжествъ Германіи; но дополненіемъ къ ней служатъ нѣкоторые эпизоды и изъ французской исторіи. Михаилъ Гильдебрандъ, какъ тѣ нѣмецкіе подданные, о которыхъ упомянуто въ началѣ этой замѣтки, сдѣлался потомъ французомъ. Онъ, говоря его собственными словами, «жилъ подъ владычествомъ ландграфа Гессенскаго, потомъ — герцога Двухъ-Мостовъ; затѣмъ, онъ видѣлъ республику, директорію, консуловъ, имперію, старшую вѣтвь Бурбоновъ», и дожилъ до воцаренія младшей вѣтви ихъ. Въ эти послѣдніе годы его жизни и встрѣтилъ его нашъ авторъ.

Михаилъ Гильдебрандъ, сынъ довольно зажиточнаго кузнеца, французъ по происхожденію, родился, однако, подданнымъ ландграфа Гессенскаго, такъ-какъ предки Михаила, протестанты по религіи, вышли изъ своего отечества, Франціи, послѣ отбѣга Нантскаго эдикта Людовикомъ XIV, и поселились въ Германіи, въ небольшомъ мѣстечкѣ Ланденѣ. За предоставленіе имъ религіозной свободы они заплатились свободой политической: рабство сдавило ихъ такъ же, какъ сдавливало и всѣхъ вообще туземныхъ подданныхъ нѣмецкихъ князей...

Тихо и безмятежно проходило дѣтство Михаила; сознаніе униженія человѣческаго достоинства не могло потревожить сердце ребенка. Но грубому акту насилия суждено было пробудить въ немъ ненависть къ притѣснителямъ и жажду освобожденія...

На веселомъ семейномъ праздникѣ обрушилась на мирную семью Гильдебранда и ея друзей и знакомыхъ страшная вѣсть. Ландграфъ Гессенскій *продалъ* семь тысячъ своихъ подданныхъ Англіи для войны съ Америкой; изъ этихъ семи тысячъ, сто пятьдесятъ человѣкъ должно было выставить мѣстечко Ланденъ, родина и мѣсто жительства Гильдебранда...

Продажа нѣмецкими владѣтельными князьями своихъ подданныхъ въ то время и для означенной цѣли, — не выдумка Шатриана, а историческій фактъ, не подлежащій сомнѣнію и поражающій своею гнусностью. Англійскому правительству такая гнусность была на руку, но лучшіе люди его энергически возставали противъ нея. «Милорды — говорилъ лордъ Чатамъ, въ 1777 г., въ полномъ собраніи парламента — милорды, вы можете увеличивать издержки и усилія, привлекать къ себѣ всякую помощь, которую можно купить или взять въ займы, вы можете торговаться, дѣлать сдѣлки съ каждымъ изъ этихъ жалкихъ, мелкихъ князей Германіи, которые продаютъ и переселяютъ своихъ подданныхъ для рѣзни, устраиваемой чужеземнымъ правительствомъ. Но, милорды, эти чудовищные поступки требуютъ мщенія и наказанія; если вы не прекратите ихъ, вѣчное пятно останется на британской націи».

Не знаемъ, возвышались ли такіе же энергическіе голоса и въ средѣ нѣмецкихъ правительствъ; — не думаемъ, впрочемъ; прочтите только сочиненія Бёрне, чтобы увидѣть, что дѣлалось

въ Германіи нетолько въ доброе старое время, но и въ двадцатыхъ-тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Но въ литературѣ эти дѣйствія не могли не вызвать протеста. Въ 1777 г. говорилъ Чатамъ свою, вышеприведенную, рѣчь, а въ 1784 г., Шиллеръ, энергическій борецъ за человѣческую свободу и человѣческое достоинство, напечаталъ свою трагедію «Коварство и Любовь» и, въ одной изъ сценъ ея, выводилъ камердинера и Людовика леди Мильфордъ, любовницѣ нѣмецкаго владѣтельнаго князя, дорогіе бриліанты, какъ подарокъ отъ своего господина. «Сколько заплатилъ твой герцогъ за эти камни?» спрашиваетъ фаворитка. — «Они не стоятъ ему ни одного гроша», отвѣчаетъ камердинеръ мрачно, и потомъ прибавляетъ: «Вчера въ Америку отправлено семь тысячъ нашихъ соотечественниковъ; это ими платится за все...». Милая миледи убѣждена, что всѣ эти семь тысячъ отправились по своей собственной волѣ... — «О, конечно — говорить камердинеръ, съ горькимъ смѣхомъ — это все волонтеры! Правда, что между ними нашлось нѣсколько дерзкихъ людей, которые, въ минуту отъѣзда, вышли изъ рядовъ и спросили полковника, почему нашъ дорогой герцогъ продалъ англичанамъ пару людей. Но нашъ дорогой герцогъ приказалъ собраться на площади всѣмъ полкамъ съ заряженными ружьями, и они разстрѣляли этихъ глупыхъ крикуновъ. Мы слышали выстрѣлы, мы видели, какъ ихъ мозги брызнули на мостовую, и тогда всѣ солдаты закричали: Ура! въ Америку!» Леди Мильфордъ ничего не знала объ этомъ отъѣздѣ въ Америку; да и неудивительно, — она, какъ оказывается, была въ это время на охотѣ съ «дорогимъ герцогомъ». А зрѣлище было великолѣпное! Когда барабаны подали сигналъ къ выступленію, стоило посмотреть, какъ, говоря словами камердинера, «стуть сироты съ воемъ догоняли своего отца, тамъ обезумѣвшая мать бѣжала за солдатами, чтобъ насадить на штыкъ своего груднаго ребенка, здѣсь жениха и невѣсту разединяли сабельными ударами... А въ это время барабаны стучали изо всей мочи, чтобы Богъ не услышалъ нашихъ молитвъ!»

И это совершалось въ концѣ XVIII столѣтія!

Но возвращаемся къ нашему разсказу. Страшная вѣсть пришла въ село въ субботу, а на слѣдующій день, по обыкновенію, жители села собрались въ церковь... Но предоставимъ Михаилу Гильдебранду самому описать эту сцену.

«Когда я съ матерью — говорить онъ — вошли въ церковь, она уже была полна народомъ, и всѣ плакали.

«Органистъ хотѣлъ начать обычный гимнъ, но органъ издавалъ только заунывные звуки, рука органиста какъ-то машинально бродила по клавишамъ... Ни одинъ изъ присутствующихъ не могъ произнести первое слово гимна, поющагося обыкновенно въ началѣ богослуженія.

«Мертвое молчаніе царствовало въ церкви. Оно было нарушено звукомъ сабли, застучавшей на каменномъ полу.

«Жандармскій бригадиръ, виновникъ этого шума, дошелъ до кляроса, отдалъ одному изъ членовъ консисторіи запечатанный пакетъ и, шепнувъ ему при этомъ нѣсколько словъ, удалился.

«Въ ту же минуту нашъ пасторъ съ трудомъ взошелъ на каедрю, и мы увидѣли блѣдность и скорбь на его почитенномъ лицѣ».

«Онъ развернулъ бумагу, переданную ему членомъ консисторіи, и началъ разбирать, чтò въ ней написано; долго это не удавалось ему, глаза его были полны слезъ, голосъ дрожалъ.

«Наконецъ онъ сказалъ: «Вотъ приказъ губернатора, поручающаго мнѣ внушить вамъ безропотное повиновеніе его распоряженіямъ и предписывающаго мнѣ взять темою для сегодняшней проповѣди стихъ 28, гл. I, пророка Исаи, гласящій: «Возмутившіеся и грѣшники будутъ уничтожены». Но, дѣти мои, а прежде — слуга Бога праведнаго и милосердаго, и не могу быть органомъ власти, желающей сдѣлать изъ меня орудіе своихъ угрозъ и ужаса, который она хочетъ поселить въ васъ. Будемъ молиться о суровомъ повелителѣ нашемъ, забывающемъ, что онъ человѣкъ и христіанинъ; будемъ умолять Всемогущаго, чтобы онъ поселилъ въ немъ лучшія чувства. вмѣсто стиха, который онъ предписываетъ мнѣ взять у пророка Исаи, какъ тему проповѣди, отчего не остановился онъ въ писаніяхъ того же пророка на другомъ стихѣ, который заставилъ бы задрожать въ его рукѣ перо, подписавшее это пагубное приказаніе! Это — стихъ 1-й, гл. X, гласящій: «Горе издающимъ несправедные законы и пишущимъ несправедные приговоры для угнетенія бѣдныхъ людей, завладѣніи вдовами и ограбленіи сиротъ».

«Рыданія раздались со всѣхъ сторонъ. Пасторъ не могъ продолжать и сошелъ съ каедры, шатаясь и держась за перила.

«Когда я съ матушкой вернулся домой, то засталъ моего бѣднаго отца сидѣвшимъ на скамьѣ, съ опущенною на грудь головою. Онъ былъ мраченъ и даже не поднялъ глазъ на насъ. Мать посадила меня къ нему на колѣни. Онъ прижалъ меня къ груди, вынулъ изъ кармана свои золотыя часы и, отдавая мнѣ ихъ, сказалъ: «Сохрани, какъ драгоценность, это воспоминаніе о твоёмъ отцѣ. Мы отправляемся въ Америку, но вернемся оттуда, когда, пособивъ американцамъ освободиться отъ ихъ притѣснителей, получимъ возможность, съ ихъ помощью, очистить и нашу страну отъ жестокихъ людей, которымъ мы отданы на жертву».

«Многіе изъ нашихъ сосѣдей пришли въ это время, чтобы посоветоваться съ моимъ отцомъ, который объяснилъ имъ свои планы и яростно провлиналъ безчеловѣчность ландграфа.

«Въ эту минуту солдаты, привлеченные шумомъ, ворвались въ комнату, держа въ одной рукѣ саблю, а въ другой — кандалы. Безъ труда сквали они этихъ беззащитныхъ людей и побросали ихъ на повозки, назначенныя для путешествія. Ругаясь и угрожая, они били саблями женщинъ и дѣтей, бросавшихся къ ихъ ногамъ. Плѣнники были увезены ими...»

Мать Михаила Гильдебранда через нѣсколько дней умерла отъ горя и отъ родовъ. Бѣдный мальчикъ, натура живая и впечатлительная, страшно заболѣлъ, и первое ощущеніе его, въ самомъ началѣ выздоровленія, было чувство новаго ужаса и новаго отчаянія. На глаза ему попалась газета, и первое, что онъ прочелъ въ ней, былъ «списокъ казненныхъ мятежниковъ». Имя его отца стояло въ числѣ первыхъ.

«Тогда — такъ рассказываетъ Михаилъ — энергическое намереніе зародилось въ моей душѣ... За нѣсколько дней до несчастія, постигшаго насъ, я прочелъ въ римской исторіи, что Аннибалъ, будучи девяти лѣтъ отроду, поглялся въ вѣчной ненависти къ римлянамъ. Мнѣ теперь восемь лѣтъ — сказала я самъ себя — но я влянусь, также торжественно, какъ Аннибалъ, вѣчно ненавидѣть всѣхъ жестокихъ и несправедливыхъ правителей вообще, и ландграфа Гессенскаго въ особенности. Я буду жить, расти, отомщу ему и потомъ умру».

Жить въ мѣстахъ, гдѣ отецъ и мать бѣднаго мальчика погибли, сдѣлалось для него невыносимо, несмотря на заботы, которыми окружалъ его добрый пасторъ, пріютившій его у себя въ домѣ. Онъ задумалъ бѣжать къ своему дядѣ по матери, тоже кузнецу, жившему въ небольшомъ селеніи Лотарингіи. Задумалъ — и съ нѣсколькими гульденами въ карманѣ пустился въ путь.

Въ семействѣ дяди (состоявшемъ изъ него съ женой и дѣтьми и старика — отца его, а стало-быть, тоже отца матери Михаила Гильдебранда) еще ничего не знали о горѣ, постигшемъ Ланденъ и семью Гильдебранда. Громовымъ ударомъ обрушилась на нихъ вѣсть, принесенная мальчикомъ.

«Всѣ, бывшіе въ комнатѣ — такъ рассказывалъ Михаилъ — попадали въ ужасъ, кто на скамью, кто на стулъ, кто на полъ. Кривы скорби и бѣшенства потрясли домъ; сосѣди сбѣгались въ смущеніи и испугѣ».

«Вдругъ мой дядя вышелъ изъ остоленія и выбѣжалъ изъ комнаты. Черезъ минуту, сильные удары послышались въ кузницѣ, на наковальнѣ».

«Дѣдушка, взявъ меня за руку, пошелъ со мною въ кузницу; тамъ, мой дядя бѣшено колотилъ молоткомъ по огромной, до красна раскаленной желѣзной полосѣ и заострялъ ее конецъ въ формѣ кинжала».

«— Что ты дѣлаешь, несчастный? спросилъ мой дѣдъ, спокойно и величественно подойдя къ сыну, вырвавъ изъ его рукъ молотокъ и желѣзную полосу и бросивъ ихъ на землю».

«— Это для ландграфа Гессенскаго, зловѣщимъ голосомъ отвѣчалъ дядя, нагнувшись, чтобы поднять вырванные у него вещи».

«— Именемъ всемогущаго Бога приказываю тебѣ оставить эту смертоносную работу».

«— Я хочу отомстить за мою сестру, за моего брата! бѣшено причалъ дядя».

«— Богъ велить намъ прощать врагамъ,—сказалъ дѣдушка и, указывая на меня, прибавилъ:—бери примѣръ съ этого бѣднаго ребенка, который довѣрился провнѣнню и не подумалъ сдѣлаться орудіемъ наказанія, долженствующаго рано или поздно постигнуть людей, которые, объявляя, что они управляютъ во имя Бога мира и любви, на самомъ дѣлѣ превосходятъ свирѣпостью тигровъ.

«Слова патріарха произвели свое дѣйствіе, и дядя ушелъ домой...»

Обстоятельства, среди которыхъ продолжалъ Михаилъ Гильдебрандъ расти въ семьѣ своего дѣда, только усиливали въ немъ чувство негодованія къ притѣснителямъ... Одно изъ этихъ обстоятельствъ разомъ перемѣнило его судьбу, вырвало восемнадцатилѣтняго юношу изъ безмятежнаго семейства, разлучило съ двоюродною сестрою, дѣвушкою, которую онъ полюбилъ и которая тоже отдала ему свое сердце... Это случилось вечеромъ, когда семья уже собиралась опочить послѣ дневныхъ трудовъ. За дверью мирнаго домика раздались удары ружейныхъ прикладовъ и грубые голоса солдатовъ герцога Двухъ-Мостовъ. Въ это время было въ силѣ приказаніе, чтобы въ избѣ каждаго жителя мѣстечка постоянно находились кремень для высѣканія огня, трутъ, спички и лампа, а въ кухнѣ—три ушата, наполненныхъ водою. Авторъ «Дѣдушки Вандейца» не объясняетъ намъ смысла этого распоряженія, но дѣло въ томъ, что оно существовало и что солдаты герцога обратили исполненіе его въ источникъ незаконныхъ и грубыхъ поборовъ. Съ этою цѣлью пришли они теперь и въ домъ дяди Михаила Гильдебранда. Все, однако, оказалось въ исправности, кромѣ того, что въ кухнѣ, изъ трехъ ушатовъ, только два были наполнены водою. Между тѣмъ, какъ старшій изъ солдатъ, увидя, что тутъ мало надежды на поживу, составлялъ съ злобною радостью протоколъ о нарушеніи приказаній великаго герцога, Михаилъ Гильдебрандъ тайкомъ сбѣгалъ къ рѣкѣ, принесъ въ кухню воды и налилъ третій ушатъ. Между тѣмъ, протоколъ былъ оконченъ, предводитель отряда сталъ читать его и когда дошелъ до того мѣста, гдѣ говорилось, что только два ушата были съ водою, Михаилъ опровергнулъ это показаніе и попросилъ убѣдиться на дѣлѣ. Въ кухню снова былъ отправленъ одинъ изъ солдатъ. Но черезъ минуту въ кухнѣ послышалась крики. Михаилъ бросился туда; солдатъ, посланный начальникомъ, насильно обнималъ возлюбленную сердца Михаила, двоюродную сестру его Маргариту и старался поцаловать ее. Дѣвушка энергически защищалась; лицо солдата было окровавлено и покрыто парапинами. Михаилъ сильно оттолкнулъ его, солдатъ упалъ на полъ... Такой поступокъ былъ сочтенъ за государственное преступленіе; несчастнаго юношу, вступившагося за честь сестры, связали и отвели въ Гарскирпгъ, резиденцію губернатора. Тутъ его заключили въ тюрьму, а черезъ

нѣсколько часовъ, губернаторъ изрекъ приговоръ: «это бунтовщикъ, подлежащій верховному суду: отвести его подъ этапомъ въ Два-Моста. А покаместъ посадить на хлѣбъ и на воду и давать ему два раза въ недѣлю по двадцати-пяти палокъ...»

Наступилъ день этапнаго отправленія; арестантовъ сговали попарно, и шествіе двинулось въ сопровожденіи солдатъ съ заряженными ружьями.

«Съ яростью въ сердцѣ (мы продолжаемъ словами самого Гильдебранда) шелъ я, не смѣя поднять глазъ. На мосту, соединяющемъ Нейштадтъ съ Букеномомъ, голова моя помутилась. Я забылъ о существованіи моего дяди и Маргариты и, сдѣлавъ порывистое усиліе, кинулся черезъ перила моста, рѣшившись лучше утонуть, чѣмъ проходить по селамъ и деревнямъ въ цѣпяхъ, точно разбойникъ.

«Мой товарищъ по кандаламъ, человекъ толстый и здоровый, перевѣсилъ меня и снова перетянулъ на мостъ...»

«Въ дальнѣйшемъ пути онъ сказалъ мнѣ:

«— Ты хотѣлъ, молодой человекъ, лишить себя жизни, и это меня не удивляетъ. Жизнь слишкомъ отвратительна, чтобы стоило заботиться о сохраненіи ея... Но я увѣренъ, что кто безропотно переноситъ бѣдствія, посылаемыя ему, тотъ рано или поздно получитъ за нихъ и награду. Еслибъ я не имѣлъ этого убѣжденія, то не только не помѣшалъ бы тебѣ исполнить твое намѣреніе, но и раздѣлилъ бы его съ тобою, потому что я несчастіе тебя. Ты сказалъ мнѣ, что у тебя нѣтъ ни отца, ни матери, которыхъ опечалила бы твоя смерть; но неужели ты не имѣешь на свѣтѣ близкаго человека? Я несчастіе тебя, потому что меня оторвали отъ моего семейства, которое цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, даже, можетъ быть, годъ, будетъ терпѣть голодъ и холодъ, между тѣмъ какъ я буду влачить по улицамъ столицы герцога тачку колодника. Да и кто мнѣ поручится, что по возвращеніи я найду жену и дѣтей живыми, что нищета и горе не убьютъ ихъ въ мое отсутствіе?..»

Вы думаете, вѣроятно, читатель, что этотъ компаньонъ Михаила Гильдебранда — важный преступникъ? Оторвать человека отъ голодающей семьи и заковать его въ кандалы — трудно за легкій проступокъ. Да, немалое преступленіе совершилъ онъ. Послушайте, какъ рассказываетъ онъ объ этомъ нашему Михаилу:

«Разъ я жалъ у себя на полѣ хлѣбъ для зимняго запаса... По несчастью, одной самкѣ кабана пришла фантазія расположиться съ своими поросятами посреди моего поля. А ты знаешь постановленіе нашего государя: когда кабанья семья соизволитъ расположиться на нивѣ, то поселянинъ, которому принадлежитъ эта послѣдняя, не смѣетъ тревожить эту интересную семью и обязанъ оставлять нетронутымъ свой хлѣбъ на протяженіи пятидесяти шаговъ вокругъ этихъ драгоцѣнныхъ гостей, столь необходимыхъ для увеселенія нашихъ властителей. Я имѣлъ неосторожность жать на разстояніи тридцати шаговъ отъ нихъ, и

вотъ за это-то преступленіе меня вырвали изъ моего семейства, которое, какъ соучастника въ моей винѣ, заставляютъ теперь разрывать въ лѣсахъ муравейники и добывать муравьиныя яйца, необходимы для фазановъ великаго герцога.

Вообще, какъ видно изъ рассказовъ Михаила Гильдебранда, распоряженія этого влстителя отличались достаточной оригинальностью. Такъ наприимѣръ, въ числѣ тѣхъ же колодниковъ, отправлявшихся вмѣстѣ съ Михаиломъ по этапу, находился одинъ молодой человекъ, схваченный и присужденный къ тяжелому наказанію черезъ нѣсколько минутъ послѣ своей свадьбы за то, что на это вѣнчаніе онъ истратилъ сорокъ гульденовъ, тогда какъ герцогъ позволялъ расходовать на этотъ предметъ никакъ не болѣе двадцати пяти. Трогательная заботливость о матеріальномъ благосостояніи подданныхъ!

И такъ, бѣдному Михаилу предстояла горькая участь колодника въ рукахъ агентовъ жестокаго владыки. Но счастье (счастье — понятіе относительное, и потому мы рѣшаемся употребить его здѣсь) улыбнулось ему. Одна изъ стоянокъ этапа пришлась въ Блисастелѣ, резиденціи брата великаго герцога. Этотъ послѣдній потребовалъ списокъ проходившихъ арестантовъ и, прочитавъ въ немъ имя Михаила Гильдебранда, *кузнецъ*, велѣлъ снять съ него кандалы и оставилъ у себя. Дѣло въ томъ, что у принца была чрезвычайно дикая лошадь, незадолго до того приведенная изъ трансильванскихъ лѣсовъ и не позволявшая никому подойти къ ней. Михаилъ усмирить лошадь и такимъ образомъ попалъ въ милость къ принцу, который зачислилъ его въ свой уданскій полкъ. Но недолго оставался Михаилъ тутъ; скоро судьба его измѣнилась, и объ этой переиѣ нѣ мы расскажемъ его собственными словами:

«Положеніе, доставленное мнѣ принцемъ, сдѣлало меня предметомъ общаго уваженія. Независимо отъ должности полковаго кузнеца, мнѣ была поручена и курьерская должность; каждую недѣлю я развозилъ корреспонденцію моего господина съ его братьями, принцемъ Пирмасенскимъ и великимъ герцогомъ Двухъ-Мостовъ.

«Часто заставляли меня маневрировать на моемъ трансильванскомъ жеребцѣ, который не допускалъ къ себѣ никого, кромѣ меня, и эти маневры доставляли имъ неописанное удовольствіе. Они обращались со мною почти какъ съ человекомъ, тогда какъ на остальныхъ своихъ подданныхъ смотрѣли съ презрѣніемъ, какъ на животныхъ.

«Особенно великій герцогъ былъ человекъ, вселявшій страхъ и отвращеніе; на губахъ его постоянно была одна изъ тѣхъ улыбокъ, которыя доводятъ иронію до оскорбленія, пренебреженіе — до самаго подавляющаго презрѣнія. Надменный и сварливый, онъ только и старался, что объ усовершенствованіи себя въ искусствѣ дѣлать зло. Такъ наприимѣръ, очень любилъ запираить нѣсколько несчастныхъ евреевъ во дворѣ сво-

его замка и спускать на них оленей, которые гонялись за этими жертвами и прокалывали их рогами. Сидя на балконе съ своими приближенными, принц хохотал до упаду при видѣ судорожныхъ движеній несчастныхъ, тревожной поспѣшности, съ которою они старались добѣжать до какого-нибудь дерева, чтобы взлѣзть на него и тѣмъ защититься отъ ярости оленей. Случилось однажды, что одинъ олень, кинувшись къ дереву, на которое вскарабкался еврей, переломилъ себѣ рогъ о стволъ дерева; великій герцогъ велѣлъ до крови высѣчь несчастнаго еврея, виновника этого случая. Всѣ приближенные раздѣляли веселость повелителя. Только одинъ изъ нихъ оставался грустнымъ, и негодование часто отражалось на его лицѣ.

«Это былъ графъ Эренштейнъ, главный шталмейстеръ принца.

«Каждый разъ, какъ ему приходилось оставаться со мною наединѣ, я находилъ его крайне привѣтливымъ; онъ занимался французскимъ языкомъ и говорилъ на немъ довольно правильно; часто онъ звалъ меня въ свой домъ, водилъ въ свою библиотеку и спрашивалъ объясненія нѣкоторыхъ терминовъ, которыхъ не понималъ.

«По временамъ онъ вынималъ изъ потайныхъ ящиковъ нѣсколько томовъ сочиненій Вольтера, «Соціальный Договоръ» Жанъ-Жака Руссо, французскіе журналы и рѣчи Мирабо. Онъ перевелъ все это на нѣмецкій языкъ и хотѣлъ прочесть великому герцогу съ тѣмъ, чтобы посовѣтовать ему обращаться съ подданными болѣе человѣчно. Но герцогъ не захотѣлъ и слушать, осмѣялъ совѣтника и сказалъ, что онъ, вмѣсто того, чтобы уменьшить строгость, еще удвоить притѣсненія, какъ единственное средство держать бездѣльниковъ въ рукахъ.

«Но когда началась французская революція, когда извѣстіе о взятіи Бастиліи дошло до великаго герцога, онъ пришелъ въ неописанное бѣшенство.

«Однажды, принцъ Блискартельскій послалъ меня съ письмомъ къ великому герцогу, и тутъ я былъ свидѣтелемъ неслыханной сцены. Прочитавъ письмо, великій герцогъ немедленно сбѣжалъ въ дворъ, съ письмомъ въ одной рукѣ и хлыстикомъ въ другой. Ломаю и уничтожая все, попадавшееся ему подъ руку, ругаясь какъ бѣшеный, онъ билъ хлыстомъ всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ и неустово требовалъ къ себѣ шталмейстера. Тотъ прибѣжалъ.

«— Видите,—закричалъ герцогъ — къ чему повели уступки, сдѣланныя королю Франціи своимъ подданнымъ; эти мерзавцы разрушили Бастилію... Это должно весьма радовать васъ, графъ; вѣдь вы такой энергическій заступникъ бунтовщиковъ...

«— Но, ваше... началъ—было шталмейстеръ.

«— Молчать!—бѣшено крикнулъ герцогъ, замахнувъ хлыстикомъ. — Исполняйте мое приказаніе. Немедленно снарядить курьера для отправленія въ Гарсвиршъ.

«И, увидѣвъ въ эту минуту меня, онъ прибавилъ:

«— Вотъ онъ сдѣлаеть это. Будь готовъ. Осѣдай лошадь и ожидай моихъ приказаній.

«Черезъ четверть часа я уже скакалъ съ денешюю къ графу Дегенфельду, губернатору одной изъ провинцій.

«Я былъ внѣ себя отъ радости; я тотчасъ-же сообразилъ, что мнѣ придется проѣзжать чрезъ село, гдѣ жили мой дядя и Маргарита, и можно будетъ объявить имъ, что такъ-какъ во Франціи народъ провозгласилъ свои права, то и за нами дѣло не станеть.

«Немогу описать радость моихъ добрыхъ родственниковъ, когда они увидѣли меня.

«— Это только начало, — горячо сказалъ мой дядя: — мы тоже скоро будемъ освобождены... Однако, тебѣ нельзя медлить; вези скорѣй письмо къ графу...

«По возвращеніи въ Два-Моста, я отправился къ шталмейстеру и отдалъ ему отвѣтъ отъ графа Дегенфельда. Меня очень испугала перемена, которую я нашелъ на его лицѣ; онъ былъ почти неузнаваемъ и походилъ на привидѣніе. Глаза его страшно сверкали.

«— Мой бѣдный Михаилъ, — сказалъ онъ мнѣ — торжественная минута приближается; ослѣпленіе князей дошло до такой степени, что для нихъ нѣтъ больше спасенія. Они думаютъ, что, продолжая оскорблять человѣчество, этимъ укрѣпятъ свою тиранію; но они только ускоряютъ минуту паденія. Народъ нашъ скоро проснется, и это будетъ пробужденіе льва... Нашъ герцогъ—продолжалъ онъ—былъ настолько гнусенъ, что замахнулся на меня хлыстомъ... Къ несчастію, онъ не ударилъ меня;—да, къ несчастію, потому что тогда я проткнулъ бы его шпагой.

«— Стало бытъ, онъ продолжаетъ идти наперекоръ всѣмъ?

«— Да. Его бѣшенство дошло до невѣроятныхъ размѣровъ. Ему кажется, что если онъ явится снисходительнымъ, то этимъ докажетъ свою слабость; поэтому, онъ становится все строже и строже, и каждый день изобрѣтаеть съ своими двумя братьями новыя притѣсненія.

«Одинъ изъ этихъ братьевъ, принцъ Пирмасенскій, имѣлъ смѣшную манію—играть въ солдаты. У него было ихъ двѣтри дюжины, и онъ заставлялъ ихъ маневрировать день и ночь; сегодня онъ одѣвалъ ихъ артиллеристами, завтра—кавалеристами, и т. д. Каждый изъ нихъ имѣлъ пять или шесть различныхъ мундировъ. Однажды ему пришла даже фантазія превратить ихъ въ пловцовъ. Въ полночь забили тревогу; несчастные были принуждены немедленно вскочить съ постели, навѣшчить на себя нѣчто въ родѣ сѣдла, на которомъ было уложено ихъ платье и ружье, и броситься въ рѣку. Одни изъ нихъ утонули, другіе умерли отъ воспаления въ груди.

«Другой братъ, принцъ Блискарстельскій, имѣлъ другую страсть—

къ охотѣ, и удовольствоялъ ее самымъ гнуснымъ образомъ, портя и уничтожая жатву, отрывая поселянъ отъ полевныхъ работъ, запрещая имъ выходить изъ дому, чтобы не пугать дичь.

«У него было болѣе двухсотъ собакъ, отданныхъ на попеченіе мельникамъ его помѣстій, которые должны были кормить ихъ даромъ.

«Но когда французская революція приняла болѣе обширные размѣры и альзасскіе крестьяне разрушили стѣны парковъ кардинала Рогана, имѣвшаго резиденцію въ Совернѣ, — тогда мельники графства Блискастельскаго, которымъ надоѣло кормить даромъ княжескихъ собакъ, рѣшились избавиться отъ этого бремени. Они сговорились между собою, и большая часть этихъ собакъ погибла, будто бы отъ эпидемической болѣзни.

«Когда осенью возобновилось время охоты, принцъ Блискастельскій велѣлъ совзвать всѣхъ мельниковъ; тѣ явились съ своими питомцами—собаками.

«Увидѣвъ незначительное число этихъ послѣднихъ, принцъ пришелъ въ бѣшенство.

«— Вы уморили моихъ бѣдныхъ собакъ,—кричалъ онъ—вы, мерзавцы, вѣроятно, даже отравили ихъ... Но я накажу васъ, вы сами заступите мѣсто умершихъ собакъ.

«Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, началась охота. Великій герцогъ прѣхалъ изъ Двухъ-Мостовъ, въ сопровожденіи шталмейстера, графа Эренштейна. Мнѣ было приказано сопровождать его. Великій герцогъ на превосходной породистой лошади, шталмейстеръ — на арабскомъ жеребцѣ, а я — на моемъ трансильванцѣ.

«Охотники разсыпались въ разныя стороны.

«Заѣхавъ въ густую рощу, мы вдругъ услышали въ кустахъ какой-то необыкновенный лай; наши лошади наострили уши... Великій герцогъ остановился, велѣлъ мнѣ спѣшиться и осмотрѣть таинственный кустъ. Я осторожно раздвинулъ вѣтви и увидѣлъ двухъ мельниковъ, которые ходили на четверенькахъ и старались, какъ могли, выполнить смѣшную роль, навязанную имъ.

«Когда я донесъ великому герцогу о своемъ открытіи, онъ расхохотался и сказалъ:

«— Мой братъ говорилъ мнѣ объ этой выдумкѣ... Онъ на такіа штуки мастеръ... Это прелестно... Поспѣшимъ къ нему, я хочу какъ можно скорѣе похвалить его... Вотъ такими средствами показываютъ этимъ негодяямъ всю ихъ ничтожность и отнимаютъ у нихъ всякую охоту бунтовать.

«Тутъ онъ сильно прищипорилъ лошадь; не привывши къ такому обращенію, она прыгнула въ сторону, и правая нога ея расковалась.

«— Экая досада! закричалъ герцогъ съ гнѣвомъ.

«— Бѣду можно скоро поправить, замѣтилъ шталмейстеръ:—

у него (онъ показавъ на меня) въ сумкѣ есть все, необходимое для этого.

«Между тѣмъ, какъ я приготовлялъ и раскладывалъ инструменты, великій герцогъ сказалъ графу Эренштейну:

«— Приведите-ка ко мнѣ этихъ собакъ въ новомъ родѣ. Пусть они доползутъ на четверенькахъ.

«— Но, ваше высочество, осмѣлился замѣтить шталмейстеръ: — человѣчность повелѣваетъ намъ...

«— Никто, кромѣ меня, не повелѣваетъ здѣсь, строго перебилъ его герцогъ: — вмѣсто того, чтобы давать мнѣ наставленія, вы бы лучше исполняли свое дѣло, г. шталмейстеръ. Извольте сейчасъ же подковать мою лошадь.

«— Но, ваше высочество, сказалъ графъ, поблѣднѣвъ отъ негодованія: — этотъ мальчишъ лучше меня...

«— Да, конечно, онъ лучше васъ знаетъ свое дѣло; вы сами въ этомъ сознаетесь, стало быть, вы при моемъ дворѣ не что иное, какъ паразитъ, предметъ роскоши, содержаніе котораго мнѣ стоить очень дорого. Однако, что попусту тратитъ слова, — извольте приниматься за дѣло.

«Графъ взялъ у меня молотокъ... Онъ былъ страшно взволнованъ... Я дрожалъ, потому что предвидѣлъ неизбежную катастрофу.

«Я положилъ ногу лошади къ себѣ на колѣно, и графъ началъ прилаживать къ ней подкову. Руки его дрожали.

«— Вы очень неловки, г. шталмейстеръ, сказалъ принцъ съ насмѣшливой улыбкой:—надо будетъ вамъ взять нѣсколько уроковъ у этого мальчиша.

«Сухой звукъ раздался на копытѣ бѣдной лошади, и она повалилась на бокъ, съ переломанной ногой.

«Герцогъ, съ пѣной у рта, въ принадлежіи неописаннаго бѣшенства, пошелъ прямо къ шталмейстеру; но тотъ вдругъ сдѣлался совершенно спокойнымъ, вынулъ пистолетъ и направилъ его на герцога; герцогъ остановился, какъ вкопанный.

«— Твоя жизнь въ моихъ рукахъ! вскричалъ графъ, взводя курокъ.

«Герцогъ прислонился къ дереву; смертная блѣдность покрывала его лицо.

«— Теперь ты струсилъ, презрительно сказалъ графъ. — Ты жалокъ... Успокойся... ты не стоишь пистолетнаго заряда.

«Съ этими словами, онъ выстрѣлилъ на воздухъ, кинулъ пистолетъ къ ногамъ герцога, вскочилъ на лошадь и крикнулъ мнѣ: — За мной! Ыдемъ!

«Мы пришипорили лошадей, помчались по дорогѣ къ Франціи и вечеромъ были въ Виттѣ.

«Губернаторъ принялъ насъ очень благосклонно, тотчасъ же распорядился о нашемъ помѣщеніи, и скоро мы спокойно отдыхали послѣ столькихъ тревогъ и такой усталости.»

Михаилъ Гильдебрандъ поступилъ во французскую армію. Мы говорили выше, что онъ былъ французъ по происхожденію, — теперь онъ сдѣлался французомъ на самомъ дѣлѣ. Въ это время была провозглашена республика. Дальнѣйшее теченіе разсказа представляетъ Михаила сражающимся подъ предводительствомъ знаменитѣйшихъ генераловъ, сперва временъ республики, потомъ консульства. Мысль о мщеніи ландграфу Гессенскому, эта Аннибалова клятва, данная имъ въ юности, не оставляетъ его, но осуществить ее ему не удастся: ландграфъ бѣжалъ куда-то, какъ и многіе изъ его собратьевъ... Въ этой картинѣ походовъ, авторъ набрасываетъ намъ нѣсколько свѣтлыхъ, но рядомъ съ ними и темныхъ эпизодовъ. Такъ, на примѣръ, является здѣсь на сценѣ извѣстный Карье. «Я всегда думалъ, говоритъ Михаилъ: — что этотъ злодѣй былъ нанятъ эмигрантами для того, чтобы сдѣлать республику ненавистною для всѣхъ, совершая во имя ея величайшія преступленія, какія только можетъ изобрѣсть дьяволъ... Посланный національнымъ конвентомъ въ Бандею, въ качествѣ главнаго комиссара, Карье связывалъ попарно мужчину и женщину, сажалъ ихъ въ лодку съ подъемнымъ дномъ и вывозилъ въ море; тамъ люкъ лодки открывали, и бѣдныя жертвы исчезали въ волнахъ. Эти страшныя казни Карье цинически называлъ *республиканскими браками*».

Въ то время, когда мы застаемъ Михаила Гильдебранда, ему уже семьдесятъ лѣтъ. Онъ давно вышелъ въ отставку, и живетъ спокойно среди своихъ дѣтей и внучатъ, занимаясь преимущественно пчеловодствомъ. Пчелъ онъ любитъ не даромъ: онѣ наводятъ его на размышленія. — «Знаете ли — говоритъ онъ, сѣдя передъ пчелинымъ ульемъ и глядя, какъ пчелы убиваютъ трутней и выбрасываютъ ихъ: — знаете ли, почему онѣ дѣлаютъ это? Потому что не хотятъ, чтобы медъ, который собранъ ими съ такимъ трудомъ, былъ поѣдаемъ этими лѣнтяями. А мы, люди, ограничиваемся тѣмъ, что удивляемся здравому смыслу этихъ маленькихъ животныхъ, говоримъ, что это инстинктъ...»

Много перестрадалъ, много вынесъ Михаилъ, и чѣмъ же увѣнчались надежды и ожиданія его, а стало быть, и многіхъ, подобныхъ ему? На этотъ счетъ послушайте его самаго, припомнимъ, что эти слова говоритъ онъ въ то время, когда во Франціи уже воцарилась младшая вѣтвь Бурбоновъ:

«Не разъ спрашивалъ я самъ себя: неужели мы двадцать пять лѣтъ боролись только для того, чтобы придти снова на то мѣсто, изъ котораго вышли? Послѣ всей этой борьбы, всѣхъ этихъ жертвъ, у насъ на плечахъ снова очутились Бурбоны, а съ ними возвратились и всѣ старыя злоупотребленія.

«Я жилъ — продолжаетъ онъ — подъ владычествомъ ландграфа Гессенскаго, потомъ герцога Двухъ-Мостовъ; послѣ я ви-

дѣлъ республику, директорію, консульвъ, имперію, Бурбоновъ старшей вѣтви. Все это исчезло.

«Теперь мы живемъ подѣ властью младшей вѣтви Бурбоновъ; сколько времени просуществуетъ она? Одинъ Богъ знаетъ это и, можетъ быть, прежде, чѣмъ сойти въ могилу, я снова увижу перемиѣну. Да, не знаю, какъ это дѣлается, но я всегда замѣчалъ, что нѣкоторые изъ сильныхъ міра сего, сначала управляющіе какъ слѣдуетъ, подѣ конецъ становятся черезчуръ требовательными, теряютъ голову и смотрятъ на другихъ людей, какъ на машины, которыми можно управлять, какъ угодно... Но вѣдь и машины не позволяютъ, чтобы ими произвольно распорядились машинисты ослѣпленные и несвѣдущіе: я слышалъ, что въ прошедшемъ году пароходъ, плавающій между Мангеймомъ и Майнцемъ, взорвало на воздухъ вслѣдствіе того, что машинистъ, видѣсто того, чтобы выпустить излишніе пары, слишкомъ сильно завернулъ кранъ. Правда ли, что этотъ пароходъ взорвало?»

«—Да—отвѣчаетъ ему нашъ авторъ словами, часть которыхъ мы уже приводили выше — да, мой старый другъ, къ несчастію, это правда. Но къ счастью, въ рудникахъ остается много желѣза, а въ лѣсахъ — много дубовъ, чтобы дѣлать другія машины; земля же будетъ всегда производить достаточно хлѣба для пропитанія людей на мѣсто тѣхъ, которыхъ огонь или желѣзо принесутъ въ жертву честолюбію. Богъ будетъ жить вѣчно и придетъ день, когда разумъ и справедливость сдѣлаются, послѣ Бога, единственными рѣшителями судьбы міра».

Въ той же самой мѣстности, т.-е. во владѣніяхъ герцога Двухъ-Мостовъ, перешедшихъ потомъ, какъ мы видѣли, къ Франціи, происходитъ дѣйствіе и другаго новаго разсказа Шатриана: «Единственный въ своемъ родѣ цирюльникъ». Но тутъ уже нѣтъ ни малѣйшаго политическаго элемента; этотъ разсказъ — остроумный этюдъ двухъ характеровъ. На первомъ планѣ, какъ видно изъ самаго заглавія, цирюльникъ; это — нашъ Хлестаковъ, только, само собою разумѣется, съ своими національными чертами. Другой характеръ — отставной солдатъ, пріятель уже знакомаго намъ «дѣдушки Вандейца», составляющій совершенную противоположность цирюльнику Хлестакову. Старикъ Фрейдингеръ (такъ зовутъ нашего ветерана) — пытливая натура простаго человѣка, непросвѣщеннаго наукой, но постоянно стремящагося къ ней. Во время своихъ походовъ онъ практически выучился медицинѣ и особенно хирургіи у докторовъ, дѣлавшихъ на его глазахъ всевозможныя операціи; въ отставкѣ эти знанія примѣняетъ онъ на практикѣ, лечя поселанъ весьма удачно и разумно. При этомъ онъ постоянно читаетъ, стараясь удовлетворить, по мѣрѣ возможности, своей жаднѣ знанія.

Особенными достоинствами рассказ не блещетъ. Передать его содержаніе мы не беремса, такъ-какъ тутъ все дѣло въ отдѣльныхъ частяхъ, въ очеркѣ характеровъ. Но считаемъ интереснымъ остановиться на одной сценѣ. Извѣстно, какъ хорошо знаютъ иностранцы, и особенно французы, русскій бытъ. Писатели талантливые и добросовѣстные не особенно отличаются въ этомъ отношеніи отъ всей своей дюжинной братьи, и доказательство этого мы встрѣчаемъ теперь даже у Шатриана. Между прочими исторіями, ветеранъ Фрейдингеръ рассказываетъ ему одинъ эпизодъ изъ исторіи 1815 г., когда русскія войска пришли во Францію. Сущность эпизода состоитъ въ томъ, что русскіе солдаты получили отъ своего начальства строгое приказаніе не грабить жителей, подѣ опасеніемъ смертной казни. По мнѣнію рассказчика, это распоряженіе было сдѣлано только для того, чтобы «умѣрить чувство ужаса, которое было внушено французамъ этимъ нашествіемъ иноплеменныхъ». Но нѣсколько солдатъ нарушили приказаніе и тогда главнаго зачинщика постигло наказаніе. Вотъ въ описаніи этого наказанія и состоитъ главный курьезъ эпизода. Рассказавъ о допросѣ обвиненнаго, Фрейдингеръ продолжаетъ такъ:

«Судьи совѣтовались между собою, потомъ одинъ изъ офицеровъ написалъ нѣсколько строкъ на лоскутѣ бумаги, лежавшемъ на барабанѣ. Всѣ члены совѣта подписались.

«Послѣ этого полковникъ приказалъ пробить сигналъ, снялъ шляпу и прочелъ вслухъ роковой приговоръ.

«Раздались заунывные звуки барабана, и всѣ присутствующіе перекрестились три раза.

«Тогда старикъ съ большою сѣдою бородой, одѣтый въ черное платье, подошелъ къ плѣннику и поставилъ его на колѣни.

«Хирургъ, подлѣ котораго я стоялъ, сказалъ мнѣ, что это русскій священникъ, пришедшій сюда, чтобъ исповѣдовать осужденнаго, котораго вслѣдъ за тѣмъ *убьютъ камнями* (!). Я, старый солдатъ, вздрогнулъ отъ ужаса при мысли, что русскіе, *вмѣсто того, чтобы разстрѣлять преступника, убьютъ его такимъ варварскимъ способомъ!*

«Въ это время дьячекъ началъ колотить въ большую мѣдную доску, которая называется, сколько я помню, *гомъ* (?), и замѣняетъ у русскихъ, въ походѣ, колокола.

«Всѣ упали тотчасъ же на колѣни и, обратившись лицомъ къ востоку, быстро и нѣсколько разъ перекрестились. Священникъ началъ читать молитвы... А въ это время рабочіе складывали огромную грудку камней, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ рва, который копали тутъ-же саперы...

«Когда все было готово, несчастнаго подвели къ рву. Ему развязали руки для того, чтобы онъ могъ креститься, и поставили его на колѣни... Онъ ждалъ... Но вдругъ поднялъ умоляющій взоръ къ небу и сказалъ нѣсколько словъ порусски.

«— Что говоритъ этотъ бѣдный человекъ? спросилъ я у хи-

руга. — Онъ зоветъ свою мать, просить ее стать на колѣни передъ образами Богородицы и св. Николая и умолять ихъ, чтобы они смягчили сердце его судей...

«Но вотъ полковой адъютантъ сталъ передъ взводомъ солдатъ, назначенныхъ для производства экзекуціи, обнажилъ саблю и подавъ сигналъ къ убійству...

«Взводъ двинулся. Въ рукахъ у каждаго солдата было по два камня. Подходя къ осужденному, онъ останавливался и *пускалъ этими камнями въ несчастнаго...* Первый камень попалъ ему въ грудь. Онъ зашатался и въ ту минуту, какъ падалъ, другой камень полетѣлъ ему въ руку, на которую онъ опирался, и переломилъ ее... Лишенный этой точки опоры, несчастный повалился, спуская отчаянные крики... Онъ скатился въ ровъ, и тогда солдатамъ было приказано доканать его. Къ счастью, одинъ изъ нихъ попалъ въ голову жертвы, мозгъ которой брызнулъ при этомъ на присутствующихъ...»

Такъ вотъ какіе интересные и достовѣрные факты прибавляютъ французскіе рассказчики къ исторіи русскаго уголовного законодательства!

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

Нѣсколько словъ въ память покойнаго А. С. Даргомыжскаго. — Участь посмертнаго его произведенія «Каменный гость». — Новая опера «Вильямъ Ратклифъ», соч. г. Кюи. — Очеркъ содержанія этой оперы. — Разборъ музыки. — Нѣсколько словъ о повѣтріи, называемомъ «Patti-manía». — Перечень оперъ, въ которыхъ участвовала г-жа Патти.

Русскій музыкальный міръ потерпѣлъ новую горестную утрату. 5-го января текущаго года скончался Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій, авторъ «Русалки». Смерть поразила его въ то время, когда душа его переполнена была творческою заботою — привести къ окончанію обширный, горячо взлелѣянный трудъ, а именно оперу «Каменный гость», написанную на подлинный текстъ А. С. Пушкина, безъ малѣйшаго пропуска и безъ измѣненій.

Тѣ, которые знаютъ, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ художникъ ожидаетъ той минуты, когда глубоко задуманная, выстраданная имъ, можно сказать, мысль предстанетъ на свѣтъ Божій, поймутъ, какое горестное чувство долженъ былъ испытать покойный Александръ Сергѣевичъ, умирая преждевременно, за минуту, такъ сказать, до осуществленія взлелѣянныхъ имъ надеждъ.

Значеніе покойнаго въ исторіи русскаго музыкальнаго искусства такъ велико, что мы считаемъ долгомъ представить нашимъ читателямъ извлеченіе изъ некролога, написаннаго на француз-

скомъ языкѣ известнымъ нашимъ композиторомъ г. Сѣровымъ, составленнаго, по словамъ его, изъ автобіографіи самого покойнаго Александра Сергѣевича. При этомъ, мы не считаемъ, однакоже, излишнимъ сдѣлать оговорку, упомянуть, что мы вовсе не раздѣляемъ воззрѣній г. Сѣрова, какъ насчетъ *нелогическихъ мѣстоцевъ*, окружавшихъ будто бы Даргомыжскаго въ послѣдніе годы его жизни, такъ и насчетъ оцѣнки авторомъ «Юднѣи», какъ произведеній покойнаго Александра Сергѣевича, такъ и таланта его вообще.

Г. Сѣровъ начинаетъ некрологъ заявленіемъ, что онъ лично знакомъ былъ съ покойнымъ А. С. двадцать лѣтъ, усердно слѣдилъ за артистическою его карьерою, первый оцѣнилъ печатно главное его произведеніе «Русалку» и, вслѣдствіе этого, почитаетъ себя вправѣ болѣе, чѣмъ кто-либо въ мірѣ, высказаться насчетъ личности композитора, занимающаго почетное мѣсто въ лѣтописяхъ русской музыки*.

Засимъ г. Сѣровъ приводитъ слѣдующія данныя. «Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій родился, — говоритъ онъ, — въ февралѣ мѣсяцѣ 1813 года, въ имѣніи, принадлежавшемъ родителямъ его дворянскаго происхожденія. Въ 1817 году, т.-е. будучи четырехъ лѣтъ, А. С. перевезенъ былъ въ Петербургъ, гдѣ и получилъ домашнее, полу-французское воспитаніе, согласно тогдашней модѣ, и съ дѣтства выказалъ уже замѣчательныя способности къ музыкѣ, составившей въ то время предметъ занятій и упражненій большинства членовъ семейства А. С.

Подъ руководствомъ нѣкоторыхъ артистовъ и, между прочимъ, Шоберлехнера, ученика знаменитаго Гуммеля, молодой Даргомыжскій скоро сдѣлался замѣчательнымъ промежду музыкантовъ-любителей того времени и пианистомъ и скрипачемъ.

По восемнадцатому году онъ испробовалъ уже свои композиторскія силы, сочинивъ нѣсколько концертныхъ пьесъ для фортепіано и скрипки и нѣсколько романсовъ, заслужившихъ известность.

* По случаю этого намъ сообщена слѣдующая замѣтка: «Г. Сѣровъ утверждаетъ въ 9 № «Journal de St.-Petersbourg», что онъ былъ первый изъ музыкальныхъ рецензентовъ, оцѣнившій печатно «Русалку» Даргомыжскаго, и что всѣ послѣдующія статьи объ этой оперѣ были ничто иное, какъ копія или парафраза съ высказанныхъ уже прежде мнѣній г. Сѣрова. Немедленно по исполненіи «Русалки», въ маѣ мѣсяцѣ 1856 года, тотчасъ же появились статьи въ «Сѣверной Пчелѣ» за подписью Ростиславъ. Таковыя статей написано было четыре. Впослѣдствіи онѣ собраны были въ отдѣльную брошюру, на которой значится помѣтка цензора Елагина «Печатать дозволяется» и пр. и пр. 26 іюня 1856 года. Статьи г. Сѣрова появились въ концѣ іюня. Стоитъ сопоставить эти числа для того, чтобы убѣдиться, что г. Сѣровъ не можетъ похвалиться первенствомъ въ оцѣнкѣ «Русалки», о чемъ, впрочемъ, свидѣтельствуетъ также письмо покойнаго Даргомыжскаго къ Ростиславу, начинающееся слѣдующими словами: «Спасибо тебѣ, любезный другъ, ты *первый* понялъ и оцѣнилъ мою «Русалку» и пр. и пр.»

Въ 1833 году Даргомыжскій лично познакомился съ М. И. Глинкою, и, несмотря на значительную разницу лѣтъ (А. С. былъ десятью годами моложе Глинки), между ними установилась дружба, непрекращавшаяся въ теченіе четверти столѣтія, т.-е. до самой смерти М. И. Глинки.

Въ то время Глинка не былъ еще извѣстенъ, какъ оперный композиторъ, но для небольшого кружка его пріятелей извѣстны были уже нѣкоторые нумера «Жизни за Царя», которые, исполненные (весьма неудовлетворительно) домашнимъ оркестромъ князя Юсупова, приводили въ восторгъ тогдашнюю молодежь (въ 1834).

Примѣръ Глинки сильно подѣйствовалъ на Даргомыжскаго. Онъ глубже сталъ вникать въ дѣло и понялъ необходимость болѣе строгаго, серьезнаго изученія теоріи искусства.

Послѣ нѣсколькихъ опытовъ въ дѣлѣ оркестрованія, Даргомыжскій смѣло приступилъ къ сочиненію большой оперы. Подъ вліяніемъ тогдашнихъ стремленій и полу-французскаго своего воспитанія, Даргомыжскій захотѣлъ подражать Гадлеви и Мейерберу и избралъ сюжетомъ для первой своей оперы «Лукрецію Борджіа», драму Виктора Гюго.

Впрочемъ, опера осталась недоконченною. Г. Сѣровъ утверждаетъ, что причиною тому, во первыхъ, собственное сознаніе Даргомыжскаго въ томъ, что онъ избралъ сюжетъ, несоотвѣтствующій характеру своего таланта, и во вторыхъ, совѣты покойнаго В. А. Жуковскаго, убѣдившаго молодаго композитора, что писать оперу для Россіи на подобный сюжетъ, по меньшей мѣрѣ, несвоевременно.

Намъ сдается, что первая причина, т.-е. выборъ сюжета, несоотвѣтствующаго характеру таланта Даргомыжскаго, болѣе основательна, потому что, несмотря на совѣтъ Жуковскаго, мы видимъ, что молодой композиторъ все-таки избралъ опять для новаго труда сюжетъ ультра-романтическій, а именно Эсмеральду, почерпнутый изъ романа Виктора Гюго «Notre Dame de Paris».

Въ 1839 году «Эсмеральда», большая пятнадцатая опера, была совершенно окончена, но бѣдный композиторъ подвергнулся тяжелому испытанію. Восемь лѣтъ томился онъ въ ожиданіи постановки на сцену перваго своего произведенія, восемь лѣтъ обивалъ онъ пороги театральнаго дирекціи, и только въ 1847 году добился, наконецъ, желаннаго, да и то не на петербургской, а на московской сценѣ.

Г. Сѣровъ утверждаетъ, что успѣхъ «Эсмеральды», какъ въ Москвѣ, такъ въ послѣдствіи и въ Петербургѣ, гдѣ опера эта была поставлена въ 1851 г. на Александринскомъ театрѣ, былъ весьма сомнителенъ.

Повѣрить это показаніе нѣтъ никакой возможности. О самой оперѣ мы имѣемъ весьма смутное понятіе, а музыкальной критики у насъ въ то время почти что не существовало. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что «Эсмеральда» не имѣла успѣха, вопер-

выхъ, потому, что она написана была на манеръ мейерберовскихъ оперъ, съ которыми соперничать начинающему композитору пришлось не по силамъ, а восторжъ, что въ то время наша публика вкуса уже отъ двухъ сочныхъ плодовъ русскаго искусства («Жизнь за Царя» и «Русланъ») и требовала отъ національныхъ композиторовъ не подражанія, а самостоятельности.

«Торжество Вакха», «анакреонтическій балетъ-опера», по выраженію г. Сѣрова, написано было послѣ «Эсмеральды», но намъ не удалось видѣть этого произведенія на здѣшной сценѣ.

Неудачныя эти оперныя попытки не обезкуражили, однако, совершенно А. С. Онъ понялъ, что для нашей сцены нуженъ русскій сюжетъ и менѣе или болѣе русскій складъ музыкальной рѣчи. Къ счастью, выборъ его на этотъ разъ былъ весьма удаченъ. Онъ избралъ для новой оперы «Русалку» Пушкина и горячо принялся за дѣло. Хотя между постановкою въ Москвѣ «Эсмеральды» и постановкою «Русалки» въ Петербургѣ прошло около 9-ти лѣтъ, но есть поводъ предполагать, что Даргомыжскій не упадалъ духомъ, потому что въ теченіе этого времени онъ написалъ множество романсовъ, и приобрѣлъ значительную извѣстность въ нашихъ артистическихъ и любительскихъ кружкахъ.

Наконецъ, въ 1856 году * появилась на здѣшной сценѣ «Русалка», и, къ сожалѣнію, успѣхъ ея далеко не соответствовалъ ни достоинству этой оперы, ни ожиданіямъ, какъ самого композитора, такъ и людей компетентныхъ, слышавшихъ «Русалку» на репетиціяхъ.

Это очень огорчило покойнаго Александра Сергѣевича, и мы помнимъ, какъ онъ горько жаловался на равнодушіе и даже на неразвитость (въ музыкальномъ отношеніи) нашей публики. Даргомыжскій былъ правъ, потому что та же опера, безъ малѣйшаго измѣненія, только съ перемѣною нѣкоторыхъ исполнителей, десять лѣтъ спустя, т.-е. въ 1866 году, привела въ восторгъ нашу публику, и окончательно упрочила за ея авторомъ славу отличнаго опернаго композитора.

Слишкомъ одиннадцать лѣтъ прошло со времени первой постановки «Русалки» до роковаго дня кончины А. С. Даргомыжскаго, а о новомъ сценическомъ трудѣ даровитаго композитора не слыхать было, и только въ концѣ прошлаго года распространился слухъ, что А. С. оканчиваетъ музыку на подлинный текстъ поэмы А. С. Пушкина «Каменный гость».

По особому неблагоприятному стеченію обстоятельствъ, оперу эту намъ не только не удалось слышать (исполненную любителями при акомпанементѣ самого композитора, какъ посчастливилось нѣкоторымъ), но даже видѣть ее въ рукописи; вслѣдствіе этого, для пополненія очерка композиторской дѣятельности покойнаго А. С., мы выпишемъ здѣсь нѣсколько словъ, помѣщен-

* А не въ 1855, какъ сказано ошибочно въ январскомъ обзорѣи.
Т. СLXXXIII - Стр. II.

никъ въ 6 № «Современной Лѣтописи». Означенная статья написана г. Ларошемъ, бывшимъ ученикомъ здѣшней консерваторіи. Вотъ что говорить о «Каменномъ гостѣ» молодой писатель:

«... Незадолго до смерти, Даргомыжскій принялся за новое большое сочиненіе, которое должно было увѣнчать его творческую дѣятельность — но которое онъ не вполне окончилъ. (По другимъ достовернымъ свѣдѣніямъ опера вполне окончена, только еще не инструментована. Рукопись, говорятъ, поручена г. Кюя; инструментовкою же, согласно волѣ покойнаго, займется молодой композиторъ г. Римскій-Корсаковъ, блистательно ознаменовавшійся уже нѣкоторыми симфоническими произведеніями).

«Впрочемъ, слово *опера*, продолжаетъ г. Ларошъ, здѣсь не совсѣмъ точно, ибо между обычными операми и тѣмъ смѣлымъ, рѣшительнымъ нововведеніемъ, которое задумалъ Даргомыжскій, написавъ «Каменный гость», очень мало общаго. Композиторъ задаясь мыслью написать музыку на подлинный текстъ Пушкина, сохраняя его вполне и не подвергая его ни малѣйшей пердѣлкѣ, какъ то всегда дѣлалось доселѣ для *либретто*. Вся музыка обращена въ девламацію, вся опера состоитъ изъ речитативовъ: обычныя формы арій и т. д. покинуты окончательно, ансамблей и хоровъ нѣтъ вовсе.

«Между тѣмъ *центр композиціи* лежитъ все-таки въ пѣніи, а не въ оркестрѣ—и вотъ одно изъ главнѣйшихъ различій между Даргомыжскимъ и Вагнеромъ. Тончайшій психическій анализъ—необыкновенная отчетливость музыки, которымъ отличается *Каменный гость*, доказываютъ, что не одні иллюзіи поэта влекли нашего композитора на эту оригинальную попытку, но что онъ писалъ по дѣйствительному внутреннему призыву. *Каменный гость* есть самое глубокое и сильное изъ произведеній Даргомыжскаго. Будущность покажетъ, насколько реформа современной оперы, замысленная русскимъ художникомъ, осуществится на практикѣ, и насколько можно считать его «Каменный гость» родоначальникомъ новаго направленія. Но ужъ въ настоящее время можно оцѣнить индивидуальное значеніе этого замѣчательнаго сочиненія, ту глубокую драматическую жизнь, которой оно пренеполнено; теперь уже выяснилось оригинальное значеніе его автора для искусства, и съ тѣмъ вмѣстѣ живѣе и больнѣе чувствуется въ русскомъ сердцѣ тотъ тяжкій ударъ, которымъ безвременная смерть его поразила соотечественниковъ».

Проверить точность этого показанія мы не можемъ, за немѣнѣемъ, какъ сказано выше, никакого понятія о послѣднемъ трудѣ покойнаго композитора — но во всякомъ случаѣ мы глубоко сочувствуемъ мысли, выраженной г. Ларошемъ, и вполне убѣждены, что преждевременная смерть А. С. Даргомыжскаго тяжело отзовется въ сердцѣ cadaго русскаго человѣка, любящаго музыкальное искусство.

Отдавъ должное уваженіе памяти покойнаго композитора, мы перейдемъ къ текущимъ музыкальнымъ извѣстіямъ.

Прошлаго 14-го февраля, появилась на нашей сценѣ новая опера сочиненія г. Кюи, подъ названіемъ «Вильямъ Ратклифъ». Авторъ новой оперы принадлежитъ къ кружку, о которомъ упомянуто въ январьскомъ обзорѣнн. Покойный Даргомижскій такъ высоко цѣнилъ музыкальныя познанія г. Кюи, что изъ числа лицъ его окружающихъ онъ избралъ автора «Вильяма Ратклифа» и довѣрилъ ему, а не кому другому, заботы о приведеніи къ окончанію и постановкѣ любимаго своего дѣтища «Каменнаго гостя». Одного этого обстоятельства достаточно для того, чтобы отнестись съ должнымъ вниманіемъ и подобающимъ уваженіемъ къ труду г. Кюи.

Вслѣдствіе этого, да не посѣтуютъ на насъ обычные читатели легкихъ нашихъ музыкальныхъ обзорѣнн, если мы остановимъ вниманіе ихъ болѣе обыкновеннаго на новой оперѣ, и впадимся даже въ нѣкоторыя техническія подробности. По современнымъ воззрѣніямъ на оперу, выборъ сюжета составляетъ предметъ первостепенной важности; отъ этого выбора зависитъ стиль, характеръ и колоритъ музыки. По этой причинѣ, прежде всего нужно опредѣлить, изъ какой сферы и эпохи почерпнуто содержаніе новой оперы.

Дѣйствіе происходитъ въ Сѣверной Шотландіи въ XVII столѣтіи. Сюжетъ заимствованъ изъ драматической баллады Гейне, написанной имъ въ молодости. При современномъ реальномъ направленіи многіе недоумѣваютъ, по какой причинѣ русскій композиторъ избралъ для перваго своего опыта мистическій сюжетъ, въ которомъ появляются таинственные призраки, и рѣчь идетъ о двойникахъ, о сродствѣ душъ, и на сценѣ проливаются потоки крови.

Разскажемъ вкратцѣ содержаніе либретто, а потомъ постараемся выяснитъ себѣ причины, побудившія г. Кюи избрать этотъ, а не другой сюжетъ.

Въ семнадцатомъ столѣтіи въ сѣверной Шотландіи проживалъ богатый лордъ Макъ-Грегоръ.

Дѣйствіе начинается свадебнымъ пиршествомъ. Макъ-Грегоръ выдаетъ дочь свою Марію замужъ за графа Дугласа. Повидимому, все кончится къ обоюдному счастью новобрачныхъ. Марія любитъ своего нареченнаго, Дугласъ безъ ума отъ Маріи,—но надъ семействомъ шотландскаго лорда тяготѣютъ роковыя событія прошлаго времени. Въ покойную жену Макъ-Грегора, красавицу Бетти, былъ нѣкогда страстно влюбленъ Эдвардъ Ратклифъ (отецъ героя драмы) и Бетти сначала отвѣчала ему взаимностью. Однажды Эдвардъ дерзко проникъ въ ночное время въ спальню Бетти; она страшно испугалась и съ тѣхъ поръ возненавидѣла Эдварда. Чтобы воздвигнуть непреодолимую преграду между нею и прежнимъ своимъ возлюблен-

нимъ, Бетти вышла замужъ за Магъ-Грегора, и примѣру ея послѣдовалъ Эдвардъ.

Отъ этихъ двухъ союзовъ, совершившихся не по сердечному влеченію, а *par dépit*, какъ говорятъ французы, произошли: отъ одного брака *Марія*, а отъ другаго *Вильямъ*, главные дѣйствующія лица разбираемой оперы. Между тѣмъ оказывается, что Бетти, несмотря на вспышку неудовольствія противъ Эдварда, и несмотря на то, что она была уже замужемъ и матерью — продолжала любить прежняго своего возлюбленнаго и тотъ платилъ ей взаимностью. Однажды, узнавъ отъ нескромной своей служанки Маргариты, что Эдвардъ продолжаетъ ее любить и часто бродитъ вокругъ замка, Бетти подбѣжала къ окошку и простерла къ Эдварду руки. О, горе ей! Магъ-Грегору подслушалъ ея восклицаніе, подсмотрѣлъ страстное ея движеніе и подъ утро у старой башни Эдвардъ былъ найденъ въ крови и безъ дыханья. Спустя три дня Бетти отъ ужаса сошла въ могилу. По непонятной оплошности, или вслѣдствіе какого-то фатализма, самъ Магъ-Грегоръ вводитъ подъ свою кровлю Вильяма, сына убитаго имъ Ратклифа — тутъ впервые Вильямъ увидалъ Марію и влюбился въ нее; Марія съ своей стороны была привѣтлива и ласкова съ Вильямомъ. Но когда тотъ спросилъ ее категорически: «любить ли она его?» Марія, испуганная какинито зловѣщимъ выраженіемъ его глазъ, отвѣчала рѣшительно: «нѣтъ!» Оказывается, что Марію, какъ и Вильяма, посѣщаютъ таинственные призраки, туманные двойники ихъ, и что во время объясненія Вильяма она признала въ немъ сходство съ блѣднымъ призракомъ, посѣщающимъ ее.

Отвергнутый Вильямъ удалился безпрекословно, но поклялся отмстить Марію.

Спустя два года Марія помолвлена была за Магдональда, — насталъ ужъ часъ вѣнчанья—но Магдональдъ не явился, и въ грѣсу близъ чернаго камня найденъ былъ трупъ его.

Въ ту же ночь, Вильямъ пробрался въ комнату Маріи и вручилъ ей обручальное ея кольцо. Еще два года спустя, съ другимъ женихомъ Маріи, съ Дунганомъ, повторилась та же исторія.

Все это происходитъ до начала дѣйствія драмы и узнается изъ рассказовъ дѣйствующихъ лицъ; самая же опера начинается, какъ сказано выше, свадебнымъ пиршествомъ.

Магъ-Грегоръ торжествуетъ, дочь его повидимому довольна своею судьбою, новый женихъ Дугласъ счастливъ; но во время пиршества раздается вдругъ зловѣщій припѣвъ:

Зачѣмъ твой мечъ въ крови, Эдвардъ?

Припѣвъ этотъ, неоднократно повторяемый въ теченіе оперы, поетъ помѣшанная старуха, кормилица Маргарита, свидѣтельница убійства Эдварда Ратклифа.

Зловѣщій этотъ напѣвъ смущаетъ Дугласа, и при этомъ слу-

чаѣ онъ разсказываетъ, что въ лѣсу подѣ Ингвернесомъ, на него сдѣлано было нападеніе; при этомъ извѣстіи Марія падаеъ безъ чувствъ, воскликнувъ съ ужасомъ: «Вильямъ! Вильямъ! Опять преслѣдованія эти!» По приведеніи въ чувство Маріи, Дугласъ объясняетъ, что ему прислѣлъ на выручку незнакомый какой-то всадникъ, ударившій съ тылу на разбойниковъ.

Марія успокоивается и всѣ расходятся, за исключеніемъ Дугласа и Макъ-Грегора; тутъ только отецъ Маріи сообщаетъ зятю своему о печальной участи первыхъ двухъ жениховъ его дочери...

Сообщеніе это повидимому не нравится Дугласу, потому что по уходѣ тестя онъ восклицаетъ:

«О, старая лисица! Скрыть отъ меня онъ счелъ благоразумнымъ до свадьбы все!» Однакожъ, онъ выражаетъ увѣренность, что съумѣетъ очистить отъ терній жизненный путь милой и кроткой Маріи.

Вторая картина перваго дѣйствія представляетъ ярко освѣщенный залъ въ замкѣ Макъ-Грегора. Разряженные гости чинно расхаживаютъ попарно и группами подходятъ съ поздравленіями къ Макъ-Грегору и новобрачнымъ. — Въ толпу пирующихъ вмѣшивается Лесли, пріятель и сообщникъ Вильяма Ратклифа, и вручаетъ графу Дугласу письменный вызовъ своего патрона. Свиданіе назначается въ лѣсу у «Чернаго камня». Дугласъ принимаетъ вызовъ, отвѣтивъ коротко посланному: «скажи, что я сейчасъ же буду». Тѣмъ и оканчивается первое дѣйствіе.

Въ первой картинѣ втораго акта дѣйствіе происходитъ въ тавернѣ. Толпы подгулявшихъ мужчинъ и женщинъ пьютъ, пляшутъ и веселятся. Оказывается, что таверна эта—притонъ шайки разбойниковъ, во главѣ которой находится Вильямъ Ратклифъ, пропадавшій безъ вѣсти послѣ совершенныхъ имъ убійствъ.

Послѣ довольно продолжительнаго ликованія, появляется Вильямъ и разгоняетъ всѣхъ пирующихъ. Женщины оставляютъ таверну и мужчины располагаются на ночлегъ, кто на столахъ, а кто на полу.

Ратклифъ, оставшись съ повѣреннымъ своимъ Леслиемъ глазъ на глазъ, вдается въ откровенности, и разсказавъ ему вышеизложенныя похождения, присовокупляетъ, что онъ долженъ сознаться, что имъ владѣютъ ужасныя, таинственныя силы. Не думаю, говоритъ онъ, чтобы я склоненъ былъ къ пустой игрѣ воображенія, но часто будучи еще въ дѣтствѣ:

Я замѣчалъ двухъ призраковъ туманныхъ;
Они, стремясь обняться, тѣсно руля
Издалека, другъ къ другу, простирали...
И страстнаго исполнены томленья
Такъ горестно взирали другъ на друга!

Въ этихъ призракахъ Вильямъ признаетъ *двойниковъ*, себя и Маріи; и изъ этого онъ заключаетъ, что имъ суждено соединиться, а потому онъ поклялся умерщвлять каждаго, который осмѣлится просить руки Маріи, и что съ этою цѣлью онъ звалъ на поединокъ графа Дугласа.

Леслей замѣчаетъ справедливо, что поступковъ Вильяма одобрить нельзя. «А развѣ я могу себя одобрить? восклицаетъ Ратклифъ: — но что же дѣлать мнѣ, если къ тому понуждаютъ меня таинственный голосъ и туманные призраки...

«Смотри, смотри! продолжаетъ онъ въ изступленіи: — тамъ, тамъ! Вотъ они, воздушные призраки!» Въ глубинѣ сцены, дѣйствительно показываются призраки, имѣющіе сходство съ Ратклифомъ и съ Маріею. Но призраки видимы только Вильяму, и Леслей громко восклицаетъ:

Да что за чортъ! Я ничего не вижу!

Отъ этого восклицанія просыпаются спящіе разбойники — и спрашиваютъ другъ у друга, что же такое онъ видитъ? Должно быть полицейскихъ...

«О, нѣтъ! отвѣчаетъ Леслей: — *совсѣмъ противное — духовъ!*» Неудачная эта острога вызываетъ смѣхъ находящихся на сценѣ разбойниковъ «*ex officio*» — но отнюдь не публики.

За симъ Ратклифъ уходитъ на свиданіе, назначенное имъ Дугласу, а разбойники вновь заваливаются спать, мелодически зѣвая подъ звуки оркестра. Неизящное это нововведеніе въ оперномъ дѣлѣ — одобрить нельзя.

Вторая картина втораго дѣйствія представляетъ пустынное мѣсто, окруженное грудю скалъ причудливыхъ формъ, и надгробный памятникъ въ видѣ креста. При поднятіи занавѣсы слышны отдаленные раскаты грома, и по временамъ ночная тьма озаряется яркою молніею.

Вильямъ, въ ожиданіи Дугласа, повторяетъ то, что уже сказано было имъ о причинахъ ненависти его къ счастливому своему сопернику.

Наконецъ слышны шаги приближающагося Дугласа, который тотчасъ же по голосу (удивительная память!) узнаетъ въ Вильямѣ своего спасителя подъ Ингвернесомъ.

Ратклифъ, не зная съ кѣмъ имѣетъ дѣло, отвергаетъ присланную ему благодарность и проситъ непрощеннаго собесѣдника удалиться.

«Вотъ, еслибы вы были графъ Дугласъ»... замѣчаетъ онъ. — Клянусь вамъ, я такъ точно называюсь, отвѣчаетъ Дугласъ. Тутъ дѣло объясняется, соперники прибѣгаютъ къ оружію и послѣ непродолжительной схватки, Ратклифъ падаетъ у подножія памятника. Дугласъ не пользуется однако же своею побѣдою, и выразивъ мысль, что теперь они сквитались — удаляется.

По прошествіи нѣкотораго времени Ратклифъ приходитъ въ себя. «Не во снѣ ли я видѣлъ все со мною приключившееся?»

говорить онъ, приподнимаясь. «Гдѣ я? что это за **нѣмтннкъ?**— какая на немъ надпись?» И, несмотря на тѣмъ кромешную, онъ читаетъ: «На этомъ мѣстѣ убиты, проклятою Богомъ рукою, графъ Дукианъ и лордъ Макдональдъ!» (удивительное зрѣніе!) Вильямъ приходитъ въ неистовую злобу. Гроза возобновляется, слышенъ хохотъ вѣдьмъ — и вдали показывается призракъ, двойникъ Ратклифа. «Зачѣмъ *туда* ты руку простираешь?» восклицаетъ Вильямъ:

Иль долженъ я? Марія! Кровь!
 Кто говорить? Нѣтъ! то не голосъ вѣтра!
 Марію *взять съ собою* я долженъ... Такъ ли?
 Такъ! рѣшено! и воля
 Моя теперь сильнѣе, чѣмъ адъ и небо!

При этихъ словахъ громъ гремитъ и занавѣсъ опускается. Въ третьемъ дѣйствіи на сценѣ Марія и старая служанка покойной ея матери, Маргарита. На замѣчаніе Маргариты — что Марія любила когда-то Вильяма Ратклифа, та съ ужасомъ восклицаетъ: «Молчи, я умоляю! Ужасно это имя! Не вспоминай его ты ночью поздно!» и за симиъ Марія сообщаетъ кормилицѣ своей, что ее посѣщаютъ таинственные, туманные призраки. Что она дѣйствительно была расположена одно время къ Вильяму — но въ блѣдномъ, дикомъ образѣ одного изъ призраковъ она признала изображение Вильяма, и что съ тѣхъ поръ онъ страшенъ ей сталъ. Маргарита замѣчаетъ, что она, т.-е. Марія, точь въ точь какъ покойная ея мать, что и та любила помучить (т.-е. вѣроятно пококетничать), и что Бетти была также влюблена въ отца Вильяма. Далѣе Маргарита рассказываетъ страшную повѣсть о насильственной смерти Эдварда, и яркими красками описываетъ ужасающее зрѣлище блѣднаго, окровавленнаго трупа. Вздошная воспоминаніями, Маргарита вдругъ видитъ медленно входящаго, блѣднаго Ратклифа. «Вотъ онъ! Эдвардъ! О, Господи помилуй!» восклицаетъ она съ ужасомъ и падаетъ безъ чувствъ.

Марія подъ впечатлѣніемъ разсказа старой служанки трепещетъ, содрогается и со страхомъ смотритъ на приближающагося Вильяма, и наконецъ спрашиваетъ, задыхающимся голосомъ: Злой человекъ! Ты мнѣ кольцо Дугласа принесъ?

— О, нѣтъ! грустно отвѣчаетъ Ратклифъ: — я подвиги свои окончилъ, и колецъ снимать не буду больше. Я снялъ ихъ два; но третье не дается — и смѣть ничто не можетъ мой позоръ!

Трудно объяснить, по какой причинѣ при этихъ словахъ въ Маріи происходитъ внезапный переворотъ. «Вильямъ!» восклицаетъ она вдругъ тронутымъ голосомъ: «ты кровью истекаешь, пооди сюда, перевяжу я рану» (справедливость требуетъ сказать, что ни крови, ни раны какой-либо не видно). Тутъ мысли Маріи путаются. Она говоритъ, что она не Марія, а Бетти — и что Вильямъ не Вильямъ, а Эдвардъ.

Вильямъ въ упоеніи падаетъ къ ногамъ Маріи.
«Что это — сонъ?» шепчетъ онъ. «Я! я у ногъ Маріи:

Вы не мечта-ль — о, маленькія ножки?
Не призраки ль, что тотчасъ исчезаютъ
Какъ только къ нимъ захочешь пригнуться?

Марія перевязываетъ ему руку, и уговариваетъ стоять смиренно.
«Не шевелись, говоритъ она ласково:—меня ты окровавишь—
будь тихъ... Тебя въ глаза я поцалую», и дѣйствительно ца-
луетъ ихъ!!

Вильямъ въ восторгѣ — но въ эту минуту безумная Марга-
рита вдругъ запѣваетъ въ полголоса зловѣщую пѣснь:

Зачѣмъ твой мечъ въ крови, Эдвардъ?
Свою я милую убилъ
Она прекрасна такъ была!

Вильямъ прислушивается. Выраженіе лица его внезапно из-
мѣняется, глаза его страшно блуждаютъ: «Кто произнесъ кро-
вавыя слова?» восклицаетъ онъ задыхающимся голосомъ: «съ
этой минуты участь Маріи рѣшена!» Туманные призраки овла-
дѣваютъ Ратклифомъ, онъ долженъ, онъ обязанъ убить не-
счастную Марію. Имя Дугласа, произнесенное Маріею, полага-
етъ конецъ колебаніямъ Ратклифа. Въ порывѣ неистоваго
чувства ревности, онъ вооружается кинжаломъ, преслѣдуя Ма-
рію въ альковъ и убиваетъ несчастную. На шумъ прибѣгаетъ
отецъ Маріи и, по неосторожности, прибѣгаетъ одинъ. Вильямъ
и его убиваетъ. Ратклифъ, совершивъ эти два убійства, отрадно
переводитъ духъ. «Какъ у меня легко на сердцѣ стало!» поетъ
онъ подъ звуки тихой, успокоительной мелодіи, и присвокупи-
въ «я здѣсь, мой чистый голубь, иду къ тебѣ!» вонзаетъ
себѣ кинжалъ въ сердце и скрывается за пологомъ алькова.
Наконецъ, прибѣгаютъ Дугласъ и толпа служащихъ, тогда ста-
рая нянька подходитъ медленными шагами къ алькову, отерн-
ываетъ занавѣсъ и взорамъ публики представляется искусно и
граціозно расположенная группа загробныхъ любовниковъ. Хоръ
становится съ молитвою на колѣни и занавѣсъ медленно опу-
скается.

Многіе упрекаютъ г. Кюи за то, что онъ не выбралъ для
своей оперы русскій сюжетъ. Не знаемъ, скромность ли руко-
водила въ этомъ случаѣ композитора, или какія-либо другія
причины; но всего вѣроятнѣе, что представая въ первый разъ
на судъ русской публики, онъ не пожелалъ тягаться съ знаме-
нитыми своими предшественниками: съ Глинкою и съ Дарго-
мыжскимъ. При выборѣ текста съ русскимъ сюжетомъ ему пред-
стояло или пойдти далѣе своихъ предшественниковъ, или подра-
жать имъ. Для осуществленія перваго предположенія, весьма
вѣроятно, что онъ не чувствовалъ въ себѣ еще довольно силы,

а второе онъ отвергнулъ, какъ недостойное таланта самостоятельнаго.

Обладаетъ ли г. Кюнъ самобытнымъ или самостоятельнымъ талантомъ? Вопросъ этотъ выяснится при разборѣ оперы.

По прихвѣру нѣмецкаго реформатора Вагнера и нашего русскаго композитора, автора «Юднѣи», г. Стрѣва, каждому дѣйствию въ новой оперѣ предшествуетъ оркестровая прелюдія (Vorspiel). Существенная разница между прелюдіями Вильяма Ратклифа и прелюдіями вышеназванныхъ композиторовъ заключается въ томъ, что у нихъ по возможности обрисовывается звуками ближайшее, послѣдующее дѣйствіе, а въ новой оперѣ прелюдія предъ первымъ дѣйствіемъ прямо сосредоточиваетъ вниманіе слушателей на мрачной личности Ратклифа, очерпая главную тему и эпизодическія фразы изъ партіи Ратклифа.

Слушатели узнаютъ это, конечно, только впоследствии, когда въ концѣ 2-го акта появляется на сцену Ратклифъ, но мрачное впечатлѣніе, производимое звуками первой прелюдіи, заставляетъ уже предполагать, что зрителей ожидаетъ что-то не доброе. А между тѣмъ, при поднятіи занавѣса, взорамъ представляется блестятельная зала, наполненная разряженными гостями, и театръ оглашается веселыми, торжественными звуками свадебнаго пиршества. Въ музыкальномъ отношеніи контрастъ этотъ хорошъ, но намъ кажется, что въ драмѣ необходима послѣдовательность, и что забѣгать впередъ неудобно. Для впечатлительныхъ слушателей отъ перваго впечатлѣнія многое зависитъ, и мы убѣждены, что блестятельная музыкальная фраза перваго хора произвела бы несравненно болѣе впечатлѣнія, еслибы не помѣшало этому мрачное настроеніе, возбужденное въ слушателяхъ предшествующею ему прелюдіею.

Впрочемъ, взятая отдѣльно первая прелюдія (но отнюдь не увертюра, какъ называетъ ее г. Римскій-Корсаковъ) глубоко задумана и оркестрована весьма интересно; но, къ сожалѣнію, авторъ сразу заявляетъ, что онъ принадлежитъ къ категоріи новѣйшихъ *гармонисидовъ* (*harmonicide*), т.-е. къ числу композиторовъ, ставящихъ ни во что правильно веденную гармонію и позволяющихъ себѣ всевозможныя вольности въ этомъ отношеніи. Извѣстно, что для нѣкоторыхъ композиторовъ новѣйшей школы послѣдовательныя квинты — манна небесная и что имъ ни почемъ перейти однимъ скачкомъ, безъ промежуточныхъ аккордовъ, изъ шестибемольнаго, напримѣръ, тона въ дѣвственный це-дурный или амольный тонъ.

Мы не отвергаемъ даже самыхъ отчаянныхъ диссонансовъ, если только они вызваны драматическимъ положеніемъ или смысломъ музыкальной рѣчи; но формально протестуемъ противъ *дисгармоніи*, такъ сказать, случайной, т.-е. ничего невыражающей, кромѣ дисгармоніи. Нѣтъ такого интервала, который не нашелъ бы себѣ мѣста въ правильно веденной гармоніи, стоитъ только приготовить его, какъ слѣдуетъ.

Къ сожалѣнiю, г. Кюн часто забываетъ это основное правило гармонiи и раздражается иногда такими диссонансами, которые поражаютъ слухъ своею неожиданностью. Такъ, напримѣръ, въ первой прелюдiи, глубоко задуманной, какъ сказано выше, мы слышимъ съ одной стороны цѣлый рядъ чистыхъ квартъ (на манеръ дисгармонической памяти (Quido d'Agezzo) въ духовныхъ инструментахъ, сопровождаемыхъ едва слышными секстами въ фаготахъ, а въ другомъ мѣстѣ — басы и мѣдные инструменты тяжело поднимаются гаммою, составленною изъ полныхъ тоновъ. И то и другое возможно; но при движенiи квартами необходимо усилить нижнюю или басовую ноту, которая въ подобныхъ случаяхъ образуетъ обыкновенно *сексть-аккордъ*, а для употребленiя гаммы полными тонами необходимо ее изолировать (какъ это и сдѣлалъ М. И. Глинка въ «Русланѣ»), а не основывать на ней гармонической строй.

Музыкальная фраза поздравительнаго хора, при началѣ 1-го дѣйствiя, весьма удачна. Въ ней слышится дѣйствительно что-то праздничное, *festevole*, какъ выражаются итальянцы; но это фраза чисто симфоническая, и намъ кажется, что интродукцiя несравненно выиграла бы, еслибы хоровыя массы исполняли самостоятельную какую-либо фразу, а не повторяли бы оркестроваго рисунка. Небольшое анданте, подъ звуки котораго Магъ-Грегоръ благословляетъ новобрачныхъ, весьма красиво и произвело бы еще болѣе эффекта, еслибы композиторъ воспользовался бы уже готовымъ, такъ сказать, матеріаломъ и пригласилъ бы къ участiю тенора и сопрано, хоть для того, чтобы выразить ихъ чувства благодарности. Но изъ этого образовался бы терцетъ, т.-е. музыкальная формула, отвергаемая новаторами.

Нужно сказать, что въ числѣ лицъ, наполняющихъ сцену, находится и старая нянька Маргарита, помѣшанная вслѣдствiе страшной сцены убiйства отца Ратклифа. Въ началѣ дѣйствiя никто не обращаетъ на нее вниманiя; она сидитъ безмолвно съ боку, съ поникшею главою и безумно-вращающимся взоромъ. Вдругъ въ оркестрѣ слышится мелодiя какого-то заунывнаго напѣва.

Это пѣсня безумной, впоследствии оперы неоднократно повторяемая: «Зачѣмъ твой мечъ въ крови, Эдвардъ!» Зловѣщiе эти звуки приводятъ въ смущенiе Дугласа и онъ замѣчаетъ Магъ-Грегору о неумѣстности подобной пѣсни во время свадебнаго праздника. Для насъ намѣренiе композитора совершенно понятно. Зловѣщею этою пѣснью, набросанною, такъ сказать, на праздничный фонъ интродукцiи, онъ хотѣлъ какъ бы предостеречь слушателей отъ увлеченiя общимъ весельемъ.

«Не на радость вѣнчались новобрачные!» — вотъ чтѣ выражаютъ эти звуки. Намъ кажется, однако, что для публики намѣренiе композитора было бы несравненно яснѣе, еслибы Маргарита, вмѣсто речитативной фразы, пропѣла бы хоть начало

пѣсни, мелодія которой нынѣ исполняется тутъ только въ оркестрѣ. Это тѣмъ болѣе казалось бы рациональнымъ, что въ послѣдствіи Дугласъ говоритъ Маріи, что пѣснь, внезапно пропѣтая старою нянькой, своимъ грустнымъ напѣвомъ, произвела на него тяжелое впечатлѣніе, а между тѣмъ, Маргарита вовсе не пѣла, какъ утверждаетъ Дугласъ, а произнесла только говоркомъ зловѣщія слова.

Отвѣтъ Маріи, возражающей, что пѣснь эту она слыхала еще въ колыбели и что поэтому она возбуждаетъ въ ней дорогія воспоминанія дѣтства, чрезвычайно граціозенъ и по складу музыкальной рѣчи сильно напоминаетъ фактуру мелодическихъ фразъ Даргомыжскаго. Г. Римскій-Корсаковъ говоритъ, что этотъ небольшой рассказъ Маріи облеченъ въ форму *романса*. Выраженіе это доказываетъ, что композиторы новѣйшей школы не придумали еще названій для изобрѣтаемыхъ ими лирическихъ формъ; потому что вышеупомянутый рассказъ не имѣетъ ничего общаго съ музыкальными пѣсами, извѣстными подъ названіемъ романсовъ. Это скорѣй каданцированная, мелодическая декламация, чѣмъ развитая, опредѣлительно ритмованная мелодія.

Рассказъ Дугласа, конечно, совершенно другого характера, чѣмъ рассказъ Маріи, написанъ также въ формѣ каданцированной декламации, мѣстами очень хорошъ и выразителенъ; но онъ представляетъ то неудобство, что рассказъ слѣдуетъ за рассказомъ, а дѣйствія все-таки никакого нѣтъ, за исключеніемъ минутнаго обмиранія Маріи, прерывающаго повѣствованія Дугласа.

Послѣ рассказа Дугласа гости и Марія удаляются; на сценѣ остаются Макъ-Грегоръ съ Дугласомъ. Перекинувши между собою двѣ-три речитативныя фразы, Макъ-Грегоръ приступаетъ къ пространному объясненію насчетъ злополучной участи прежнихъ жениховъ своей дочери. Это подаетъ поводъ къ новому *рассказу* — третьему по счету, въ теченіе одной только половины перваго акта. Ужъ не много ли? Вѣдь подобные приемы для композитора то же, что подводные камни — и критикъ, какъ маякъ, обязанъ предостерегать увлекающагося композитора.

Впрочемъ, новый рассказъ отличается энергіею, силою и мрачнымъ колоритомъ, совершенно пригоднымъ личности свирѣпаго убійцы отца Вильяма Ратклифа. Но, Боже мой! Какая тяжелая, оглушительная оркестровка! Ужъ на что, кажется, голосистъ г. Васильевъ 1-й, но и у него не слышать почти ни одного слова, въ особенности въ послѣдней части рассказа. Къ чему же тогда проповѣдывать подчиненность музыки тексту, если словъ не слышать? А между тѣмъ это составляетъ краеугольный камень ученія *вагнеристовъ*, къ которымъ, въ отношеніи декламации, примыкаетъ безспорно и авторъ «Ратклифа».

Во второй картинѣ 1-го дѣйствія сцена представляетъ роскошный залъ, блистательно освѣщенный. Очевидно, что сва-

дебное пиршество продолжается, и что тутъ происходитъ не то балъ, не то раутъ; только гостямъ, чинно расхаживающимъ по-парно, кажется не очень-то весело. Возобновляются поздравленія. Сначала поздравляютъ новобрачныхъ мужчины, а потомъ женщины. Мужской хоръ поетъ подь звуки мелодіи, какъ зывѣряли насъ, національной-шотландской. Шотландская ли это мелодія, достовѣрно мы не знаемъ, но она не веселаго характера, а между тѣмъ сильно напоминаетъ одну изъ игривыхъ мелодій Донцетти въ «Дочери втораго пола»: «Chacun le sait, chacun le dit». Это покажется страннымъ, но часто случается, что игриваго свойства мелодія получаетъ совершенно другой характеръ, несмотря на тождественность мелодическаго рисунка отъ ударенія или *acenuation*, какъ говорятъ французы.

Небольшой женскій хоръ весьма граціозенъ и мелодиченъ; по выраженію и по фактурѣ онъ напоминаетъ нѣкоторые изъ прелестныхъ женскихъ хоровъ Глинки и Даргомыжскаго.

На представленіи публика такъ увлеклась этой хорошенькой вещицею, что прервала ходъ дѣйствія и потребовала повторенія понравившагося ей нумера. Эта вспышка удовольствія не доказываетъ ли, что большинству публики все еще близки къ сердцу ясныя, правильно-развитыя мелодіи. Впрочемъ, хоръ этотъ дѣйствительно производитъ весьма пріятное, освѣжающее, такъ-сказать, впечатлѣніе; насъ смущаютъ только *колокольчики*, которые, по нашему мнѣнію, тутъ ни къ селу, ни къ городу.

Почтенный рецензентъ «С.-Петербург. Вѣдомостей» утверждаетъ, что въ небольшой партіи Леслиа, эпизодически-появляющагося въ финалѣ перваго дѣйствія, бездна жизни, комизма и музыкальной правды. Признаемся откровенно, что не видимъ ничего комичнаго въ фразѣ, дважды повторенной: «Графъ почтенный, честь имѣю быть покорнѣйшимъ слугою» — это простая речитативная фраза, которой, посредствомъ интонаціи, можно придать какой угодно оттѣнокъ, хоть комическій, хоть трагическій. Финалъ перваго дѣйствія оканчивается, какъ и начался, хоромъ, безъ особеннаго участія солистовъ, которые не покидаютъ, однакоже, до конца сцены. Это происходитъ также въ силу одного изъ принциповъ новѣйшей школы. Финалъ съ участіемъ солистовъ потребовалъ бы хорошо развитаго ансамбля или терцета, или квинтета, то-есть заставилъ бы прибѣгнуть къ одной изъ отвергаемыхъ формъ. Странное дѣло! а какъ будто хоръ не есть тотъ же «*chorseu d'ensemble*», только исполняемый дюжинными голосами, а не пѣвцами менѣе или болѣе искусными.

Прелюдія втораго акта не отличается ничѣмъ особеннымъ; въ ней преобладаетъ мелодія веселаго, плясоваго характера. Дѣйствительно, при поднятій занавѣса, сцена представляетъ внутренность таверны или шинка, наполненнаго разнаго рода подгулявшимъ людомъ. Вся первая половина первой картины втораго дѣйствія напоминаетъ, какъ справедливо замѣчаетъ

г. Римскій-Корсаковъ, и по характеру и по фактурѣ французскую, оберовскую музыку.

Нѣкоторые изъ цѣнителей упрекаютъ композитора за это вторженіе французскаго элемента въ музыку совершенно другаго стиля, и утверждаютъ, что отъ этого происходитъ неприятная пестрота. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія.

Если драма есть воспроизведеніе жизни, то разнообразіе стиля можетъ быть въ ней допущено, такъ-какъ жизнь есть *калейдоскопъ*, въ которомъ вращаются всякаго рода обстоятельства и лица. Конечно, что въ шотландскомъ шинкѣ приличнѣе было бы услышать туземныя напѣвы, но трудно опредѣлить, какое различіе существовать между разгуломъ подгулявшихъ шотландцевъ и французовъ. Намъ кажется, однако же, что сцена пьянаго Робена ужъ слишкомъ тривіальна.

Не мѣшаетъ обратить вниманіе на одну довольно оригинальную выходку, которая, однакоже, не вполне вышла такъ, какъ ее задумалъ композиторъ. Подгулявшей толпѣ захотѣлось послушать одну изъ пѣсней Леслиа, которыя, говорятъ, поетъ онъ мастерски. Съ этою цѣлью къ Леслию подходятъ поочередно сначала альты, потомъ сопрано и, наконецъ, басы, и каждая группа повторяетъ «Лесли! а Лесли!» не въ последовательныхъ, а въ самыхъ отдаленныхъ тонахъ. Это могло бы выдти весьма естественно, потому что вѣдь не по камертону же ведутся рѣчи въ толпахъ, но чтобы передать вполне намѣреніе композитора, хористамъ слѣдовало бы произносить это восклицаніе говоркомъ, а не нараспѣвъ. Но въ томъ бѣда, что изъ этого могла бы произойти такая гармоническая какофонія, что при вступленіи потомъ всей хоральной массы они, пожалуй, и въ тонъ бы не попали. Нынѣ, хотя каждая группа замѣтно старается удержаться въ указанномъ ей тонѣ, тѣмъ не менѣе, происходитъ значительное колебаніе, и мы убѣждены, что при спѣвкахъ небольшая эта фраза представила не мало затрудненій.

При появленіи Ратклифа музыка принимаетъ, конечно, совершенно другой характеръ. Ратклифъ разгоняетъ гулякъ и допрашиваетъ Леслиа о послѣдствіяхъ возложеннаго на него порученія. Леслиа отвѣчаетъ, что графъ Дугласъ обѣщаль придти на вызовъ къ Черному камню. На вопросъ Леслиа о причинѣ вызова, Ратклифъ начинаетъ длинный *разсказъ* (четвертый по счету), въ которомъ объясняетъ обстоятельства, изложенныя при разборѣ сюжета.

Въ разсказѣ этомъ есть мѣста весьма хорошія, изобличающія въ композиторѣ чрезвычайно развитое драматическое чувство; но въ общей сложности онъ производитъ на слушателей неполное впечатлѣніе, по недостатку единства и неопредѣленности характера въ музыкальномъ отношеніи. Это нѣчто въ родѣ баллады, декламируемой на распѣвъ. Услыхавъ какую-нибудь музыкальную фразу, хорошо очерченную, ухо ожидаетъ ея разви-

тія, а между тѣмъ, она замѣняется другою, также не менѣе интересною фразою, и слухъ смущается, какъ глаза разбѣгаются при видѣ различныхъ, разнообразныхъ предметовъ. Эта подвижность, эта музыкальная *рѣчь*, если возможно такъ выразится, составляетъ одинъ изъ коренныхъ принциповъ *самеризма*.

Порицать безусловно этотъ принципъ невозможно; въ немъ есть своя доля правды, но не слѣдуетъ возводить его въ абсолютную истину. Если музыкальныя фразы полезно дѣйствительно разнообразить по смыслу словъ, то не мѣшаетъ принять въ соображеніе, что музыкальныя мысли не такъ быстро укладываются въ человѣческомъ понятіи, какъ мысли, выраженные быстрымъ словомъ. Можетъ, и настанетъ время, когда приготовленные къ тому слушатели будутъ ловить на лету и усваивать себѣ смыслъ и значеніе каждой мимолетной музыкальной мысли, но пока, повторяемъ мы, система калейдоскопной музыкальной декламации не удовлетворяетъ еще большинства.

Сцена у Чернаго камня во второй картинѣ изобличаетъ еще болѣе стремленій композитора къ драматизму. Тутъ драматизмъ замѣтенъ не только въ декламации, но и въ нѣкоторыхъ мелодическихкихъ рисункахъ, какъ, напримѣръ, въ мрачной тѣмѣ: «А мѣсяцъ что-то слишкомъ случайно свѣтитъ».

Г. Мельниковъ (Ратклифъ) исполняетъ сцену эту очень хорошо; но голосъ его слишкомъ мягокъ для энергическихкихъ фразъ, составляющихъ основу всей музыки въ этомъ мѣстѣ. Самъ композиторъ, повидимому, не отдаетъ себѣ яснаго отчета о характерѣ баритоннаго голоса; но мы положительно завѣряемъ что большая часть музыкальныхъ фразъ въ этой сценѣ по характеру своему несравненно пригоднѣе для баса. Тутъ требуются металлическіе тембры верхнихъ басовыхъ нотъ, а не нѣжный, мягкій звукъ баритоннаго голоса.

Опасаясь утомить читателей, мы не станемъ вдаваться въ технические подробности, но скажемъ, что сцена эта вообще заслуживаетъ особеннаго вниманія и сама по себѣ заставляетъ уже предполагать, что даровитый композиторъ не высказалъ еще въ первомъ своемъ произведеніи послѣдняго своего слова и что онъ пойдетъ далѣе.

Третье дѣйствіе какъ по колориту, такъ и по отдѣлкѣ значительно отличается отъ двухъ первыхъ.

Можетъ, мы и ошибаемся, но намъ кажется, что композиторъ приложилъ особенное стараніе для музыкальной отдѣлки этого дѣйствія. Здѣсь не встрѣчаются ни слишкомъ рѣзкіе переходы, ни вычурныя гармонизации, а все выходитъ плавно и сообразно съ драматическою ситуаціею.

При поднятіи занавѣса, сцена представляетъ комнату Маріи съ альковомъ въ глубинѣ, сбоку. Марія, не разоблачивъ еще вѣнчальнаго платья, предается безотчетной тоскѣ, а старая Маргарита, дабы развлечь ее, заводитъ почему-то рѣчь о Вильямѣ Ратклифѣ. Это подаетъ поводъ Маріи вспомнить былое.

При обзорѣ сюжета, мы сказали, какъ Марія объясняетъ чувства, возбужденныя въ ней въ то время Ратклифомъ. Объясненіе это изложено въ той же формѣ, какъ объясненіе Маріи въ первомъ дѣйствіи. Повторяемъ, что это не романсъ и не арія, но кака-то пѣвучая декламация, и прибавимъ, что въ настоящемъ случаѣ декламация задумевшая, впрочемъ, также напоминающая по фактурѣ Даргомыжскаго манеру.

Слѣдующій за симъ разсказъ Маргариты о смерти отца Вильяма, замѣчательно хорошъ по колориту и по музыкѣ, но мы никакъ не можемъ понять, по какому случаю, во второй части этого разсказа, подвернулся подъ перо композитора, въ видѣ контрапунктической оркестровой фразы, плясовой *семерскій* мотивъ. По нашему мнѣнію, это портитъ колоритъ разсказа, который мраченъ, и долженъ до конца оставаться мрачнымъ, дабы подготовить слушателей къ слѣдующей поразительно драматической сценѣ. Вволновавъ свое воображеніе и воображеніе Маріи разсказами о событіяхъ страшной ночи, въ которую погибъ Эдвардъ, Маргарита восклицаетъ: «Эдвардъ Ратклифъ съ тѣхъ поръ передо мной повсюду» — въ эту минуту она оборачивается и видитъ блѣднаго Вильяма, который, грустно понуривъ голову, медленными шагами входитъ въ комнату.

«Вонъ онъ! Эдвардъ! Господи помилуй! вскрикиваетъ» несчастная помѣшанная и упадаетъ безъ чувствъ. Марія также поражена появленіемъ Ратклифа; нѣкоторое время она остается въ оцѣпененіи, потомъ съ укоромъ спрашиваетъ Вильяма, не принесъ ли онъ ей опять вѣнчальное кольцо, но услыжавъ отвѣтъ его, исполненный грусти и отчаянья, сердце ея внезапно пронизывается сожалѣніемъ, и она чувствуетъ къ нему прежнія чувства симпатіи! «Нѣтъ! говорить она, ты не Вильямъ, а Эдвардъ Ратклифъ, а я—я Бетти!» Съ этими словами начинается прекрасный дуэтъ или, вѣрнѣе сказать, *colloquium*, то-есть, обмѣнъ нѣжныхъ рѣчей между Марією и Ратклифомъ. Мы говоримъ «обмѣнъ рѣчей», а не дуэтъ въ принятомъ смыслѣ, потому что въ избѣжаніе, вѣроятно, избитыхъ формъ, голоса почти что не сочетаются.

Но мысль композитора ясно тутъ выражается, и сцена эта производитъ надлежащее впечатлѣніе. Г. Римскій-Корсаковъ въ увлеченіи своимъ восклицаетъ, «что подобнаго дуэта не было никогда ни въ какой оперѣ!» Отдавая полную справедливость выразительности этого дуэта, мы припомнимъ, однако же, что нѣчто совершенно подобное существуетъ въ Лоэнгринѣ Вагнера. Тамъ также между Эльзою и Лоэнгриномъ происходитъ обмѣнъ нѣжныхъ рѣчей, и тамъ композиторъ также избѣгаетъ сочетанія изъ опасенія впасть въ рутинные приемы итальянскаго стиля.

Но вотъ чего нѣтъ у Вагнера — это удачно придуманнаго музыкальнаго контраста, происходящаго отъ злоящей пѣсни помѣшаннаго языка.

Воркованье влюбленных прерывается пѣснью:

Зачѣмъ твой мечъ въ крови, Эдвардъ?
Свою я милую убилъ
Она прекрасна такъ была!

Слова эти разрушаютъ очарованіе. Ратклифъ вырывается изъ объятій Маріи; путь ему указанъ — Марія должна умереть!

Изъ разбора текста, читатели знаютъ уже, чѣмъ оканчивается драма; здѣсь же мы скажемъ, что этимъ отлично придуманнымъ музыкальнымъ контрастомъ оканчивается и опера; потому, что послѣдующая музыка не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго. Въ заключеніе мы постараемся выразить въ нѣсколькихъ словахъ безпристрастное наше мнѣніе насчетъ таланта г. Кюи.

Рецензентъ г. «С.-Петербург. Вѣдомостей», г. Римскій-Корсаковъ, въ очевидномъ пристрастіи своемъ къ труду г. Кюи, впадаетъ въ противорѣчія. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что лучшее доказательство вполне сформировавшагося таланта—самостоятельность музыкальнаго стиля, и находитъ, что въ болѣе части новой оперы стиль г. Кюи самостоятеленъ. Между тѣмъ, самъ же онъ признаетъ, что въ первомъ дѣйствіи ощутительно вліяніе Шумана, а во второмъ вліяніе, кто бы это подумалъ? французской школы!

Г. Римскій-Корсаковъ не можетъ также отрицать, что формы напр. прелюдій (Vorspiel) и декламационныхъ сценъ съ симфоническимъ сопровожденіемъ оркестра, написаны подъ вліяніемъ вагнеризма; и наконецъ, нельзя отрицать, что почти вся партія Маріи и женскій небольшой хоръ во второй картинѣ, навѣяны манерою Глинки или, вѣрнѣе, Даргомыжскаго.

Слѣдовательно, въ первомъ произведеніи новаго композитора, самостоятельность его далеко еще не выказалась въ надлежащемъ свѣтѣ.

Возводитъ его на степень новатора или реформатора, положительно еще преждевременно, и сторонники его оказываютъ ему, выражаясь въ этомъ смыслѣ, плохую услугу.

Достовѣрно можно, однако же, сказать, что новая опера изобличаетъ въ сея авторѣ талантъ крупный, серьезный, увлекающійся, къ сожалѣнію, нѣкоторымъ своеволіемъ по части гармонизаціи—и преслѣдующій какой-то музыкальный идеалъ, не совершенно еще выяснившійся въ воображеніи самого композитора.

Оркестровка г. Кюи интересна и мѣстами живописна, но мѣстами также тяжела до крайности. Оркестръ въ новой оперѣ играетъ важную роль, чего, конечно, нельзя не одобрить, но иногда оперный стиль уже слишкомъ отодвигается на задній планъ и музыка принимаетъ совершенно симфоническій характеръ. Такъ, напримѣръ, въ сценѣ Леслея съ Ратклифомъ во второмъ дѣйствіи, партія Леслея въ одномъ мѣстѣ есть ни что иное, какъ отрывокъ симфоническаго сердца (замѣтимъ мимо-

ходомъ, Мендельсоновскаго пошиба), подъ которымъ подписаны кой-какія слова, и это тѣмъ болѣе поражаетъ, что симфоническій отрывокъ повторяется два раза и въ томъ же тонѣ (въ ге мажеур). 21

Г. Кюи любитъ весьма звуки арфы, и потому употребляетъ ее почти во всей оперѣ.

Въ этомъ случаѣ, равно какъ и въ употребленіи кларнетовъ на нижнихъ нотахъ, онъ забываетъ пословицу «хорошенькаго понемножку». Есть эффекты, которые, часто повторенные, утрачиваютъ всю свою прелесть. Какъ злоупотребленіе розовыми или слишкомъ темными оттѣнками неприятно поражаетъ зрѣніе въ колоритѣ живописца, такъ точно частое повтореніе нѣжныхъ звуковъ арфы, или мрачныхъ звуковъ нижняго регистра кларнетовъ утомляетъ слухъ.

Въ отношеніи голосовъ у новаго композитора замѣтна еще нѣкоторая неопытность.

Часто онъ заглушаетъ голоса слишкомъ сильною оркестровкой, или аккомпанируетъ ихъ неподходящими къ нимъ инструментами.

Но, мы убѣждены, что всѣ эти недостатки сгладятся и ступаются при второмъ трудѣ г. Кюи, и останется только неотъемлемый, и повторяемъ еще разъ, крупный, серьезный талантъ.

Въ настоящее время невозможно окончить «Музыкальное обозрѣніе» не сказавъ хотя нѣсколько словъ о предметѣ сердечныхъ волненій огромнаго большинства нашихъ любителей, не столько музыки, сколько пѣнія.

Настоящее увлеченіе французы прозвали «патиманією, свирѣпствующею въ С.-Петербургѣ».

Дѣйствительно, увлеченіе это приняло небывалые, колоссальныя размѣры. Кромѣ оглашенной уже въ газетахъ давки, происходившей въ залѣ дворянскаго собранія, и смѣтены, сопряженныхъ вообще съ концертами, въ которыхъ участвовала г-жа Патти, мы положительно можемъ удостовѣрить, что въ бенефисъ ея, одинъ изъ любителей, перекунилъ кресло въ 12-мъ ряду за 50 рублей!

Въ январьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», возбѣщая о появленіи г-жи Патти на нашей сценѣ, мы сказали, между прочимъ, «что изъ числа первоклассныхъ пѣвицъ, слышанныхъ здѣсь, съ ней могли бы сравниться въ отношеніи вокализаціи только Зонтагъ, отчасти Персіани, еслибы она не фальшивила, и г-жа де-Лагранжъ». Показаніе это мы должны измѣнить. Прослушавъ г-жу Патти во всѣхъ спѣтыхъ ею здѣсь партіяхъ, мы пришли къ убѣжденію, что въ отношеніи чистоты, отдѣлки, вѣрности интонаціи, и математической, такъ сказать, точности, мы до сихъ поръ ничего подобнаго не слыхали. Нѣкоторые упрекаютъ г-жу Патти въ отсутствіи страстности. Оспаривать этого мы не можемъ потому; что до сихъ поръ страстности г-жи Патти и негдѣ было проявиться; такъ-какъ роли,

исполненныя ею на нашей сценѣ, не требуютъ страстности; но одушевленіе, веселость и нѣжность бьютъ влючомъ у нея въ каждомъ звукѣ, въ каждомъ движеніи, въ каждомъ взорѣ прекрасныхъ ея глазъ. Требовать, чтобы грезовская головка имѣла бы выраженіе Юдиен (Hogase Wernet) по меньшей мѣрѣ несправедливо.

Вотъ перечень оперъ, въ которыхъ участвовала настоящая любимица петербургской публики:

«Сомнамбула», «Севильскій Цирюльничъ», «Лучія», «Линда», «Донъ-Жуанъ», «Элексиръ» и «Донъ-Паскуале»

Изъ всѣхъ этихъ оперъ только роль Церлины исполнялась здѣсь прошлогоднею любимицею, г-жею Лукка, но и этой роли достаточно было, чтобы возбудить чуть ли не ожесточенную войну между паттистами и луккистами.

По нашему крайнему уразумѣнію; Лука дѣйствительно болѣе приближается къ типу невинной, простой деревенской дѣвушки въ роль Церлины — но вѣдь и она не изображаетъ заправской крестьяночки! Въ такомъ случаѣ какая же бѣда, что одна нѣвица идеализируетъ роль нѣсколько болѣе, чѣмъ другая? Неужели можно принять за промахъ въ художественномъ отношеніи то обстоятельство, что на сельскомъ платьѣ г-жи Патти однихъ кружевъ тысячъ на двадцать франковъ — а на платьѣ г-жи Лукка ихъ только на полторы? Дѣло въ томъ, что та и другая относятся къ музыкѣ Моцарта съ подобающимъ уваженіемъ и не дозволяютъ себѣ прибавлять къ ней ни малѣйшаго украшенія, а со стороны г-жи Патти это не малое самоотверженіе, потому что соловьиный голосокъ ея такъ проситъ разгуляться.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Общій характеръ прошедшаго мѣсяца и польза великаго поста. — Юбилей санктпетербургскаго университета; отсутствие депутаціи отъ женскихъ учебныхъ заведеній. — Къ вопросу о женскомъ университетѣ; инсинуація; перебиваніе изъ пустого въ порожнее; совѣтъ женщинамъ, желающимъ устроить университетъ. — Общество «Другъ народа»; популярныя газеты. — Сельская школа. — Варварство въ духовномъ училищѣ. — 60 исключенныхъ гимназистовъ. — Покровительствуетъ ли педагогическая литература? — Съѣздъ сельскихъ учителей. — Учитель, умирающій съ голоду. — Писмо. — Русскій Workshop. — Странная подать. — Юбилей св. Кирилла. — Ф. Г. Волковъ. — Празднованіе 19 февраля. — До Бога высоко, а до царя далеко. — Страхованіе отъ сибирской язвы и туберкула. — Годовой отчетъ литературнаго фонда. — О государственной росписи 1869 и 1867 годовъ. — Скопки. — Поправки.

Въ прошедшемъ году приступаая, около этого же времени, къ обзорѣнію общественныхъ явленій, я принужденъ былъ сказать, что прошедшій мѣсяць не ознаменовалъ себя ничѣмъ особеннымъ, что въ теченіе его не было никакого общественнаго движенія по поводу чего либо или въ пользу кого либо, не было ни одной «исторіи», никакого громкаго судебного

процесса, никакого замѣчательнаго произведенія наукъ или искусствъ, не случилось даже никакой замѣчательной, выдающейся изъ ряда вонъ глупости. Во всемъ прошедшемъ году февраль мѣсяцъ былъ самый скучный, самый безвѣстный мѣсяцъ.

Не то теперь!

Однихъ юбилеевъ было три! Одинъ 50-лѣтнй, другой 140-лѣтнй, третйй 1000-лѣтнй. Кромѣ того, какъ-то торжественнѣе обыкновеннаго отпразднованы были годовщина освобожденія крестьянъ, севастопольскйй вечеръ, въ воспоминаніе чего-то, и кавказскйй вечеръ, тоже въ воспоминаніе чего-то; затѣмъ, моршанскіе скопцы, Патти, женскйй вопросъ, рѣшаемый однимъ ученымъ докторомъ, новая русская опера и многое другое, о чемъ будетъ сказано ниже.

Какой счастливый, веселый мѣсяцъ! А сколько въ теченіе его было вечеровъ, баловъ и свадебъ! Когда читатель будетъ пробѣгать эти строки, будетъ уже *великій постъ* — скучное, однообразное время. Но Петербургу, можетъ быть, въ первый разъ за все время его существованія, придется благословить это благодѣтельное учрежденіе. Чтѣ было-бы съ нами, еслибы зимнйй сезонъ не обрывался великимъ постомъ, и особенно сезонъ настоящаго года! Мы совсѣмъ бы съ ума сошли, наше здоровье и особенно наши карманы не выдержали бы такого напряженія.

Да; великйй постъ долженъ существовать; должно продолжаться и запрещеніе давать великимъ постомъ театральныя представленія, — по крайней мѣрѣ, на Александринскомъ и Большомъ театрахъ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, — «Прекрасную Елену» нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ давали по два раза въ недѣлю; но публикѣ она все еще не надѣла, такъ что на масленицѣ ее давали даже 5 разъ!

А Патти! На тѣ оперныя представленія, гдѣ участвовала эта нѣвица, мѣста въ театрѣ покупались въ 5-10-70 разъ дороже, чѣмъ они стоятъ въ касѣ! Въ газетахъ заявлено было, что за мѣсто въ креслахъ — на одно представленіе — давали 350 руб.; одному моему знакомому за трехрублевое кресло предлагали 50 рублей; за мѣсто въ проходѣ постоять платили по 5-18-30 руб.; за 25 копеечныя мѣста въ амфитеатрѣ, котораго нельзя сравнить и съ курятникомъ — такъ тамъ темно, тѣсно, душно и грязно — давали по 2 рубля! На одномъ концертѣ, въ которомъ участвовала эта Патти, сдѣвка была невыразимая... внигъ ущемленныхъ, истерическйй рыданія женщинъ, которымъ сдѣлалось дурно въ духотѣ и давкѣ»; такъ что оказалось необходимымъ внимательство полицейскаго чиновника и судебнаго слѣдователя для составленія формальнаго акта! Впрочемъ, — г-жа Аделина Патти пѣла превосходно. Исполненный ею «Соловей» привелъ слушателей въ положительный восторгъ.

Въ потѣ лица твоего съѣшь хлѣбъ твой, сказано было чловѣву; а теперь вотъ оказывается, что и наслаждаться долженъ онъ тоже въ потѣ лица и съ поматыми боками!

Судите послѣ этого, не должны ли мы радоваться, что всѣмъ этимъ страданіямъ нашимъ и этимъ непомернымъ расходамъ наступаетъ конецъ. Чтò было бы съ нами, еслибы театры открыты были и постомъ и г-жа Патти осталась бы у насъ еще 2-3 недѣли!

Вотъ поэтому-то, должно быть, и не дозволены у насъ театральныя представленія въ теченіе великаго поста; поэтому-то, надобно полагать, не учреждаются доселѣ и народныя театры. Мы, имѣющіе возможность ходатайствовать объ открытіи этихъ театровъ и устроить ихъ, знаемъ по собственному, горькому, опыту, какъ вредно, какъ разрушительно дѣйствуютъ они на здоровье и карманы. Довольно того, что мы страдаемъ, довольно, что мы такъ увлекаемся ими; чтò же будетъ съ Россією, если и «народъ» начнетъ тоже неистовствовать? Довольно съ него и того, что онъ пропивается; а если онъ начнетъ еще по театрамъ ходить, такъ тогда мы, пожалуй, не въ состояніи будемъ и по 350 руб. за мѣсто въ театрѣ платить! А о золотыхъ діадемахъ артисткамъ и говорить уже нечего!..

Вотъ въ Парижѣ существуютъ эти народныя театры, и что же изъ этого вышло? Отъ той же самой г-жи Аделины Патти парижане, предъ отъездомъ ея въ Петербургъ, тоже пришли въ неописанный восторгъ; но преподнесли ей всего только 2—3 букета!

Вотъ они къ чему ведутъ эти народныя театры-то!

Впрочемъ, я вовсе не думаю проповѣдывать ригоризмъ, отвращеніе отъ театровъ; не думаю даже и экономію проповѣдывать или утверждать, что всѣ жаждущіе слушать пѣніе г-жи Патти слушаютъ ее непременно на чужой, мужицкой счетъ, и что гораздо лучше бы было отдать эти деньги на народныя школы или въ пользу голодающихъ и том. под. Это было бы, конечно, хорошо; но насильно къ этому никого не принудишь, а особенно одними обличеніями. Но странно и смѣшно здѣсь эти лихорадочныя наслажденія музыкой и пѣніемъ, добываемыя съ такимъ неимовернымъ трудомъ. Послѣ усиленной работы очень естественно желаніе отдохнуть, естественно желаніе провести время въ дружеской бесѣдѣ, потанцевать, полюбоваться прекрасными произведеніями искусствъ, посмотрѣть балетъ или послушать музыку и пѣніе, и чѣмъ всѣ эти предметы, доставляющіе отдохновеніе и наслажденіе, лучше, изящнѣе, совершеннѣе—тѣмъ лучше. Пусть они будутъ и дороги—и это не бѣда, если только есть средства платить за нихъ и дорого. Главное—достигалась бы цѣль—отдохновеніе и наслажденіе. Но какое же можетъ быть наслажденіе танцевать до совершеннаго изнеможенія силъ, или слушать г-жу Патти послѣ того, какъ вы должны употребить страшныя усилія для полученія мѣста? Это не наслажденіе, а тотъ же самый трудъ. Въ этомъ отношеніи самымъ лучшимъ театромъ въ Петербургѣ я нахожу только одинъ—театръ Берга! потому что это единственный театръ; куда можно попасть во

всякое время и безъ малѣйшаго труда. Покупать заранѣе билетъ не нужно, спѣшить непременно къ началу представленія тоже нѣтъ необходимости; при съѣздѣ нѣтъ никакой давки и опасности быть задавленнымъ экипажами и жандармами, при разѣздѣ тоже, высиживать все 3—4-х часовое представленіе, чтобы не проронить ни одного слова или звука и чтобы не пропали даромъ труды и деньги — тоже ненужно; потому что пьески тамъ даются небольшія, мѣста дешевы, а труда получить ихъ ни малѣйшаго. Идя туда и обратно и сидя тамъ, вы именно отдыхаете. Жаль только, что для наслажденія-то мало дается тамъ пищи!

8-го февраля петербургскій университетъ праздновалъ свой 50-лѣтній юбилей. Празднованіе состояло въ томъ, что накануне юбилея въ зданіи университета совершенно было торжественное богослуженіе и желающіе могли осматривать все зданіе университета; а въ самый день праздника въ залѣ дворянскаго собранія былъ торжественный актъ, на которомъ, въ присутствіи всѣхъ наличныхъ студентовъ университета и множества изъ прежде учившихся въ немъ и гостей, прочитанъ былъ высочайшій рескриптъ университету; принесены поздравленія отъ разныхъ учебныхъ и ученыхъ мѣстъ и учреждений; одинъ профессоръ прочиталъ, такъ-сказать, примѣрную лекцію изъ области законовѣдѣнія; другой—краткую исторію университета; затѣмъ провозглашены были избранные университетомъ почетные члены университета и доктора и розданы медали студентамъ за сочиненія. Государь пожертвовалъ университету 30,000 рублей на стипендіи для 100 студентовъ и 20,000 руб. одновременно въ пособіе бѣднѣйшимъ студентамъ. Кромѣ того объявлено было нѣсколько денежныхъ пожертвованій: отъ петербургской думы (1 стипендія), дворянина Нарышкина (6,000 руб.) и челоуѣколюбиваго общества (500 руб. ежегодно и 11,400 руб., собранное обществомъ по подпискѣ).

Самую выдающуюся сторону составляли здѣсь поздравленія отъ разныхъ депутацій. Депутацій этихъ было около 60. Не только всѣ университеты, духовныя академіи, разныя высшія спеціальныя учебныя заведенія и ученые учрежденія (какъ, на примѣръ, академія наукъ, химическое, минералогическое, вольно-экономическое и др. общества), но даже и петербургскія гимназіи и прогимназіи, даже ботаническій садъ, земледѣльческій институтъ прислали свои депутаціи. Каждая депутація, поочередно, выступала впередъ, поднималась на эстраду и, держа въ рукахъ огромный листъ бумаги и футляръ для него, говорила или читала свои благожеланія университету. Нѣкоторые изъ этихъ благожеланій были кратки — «сочувствуемъ, раздѣляемъ и поздравляемъ» — и только; другія же начинали издалека — просвѣщеніе-де полезно, ибо то-то и то-то, а такъ-какъ

петербургскій университетъ занимается просвѣщеніемъ, то мы и сочувствуемъ университету и поздравляемъ его; краткія благожеланія говорили преимущественно военныя депутаціи, а постороннія — духовныя и университетскія! Самая блистательная рѣчь была, по моему мнѣнію, первая, — отъ дворянства Петербургской губерніи. Депутатъ дворянства на эстраду не поднялся, а стоя посрединѣ залы, заявилъ, что онъ хозяинъ въ этомъ домѣ и что дворянство Петербургской губерніи гордится (или радуется), имѣя счастье (или честь) привѣтствовать и поздравить университетъ въ своемъ домѣ.

Послѣ каждой рѣчи раздавались шумныя рукоплесканія. Рукоплесканія раздавались, впрочемъ, чрезвычайно щедро — чуть не каждому слову и рѣшительно каждому лицу, говорившему на актѣ, и каждому имени, произносившемуся здѣсь. И только въ одномъ мѣстѣ (ни въ одномъ отчетѣ объ этомъ не упоминается, но это было, и я не знаю, почему бы я долженъ былъ умолчать объ этомъ?)... только въ одномъ мѣстѣ, при раздачѣ наградъ студентамъ, съ галлерей и изъ-подъ колоннъ, гдѣ стояли студенты, послышалось сильное шиканье. Студенты шикали своему же собрату, и вѣроятно они знали, за что они ему шикали!

Вообще торжество было самое торжественное! Въ одинъ день, продолженіе какихъ-нибудь 4 часовъ, с.-петербургскій университетъ услышалъ столько комплиментовъ себѣ, сколько ему, по всей вѣроятности, не привелось услышать ихъ за все время своего пятидесятилѣтняго существованія. За то и вскружило же это ему голову! Наслушавшись столькихъ комплиментовъ себѣ не только отъ земледѣльческаго института и общества практическихъ врачей, но даже и отъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, университетъ проникся такимъ благоговѣніемъ къ своей особѣ и такъ возмечталъ о себѣ, что въ отвѣтъ на эти комплименты въ лицо всѣмъ поздравлявшимъ его учебнымъ заведеніямъ тутъ же хватилъ: я лучше васъ всѣхъ и выше васъ всѣхъ! Ни одно изъ васъ не можетъ сравниться со мной! (См. историческую записку).

Можетъ быть, оно и въ самомъ дѣлѣ такъ; но уже самая простая деликатность заставляла отложить эту похвалу себѣ по крайней-мѣрѣ до обѣда, — бывшаго въ той же заглѣ нѣсколькими часами позже, — когда тамъ остались все свои люди; а то, согласитесь сами, говорить такія вещи въ лицо депутатамъ учебныхъ заведеній... Это было тѣмъ болѣе неумѣстно, что изъ сей же самой исторической записки оказывается, что петербургскому университету и нечѣмъ особенно хвалиться.

Въ настоящее время университетъ находится въ положеніи въ «высшей степени утѣшительномъ», — закончила историческая записка! Это тоже хорошо, и пріятно слышать! Благо люди сами собой довольны, и то слава Богу!

Въ разныхъ отчетахъ объ этомъ актѣ говорится еще, что на

хорахъ присутствовало много или даже множество дамъ. Но это тоже преувеличеніе — «много» дамъ не было. Но важнѣе всего вотъ что: почему ихъ не было въ залѣ, не только «много», но даже ни одной, рѣшительно ни одной!

Почему не было депутаціи отъ женскихъ учебныхъ заведеній? Или женскихъ учебныхъ заведеній въ Россіи вовсе не существуетъ? Но извѣстно, что въ одномъ Петербургѣ нѣсколько женскихъ институтовъ, гимназій и пансіоновъ. Или, можетъ быть, женскія учебныя заведенія нѣкому не прислали отъ себя депутаціи, что здѣсь поздравляли все равные равно, — одни только «выспія» учебныя заведенія, а женскіе институты, гимназій и пансіоны не выспія учебныя заведенія? Но вѣдь и мужскія гимназій и прогимназій и военно-учебныя заведенія къ высшимъ заведеніямъ тоже не принадлежатъ, однакоже они прислали свои депутаціи. Общество практическихъ врачей не принадлежитъ ни къ учебнымъ, ни къ ученымъ заведеніямъ или учрежденіямъ, но депутацію отъ себя тоже прислало; почему же бы, послѣ этого, не прислать такую же депутацію и, напримѣръ, «Филантропическому обществу попечительства гувернантокъ въ Россіи»?

Я задавалъ эти вопросы двумъ дѣтелямъ по части женскихъ учебныхъ заведеній, и одинъ изъ нихъ отвѣтилъ мнѣ, что и безъ того было уже очень много этихъ депутаціи! Другой привелъ болѣе основательное объясненіе: институткамъ неприлично было высказывать свое сочувствіе студентамъ!

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что институтки говорятъ студентамъ: «господа, мы вамъ сочувствуемъ!» На что же бы это было похоже! Пожалуй, студенты, да и многіе другіе мужчины, въ такой бы пришли восторгъ отъ этого, что пришлось бы, пожалуй, и актъ закрыть.

Да, это было опасно, рискованно; особенно въ настоящее время, когда въ средѣ нашихъ женщинъ проявилось такое сильное движеніе въ пользу высшаго образованія, — котораго дать имъ мы вовсе не хотимъ. Не женское дѣло интересоваться наукой; не женское дѣло знать, что въ Петербургѣ существуетъ университетъ, что университетъ этотъ даетъ образованіе ихъ дѣтямъ, мужьямъ и братьямъ; что отъ степени процвѣтанія университета и степени вліянія его на ихъ мужей и дѣтей зависитъ и ихъ счастье; не женское дѣло понимать своихъ мужей и дѣтей и подниматься съ ними въ превыспреннія области науки. Ихъ дѣло только одно, вся задача ихъ жизни одна: любить, любить и любить!

Такихъ дивныхъ мыслей на университетскомъ юбилейномъ актѣ, конечно, никто не высказывалъ; но одно отсутствіе на этомъ актѣ какихъ бы то ни было заявленій со стороны женщинъ говорить краснорѣчивѣе всякихъ словъ о возможности, о дѣйствительномъ существованіи такихъ мыслей.

Нѣтъ, *mesdames*, вамъ не дождаться, чтобы мы, мужчины, добровольно освободили васъ отъ крѣпостной зависимости. До-

бывайте себѣ свободу сами. На мужчинъ надежда плоха, и чѣмъ, повидимому, ученіе и образованіе эти мужчины, тѣмъ хуже.

По заявленію одного доктора, издающаго специальную газету, аудиторію медико-хирургической академіи «опять наполняетъ толпа женщинъ»; но явленіе это, по его мнѣнію, вовсе неутѣшительно, ибо это дурно вліяетъ на студентовъ, дурно вліяетъ на самую науку, и храмъ науки обращается въ какой-то другой храмъ, который сей ученый мужъ пишетъ курсивными буквами.

Правда, на это заявленіе тотчасъ же послѣдовало и возраженіе, что одинъ-де изъ самыхъ строгихъ, самыхъ серьезныхъ и почтенныхъ профессоровъ академіи не очень давно высказалъ своимъ слушателямъ, въ числѣ которыхъ была и «толпа женщинъ», слѣдующее: «я слишкомъ 20 лѣтъ состою профессоромъ практической анатоміи. Въ это время смѣнилось, конечно, много курсовъ; я замѣчалъ, что съ каждымъ годомъ между студентами усиливается усердіе къ анатомическимъ занятіямъ, что каждый послѣдующій курсъ по успѣхамъ стоялъ выше предыдущаго. Вашими предшественниками я очень доволенъ. Они работали и усердно, и успѣшно; но еще болѣе доволенъ я вами. Вашъ курсъ, по справедливости, лучшій изъ всѣхъ, какіе были до васъ. Вы занимались анатоміей не только съ прилежаніемъ, но и съ пониманіемъ дѣла, потому вполне достойны названія *diligentes studentes*».

Кромѣ того, мнѣ выдавали за вѣрное еще слѣдующій случай, самый недавній. Тотъ же самый профессоръ экзаменовалъ одного студента почти цѣлый часъ; бѣдный студентъ, не совсѣмъ твердый въ отвѣтахъ, былъ, какъ говорится, совершенно въ мылѣ. По окончаніи экзамена, профессоръ, будто бы, сказалъ ему: нѣсколько лѣтъ назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, вотъ точно такъ же трясся у меня тотъ господинъ, который увѣряетъ теперь, что отъ совмѣстныхъ занятій въ академіи студентовъ и женщинъ — студентамъ веселѣе. Скажите ему, весело ли было вамъ.

Но все это ничего не значить; женщинамъ и мужчинамъ учиться вмѣстѣ все-таки не слѣдуетъ, потому что если это и не вредно для мужчинъ, какъ это свидѣтельствуется сейчасъ приведенный отзывъ профессора академіи, за то, по мнѣнію другихъ людей, выставляющихъ себя защитниками «женскаго вопроса», вредно для женщинъ. Почему вредно, этого они не говорятъ; но, кажется, потому же самому, почему находить вреднымъ и опаснымъ совмѣстное обученіе мужчинъ и женщинъ и любой завзятый обскурантъ и почему неудобно было женскимъ учебнымъ заведеніямъ поздравить петербургскій университетъ въ день его юбилея. Въ итогѣ и выходитъ, что и враги, и нѣкоторые друзья высшаго образованія женщинъ равно не довѣряютъ искренности желанія нашихъ женщинъ учиться и ихъ умственнымъ способностямъ и особенно нравственной стойкости. Женщины и мужчины могутъ бывать вмѣстѣ на вечерахъ, въ кон-

цртахъ, на гуляньяхъ, въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ и т. д., но учиться вмѣстѣ имъ опасно! Могутъ еще, пожалуй, учиться вмѣстѣ въ медицинской академіи, но въ гимназіяхъ и университетахъ — нѣтъ, опасно!

Въ № 8 «Отеч. Зап.» 1868 г. заявлено было, что въ маѣ того же года нѣсколько петербургскихъ женщинъ (около 400) просили начальство петербургскаго университета допустить ихъ въ университетскія аудиторіи къ слушанію лекцій по предметамъ историко-филологическимъ и физико-математическимъ. Просьба эта не была уважена; вмѣсто того, просительницамъ предложено было обратиться къ министру народнаго просвѣщенія за разрѣшеніемъ устроить отдѣльные курсы по этимъ предметамъ. Совѣтъ этотъ былъ исполненъ, и просительницамъ данъ отъ министра отвѣтъ такого содержанія, что стремленію женщинъ получить высшее образованіе сочувствуютъ, но что наши женщины еще не подготовлены къ слушанію университетскихъ курсовъ (хотя никто ихъ и не экзаменовалъ и, какъ я говорилъ уже въ № 1 «Отеч. Зап.», въ московскомъ университетѣ, по свидѣтельству извѣстнаго бывшаго профессора университета г. Погодина, каждый годъ около 100 женщинъ сдаютъ такой же экзаменъ, какъ и воспитанники гимназій, поступающіе въ университетъ), что поэтому въ настоящее время можетъ быть рѣчь объ устройствѣ для женщинъ не университетскихъ курсовъ, а такого учебнаго заведенія, по окончаніи курса въ которомъ, воспитывающіяся были бы достаточно подготовлены къ слушанію университетскихъ лекцій и что въ настоящее время болѣе удобно устроить только публичныя лекціи — *совокупно* (!) для мужчинъ и женщинъ.

Такимъ образомъ, сперва университетскіе курсы для женщинъ, а потомъ и особый «женскій университетъ» снизошли до степени публичныхъ лекцій! Но что же такое должны быть эти публичныя лекціи? Что будутъ тамъ читать, какой степени учености будутъ достигать эти лекціи? Начнутъ ли съ азовъ или прямо со складовъ и даже еще выше? Конецъ этихъ лекцій ясенъ — подготовка къ вступительному университетскому экзамену, — но начало? И что будутъ дѣлать на этихъ лекціяхъ тѣ женщины, которыя (очень можетъ быть) и теперь уже могутъ сдать этотъ экзаменъ? Почему эти лекціи должны быть общи — совокупно для мужчинъ и женщинъ? Не есть ли это уже подготовка и къ тому, чтобы женщины могли слушать университетскія лекціи «совокупно» съ студентами университета? Хотя нужды въ подготовкѣ такого рода и не представляется (какъ свидѣтельствуемъ это опытъ медицинской академіи), но все же этому можно радоваться, потому что это даетъ основаніе думать, что со временемъ для женщинъ откроются двери университетовъ. Но нѣкоторые видятъ въ этомъ совмѣстномъ слушаніи подготовительныхъ публичныхъ лекцій большую опасность; потому что «какой-нибудь вликлъ мужчинъ вздумается ни

съ того, ни съ сего связать дѣло женскаго образованія съ другимъ дѣломъ (?), неизмѣняющимъ къ первому никакого отношенія, и устроить на публичной лекціи нелѣпую демонстрацію; какіе-нибудь негодяи, или просто умысленные враги всякаго образованія соберутся на лекцію, чтобы учинить скандалъ — и вотъ вамъ достаточныя причины для того, чтобы весь вопросъ о женскомъ образованіи снова отправить въ долгій ящикъ». Поэтому, говорятъ эти боязливые люди, публичныя лекціи для женщинъ нужно устроить только исключительно для женщинъ, чтобы мужинъ на нихъ вовсе не было. А если уже устраивать эти лекціи для мужинъ и женщинъ вмѣстѣ, такъ надобно позаботиться, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы всѣ слушатели, какъ мужчины, такъ и женщины, подходили подъ какой-нибудь общій уровень научнаго образованія. Другими словами, устройство общихъ публичныхъ лекцій должно сопровождаться и особю программой испытаній для всѣхъ, желающихъ слушать эти лекціи... Иначе, безъ экзаменовъ, на публичныя лекціи публика будетъ собираться почти такъ же, какъ въ театрѣ или на литературный вечеръ; мало-мальски сухое изложеніе, то-есть, неприправленное какими-нибудь анекдотами или научными фокусами, изложеніе безъ «интересныхъ» картинъ или опытовъ, тотчасъ поведетъ за собою безпокойныя движенія въ аудиторіи, сильно мѣшающія болѣе серьезнымъ слушателямъ.»

Бѣдные мужчины! Задали же имъ женщины задачу своимъ желаніемъ получить высшее образованіе! Отказатъ прямо, наотрѣзъ въ удовлетвореніи этого желанія — нельзя, неловко, — «во второй-то половинѣ XIX столѣтія!» А удовлетворить это желаніе, — не то, чтобы положительно не хочется, а какъ-то боязно; неизвѣстно, къ чему это поведетъ? Какъ бы женщины не вышли тогда изъ повиновенія и даже не забрали бы мужинъ въ руки?

Есть самое прямое и самое простое рѣшеніе всего этого вопроса, — хотятъ женщины учиться въ университетахъ, могутъ они учиться въ нихъ — могутъ выдержать вступительный экзаменъ и потомъ выносить всѣ условія университетскаго быта — и пусть учатся. Не могутъ выдержать экзамена, не могутъ заниматься наукой наравнѣ съ мужчинами, — ну, и не могутъ, и въ университетъ не попадутъ или тотчасъ же выйдутъ изъ него! Вѣдь женщины не требуютъ отъ университета ничего; не требуютъ, чтобы университетъ прировнялся къ нимъ, чтобы онъ снизошелъ до нихъ, умалилъ свое ученое достоинство. Онѣ хотятъ сами подняться до него.

Но такое рѣшеніе вопроса слишкомъ ужъ просто, и рѣшать его такъ только и могутъ однѣ женщины, да такіе мужчины, которые не уступаютъ имъ въ легкомысліи!

А все-таки — *ce que femme veut, Dieu le veut!* Это не то, что какой-нибудь рабочей вопросъ или крестьянской, гдѣ люди

требующіе и дающіе стоятъ далеко другъ отъ друга, гдѣ существуетъ нерѣдко даже взаимная ненависть и вражда или по крайней-мѣрѣ недовѣріе. Женщины и мужчины постоянно вмѣстѣ, и первыя имѣютъ на послѣднихъ, какъ извѣстно, огромное вліяніе, по большей части даже несравненно большее, чѣмъ наоборотъ — мужчины на женщинъ. Нѣтъ такого мужчины, если только онъ не идиотъ, который бы не зналъ, не любилъ и не уважалъ какой-нибудь женщины, а едва-ли не всякая женщина можетъ, при извѣстной сноровкѣ и смотря по характеру мужчины, къ которому она имѣетъ отношеніе, держать этого мужчину, какъ говорится, въ рукахъ и заставлять его, волей-неволей, дѣлать то, что она хочетъ. Пусть же наши женщины, добивающіяся возможности поступать въ университеты или устроить себѣ отдѣльный, женскій университетъ, приобрѣтаютъ себѣ больше прозелитовъ и ходатаевъ не столько между мужчинами, сколько между женщинами же. Жены, возлюбленныя, сестры и дочери лицъ вліятельныхъ и власть имѣющихъ, сдѣлавшись прозелитками «женскаго вопроса», съумѣютъ уже привлечь на свою сторону и своихъ мужей, возлюбленныхъ, братьевъ и папашъ!

Начало настоящаго года вообще было богато разными утѣшительными, а равнымъ образомъ и не особенно утѣшительными проявленіями по части нашего просвѣщенія. Явилось нѣсколько новыхъ періодическихъ изданій, не только съ спекулятивнымъ характеромъ, но и чисто съ просвѣтительными цѣлями. Жаль только, что между ними нѣтъ, равно какъ и вообще нѣтъ у насъ, ни одной газеты и ни одного журнала, какъ говорится, для народа, — такого изданія, которое не только по цѣнѣ, но и по содержанію и изложенію своему, по языку было бы доступно для людей, умѣющихъ читать только что не по складамъ. Мы всѣ твердимъ о пользѣ народныхъ школъ, о необходимости грамотности для народа, но читать грамотному народу нечего. Мнѣ случалось, напримѣръ, нѣсколько разъ слышать, какъ мужики читаютъ газеты. То и дѣло, чуть не на каждой строкѣ встрѣчаются такіе слова и обороты, которые они слышатъ, очевидно, въ первый разъ. Не понимая этихъ словъ, они страшно уродуютъ ихъ; такъ что часто и смысла никакого не выходитъ. Я не говорю уже объ иностранныхъ словахъ, въ чистомъ ихъ видѣ, или измѣненномъ и принаровленномъ къ русской грамматикѣ; но и огромное количество чисто русскихъ словъ и оборотовъ, употребляемыхъ въ газетахъ, оказывается совершенно неизвѣстнымъ и непонятнымъ людямъ мало грамотнымъ. Это тогда только и становится особенно замѣтнымъ, когда слышишь эти слова и обороты изъ устъ такихъ людей.

Въ Петербургѣ основывается общество «Другъ народа», задуманное, по словамъ одной газеты, однимъ изъ петербургскихъ трактирщиковъ, г. Барановымъ. Цѣль этого общества — бесплатная разсылка народу періодическихъ изданій, распространеніе полезныхъ книгъ и вообще противодѣйствіе пьянству пу-

темъ самообразованія, посредствомъ чтенія. Съ этою же цѣлю, въ содержимой г. Барановымъ гостинницѣ, съ 1-го января настоящаго года, получается до 45 русскихъ газетъ и журналовъ и нѣсколько иностранныхъ.

Что намѣреніе это прекрасно, противъ этого никто не будетъ возражать; но, кажется, гораздо лучше бы было, гораздо ближе достигалась бы цѣль, еслибы вмѣсто множества газетъ и журналовъ, люди, предающіеся пьянству, т.-е. простой народъ имѣлъ хотя одно или два такихъ изданія, которыя были бы для него вполне доступны и по содержанію и по языку. У насъ давно уже существуетъ другое подобное общество — «распространенія грамотности»; оно тоже даромъ раздаетъ книги, и книги, можетъ быть, вполне доступныя пониманію народа; но жаль, что, за исключеніемъ учебниковъ, почти совершенно безсодержательныя. Давая народу существующія періодическія изданія, общество «Другъ народа» впадаетъ въ противоположную крайность. Поэтому если общество это располагаетъ достаточнымъ капиталомъ, то ему слѣдовало бы основать свой популярно-народный органъ, поручивъ редакцію его людямъ не только хорошо образованнымъ и опытнымъ въ литературномъ дѣлѣ, но и умѣющимъ писать языкомъ, понятнымъ для людей мало образованныхъ.

Невѣроятно, но оказывается, что бываютъ не только такія книги и газеты, которыхъ читающіе ихъ люди не понимаютъ, но даже школы такія, въ которыхъ люди учатся, учатся и ровно-таки ничему не выучиваются! Въ Воронежской губерніи, въ одномъ селѣ, «на дняхъ закрылась школа, существовавшая цѣлыя 8 лѣтъ; перебивало въ ней множество учителей; собралось на нее съ общества не мало денегъ; были заведены всѣ канцелярскія хитрости: и счеты, и отчеты, и разныя вѣдомости, по которымъ, напримѣръ, не далѣе, какъ за прошлый 1868 годъ еще числилось болѣе 80 учениковъ; нѣкоторые изъ нихъ ходили, говорятъ, да и въ вѣдомостяхъ такъ, года по четыре, получали награды отъ учителей, разныя похвальные листы и проч., и вдругъ оказалось, что за 8 лѣтъ въ школѣ *выучили только одного человека*, да и тотъ съ трудомъ можетъ читать и писать!»

Рѣшительно невѣроятно! Чего же смотрѣло общество, крестьяне, отпускавшіе деньги на эту школу? Неужели же они только одно право и имѣли, что деньги отпускать? Бываетъ, конечно, и такъ, и не относительно школъ только однихъ!

Но на это только крестьяне одни и способны: люди болѣе просвѣщенные даромъ денегъ своихъ не даютъ. Наше духовенство принадлежитъ, конечно, къ классу просвѣщенному. Кромѣ того, духовенство, по самому призванію своему, должно отличаться особенной мягкостію, добротой, любовью христіанской и заботливостію о людяхъ безпомощныхъ, сирыхъ и убогихъ. Предположить въ лицахъ, принадлежащихъ къ духовному званію, плантаторскую жестокость и безсердечность или даже хотя та-

кую жестокость, какою отличаются многіе ирландскіе землевладельцы и нѣкоторые другіе, — дѣло немислимое. И однако: «въ субботу 18-го января, (воронежская) «бурса» огласилась плачемъ и рыданіемъ малютокъ-бурсаковъ. Вѣрно было въ этотъ день сиротамъ-воспитанникамъ забирать свои жалкіе пожитки и отправляться, какъ знаютъ и на чѣмъ знаютъ, въ тѣ округи епархіи, къ которымъ они принадлежать. Суровое рѣшеніе было объяснено дѣтямъ такъ: вы теперь не наши; духовенство вашихъ округовъ не выслало намъ денегъ на содержаніе васъ, и потому — маршъ! Остракизму подверглось болѣе двадцати дѣтей. Когда имъ объявили объ этомъ, то нѣкоторыми изъ нихъ овладѣлъ такой ужасъ, что они попрыгали подъ грязныя нары, надѣясь, что авось пройдетъ гроза, и пролежали тамъ болѣе сутокъ. Другіе, болѣе рѣшительные изъ сиротъ оказали такое упорство, что нужны были большія усилія, чтобъ оторвать нѣкоторыхъ отъ желѣзныхъ коекъ, за которыя хватались они, безутѣшно надрываясь отъ слезъ. *Казенное платье (дубленые полушубки) и обувь были съ нихъ сняты, и въ такомъ видѣ вывели ихъ вонъ, а прислуга вышвыривала на дворъ и за ворота скудные пожитки...* Дѣти брали свои сундучки, грязныя платки, утиральники, бѣлье и проч., и, подъ тяжестью ноши, медленно и робко выходили со двора бурсы. Сообщающій это говорить, что, наконецъ, несчастнымъ мальчикамъ удалось выпросить у начальства три дня срока для принсканія подводъ къ отъѣзду; но эта льгота была дана не всѣмъ: *нѣкоторыхъ исключали за упорство...* Тѣхъ, которымъ позволили пробить въ стѣнахъ бурсы эти послѣдніе три льготные дня, скучили въ одной изъ грязнѣйшихъ комнатъ нижняго этажа; имъ ничего не давали ѣсть; не на чѣмъ имъ было и уснуть... Затѣмъ, очевидецъ всего этого передаетъ не менѣе ужасную сцену отъѣзда несчастныхъ дѣтей на родину, къ отцамъ и матерямъ. На одномъ изъ постоялыхъ дворовъ, около ямщицкихъ саней стояли двое «ребятокъ», какъ называлъ ихъ ямщикъ, и торговались съ нимъ, что онъ возьметъ съ нихъ закутать потеплѣе (читатель пусть не забываетъ, что дѣйствіе происходило въ январѣ), такъ-какъ они были полураздѣты, и отвезти домой?.. Потомъ вдругъ, среди разговора, 10-ти лѣтній мальчикъ въ раздумьи проговорилъ: «а какъ у мамы денегъ нѣтъ, что тогда?»... и весь, съѣжившись въ дырявомъ халатѣ, почти босой, мальчикъ рыдалъ на морозѣ... Ямщикъ оказался добрей и снисходительнѣе воронежскихъ героевъ бурсы: онъ согласился, рискуя ничего не получить, отвезти дѣтей домой и досталъ имъ на дорогу теплое платье.

Для такого варварства, если только все это было дѣйствительно такъ, какъ здѣсь описывается, а невѣрить мѣстной газетѣ, сообщающей это, нѣтъ основанія, — мало одного обличенія гласности, и невозможно допустить, чтобы это извѣстіе осталось или безъ возраженія или безъ надлежащаго разслѣдованія.

Въ томъ же богоспасаемомъ Воронежѣ, отличающемся, какъ

известно, болѣе другихъ губернскихъ городовъ, своими заслугами на пользу прозвѣщенія,—между учителями гимназій идетъ какая-то такая распря, что вслѣдствіе нея *болѣе полусотни* воспитанниковъ исключено!

Въ Минскѣ семинаристы ходили въ городскую бібліотеку. Объ этомъ, какъ о фактѣ удѣшительномъ, мѣстный корреспондентъ сообщалъ въ газеты и — удружалъ! Семинаристы послѣ этого ходить въ бібліотеку «почему-то» перестали!

Не разъяснить ли этого явленія, можетъ быть, слѣдующее, «циркулярное предложеніе попечителя виленскаго учебнаго округа начальникамъ учебныхъ заведеній округа».

«Въ послѣднее время въ нашей педагогической литературѣ предпринято изданіе нѣсколькихъ новыхъ педагогическихъ журналовъ и появляются въ свѣтъ въ большемъ противъ прежняго числѣ сочиненія педагогическаго содержанія, оригинальныя и переводныя. Сочувствуя вполне такому явленію, весьма желательному, особенно въ томъ случаѣ, если эта отрасль литературы приметъ серьезное направленіе, и имѣя въ виду тѣсную связь, существующую между педагогическою литературою и направленіемъ учебно-воспитательной части вообще, министръ народнаго просвѣщенія, въ циркулярномъ отзывѣ, предложилъ сдѣлать по вѣренному мнѣ учебному округу распоряженіе, *чтобы учебныя заведенія приобретали только тѣ педагогическія періодическія изданія и сочиненія, которыя будутъ одобрены и рекомендованы министерствомъ народнаго просвѣщенія, какъ это существуетъ относительно учебныхъ руководствъ и пособій, каковыя одобренія будутъ печатаемы въ журналѣ министерства.*»

Я рекомендовалъ сейчасъ обществу «Другъ народа» основать особое періодическое изданіе для народа; но что, если и волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ предложить или прямо приважутъ не рекомендовать этого изданія? Одного цензурнаго дозволенія или допущенія будетъ вѣдь, пожалуй, мало для того, чтобы органъ этотъ могъ обращаться въ народъ.

Въ прошедшемъ году съѣзжались въ Петербургъ естествоиспытатели—большинство на казенный счетъ; здѣсь они получили даровое помѣщеніе и содержаніе. Вѣроятно, по примѣру ихъ, въ настоящемъ году, съѣзжались въ Петербургъ учителя и учительницы окрестныхъ сельскихъ школъ (14 мужчинъ и 6 женщинъ), чтобы ознакомиться съ основапіями звуковаго метода при обученіи грамотѣ и заявить здѣшнему училищному совѣту о различныхъ потребностяхъ и вопросахъ, касающихся школьнаго дѣла. Съ звуковымъ методомъ обученія они ознакомились, но заявленія ихъ, касающіяся матеріальной стороны училищнаго быта, остались безъ удовлетворенія, потому что училищный совѣтъ самъ «не имѣетъ ни гроша въ своемъ распоряженіи, такъ что даже канцелярія его содержится на средства предсѣдателя. Хотя по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія и отдѣлено 100,000 р. на училищные совѣты, но денегъ этихъ со-

вѣты до сихъ поръ (8—10 февраля) еще не получили. Даже бѣднымъ сельскимъ учителямъ, съѣхавшимся для слушанія лекцій, нельзя было назначить изъ какихъ бы то ни было общественныхъ суммъ хотя небольшихъ пособій на продовольствіе ихъ, такъ что предсѣдатель уѣзднаго училищнаго совѣта, С. С. Лашваревъ, напелся вынужденнымъ прибѣгнуть къ посредству своего собственнаго кармана, чтобъ выручить этихъ бѣдняковъ».

А какъ бѣдствуютъ и чѣмъ иногда оканчиваютъ эти безвѣстные труженики и просвѣтителѣ народа (Не вездѣ же вѣдь народныя школы въ теченіе 8 лѣтъ выучиваютъ грамотѣ только одного человѣка!)—объ этомъ можетъ дать понятіе слѣдующая исторія. «Учитель приходскаго училища въ Одессѣ, исполнявшій нѣсколько лѣтъ эту должность, по капризу попечителя народнаго училища (нужно знать, что у насъ на 22 училища 22 попечителя, которые дѣлаютъ, что имъ угодно), былъ уволенъ отъ службы. Оставшись съ 8-ю дѣтьми безъ куска хлѣба, онъ, въ бытность еще г. министра народнаго просвѣщенія въ Одессѣ, жаловался ему на несправедливое удаленіе его отъ должности. Уже полтора года тому назадъ жалоба учителя Алексѣева была передана въ общественное управленіе. Послѣднее назначило ему за несправедливую обиду 75 руб. въ пособіе, отказавъ отъ надежды получить мѣсто учителя. Съ тѣхъ поръ Алексѣевъ только и занимался, что ежедневно ходилъ хлопотать о полученіи сказаннаго пособія. Болѣе года онъ не могъ получить его. Потерявъ силы и впадъ въ крайнюю нищету, онъ съ 8-ю дѣтьми своими буквально голодалъ по цѣлымъ днямъ. Нужно знать, что Алексѣевъ былъ человѣкъ честный, что имѣлъ богатыхъ родственниковъ, и при всемъ томъ никто изъ нихъ не протянулъ руку помощи. 20-го декабря онъ былъ послѣдній разъ въ думѣ, ему сказали наше русское завтра. Онъ просилъ помощи у содержателя библіотеки, стараго холостяка и стотысячнаго богача-родственника, ему было отказано въ рублѣ. Возвратись домой въ 1 часъ дня, онъ былъ встрѣченъ кучею дѣтей съ крикомъ: «папа хлѣба, папа умираемъ съ голоду». Видя мученіе нѣжно любимыхъ дѣтей своихъ, онъ взялся за голову, обнялъ ихъ и, мутно поводя глазами на жену, сказалъ: «Вамъ хлѣба, вамъ хлѣба, милныя и дорогія мои крошки», и съ этими словами грянулся на полъ и тутъ же испустилъ духъ.

Считаю нелишнимъ привести и заключительныя строки этой корреспонденціи. «Читая эти слова, вы скажете: «а на что же наши благотворительныя заведенія?» Да, у насъ ихъ безчисленное множество, всѣ онѣ украшены золотыми вывѣсками—но все это пустое». *

* Не привести ли уже кстати и въ заключеніе этихъ печальныхъ повѣствованій и слѣдующее письмо, нигдѣ не напечатанное и къ печати не предназначавшееся (не учителя, а одного отставнаго чиновника, 2 года живущаго въ Петербургѣ безъ мѣста съ женой и 7 малолѣтними дѣтьми, — 8-й недавно номеръ!)? «Ваше высокоблагородіе и добрый! Бога ради простите мнѣ, что

Во всей Европѣ бѣдность и голоданіе сельскихъ учителей-шкульмейстеровъ вошла въ поговорку. У насъ доселѣ этотъ классъ бѣдствующихъ людей былъ немногочисленъ. Теперь мы желаемъ увеличить число сельскихъ школъ, — неужели же вмѣстѣ съ тѣмъ мы увеличимъ и число бѣдствующихъ, голодающихъ, *умирающихъ съ голоду* учителей!

Не знаю, какъ относительно всей остальной Россіи, но въ Петербургѣ противъ бѣдствій нуждающихся людей предпринимаются довольно энергическія мѣры — преимущественно все путемъ благотворительности! Здѣсь давно уже существуетъ общество дешевыхъ квартиръ и много другихъ обществъ въ этомъ родѣ. Они и достигаютъ своей цѣли въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ могутъ достигать — сотому, а можетъ быть даже и тысячному проценту всѣхъ нуждающихся въ содѣйствіи этихъ обществъ — они помогаютъ!

Одно изъ такихъ обществъ, «Петербургское благотворительное», имѣетъ своею задачею «улучшить по возможности положеніе нуждающагося населенія раздачею здоровой пищи за $\frac{1}{3}$ ея стоимости». Исслѣдуя причины, вслѣдствіе которыхъ число бѣдныхъ людей такъ велико, общество нашло, что главнѣйшія изъ нихъ заключаются: въ значительномъ приливѣ рабочаго народа въ столицу и въ недостатокъ, особенно зимой, работъ; въ дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ, которая способствуетъ распространенію пролетариата; въ безпріютности лицъ, выходящихъ изъ больницъ или тюремъ, и, наконецъ, не только въ недостатокъ, но большею частью въ полномъ отсутствіи всякаго образованія». А посему общество это, между прочимъ, и постановило открыть: ремесленное заведеніе, подъ именемъ «Дома трудолюбія»; дѣтскій пріютъ съ ремесленною школою и помѣщеніе для семейныхъ ремесленниковъ. «Домъ трудолюбія» будетъ давать работу людямъ, нуждающимся въ оной, обучая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ различнымъ ремесламъ. Въ него принимаются лица, выпущенныя изъ тюрьмы, вышедшія изъ больницъ, прибывающія вновь въ столицу и нуждающіяся въ работѣ и, наконецъ, лица, живущія въ Петербургѣ, но павшія нравственно. Люди, работающіе въ «Домѣ», будутъ получать опредѣленную плату, изъ которой часть будетъ идти на содержаніе каждаго, часть въ пользу заведенія, а часть записывается въ книгу и выдается на руки тогда, когда лицо выбываетъ изъ заведенія».

Словомъ, учреждается русскій Workhouse! Въ Лондонѣ такихъ домовъ трудолюбія, и въ буквально и въ переносномъ, нашемъ російскомъ, смыслѣ «рабочихъ домовъ» — много, какъ много

васъ беспокою завсегда. Повѣрьте Господу Богу, только имѣю у себя 40 коп., а нужно дровъ вунтъ. Бога ради не оставьте, 40 копѣекъ не достаетъ на четверть (сажень дровъ). Хлѣба вчера кое какъ досталъ отъ добрыхъ людей; а себѣ отвѣта (о мѣстѣ) не получалъ и не знаю, что Господь Богъ дастъ, что очень долго не увѣдомлять. Просто, силъ нѣтъ больше. Бога ради простите мнѣ, что васъ беспокою... 19 февр. 1869 г.»

тамъ и разныхъ другихъ, отлично организованныхъ благотворительныхъ обществъ; но, странное дѣло, съ голоду и холоду люди и въ Лондонѣ умираютъ и число нуждающихся, остающихся безъ работы или такихъ, трудъ которыхъ оплачивается плохо, нисколько не уменьшается.

Никто не будетъ воставать противъ благотворительности; благотворительность дѣло прекрасное; но пусть же люди не успокоиваются на ней одной, на томъ, что какой-нибудь «домъ трудолюбія» можетъ замѣнить правильную организацію труда и вознагражденія за него и измѣненіе общественныхъ нравовъ и общественныхъ отношеній. Одной рукой вы устраиваете домъ трудолюбія, а другой увеличиваете число лицъ, поступающихъ въ этотъ домъ; одной подаете милостыню, а другой — пускаете людей по міру; устраиваете одну школу, торжественно празднуете открытіе ея и въ печати себя выхваляете, а въ то же время закрываете или убиваете десятки другихъ школъ; учите грамотности, и въ то же время возстаете противъ литературы; строите дешевыя квартиры для бѣдныхъ, а сами прямо и косвенно возвышаете цѣну на квартиры и на всѣ необходимые предметы! Пять, десять человекъ никогда не бываютъ въ состояніи пособить сотнямъ и тысячамъ, но за то повредить тысячамъ людей, разорить ихъ и погубить — могутъ очень легко! Стоить только выдумать какой-нибудь нигилизмъ или сепаратизмъ, или захотѣть отечественную производительность и торговлю поддержать — и нашей народо-просвѣтительной дѣятельности конецъ, а больницы, тюрьмы, инвалидные дома и дома трудолюбія получать страшное количество новыхъ пациентовъ!

Мы жалуемся на недостатокъ работы для рабочаго класса, на недостаточность его заработковъ и открываемъ для него новую отрасль труда въ особыхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ; а съ людей, получающихъ работу, за то только, что они получили эту работу, беремъ особую подать!

«По словамъ газеты «Кавказъ», майору NN и потомственному почетному гражданину NN, на основаніи особыхъ кондицій, предоставлено право взискивать по одному рублю въ городѣ Тифлисѣ и его предмѣстьяхъ съ людей, нанимающихся въ прислуги и работники, начиная съ 18-ти-лѣтняго возраста мужскаго пола, какъ мѣстныхъ, такъ и прибывшихъ съ этою цѣлю, безъ различія времени, на постоянную или временную здѣсь заработку».

Въ смоленскомъ губернскомъ земскомъ собраніи одинъ гласный заявилъ: «Желѣзно-дорожный заработокъ (смоленско-московской дороги) дарованъ государемъ императоромъ собственно для доставленія средствъ голодающимъ крестьянамъ, а между тѣмъ подрядчики управы (такіе-то) по сей день не отдають четыремъ крестьянскимъ рядчикамъ болѣе 20,000 руб. заработанныхъ крестьянскихъ денегъ, несмотря на то, что работы, по свидѣтельству инженеровъ, исполнены и сданы этими крестьянами

окончательно и удовлетворительно. Это дѣло извѣстно управѣ еще съ первыхъ чиселъ ноября».

«Рѣшено: заявленіе это неумѣстно. Слѣдовало говорить объ этомъ, когда рѣчь шла о желѣзной дорогѣ (пятью минутами раньше), а теперь уже рѣчь о продовольствіи!»

Но довольно о предметахъ этого рода.

14-го февраля Россія и весь славянскій міръ праздновали тысячелѣтіе кончины св. Кирилла, просвѣтителя нѣкоторыхъ изъ западныхъ славянъ и составителя славянской азбуки. Какъ праздновали этотъ день другіе славяне — еще мало извѣстно; но въ Россіи отпраздновали его только тѣ, которые знали объ немъ, а такихъ было, относительно говоря, очень немного, вѣроятно, потому, что, къ стыду нашему, въ теченіе цѣлой тысячи лѣтъ изобрѣтенія св. Кирилла, грамотность и письменность, не пустили еще своихъ корней въ массѣ русскаго народа!

Въ Петербургѣ этотъ день отпразднованъ былъ торжественнымъ богослуженіемъ въ Исакіевскомъ соборѣ. «Но собственно народъ не нашутку изумился этому празднованію, замѣчаетъ одна газета. Онъ, конечно, явился въ соборъ толпою; но на самомъ дѣлѣ привлекли его въ соборъ не заслуги славянскихъ апостоловъ, о которыхъ онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, а множество парадныхъ мундировъ и дамъ, съѣхавшихся къ великолѣпному митрополичью служенію въ соборъ, въ будни, когда ни въ святцахъ, ни въ календаряхъ не показано никакого праздника». Воспитанники учебныхъ заведеній уволены были отъ классовъ. Вечеромъ того же дня славянскій благотворительный комитетъ устроилъ у себя торжественное засѣданіе, на которомъ, между прочимъ, объявлено было, что петербургскими членами этого комитета учреждается кирилловская премія въ 500 руб.—съ цѣлію поощрять молодыхъ людей къ изученію славянства, и сдѣланъ былъ сборъ (въ 323 руб.) на пользу распространенія въ русскомъ народѣ изобрѣтенія св. Кирилла, то-есть грамотности.

Къ сожалѣнію, и на этомъ славянскомъ праздникѣ мы перессорились, какъ и два года назадъ тому во время пріѣзда славянъ (когда одного профессора, за недостатокъ славянофильства, обвинили въ измѣнѣ!) По случаю торжественнаго богослуженія въ память св. Кирилла, Исакіевскій соборъ раздѣлили перегородкой на двѣ половины, назначивъ одну изъ нихъ, лучшую, ближайшую къ алтарю, для членовъ славянскаго комитета и ихъ знакомыхъ, а другую для всей остальной публики. Въ первую половину *пускали по билетамъ*, чѣмъ, разумѣется, и удивили и оскорбили многихъ благочестивыхъ людей, пожаловавшихся на это даже въ газетахъ! При семъ удобномъ случаѣ высказано было также, что русскія церкви не то, что католическіе костелы — въ нихъ всѣ равны и какихъ-нибудь особыхъ мѣстъ, куда не могъ бы стать всякій желающій, не суще-

ствуешь, — что, какъ извѣстно, совершенно несправедливо, — это можетъ объяснить и доказать любой кварталный-надзиратель!

9-го февраля исполнилось 140 лѣтъ со дня рожденія Федора Григорьевича Волкова, основателя русскаго театра. «Московскій артистическій кружокъ единогласно выбаллотировалъ предложеніе: отпраздновать этотъ день и положить затѣмъ праздновать его ежегодно». Народу отъ этого юбилея ничего не перепало, кромѣ развѣ того, что съ 23 февраля по 3 марта (то-есть на масляницѣ) по всему лицу земли руссой отырыли для него «балаганы»! (Я забылъ сказать, что пожертвованные г. Нарышкинымъ 6,000 руб. предназначены имъ на учрежденіе при университетѣ стипендіи *для недостаточнаго студента, преимущественно изъ сословія освобожденныхъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ*).

19 февраля празднованъ былъ день... Но кто же не знаетъ, что празднуется 19 февраля! Всѣмъ извѣстно также и то, что день этотъ, почему-то, вовсе не празднуется народомъ, по крайней-мѣрѣ, празднуется не болѣе, какъ обыкновенный парскій день. Почему народъ этого дня не празднуетъ — трудно сказать. Во всякомъ случаѣ, конечно, ужъ не потому, чтобы онъ считалъ его не праздничнымъ для себя, чтобы онъ, вмѣстѣ съ извѣстными людьми охранительнаго порядка, сожалѣлъ о потерѣ родительской опеки надъ собой. Но почему же народъ ни разу еще не праздновалъ этого дня такъ, какъ бы слѣдовало и какъ онъ когда нибудь будетъ же его праздновать? Неужели только потому, что неприказываютъ или не «дозволяютъ»? Или потому, что народъ вовсе и не знаетъ этого дня, не замѣтилъ его. А можетъ быть, и не по деликатности ли нѣкоторой — изъ уваженія къ трауру другихъ? И безъ того уже господа обижены и оскорблены; зачѣмъ же еще растравлять ихъ раны торжественнымъ празднованіемъ дня этой обиды!

Да и гдѣ нашему мужику праздновать торжественнымъ образомъ день своею освобожденія — «демонстрировать», когда онъ даже защиты своихъ правъ не смѣетъ искать прямымъ путемъ, а такимъ, что изъ Харькова въ Петербургъ черезъ Азію, черезъ Кавказъ! «На одной изъ главныхъ улицъ Тифлиса попались намъ на встрѣчу два человѣка. По одеждѣ ихъ и по тому любопытству, съ какимъ они разсматривали все, попадавшееся имъ на глаза, можно было съ разу догадаться, что они изъ Россіи. Откуда, землячки? — Изъ Харьковской. — Какъ забрели въ наши края? — По своимъ дѣламъ. — Слово за слово, удалось намъ узнать, въ чемъ дѣло: они пришли жаловаться великому князю намѣстнику на свои власти. — Мы просили надѣла, а насъ пересѣкли, перестрѣляли (?), объѣли. — Какъ же вы додумались придти сюда? — Да какъ же и быть намъ: до царя дойти нашему брату трудно; такъ мы порѣшили сюда».

*

Неужели же крестьяне эти не преувеличивают? неужели ихъ, въ самомъ дѣлѣ, «перестрѣлили»?

Въ Курляндіи «по многимъ мѣстностямъ открылись волненія въ населеніи по поводу взаимнаго страхованія противъ сибирской язвы. Нашлись подстрекатели, выставляющіе это нововведеніе, какъ мѣру, придуманную землевладѣльцами для взиманія новой повинности; хозяева отказываются сообщать описъ численности и цѣнности своего скота; нѣкоторые обращаются къ мѣстному начальству съ заявленіями, что у нихъ никогда не бываеъ сибирской язвы, и просятъ уволить ихъ отъ страховаго взноса; нѣкоторыя общины послали, будто бы, своихъ выборныхъ въ Петербургъ съ жалобами». И что же, какія мѣры приняты были для усмиренія «волненія», для убѣжденія темныхъ людей въ томъ, что страхованіе полезно? Ограничились ли однимъ разъясненіемъ дѣла и словеснымъ убѣжденіемъ? По всей вѣроятности, разъясненія и убѣжденія были, но ими не ограничились, а «сажаютъ сопротивляющихся попарно (чтобы, значить, одинъ другого убѣждалъ!) на хлѣбъ и на воду и, затѣмъ, передаютъ упорствующимъ суду»!

Помимо всего другого, здѣсь интересно также и то, что сперва людей наказываютъ, а потомъ уже передаютъ ихъ суду, чтобы онъ разобралъ: не слѣдуетъ ли ихъ наказать!

2-го февраля происходило годовое собраніе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, на которомъ читался отчетъ общества за 1868 г. и разсуждалось о томъ, что сдѣлано было обществомъ на пользу нуждающихся литераторовъ и ученыхъ и что слѣдуетъ сдѣлать. Впрочемъ, нѣтъ; объ этомъ не разсуждалось, ни о чемъ не разсуждалось. Это очень странно, но однакоже это такъ — ни о чемъ не разсуждалось, все больше читали, и только читали. Сперва читалъ секретарь общества, потомъ казначей, затѣмъ ревизіонная коммиссія. Послѣ этихъ чтеній выбрали молча новыхъ членовъ комитета, приняли въ общество двоихъ новыхъ членовъ и — разошлись. Это очень странно, но это бываетъ, что сойдутся люди умные и очень хорошо знакомые между собою и никакъ не могутъ завязать разговора. Каждый думаетъ: «надобно бы о чемъ нибудь заговорить; да о чемъ же говорить! Это не интересно, и то не интересно, а это и сами они знаютъ и понимаютъ не хуже меня». Такъ и сидятъ молча или перекидываясь «да», да «нѣтъ», пока кто нибудь не рѣшится пустить въ ходъ и неинтересный или повидимому всѣмъ хорошо извѣстный предметъ; а тамъ ужъ и разговариваются часиковъ этакъ на пять, на десять! Но члены общества для пособія литераторамъ, въ годовомъ собраніи своемъ, такъ и разошлись, не разговарившись! Они удовольствовались чтеніемъ отчетовъ комитета; значить, они довѣряютъ комитету; но о подобномъ довѣрїи самъ же комитетъ, въ одпомъ изъ своихъ прежнихъ отчетовъ, говоритъ: «какъ ни лестно та-

кое безусловное довѣріе къ распорядителямъ, но это налагаетъ на нихъ отвѣтственность и трудъ, несоразмѣрные съ силами нѣсколькихъ лицъ... Объ этомъ происходило много частныхъ совѣщаній между членами общества... Но эти совѣщанія не привели, пока, ни къ какому положительному результату». Комитетъ общался еще разъ заняться этимъ предметомъ и о результатѣ совѣщаній представить обществу въ годовомъ собраніи. Но и къ этому собранію не могъ ничего придумать, а собраніе попрежнему было «малочисленно и безцвѣтно».

Въ собраніи присутствовало всего только 44 члена, изъ 300 слишкомъ, и одинъ гость. О гостѣ этомъ въ печатномъ протоколѣ засѣданія не упоминается, тѣмъ не менѣе онъ былъ, и по всей вѣроятности первый и единственный за все время существованія этого общества и его общихъ собраній, если судить по тому, что для допущенія этого гостя потребовалось особое разрѣшеніе предсѣдателя. Если комитетъ въ своемъ отчетѣ жалуется на малочисленность и безцвѣтность собраній общества и заявляетъ желаніе, чтобы занятія общества приняты были близко къ сердцу всѣми нашими писателями и учеными по всѣмъ отраслямъ знанія и литературы, и радуется, что извлеченія изъ журналовъ комитета, печатаемые въ газетахъ, читаются и возбуждаютъ сочувствіе,—то, мнѣ кажется, нелишне бы было обществу нетолько безпрепятственно допускать въ свои общія собранія постороннихъ, но даже прямо приглашать ихъ въ своихъ объявленіяхъ объ этихъ собраніяхъ. Конечно, для привлеченія такихъ посѣтителей въ собраніяхъ должны же вестись хоть какія-нибудь и пренія и разсужденія, а не отчеты только читаться; иначе тамъ и самимъ членамъ общества нечего дѣлать.

Теперь сдѣлаю краткое извлеченіе изъ годового отчета.

Общество увеличилось въ прошедшемъ году 63 членами, но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ него и выбыло 443 члена. Эти 443 члена доселѣ числились въ спискахъ только номинально, болѣею частію обязанностей своихъ относительно общества не исполняли, то-есть, не вносили денегъ, а потому и были, наконецъ, изъ списковъ исключены (по правиламъ общества членъ, 2 года невнесшій своего ежегоднаго членскаго взноса, считается вышедшимъ изъ общества; до 1868 г. это правило не исполнялось). Капиталь общества въ теченіе года возросъ съ 38,063 р. 31 коп., бывшихъ къ 1 янв. 1868 г., до 54,985 р. 83 коп. Главную статью дохода составилъ членскій взносъ (9,242 руб.). Но такъ-какъ въ этой суммѣ заключаются и взносы, сдѣланные нѣкоторыми членами за нѣсколько лѣтъ разомъ, то общество опасается, что безъ значительнаго увеличенія числа членовъ, въ настоящемъ году, эта статья дохода доставитъ не болѣе 4,500 рубл. Вмѣсто этого общество надѣется увеличить свои доходы устройствомъ публичныхъ лекцій, хотя «сдѣланныя доселѣ комитетомъ попытки склонить нѣкоторыхъ извѣстныхъ ученыхъ къ

чтенію такихъ лекцій въ пользу общества и оказались пока безуспѣшными.

Получивъ, такимъ образомъ, въ прошедшемъ году значительное приращеніе своихъ денежныхъ средствъ, общество могло сдѣлать и болѣе значительные расходы изъ нихъ, чѣмъ въ 1867 году. Всего израсходовано въ течение года на пенсіи (15 лицамъ), воспитаніе (23 лицъ) и въ пособіе нуждающимся, всего 102 лицамъ или семействамъ: 10,245 руб., и кромѣ того, выдано одному лицу заимообразно 200 руб. Въ 1867 г., оказано было пособія 88 лицамъ, на сумму 7,302 руб.. Кромѣ денежныхъ пособій общество оказывало и другія пособія — ходатайствами о помѣщеніи покровительствуемыхъ обществомъ лицъ въ казенныя заведенія, въ богадѣлни и больницы, о назначеніи пенсій, опредѣленіи на службу.

Оставлены неудовлетворенными просьбы 23 лицъ о пособіяхъ и ссудахъ и 5 л. о пособіяхъ на изданіе сочиненій, о рекомендаціи въ комиссіонеры по книжной торговлѣ и корреспонденты журналовъ, объ устройствѣ публичныхъ лекцій, съ обращеніемъ части выручки на изданіе сочиненій, и т. п.

Въ годовомъ отчетѣ за 1867 г., общество говорило: «мы не отказали ни одному изъ просителей, которые, по нашему убѣжденію, заслуживали помощи; но тяжко вспомнить, что эта помощь, въ большинствѣ случаевъ, была мала въ сравненіи съ тѣмъ, о чемъ насъ просили, и что слѣдовало дать! Мы нерѣдко умалили очень скромныя требованія вдвое, иногда даже втрое, отсрочивая, а не отвращая нужду». Въ отчетѣ же за 1868 г., общество говорить: «Комитетъ можетъ съ утѣшеніемъ заявить, что въ прошломъ году онъ не былъ поставленъ въ печальную необходимость скупиться выдачею пособій по недостатку денежныхъ средствъ и соразмѣрялъ назначенныя вспомошествованія лишь съ положеніемъ просителей, ихъ нуждой и съ свойствомъ ходатайствъ».

Еще утѣшительнѣе то, что наше общество пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, по всей вѣроятности, не было и, судя по настоящимъ его денежнымъ средствамъ, не будетъ поставлено въ необходимость отвѣтить какому-нибудь изъ своихъ просителей такъ, какъ отвѣчалъ дрезденскій отдѣлъ шиллеровскаго учрежденія одному слѣпому и глухому писателю (Генриху Мартену): ваша нужда такъ велика, что шиллеровское учрежденіе не можетъ ему и помочь, — обратитесь къ помощи частныхъ лицъ.

Вступивъ разъ на почву цифръ и отчетовъ о доходахъ и расходахъ, я считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ и о главнѣйшемъ въ Россіи отчетѣ по этой части, — отчетѣ государственнаго контроля о доходахъ и расходахъ за 1867 годъ и о государственной росписи на 1869 годъ, хотя свѣдѣнія объ этомъ и были опубликованы еще въ началѣ января.

По государственной росписи на 1869 г. предполагается къ поступленію:

Доходовъ	419.977,532 руб.	67 ¹ / ₂ коп.
болѣе противъ 1868 г. на	9.509,829 »	76 »
Расходовъ	435.151,607 »	9 »
болѣе противъ 1868 г. на	13.221,768 »	25 ¹ / ₂ »
Такимъ образомъ, недостатокъ въ доходахъ на покрытіе всѣхъ расходовъ (дефицитъ) бюджетъ.	15.174,074 »	41 ¹ / ₂ * »

На покрытіе этого дефицита имѣется уже равная сумма, образовавшаяся изъ остатковъ отъ суммъ, назначавшихся на расходы 1867 и 1868 годовъ. Такимъ образомъ, дефицита, по-видимому, нѣтъ; для покрытія его не нужно дѣлать займа; онъ покрывается наличными суммами казначейства. Но не говоря о томъ, что государственные расходы каждаго года должны бы строго сообразоваться съ доходами того же самого года и не превышать ихъ (чего въ настоящемъ случаѣ нѣтъ), извѣстно, что въ числѣ суммъ, предназначавшихся на покрытіе расходовъ 1867 и 1868 годовъ, отъ которыхъ теперь оказался остатокъ, заключались суммы, полученные посредствомъ займовъ. Такимъ образомъ, если эти суммы и не были вполне израсходованы въ 1867 и 1868 гг., то онѣ расходуются теперь; слѣдовательно, дефицитъ настоящаго года покрывается деньгами, полученными тоже посредствомъ займа.

Послѣ этого должно бы казаться, что не было дефицитовъ въ 1867 и 1868 годахъ, или, по крайней-мѣрѣ, дефициты эти были не такъ значительны, если отъ суммъ, назначенныхъ на покрытіе ихъ, остались остатки; но на самомъ дѣлѣ расходы тѣхъ лѣтъ были несравненно выше предполагававшихся при составленіи росписи; болѣе, стало-быть, сдѣлались и дефициты тѣхъ лѣтъ и на покрытіе этихъ новыхъ дефицитовъ, при составленіи росписи непредвидѣвшихся, оказалось необходимымъ обратиться къ новымъ займамъ (то-есть дозвать изъ прежде сдѣланныхъ займовъ). Отъ этихъ-то вотъ, такъ-сказать, усиленныхъ позаймствованій изъ займовъ на покрытіе усиленныхъ,

* Сверхъ сего на постройку желѣзныхъ дорогъ и двухъ портовъ назначено 31.123,303 руб. 30 коп. Менше противъ 1868 г. на 7.542,390 руб. 58 коп.

На покрытіе этого расхода имѣются особыя спеціальныя суммы, остающіяся отъ займовъ, сдѣланныхъ именно для этой цѣли. Такихъ суммъ имѣется въ настоящее время 33.851,000 руб. Слѣдовательно, изъ этихъ суммъ почти ничего уже будетъ брать на покрытіе разныхъ другихъ государственныхъ расходовъ, какъ это дѣлалось доселѣ, и если на остающуюся сумму не будетъ окончена постройка всѣхъ правительственныхъ дорогъ, то въ скорости понадобится сдѣлать новый заемъ, можетъ быть опять 5% лотерейный.

увеличенныхъ дефицитовъ тѣхъ лѣтъ и образовался тотъ остатокъ, который предполагается теперь употребить на покрытие дефицита 1869 года.

Но судя по тому, что доселѣ, дѣйствительные расходы изъ году въ годъ, далеко превышали тѣ, которые предполагались по росписямъ, можно, со всею вѣроятностью, предположить, что то же самое будетъ и съ расходами 1869 г.: ихъ будетъ больше, чѣмъ сколько предположено. Тогда и дефицитъ настоящаго года долженъ будетъ увеличиться. Правда, можетъ быть, и доходовъ въ настоящемъ году будетъ больше, чѣмъ сколько ожидается, какъ это и было въ 1867 году; ихъ можетъ поступить даже столько, что совсѣмъ и дефицита не будетъ. Но это, конечно, не болѣе, какъ только благое желаніе!

Для большаго уясненія всего этого слѣдуетъ обратиться къ отчету государственнаго контроля о томъ, какъ исполнились въ дѣйствительности предположенія государственной росписи о доходахъ и расходахъ 1867 года.

По росписи доходовъ ожидалось.	399.670,599 руб. 34 коп.		
Въ дѣйствительности же поступи-			
ло ихъ	414.969,142 »	66 »	
болѣе на	15.298,543 »	32 »	
Расходовъ предполагалось сдѣ-			
лать на	406.026,893 »	59 ³ / ₄ »	
дефицитъ долженъ былъ быть	15.206,029 »	25 ³ / ₄ »	
Въ дѣйствительности же расходовъ			
произведено на	424.904,090 »	19 ³ / ₄ »	
болѣе, противъ предполагавших-			
ся на	18.877,196 »	60 »	
Но такъ-какъ и доходовъ получено			
было больше, то дѣйствительный			
дефицитъ въ 1867 году оказался			
только.	9.934,947 »	53 ³ / ₄ »	

Для покрытія его не было средствъ и нужно было прибѣгнуть къ посредству займа, или взять изъ займа уже, такъ-сказать, законтрагованнаго, но еще не вполнѣ уплаченнаго.

Между тѣмъ, мы видѣли выше, что дефицитъ 1869 г. предполагается покрыть (между прочимъ) остаткомъ отъ суммъ, полученныхъ въ 1867 году. Откуда же взялись эти суммы, когда изъ приведенныхъ цифръ оказывается, что ихъ вовсе нѣтъ? А онѣ образовались такимъ образомъ, что для покрытія дефицита 1867 г. взято было, посредствомъ займа, болѣе, чѣмъ сколько нужно было въ дѣйствительности. Хотя израсходовано въ 1867 году всего только на 18 милліоновъ болѣе, чѣмъ предполагалось; но заявлено было этихъ превышеній (въ теченіе года — расходы сверхсмытные) 32.573,695 руб. 23³/₄ коп. Для покрытія этихъ 32 мил. тогда же и найдены были деньги; но

такъ-какъ въ дѣйствительности израсходованы были не всѣ эти затребованные 32 мил., то отсюда и образовался остатокъ въ 13.696,498 руб. 63³/₄ коп.

Я боюсь утомить читателя этими цифрами; но я попросилъ бы еще немного послѣдить за мною, чтобы увидѣть, какимъ образомъ, повидимому, изъ ничего дѣлается «что», изъ дефицита дѣлается остатокъ и изъ остатка въ 13 мил. — остатокъ почти въ 30 мил.

И въ отчетѣ государственнаго контроля и въ докладѣ министра финансовъ остатокъ отъ суммъ, находившихся въ распоряженіи государственнаго казначества въ 1867 году, показанъ въ 29.853,480 руб.

Откуда же взялась эта сумма? Съ одной стороны оттого, что нѣкоторые долги казначейству причислены къ наличности (пособіе изъ особаго государственнаго земскаго сбора, въ томъ же году дѣйствительно и поступившее); съ другой — опять изъ тѣхъ же все займовъ,—въ счетъ ихъ взято было въ дѣйствительности болѣе, чѣмъ сколько требовалось даже для покрытія излишне заявленныхъ сверхсѣтныхъ (т.-е. 32 мил.) расходовъ. Въ отчетѣ государственнаго контроля говорится объ этомъ такъ: «Нѣкоторая часть расходовъ по платежамъ, произведеннымъ за границу, была въ дѣйствительности, для болѣе удобнаго распоряженія фондами, покрыта не изъ обыкновенныхъ доходовъ, а изъ особыхъ суммъ, состоявшихъ за границею въ распоряженіи министерства финансовъ». Отчего и образовался отъ нихъ, противъ дѣйствительныхъ расходовъ, остатокъ не въ 13 мил., а въ 19.979,107 р. 7¹/₄ к., да изъ суммъ государственнаго земскаго сбора перечислено 9.874,373 р. 21¹/₂ к.; всего 29.853,480 р. 28³/₄ к. Часть этихъ-то суммъ (4.487,900 р.) и пойдетъ на покрытіе (одной части) дефицита настоящаго года; другая часть пошла на покрытіе дефицита (20 мил.) 1868 года. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ того же 1868 г. образуется и остатокъ въ 13 мил., который предназначается на покрытіе другой половины дефицита 1869 года!

Я долженъ просить у читателей и особенно читательницъ, непривыкшихъ къ цифрамъ, извиненія за то, что, по всей вѣроятности, утомилъ ихъ этими цифрами. Цифирное дѣло — дѣло трудное! Если прочесть вотъ эти двѣ страницы было не совсѣмъ легко, то прочесть отчетъ объ исполненіи росписи 1867 г. и росписи 1869 г. и особенно понять ихъ — еще труднѣе, хотя они и составлены, повидимому, довольно ясно, а отчетъ контроля старается разъяснить, такъ сказать, каждую цифру. Но что понять все это, тѣмъ не менѣе, не легко, доказывается тѣмъ, что люди, разбиравшіе ихъ и писавшіе объ нихъ, понимали ихъ одни такъ, а другіе совсѣмъ иначе! Не знаю, достаточно ли ясно изложилъ я; но, кажется, очевидно, по крайней мѣрѣ, главное, что у насъ не достиглось еще рав-

новѣсіе между государственными расходами и доходами, и мы покрываемъ значительную часть этихъ расходовъ все чужими средствами, въ надеждѣ когда-нибудь поправить свои финансовыя дѣла. Но когда они поправятся и отчего поправятся — это дѣло темное! Въ докладѣ министра финансовъ увеличеніе государственныхъ доходовъ 1867 года объясняется отчасти случайнымъ и счастливымъ для насъ совпаденіемъ хорошихъ урожаевъ въ Россіи (1866 г., — повсемѣстно, и 1867 г. — въ нѣкоторыхъ изъ самыхъ хлѣбныхъ губерній) съ высокими заграничными цѣнами и, съ другой стороны, живительнымъ вліяніемъ на народное благосостояніе и, слѣдовательно, на государственные финансы желѣзныхъ дорогъ. Вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, а равнымъ образомъ и вслѣдствіе открытія осенью прошедшаго года новыхъ линій желѣзныхъ дорогъ и, по заявленію министра финансовъ, хорошаго урожая 1868 года, въ настоящемъ году доходовъ и ожидается болѣе, чѣмъ въ 1867 и 1868 годахъ.

Читатель, конечно, не мало удивится, что несчастные, по отношенію къ народному продовольствію, 1867 и 1868 года, вдругъ оказываются въ числѣ плодородныхъ и что доходовъ въ 1867 г. поступило даже болѣе, чѣмъ ожидалось; но лучше ли было народу оттого, что наша отпускная торговля въ теченіе этихъ лѣтъ чрезвычайно оживилась, и усиленный сборъ доходовъ свидѣтельствуетъ ли непремѣнно о благосостояніи народа — это еще вопросъ нерѣшенный! Главную статью государственныхъ доходовъ составляетъ все-таки водва (134 милліона рублей въ 1867 г., 128¹/₃ мил. въ 1868 г. (по росписи) и 131¹/₂ мил. по росписи 1869 г.) и подушныя оброчныя подати (75 мил., 82⁹/₁₀ и 83 мил.), которыя если и не говорятъ противъ благосостоянія массы народа, то не говорятъ еще ничего и въ пользу этого благосостоянія.

Теперь я съ цифрами могъ бы и покончить, по у меня осталось еще нѣсколько милліоновъ рублей — бумажками и чистымъ золотомъ, которые я и намѣренъ подарить — кому угодно!

Въ городѣ Моршанскѣ живетъ купецъ, а у купца того есть деньги; много денегъ, страхъ какъ много! По сказанію однихъ, 15 милліоновъ, по сказанію другихъ, 30—40, даже болѣе 100 милліоновъ! И что же бы вы думали, откуда взялись у него эти деньги и на что онъ ихъ употребляетъ? Срамно и речи! А впрочемъ, это совсѣмъ еще неизвѣстно, откуда у него взялись такія деньги; извѣстно, откуда они берутся у большей части нашихъ купцовъ, а также и не купцовъ. Если спросить ихъ, такъ они и сами едва-ли въ состояніи будутъ сказать и разсчетными книгами и записями доказать, откуда у нихъ берутся иногда очень почтенныя куши. Начинаетъ человекъ съ того, что стоитъ за прилавкомъ или бумаги переписываетъ, получая чистоганомъ 3 рубля въ мѣсяцъ, а глядишь, къ старческимъ годамъ милліонами начинаетъ располагать, не получивъ ни от-

куда ни гроша наслѣдства. Все коммерція, да спина, ну, и ловкость тоже вывозить! То же вотъ самое могло случиться и съ онимъ купцомъ моршанскимъ. Но относительно его не хотѣть допустить такой возможности — есть сильнѣйшее основаніе думать, что ему и другіе помогали собирать эти капиталы. Говорять даже, что эти деньги вовсе не его, а какія-то общественныя, какого-то тайнаго, запрещеннаго общества. Если эти деньги общественныя и хранитель ихъ членъ или глава тайнаго, недозволеннаго общества, то купца, конечно, накажутъ, а деньги конфискуютъ. Но купецъ будто бы отрицается, что онъ членъ или глава запрещеннаго общества: «деньги, говорить, мои, а какъ я нашлъ ихъ, доказать не могу» (а можетъ быть, и могу, пока еще ничего неизвѣстно). Сейчасъ начали его обыскивать, и вдругъ, о ужасъ! нашли, что онъ... (а впрочемъ, можетъ быть, и ничего не нашли; неизвѣстно). Но за то въ домѣ его нашли цѣлый притонъ женщинъ, и молодчухъ, и старухъ, и красивыхъ, и безобразныхъ. Начали и ихъ обыскивать; нарочно для этого докторовъ изъ Петербурга выписали и нашли, что онѣ... (а впрочемъ, опять-таки ничего неизвѣстно, что у нихъ нашли!).

— Откуда же у тебя деньги? спрашиваютъ купца.

— Мои, говорить.

— А что это за женщины?

— Знакомыя: странницы разныя, богомолки, приживалки.

— Ты гаремъ держишь, наложницъ имѣешь!

— Какое, батюшка, гаремъ; мнѣ-то гаремъ держать! Да вѣдь я...

— А!!! Такъ ты не можешь *гарема* держать! Давай деньги «на училища, на гимназій, стипендіи»... Ты и съ женой не можешь жить, какъ слѣдуетъ, и дѣтей не можешь имѣть... Ахъ, ты, варваръ! Ахъ, ты, изчадіе рода человѣческаго (и даже животнаго)!

— Да я все это грѣхомъ почитаю, я подвижничать хочу. Мы всѣ ходимъ подвижничать, и мужчины и женщины, и старыя и малыя. Малолѣтки у насъ иногда прямо поступаютъ въ подвижники, а то такъ мы ихъ сперва на испытаніи держимъ, подготавливаемъ. А потомъ, когда въ свой умъ войдутъ, принимаемъ и въ подвижники.

— Подвижникъ ты, вотъ что!... Нѣтъ, ты такъ подвизайся, чтобы тебѣ это трудъ составляло, чтобы у тебя съ плотью борьба была, чтобы, какъ только ты увидишь прелесть мірскую, тотчасъ бы чувства твои говорили, что ты подвизаешься.

— Это такъ; но у насъ ужъ за то грѣха — никогда!

Такъ, я думаю, будетъ вести свою зачиту онимъ моршанскімъ купецъ, съ братією и сестрами, если только имъ непремѣнно придется вести ее; такъ бы совѣтовалъ я имъ вести его; и присяжные или другіе судьи, по всей вѣроятности, сказали бы имъ на это только: «дурачье вы, и больше ничего!»

На меня могут воззвать за это всё литературные блюстители общественной нравственности, могут даже обвинять меня въ томъ, что я говорю все это не безкорыстно. Это ужъ ихъ дѣло. Они, какъ будто сговорились всё, не говорить о моршанской исторіи иначе, какъ непременно требуя костра и костра, и главнымъ образомъ, требуя не ими нажитыя деньги («на школы и стипендіи»). Мало ли у насъ въ Россіи миллионеровъ, мало ли между ними такихъ, которые нажили эти деньги не чистыми средствами или неизвѣстно какими средствами; мало ли и такихъ, которые и деньги чистымъ образомъ нажитыя употребляютъ на подвиги хотя совершенно противоположнаго рода, чѣмъ моршанскіе подвижники, но тѣмъ не менѣе позорные. Тагъ требуйте и эти деньги на школы и стипендіи. Въ послѣднее время стали, впрочемъ, слышаться въ печати и болѣе сдержанныя мнѣнія и напоминанія о томъ, что вѣдь эти люди еще не осуждены, что относительно ихъ даже ничего еще неизвѣстно положительно. Но за то, съ другой стороны, люди, конечно, не получившіе взятки, стали заявлять слухи и предположенія, что столько-то и столько-де редакцій подкуплено! Моршанскимъ обвиняемымъ не позволяютъ даже адвоката имѣть и въ порывѣ неподкупленной честности восклицаютъ: неужели найдется такой адвокатъ, который рѣшится запятнать свое имя защитой этихъ варваровъ, купающихся въ человѣческой крови!

Много, господа, на свѣтѣ и другихъ людей, купающихся въ человѣческой крови, защитой которыхъ никто не пачкаетъ своего имени только потому, что ихъ никто не обвиняетъ.

Л. Р.

NB. Въ «Обозрѣніи 1868 года» («От. Зап.» № 1) оказались слѣдующія невѣрности: Г-жа Суслова держала въ Петербургѣ не экзаменъ на докторскую степень, а только, такъ-называемый, коллоквиумъ для полученія права на медицинскую практику, которое ей и дано.

Въ пользу голодающихъ собрано въ теченіе 1868 г. 2.012,804 р. 64¹/₄ коп., изъ нихъ употреблено по назначенію 1.951,595 р. 56¹/₄ коп.

Пріѣзжавшій въ Петербургъ американскій генералъ не былъ Шерманъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Письмо седьмое *.

У насъ до сихъ поръ не возникалъ еще вопросъ о томъ, можетъ ли и въ какой мѣрѣ провинція заявлять претензію на самостоятельность. Чувствуется ли, напримѣръ, потребность въ мѣстныхъ органахъ печати? возможно ли въ провинціи самостоятельное общественное мнѣніе? на столько ли дѣйствительны и живы мѣстные интересы, чтобы, ради ихъ, лучшія силы губернской интеллигенціи имѣли поводъ задерживаться въ провинціи, а не устремляться вонъ изъ нея, чтобы отыскивать для себя поприще болѣе обширное и дѣятельное?

Должно сознаться, что даже и въ настоящее время, когда уже начинается мало по малу сказываться живая связь между центромъ и окружностью, столичное общественное мнѣніе все еще смотритъ на провинцію, какъ на *anima vilis*, какъ на какой-то придатокъ, существующій не ради себя самого, а для удовлетворенія инымъ, иногда даже весьма не близкимъ цѣлямъ. Такъ-называемая мысль провинціи, ея желанія, инстинкты предполагаются до такой степени общеизвѣстными, что никому даже въ голову не приходитъ провѣрить, въ самомъ ли дѣлѣ эта общеизвѣстность такова, какъ предполагается. Нѣтъ ли тутъ какой-нибудь игры словъ? Не слѣдуетъ ли, вмѣсто выраженія «общеизвѣстность», употребить болѣе подходящее «обязательность»? Не правильнѣе ли сказать, что мысль провинціи считается на столько обязательною, что равнодушіе къ ней ни въ какомъ случаѣ и ничему ущерба нанести не можетъ.

Что такое отношеніе столичнаго общественнаго мнѣнія къ провинціи существуетъ — это доказывается уже тѣмъ, что даже въ такихъ случаяхъ, когда первое почему-нибудь считаетъ излишнимъ, чтобы провинція подала свой голосъ въ извѣстномъ

* Предшествующія письма были напечатаны въ «Отеч. Зап.» 1868 г. № 2, 4, 5, 9 и 10.

вопросъ, то оно ожидаетъ отъ этого голоса не провѣрки того или другаго выработавшагося въ немъ убѣжденія, а только подтвержденія его. И въ самомъ дѣлѣ, факты никогда не обманывали подобныхъ ожиданій; напротивъ того, они постоянно и упорно подтверждали, что столичное мнѣніе имѣетъ полное право называть провинціальную мысль и общезвѣстною и обязательною.

Испытайте мысль любого изъ столичныхъ бюрократовъ о провинціи, очистите эту мысль отъ тѣхъ оговорокъ, которыми она почти всегда затемняется, и вы, навѣрное, прочтете такъ: провинція есть та среда, въ которой собираются подати и налоги, необходимыя для безостановочнаго дѣйствія центровъ. Испытайте мысль объ этомъ же предметѣ любого члена нашей празднотающей интеллигенціи, и вы прочтете такъ: провинція есть то злачное мѣсто, изъ котораго извлекаются матеріальныя средства, необходимыя для удобнаго существованія въ столицѣ. Спросите, наконецъ, любого изъ исторіографовъ, одрахлаѣвшихъ отъ волненій, испытанныхъ ими въ столичныхъ танцкласссахъ и въ настоящую минуту густо населяющихъ наши провинціальныя палестины, спросите ихъ, зачѣмъ они приволокли въ провинцію свою дряблость и истасканность? — и вы, навѣрное, услышите отвѣтъ: да такъ, надо же, наконецъ, и отдохнуть! Даже кушцы, въ рукахъ котороухъ скапливалось въ былое время большинство мѣстныхъ капиталовъ, и которые всегда охотно сживались съ родными гнѣздами, нынче, благодаря торговому космополитизму, вводимому желѣзными дорогами, совсѣмъ растерялись, и не знаютъ, куда обратить дѣятельность, для которой провинція уже не представляетъ выгоднаго поприща. Правда, остается мужикъ, который, попрежнему, сидитъ крѣпко на своемъ мѣстѣ; но что же такое мужикъ, какъ не простая тягловая единица, которая постоянно производитъ, и у которой постоянно же производимое болѣе или менѣе проходитъ между пальцевъ?

Все чувствующее въ себѣ силу, все бодрое и могущее — неудержимо стремится вонъ изъ провинціи; все дряблѣе, неумѣлѣе, нищее духомъ столь же неудержимо стремится въ провинцію.

Сами провинціальныя обыватели, повидимому, совершенно искренно убѣждены, что провинція не что иное, какъ *anima vilis*, или, по большей мѣрѣ, придатокъ, и что это самое приличное для нея положеніе. «У насъ просто, у насъ безъ хитрости, у насъ всякой борзой собаке мѣсто найдется», скажутъ вамъ одни, и вы почувствуете, что это слова не бросовыя, что они произносятся даже не съ ожесточеніемъ, а съ добродушнѣйшею искренностью. «У насъ скука! у насъ отъ нея одной не поглубѣтъ невозможно!» скажутъ другіе, но и въ этихъ словахъ вы не почувствуете ни озлобленія, ни ропота, а развѣ вакую-то робкую и почти неуѣстную иронию. «Ничего у насъ не подѣлаешь, да и дѣлать,

признаться, нечего», присовокупляютъ третьи, и, ежели угодно, даже докажутъ фактически, что дѣлать дѣйствительно нечего. Наконецъ: «у насъ безъ того, чтобы не пить, нельзя»...

Нѣсколько разъ въ теченіе настоящихъ писемъ была выражена мысль, что современная провинція уже не представляетъ собою того дремучаго лѣса, какимъ она была въ прежнее и даже весьма недавнее время. Повидимому, мысль эта противорѣчить мнѣнію, высказанному выше; но это противорѣчіе только кажущееся. Нѣтъ спора, внѣшнія формы провинціального быта улучшились, даже внутреннее его содержаніе значительно видоизмѣнилось; но никто не скажетъ, чтобы это улучшение и измѣненіе выработалось провинціей самостоятельно, чтобы оно не было наслано на нее извнѣ, въ такую минуту, когда она меньше всего о томъ помышляла.

Жизнь обновилась, но по поводу этого обновленія провинція не выказала ни малѣйшей инициативы. Мало того: это обновленіе потребовалось въ нее *вводить* точно такимъ же порядкомъ, какъ вводится, напримѣръ, шестипольное хозяйство вмѣсто трехпольнаго. Раздѣлять каждое поле на двое, и начать пахать, боронить и сѣять по новому. Земля непосредственно не возражаетъ противъ нововведеній, но и не содѣйствуетъ имъ; то-есть, коли хотите, и у нея есть способъ откликаться на нововведенія земледѣльца, посредствомъ урожаявъ или неурожаявъ, но этотъ способъ чисто страдательный, свойственный ей неорганической природѣ. То же самое можно сказать и относительно провинціи, съ тою только разницею, что тутъ не можетъ быть и рѣчи объ урожаяхъ или неурожаяхъ.

Мы живо помнимъ конецъ пятидесятыхъ и начало шестидесятыхъ годовъ; въ то время столичное общественное мнѣніе кипѣло и волновалось такъ-называемыми вопросами — кипѣла и волновалась ими и провинція. Но и въ этомъ, повидимому, искреннемъ и въ добавокъ либеральномъ кипѣніи она на каждомъ шагу путалась въ противорѣчіяхъ: съ одной стороны, преувеличивала, съ другой — пасовала; но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не стѣмѣла выказать одного: самостоятельной творческой способности. Провинціальный нервъ напрягался и ослабѣвалъ, повинувшись какой-то случайности, такъ что со стороны можно было заподозрить, нѣтъ ли тутъ какого-нибудь начальственнаго предписанія. Но предписанія никакого не было, а было одно: отсутствіе всякой сознательности. Все пришлое, неотвѣчающее потребности, нами самими сознанный, можетъ, конечно, до извѣстной степени увлечь и заставить приняться за дѣло съ горячностью, но даже такая лихорадочная дѣятельность всегда будетъ только случайнымъ сбродомъ праздныхъ словъ, довольно отчетливо произносимыхъ языкомъ («языкъ безъ костей», справедливо увѣряетъ русская пословица), но совершенно неимѣющихъ никакого отношенія къ дѣйствительности.

Поэтому-то, праздное слово такъ и осталось празднымъ словомъ, и сѣмя, брошенное руками, не вѣдавшими чтò творять, не дало даже чахлаго роста. Замутилось столичное общественное мнѣніе — замутилась за нимъ и провинція. Не потому замутилась, чтобы дошла собственнымъ умомъ до сознанія, что, наконецъ, кипѣть довольно, а просто замутилась — да и все тутъ. И даже не постепенно произошла въ ней эта перемѣна, а вдругъ; вчерашніе рыаные либералы проснулись либералами стыдливыми, и не могли ни другимъ, ни себѣ дать отчета, почему это такъ сдѣлалось.

Вотъ факты, совершившіеся на нашихъ глазахъ. Высказала ли провинція по поводу ихъ свое слово? выразила ли она хоть чѣмъ нибудь, что ея мнѣніе не есть то заранѣе извѣстное и обязательное мнѣніе, узнавать о которомъ было бы совершенно лишнею формальностью, ведущею только къ проволочкѣ времени?

Нѣтъ; не высказала и не выразила ничего, потому что нѣтъ у нея главнаго условія, которое необходимо для жизни дѣятельной и полагающей починъ — нѣтъ самосознанія, а слѣдовательно, нѣтъ и слова для выраженія его. Конечно, и въ провинціи вы можете встрѣтить — и нерѣдко — людей несомнѣнно талантливыхъ и даже энергическихъ; но самая характеристическая черта этихъ талантливыхъ заключается въ томъ, что онѣ постоянно какъ будто торопятся и постоянно же чего-то ожидаютъ. Но знаете ли, чтò собственно составляетъ предметъ этихъ тревожныхъ ожиданій? Увы! Это не болѣе и не менѣе, какъ прїѣздъ сановника, флигель-адъютанта, или вообще лица, власть имѣющаго. И совсѣмъ не потому, чтобы лицедрѣніе сихъ особъ заключало въ себѣ нѣчто необычайно лестное для дальновиднаго провинціала, а просто потому, что въ каждой «особѣ» талантливость усматриваетъ орудіе, которое можетъ извлечь ее изъ неизвѣстности, то-есть опять-таки изъ провинціи. Вотъ, думаетъ талантливость, прїѣдетъ W; сейчасъ я его плѣняю и прїятно изумляю; онъ меня, я его, и... И уже видитъ себя окруженною нѣкоторымъ бюрократическимъ ореоломъ и вносящею такъ называемую новую струю въ разнообразный департаментскій соръ, вѣками накопленный въ столицахъ.

Таковы тайныя стремленія такъ-называемыхъ провинціальныхъ талантливыхъ. И на яву и во снѣ онѣ видятъ одно: какъ бы развязаться съ провинціей, какъ бы порвать тѣ цѣпи, которыя привязываютъ ихъ къ родному гнѣзду. Имъ не улыбается мысль, что лучше быть первымъ въ деревнѣ, нежели вторымъ (а можетъ быть, и вторымъ съ конца) въ Римѣ; имъ не приходитъ въ голову даже то совершенно естественное предположеніе, что, сдѣлавшись участниками столичнаго движенія, они не только не будутъ вносить никакой новой струи, но сами утонутъ въ департаментскомъ сорѣ, и прибавятъ только лишнюю

составную часть къ числу прочихъ частей, его составляющихъ. Нѣтъ, они фаталистически и безъ всякихъ соображеній влекутся вонь изъ провинци, всѣ интересы которой кажутся имъ и ограниченными, и недостойными, и даже пошлыми.

Примѣры подобныхъ неудержимыхъ стремленій истинно паразительны; укажемъ здѣсь на одинъ изъ нихъ. Извѣстно, что нигдѣ такъ не распространены классъ такъ называемыхъ самоучекъ, какъ въ провинци. Эти люди всѣ свои способности употребляютъ или на то, чтобы изобрѣтать изобрѣтенное, или на то, чтобы разрѣшать неразрѣшимое. Очень можетъ статься, что это личности въ своемъ родѣ весьма способныя, но не подлежащія спору, что, въ то же время, нѣтъ на свѣтѣ породы людей болѣе бесполезной и болѣе бросающейся въ глаза своею невѣжественною неразвитостью. И что жь? попробуйте испытать сокровенную мысль одного изъ этихъ рѣшителей неразрѣшаемаго, и вы, навѣрное, прочтете ее такъ: а вотъ погоди! ужь, какъ открою квадратуру круга, въ ту жь минуту махну въ Петербургъ! Вотъ видите ли, даже эти недоразвившіеся организмы находятъ для себя провинцію слишкомъ тѣсною; даже они, почувствовавъ первые смутные признаки умственного вожденія, уже ищутъ для него поприща болѣе свободнаго и просторнаго!

Можно было бы разнообразить примѣры такого рода до безконечности, но, кажется, законъ, въ силу котораго и духовныя и матеріальныя силы устремляются отъ окраинъ къ центру, самъ по себѣ такъ прочно установился въ общественномъ сознаніи, что нельзя даже и предположить, чтобы противъ этой мысли были какія-нибудь возраженія. Поэтому, настаивать на этомъ фактѣ нѣтъ особенной надобности, тѣмъ болѣе, что и существованіе дѣла не столько въ немъ самомъ, сколько въ тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя изъ него вытекаютъ и которыя невольнымъ образомъ наводятъ на размышленія.

Ежели провинціальная жизнь представляетъ такъ мало интересовъ, что лучшія силы провинци не имѣютъ повода задерживаться въ ней; ежели провинція постоянно много даетъ и постоянно же мало получаетъ въ возвратъ, то весьма естественно возникаетъ вопросъ: до какихъ поръ можетъ продолжаться подобный несоразмѣрный обмѣвъ услугъ, и не должна ли эта явная несоразмѣрность привести къ постепенному обѣдненію и даже разоренію той стороны, которая, по обстоятельствамъ, поставлена въ болѣе невыгодное положеніе? Что это вопросъ дѣйствительный, а не призракъ, вызванный взволнованнымъ воображеніемъ, въ этомъ легко убѣдится всякій, у кого есть глаза для сравненій и здравый смыслъ для выводовъ.

Всякій земледѣлецъ, даже рутинеръ, нынче хорошо понимаетъ, что какъ бы ни были богаты производительныя силы земли, она постепенно обѣднѣетъ и даже совсѣмъ перестаетъ производить,

если относительно ея принята система все брать и ничего не возвращать. Всякій не совсѣмъ безумный помѣщикъ добраго стараго времени, желая извлекать выгоду изъ своего двороваго человѣка, никогда не упускалъ изъ вида, что достигнуть этой выгоды нельзя иначе, какъ предварительно вооруживъ этого двороваго средствами для добыванія нужнаго оброка. Съ этою цѣлью, дворовыхъ людей съ малолѣтства обучали мастерствамъ, убогихъ же и калѣкъ, по малой мѣрѣ, снабжали сумою. Но и тутъ нерѣдко оказывалось, что человѣческая кожа не безъ конца растяжима и что человѣческіе мышцы не могутъ безгранично напрягаться. Кажется, этихъ двухъ простыхъ примѣровъ весьма достаточно, чтобы доказать, что вообще въ цѣлой природѣ нѣтъ и не можетъ быть такой благодатной сокровищницы, изъ которой можно было бы черпать, и только черпать.

Тѣмъ не менѣе, насъ не вразумляютъ ни свидѣтельства опыта, ни подсказыванія здраваго смысла. Мы ухитряемся возсоздать для себя міеологическій образъ древней фортуны, слѣпой и неразумной, но въ то же время никогда не истощающейся. Эта фортуна — провинція; она и слѣпа, и безсильна, и скудна начинаніями, но, о, чудо! кошель ея дѣйствительно какъ будто не опорожняется, несмотря на то, что усилія, дѣлаемые въ видахъ этого опорожненія, не подлежатъ никакому сомнѣнію.

Какимъ образомъ происходитъ, что безплодіе производитъ плоды, а безсиліе даетъ силу — это объяснить довольно трудно. Впрочемъ, едва-ли кто-нибудь и старается выяснять себѣ эту странную аномалію, ибо тутъ, повидимому, важенъ только непосредственный практическій результатъ. Что провинція слѣпа — это даже хорошо, потому что еслибы на свѣтѣ все были люди зрячіе, они, пожалуй, и на солнцѣ не замедлили бы усмотрѣть пятна; что провинція не хитра на выдумки — и это не дурно, потому что все наше несчастіе именно въ томъ и состоитъ, что мы желаемъ быть умнѣе умныхъ. Сущность не въ томъ, чтобы провинція представляла собой бодрую производительную силу, а въ томъ, чтобы такъ или иначе изъ нея лѣзло на украшеніе и вѣщую утѣху центровъ. И лѣзетъ.

Когда случается завести въ этомъ смыслѣ разговоръ съ нашими провинціальными историографами, то они обыкновенно только таращатъ глаза. Въ этихъ простыхъ соображеніяхъ все кажется имъ дикимъ, непривычнымъ, почти варбонарскимъ. Они положительно думаютъ, что производительность и распорядительность — два выраженія однозначанія и легко замѣняющія одно другое, и что ежели первая прекращается или оскудѣваетъ, то не потому, что всякому напряженію имѣются извѣстные предѣлы, а просто по какому-то упорству со стороны производителей, упорству, противъ котораго имѣется подъ руками вѣрнѣйшее средство, а именно та самая пресловутая распорядительность, которая, по ихъ мнѣнію, можетъ замѣнить все.

Съ помощью этого бессмысленнаго выраженія, да еще съ помощью мѣръ благоразумной строгости (тоже выраженіе не очень богатое смысломъ), эти несчастные надѣются всего достигнуть: и проблесковъ народнаго генія, и разумнаго распоряженія силами природы, и рѣкъ, текущихъ млекою и медомъ. По мнѣнію ихъ, стоитъ человѣка высѣчь, чтобы изъ него полѣзло всякое изобиліе плодовъ земныхъ; стоитъ продать у человѣка корову или лошадь, чтобы у него сейчасъ же, на мѣсто проданныхъ, явились двѣ коровы и двѣ лошади.

— Je voudrais bien voir! гремитъ одинъ.

— Явится все-съ: и хлѣбъ-съ, и деньги! повѣствуетъ другой.

— Какъ примутся, знаете, влотноую — запоютъ-съ! откуда что возьмется! угрожаетъ третій.

И что всего любопытнѣе, эти люди искренно убѣждены, что они ничего не подрываютъ, ничего не уничтожаютъ, а что, напротивъ того, все такъ именно и случится, какъ они говорить, то-есть: и хлѣбъ и деньги будутъ, и запоютъ, и откуда что возьмется...

И что еще удивительнѣе — дѣйствительно все такъ и случается...

Напрасно вы будете доказывать, что пѣніе, какъ результатъ распорядительности, ровно ничего не значить, что въ этомъ случаѣ выраженіе «откуда что возьмется», хотя и оправдываемое кажушимся успѣхомъ, все-таки не болѣе какъ миражъ, которому довѣряться опасно — историографы будутъ въ отвѣтъ на ваши доводы только больше и больше сверкать глазами и издавать неясные звуки. Это сверканіе глазъ, это вращаніе зрачками, эти звуки... все это вмѣстѣ взятое составляетъ такое зрѣлище, которое почти невозможно изобразить.

Такимъ образомъ, непредусмотрительность съ одной стороны, и молчаніе съ другой производятъ то кажущееся отсутствіе затрудненій, которое вводитъ въ обманъ. Въ самомъ дѣлѣ, покуда будетъ возможность ссылаться на распорядительность или нераспорядительность, до тѣхъ поръ, конечно, никто не имѣетъ права предъявлять никакихъ претензій ни на дальновидность, ни на сообразительность, ни на глубокомысліе со стороны историографовъ. Они не видятъ — это правда, они не размышляютъ — и это опять правда; но они имѣютъ полное основаніе не видѣть и не размышлять — вѣдь и это не парадоксъ, а истинная истина. Если невиннѣйшая изъ дѣвицъ можетъ дать только то, что имѣетъ, то тѣмъ болѣе должно быть примѣнимо это правило къ историографамъ, которые ужь совсѣмъ ничего не могутъ дать, потому что ровно ничего не имѣютъ. Историографъ — человѣкъ ближайшихъ и непосредственныхъ средствъ; онъ не разсуждаетъ, не заглядываетъ въ даль, не путается въ мысляхъ (не въ чемъ), а просто махаетъ жердью направо и налево. И когда жердь ушибаетъ, онъ не догадывается, что сдѣлалъ

одно изъ тѣхъ глухихъ дѣлъ, изъ которыхъ даже для него лично ничего, кромѣ вреда, не выйдетъ, а просто упивается своимъ торжествомъ, и самодовольно восклицая: «ну что, опомнились!» ставить до времени побѣдоносную жердь въ уголь.

Тѣмъ не менѣе, постепенное отошаніе провинціи уже начинается сказываться во всемъ. Несмотря на общее затишье, несмотря на отсутствіе какихъ бы то ни было домогательствъ, чувствуется, что провинція какъ будто перестаетъ жить, что она расплачивается не доходами, а капиталомъ. Повсюдная дороговизна свидѣтельствуетъ, что даже выраженіе «откуда что возьметса» скоро сдѣлается преданіемъ, сохранившимъ свой авторитетъ развѣ только въ глазахъ становыхъ приставовъ и исправниковъ; всеобщее равнодушіе, апатія, лѣнь доказываютъ, что та же самая участь постигаетъ, ежели уже не постигла, и плоды умственные. «Нѣтъ дѣятелей, нѣтъ денегъ, некуда идти!» жалуются люди, стоящіе у самаго источника провинціальной производительности, какъ матеріальной, такъ и умственной. Овазывается, стало быть, что безмолвіе и отсутствіе инициативы вовсе не такое драгоцѣнное явленіе, какъ можно было ожидать. Каждый провинціалъ чувствуетъ, что въ его существованіе закралась небывалая доселѣ тяжесть; каждый видитъ себя опутаннымъ какими-то сѣтями, которыхъ онъ ни распутать, ни разорвать не можетъ. Куда бы онъ ни ступилъ, вездѣ его нѣчто гнететъ и глохнетъ, и въ то же время, все—даже это гнетущее—такъ ему постыло, такъ противно, такъ само по себѣ ничтожно, что ни на что бы онъ ни смотрѣлъ, ни къ чему бы не привоснулся.

И вотъ поднимаются сѣтованія и припоминанія; пускаются въ ходъ обращенія къ прошлымъ, вѣчно памятнымъ блистательнымъ днямъ... назадъ! назадъ!

Въ провинціи не въ рѣдкость и теперь встрѣтить апологистовъ добраго стараго времени. Огромное большинство подобныхъ апологистовъ, конечно, представляетъ собой ходячія вѣтряныя мельницы, которыя мельютъ всякій вздоръ, какой случайно попадетъ на языкъ; но есть и такіе, у которыхъ, повременамъ, прорываются нѣкоторые признаки мысли. Какъ и слѣдуетъ ожидать, апологисты эти вертятся исключительно около крѣпостнаго права, этого единственнаго явленія нашего прошлаго, которое представляло собой нѣчто сложившееся и окрѣпшее. По мнѣнію апологистовъ, крѣпостное право, хотя и не въ полной мѣрѣ, но все-таки до извѣстной степени прикрывало жизнь отъ наѣздовъ, случайностей и сюрпризовъ.

— Прежде, говорятъ апологисты крѣпостнаго права: — каждый, по крайней мѣрѣ, зналъ, гдѣ онъ находится; каждый имѣлъ возможность опредѣлять тѣ границы, въ которыхъ его не могъ настичь сюрпризъ. Оттого жизнь держалась тверже, и нельзя было не считаться съ нею; въ провинцію не наѣзжали

канканирующие сорванцы, которые даже и до того не могут додуматься, что человѣческая дѣятельность должна управляться мыслью, а не похотью. Бывали, конечно, и прежде люди нестерпимые — и даже, пожалуй, они составляли большинство — но они все-таки знали, чего хотѣли; да и другихъ въ заблужденіе не вводили. Теперь же, куда ни взглянете, кажется, и свободнѣе, и легче дышать стало, а не дышется, да и все тутъ! А отчего? Оттого, милостивые государи, что жизнь оголилась, что со всѣхъ сторонъ ее такъ и заноситъ всякаго рода неожиданностями.

Въ этомъ разсужденіи есть громадная и глубокая неправда, о которой будетъ сказано ниже; но съ точки зрѣнія непосредственныхъ результатовъ, въ немъ все-таки слышится какое-то подобіе истины. Какъ ни ужасно представить себѣ жизнь, стоящую подъ защитой крѣпостнаго права, но еще невыносимѣе, еще больнѣе сознавать полное оголеніе жизни. Въ самомъ дѣлѣ, куда ни обратите взоры, вездѣ вы услышите жалобу на то, что жизнь вышла изъ старой колеи, а новой колеи не находятъ; вездѣ увидите людей, изнемогающихъ подъ игомъ неизвѣстности, ищущихъ къ чему-нибудь приурочиться, и не находящихъ убѣжища. Это до такой степени вѣрно, что даже тѣ, которымъ именно слѣдовало бы дышать легче, и тѣ пришли къ недоумѣнію: отчего въ самомъ дѣлѣ не дышется легче? Не рѣдкость даже встрѣчать бывшихъ крѣпостныхъ людей, которые со вздохами вспоминаютъ о крѣпостномъ правѣ. Ужели же они защищаютъ его? ужели они желали бы возвратиться къ нему? Конечно, нѣтъ, но такъ-какъ обращенія къ воспоминаніямъ прошлого не выдумка, то поневолѣ приходитъ на мысль, что эти обращенія, эти вздохи вызываются совсѣмъ не прелестями упраздненнаго, а наготомъ настоящаго. Не могила крѣпостнаго права привлекаетъ къ себѣ, а представленіе о томъ цвѣтѣ, который имѣлъ возрасти на этой могилѣ. Очевидно, что упраздненіе есть только односторонняя форма человѣческой дѣятельности; очевидно, что она составляетъ лишь отрицаніе, которое, конечно, можетъ на время увлечь своею новизною и кажущимися перспективами, но которое, при продолжительномъ дѣйствіи, производитъ одно недоумѣніе. Никто, конечно, не станетъ защищать финансиста, который, вмѣсто того, чтобы отыскивать новые источники государственныхъ доходовъ и заботиться о сокращеніи государственныхъ расходовъ, предложилъ бы удовлетворять нужды бюджета посредствомъ безконечныхъ займовъ; но съ русскою провинціальною жизнью именно происходитъ нѣчто въ этомъ родѣ. Она ничего новаго не вырабатываетъ, ничего стараго не сокращаетъ (да и сокращать-то, кажется, нечего), а живетъ какими-то займами, на столько темными, что никто не можетъ даже достовѣрно указать на ихъ источникъ.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, освобожденіе жизни отъ

путь, ее связывающихъ, съ другой — вмѣсто ожидаемыхъ благотворныхъ результатовъ, несомнѣнное оскуденіе жизни — вотъ печальная истина современнаго провинціальнаго быта. Нѣчто подобное этому явленію мы замѣчаемъ въ современной русской литературѣ. Была она подъ игомъ цензуры, и все-таки всякими правдами и неправдами отстояла за собой право на названіе литературы; теперь вотъ и цензуру убрали — а литература оголилась! Какъ объяснить явленіе столь диковинное, столь несообразное?

Но оставимъ литературу въ сторонѣ и обратимся къ провинціальной жизни.

Откуда же происходитъ эта неприкрытость жизни? Гдѣ искать причину этого повальнаго безсилія, которое заставляетъ человѣка останавливаться на половинѣ дороги, задерживаетъ его въ подробностяхъ и мелочахъ и не допускаетъ ни до какихъ развитій, обобщеній и выводовъ?

Вотъ тутъ-то именно мы и встрѣчаемся съ тою вопіющей неправдой, о которой вскользь упомянуто выше, и которую апологисты крѣпостнаго права или упускаютъ изъ вида, или считаютъ за лучшее скрыть.

Дѣло въ томъ, что хотя крѣпостное право и давало жизни извѣстное прикрытіе, но прикрытіе это было только мнимое. Въ сущности, оно не только ничего не защищало, но, напротивъ того, систематически и на неопредѣленное время подрывало у жизни всякую возможность выработать себѣ какое-нибудь прикрытіе въ будущемъ. Случайность и неожиданность, лежавшія въ его основѣ, служили защитой только тому, что само по себѣ было растлѣвающимъ началомъ жизни, тому, отъ чего жизни не было бы ни тепло, ни холодно, еслибъ горькій фатализмъ не связывалъ здѣсь двѣ противоположныя крайности: упорный трудъ и не менѣе упорное бездѣйствіе, и не ставила первый въ зависимость отъ втораго. Такого рода защита, пожалуй, и теперь есть — стоитъ только взглянуть на сытныя и довольныя лица губернскихъ исторіографовъ, чтобы убѣдиться въ этомъ — но результаты, къ которымъ она приходитъ, стали до такой степени ясны, что никому даже въ голову не приходитъ назвать ихъ результатами. И прежде, какъ и нынѣ, произволь никого не воспитывалъ, ничего положительнаго, добраго и плодотворнаго не достигалъ; и прежде, какъ и нынѣ, онъ былъ только параднымъ пугаломъ, за которымъ таился прахъ. И вотъ тѣ бросающія, размалеванныя стѣнки, которыя казались намъ несокрушимыми укрѣпленіями, разлетѣлись при первомъ дуновеніи вѣтра, и сразу обнаружили изумленному міру наше умственное и матеріальное убожество...

Есть ли же послѣ этого поводъ утверждать, что крѣпостное право что-то прикрывало, что-то ограждало? Нѣтъ, этого повода нѣтъ, и жизнь того времени была еще менѣе прикрыта, нежели

ннѣшняя, только это не замѣчалось тѣми, которые, по своему положенію, одни и могли что-нибудь замѣчать. Искусственныя связи, которыми мы съ такими неслыханными усиліями старались сплотить наши разлѣзающіяся во всѣ стороны немощи, хотя и могли временно ввести въ заблужденіе неопытныхъ (вотъ-девать, какъ тамъ все плотно и крѣпко — всѣ какъ одинъ!), но дѣйствительной связи никогда не представляли. Не говоря уже о томъ, что въ этомъ случаѣ именовъ «связей» прикрывался простой гнетъ, который убивалъ въ самомъ зародышѣ всякій проблескъ народной самодѣятельности, эти такъ-называемыя связи все общество дѣлили на двѣ половины, которыя равно другъ друга чуждались, а, можетъ быть, даже и равно другъ друга ненавидѣли. Можно ли же назвать прикритою такую жизнь, которой каждая составная часть идетъ врознь, въ которой нѣтъ ни силы, ни почва, ни поводовъ для энергіи, въ которой все, что ни дѣлается, дѣлается безучастно, апатически, почти съ ненавистью?

Нѣтъ, не въ упраздненіи крѣпостнаго права слѣдуетъ искать причину современнаго оголѣнія нашей бѣдной провинціальной жизни, а въ чемъ-то другомъ, и это другое едва-ли не въ томъ состоитъ, что мы выраженію «крѣпостное право» придаемъ слишкомъ тѣсный и спеціальннй смыслъ.

Крѣпостное право не въ томъ только заключается, что тутъ съ одной стороны господа, а съ другой — рабы. Это только внѣшняя и притомъ самая простая форма, въ которой выражается крѣпостничество. Гораздо важнѣе, когда это растлѣвающее начало залегаетъ въ нравы, когда оно поражаетъ умы, и вотъ въ этомъ-то смыслѣ все, что носитъ на себѣ печать произвола, все, что не мѣшаетъ проявленіямъ его дикости, можетъ быть столь же безошибочно названо именовъ крѣпостнаго права, какъ и то бьющее въ глаза положеніе, въ силу котораго какойнибудь Ивашка или Сѣмка, ложась на ночь спать, не знали, чѣмъ они завтра станутъ: ключниками ли, хранителями господскаго добра, или свинопасами.

Отвѣтимъ себѣ хоть разъ откровенно: знаемъ ли мы, бѣдные, неприкровенные провинціалы, чѣмъ встанемъ завтра съ постелей нашихъ? Знаемъ ли мы, что мы дѣлаемъ, и для чего дѣлаемъ? Увѣрены ли мы, что наше разумное дѣйствіе дастъ и результатъ разумный, что дѣйствіе неразумное и послѣдствія будетъ имѣть соотвѣтствующія? Отвѣтимъ на эти вопросы, и тогда уже спросимъ себя: ужели мы не погрязли по горло въ томъ самомъ крѣпостномъ правѣ, которое дѣлало такъ нестерпимымъ, по своей безалаберной шаткости, положеніе всевозможныхъ Ивашекъ и Сѣмокъ.

Порокъ такъ-называемаго крѣпостнаго права не въ томъ одномъ состоитъ, что оно допускаетъ явно безнравственныя отношенія между людьми, а въ томъ, что при существованіи его

невозможенъ успѣхъ, невозможна жизнь. Въ какихъ бы видахъ, подъ какими бы наименованіями ни проникало въ жизнь это разлагающее начало, оно достигнетъ свою жертву и доканаетъ ее во что бы то ни стало. Какъ хотите, хитрите, придумывайте какіе угодно извороты, но когда источникъ иссякнетъ, то воды не будетъ—это несомнѣнно. Напрасно мы будемъ классифицировать наши пороки, напрасно будемъ отдѣлять ихъ перегородками и отыскивать для каждаго свое мѣсто — нѣтъ, это все дѣти одного и того же отца, и имя имъ всѣмъ — вѣрностное право. Не потому оголилась и оголяется жизнь, что вѣрностничество уничтожено, а потому, что оно еще дышетъ, буйствуетъ и живетъ между нами.

Намъ тяжело жить—это правда; намъ тяжело, нежели отцамъ нашимъ — и это опять правда, но не оттого совсѣмъ, чтобы условія современной жизни измѣнились къ худшему, а оттого, что они *мало* измѣнились. Отцамъ нашимъ много помогало въ жизни безсознательное отношеніе къ ней, если можно назвать подобное явленіе помощью; мы же хотя и не вышли совершенно изъ положенія безсознательности, но все-таки нѣсколько прорастились. Это дѣлаетъ наши горести еще болѣе внятными и чувствительными, и хотя средствъ, чтобы выйти изъ провала, мы еще не измыслили, но чувствуемъ, очень чувствуемъ, что не розами около насъ пахнетъ.

Какое заключеніе можно вывести изъ всего сказаннаго выше? Какое будущее ожидаетъ провинцію, ежели матеріальныя и умственныя ея силы будутъ, попрежнему, устремляться къ центрамъ? и возможно ли придумать такую комбинацію, которая остановила бы это стремленіе и задержала въ провинціи то, что необходимо для успѣховъ ея развитія?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ежели положеніе вещей въ провинціи останется въ томъ же видѣ, въ какомъ оно находится нынѣ, ежели всякая попытка внести въ мѣстную дѣятельность смыслъ будетъ и впредь приниматься нашими исторіографами за попытку подорвать общественныя основы, то провинція, въ концѣ концовъ, заглохнетъ и поростетъ репейникомъ. Повторяемъ: несогласно съ законами здраваго разсуда: брать, брать и брать, и никогда ничего не возвращать. Несогласно съ справедливостью называть взаимнымъ обмѣномъ услугъ такой обмѣнъ, когда одна сторона все получаетъ, а другая все отдаетъ, а ежели и получаетъ, то въ видѣ какого нибудь канканярующаго исторіографа, то-есть опять-таки получаетъ убытокъ и огорченіе, а не прибыль и утѣху. Явно, что дающая рука, при всей своей готовности разжиматься и расточать, должна будетъ оскудѣть сама собою, оскудѣть въ силу непреложныхъ естественныхъ условій. Но какого же рода услугу могутъ оказать въ этомъ случаѣ центры своимъ окраинамъ, чтобы оживить ихъ и не иссушить навсегда тѣхъ соковъ, которые равно нужны и для окраинъ и для центровъ?

На первый разъ, по нашему мнѣнію, совершенно достаточно будетъ, если услуга эта выразится въ четырехъ словахъ: не мѣшать жить провинціи...

Позволятельно думать, что требованіе это не заключаетъ въ себѣ никакой притязательности. Мысль о непрепятствованіи естественному и правильному теченію жизни, объ освобожденіи ея отъ излишнихъ опекальствъ вовсе не новая; она залегла въ основаніе всѣхъ начинаній нынѣшняго царствованія, она составляетъ самый явственный и непремѣнный ихъ результатъ. Что этотъ результатъ выясняется довольно туго, это не доказываетъ ни ненужности, ни даже преждевременности его, а доказываетъ только, что изъ жизни нашей не исчезла еще случайность, которая на каждомъ шагу подчуетъ насъ всевозможными сюрпризами. Пускай историографы буйствуютъ, и преднамѣренно или по глупости извращаютъ смыслъ того, что составляетъ драгоценнѣйшее достояніе нашей современной жизни, мы вѣримъ горячо и искренно, что истинный смыслъ реформы 19-го февраля не потеряется никогда. И повторяемъ: говоря, что не нужно мѣшать жить провинціи, мы не говоримъ ничего новаго, ничего такого, чего уже не было бы въ мысли и намѣреніяхъ 19-го февраля.

Въ чемъ же должно заключаться осуществленіе этого загадочнаго выраженія: «не мѣшать жить», надъ уясненіемъ котораго мы такъ бесплодно томимся? По нашему скромному мнѣнію, это осуществленіе заключается въ слѣдующемъ: какъ можно меньше заниматься провинціей, не окружать ее цѣпью неловкихъ опекателей, которые только смущаютъ и запутываютъ общественное мнѣніе, и не пугаются (именно только не пугаются) при появленіи въ ней признаковъ самодѣятельности.

Намъ, провинціаламъ, очень часто указываютъ на современное земство, на бѣдность добытыхъ имъ результатовъ и на нѣкоторую азбучность понятій, высказываемыхъ въ земскихъ собраніяхъ. Но причины этого явленія отчасти указаны уже въ предыдущихъ письмахъ—это, во первыхъ, тѣ пререканія, которыя встрѣтили земство въ самую минуту его появленія и не перестаютъ тормозить до сихъ поръ; а во вторыхъ, тѣ неполезныя примѣсы, которыя имѣютъ обыкновеніе привязываться у насъ къ каждому дѣлу, и которыя не преминули привязаться и къ земству. Есть, конечно и другія еще болѣе рѣшительныя причины, временно обрекающія земство на безсиліе, но объ этихъ причинахъ находимъ благоразумнымъ на сей разъ умолчать.

Не мѣшать жить! Повидимому, какой скромный и не требовательный смыслъ заключаетъ въ себѣ это выраженіе! А между тѣмъ какъ оно выпрямляетъ человѣка, какую бодрость вливаетъ въ его сердце, какъ просвѣтляетъ его умъ! Не мѣшать жить!—да вѣдь это значить, разрѣшить жить, искать, двигаться, дышать, шевелить мозгами! Шутка ли?

Мы очень хорошо понимаемъ, что мысли самыя простыя и естественныя всегда кажутся и самыи страшными; мы понимаемъ также, что простой взглядъ на вещи, при современной путаницѣ понятій, есть взглядъ наименѣе симпатичный. Но мы не можемъ забыть и то, что всякая путаница, даже самая любезная, должна имѣть свой предѣлъ, и что нежеланіемъ посмотреть ей въ глаза, мы не устраняемъ затрудненія, а еще болѣе усложняемъ его.

Нужно ли прибавлять, что все написанное выше не внушено ни желаніемъ кого-то подразнить, ни намѣреніемъ отравить чье-то благополучіе? Не думаемъ. Смыслъ нашихъ словъ такъ ясенъ и притомъ такъ скромнъ, что только полная, организованная анархія здраваго смысла можетъ формализироваться ими и усмотрѣть въ нихъ то, чего они въ себѣ не заключаютъ.

Н. Гуринъ.

— Какъ же онъ это сдѣлаеть? вскрикнули обѣ женщины.

— Опъ не сказалъ какъ!

— Идите сейчасъ-же и переговорите съ нимъ, сказала Корнелія г-жѣ Гассенфельдъ.

— А потомъ, онъ еще сказалъ, продолжалъ Коссъ: — что желаетъ видѣть молодую барышню.

— Знаеть онъ, кто я? вскрикнула Корнелія, вздрагивая и блѣднѣя.

— Ни-ни! Я ему сказалъ, что это безумная мысль, которую слѣдуетъ выбросить изъ головы.

— Ну, это не очень ловкій отвѣтъ, перебила г-жа Гассенфельдъ. — Именно эти слова наведутъ его на слѣдъ. Вы бы лучше сказали, что эта дѣвушка дочь управляющаго, и что она вчера же уѣхала съ отцомъ на мызу.

— Ахъ царь небесный! проговорилъ Коссъ, уходя изъ комнаты.

— Я сейчасъ пойду и поговорю съ нимъ, сказала г-жа Гассенфельдъ серьезно и задумчиво. — Это было бы ужасное безуміе...

И съ этими словами она быстро подошла къ двери.

— Конечно, возразила озабоченно Корнелія: — вы должны отговорить его во что-бы то ни стало. Онъ долженъ подождать.

Г-жа Гассенфельдъ быстро взбѣжала по витой лѣстницѣ, ведущей въ запрещенныя комнаты стараго необитаемаго флигеля, гдѣ скрывался бѣглець.

Когда г-жа Гассенфельдъ вошла и опустилась на скамью, чтобы перевести духъ, ей въ первый разъ бросилась въ глаза интересная наружность незнакомца; въ паркѣ она видѣла его какъ во снѣ, а въ послѣднее свое посѣщеніе, при обманчивомъ полусвѣтѣ сумерекъ.

— Я очень радъ, что вы пришли, сказалъ бѣглець звучнымъ голосомъ. — Коссъ, вѣроятно, вамъ сказалъ, что я ухожу?

— Мы съ ужасомъ узнали объ этомъ! воскликнула г-жа Гассенфельдъ. — Неужели вамъ у насъ такъ дурно, что вы опять хотите подвергать себя опасности?

— Я всегда буду помнить, возразилъ бѣглець: — какъ вы много для меня сдѣлали. Я до сихъ поръ рѣдко видалъ примѣры мужества или великодушія — все попадалась слабость, эгоизмъ... Можетъ, придетъ время, когда я смогу доказать вамъ мою признательность. Вы сдѣлали для меня все, что могли; болѣе продолжительная отсрочка мнѣ не поможетъ. Я долженъ освободить васъ отъ опаснаго присутствія и не забывать подъ гостепріимною кровлею, что я долженъ идти впередъ.

— Но полиція на сторожѣ и окрестныя улицы далеко не безопасны. Неужели вы хотите все поставить на карту?

Бѣглець задумался; потомъ, взглянувъ на г-жу Гассенфельдъ, сказалъ:

— Чтò слышно о слѣдствіи?

— Еще ничего не рѣшено; но каковъ бы ни былъ исходъ дѣла, мельникъ дешево не отдѣляется.

— Чтò могутъ ввести на него? Я не былъ подъ его кровлею, я его не знаю, онъ меня не знаетъ!

— Мельникъ объявилъ, что онъ далъ убѣжище бѣглецу, но отказывается дать объ этомъ болѣе точныя свѣдѣнія.

— Это не былъ я! воскликнулъ бѣглець. — Еслибы даже это былъ я, то нечѣмъ мнѣ помочь этому честному человѣку. Мое появленіе еще болѣе повредило бы ему. Но это не былъ я.

Скрытность незнакомца, однако, не ввела въ заблужденіе г-жу Гассенфельдъ, и она отвѣчала ему спокойно, хотя со скрытымъ упрекомъ:

— Мы не можемъ ожидать отъ васъ довѣрія!

— Потому что вы спасли мнѣ свободу и жизнь? воскликнулъ съ проніей бѣглець. — Однако, мы отвлеклись отъ главнаго предмета. Объясните мнѣ, какая отвѣтственность падеть на васъ, если я, сегодня же ночью оставивъ свое убѣжище, буду выданъ какому-нибудь злымъ гениемъ?

— Вы спрашиваете? воскликнула удивленная г-жа Гассенфельдъ.

— Я невидимо и безопасно достигну ближайшаго лѣса. А если это удастся, то не за кого будетъ бояться, кромѣ себя. Я вѣдь и здѣсь, у васъ, не безопасенъ. Малѣйшій случай можетъ завтра же повести къ открытію, и я долженъ буду бѣжать при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ. Зачѣмъ не сдѣлать сегодня того, чтò придется сдѣлать немного позже?

— Еще нѣсколько дней! воскликнула настойчиво г-жа Гассенфельдъ.

— Это нисколько не измѣнитъ моего положенія, продолжалъ хладнокровно бѣглець. — Я увѣренъ, что втайнѣ вы со мной согласны. Прощайте.

Онъ взявъ, горячо пожалъ и поцаловалъ ея руку. Г-жа Гассенфельдъ была глубоко потрясена.

— Вы меня не поняли! вскричала она. — Я боюсь не за насъ, а за васъ! Мы васъ спасли вполонину, мы хотимъ васъ спасти совершенно!

— Ваше участіе меня трогаетъ, возразилъ взволнованный бѣглець. — Вы честная женщина! Я бы желалъ увидать другую мою спасительницу. Могу я ее увидать?

— Она уѣхала, сказала г-жа Гассенфельдъ, послѣ небольшого молчанія.

— Скажите ей, что я не забуду ее... что я... буду всегда помнить...

Онъ взглянулъ въ открытое окно на небо, и лицо его, до сихъ поръ озаренное внутреннимъ волненіемъ, покрылось грустною тѣнью.

— Миѣ жаль, сказала г-жа Гассенфельдъ: — что вы не можете видѣть этой молодой дѣвушки. Она надолго уѣхала съ своимъ отцомъ. Она дочь графскаго управляющаго.

— Она! вскрикнулъ онъ, одушевляясь; но по выраженію лица его нельзя было узнать, былъ ли онъ этимъ разочарованъ или обрадованъ. — Я почти думалъ...

Онъ замолчалъ.

— Что вы думали? спросила съ любопытствомъ г-жа Гассенфельдъ.

— Глупая мысль! Точно красота преимущество высшаго сословія! Воспитаніе графини не развиваетъ сердца, не учитъ самоотверженію на пользу другихъ, и я — о, какъ нелѣпо! какъ нелѣпо!

Послѣ нѣкотораго раздумья, онъ продолжалъ спокойнѣе:

— Взгляните, этотъ сюртукъ я купилъ въ лѣсу у охотника, этотъ жилетъ миѣ данъ однимъ честнымъ человѣкомъ, который навѣрно не имѣлъ ничего лишняго, и все-таки отказался отъ денегъ! Вы смотрите на мои лохмотья? А вѣдь все-таки я счастливѣе многихъ сотенъ тысячъ людей! Я — но это бесполезно — вы еще услышите обо миѣ, если я буду живъ; а если я погибну, и сказаннаго довольно. Образъ прекрасной дѣвушки глубоко запалъ въ мое сердце и, несмотря на всѣ препятствія, я надѣюсь современемъ назвать ее своею!

— Вы слишкомъ далеко простираете вашу благодарность, возразила г-жа Гассенфельдъ со смѣхомъ, но не безъ смущенія. — Когда перемѣнятся обстоятельства, вы хладнокровнѣе обсудите и... Впрочемъ, продолжала г-жа Гассенфельдъ, желая отнять у него всякую надежду: — молодая дѣвушка просватана и скоро будетъ ея свадьба.

Эти слова, казалось, поразили молодого человѣка; онъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ на нее, но потомъ, схвативъ ея руку, сказалъ:

— Такъ прощайте объ! Не говорите ей объ этомъ разговорѣ или скажите все, когда я уйду.

Несмотря на всѣ доводы, онъ не согласился остаться; г-жа Гассенфельдъ простилась съ нимъ и ушла.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Дочь управляющаго.

Когда г-жа Гассенфельдъ вернулась къ Корнелии, она въ точности передала ей свой разговоръ съ бѣглецомъ. Свадьба мнимой дочери управляющаго возбудила веселость, которая была бы продолжительнѣе, еслибы положеніе дамъ не было такъ ужасно. Приятное впечатлѣніе, произведенное разговоромъ и наружностью незнакомца на г-жу Гассенфельдъ, передалось и молодой графинѣ, которая имѣла безусловное довѣріе къ здоровому сужденію своей компаньонки и подруги дѣтства. Она не была тщеславна, но ей все-таки польстило то благоговѣніе, которое она возбудила подъ именемъ дочери управляющаго, хотя, слушая это, она и улыбалась. У ней явилось невольное желаніе еще разъ взглянуть на незнакомца, хотя украдкой. Желаніе это, которое она никому не довѣрила, было, конечно, извинительно. Что можетъ быть естественнѣе стремленія видѣть того, для кого было столько сдѣлано, о комъ столько думали и кто въ первый разъ заставлялъ такъ сильно биться сердце? Она дѣйствовала еще подъ вліяніемъ другихъ, болѣе глубокихъ побужденій. Несмотря на свое происхожденіе и жизнь въ высшемъ кругу, она не имѣла ни пороковъ, ни добродѣтелей свѣтскихъ женщинъ. Она принадлежала къ тѣмъ чисто женственнымъ натурамъ, для которыхъ, несмотря на ихъ впечатлительность и на ежедневный примѣръ, паденіе немислимо.

Нѣжное и безкорыстное сочувствіе къ другимъ и глубокая сосредоточенность были главными чертами ея характера, на сколько онъ могъ проявиться при ея уединенной жизни.

Она была хороша собой. Взглядъ ея нѣжныхъ голубыхъ глазъ былъ глубокъ и проникателенъ; ротъ выражалъ доброту, а порой и насмѣшку.

Она была склонна къ тихому семейному счастью, а не къ блестящимъ побѣдамъ большаго свѣта. Предразсудки, свойственные ея положенію и незнанію низшихъ слоевъ общества, обнаруживались въ ней только внѣшней сдержанностью, но чуть дѣло касалось человѣческаго чувства, она ими совсѣмъ пренебрегала. Сообразно этому спасти преслѣдуемаго было для нея удовлетвореніемъ естественнаго побужденія, и понятно, что случай этотъ, возмутившій ея ясные дни, долженъ былъ оставить глубокой слѣдъ въ ея душѣ. Первоначальная боязнь быть скомпрометированной всло-

рѣ исчезла, вслѣдствіе благопріятнаго отзыва ея подруги о бѣглецѣ, и она твердо рѣшилась принять участіе въ дальнѣйшей его судьбѣ.

Облако грусти огуманило ея прелестное лицо, когда она узнала, что бѣглецъ рѣшился въ этотъ же вечеръ покинуть убѣжище и снова подвергнуть жизнь всевозможнымъ случайностямъ.

Волнуемая этою мыслию, она пришла въ садъ, гдѣ собрались гости, молча сѣла подлѣ отца и взяла одинъ изъ большихъ журналовъ, лежавшихъ около стула дипломата.

— Милое дитя! воскликнулъ съ шутливымъ удивленіемъ отецъ:— съ которыхъ поръ ты интересуешься политикой?

— Это я отъ нечего дѣлать, отвѣчала смутившаяся Корнелія.

— Бросьте это! воскликнулъ отеческимъ тономъ генераль Греифенштейнъ.—Еслибы не производства, я бы никогда не дотронулся до печатной бумаги! развѣ только закуривая трубку! Тѣмъ болѣе женщинамъ не слѣдуетъ читать газетъ; женщины были лучше, когда читали только свой молитвенникъ. Не портите вашихъ прекрасныхъ глазъ.

— Это имъ не повредить, генераль! отвѣтила Корнелія, улыбаясь и продолжая читать.

Благочестивой графинѣ Софьѣ была очень по сердцу выходка стараго рубаки противъ газетъ и книгъ. Она неутомимо отыскивала недостатки въ своихъ ближнихъ и была совершенно счастлива, когда могла читать имъ наставленія.

Она уже давно наблюдала за молодой женой генерала, которая ходила съ стройнымъ ротмистромъ Гальденридомъ по тѣнистой аллеѣ и вела съ нимъ оживленную бесѣду, прерываемую то громкимъ смѣхомъ, то довѣрчивымъ шепотомъ. Такъ-какъ ея слухъ не былъ достаточно тонокъ чтобы слышать на такомъ разстояніи ихъ разговоръ, а подслушать его приличнымъ образомъ она не могла, то она и удовольствовалась тѣмъ, что старалась угадать, о чемъ тамъ идетъ рѣчь.

Самъ генераль помогъ ей въ этомъ; выходка его противъ чтенія относилась болѣе къ женѣ, чѣмъ къ Корнеліи; графиня знала, что по этому поводу бывали частыя ссоры въ генеральской семьѣ.

— Вы заходите очень далеко, любезный Греифенштейнъ, сказала она, осуждая всякое чтеніе.—Есть книги, которыя облагораживаютъ нравы и возвышаютъ сердце. Къ сожалѣнію, не эти сочиненія любятъ читать наша молодежь! Она хочетъ только возбудить воображеніе, экзальтировать чувство и опьянить чувственность утонченными представленіями. Леони...

— О, ужъ не говорите о моей женѣ, прервалъ ее, разсердившись, генераль.

— Я напротивъ хвалю вашу жену, сказала графиня Софія, удаляя на каждомъ словѣ.—Я видѣла у ней книгу, которую нельзя достаточно оцѣнить, она читала ее вчера и третьяго-дня очень рано утромъ. Въ ней соединены поэзія и религія.

— Не стоитъ холостаго заряда! Чтѣ-жъ это была за книга?

— *Les martyrs de Chateaubriand*, отвѣчала графиня.

— Гдѣ находится Шатобрианъ? спросилъ генераль.—Я въ географіи слабъ.

— Это имя автора, поправила графиня.

— А вотъ что! воскликнулъ генераль.—Но вѣдь такъ могло бы называться какое нибудь мѣсто, или замокъ гдѣ нибудь во Франціи. Однако, дорогая моя, мы отклонились отъ нашего предмета. Если эта книга, какъ вы говорите, дѣйствительно хороша, то жена моя изъ нея все-таки не извлечетъ никакой пользы.

— Однако, любезный генераль, сказала графиня съ коварною еротостью.

— У ней голова набита романами, продолжалъ генераль, горячася: — романисты затмили ей здравый смыслъ; она думаетъ болѣе о Шиллерѣ и о всѣхъ старыхъ и новыхъ, какъ ихъ тамъ называютъ, авторахъ, нежели о своемъ мужѣ и о кухнѣ!

— Вы сегодня не въ духѣ, вмѣшалась г-жа Валльгофъ, которая до сихъ поръ молчала. — Ваша жена любезная и умная женщина. Это признаетъ весь свѣтъ.

— Только ея мужъ не замѣчаетъ этого, возразилъ генераль, печально улыбаясь. — Отъ этихъ книгъ она ужъ стала такъ умна, что все, чтѣ бы я ни сдѣлалъ и ни сказалъ, все не по ней. Когда мы возвращаемся изъ гостей, я только и слышу: «Какъ это было плоско! Это было ужасно тупо! Мнѣ было за васъ стыдно! Я не знала, куда дѣваться! Это все ваши казарменные выраженія!» Чортъ возьми! Я ладилъ съ тремя государями и пятью иностранными правителями, какъ и показываютъ мои ордена! Кажется, могъ бы справиться съ женщиной, которой еще не было на свѣтѣ, когда я былъ уже капитаномъ!

Графиня очень разсердила старика, чего ей и было нужно для возбужденія въ немъ ревности къ Гальденриду. Онъ ударилъ себя въ грудь, вскочилъ и сталъ ходить по комнатѣ.

— Однако, любезный Грейфенштейнъ, начала графиня: — если бы я знала, что буду невинной причиною...

— Не упрекайте себя въ этомъ! сказалъ добродушный человекъ. — Это старая исторія.

Волненіе его уже утихло и лицо стало блѣднѣе.

— Видно, продолжала графиня, взявъ его дружески подъ руку — что тѣ, которые много шумятъ, вовсе не злы.

— Или, перефразировалъ генералъ съ своимъ обыкновеннымъ юморомъ: — собака, которая лаетъ, не кусается.

— Съ своей стороны, сказала графиня: — я очень рада, что ваша жена не слыхала нашего маленькаго спора. Она кстатѣ углубилась въ разговоръ съ ротмистромъ.

— Ротмистръ умный человѣкъ, отвѣчалъ генералъ: — онъ никогда не позволить себѣ ничего лишняго.

— Мужчины очень снисходительны къ молодымъ и хороше-ныхъ женщинамъ. Ротмистръ, вѣроятно, не будетъ исключеніемъ.

— Мнѣ все равно, сказалъ хладнокровно генералъ; онъ былъ не изъ ревнивыхъ.

— Я удивляюсь вашему хладнокровію! воскликнула графиня. — Неужели вамъ было бы все равно, еслибы жена ваша влюбилась? вы бы не упрекали себя, что въ время не приняли никакихъ мѣръ?

— Нельзя такъ скоро влюбиться, отвѣчалъ генералъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. — Леони невлюбчива. Между нами было довольно недоразумѣній; но что касается интригъ, въ этомъ отношеніи жена моя безупречна и я ей вполне довѣряю. Я ее не ревную и она, съ своей стороны, никогда не дѣлала мнѣ сценъ ревности.

Графиню вывело изъ себя такое слѣпое довѣріе.

— Но вѣдь можетъ быть случай, настаивала она: — что такое довѣріе...

Но генералъ не далъ ей докончить и смѣясь сказалъ:

— Глупости! Чего еще нѣтъ, о томъ и говорить не стоитъ!

Графиня замолчала. Она совсѣмъ упала духомъ, когда увидѣла, что въ жилахъ стараго солдата не было ни капли крови венеціанскаго мавра. Она, вѣроятно, не увяла бы еще, еслибы всеобщее вниманіе не было привлечено дорожною каретою, запряженною четвернею, которая въ это время подъѣзжала по аллеѣ къ замку.

— Кто бы это могъ быть? спрашивали всѣ другъ друга, потому что никого не ждали.

Графъ Тибольдсеггъ, взглянувъ съ безпокойнымъ любопытствомъ на экипажъ, всталъ и пошелъ къ воротамъ замка; какъ человѣкъ, ожидающій чего-нибудь непріятнаго, онъ проговорилъ съвозъ зубы:

— Это, пожалуй, онъ.

Карета остановилась и лакей, сопровождавшій пріѣхавшаго, отворилъ дверцу. Изъ экипажа выпрыгнула молодой кирасирскій офицеръ, не старше двадцати-одного года и, увидѣвъ графа еще издали, закричалъ ему:

— Не слишкомъ ли рано я пріѣхалъ?

— Вы всегда кстатѣ, ваша свѣтлость! возразилъ графъ. —

Только что я увидѣлъ четверку, мнѣ точно какой-то голосъ шепнулъ, что это вы.

Онъ обнялъ гостя горячо, такъ горячо, какъ возможно было это сдѣлать опытному дипломату въ его положеніи.

— Хотя и было рѣшено, что я приѣду къ вамъ въ концѣ мѣсяца, однако... говорилъ кирасиръ.

— Ваше нетерпѣніе мнѣ очень лестно, отвѣчалъ графъ.

— У васъ, кажется, множество гостей? Кто у васъ такой?

— Все свои! отвѣчалъ графъ: — вы сами увидите.

И взявъ его подъ руку, онъ повелъ въ рошу, гдѣ и представилъ всему обществу.

Приѣзжіи носили одно изъ самыхъ блестящихъ именъ; это былъ князь Гуго фонъ-Кроненбургъ, отрасль благородной фамиліи, которая играла важную роль въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій: будущій обладатель многочисленныхъ помѣстій, величина которыхъ равнялась любому нѣмецкому княжеству, и единственный сынъ преждевременно состарившагося отца. Какъ по наружности, такъ и по внутреннимъ качествамъ, онъ не былъ похожъ на человѣка высокаго происхожденія; напротивъ, лицо его было самое обыкновенное, какое можно встрѣтить у любого помѣщика, жизнь котораго проходитъ въ верховой ѣздѣ и охотѣ. Его коренастую фигуру нельзя было назвать ни благородною, ни неблагородною, его лицо съ продолговатымъ носомъ, маленькими сѣрыми глазами и ртомъ, обезображеннымъ недостаткомъ нѣсколькихъ зубовъ, было самое дюжинное; только преждевременная дряхлость, проглядывавшая въ его усталыхъ чертахъ, и синеватый оттѣнокъ кожи, были нѣсколько характеристичны. Маленькій узкій лобъ, не показывавшій большихъ способностей, казался еще уже и меньше оттого, что волосы у него были коротко острижены.

Внутреннія качества его также не представляли ничего оригинальнаго. Онъ былъ болтливъ и развязенъ, хотя въ разговорѣ его не доставало той полировки, которая въ высшемъ свѣтѣ такъ часто прикрываетъ недостатокъ содержанія. До сихъ поръ его свѣтлость не имѣла время для порядочныхъ знакомствъ; она была исключительно занята лошадьми, собаками и танцовщицами. Только самоувѣренность и дерзость въ обращеніи съ людьми обличали въ немъ большаго барина.

Все время до обѣда прошло въ пустыхъ разговорахъ, обыкновенно сопровождающихъ подобныя посѣщенія. Корнелія почти не принимала въ нихъ участія. Съ княземъ она познакомилась въ Вѣнѣ и онъ не былъ въ числѣ ея друзей. Она всегда находила его пошлымъ и пустымъ, но онъ сдѣлался ей рѣшительно невыносимъ съ тѣхъ поръ, какъ прошлою зимою на одномъ балѣ онъ

стать за ней ухаживать съ ни на чемъ неоснованною увѣренностью въ побѣдѣ.

Всѣ пошли къ столу, который былъ накрытъ на свѣжемъ воздухѣ. Князь предложилъ руку Корнеліи. Графъ въ сторонѣ наблюдалъ за ними. Корнелія приняла руку съ полнымъ равнодушіемъ.

— Я, кажется, въ послѣдній разъ сопровождалъ васъ къ столу у барона Шёнвальда, сказалъ небрежно князь.

— Я тамъ никогда не была, возразила Корнелія: — во всякомъ случаѣ я не предполагала, что можно помнить такіе мелочи,

— Мелочи! воскликнулъ князь съ любезнымъ негодованіемъ, крутя свои жидкіе усики. — Вы, кажется, и не подозрѣваете, какое баснословное впечатлѣніе произвели на мое бѣдное сердце!

Корнелія приняла эту тираду съ ледянымъ равнодушіемъ и сѣла на назначенное ей мѣсто подлѣ князя.

Кроненбургъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ отвращеніи, которое онъ начиналъ внушать. Принимая участіе во всѣхъ разговорахъ, онъ ѣлъ съ отличнымъ аппетитомъ и былъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. И Корнелія была оживлена, даже оживленнѣе обыкновеннаго; но разговаривала она не съ княземъ и обращалась къ нему только тогда, когда этого нельзя было избѣжать. Впрочемъ, на это никто не обратилъ вниманія, исключая ея отца, который или лучше зналъ свою дочь, или лучше наблюдалъ за ней. Послѣ обѣда Корнелія незамѣтно ушла; отецъ нашель ее въ своей комнатѣ. Она стояло у окна.

— Зачѣмъ ты прядешься отъ гостей? сказалъ онъ, равнодушно садясь на диванъ.

— Развѣ ты находишь это неприличнымъ? спросила Корнелія съ удивленіемъ, устремляя испытующій взоръ на дипломата, въ лицѣ котораго не отражалось ни малѣйшей тѣни внутреннаго безпокойства.

— Нисколько, отвѣчалъ онъ. — Я даже думалъ, что у тебя была на это причина.

— Какая же? сказала Корнелія, смотря прямо ему въ лицо.

— Можешь ты выслушать нѣчто серьезное? спросилъ графъ.

Она смотрѣла на него, какъ бы ожидая чего-то непріятнаго.

— Я тебѣ сказалъ: серьезное! продолжалъ графъ, понявъ выраженіе лица дочери. и улыбаясь. — Я невѣрно выразился! тебя ждетъ самый пріятный сюрпризъ!

— Я слушаю! сказала Корнелія нетерпѣливо.

— Пріѣздъ князя случился ранѣе, чѣмъ я ожидалъ, началъ отецъ: — но такъ-какъ онъ уже здѣсь, то мы должны сообразаться съ обстоятельствами. Я буду очень кратокъ, хотя предметъ требовалъ бы болѣе продолжительнаго объясненія. Впрочемъ, стро-

го говоря, этого не нужно, вещь сама по себѣ такъ ясна и блистательна, что противъ нея ничего нельзя возразить.

Онъ остановился, взглянулъ на Корнелію, которая слушала его какъ статуя, и опять продолжалъ:

— Гуго, который познакомился съ тобой прошлую зиму, писалъ отцу, какое сильное впечатлѣніе ты произвела на него, и старый князь просилъ письмомъ твоей руки.

Корнелія поблѣднѣла, но оставалась спокойна.

— Ты ничего не говоришь, дитя мое, сказалъ графъ.

— Я прежде хочу знать, что ты отвѣчалъ старому князю, возразила дочь.

— Ты хочешь, чтобы я объяснилъ тебѣ то, что такъ ясно само по себѣ! Гуго — прекрасный молодой человѣкъ, одно изъ первыхъ именъ имперіи, богатъ и влюбленъ въ тебя до безумія. Всѣ его родственники сочувствуютъ этой свадьбѣ, и я не нахожу никакой причины медлить тѣмъ, чему позавидуютъ всѣ твои подруги. Ты сдѣлаешься одной изъ первыхъ дамъ государства.

— Никогда! воскликнула Корнелія съ рѣшительнымъ жестомъ.

— Такъ не отвѣчаютъ, сказалъ графъ мягкимъ, увѣщательнымъ тономъ. — Ты можешь отвѣчать не иначе, какъ послѣ долгаго и зрѣлаго размышленія: только дѣтское упрямство можетъ руководить такою быстрою рѣшимостью.

— А я думала, что ты меня больше любишь! сказала Корнелія со слезами на глазахъ.

— Развѣ это не высшее доказательство любви, что я хочу сложить у твоихъ ногъ всѣ богатства и почести міра? Я надѣюсь, что ты образумишься, тѣмъ болѣе, что теперь отказъ съ нашей стороны почти невозможенъ, иначе я долженъ буду поссориться съ могущественнымъ семействомъ, которому много обязанъ. Теперь ты понимаешь, въ чемъ дѣло, и будешь обходиться съ Гуго осторожнѣе и съ большимъ тактомъ, чѣмъ до сихъ поръ.

Сказавъ послѣднія слова, онъ вышелъ изъ комнаты.

Корнелія была внѣ себя. Этотъ ударъ былъ слишкомъ неожиданъ. Подумавъ немного и твердо рѣшившись сопротивляться до послѣдней возможности, она поспѣшила къ г-жѣ Гассенфельдъ, чтобы излить передъ ней свое горе. Г-жа Гассенфельдъ видѣла молодого князя только мимоходомъ при его прибытіи и не совсѣмъ могла понять отвращеніе Корнеліи къ этому замуству, но, какъ вѣрная подруга, слѣпо стояла за сопротивленіе. Она старалась утѣшить молодую дѣвушку тѣмъ, что графъ можетъ еще переменить свое намѣреніе.

Во время этого разговора вошелъ Коссъ съ крайне озабоченнымъ видомъ.

— Я слышалъ, сказалъ онъ: — что дѣсь, лежащій около парка, окружень. Это сказалъ мнѣ проходившій жандармъ. Крестьяне видѣли кого-то и приняли за бѣглеца. Если онъ настоитъ на своемъ и уйдетъ, то быть бѣдѣ! Ради Бога, г-жа Гассенфельдъ, сходите вы къ нему и приважите остаться! А то намъ всѣмъ грозитъ петля.

Поспѣшно передавъ это, Коссъ ушелъ.

— Ступайте скорѣе къ нему! воскликнула Корнелія. — Я надѣюсь, что онъ согласится!

— Я тоже надѣюсь, отвѣтила г-жа Гассенфельдъ.

Она торопливо вышла изъ комнаты.

Когда она прошла длинный коридоръ и хотѣла уже повернуть въ узкій боковой ходъ, то увидѣла, что онъ былъ занятъ слугами замка и лакеями князя, привлеченными прохладою этого мѣста. Чтобы не терять напрасно времени, она рѣшилась идти другимъ ходомъ, по широкой каменной лѣстницѣ.

Взявъ ключъ и осторожно осмотрѣвшись, она тихо отворила ржавыя желѣзныя двери и снова занерла ихъ за собою. Еще никогда не ходила она по этой дорогѣ, и надо было имѣть нѣкоторый навыкъ, чтобы не заблудиться въ огромныхъ пустынныхъ залахъ. Достигнувъ узкаго и темнаго хода, она увидѣла, что находится по другую сторону витой лѣстницы. Пройдя этотъ ходъ и пробѣжавъ еще двѣ комнаты, она очутилась передъ дверью бѣглеца. Постучавъ и не дожидая отвѣта она быстро отворила ее.

Бѣглеца не было въ комнатѣ.

Г-жа Гассенфельдъ осмотрѣлась. Не было ничего, что обличало бы присутствіе человѣка. Въ ту ли комнату она зашла? На столѣ не было книгъ, присланныхъ незнакомцу для развлечения и которыя еще вчера она здѣсь видѣла. Комната была пуста, какъ и всѣ сосѣднія.

— Неужели онъ убѣжалъ! воскликнула она въ ужасѣ, отворяя комодъ, чтобы посмотреть, не осталась ли какая-нибудь вещь, указывавшая на его присутствіе.

Комодъ былъ пустъ.

— Несчастный! воскликнула г-жа Гассенфельдъ, сжимая руки и безпомощно оглядываясь кругомъ. — Какое безумное нетерпѣніе!

Съ быстротою молніи вернулась она по той же дорогѣ къ Корнелии, не успѣвъ даже затворить за собою желѣзную дверь, которая вела на каменную лѣстницу.

— Онъ ушелъ! воскликнула она, вбѣгая въ комнату графини.

— Какъ могъ онъ уйти! сказала удивленная Корнелія.

— Не выпустилъ ли его Коссъ, чтобы отдѣлаться? сказала г-жа Гассенфельдъ.

— Да вѣдь онъ насъ самъ же просилъ, возразила Корнелія.

— Это правда! вскричала г-жа Гассенфельдъ.— Какъ могъ онъ уйти? Не могъ же онъ улетѣть! Не чрезъ старую ли башню въ паркъ? Онъ могъ изъ верхняго окна спуститься по дереву?

— Не знаю, сказала Корнелія.

— Это очень возможно, продолжала г-жа Гассенфельдъ.

— Боже мой! воскликнула вѣдыхая Корнелія:— что побудило его подвергнуть и себя и насъ явной опасности! Все сегодня противъ меня!

— Осмотримте башню! сказала г-жа Гассенфельдъ, увлекаая за собой Корнелію.

— Это бесполезно, возразила молодая графиня, слѣдуя за ней:— впрочемъ, можетъ быть, что-нибудь и узнаемъ. Сколько безопасности!

Онѣ, никѣмъ незамѣченныя, пробѣжали каменную лѣстницу и на этотъ разъ заперли за собою дверь.

Корнеліи, никогда не видавшей огромныхъ залъ стараго замка, сдѣлалось страшно, когда она вступила въ лабиринтъ сырыхъ и холодныхъ комнатъ. Лучи заходящаго солнца едва проникали сквозь выцвѣвшія, покрытыя пылью стекла старомодныхъ оконъ. Ее пугали и отголосокъ собственныхъ шаговъ, и скрипъ рѣдко отворяемыхъ дверей, и незнакомые предметы, казавшіеся въ полумракѣ какими-то чудовищами.

Онѣ достигли величественной царской залы; здѣсь было свѣтлѣе, но еще пустѣе и непригляднѣе.

На всемъ лежала печать давно умершаго прошедшаго. Множество старинныхъ картинъ въ рѣзныхъ золоченыхъ рамахъ, придавали этому мѣсту печальный и мрачный видъ. Это были большею частью портреты. Здѣсь находились кардиналы, старше полководцы въ стали и желѣзѣ, въ парикахъ государственные люди и аббаты, умершіе назадъ тому цѣлыя столѣтія. Между ними можно было видѣть герцога Альбу, испанскаго короля Филиппа, написаннаго во весь ростъ въ латахъ, и знаменитую картину, привезенную въ Богемію Вратиславомъ фонъ-Пернштейнъ, изображавшую лифанта Донъ-Карлоса съ блѣднымъ безбородымъ лицомъ, робкимъ взглядомъ и каштановыми, коротко-остриженными волосами, въ бѣлой волчьей шубѣ и бѣломъ камзолѣ, съ рукою, покоющеюся на кинжалѣ, убранномъ драгоценными камнями.

На срединѣ зала находился портретъ Карла VI, больше человеческого роста. Государь стоялъ въ порфорѣ съ истинно-испанскою гордостью и величавостью. Въ одной рукѣ онъ держалъ ски-

петръ, въ другой державу. Проходя мимо, Корнелія взглянула на его блѣдное лицо, и ей показалось, что онъ внимательно глядѣлъ на нее, какъ бы наблюдая за молодой дѣвушкой, предки которой нѣкогда угощали его. Морозъ пробѣжалъ у ней по кожѣ, и схвативъ крѣпко за руку свою спутницу, она сказала:

— Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, страшно! Позовемте Косса, пусть онъ насъ проводить.

— Да, сказала г-жа Гассенфельдъ, улыбаясь:— здѣсь, дѣйствительно, пусто и мрачно. Но что же изъ этого?

Въ это мгновеніе имъ показалось, что портретъ императора слегка заколебался и послышался легкій шорохъ. Корнелія судорожно сжала руку своей подруги, которая сама была поражена; но прежде нежели онѣ успѣли сказать слово, картина забачалась и изъ-за нея вышелъ мужчина.

Корнелія вскрикнула. Между тѣмъ, незнакомецъ, не трогаясь съ мѣста, сказалъ дружескимъ и мягкимъ голосомъ:

— Не пугайтесь, это я... тотъ, котораго вы спасли. Я...

— Чтò это вы дѣлаете? сказала съ неудовольствіемъ г-жа Гассенфельдъ.

— Вы должны все выслушать, сказалъ приближаясь бѣглець.— Но одни мы?

— Вы хотѣли убѣжать, перебила г-жа Гассенфельдъ.

— Я не собирался еще бѣжать, отвѣчалъ бѣглець:— но я услышалъ, что кто-то ко мнѣ приближается съ той стороны, съ которой никто ко мнѣ не ходитъ. На такой случай, я и безъ предостереженій стараго Косса, былъ готовъ и нашелъ себѣ удобное убѣжище въ нишѣ за этимъ портретомъ. Когда я услышалъ, что кто-то идетъ, я схватилъ свои вещи...

— Это была я! воскликнула г-жа Гассенфельдъ.— Я пошла по другой дорогѣ, потому что ходъ къ винтовой лѣстницѣ былъ занятъ. Вы не виноваты. Во всякомъ случаѣ вы поступили умно и мы вамъ прощаемъ нашъ испугъ.

— И для меня послѣдніе полчаса не были особенно пріятны, сказалъ бѣглець.— Мое сердце сильно забилося, когда, стоя за картиной, я услышалъ приближающіеся шаги. Когда отворилась дверь залы, я считалъ себя уже погибшимъ. Я узналъ вашъ голосъ и сквозь отверстіе въ картинѣ увидалъ знакомую фигуру; я вышелъ. Не случилось ли чего-нибудь? Куда вы идете? Не ищутъ ли меня?

— Я пришла предостеречь васъ, отвѣчала г-жа Гассенфельдъ:— или просто приказать вамъ, чтобы вы сегодня ни подъ какимъ видомъ не выходили. Замокъ и паркъ окружены. Васъ ищутъ.

— Кто это? воскликнулъ внезапно бѣглець, приближаясь къ Корнеліи, которая стояла сзади подруги и была столько же удив-

лена, сколько обрадована этимъ неожиданнымъ появленіемъ. — Я васъ самъ узнаю! сказалъ онъ, приближаясь къ дѣвушкамъ и смотря ей въ глаза.

— Фрейленъ Анна, сказала г-жа Гассенфельдъ: — дочь графскаго управляющаго. Она, сверхъ ожиданія, только что вернулась.

— Это вы! Я узнаю васъ! говорилъ молодой человекъ.

— Мнѣ, кажется, суждено, сказала Корнелія, стараясь объяснить случайность этой встрѣчи: — видѣть васъ только въ критическія минуты, какъ тогда въ лѣсу, такъ и сегодня, при совершенно фантастической обстановкѣ. Мы были увѣрены, что вы убѣжали отсюда черезъ старую башню. Къ счастью, наша тревога была напрасна.

— Моя обязанность вывести васъ изъ безпокойнаго и тягостнаго положенія. Но я не сдѣлаю ничего безразсуднаго! Я вовсе не хочу отдать жизнь свою полицейскимъ сыщикамъ. Я найду ей лучшее употребленіе. За васъ, для васъ я бы ее отдалъ! Я тысячу разъ рисковалъ ею для толпы равнодушныхъ людей, которые, можетъ быть, отвернутся отъ меня. Я дѣлалъ все для другихъ, ничего для себя; я думалъ не о пользѣ, а о самопожертвованіи. Это юношеское увлеченіе я проявлялъ бы, можетъ, еслибы не встрѣтилъ васъ!

— Мы знаемъ, что вы вполне заслуживаете участіе, сказала г-жа Гассенфельдъ; она была увлечена, какъ и Корнелія, его пылкими рѣчами.

— Я въ замкѣ графа Тибольдсегга! Въ львиной пещерѣ нашель убѣжище! Здѣсь, за этой картиной я былъ спрятанъ! Отецъ прагматической санкціи, противъ которой я поднялъ руку, скрылъ меня! Я боюсь одного: чтобы въ случаѣ бѣды, вашъ отецъ не пострадалъ, фрейленъ Анна, чтобы не было вамъ непріятностей и тревоги...

— Хорошо, еслибы этимъ и ограничилось, сказала г-жа Гассенфельдъ съ ироніей. — А то, пожалуй, графъ возьметъ назадъ свое согласіе на свадьбу. Чѣмъ вознаградите вы Анну за потерянную партію?

— Зачѣмъ вы это говорите! воскликнулъ бѣглецъ и, смотря на Корнелію, которой вовсе не понравилась эта шутка, прибавилъ: — Что вы на это скажете, фрейленъ Анна?

— Надо покориться обстоятельствамъ, сказала Корнелія, чтобы сказать что нибудь.

— По вашему тону можно заключить, что вы не совсѣмъ счастливая невѣста?

— Боже мой! счастливая невѣста! воскликнула Корнелія съ горечью. — Однако, поздно, надо идти!

Она быстро пошла къ дверямъ.

— Вы остаетесь? сказала г-жа Гассепфельдъ. — Вашу руку!

— Вотъ она! сказалъ съ волненіемъ молодой человекъ, протягивая руку. — Я остаюсь и никогда не хотѣлъ бы уходить отсюда!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Гедвига и ея женихъ.

До сихъ поръ Филиппъ Штропцъ игралъ очень скромную роль въ нашемъ разсказѣ; теперь мы можемъ познакомиться съ нимъ нѣсколько ближе.

Филиппъ Штропцъ, изучавшій сначала право, двадцати лѣтъ бросилъ это занятіе и сдѣлался агентомъ по дѣламъ своего брата. Но скоро оказалось, что онъ въ этому рѣшительно неспособенъ. На свои поѣздки по дѣламъ онъ смотрѣлъ какъ на удовольствіе, и дѣлалъ огромныя издержки. Братъ долго терпѣлъ это. Онъ былъ слишкомъ хорошаго мнѣнія о коммерческихъ способностяхъ Филиппа и на его долги смотрѣлъ, какъ на остатки студенческихъ шалостей. Но скоро глаза его открылись. Онъ послалъ Филиппа въ Венгрію съ большою суммою денегъ для покупки фруктовъ. Прошли недѣли, мѣсяцы, но онъ не возвращался и даже всѣ поиски полиціи были напрасны. Наконецъ, его нашли подъ чужимъ именемъ на какихъ-то водахъ, гдѣ онъ велъ большую игру. Дефицитъ въ деньгахъ оказался огромный. Несмотря на это, Арнольдъ не выгналъ его. Обманутый его мнимымъ раскаяніемъ, онъ взялъ его въ Вѣну, гдѣ отдалъ подъ строгій надзоръ. Филиппъ долженъ былъ жить подъ присмотромъ ментора, избраннаго самимъ Арнольдомъ. Но, несмотря на это, вскорѣ оказалось, что Филиппъ, кромѣ занимаемой имъ квартиры, имѣлъ возлѣ еще другую, на которой велъ игру и устраивалъ пирушки, царицею которыхъ была извѣстная актриса. Филиппъ сумѣлъ-таки запустить руку въ кассу и надѣлалъ огромныхъ долговъ. Тогда истощилось терпѣніе брата; онъ прогналъ негодя и открыто отказался отъ него.

Оставленный братомъ, преслѣдуемый кредиторами, отвыкшій отъ правильной дѣятельности и не имѣвшій ничего въ виду, Филиппъ не зналъ, за что взяться. Онъ нѣсколько разъ приходилъ въ контору брата и грозилъ застрѣлиться, но братъ хладнокровно пожималъ плечами, какъ бы говоря: лучше этого ты не можешь дѣ-

латъ. Наконецъ, Филиппъ лишился послѣдняго кредита и находился въ отчаянномъ положеніи. Охотно бы разыгралъ онъ блуднаго сына, но не имѣлъ ни малѣйшей надежды тронуть брата. Это было ужасно! Даже жалкое общество игроковъ, которыхъ онъ угощалъ, и танцовщицъ, которыхъ содержалъ, не хотѣло знать его.

Однажды, лежа въ постелѣ и не зная что предпринять, вспомнилось ему мѣстечко Красницъ, въ которомъ онъ бывалъ еще агентомъ своего брата; вспомнился и старый Шепкесь, у котораго онъ останавливался, и богатый мельникъ Дубскій, у котораго была единственная хорошенькая дочь. Не отправиться ли туда поискать счастья? Онъ схватился за эту мысль, какъ утопающій схватывается за соломинку. На слѣдующее же утро пошелъ онъ къ брату и рассказалъ ему, что онъ давно имѣетъ сношенія съ дочерью мельника, что она ему нравится и что только непостоянство удалило его отъ нея. Теперь онъ видитъ ошибки своей прежней жизни, хочетъ жениться и сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ. Если Арнольдъ поможетъ ему, то онъ легко получитъ согласіе отца. Арнольдъ удивился этой внезапной любви и счелъ ее за пустую выдумку; однако, обѣщалъ помочь ему, только съ нѣкоторыми условіями.

Такимъ образомъ, между ними произошло нѣчто похожее на примиреніе. Узнавъ объ этомъ, кредиторы перестали его преслѣдовать. Филиппъ принялся за дѣло. Онъ встрѣтилъ Шмея, который возвращался взглянуть на свою родину, оставленную имъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Шмей зналъ его очень мало и считалъ однимъ изъ тѣхъ пустыхъ мальчъ, которыхъ всегда много въ большихъ городахъ. Наружность Штроппа была красива. На немъ не было видно слѣдовъ развратной жизни; онъ только казался немного старше своихъ лѣтъ. Густые бѣлокурые волосы и голубые глаза придавали ему даже что-то симпатичное. Онъ говорилъ всегда коротко и ясно, не прибѣгая къ лести, чѣмъ и приобрѣлъ довѣренность даже людей опытныхъ.

Онъ рѣшился овладѣть сердцемъ Гедвиги и сдѣлаться зятемъ мельника. Выдавая себя за купца, онъ явился на мельницу и съ перваго же дня повелъ игру съ полнѣйшимъ спокойствіемъ и увѣренностью. До маленькаго городка не доходили слухи о его прежней жизни и всѣ считали его за прямого, хорошаго человѣка.

Послѣ ареста отца, Гедвига впала въ глубокую грусть, но мало по малу она сдѣлалась спокойнѣе и могла заниматься хозяйствомъ. Она была тихая, нѣжная дѣвушка; но привычка во всемъ полагаться на себя развила въ ней самостоятельность и даже силу характера. Всѣ изъявленія участія были ей тяжелы; она не принимала никого, кромѣ Сары Шепкесь. Кромѣ новой печали и тревоги, у нея не зажила старая рана. Она не забыла Юлія Вер-

нера, и мысль, что онъ умеръ, живо ее терзала. Филиппу Штроппу отказывали всякій разъ, какъ онъ приходилъ. Но онъ не отчаявался въ успѣхѣ и продолжалъ настаивать на своемъ. Такъ-какъ онъ не могъ разсчитывать, что его сочувствіе будетъ принято, то рѣшился на хитрость. Явившись однажды къ Гедвигѣ, онъ велѣлъ сказать, что пришелъ сообщить ей весьма важное извѣстіе по дѣлу ея отца. Дѣвушка тотчасъ же выбѣжала. Штроппъ, не долго думая, началъ лгать. Онъ разсказалъ, что ея отецъ писалъ тайно его брату Арнольду, имѣвшему большія связи, и что есть надежда на скорое освобожденіе. Послѣ долгой печали въ первый разъ услышала она радостное извѣстіе и съ благодарностью пожала руку обманщику; она просила его придти опять, когда онъ получитъ новыя свѣдѣнія. Такимъ образомъ, онъ сталъ ходить каждый день. Скоро съ радостью замѣтилъ онъ, что довѣріе Гедвиги увеличивается и ея обыкновенная сдержанность исчезаетъ. Этотъ успѣхъ, однако, не вызвалъ у него ни одного нескромнаго слова и онъ удовольствовался тѣмъ довѣріемъ, которое ему оказывали.

Наконецъ, по его мнѣнію, настало время, когда онъ могъ рѣшиться на первый шагъ. Однажды, послѣ обѣда, онъ явился на мельницу съ очень серьезнымъ лицомъ. Гедвига сядла за письменнымъ столомъ и сводила недѣльные счета. Увидѣвъ его озабоченное лицо, она быстро встала.

— Не пугайтесь, фрейлинъ Гедвига, сказалъ онъ. — Ничего нѣтъ печальнаго, хотя все-таки вамъ предстоитъ тяжелое испытаніе.

— Чтò это за письмо? прервала Гедвига, показывая на бумагу, которую онъ вертѣлъ въ рукахъ.

— Опять отъ брата Арнольда. Только что получилъ. Онъ горячо принялся за дѣло. Сейчасъ вы все услышите.

— Садитесь! сказала Гедвига, быстро подвигая стулъ.

— Прежде чѣмъ я приступлю къ дѣлу, началъ Штроппъ: — я долженъ вамъ выразить мое сожалѣніе о томъ, что не успѣлъ до сихъ поръ приобрести вашего довѣрія... Вы постоянно отрицали, что въ вашемъ домѣ останавливался бѣглець. По числамъ, сообщеннымъ мнѣ братомъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Дай Богъ, чтобы полиція меньше объ этомъ знала!

Гедвига не отвѣчала. Штроппъ, ослѣвленный ревностью и вообразившій, что бѣглець былъ не кто другой, какъ Юлія Вернеръ, продолжалъ:

— Пословица говоритъ, что не нужно ничего скрывать отъ духовника, доктора и адвоката. Я не настаиваю на этомъ, ваше сознаніе ни къ чему бы не повело. Полиція имѣетъ на этотъ счетъ

точные свѣдѣнія. Она знаетъ человѣка, котораго преслѣдовала до самаго вашего дома. Ей извѣстны также и его отношенія къ вамъ и вашему отцу.

Гедвига подняла на Штроппа свои большіе глаза. Этотъ взглядъ ясно показывалъ, что она не понимаетъ, о какихъ отношеніяхъ идетъ рѣчь.

— Можетъ быть, это и неправда, продолжалъ Штроппъ: — и подозрѣніе заходитъ слишкомъ далеко. Но можно ли осуждать власть за то, что она наставляетъ на такомъ предположеніи? Кто станетъ, въ эти тяжелыя времена, такъ рисковать для незнакомаго человѣка? И съ какой стати заператься въ такомъ очевидномъ поступкѣ? Этимъ вашъ отецъ вредитъ себѣ еще болѣе. Никто не думаетъ, чтобы тутъ скрывалось гостепримство, но видать политической заговоръ.

Гедвига молчала, но по ея взгляду и поднимающейся груди видно было, какая внутренняя борьба происходила въ ней.

— Гедвига, сказалъ тихо и вѣрачиво Штроппъ, взявъ за руку молодую дѣвушку. — Считаете ли вы меня другомъ, который безкорыстно готовъ помочь вамъ, или шпиономъ, который хочетъ вырвать у васъ сознание? Ради вашего отца, скажите мнѣ правду! Никто никогда не узнаетъ того, что вы мнѣ скажете, я напишу объ этомъ только брату, который воспользуется вашимъ признаніемъ, чтобы помочь вашему отцу.

— Я знаю, сказала Гедвига тронутая: — что вы желаете намъ добра. Наконецъ, неужели это такое преступленіе, что всякій, кто о немъ узнаетъ, захочетъ донести на насъ!

— Боже мой! воскликнулъ Штроппъ: — вы сдѣлали то, что сдѣлалъ бы и я при подобныхъ обстоятельствахъ. Не однихъ-же только знакомыхъ спасаютъ!

— И мы сдѣлали то, что сдѣлалъ бы всякій на нашемъ мѣстѣ. Мы помогли человѣку, котораго никогда не видали, и, вѣроятно, никогда не увидимъ. Я вамъ все сказала. Вы видите, что я имѣю о васъ хорошее мнѣніе и вполне довѣряю вамъ!

— Благодарю васъ, Гедвига, благодарю! воскликнулъ Штроппъ: — благодарю! Вы увидите, что тайна ваша въ хорошихъ рукахъ!

Успокоясь на счетъ того, что это не былъ его соперникъ, онъ рѣшился идти еще далѣе.

— Откровенность за откровенность, продолжалъ онъ. — Я скажу вамъ еще болѣе. Знаете ли, что вы скрывали государственнаго преступника? Человѣка, который, несмотря на свою обманчивую паружность, не заслуживалъ ни вашего участія, ни той жертвы, которую вы для него принесли! Я могу доказать это фактами. Этотъ человѣкъ былъ волонтеромъ въ Шлезвигѣ, но вскорѣ долженъ

былъ бѣжать оттуда съ нѣсколькими единомышленниками вслѣдствіе поступка, не дѣлающаго ему чести. Вся шайка прибыла въ Вѣну незадолго до октябрьской революціи. Ничто не могло быть для нихъ удобнѣе, какъ попасть въ суматоху, чтобы избѣгнуть ответственности. Между ними было двое молодыхъ людей...

— Что это былъ за проступокъ? прервала Гедвига, ожидая и боясь услышать что нибудь о Юліѣ Вернерѣ.

— Не политическій, отвѣчалъ Штроппъ:— не что такое, что и съ мѣщанской точки зрѣнія достойно показанія. Но это постыднее. Всѣ эти люди составляли одну шайку, главою которой былъ тотъ, изъ-за котораго страдаетъ вашъ отецъ, человѣкъ дерзкій, способный на все... Но что вы поблѣднѣли, фрейлинъ Гедвига?

— Ничего, сказала Гедвига. — Продолжайте.

— Это были сыновья порядочныхъ родителей: одинъ изъ Моравіи; другой, если не ошибаюсь, изъ Богеміи.

— Изъ Богеміи! не знаете вы его имени?

— Я бы вспомнилъ, еслибы только слышалъ его. Но зачѣмъ вы спрашиваете?

— Здѣсь есть одно семейство, сказала Гедвига, смущаясь: — которое ждетъ до сихъ поръ своего сына; онъ отправился года два тому назадъ и пропалъ. Его фамилія Вернеръ.

— Дѣйствительно, воскликнулъ Штроппъ.— Я вспоминаю; Вернеръ — такъ звали одного изъ участниковъ. Вы его знали?

— Да, знала.

— Вы говорите, что еще ждутъ его?

— Да.

— Это хитрость! Они вѣрно стыдятся, зная, каковъ сынъ...

— Какъ стыдятся? перебила молодая дѣвушка; глаза ея блеснули и она вся вспыхнула.

— Конецъ этого дѣла извѣстенъ, отвѣчалъ Штроппъ: — по крайней мѣрѣ, въ Вѣнѣ о немъ былъ составленъ оффиціальныи протоколъ. Этотъ Вернеръ былъ тяжело раненъ на баррикадѣ.

Гедвига вскрикнула.

— Вы не любите слушать печальныхъ исторій? спросилъ, улыбаясь, Штроппъ.

— Да, не люблю, отвѣчала Гедвига, стараясь казаться какъ можно спокойнѣе.

— Такъ я лучше перестану.

— Нѣтъ! нѣтъ! возразила Гедвига и, собравшись съ силами, прибавила: — развѣ эта исторія такъ печальна?

— Нѣтъ, не особенно. Въ то время подобныя исторія случались тысячами. Раненый дотащился до одного дома... Дѣвушка, съ которой онъ былъ въ связи...

— Что это была за дѣвушка?

— Боже мой! дѣвушка изъ того сословія, о которомъ не говорятъ въ порядочномъ обществѣ; одно изъ тѣхъ существъ, которыя дюжинами окружали молодыхъ героевъ баррикадъ. Она долго за нимъ ходила и скрыла бы его отъ полицейскихъ сыщиковъ, еслибы не былъ позванъ хирургъ. Онъ выдалъ зачинщика. Бѣдный молодой человѣкъ былъ взятъ и отправленъ въ арестантскій госпиталь. Тамъ случилось съ нимъ самое лучшее, что только можетъ случиться съ человѣкомъ, которому не было другаго пути. Онъ умеръ.

— Умеръ! Умеръ! простионала Гедвига, хватаясь за голову.

Штроппъ старался ее успокоить.

— Еслибы я зналъ, что это васъ такъ взволнуетъ, я не сказалъ бы ни слова. Послушайте! мы отвлеклись отъ главнаго предмета. Мы говоримъ о Вернерѣ, а дѣло идетъ о вашемъ отцѣ.

— Да, дѣло отца плохо!

Она закрыла лицо руками.

— Я принесъ вамъ утѣшеніе, началъ Штроппъ.

— Дядя меня нѣтъ утѣшенія! Сегодня утромъ я встрѣтила Актуара Аувальда; онъ убѣждалъ отъ меня. Онъ боится моихъ вопросовъ. Дѣло отца очень худо!

— Милая Гедвига! въ первые дни въ васъ было болѣе твердости. А между тѣмъ теперь вы имѣете въ моемъ братѣ сильнаго ходатая. Вотъ отъ него письмо. Арнольдъ пишетъ, что ожидаетъ самаго лучшаго результата. Слышите? Самаго лучшаго, пишетъ онъ, только нужно терпѣніе.

— Благодарю васъ, сказала Гедвига. — У меня немного близкихъ, и тѣхъ немногихъ я теряю, одного за другимъ — никто изъ нихъ не возвращается! Приходите скорѣе опять, прибавила она послѣ нѣкотораго молчанія и быстро вышла изъ комнаты.

«Эта дѣвушка должна быть моею!» подумалъ Штроппъ, желая заглушить что-то похожее на упрекъ совѣсти. «Она можетъ сдѣлать изъ меня порядочнаго человѣка».

Гедвига ушла въ заднія комнаты, гдѣ могла безъ помѣхи отдаться своему горю. Уже начало смеркаться, когда тишина, окружавшая Гедвигу, была нарушена бѣготнею и громкими разговорами прислуги. Она подошла къ дверямъ. Ей показалось, что въ неясномъ шумѣ голосовъ она узнаётъ голосъ отца. Она бросилась во дворъ.

— Гедвига! звалъ сильный, дружескій голосъ, голосъ отца. — Гедвига!

Когда прошелъ первый порывъ радости, мельникъ поблагодарилъ своихъ слугъ за ихъ участіе и остался одинъ съ дочерью.

— Ты совсѣмъ свободенъ? былъ первый вопросъ Гедвиги.

— Да, отвѣчалъ отецъ: — по крайней мѣрѣ, я такъ думаю.

— Какъ же это такъ неожиданно случилось? снова спросила она.

— Богъ знаетъ! сказалъ съ горечью мельникъ. — Всему есть мѣра, даже и произволу. Онъ наказываетъ, какъ хочетъ, и освобождаетъ, когда ему вздумается! Вѣроятно, они хотѣли этимъ запугать меня на будущее время. Признаюсь, я не вѣрилъ своимъ ушамъ, когда начальникъ округа объявилъ мнѣ, что я свободенъ.

— Ты не думаешь, что какойнибудь другъ тайно сдѣлалъ это для тебя?

— О комъ ты говоришь? спросилъ задумчиво мельникъ. — Судя по послѣднему допросу, дѣло могло выясниться только сегодня.

— Ахъ, да! Сегодня я встрѣтила Аувальда. Онъ убѣждалъ отъ меня.

— Чтобъ ноги его не было въ моемъ домѣ! вскричалъ мельникъ съ гнѣвомъ.

— Ты обязанъ другу помилованіемъ. Я въ этомъ увѣрена. Штроппъ писалъ своему брату, который имѣетъ большія связи. Онъ только что былъ здѣсь и показывалъ мнѣ письмо. Я многого ожидала отъ его ходатайства, но такое скорое прощеніе удивляетъ меня.

— Эге! воскликнулъ мельникъ. — Я, значить, долженъ за это благодарить Штроппа! Ты, можетъ быть, права! Арнольдъ Штроппъ сильный человѣкъ! Чѣмъ болѣе я объ этомъ думаю, тѣмъ болѣе мнѣ кажется, что иначе не можетъ быть. Какъ глупо было съ моей стороны приписать это Ракку! Ничего не могло быть глупѣе!

— Я знаю, какъ трудился для насъ Штроппъ, сказала Гедвига.

— Онъ превосходный молодой человѣкъ! Однако, что за страна наша! Обращаютъ вниманіе не на справедливость, а на связи! Я продамъ мельницу, продамъ все, свѣтъ великъ — гдѣнибудь пріютимся! Если Штроппъ захочетъ, онъ получитъ мельницу за какую цѣну пожелаетъ.

Въ тотъ же вечеръ у мельника былъ веселый ужинъ, на которомъ присутствовало семейство Шенкесъ и Филиппъ Штроппъ. Послѣдній былъ предметомъ самой горячей благодарности, которую и принималъ съ свойственной ему наглостью, хотя не могъ понять, какимъ колдовствомъ его обѣщанія обратились въ дѣйствительность. Онъ просилъ только, имѣя въ виду щекотливость предмета, сохранять все въ тайнѣ, что ему и было охотно обѣщано.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Безъ куска хлѣба.

Въ одной изъ узкихъ и дальнихъ улицъ предмѣстья Видень стоялъ, во время нашего разсказа, одноэтажный домъ очень невзрачной наружности. Входъ его былъ украшенъ картиною, изображавшею красную бутылку, ломоть хлѣба и колоссальный кусокъ телятины на тарелкѣ. Это была вывѣска трактира, носившаго странное мистическое названіе «Къ вѣчному свѣту». Названіе эта произошло вѣроятно оттого, что на этомъ мѣстѣ прежде стояла часовня и въ ней горѣла неугасимая лампада.

Это гостиница посѣщалась людьми незначительными. На старомодномъ билліардѣ, занимавшемъ середину одной комнаты, съ утра упражнялись молодые гимназисты въ «пирамиду» или «большую партію»; къ обѣду приходило нѣсколько старыхъ холостяковъ, наконецъ вечеромъ здѣсь обыкновенно собирались мелкіе чиновники и нѣсколько праздныхъ личностей, когорыхъ всегда много въ большихъ городахъ. Всѣмъ этимъ посѣтителямъ прислуживала Франци, молодая красивая дѣвушка, съ полнѣйшимъ, почти автоматическимъ, спокойствіемъ.

Помѣщеніе «Вѣчнаго свѣта» состояло изъ двухъ комнатъ: большой и маленькой. Маленькая была почти всегда занята обычными посѣтителями, тогда какъ въ большой, особенно по вечерамъ, собиралось многочисленное и разнохарактерное общество.

Кромѣ билліарда и разныхъ мелкихъ газетъ, здѣсь можно было видѣть одну большую газету, а именно: «Donauzeich». По этому выбору сразу угадывались политическія убѣжденія не только хозяина, но и большинства посѣтителей.

Въ то время только что потухло волненіе сорокъ-восьмага года, но огонь еще тлѣлъ подъ пепломъ, хотя вообще этого не сознавали. Доказательствомъ тому служило и сочувствіе къ названной газетѣ. Ея четырнадцатидневное запрещеніе служило поводомъ для постоянныхъ разговоровъ и о судьбѣ ея возникали ежедневно новые споры. Когда уже потеряли надежду видѣть «Donauzeich», онъ вдругъ появился снова, и понятно, что въ тотъ вечеръ въ «Вѣчномъ свѣтѣ» хотѣли прочесть его даже тѣ, которые обыкновенно не читали газетъ. Появленіемъ своимъ «Donauzeich» произвелъ сильное волненіе. Съ удаленіемъ стараго Гальденрида, она сдѣлалась собственностью прежняго редактора, доктора Шмел,

который въ самомъ началѣ ея помѣстилъ новую программу. Это была неожиданность для абонентовъ; они охотно простили бы издателю нѣкоторую уступку тогдашнему политическому положенію, но изъ этого предисловія они узнали, что газета будетъ издаваться на прежнемъ основаніи и готова бороться за право и свободу до послѣдняго издыханія. Такая вѣрность своимъ убѣжденіямъ и твердость характера во времена шаткости и слабости, возбудили всеобщее удивленіе.

Между гостями, занимавшими маленькую комнату, двое могли бы привлечь вниманіе наблюдателя. Это было двое мужчинъ среднихъ лѣтъ съ характерными и умными лицами. Старшій, называвшійся Штернфельдъ, былъ отставной профессоръ; лицо его выражало умъ и дружелюбіе; онъ былъ не старѣе 48 лѣтъ. Младшій, сильный брюнетъ почти оливковаго цвѣта, худошавый, съ черными огненными глазами, указывавшими на его южное происхожденіе, съ гладко-выбритымъ лицомъ и въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на глухо, былъ похожъ на духовнаго. И дѣйствительно онъ былъ духовный, только разстрага. Голова его могла бы служить моделью скульптору.

Онъ только что прочли замѣчательную программу.

— Смутни! статья энергичнѣе, чѣмъ я ожидалъ, сказалъ Штернфельдъ своему другу.

— Это рѣшительной вызовъ цензурѣ, замѣтилъ Смутни.

— За то, что она тотчасъ же не конфисковала первые нумера! воскликнулъ Штернфельдъ.

— Гм! во всякомъ случаѣ, это послѣдняя капля въ чашѣ.

— Кажется, министерство не довольно сильно, и не рѣшается дѣйствовать.

— Не рѣшается! Я понимаю это иначе. Это дѣйствительно нерѣшительность, но своеобразная. Вѣдь и осужденному на смерть позволяютъ роскошно пообѣдать.

— Пожалуй, что и такъ! Но статья все-таки утѣшительная. Этимъ мы, вѣроятно, обязаны ядовитому перу Граувака.

— Я не думаю, чтобы Граувакъ писалъ эту статью.

— Не онъ? Такъ кто же писалъ? Больше никому. Мы всѣ знаемъ легкій слогъ, но поверхностный взглядъ Шмея.

— Я знаю, что Граувакъ его правая рука. Но что я говорю — правая рука! Онъ — душа его журнала. И все-таки я утверждаю, что эта статья не Граувака. Здѣсь видны смѣлость, энергія. Граувакъ владѣетъ ѣдкой сатирой, логикой, но у него нѣтъ этого спокойствія, силы; я держу пари...

— Франци! вскрикнулъ Штернфельдъ проходящей мимо служанкѣ: — нѣтъ ли въ первой комнатѣ доктора Граувака?

— Тамъ его не видать, отвѣчала Франци. — Онъ давно уже не былъ, вѣроятно измѣнилъ намъ! Не угодно ли еще стаканъ, г. Смутни? обратилась она къ послѣднему, кладя безцеремонно руку на его плечо.

— Благодарю, благодарю, отвѣчалъ Смутни, отстраняя руку дѣвушки: — уже десять часовъ и мнѣ нужно идти домой. Я вѣдь встаю акуратно въ пять часовъ.

— Но чтò же вы дѣлаете такъ рано, вѣдь еще темно! замѣтила Франци. — Въ это время выходятъ только кухарки. Еслибы мнѣ было можно, я не знаю какъ долго я бы спала!

— Школьная привычка, отвѣчалъ небрежно Смутни. — Я рѣшительно не могу проспять утренней благовѣсть, и мнѣ все кажется, что я долженъ идти въ церковь. Тогда я встаю, зажигаю свѣчу и беру книгу. Въ семь часовъ приходятъ мои ученики и начинаются обыкновенныя занятія.

— Ты счастливъ, что имѣешь еще учениковъ, сказалъ Штернфельдъ.

— Вѣроятно, недолго буду ихъ имѣть, возразилъ Смутни. — Домашняя инквизиція, которая все знаетъ и вмѣшивается во всѣ дѣла, даетъ понять родителямъ, что таковой учитель, какъ я, не годится для ихъ дѣтей и даже компрометируетъ ихъ самихъ. Когда это случится, то я не знаю, чтò буду дѣлать. Профессорскую кафедру или учительское мѣсто я никогда не получу; у меня нѣтъ также средствъ, чтобы эмигрировать и искать счастья гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Тисячу разъ въ день я объ этомъ думаю и спрашиваю себя, чтò тогда?

— А мнѣ, отставному профессору, развѣ лучше? спросилъ Штернфельдъ со вздохомъ.

Онъ хотѣлъ продолжать, но увидѣлъ входящаго Граувака, и лицо его прояснилось.

Граувакъ былъ худошавый, сорокалѣтній мужчина, съ немного опущенной головой, сѣдыми волосами, длинными, почти военными усами и пронзательными сѣрыми глазами. Движенія его были порывисты и рѣшительны.

— Ты сталъ въ послѣднее время чертовски неакуратенъ! воскликнулъ Штернфельдъ. — Неужели твое непостоянство зайдетъ такъ далеко, что ты безъ всякой причины бросишь этотъ трактиръ? Какое новое мѣсто привлекаетъ тебя?

— Что за подозрѣнїе! воскликнулъ Граувакъ, потирая руки и садясь между ними. — Всѣ эти дни я не былъ ни въ одной гостиницѣ, а напротивъ, проводилъ время самымъ сантиментальнымъ образомъ у старой тетушки, у сестры и у бабушки. Вы, видно, не знаете, что въ скоромъ времени отечество лишится большаго па-

триота и что могущественный вулканъ долженъ потухнуть по приказанію полиціи?

— Что ты говоришь? воскликнули оба съ удивленіемъ.

— Я иду въ добровольное изгнаніе, сказалъ Граувакъ съ какою-то неестественною веселостію. — Ухожу самъ, прежде чѣмъ меня выгонять; я такъ упряма, что не хочу умереть съ голоду въ Австріи, гдѣ у меня отняли хлѣбъ. Я отправляюсь въ Парижъ; не смотрите на меня такъ недовѣрчиво, я говорю не шута.

— Говори яснѣе! вскричалъ Смутни. — Какъ это случилось? Что случилось?

— Вы знаете, отвѣчалъ Граувакъ: — что «Donaureich» позволено пока подышать воздухомъ. Зачѣмъ это? неизвѣстно. Вы посвящены въ тайну и знаете, что собственно двигатель журнала былъ я, а Шмей нѣчто въ родѣ акробата. Точно также знаетъ это и правительство. Оно дозволило существованіе газеты только съ условіемъ, чтобы я въ ней не участвовалъ. Шмей будетъ единственнымъ обладателемъ и редакторомъ, и я скажу вмѣстѣ съ Шиллеромъ: «Молнія упала на благородную и дорогую голову и пощадила журналъ, который должна была уничтожить».

Франци пришла съ новымъ запасомъ стакановъ, поставила одинъ изъ нихъ передъ Граувакомъ и принялась флегматически его разсматривать.

— Ты мнѣ прислуживаешь въ послѣдній разъ, Франци, сказалъ онъ ей. — Я читаю на твоемъ лицѣ глубокую печаль. Я знаю, что ты меня любила гораздо болѣе, чѣмъ показывала.

Дѣвушка улыбнулась.

— Могу васъ увѣрить, сказала она: — мнѣ очень жаль, что вы уѣзжаете. Вы столько лѣтъ насъ посѣщали. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ больше не пріѣдете?

— Не прежде, дорогая Франци, чѣмъ выростутъ наши сыновья и свѣтъ не будетъ похожъ на нынѣшній — слѣдовательно, еще не такъ скоро, отвѣчалъ журналистъ съ грустной проницательностью. — Когда его превосходительство министръ просвѣщенія Смутни и министръ юстиціи Штернфельдъ вызовутъ меня, тогда только вздумаю я вернуться и снова сдѣлаться редакторомъ газеты. Не раньше.

— Значить, еще долго ждать, сказала Франци совершенно серьезно.

— Я радъ, что ты говоришь такой вздоръ, сказалъ Штернфельдъ. — Дай Богъ, чтобы твой юморъ не оставилъ тебя и въ тотъ день, когда ты ступишь на новую, неизвѣстную дорогу!

— Ну, мнѣ еще не такъ свѣрло, какъ ты думаешь, возразилъ Граувакъ. — Мое существованіе обезпечено на дѣлахъ два мѣ-

саца, что, при настоящихъ дурныхъ обстоятельствахъ, мнѣ кажется чуть не вѣчностью. Шмей поступилъ такъ благородно, какъ только могъ. Но не думайте, что онъ сдѣлалъ мнѣ подарокъ. Литераторы еще не дошли до того, чтобы просить милостиню, хотя въ скоромъ времени это случится, если останется настоящій порядокъ вещей. Шмей меня сдѣлалъ, на первое время, своимъ парижскимъ корреспондентомъ. Конечно, онъ мнѣ далъ понять при этомъ, что я не долженъ рассчитывать на постоянную работу, а искать, кромѣ того, другихъ средствъ существованія и что его собственное шаткое положеніе сдѣлается крайне опаснымъ, если будетъ открыта наша связь. Я сдѣлаю все, чтобы вывести его изъ этого затрудненія. Чокнемся, друзья! За того, кто послѣдній защищаетъ брешь!

Всѣ чокнулись.

— Кстати, сказалъ отставной профессоръ: — кто авторъ сегодняшней переловой статьи?

— По всей вѣроятности, самъ Шмей.

— Вотъ видишь, я былъ правъ! воскликнулъ Штернфельдъ.

— Вотъ какъ! А откуда онъ взялъ столько денегъ, чтобы купить газету?

— Для этого случая онъ, кажется, давно уже имѣлъ въ виду г. Гальденрида, который ему, вѣроятно, и далъ денегъ. Самъ Шмей — невзрачное существо и литературная ничтожность, но онъ умѣетъ пустить пыль въ глаза.

— Онъ дѣловой человѣкъ, началъ спокойно Граувакъ: — это ужъ у него въ крови. Но на этотъ разъ я васъ могу положительно увѣрить, что деньги онъ досталъ не у демократическаго барина, потому что не смѣешь дурака, который при настоящихъ обстоятельствахъ вздумалъ бы рисковать своимъ состояніемъ. Шмей пустилъ въ ходъ такой товаръ, котораго у него нѣтъ совсѣмъ, а именно: свою красоту. Когда газета была запрещена, онъ удалился въ одну богемскую деревню, гдѣ отыскалъ себѣ невѣсту. Какъ вамъ угодно, господа, но нужно не мало искусства, чтобы съ такими небольшими средствами такъ скоро очаровать.

— Настоящая кошка! сказалъ Штернфельдъ: — какъ его ни кань, все очутится на ногахъ!

— Предпріятіе теперь кажется очень блистательнымъ, продолжалъ Граувакъ: — но это еще вопросъ, окупится ли оно. Если онъ такъ будетъ продолжать, то мечъ Дамокла упадетъ навѣрное.

— Который онъ хотѣлъ отвратить, замѣтилъ Смутни. — Сегодняшняя статья на это не похожа.

— На случай, который помогаетъ ворами, ему тоже нечего рассчитывать. Тамъ, въ верху, его терпѣть не могутъ, а наемнымъ

пискомъ его министры не возьмутъ, и безъ него довольно конкурентовъ. У него не хватитъ также таланта, чтобы корчить изъ себя отступника.

Во время этого разговора въ комнату вошелъ молодой офицеръ въ сѣромъ пальто. При этомъ необыкновенномъ явленіи всѣ трое стали разговаривать тише.

Офицеръ былъ привлекательной наружности. На его смугломъ, благородномъ лицѣ выступалъ юношескій румянецъ. Глаза и волосы были черны, и вся фигура полна жизни и силы. Двѣ серебряныя звѣздочки на воротникѣ и серебряныя галуны на обшлагѣ рукава показывали, что незнакомецъ имѣлъ чинъ поручика и служилъ въ одномъ изъ венгерскихъ полковъ.

— Ей-Богу! воскликнулъ Граувакъ: — еслибы не мундиръ — Юлій Вернеръ; не правда ли?

— Какъ двѣ капли воды!

Офицеръ снялъ саблю и поставилъ ее въ уголъ.

— Это онъ! воскликнулъ Смутни и хотѣлъ встать, чтобы подойти къ офицеру.

— Стой! воскликнулъ Граувакъ: — это не онъ; но еслибы и онъ, то я не хочу быть съ нимъ знакомымъ. Мнѣ противны всѣ эти герои!

Онъ замолчалъ, наблюдая за офицеромъ, который сѣлъ, опустилъ голову и, казалось, совершенно погрузился въ свои мысли. Вдругъ, поднявъ глаза, онъ встрѣтилъ устремленные на него глаза трехъ собесѣдниковъ. Крикъ удивленія вырвался у него и онъ быстро подошелъ къ нимъ.

— Юлій Вернеръ, императорскій офицеръ! воскликнулъ Штернфельдъ.

— Да! Чѣмъ вы такъ на меня смотрите? Вѣдь называли же вы меня въ сорокъ-восьмомъ году Брутомъ? Смутни, Граувакъ, Штернфельдъ — все старые друзья!

Первый и послѣдній протянули ему руки, Граувакъ еще не давалъ своей.

— Мы считали тебя убитымъ, ты совсѣмъ исчезъ; въ октябрѣ мы слышали о тебѣ въ послѣдній разъ.

— Такъ, такъ! По распущеніи академическихъ легионовъ мы всѣ разбрелись въ разныя стороны; я былъ раненъ и взятъ.

— Такъ мы и слышали, и думала, что тебя, какъ многихъ другихъ, разстрѣляли.

— Было близко къ тому, друзья, очень близко! Но со мной случилось нѣчто, — въ то время мнѣ казалось самое лучшее — я былъ взятъ въ полкъ рядовымъ. Мы пошли въ Италію. Цѣлые мѣсяцы мы стояли около Венеціи. Но всѣ физическія страданія были ни-

что передъ нравственными. Я ненавидѣлъ своихъ начальниковъ, а они или презирали меня, или сожалѣли обо мнѣ. Хладнокровіе, съ которымъ я шелъ на смерть, обратило на меня вниманіе полковника и онъ произвелъ меня въ лейтенанты. Тогда я сблизился со своими товарищами и мнѣніе мое о нихъ совершенно измѣнилось. Сколько храбрости выказали въ это время молодые люди, казавшіяся прежде ни къ чему не годными. Духъ арміи воспиталъ ихъ! Никто не упоминалъ о моемъ прошедшемъ, да и самъ я въ это время понималъ лучше необходимость порядка, законной силы, которые часто кажутся ненавистными потому, что разрушаютъ наши идеалы и мечты. Друзья мои! на вашихъ лицахъ я читаю недоуловіе и осужденіе; но скажу вамъ: прежде узнайте солдата, и тогда дѣлайте о немъ свои заключенія. Онъ не приверженъ къ старому, онъ не рабъ, онъ думаетъ такъ же свободно, какъ и вы, только свободное государство онъ понимаетъ иначе, нежели вы! Согласитесь, положи руку на сердце, что еслибы мы слѣдовали нашимъ прежнимъ убѣжденіямъ, то вышелъ бы порядочный хаосъ. Послѣ страшнаго кризиса возродилось новое юное государство. Чтò вы объ этомъ думаете?

Всѣ молчали. Наконецъ Граувакъ сказалъ съ такимъ выраженіемъ лица, что слова его казались сравнительно мягкими.

— Ты говоришь какъ новообращенный. Это убѣжденіе твоего платья. Будущность покажетъ, кто изъ насъ правъ.

Офицеръ былъ этимъ очень озадаченъ. Яркая краска вспыхнула у него на щекахъ, но онъ овладѣлъ собою и сказалъ:

— Не будемъ ссориться! Оставимъ политику! Я долженъ былъ отречься отъ нѣкоторыхъ прекрасныхъ иллюзій, и вамъ тоже придется это рано или поздно сдѣлать. Свобода, о которой мы мечтали, не осуществилась, но старая Австрія умерла и на развалинахъ ея явилась другая.

— Призракъ! воскликнулъ Граувакъ рѣзко. — Но ты правъ, не будемъ спорить. Каждый смотритъ съ своей точки. Только я предложу тебѣ одинъ вопросъ, а ты отвѣчай на него прямо: ты думаешь такъ же въ то время, когда былъ взятъ въ солдаты?

— Позволь, воскликнулъ офицеръ, но Граувакъ перебилъ его:

— Отвѣчай коротко и ясно.

— Я только что сказалъ вамъ, что былъ въ то время почти полу-мертвый!

— Стой! вотъ я тебя и поймалъ, сказалъ саркастически Граувакъ. — Мы трое—Смутни, Штернфельдъ и я тоже разжалованы; не удивляйся же, что мы осмѣиваемъ твой розовый взглядъ на вещи. Меня выгнали изъ редакціи, мой сосѣдъ справа лишенъ каедръ, мой сосѣдъ слѣва отлученъ отъ церкви. Перенесись къ тому

времени, когда капраль выбранилъ тебя въ первый разъ, и ты почувствуешь то, что мы чувствуемъ. Наше положеніе еще хуже тѣмъ, что мы не можемъ освободиться отъ опеки и выслужиться въ офицеры.

Разговоръ, переходившій уже въ непріязненный, былъ прерванъ случайно пришедшимъ трактирщикомъ. Трактирщикъ, маленькій коренастый человѣкъ, былъ братъ красницкаго мельника и имѣлъ съ нимъ большое сходство.

Увидѣвъ его, Вернеръ всталъ.

— Господинъ Дубскій, сказалъ онъ, дружески кланаясь: — вы, вѣроятно, меня не узнаете.

— Не имѣю чести...

— Конечно, вы меня видѣли немного; я старый знакомый вашего брата Дубскаго въ Красницѣ. Я хотѣлъ васъ спросить: какъ поживаетъ онъ и его дочь?

Трактирщикъ посмотрѣлъ на него подозрительно.

— Странный вопросъ, сказалъ онъ. — Что это? шутка надъ несчастнымъ? Нехорошо!

— Боже мой! воскликнулъ Вернеръ. — Какая шутка! Нѣтъ человѣка, котораго бы я больше цѣнилъ и уважалъ! Я родился тоже въ окрестностяхъ Красница — я такъ хорошо его зналъ; скажите, что случилось?

— Такъ вы не знаете, что онъ арестованъ?

— Арестованъ? За что?

— Подозрѣвали, что онъ скрылъ у себя бѣглеца. Его будутъ судить полевнымъ судомъ. Таковы времена!

Офицеръ поблѣднѣлъ и съ усиленіемъ проговорилъ:

— А фрейлинъ Гедвига?

— Бѣдная дѣвушка! Отецъ, вѣроятно, цѣлый годъ останется подъ слѣдствіемъ, а она любить отца больше всего.

— Ужасно, ужасно! прошепталъ Вернеръ.

Вывшіе его товарищи удалились, сухо пожелавъ ему спокойной ночи. Вскорѣ за ними ушелъ и Вернеръ.

Никто не обратилъ вниманія на сидѣвшаго въ углу молодого человѣка, который, казалось, уснулъ засвоей газетой. На самомъ дѣлѣ, онъ все видѣлъ и слышалъ. Это былъ полицейскій агентъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Важныя открытія.

Спротивленіе дочери очень удивило графа Тибольдсегга и поставило его въ затруднительныя отношенія къ князю Кроненбургу.

Какъ истинный дипломатъ, онъ не дѣлалъ ей упрековъ и написалъ отказъ ея только неожиданности предложенія. Онъ былъ твердо увѣренъ, что все-таки восторжествуетъ. Нужно было только удалитъ князя, иначе онъ могъ замѣтитъ рѣзкое обращеніе Корнеліи и самъ отказаться отъ брака. Старый дипломатъ сказалъ князю, что Корнелія грустна вслѣдствіе особыхъ причинъ, но что она скоро развеселится, узнавъ объ ожидающемъ ее счастьи.

— Можетъ показаться страннымъ, говорилъ онъ: — что я скрываю отъ дочери дѣло, касающееся ее такъ близко, но въ этомъ случаѣ, молчаніе мое оправдывается не только щекотливостью предмета, но и характеромъ моей дочери. Я не хочу, чтобы она думала, что я навязываю ей этотъ бракъ, тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ о личности, способной овладѣть сердцемъ дѣвушки безъ отцовскаго вмѣшательства.

Князь отвѣчалъ, что онъ вполне раздѣляетъ эти мысли, и что въ это посѣщеніе онъ хотѣлъ только познакомиться съ семействомъ графа. Ему въ голову не приходила истина, несмотря на обращеніе Корнеліи; княжеское самодовольство не позволяло видѣть ему, что онъ потерпѣлъ полнѣйшее фіаско. Князь не заботился о чувствѣ, онъ обращалъ вниманіе только на внѣшнія качества невѣсты. Онъ хотѣлъ жениться потому, что въ высшемъ обществѣ было обыкновеніе послѣ двадцати-пяти лѣтъ жениться для продолженія рода. При этомъ бралось въ расчетъ только однаковое происхожденіе жениха и невѣсты.

Князь уѣхалъ съ полною увѣренностью въ побѣдѣ, обѣщая снова скоро пріѣхать и тогда окончательно рѣшить семейный вопросъ.

Выигравъ время, графъ считалъ все выиграннымъ. Ему казалось, что успѣхъ зависить единственно отъ умѣнья взяться за дѣло. Встрѣчаясь съ Корнелією, онъ не упоминалъ ни разу о неприятной сценѣ, происшедшей между ними, а старался быть добрымъ и любезнымъ, надѣясь овладѣть ея довѣріемъ, и успѣшнѣе достигнуть своей цѣли.

Онъ выжидалъ удобнаго случая для возобновленія прежняго разговора. Скоро сама Корнелія подала нечаянно къ тому поводъ.

Это случилось на другой день послѣ происшествія въ императорской залѣ. Встрѣтись съ дочерью и, ожидая увидѣть ее печальною и разстроеною, графъ былъ пріятно удивленъ, найдя ее веселѣе обыкновеннаго. Но сама Корнелія не могла бы опредѣлить причину этой веселости. Она чувствовала только какое-то безпокойство, беспорядокъ въ мысляхъ, и смутно сознавала, что въ ней пробуждалось новое радостное чувство, передъ которымъ блѣднѣли всѣ заботы и непріятности.

Эту перемену графъ приписалъ своему умѣнью обращаться съ дочерью.

— Бѣдная Гедвига! сказала Корнелія.— Неужели вина ея отца такъ велика?

— Съ чего это ты такъ *сю* интересуешься! возразилъ отецъ, воображавшій, что она сводить рѣчь на Гедвигу, желая избѣжать разговора о женихѣ:— мнѣ кажется, что вы и двухъ словъ не сказали другъ другу.

— Развѣ необходимо близкое знакомство, чтобы жалѣть о комъ-нибудь?

Графъ ничего не отвѣчалъ.

— Пріютить того, кто не имѣетъ крова, дать тому пищу, кто въ ней нуждается—это обязанность всякаго благороднаго человѣка. Даже у дикихъ, варварскихъ народовъ такой обычай считается священнымъ. Цивилизація, конечно, измѣнила нравы, но законъ долженъ все брать во вниманіе, и быть снисходительнѣе!

— Дитя! сказалъ графъ, которому было ново слышать отъ дочери подобныя разсужденія:— съ которыхъ это порѣ ты занимаешься такими философскими вопросами?

— Чтѣ сдѣлалъ мельникъ, продолжала Корнелія:— дѣлали уже многие, и онъ, конечно, не послѣдній. Это всеобщее сочувствіе противорѣчитъ закону, но законъ еще болѣе противорѣчитъ чело-вѣчности!

— Законъ караетъ однихъ для того, чтобы спасти остальныхъ, холодно и коротко отвѣтилъ графъ.— Изъ всѣхъ твоихъ словъ мнѣ всего яснѣе то, что ты принимаешь необыкновенное участіе въ дочери мельника.

— Мнѣ очень жаль ее! Я даже не пойду въ воскресенье въ церковь, потому что мнѣ тяжело видѣть ее въ такомъ отчаяніи.

На этомъ разговоръ и кончился. Но графъ послалъ телеграмму въ Вѣну, чтобы узнать о дѣлѣ мельника. Онъ даже рѣшился замолвить за него слово единственно для того, чтобы доставить Корнеліи радость и показать ей, съ какою готовностью онъ исполняетъ всякое ея желаніе.

На слѣдующій день послѣ объѣда, Корнелія, вмѣстѣ съ Леони и ротмистромъ, находилась въ комнатѣ графа.

Собиралась гроза. Дулъ сильный вѣтеръ, и на дворѣ сдѣлалось темно. Разговоръ между собесѣдниками не былъ оживленъ, и по временамъ даже совсѣмъ прерывался. Но, всмотрѣвшись внимательнѣе, всякій замѣтилъ бы, что молчаніе не было слѣдствіемъ недостатка матеріала, а сильной внутренней работы. Графъ былъ весь погруженъ въ политику. Ему все приходилось устранять новыя затрудненія, которыя, несмотря на побѣды, выросли какъ горы. Дочь его была поглощена совершенно противоположными, хотя неменѣе интересными мыслями.

Что касается ротмистра Гальденрида, то со времени своей встрѣчи съ очаровательной женой стараго генерала, онъ лишился спокойствія, и готовъ былъ предаться полному отчаянію, такъ какъ вспыхнувшая въ немъ любовь была, повидимому, безъ взаимности. Онъ не спускалъ глазъ съ молодой женщины и напрасно старался разгадать ее. То видѣлъ онъ ее веселюю, даже рѣзвою, во всемъ принимающею участіе, то холодною и скучающею. Одинъ день она была вѣжливой, жадущею похвалъ, другой день эти же похвалы казались ей оскорбительными. То она была искренна, и взглядъ ея дышалъ кротостью, то насмѣшки сыпались на друга и недруга. Одно только было ему ясно и оскорбляло его самолюбіе: Леони вовсе не замѣчала его страданій.

Всеобщее молчаніе было нарушено приходомъ фонъ-Ракка. Веселый и любезный вошелъ онъ и развязно со всѣми поздоровался.

— Вы принесли намъ ужасную погоду, сказала графъ, подвигая ему стулъ. Между тѣмъ Леони шепнула ротмистру:

— Вотъ человѣкъ, обладающій гибкостью змѣи.

— Счастливецъ! отвѣчалъ сантиментально Гальденридъ:—онъ возбуждаетъ ваши насмѣшки! Быть вами незамѣченнымъ,—вотъ что хуже всего.

— И при этой-то погодѣ, сказала фонъ-Раккъ:—я долженъ отправиться въ сосѣдній приходъ и трястись нѣсколько часовъ по скверной проселочной дорогѣ!

— Развѣ это такъ необходимо? спросилъ графъ.

— Необходимо; тамошній бургомистръ, умный и честный человѣкъ, на котораго я до сихъ поръ такъ надѣялся, вдругъ началъ протестовать противъ моихъ распоряженій и взволновалъ всю деревню.

— Вы называете его умнымъ человѣкомъ! воскликнула Леони:—за этотъ поступокъ его слѣдуетъ потрепать за хохоль. Желаю вамъ на этой дорогѣ хорошенько потрястись и нѣсколько разъ вывалиться и пріѣхать въ самый дурномъ расположеніи духа, иначе,

я боюсь, вы будете слишком добры, и неповорный бургомистръ отдѣляется однимъ отеческимъ наставленіемъ.

Всѣ засмѣялись.

— Что слышно о мельникѣ? спросила Корнелія.

— Какъ! вскричалъ фонъ-Раккъ:—вы еще ничего не знаете? Мельникъ со вчерашняго вечера свободенъ.

— Свободенъ! воскликнула Корнелія.

— Когда я говорю, что мельникъ свободенъ, пояснилъ фонъ-Раккъ:—то это не значить, что слѣдствіе прекратилось. Розыски о бѣгломъ мятежникѣ, котораго онъ укрылъ, продолжаютъ и скоро, вѣроятно, мы узнаемъ о ихъ результатѣ. Я нашелъ новые слѣды.

— Новые слѣды? спросила Корнелія.—Какіе слѣды?

— Многоуважаемая графиня, отвѣчалъ Раккъ съ самой любезной улыбкой:—есть вещи, которыя даже въ предѣлахъ этого замка отъ меня не скрыты.

— Какъ тяжела ваша обязанность! воскликнула Корнелія.—Преслѣдовать людей, дѣлать ихъ несчастными для того, чтобы избавить общество отъ опасности.

— Многоуважаемая графиня, вашему нѣжному женскому чувству недоступно такое призваніе. Но такъ же мало вы поймете положеніе доктора и судьи. Полицейская служба не лишена прелесть. Она вся основана на тонкой наблюдательности, требуетъ весьма часто энергическихъ дѣйствій, удовлетворяя тѣмъ самымъ наши естественныя наклонности, и находитъ высшую награду въ сознаніи своей полезности. Если, напримѣръ,—я конечно не хочу этимъ сравненіемъ уронить полицію,—если охотнѣе находить удовольствіе въ томъ, что травить лисицу, которая воруетъ у него куръ, или что онъ убьетъ волка, который унесъ у него овцу, то не гораздо ли высшій интересъ представляется, когда нужно избавить общество отъ хищнаго звѣря, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать его безвреднымъ? Сознаюсь, что когда я былъ еще ребенкомъ, то люди, которыхъ назначеніе состоятъ въ томъ, чтобы наблюдать за порядкомъ и неприкосновенностью принциповъ, на которыхъ зиждется общество, возбуждали во мнѣ наибольшую симпатію. Я часто воспоминаю одинъ незначительный случай, который однако возбудилъ во мнѣ интересъ къ полицейской дѣятельности. Мы жили съ отцемъ въ Колинью, маленькомъ итальянскомъ городкѣ, перешедшемъ незадолго передъ тѣмъ къ Австріи. Мой отецъ, капитанъ фонъ-Раккъ, былъ въ немъ ротмандантомъ. Въ улицахъ этого городка часто находили революціонныя листки, но, несмотря на всѣ старанія, не было возможности розыскать виновныхъ. Такъ-какъ въ самомъ городѣ полиція была хороша, то нельзя было предполагать, что революціонная типографія находилась

внутри города, а надо было думать, что возмутители находятся гдѣ нибудь за городомъ и только изрѣдка его посѣщаютъ. Ко всѣмъ воротамъ были поставлены опытные полицейскіе для осмотра входящихъ. Но долгое время все-таки не могли ничего открыть. Однажды къ воротамъ подошелъ францисканецъ. Полицейскій, осмотрѣвъ его съ головы до ногъ, вдругъ закричалъ: «Стой, ты мошенникъ!» Что вы говорите? воскликнулъ монахъ. Я францисканецъ изъ сосѣдняго монастыря! «Нѣтъ, это неправда, возразилъ полицейскій:—у тебя—тутъ я долженъ извиниться передъ дамами, что началъ необдуманно свой рассказъ,—у тебя ноги покрыты волосами». И сбирь былъ правъ. Онъ дѣйствительно поймалъ распространителя прокламацій и одного изъ важнѣйшихъ начальниковъ карбонарій. Отъ пошенія власяницы волоса на ногахъ не растутъ. Нужно было имѣть умную голову и замѣчательную наблюдательность, чтобы все это сообразить. Съ того времени я заинтересовался этимъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ незначительнымъ человѣкомъ. По моему мнѣнію, при другихъ обстоятельствахъ, изъ него вышелъ бы замѣчательный наблюдатель!

— Очень возможно, сказалъ графъ, подавая ротмистру новыя экземпляръ «Donauzeich».

— Кстати! сказалъ онъ:— мнѣ теперь пришелъ въ голову одинъ вопросъ, который я давно хотѣлъ вамъ сдѣлать. Не родственникъ-ли вы стараго издателя Donauzeich, г. Гальденрида?

— Я его племянникъ, отвѣчалъ ротмистръ.

— Онъ, говорятъ, бездѣтенъ?

— Онъ холостякъ, возразилъ ротмистръ:—и кромѣ меня и моего старшаго брата у него нѣтъ ни дальнихъ, ни близкихъ родственниковъ.

— Такъ поздравляю васъ! Вашъ дядя миллионеръ, и рано или поздно вы получите великолѣпное наслѣдство. Я слышалъ, что г. Гальденридъ слабаго здоровья.

— Онъ страдаетъ ревматизмомъ.

— Я его тоже знаю, сказалъ Раккъ:—въ послѣднее время онъ едва ходилъ на костыляхъ, что однако не мѣшаетъ ему быть яростнымъ демократомъ. Такъ-какъ вы, г. ротмистръ, другихъ убѣждений, суда по вашему мундиру и двумъ орденамъ, украшающимъ вашу грудь, то я думаю, вамъ нужно имѣть много ловкости, чтобы ладить съ дядей и избѣжать тяжелыхъ послѣдствій его гнѣва?

— Мнѣ вѣжется, я васъ понимаю, г. фонъ-Раккъ, отвѣчалъ Гальденридъ, мрачно сдвинувъ брови и возвышая голосъ.— Между политическими убѣжденіями моего дяди и моими лежитъ пропасть. Я принадлежу новой Австріи. Когда государство дрожало въ своемъ основаніи, я высоко держалъ знамя. Изъ жалкой боязни по-

терять наслѣдство я не свертывалъ его, и не оставлялъ за дверями, когда посѣщалъ своего дядю. Время требуетъ жертвъ. Мятежники понесли ихъ много. И мы не должны отставать отъ нихъ, иначе насъ сочтутъ за лжецовъ и низкихъ спекуляторовъ. Убѣденія, въ которыхъ я клялся государю, я открыто высказываю моему дядѣ. Тѣмъ, чѣмъ вы видите меня здѣсь, вы меня увидите вездѣ. Мой дядя подтвердитъ вамъ это, потому что его домъ заарытъ для меня и я почти лишенъ наслѣдства.

— Bravo! вскричалъ графъ, громко аплодируя и пожимая обѣ руки молодому воину.

Фонъ-Ракъ стоялъ въ смущеніи, и охотно послалъ бы дюжину жандармовъ за словомъ, которое у него такъ неосторожно сорвалось.

— Ваше великодушіе достойно удивленія, обратилась къ ротмистру Леони:—но оно ни къ чему не ведетъ.

— И это говоритъ жена генерала? воскликнулъ ротмистръ.

— Можетъ быть, я дѣйствительно разсуждаю поженски; я, вромѣ моего ссмейства и дорогихъ мнѣ, никому не хочу приносить жертвъ. По моему, въ нихъ нѣтъ никакой нужды. Нынѣшнее государство похоже на море, въ которое люди многое бросаютъ во время бури для собственнаго спасенія. Еслибы въ государствѣ были двѣ партіи и каждая старалась бы превзойти другую великодушіемъ, тогда, конечно, ваше самопожертвованіе было бы понятно; но такое государство — пуслая мечта.

Г. фонъ-Ракъ только-что хотѣлъ протестовать и защищать теорію жертвъ, какъ Леони снова прервала его.

— Меня утѣшаетъ, сказала она шутивнымъ тономъ, который рѣзко противорѣчилъ прежнему серьезному:—что увасъ есть старшій братъ, который воспользуется плодами вашего отреченія.

— Моему брату болѣе не нужны земныя сокровища, сказалъ Гальденридь грустно.—Надгробный памятникъ, великолѣпный мавзолей,—вотъ все, что могъ бы сдѣлать богатый дядя своему любимцу, еслибы узналъ, гдѣ лежатъ его останки. Можетъ, гдѣ-нибудь во рву или на полѣ, или страшно подумать — на мѣстѣ казни.

— Я догадываюсь, воскликнулъ графъ.—Несчастный!

— Да, несчастный! воскликнулъ Гальденридь.—Два года тому назадъ я стоялъ въ Италіи; братъ мой Бруно, только что окончившій курсъ, находился въ Венгріи, въ помѣстьяхъ дяди. Въ то время тамъ началось волненіе. Это было его несчастіе. Увлеченный своими мечтами о свободѣ, онъ бросился въ потокъ. Извѣстія о немъ не подробны, но точны. Солдатъ, знавшій его, послѣ взятія Забенбюргена, провожалъ его въ тюрьму, какъ плѣнника.

Оттуда онъ убѣжалъ, и былъ убитъ гнавшимися за нимъ. Это извѣстіе было подтверждено однимъ офицеромъ, который прибавилъ, что во время бѣгства онъ былъ только раненъ, но пойманъ и приговоренъ военнымъ судомъ къ смерти. Какъ бы то ни было, его нѣтъ уже въ живыхъ!

Въ это время, вѣтеръ внезапнымъ порывомъ сорвалъ что-то съ крыши замка и сбросилъ на дворъ съ ужаснымъ шумомъ.

Всѣ бросились къ окнамъ; Корнелія выбѣжала изъ комнаты.

Одна изъ огромныхъ трубъ стараго замка свалилась и сорвала съ крыши желѣзныя лѣстцы. Корнелія встрѣтила г-жу Гасенфельдъ, которая съ странной улыбкой прошептала ей:

— Я только-что получила письмо.

— Отъ кого?

— Вы спрашиваете? Отъ нашего бѣглеца.

— Что пишетъ?

— Оно написано къ дочери управляющаго, нашей хорошей знакомой фрейлейнъ Аннѣ. Она обезпечена на всю жизнь. Она получаетъ богатое приданое и можетъ выйти замужъ, когда захочетъ.

— Дайте письмо! воскликнула Корнелія, и схвативъ его, она побѣжала въ свою комнату, гдѣ прочла слѣдующее:

«Въ послѣдній разъ, когда я васъ встрѣтилъ такъ нечаянно, мнѣ кажется, я сдѣлалъ открытіе, что мой ангель-хранитель не слѣдуетъ влеченію своего сердца, а подчиняется только волѣ отца и силѣ обстоятельствъ. Размышляя о всѣхъ неувидимыхъ, одному чувству доступныхъ подробностяхъ нашего свиданія, я пришелъ, наконецъ, къ твердому убѣжденію, что не ошибся. Если, прочтя эти строки, вы воскликните: какъ вѣрно и скоро онъ угадалъ! вамъ станетъ понятнѣе грустная будущность, васъ ожидающая. Мнѣ будетъ больно, если вами овладѣтъ недостойное, въ этомъ случаѣ, чувство смиренія, и вы, покорно склонивъ голову, скажете: пусть совершится неизбѣжное; меня одушевляетъ мысль, что я подвигну васъ къ благородному сопротивленію. Мнѣ недолго остается пробыть въ замкѣ. Но прежде, чѣмъ я уйду, мнѣ необходимо передать вамъ письмо, которое нельзя безъ большихъ опасностей довѣрить почтѣ. Это письмо къ человѣку, который не считаетъ уже меня въ числѣ живыхъ. Оно утѣшитъ его и, вмѣстѣ съ тѣмъ, укажетъ ему тѣхъ, кому я обязанъ спасеніемъ. Онъ очень сильный человѣкъ и можетъ быть вамъ полезенъ. Я боюсь, что вы гордо отстраните отъ себя мою благодарность. Это была бы ложная гордость. Я не хочу уйдти, какъ обыкновенный нищій, обѣщая своимъ благодѣтелямъ только награду на небесахъ.

«Б. Гальденридь.»

Б. Гальденридь! Корнелія была чрезвычайно удивлена. Странное, почти радостное чувство овладѣло ею. Незвѣстный былъ Бруно, братъ ротмистра, о которомъ только-что говорили, и котораго всѣ считали мертвымъ.

Спрятавъ письмо, она вернулась въ кабинетъ отца и жадно обратила глаза на ротмистра. Въ чертахъ его лица было столько сходства съ бѣглецомъ, что не оставалось никакого сомнѣнія. Съ глубокимъ участіемъ всматривалась въ нихъ Корнелія, едва слушая происходящій разговоръ. Но вдругъ, она должна была поневолѣ очнуться. Слова его показались ей такъ ужасны, что она усомнилась, на яву ли это.

Паденіе трубы навело на разговоръ о старомъ замкѣ. Вслѣдствіе описанія графа, у всѣхъ явилось желаніе немедленно осмотрѣть древности.

— Я съ удовольствіемъ буду сопровождать общество, сказалъ Раккъ, взявъ шляпу: — но болѣе всего мнѣ интересно посмотрѣть превосходный портретъ нашего великаго монарха, создавшаго еще тому назадъ цѣлое столѣтіе прагматическую сѣнѣцію и давшаго, такимъ образомъ, единственно-возможное, прочное основаніе нашему государству.

Всѣ вышли изъ комнаты. Одна Корнелія стояла, не зная что дѣлать отъ ужаса.

Въ нѣмомъ отчаяніи она прислонилась къ окну. Но, спустя минуту, она уже бѣжала по винтовой лѣстницѣ, быстро отворила дверь и очутилась передъ незнакомцемъ. Его встревоженное лицо тотчасъ прояснилось, когда онъ увидѣлъ Корнелію.

— Мой добрый геній навѣстилъ меня? Вѣрно, грозитъ новая опасность?

— Скорѣе ступайте отсюда! скорѣе! произнесла Корнелія, едва перевода дыханіе. — Вы открыты! Отецъ, братъ... Слышите? Идутъ...

Бруно бросился ко входу въ императорскій залъ.

Но едва онъ исчезъ, Корнелія поняла все безразсудство своего поступка. Онъ, вѣроятно, спрячется за портретомъ императора! Она побѣжала въ императорскій залъ, но было уже поздно. Одновременно съ нею показались съ другой стороны посѣтители. Корнелія прислонилась къ колоннѣ, какъ разъ противъ императорскаго портрета.

Между тѣмъ, г. фонъ-Раккъ, приставивъ къ глазамъ лорнетъ, ходилъ около картины и восхищался ею со всѣми признаками записнаго любителя живописи. Но Корнелія видѣла въ немъ сыщика, всматривающаго свою жертву.

— Превосходно, превосходно! восклицалъ онъ восторженно. —

Какое величіе и какая доброта въ каждой чертѣ! Сколько мысля въ каждой складкѣ на лбу! Но, прибавилъ онъ обыкновеннымъ тономъ, опустивъ лорнетъ: — освѣщеніе неудачно! нигуда не годно!

— Не можетъ ли кто изъ васъ, господа, для г. Рагга выдвинуть солнце изъ-за тучъ? обратилась Леони къ ротмистру и къ графу.

— Такой прекрасной волшебницѣ, какъ вы, это скорѣй всего возможно, любезно отвѣчалъ Раггъ: — но я не стану васъ утруждать, потому что есть другое средство. Если г. ротмистръ будетъ такъ добръ и поможетъ мнѣ, то мы снимемъ картину и поднесемъ ее къ окну.

Ротмистръ изъявилъ свое согласіе и они подошли къ картинѣ.

— Незачѣмъ! воскликнула Леони. — Вы только подымите слой пыли и паутины.

— Если онъ спасется, я готова даже выйти за Кроненбурга, пообѣщала мысленно Корнелія.

Картина была сдвинута и приподнята. У Корнеліи вырвался крикъ. Отецъ и Леони бросились къ ней, спрашивая, что случилось. Находившаяся за картиной ниша оказалась пустою. Корнелія вздохнула свободно и нашла другое объясненіе своему восклицанію.

Всеобщее вниманіе было обращено на нишу; но, въ особенности ею интересовался г. фонъ-Раггъ; онъ не удовольствовался, какъ остальные, простыми догадками о ея назначеніи: для такого любителя древности необходимо было найти болѣе точное объясненіе, и онъ принялся съ величайшимъ вниманіемъ осматривать всю ея внутренность.

— Это что такое! воскликнулъ онъ внезапно встревоженнымъ голосомъ, рассматривая въ лорнетъ полъ. — Что за странные слѣды и отчего сметена пыль отъ лѣвой стороны до самой середины? Подойдите и посмотрите, господа! Это замѣчательное явленіе и стоитъ того, чтобы о немъ подумать!

Общество подошло ближе, но не находя въ этомъ никакого особеннаго интереса, удовольствовалось самыми обыкновенными замѣчаніями.

— Я долженъ разъяснить это дѣло, продолжалъ фонъ-Раггъ. — Это слишкомъ загадочно. Посмотрите, наконецъ, на эту линію; не ясны ли это отпечатокъ человѣческой ноги?

Это замѣчаніе, сказанное серьезнымъ тономъ, показалось даже смѣшнымъ. Одна Корнелія могла оцѣнить блистательную догадливость сыщика. Г. фонъ-Раггъ, съ помощью ротмистра, снова поставилъ картину и всѣ занялись осмотромъ древностей.

Первая опасность миновалась, но Корнелія далеко не была спокойна. Если бѣглець къ своему счастью и не былъ въ нищѣ, то все-таки онъ находился гдѣ-нибудь по близости. Ей пришло въ голову, что лучше чѣмъ нибудь помочь дѣлу, нежели добровольно подчиниться случаю и въ мучительномъ безпокойствѣ ждать развязки. Стараясь скрыть свое волненіе, она, распѣвая, взяла Леони подъ руку и пошла далеко впереди остальныхъ, чтобы указать по крайней мѣрѣ бѣглецу, съ которой стороны онъ долженъ остерегаться. Она старалась обойти всякое мѣсто, отклонить взоры отъ всякой картины, которыя могли бы служить убѣжищемъ. Леони совершенно бессознательно помогала ей въ этомъ. Такимъ образомъ, остался незамѣченнымъ и кабинетъ, гдѣ Бруно Гальденридь былъ такъ долго спрятанъ. Въ этомъ кабинетѣ никто не жилъ уже пятьдесятъ лѣтъ, и нѣтъ сомнѣнія, что свѣжіе слѣды пребыванія въ немъ незнакомца привлекли бы на себя вниманіе и не такихъ опытныхъ людей, какъ фонъ-Рагкъ.

Такое напряженное состояніе утомило, наконецъ, совершенно Корнелію. Но все кончилось благополучно. Все общество, осмотрѣвъ древности, стало спускаться обратно по каменной лѣстницѣ. Непреодолимое любопытство удерживало, однако, молодую графиню. Она осталась, сказавъ что запретъ дверь. Ей снова пришла въ голову мучительная мысль: не выпрыгнулъ ли бѣглець изъ окна и не ушибся ли онъ?

Но вдругъ она услышала за собой легкій шумъ.

— Анна! прошепталъ чей-то голосъ.

Тотъ, о комъ она думала, стоялъ передъ нею.

— Слава Богу! воскликнула радостно Корнелія. — Опасность миновалась! Какое мученіе!

— Не говорите о мученіи, если оно необходимо для того, чтобы вы показались! Какъ блестящая комета, вы предсказываете всевозможныя бѣдствія и несчастія, а въ дѣйствительности ихъ никогда не бываетъ. Когда я увидѣлъ васъ сегодня, для меня не существовало ни враговъ, ни опасностей, и вы показались мнѣ не болѣе, какъ веселая игра въ прятки. Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ васъ... я не знаю, что со мною сдѣлалось. Меня не пугаетъ несчастіе, въ моемъ сердцѣ нѣтъ болѣе безконечной тревоги. Я смѣюсь теперь надъ своими врагами, надъ всѣми ихъ предосторожностями, и—сказать ли вамъ — я боюсь свободы, потому что она разлучитъ меня навсегда съ вами. Анна!—онъ схватилъ ея руку и продолжалъ взволнованнымъ голосомъ: — я люблю васъ, люблю! И я опять полюбилъ жизнь! Какъ это случилось, я не знаю, но я люблю васъ, вы для меня дороже всего на свѣтѣ!

Въ порывѣ восторга, онъ обнялъ молодую дѣвушку.

Она было-хотѣла отелониться отъ его объятій, но волненіе ее было такъ сильно, что она какъ-то растерялась, откинула голову, почувствовала на губахъ пламенный поцалуй и отвѣтила поцалуемъ.

— Корнелія! слышалось на лѣстницѣ.

Это была Леони.

Корнелія вырвалась, быстро заперла дверь и бросилась внизъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

СТАРАЯ ЛЮБОВЬ НЕ ХЛАДѢЕТЪ.

Филиппъ Штроппъ прибрѣлъ на мельницѣ большое вліяніе. Препятствія, приводившія его въ отчаяніе, исчезали мало по малу сами собою, и ему казалось, что онъ былъ уже близокъ къ своей цѣли. При этихъ счастливыхъ обстоятельствахъ характеръ его сдѣлался ровнѣе и въ его сердцѣ закрадось участіе къ простой и милой Гедвигѣ. Не упуская изъ виду выгоды, онъ старался убѣдить себя, что любить дѣвушку и при ея участіи начнетъ лучшую жизнь. Въ этомъ была доля правды. Штроппъ принадлежалъ къ числу людей, у которыхъ жажда наслажденій преобладаетъ надъ разсудкомъ. Когда обстоятельства благоприятны и все дѣлается по ихъ желанію, они не думаютъ ни о чемъ, и могутъ сойти за порядочныхъ людей, но во время борьбы и нужды они падаютъ все глубже и глубже, и вмѣсто того, чтобы образумиться, только стараются вредить кому попало. Когда Штроппъ думалъ, что высвободившись изъ своего отчаяннаго положенія, и сдѣлавшись мужемъ Гедвиги, онъ начнетъ новую лучшую жизнь, онъ думалъ искренно.

Однажды онъ пришелъ вечеромъ и засталъ Гедвигу въ саду. Она собирала овощи для обѣда.

— Я получилъ извѣстіе отъ брата, сказалъ онъ. — Я послалъ ему планъ мельницы и всѣхъ строеній. Онъ поздравляетъ меня съ выгодной покупкой и пишетъ, что, можетъ быть, пріѣдетъ сюда въ слѣдующее воскресенье.

Онъ вздохнулъ.

— Что значить этотъ вздохъ! спросила Гедвига.

— Я самъ не знаю, какъ вырвался у меня этотъ вздохъ, но я вздохнулъ не безъ причины.

— Что же, пріѣздъ брата причина? спросила съ удивленіемъ Гедвига.

— Именно. Но лучше не будемъ говорить объ этомъ!

— Развѣ вы въ дурныхъ отношеніяхъ?

— Напротивъ, въ прекрасныхъ; но всѣ старшіе братья одинаковы: они всегда хотѣтъ быть опекунами младшихъ и управлять ими.

— Миѣ кажется это справедливо, потому что старшіе опытнѣе.

— Положимъ! но старшіе часто забываютъ, какъ они думали и чувствовали, когда были молоды!

Гедвига посмотрѣла на него испуганнымъ взоромъ.

— Да, Гедвига, сказалъ онъ, снова вздохая: — случается такъ, что съ самыми лучшими намѣреніями дѣлаютъ человѣка несчастнымъ!

— Такъ это вы несчастны? спросила Гедвига.

Штроппъ молчалъ и чертилъ палочкой по градѣ.

— Это былъ очень глупый вопросъ съ моей стороны! воскликнула Гедвига, принимаясь прилежно за работу. — Что скрыто въ сердцѣ, того не прочтешь на лицѣ.

Она произнесла послѣднія слова очень тихо.

— Вы правы, сказалъ Штроппъ: — въ этомъ отношеніи наружность чаще всего обманываетъ. Но, несмотря на ваше веселое лицо и свѣтлые глаза, я знаю, что у васъ на сердцѣ есть горе.

— У меня? воскликнула Гедвига, краснѣя.

— Да, сказалъ Штроппъ, смотря на нее проницательно.

— Я не отвергаю этого, но миѣ кажется, что самое худшее уже прошло.

Это объясненіе очень обрадовало Штроппа.

— Мои страданія тоже пройдутъ, сказалъ онъ: — и даже отчасти прошли. Я вамъ скажу, въ чемъ дѣло, если вы хотите: брать хочеть меня женить.

— О! Когда *всаятъ* жениться — то это такъ же печально, какъ и то, если *не позволяютъ*, проговорила Гедвига.

— Гораздо хуже! Но я не подчинюсь, хотя бы даже миѣ предстояло разойтись изъ-за этого съ братомъ.

— Развѣ вамъ невѣста не нравится?

— Этого я не могу сказать. Она премилое дитя. Но въ глазахъ брата, ея главная заслуга состоитъ въ большомъ богатствѣ.

— Но г. Штроппъ, чего вы еще ищете въ невѣстѣ?

— И вы спрашиваете? Миѣ необходима любовь, а любовь престранная вещь. Ее никогда нельзя направить туда, куда хочется.

— Это правда, прошептала Гедвига задумчиво.

— Я покупаю мельницу, чтобы доказать брату, что я могу устроить выгодное дѣло, не жертвуя счастьемъ всей жизни.

— У васъ вѣрно есть уже кто нибудь въ виду?

— Еслибъ это было такъ, отвѣчалъ онъ съ искусственнымъ

волненіемъ:—то братъ еще менѣ успѣлъ бы въ своихъ предположеніяхъ. Мое сердце свободно, если не считать тѣ мечты, которыя съ нѣкотораго времени не даютъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью.

Краснорѣчивый взглядъ сопровождалъ эти слова.

— Теперь ваша очередь, Гедвига. Расскажите вашу исторію.

— Мою исторію? сказала Гедвига съ грустью. — Ее не такъ легко рассказать, какъ вашу. Самое пріятное было бы для меня сказать, что я ее совсѣмъ забыла.

— Забыла! воскликнулъ Штроппъ:—я не осмѣливаюсь спрашивать болѣе. Если вы рѣшились забыть все, то не слѣдуетъ возвращаться къ этому предмету, а лучше обратить вниманіе на что нибудь новое, хотя бы только для забавы или развлечения.

— Еслибъ я могла это сдѣлать! Ахъ, г. Штроппъ! прежде чѣмъ это будетъ, много утечетъ воды!

Изъ дому послышался голосъ мельника, который кричалъ:

— Гедвига, Гедвига!

— Я сейчасъ вернусь, сказала дѣвушка и побѣжала къ отцу.

«Дѣло подвигается», думалъ Штроппъ, улыбаясь. Онъ взялъ садовый ножъ, оставленный Гедвигой, и началъ срѣзывать цвѣты ей на букетъ.

Пока онъ занимался этимъ и приготовлялъ разныя замисловатыя фразы, въ комнатѣ мельника происходила потрясающая сцена.

Убитый Юлій Вернеръ, защитникъ баррикадъ, явился въ мундирѣ императорскаго офицера.

Удивленіе Дубскаго было такъ велико, что онъ совершенно растерялся; радость Гедвиги была безгранична.

— Зачѣмъ вы такъ долго молчали? спросилъ мельникъ.

— Причиной этому было непріятное столкновеніе между нами, отвѣчалъ Вернеръ: — въ которомъ, сознаюсь, я былъ во всемъ виноватъ, и которое было началомъ всѣхъ слѣдовавшихъ затѣмъ неудачъ.

Тутъ онъ рассказалъ вкратцѣ свои приключенія и прибавилъ:

— И что могъ я вамъ сообщить, кромѣ цѣлаго ряда неудачъ и униженій? Въ одномъ письмѣ вы бы прочли, что я пойманъ и ожидаю тяжкаго наказанія, въ другомъ—что я солдатъ и нахожусь въ Италіи. Чѣмъ могъ я возвысить себя въ вашихъ глазахъ, чтобы вернуть прежнее расположеніе и снова предаться тѣмъ надеждамъ, которыя составляли все мое счастье? Только надѣвъ этотъ мундиръ, я далъ волю своему желанію и отправился въ Красницъ помириться съ старыми друзьями. Ничто не удержало меня, даже мучительное сомнѣніе въ томъ, какъ вы меня примете.

— Не имѣя о васъ никакихъ извѣстій, я считалъ васъ мерт-

вымъ. И теперь, когда вы вошли, я скорѣе готовъ былъ принять васъ за привидѣніе, чѣмъ допустить, что вы, одинъ изъ самыхъ рьяныхъ демократовъ, надѣнете этотъ солдатскій австрійскій мундиръ.

— Въ жизни случаются такіа внезапныя превращенія, которыя и во снѣ рѣдко увидишь.

— Должно быть, это такъ. Принеси-ка намъ, Гедвига, пару бутылокъ.

Гедвига весело выбѣжала. Видя такое доброе согласіе между отцомъ и Вернеромъ, она была вполне счастлива.

— Престранныя вещи бывають на свѣтѣ, воскликнулъ Дубскій, оставшись наединѣ съ Вернеромъ.— Вы бросились, какъ шальной, чтобы драться съ солдатами, а возвращаетесь ихъ предводителемъ! Страшно подумать, что вы должны были выстрадать, прежде чѣмъ васъ успѣли упрятать въ этотъ бѣлый сюртукъ! Я думаю, вы часто жалѣли, что всѣ пули пролетаютъ мимо васъ?

— Бывали минуты! Слава Богу, все пошло лучше. Я вынесъ много опытности, которая мнѣ пригодится въ будущемъ. Я былъ мальчишкой и сумасбродомъ, теперь я оставилъ всѣ мечты и смотрю на вещи другими глазами.

— Я думаю! Я думаю! Вы, конечно, можете говорить объ опытности! Сколько времени вы обязаны еще служить?

— Я могу оставить службу когда хочу.

— Вотъ какъ! А я думалъ, что вы служите по принужденію, что при вашихъ политическихъ убѣжденіяхъ было бы невыносимо.

— Еслибы они остались тѣ же, какъ прежде.

— Неужели вы перемѣнили знамя? спросилъ мельникъ серьезно.

— Нѣтъ; въ сущности, я остался при тѣхъ же правилахъ, какъ и прежде. Государство и народъ для меня выше всего, а для общаго блага государь такъ же необходимъ, какъ и послѣдній солдатъ.

— Но какимъ образомъ совмѣстить демократа и солдата императорскихъ войскъ?

— Этого я тоже не зналъ прежде, когда ораторствовалъ противъ учрежденій, съ которыми не былъ знакомъ по опыту. Теперь я знаю армию и ея духъ. Судя по тому, что она сдѣлала, это уже не прежняя неподвижная масса; это, напротивъ, гарантія за новый современный порядокъ вещей. Не смотрите на меня съ такимъ удивленіемъ. Я говорю вслѣдствіе глубокаго убѣжденія. То, что я вамъ сказалъ объ армии, совершенно справедливо, иначе какъ могли бы такіе люди, какъ я, найти въ ней мѣсто и заслужить, кромѣ того, отличіе?

— Я думаю, что не армія перемѣнилась, а вы. Кто бы могъ

могъ этого ожидать! Теперь я понимаю, почему вы произведены въ офицеры.

— Вы ошибаетесь, г. Дубскій! При моемъ производствѣ не было и рѣчи о политическихъ убѣжденіяхъ: начальство брало въ соображеніе только показанную мною храбрость.

— Не болѣе двухъ дней, какъ я освобожденъ отъ несправедливаго ареста; я обязанъ заступничеству друзей тѣмъ, что избѣжалъ наказанія, что дочь моя не осиротѣла и что я не разорился.

— Я слышалъ объ этомъ отъ вашего брата, когда уѣзжалъ изъ Вѣны.

— Кто спасъ меня отъ всего этого? Законъ? Нѣтъ. Гарантія, о которой вы только что говорили? Нѣтъ! Вѣдь это чортъ знаетъ на что похоже! Не стоитъ и словъ тратить! У васъ одни убѣжденія, у меня другія. Если вы пришли въ мой домъ затѣмъ только, чтобъ навѣстить стараго знакомаго, то милости просимъ. Мнѣ всегда будетъ пріятно кой о чемъ поболтать съ вами за ставаномъ вина. Но если вы попрежнему намѣрены ухаживать за Гедвигой, то я вамъ прямо говорю, что мое дитя, мое единственное дитя, я никогда ни подъ какимъ видомъ не отдамъ за австрійскаго солдата.

— Г. Дубскій, еслибы я не понималъ, что въ васъ говорить только справедливое негодованіе противъ произвола одного какого нибудь чиновника, то мнѣ пришлось бы усомниться въ вашемъ разумномъ образѣ мыслей; я не берусь исправлять ваши политическія убѣжденія, по у меня есть надежда, что современемъ вы сьумѣете отдѣлать мою личность отъ моего званія. Вамъ извѣстно, какъ я попалъ на эту дорогу. Я вступилъ на нее съ боязнью, но теперь занимаю свой постъ сознательно и считаю неблагороднымъ покинуть его. Меня скоро произведутъ въ капитаны. Когда въ сраженіи я подвергалъ свою жизнь опасности, меня одушевляла мысль о благодарномъ отечествѣ, но еще болѣе этого воспоминаніе о Гедвигѣ!

Дубскій, казалось, слушалъ спокойно, но подъ конецъ совсѣмъ вышелъ изъ себя.

— Да сдѣлайтесь вы самимъ фельдмаршаломъ, вскричалъ онъ: — то и тогда я скажу: нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Не будемъ болѣе говорить объ этомъ! Я оставлю при себѣ Гедвигу, а вы саблю и воротникъ съ двумя звѣздочками. Если же вы въ одинъ прекрасный день одумаетесь и явитесь ко мнѣ въ статскомъ, даже самомъ потасканномъ сюртукѣ, я васъ приму, какъ жениха. Я дѣлаюсь старъ. Мнѣ нуженъ зять. Случись со мной что нибудь завтра, все остановится. Сдѣлайтесь тѣмъ, кѣмъ вы были прежде, купцомъ, напрымѣръ, и мы съ вами поговоримъ какъ слѣдуетъ, а съ буду-

шимъ генераломъ или военнымъ министромъ я и знаться не хочу. Замѣйте себѣ это. Это мое *ultima ratio!*

Гедвига не подозрѣвала о происшедшемъ спорѣ. Вся радостная, вошла она, неся бутылки и стаканы. Увидѣвъ ее изъ сада, Штроппъ тоже прибѣжалъ и старался отворить дверь. Въ рукѣ у него былъ букетъ.

— Ахъ, г. Штроппъ, сказала дѣвушка весело: — у насъ сегодня такая неожиданность! Вы сами удивитесь.

Онъ отворилъ дверь и Штроппъ увидѣлъ незнакомаго офицера. Гедвига еще на порогѣ представила его.

— Вотъ смотрите, нашъ старинный другъ, Юліи Вернеръ — теперь поручикъ.

— Какъ вы сказали? спросилъ Штроппъ поспѣшно, едва слышнымъ голосомъ.

— Тотъ самый, о которомъ мы напередъ говорили.

— Воскресшій изъ мертвыхъ! прибавилъ мельникъ. — Но войдите же, г. Штроппъ. Не угодно ли стаканъ вина?

Штроппъ стоялъ, какъ окаменѣлый.

— Безъ церемоній, продолжалъ мельникъ: — входите!

Но Штроппъ отшатнулся, проговорилъ невнятно «сейчасъ, сейчасъ я прииду» и, захлопнувъ дверь, пустился бѣжать черезъ садъ, въ поле. Никому не пришло въ голову осуждать это странное поведеніе, потому что никто не обратилъ на него вниманія.

Штроппъ бѣжалъ, какъ сумасшедшій, пока не остановился у ручья. Опершись о дерево, онъ долго смотрѣлъ въ воду. Его мысли были такъ спутаны, что онъ не совсѣмъ ясно понималъ свое положеніе. Вдругъ онъ бѣшено бросилъ въ воду букетъ, который сжималъ въ рукахъ, и который тотчасъ же унесло теченіемъ. Наконецъ, мысли его стали проясняться.

— Все кончено! все! бормоталъ онъ съ бѣшенствомъ. — Остаться мнѣ или уѣхать? Голова идетъ кругомъ! Еслибъ оставалась хоть малѣйшая надежда, я еще могъ бы собраться съ духомъ. Но все пропало! все! все! Съ такими проклятіями онъ бродилъ безъ цѣли по лѣсу и по полю до поздней ночи; вернувшись домой, онъ бросился на кровать, не будучи въ состояніи промолвить съ кѣмънибудь слово.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Что надѣлала ханжа.

Бракъ генерала Грейфенштейна былъ не изъ счастливыхъ. Хотя большія бури между супругами случались чрезвычайно

рѣдко, но за то было много мелкихъ ежедневныхъ несогласій, увеличивавшихъ часъ отъ часу раздоръ. Старый солдатъ въ своемъ семейномъ кругу вовсе не былъ тираномъ; это былъ скорѣе филистеръ, любившій удобства и спокойствіе, и готовый на всякія жертвы, лишь бы избѣжать разныхъ тревогъ и волненій, которыхъ онъ терпѣть не могъ, по причинѣ ихъ вреднаго дѣйствія на желудокъ. Виной всему было различіе лѣтъ и еще большее различіе во вкусахъ и образованіи. Къ довершенію всего, у генерала была непріятная военная привычка — или слѣпо повиноваться, или требовать того же отъ другихъ, и въ спорахъ съ женой онъ оказывался настоящимъ генераломъ. Изреченіе священнаго писанія, что жена должна повиноваться мужу, онъ понималъ въ военномъ смыслѣ, и вообще держался того мнѣнія, что начальникъ умнѣе подчиненнаго, и мужъ умнѣе жены.

Домашнія непріятности производили на нихъ тоже различное дѣйствіе. Генералъ былъ вспыльчивъ, но тотчасъ же все забывалъ и могъ снова шутить и смѣяться. Леони, напротивъ, цѣлые дни бывала не въ духѣ, что нерѣдко высказывалось въ ней капризами и насмѣшками. Супругъ, когда бывалъ недоволенъ, не скупился на грубыя выходки; она, гордо скрывая отъ постороннихъ свое семейное несчастье, втихомолку обливалась горькими слезами.

У генерала была одна неоспоримая добродѣтель: онъ не былъ ревнивъ. Равнодушно, спокойно улыбаясь, смотрѣлъ онъ на свою жену, окруженную многочисленными поклонниками. О Леони, какъ о всякой другой хорошенькой женщинѣ, ходили разные сплетни, распускаемые униженными соперницами и отвергнутыми обожателями, и, конечно, услужливые пріатели и, особенно, пріятельницы, старались доводить ихъ до свѣдѣнія генерала, но генералъ и бровью не шевелилъ. Все это было слишкомъ недоказательно для почтеннаго рубака.

Но на другой день послѣ осмотра древностей вышла такая ссора между супругами, что всѣ переподошлись въ замѣтъ. Послѣ страшныхъ криковъ, изъ которыхъ ничего нельзя было разобрать любопытнымъ ушамъ, генералъ, появившійся верхомъ только передъ фронтомъ, вскочилъ на лошадь и ускакалъ какъ бѣшеный въ поле, а Леони заперлась въ своей комнатѣ.

Корнелія была очень хороша съ молодой женщиной; кромѣ того, у ней самой было горе. Послѣ всѣхъ безпокойствъ вчерашняго дня ей грозила новая опасность. Письмо Бруно Гальденрида затерялось и, несмотря на всѣ старанія, его невозможно было отыскать. Поэтому она ближе, чѣмъ когда-либо, приняла къ серд-

пу чужое огорченіе, и какъ только ускавалъ генераль, пришла къ Леони.

Леони сидѣла на диванѣ; кругомъ стояли уложенные чемоданы.

— Что это значить? спросила съ удивленіемъ Корнелія, указывая на чемоданы.

— Это значить, что я теперь свободна. Сегодня мы съ тобой разстанемся.

— Вы уѣзжаете?

— Я уѣзжаю. Довольно я натерпѣлась и ни за что не останусь. Если онъ меня вздумаетъ удержать, то ему придется надѣть на меня цѣпи! Я, во что бы ни стало, вырвусь изъ душеаго каземата!

Странное одушевленіе блистало у ней въ глазахъ, на которыхъ видны были еще свѣжіе слѣды слезъ.

— Да что случилось?

— Не стоитъ повторять! Я только хорошо запомнила его любовное выраженіе: «укладывай-ка твои узлы!» Ты видишь, я уложила, прибавила она, указывая на чемоданы.

— Да за что же!

— Онъ укорялъ, что я веду тайную переписку, хочу съ нимъ разойтись, имѣю любовную связь, назначила свиданіе въ императорскомъ залѣ... совсѣмъ помѣшался!

— Кому свиданіе? спросила Корнелія, блѣднѣя.

— Ротмистру Гальденриду!

Корнелія была поражена. Петерянное письмо Бруно прямо или косвенно попало въ руки генерала и произвело такое страшное недоразумѣніе. Она не могла промолвить слова.

— Ты молчишь, сказала Леони грустно. — И ты считаешь меня виновной!

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнула взволнованная Корнелія, бросившись ее обнимать. — Я была только удивлена, потрясена...

Глаза ея были полны слезъ и голосъ прерывался.

— Дитя! сказала Леони, стараясь шуткой прикрыть свое собственное волненіе. — Ты плачешь, вѣрно, о томъ, что я не стану болѣе водить стараго медвѣдя напоказъ изъ города въ городъ?

— Но письмо! Гдѣ письмо? У генерала? Гдѣ оно?

— Я не знаю. Онъ не слушалъ меня и я сама не добилаь толку. Я тебѣ рассказала все, что только могла понять изъ его криковъ. Тутъ замѣшалось какое-то шпіонство и клевета. Да скоро онъ выболтаетъ, и мы узнаемъ, въ чемъ дѣло.

— Я сейчасъ вернусь! воскликнула Корнелія и выбѣжала.

Въ одно мгновеніе она очутилась у г-жи Гассенфельдъ и рассказала ей обо всемъ случившемся. Г-жа Гассенфельдъ нашла нуж-

нимъ предпринять чтонибудь рѣшительное и предложила отпра- виться тотчасъ въ городъ къ ротмистру и сообщить ему о тай- нственномъ пребываніи его брата въ замкѣ.

— Мы выѣшаемъ почти незнакомаго человѣка и запутаемъ все гораздо хуже, воскликнула Корнелія.

— Да вѣдь ротмистръ не варваръ! Вы же мнѣ рассказывали, съ какою любовью онъ говорилъ вчера о братѣ, и какъ грустилъ о его мнимой смерти. Я извѣщу его обо всемъ, а онъ, при первомъ взгля- дѣ на письмо, объявитъ, что ищетъ его со вчерашняго дня и при- плететъ къ этому какую ему угодно исторію.

— Такъ идите, идите скорѣй! сказала Корнелія. — Идите!

Ротмистръ Гальденридь, квартировавшій у булочника, сидѣлъ въ своей комнатѣ, въ старинномъ высокомъ креслѣ и курилъ си- гару; передъ нимъ стоялъ нетронутый завтракъ. Бѣдный молодой человѣкъ находился теперь въ самомъ печальномъ настроеніи ду- ха. Мысль о Леони преслѣдовала его. Онъ сидѣлъ цѣлое утро раз- думывая, какъ бы снова увидѣть свою мучительницу и снова услы- шать ея насмѣшки. Кто-то постучалъ въ дверь, и г-жа Гассенфельдъ вошла въ его комнату.

Удивленіе ротмистра было безгранично, но оно возросло еще болѣе, когда онъ услышалъ о братѣ, котораго вчера еще считалъ погибшимъ, и который находился такъ близко отъ него. Сначала онъ этому обрадовался, но потомъ ему пришла мысль, что Бруно ожидать цѣни, тюрьма и даже, можетъ быть, смертная казнь. Ле- они тоже должна уѣхать или помириться съ генераломъ; все это такъ спутало его мысли, что онъ совсѣмъ потерялся. Наконецъ, доводы г-жи Гассенфельдъ убѣдили его и онъ рѣшился дѣйстви- вать съ ними заодно.

Между тѣмъ Леони видѣлась съ графомъ. Онъ давно уже замѣ- чалъ несогласіе между супругами и сожалѣлъ о нихъ. Теперь онъ счелъ своею обязанностью примирить ихъ. Онъ не совсѣмъ вѣ- рилъ въ невинность Леони, но, вспоминая проказы своей молодости, охотно брался уладить дѣло. Идя отъ Леони, онъ встрѣтилъ ротмистра.

— Славную штуку вы затѣяли! сказала графъ, смѣясь.

— Графъ! сказалъ ротмистръ, запинаясь и нерѣшительно,

— Ужъ я все вижу по вашему кислому лицу, весело сказалъ графъ. — Нашъ старій генералъ совсѣмъ взбѣсился. Но что вамъ вздумалось писать къ Леони, когда вы каждый день ее видите и можете говорить наединѣ сколько вадумаетея?

— Я никогда въ жизни не писалъ ни одного слова къ баронессѣ фонъ-Грейфенштейнъ. Пусть я буду безчестный человѣкъ, если это неправда!

— Что же это генераль! Съума онъ сошелъ! Какое отношеніе имѣеть перехваченное письмо къ вамъ?

— Нѣтъ ли тутъ недоразумѣнія. Со вчерашняго дня я не могу доискаться одного письма, которое болѣе года носилъ въ боковомъ карманѣ. Это — драгоценное для меня воспоминаніе о погибшемъ братѣ.

— Письмо вашего брата!

— Вѣрно я потерялъ его во время нашей вчерашней прогулки по замку, или вечеромъ въ гостиной, когда открывалъ свой буфалетъ.

— Но какъ могло такое старое письмо возбудить подозрѣніе? Или это любовная записка, которая содержитъ намеки, подходящія въ настоящемъ случаѣ?

— Обстоятельства схожи, это правда, но слѣпая ревность зашла черезчуръ далеко. Письмо это писано къ двумъ дамамъ, у которыхъ долго гостилъ мой братъ, когда былъ въ Венгріи.

— Вотъ забавно! воскликнулъ графъ, смѣясь.

Въ это время вошла его благочестивая сестра; она только что вернулась изъ церкви. Въ рукахъ у ней былъ большой молитвенникъ съ золотымъ крестомъ.

— Ты, вѣроятно, знаешь, обратился къ ней графъ: — о дуэли, происшедшей между генераломъ и его супругой?

— Я слышала только шумъ, отвѣчала графиня Софья скромно: — но причины шума не знаю.

— Это ужъ всѣмъ извѣстная тайна! Какъ это подобная вещь могла ускользнуть отъ твоего вниманія!

— Ты очень невѣжливъ, отвѣчала сестра тономъ оскорбленной невинности.

— Любопытно видѣть лицо генерала, обратился графъ къ ротмистру: — когда онъ узнаеть, что письмо, приведшее его въ такую африканскую ярость, писано вашимъ покойнымъ братомъ къ двумъ дамамъ, которыя, вѣроятно, давно его забыли.

Онъ засмѣялся. Ротмистръ тоже улыбнулся; графиня сдѣлала кислое лицо.

— Мнѣ кажется, сказала она: — что слѣдуетъ скорѣе жалѣть о такомъ мужѣ, даже въ томъ случаѣ, еслибы онъ, какъ ты говоришь, ошибся въ своемъ предположеніи. Вѣроятно, онъ прежде имѣлъ какое-нибудь основаніе недовѣрять.

Поклонившись весьма недружелюбно ротмистру, она удалилась въ свою комнату и тотчасъ послала за фонъ-Раккомъ, прося его непременно прійти.

Г. фонъ-Раккъ не заставилъ себя долго ждать.

— Мой добрый другъ, обратилась къ нему графиня: — мнѣ

нуженъ непремѣнно вашъ совѣтъ. Садитесь и слушайте. Вчера вечеромъ сидѣли мы до одиннадцати часовъ въ гостиной. Незадолго передъ тѣмъ, какъ всѣ разошлись, замѣтила я бумажку, похожую на письмо, лежавшую на полу между Корнеліей и Леони, которыя сидѣли рядомъ. Я, разумеется, не упустила ее изъ виду, догадавшись тотчасъ, что это бросилъ ротмистръ. Я долго ожидала, не подниметь ли ее Леони, но наконецъ рѣшилась поднять сама. Вотъ этотъ документъ.

Она вынула письмо изъ кармана.

— Убѣдившись въ его непопозволительномъ содержаніи, я долго не знала, что съ нимъ дѣлать. Я провела бессонную ночь, но, наконецъ, къ утру все обдумала. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ несчастій, могущихъ произойти отъ такихъ поступковъ, я сегодня утромъ все открыла генералу. Дѣйствіе было, сверхъ ожиданія, ужасное! Но такъ-какъ я не имѣла въ виду ничего дурного, а хотѣла только наставить заблудшую овцу на путь истины, то взяла съ генерала честное слово не открывать, какимъ образомъ онъ все разузналъ. Точно также я не согласилась, несмотря на его просьбы, отдать ему письмо, потому что, по моему мнѣнію, такую вещь лучше оставить въ своихъ рукахъ. Вотъ...

— Э-э! сказалъ фонъ-Раккъ: — такъ эта прекрасная женщина въ связи съ ротмистромъ!

— Слушайте дальше. Я только что была у брата, и застала у него ротмистра. Я была какъ жаломъ поражена, услышавъ что письмо, о которомъ идетъ рѣчь, писано давно братомъ ротмистра къ двумъ венгерскимъ дамамъ, у которыхъ онъ гостилъ.

— О, это увертка! воскликнулъ Раккъ.

— Когда я снова прочитала письмо, я увидѣла, что дѣйствительно тамъ говорится о двухъ дамахъ. Прежде я этого не замѣтила по причинѣ чрезвычайно загадочнаго слога. Короче, я буду страшно скомпрометирована, если только справедливо что утверждаетъ ротмистръ. Дайте мнѣ добрый совѣтъ. Пусть только окажется, что я права, и увѣряю васъ, это не пройдетъ даромъ всѣмъ этимъ интриганамъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и мой братъ. Вотъ, любезный Раккъ, читайте и судите.

Фонъ-Раккъ жадно схватилъ письмо и началъ читать все съ возрастающимъ интересомъ. Когда онъ дошелъ до подписи, его всего передернуло. Не отвѣчая на безчисленные вопросы графини, онъ быстро подошелъ къ окну и принялся разсматривать, при солнечномъ свѣтѣ, бумагу и чернила.

— Письмо это писано нѣсколько дней тому назадъ, наконецъ проговорилъ сыщикъ.

— Неужели?

— Чернила совсѣмъ свѣжи и, если вы потрудитесь ближе взглянуть, можно даже видѣть мѣстами остатки приставшаго песку.

— Да, я вижу, вижу! Теперь они всѣ у меня въ рукахъ!

— Но постоитъ, графиня! Это письмо не отъ ротмистра, навѣрное нѣтъ!

— Такъ отъ кого же? Вы сами говорите, что оно написано недавно! Или вы шутите?

— О, нѣтъ! Это дѣло серьезное, весьма серьезное. Не ротмистръ писалъ это письмо, а дѣйствительно его братъ, какъ это и показывается первая буква подписи.

— Вы почему узнали?

— Вчера ротмистръ рассказывалъ про своего брата. Изъ всѣхъ этихъ разговоровъ я вывелъ заключеніе, что братъ его дрянной агитаторъ, который шатался вездѣ, гдѣ только былъ бунтъ или возстаніе. Вернувшись домой, я тотчасъ послалъ за нашимъ полицейскимъ указателемъ, и точно, въ числѣ самыхъ опасныхъ политическихъ преступниковъ, нашелъ имя этого господина. Его зовутъ Бруно, чтò совершенно согласно съ подписью письма; ротмистра зовутъ Артуромъ.

— Это ужасно! воскликнула графиня.

Фонъ-Раккъ молча соображалъ всю важность полученныхъ извѣстій. Ему было ясно, что бѣглець находится гдѣ-то очень близко, можетъ быть даже въ старомъ замкѣ. Доказательствомъ этому служили какъ слѣды, видѣнные имъ позади императорскаго портрета, такъ и содержаніе письма. Всѣ его мысли были сосредоточены на томъ, какъ бы поймать бѣглеца, но, боясь повредить успѣху, онъ не проронилъ объ этомъ ни слова. Обращаясь къ графинѣ, онъ только сказалъ:

— Любезная графиня, судъ и правое дѣло обязаны вамъ тѣмъ, что вы навели на слѣдъ большаго преступника, который давно уже скрывается безнаказанно. Вы будете такъ добры, оставите мнѣ это письмо; вамъ оно ни къ чему уже негодится.

— Чтò же это такое? Я васъ позвала, какъ друга, а вы обращаете все это дѣло въ какой-то полицейскій вопросъ!

— Какъ можете вы это думать! Политическій преступникъ совершенно постороннее дѣло, которое, однако, тоже не слѣдуетъ выпускать изъ виду. Но я теперь больше всего забочусь о томъ, какъ бы вамъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія. Задача, безспорно, трудна!

Онъ задумался.

— Вотъ что! Я нашелъ средство, хотя не совсѣмъ прямое, къ

*

какимъ мы обыкновенно прибѣгаемъ, но все равно — лучшаго не находится.

— Говорите же! воскликнула графиня нетерпѣливо.

— Вы скажете, что сожгли письмо. Когда улика будетъ уничтожена, тогда никто не можетъ доказать, Петръ или Павелъ писалъ это письмо. Ротмистръ будетъ стоять на своемъ, но этому никто не повѣритъ. Напротивъ, свидѣтельство генерала будетъ имѣть полную силу, такъ-какъ онъ видѣлъ письмо собственными глазами...

— И даже читалъ!

— И читалъ. Нравится вамъ мой проектъ?

— Онъ не дурень, отвѣчала графиня: — но могутъ спросить, зачѣмъ я такъ скоро уничтожила это письмо?

— Зачѣмъ? воскликнулъ Раккъ съ саркастическимъ смѣхомъ: — потому что это письмо можетъ скорѣе скомпрометировать васъ, чѣмъ Леони и ротмистра, милая графиня!

— Это сказано очень зло! воскликнула графиня. — А что же въ самомъ дѣлѣ будетъ съ письмомъ?

— Оно, какъ я вамъ уже говорилъ, послужить для двухъ цѣлей. Впервыхъ, оно окажетъ вамъ услугу тѣмъ, что будетъ уничтожено; вовторыхъ, съ помощью его, мы откроемъ преступника, преслѣдуемаго закономъ. Я кладу его въ бумажникъ... надѣюсь...

— Я ничего не имѣю противъ этого. Но нѣтъ ли опасности, что оно снова попадетъ кому-нибудь въ руки?

— Ни малѣйшей! Ни малѣйшей! Чтò попало въ наши руки, то погребено на вѣки!

Тщательно спрятавъ въ карманъ свою добычу, фонъ-Раккъ съ низкими поклонами удалился изъ замка. Задолго до этого вернулся генералъ со своей утренней прогулки, верхомъ. Всѣ ожидали, что онъ вернется злымъ какъ тигръ, и были очень удивлены, найдя его кроткимъ и убитымъ. Во время поѣздки, бѣшенство его охладѣло, генералъ самъ удивился своему эксцентричному поступку и тутъ же раскаялся въ немъ: послѣ зрѣлаго обсужденія у него явилось сомнѣнiе. Онъ вспомнилъ, что старая графиня уже нѣсколько разъ старалась возбудить въ немъ ревность. Читая письмо, она могла кое-что прибавить, такъ-какъ самъ генералъ, за неимѣнiемъ очковъ, не могъ слѣдить.

Только что слѣзъ онъ съ лошади, какъ его попросили въ кабинетъ графа, который желалъ переговорить съ нимъ наединѣ.

Когда генералъ узналъ во всѣхъ подробностяхъ дѣло и увидѣлъ невинность жены, онъ громко выразилъ свою радость. Но затѣмъ у него явилась злоба противъ хитрой интриганки, имя которой было еще для всѣхъ тайной. Оставивъ внезапно графа, онъ бро-

сился въ комнату его сестры. Благочестивая дѣва была ко всему приготовлена; ея отчаянное положеніе внушило ей мужество. Не желая имѣть съ нимъ объясненіе безъ свидѣтелей, она поспѣшила, преслѣдуемая генераломъ, въ комнату брата, куда между тѣмъ пришли ротмистръ и Леони. Вбѣжавъ туда, она привела въ изумленіе все общество.

— Какъ! кричала она, бросая злющіе взгляды на генерала: — вы солдаты и такъ держите ваше честное слово! Вы обѣщали мнѣ молчать! Я желала только остеречь кого слѣдуетъ! Я не ищу благодарности, и потому не хотѣла открывать своего имени. Но если вы такъ безхарактерны, то я громко объявлю, что нашла письмо у ногъ Леони и отдала его вамъ!

Громкія восклицанія послышались со всѣхъ сторонъ. Не безъ труда возстановилъ графъ спокойствіе.

— Дѣло очень просто, сказалъ онъ: — я требую, чтобы ты показала письмо.

— И этого требуетъ мой родной братъ! воскликнула графиня съ отчаяніемъ. — Неужели я должна играть роль обвинительницы и выставлять на показъ чужой стыдъ? Я хотѣла предостеречь, но не нарушать согласія, устранить, а не причинить недоразумѣнія! Мнѣ не удалось это, но совѣсть моя чиста. Письмо было у генерала въ рукахъ, для кого же еще было его прятать? Я сожгла его.

Послышалось всеобщее неодобреніе.

— Этого-то именно ты и не должна была дѣлать, сказалъ графъ. — Ты проиграла процессъ. Будучи обманута сама, ты обманула другихъ.

— А меня вы лишили самого дорогого воспоминанія о моемъ братѣ, замѣтилъ ротмистръ.

— Меня, началъ генералъ: — вы уже часто старались поссорить съ женой. Разъ вамъ это удалось, но больше не удастся. Хоть продавите колѣнами полъ въ церкви, хоть каждый день бесѣдуйте со всѣми двѣнадцатыи апостолами, вы меня не обманете; я знаю, что такое ваша набожность!

— Всѣ противъ меня, воскликнула графиня, трагически подымая руки къ небу. — Я должна была этого ожидать! Я знаю, что добрыя дѣла всегда подвергались преслѣдованію. Библия полна подобныхъ примѣровъ. Вотъ и награда! меня же обвиняютъ! Да проститъ вамъ Богъ!

Она выбѣжала изъ комнаты.

— Я не оправдываю ея, сказалъ графъ: — но привожу какъ смягчающее обстоятельство ея экзальтированную религіозность. Такъ-какъ всѣ мы примирились, то простимъ и ее.

— Какъ могъ я повѣрить этимъ бабыимъ сплетнямъ? восклик-

нуль генераль. — Впередъ, что би ни говорили о моей женѣ, я не буду обращать ни малѣйшаго вниманія!

Онъ взглянулъ на Леони и опустилъ глаза. Его прамодушіе и врожденное отвращеніе къ несправедливости взяли верхъ надъ супружескимъ достоинствомъ. Онъ приблизился къ ней и сказалъ самымъ вроткимъ и умоляющимъ голосомъ:

— Прости меня, Леони, забудь все; видитъ Богъ, что если спуста десять лѣтъ ты мнѣ напомнишь о нынѣшнемъ днѣ — я буду краснѣть отъ стыда.

— Кто обращается со своей женой, какъ ты, возразила Леони холодно:— тотъ не долженъ думать о примиреніи. Мои «узлы» связаны и я ухожу.

— Господи! воскликнулъ генераль съ отчаяніемъ. — Ты видишь, какъ меня самого обманули!

— Я ухожу, отвѣтила Леони спокойно и рѣшительно. — Ты меня удержишь только силой!

Она хотѣла уйти, но графъ остановилъ ее, взявъ за руку.

— Вы слишкомъ жестоки, Леони, сказалъ онъ. — Я дѣлаю вамъ этотъ упрекъ, хотя самъ былъ свидѣтелемъ нанесеннаго вамъ оскорбленія. Я знаю, что не въ нашей власти забывать обиды. Только время можетъ исцѣлить ихъ. Поэтому я предлагаю слѣдующій планъ примиренія, и надѣюсь, что онъ будетъ принятъ моимъ достойнымъ другомъ Грейфенштейномъ, также какъ и вами, Леони. Разойдитесь на нѣкоторое время. Вы, Леони, поѣзжайте въ Вѣну, или къ вашимъ роднымъ въ Парижъ. Развлеченіе большаго города быстро изгладитъ всѣ слѣды вашего семейнаго раздора. Какъ вы думаете?

Супруги медлили отвѣтомъ. Наконецъ, Грейфенштейнъ прервалъ молчаніе.

— Она ничего не говоритъ! Я не могу согласиться первый, потому что мнѣ пріятнѣе имѣть Леони вблизи. Но какъ она захочетъ, пусть такъ и будетъ. Если она желаетъ уѣхать, я ей не мѣшаю.

— Леони, обратился къ ней графъ: — не заходите слишкомъ далеко!

— Пожалуй, отвѣчала она, послѣ нѣкотораго колебанія. — Я согласна!

— Слава Богу! воскликнулъ обрадованный генераль.

Онъ подошелъ къ Леони и подаль ей руку въ знакъ примиренія. Она медленно, не поворачиваясь, подала ему свою.

Всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, чтобы успокоиться послѣ столькихъ волненій.

Вечеромъ все общество окружало дорожный экипажъ 1-го фонтъ-

Грейфенштейнъ. Тутъ находился также и фонъ-Равкъ, пришедшій пожелать счастливаго пути и всевозможныхъ удовольствій въ столицѣ Франціи. Когда экипажъ скрылся, фонъ-Равкъ подошелъ къ стоящему въ сторонѣ графу, и сказалъ ему:

— Ваше превосходительство, я имѣю къ вамъ просьбу. Древности этого замка привели меня въ такой восторгъ, что я хотѣлъ бы показать ихъ нѣкоторымъ моимъ пріятелямъ. Нельзя ли намъ прійти завтра?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ графъ.

Фонъ-Равкъ поспѣшилъ въ жандармскую караульную и распорядился, чтобы на слѣдующее утро трое жандармовъ въ приличномъ статскомъ платьѣ сопровождали его въ замокъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ВЪ ГОСТИННИЦѢ «ГОЛУВОЙ КАРПЪ», ВЪ КРАСНИЦѢ.

Логика событій — вещь признанная, съ тѣхъ поръ, какъ умъ человѣческій сталъ менѣе высокоумренъ и пересталъ смотрѣть, какъ на простой бессмысленный фактъ, на все, чему онъ не служитъ непосредственной причиною, или что имѣеть слишкомъ отдаленныя послѣдствія.

Человѣкъ долго обдумываетъ свои дѣйствія, взвѣшиваетъ и предусматриваетъ всевозможныя препятствія, но случай дерзко врывается, разстроиваетъ или совсѣмъ уничтожаетъ его хитрые замыслы, повергая самаго человѣка въ справедливое, но безсильное негодованіе. Такой случай приходитъ часто не одинъ. За нимъ являютъ нѣсколько другихъ. Они дѣйствуютъ какъ будто за одно, производятъ страшную кутерьму и разрушаютъ все, что задумалъ самый ясный и пронизательный умъ. Тотъ же самый случай сплетаетъ обстоятельства такимъ страннымъ образомъ, что умъ человѣка только недоумѣваетъ и не считаетъ недостойнымъ продолжать даже такое дѣло, на которое прежде смотрѣлъ какъ на бессмысленную ребяческую игру.

Такія мысли приходили въ голову ротмистра Гальденрида, когда, проводивъ Леони, онъ вернулся домой и началъ раздумывать о всѣхъ послѣдствіяхъ письма. Онъ нашелъ брата и потерялъ Леони. Хотя любовь его и была безъ взаимности, тѣмъ не менѣе, горе разлуки было велико. Извѣстія о братѣ были тоже нерадостны. Онъ находился среди такихъ опасностей, что его можно было считать почти погребшимъ.

Онъ сидѣлъ, не зная на что рѣшиться, что предпринять. Нѣ-

сколько разъ ему приходило желаніе отправиться къ брату, но его останавливала мысль, что онъ можетъ ему повредить своей горливостью.

Чѣмъ больше онъ сидѣлъ и думалъ, тѣмъ болѣе путались его мысли. Онъ взглянулъ на часы. Было восемь. Въ это время онъ обыкновенно отправлялся въ замокъ, или въ такъ-называемое офицерское казино «Голубой Карпъ». Тамъ, въ кругу товарищей, онъ надѣялся найти и на этотъ разъ развлеченіе. Въ особенности хотѣлось ему увидѣть своего друга, Юлія Вернера. Онъ зналъ тайну его любви къ Гедвигѣ и, желая чѣмъ-нибудь облегчить свое горе, рѣшился открыться ему.

Онъ вошелъ въ гостиницу. Изъ открытыхъ оконъ верхняго этажа, гдѣ обыкновенно собирались офицеры, слышны были громкіе разговоры. Тамъ было всегда очень оживлено, что составляло рѣзкій контрастъ съ мертвой тишиной нижняго этажа, гдѣ собирались жители Красница. Здѣсь господствовала сообразная обстоятельствамъ сдержанность въ рѣчахъ и всё, казалось, были погружены въ сонъ. Какой бы шумъ ни происходилъ наверху у офицеровъ, апатія нижняго этажа никогда не нарушалась.

Вскорѣ и чиновничество потянулось за офицерами на ихъ половину. Офицеры приняли ихъ очень любезно, хотя къ этому роду людей относились вообще довольно небрежно. Такимъ образомъ, комната чиновниковъ сдѣлалась принадлежностью офицерскаго клуба. Въ ней происходили обыкновенно самые оживленные политическіе споры. Въ то время, какъ въ цѣломъ государствѣ преслѣдовалось всякое свободное слово, здѣсь каждый смѣло высказывалъ свои мысли. Причина таковой свободы заключалась въ томъ, что всё революціонныя тенденціи этого клуба направлены были не къ верху, а къ низу.

Душой этихъ споровъ былъ аудиторъ Седликъ, чехъ по происхожденію. Этотъ ревностный мужъ имѣлъ обыкновеніе, при каждомъ удобномъ случаѣ, напоминать офицерамъ, большею частью молодымъ, ихъ обязанности, вслѣдствіе чего его прозвали фельдпаторомъ. Хотя не было повода бояться, но предусмотрительный аудиторъ все-таки тайно опасался, что вдругъ, въ одинъ день, каждый изъ нихъ вспомнитъ свое происхожденіе. Всѣ они были различныхъ націй: кто полякъ, кто нѣмецъ, кто сербъ, но, по мнѣнію аудитора, всё должны были забыть это и помнить только, что они австрійцы. Когда онъ рассуждалъ «о дисциплинѣ», «о духѣ арміи», его можно было принять за ветерана тридцатилѣтней войны. Слушая его, молодые люди сначала скучали, потомъ стали возражать; но, наконецъ, видя высокой патріотизмъ оратора и его благотворное вліяніе, охотно подчинились ему.

Гальденридь принималъ тоже участіе въ этихъ спорахъ, но военныя проповѣди Седлика считалъ безцѣльными, а его самого чудакомъ. Въ немъ, дѣйствительно, не было ничего необыкновеннаго и всякій полкъ, даже всякая рота имѣли своего Седлика.

Ротмистръ былъ развитѣе Юлія Вернера, но тѣмъ не менѣе раздѣлялъ его мечтательный взглядъ на молодую Австрію, съ тою однако разницею, что отъ него не ускользали уже кое-гдѣ проглядывавшія противорѣчія.

Когда Гальденридь вошелъ въ залъ, тамъ шумно обсуждалась рѣчь, только-что произнесенная Седликомъ. Не обращая вниманія на предметъ спора, онъ отыскивалъ глазами Вернера, но не вида его, обратился къ одному изъ присутствующихъ съ вопросомъ, не былъ ли онъ здѣсь. Тотъ отвѣчалъ ему, что нѣтъ и прибавилъ, что Вернеръ попался ему въ сумерки, былъ очень взволнованъ, спѣшилъ по направленію къ мельницѣ, и встрѣтившись съ нимъ даже не остановился, а только просилъ передать товарищамъ, что придетъ въ клубъ попозже, чтобы проститься съ ними, такъ-какъ онъ завтра уѣзжаетъ. Услыша это, ротмистръ былъ чрезвычайно удивленъ. Онъ зналъ, что Вернеръ разсчитывалъ все время своего отпуска провести въ Красницѣ. Причиной его внезапнаго отъѣзда могла быть, по его мнѣнію, только окончательная ссора съ мельникомъ.

Задумчиво побрелъ онъ въ другую комнату, гдѣ было сравнительно тихо, и присѣвъ къ столу, за которымъ сидѣло человѣкъ около восьми посѣтителей, рѣшился дожидаться своего друга. Общество состояло изъ чиновниковъ и двухъ духовныхъ. Одинъ изъ нихъ, дородный веселый старикъ, былъ мѣстнымъ деканомъ. Другой, сидѣвшій напротивъ его, занималъ должность капеллана и считался большимъ другомъ и протеже графини Тибольдсеггъ. Его звали патеръ Михаэль. Это былъ щедушный молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ и большими черными глазами, въ которыхъ свѣтились умъ и хитрость.

Погруженный въ свои мысли, Гальденридь не обращалъ никакого вниманія на разговоръ, происходившій за столомъ. Но когда этотъ разговоръ превратился въ жаркій споръ между двумя духовными, онъ поневолѣ сталъ вслушиваться. Больше всего горячился при этомъ капелланъ; голосъ его былъ слышенъ на всѣ комнаты «Голубаго Карна».

— Меня удивляетъ и печалитъ, говорилъ онъ: — что я слышу такое мнѣніе отъ господина декана! Оно совершенно противно католической церкви не только въ Австріи, но и во всей Европѣ. Великое религіозное движеніе, охватившее всѣ народы отъ запада до самаго дальняго востока, не остановится, но будетъ продол-

жаться и сокрушить до тла чувственный материализмъ, порождающій только революціи! Армія сдѣлала много, но всё ея многочисленныя побѣды не повели бы ни къ чему, и дѣла великихъ завоевателей остались бы безъ послѣдствій, еслибы церковь не продолжала дѣла, начатаго ими. Ей предстоитъ высокая задача — воспитать завоеванный народъ, заботиться о его нравственномъ усовершенствованіи, о его убѣжденіяхъ, однимъ словомъ подчинить его благодѣтельному вліянію церкви! Государство, которое хочетъ возродиться къ лучшей жизни и прибѣгаетъ къ оружію, должно дѣлать это для церкви или во имя ея!

— Вамъ незачѣмъ было такъ пространно развивать вашу мысль, возразилъ спокойно деканъ. — Я ее сразу угадалъ. Каждый истинный сынъ церкви долженъ конечно желать возвысить религію. Въ этомъ я съ вами совершенно согласенъ. Но относительно средствъ для достиженія этого мы никогда не сойдемся. По моему мнѣнію, священникъ долженъ дѣйствовать только словомъ, любовью и добрымъ примѣромъ. Всякое другое оружіе обратится противъ него же самого.

— Любовь, слово и добрый примѣръ! повторилъ врывчато капелланъ. — Этого было бы достаточно, еслибы свѣтъ населяли только благочестивыя дѣти! Но развѣ такія средства подѣйствуютъ на невѣрующихъ и на еретиковъ? Развѣ церковь напрасно прибѣгаетъ къ благословенію и къ проклятію? Конечно, философы и гуманисты давно уже проповѣдуютъ, что религія должна быть дѣломъ собственной совѣсти, но вѣдь это ведетъ къ совершенному уничтоженію духовнаго надзора и всего настоящаго порядка вещей! Это большая ошибка — утверждать, что христіанство можетъ быть основано любовью и словомъ и что кротость удержитъ всѣхъ въ повиновеніи! Исторія на каждомъ шагу доказываетъ намъ противное. Истинная религія утверждалась всюду при помощи оружія и изъ-за этого всегда проливались потоки крови! Основанная такими средствами, церковь можетъ и держаться ими. Въ противномъ случаѣ, ея спокойствіе будетъ ея смертію. Она должна исполнять свое святое назначеніе съ суровостью великаго инквизитора, или сама сдѣлаться мученицей. Она должна имѣть своихъ государей, которые могли бы защищать ее. Она велика какъ въ своихъ страданіяхъ, такъ и въ своихъ преслѣдованіяхъ!

— Другими словами, отвѣчалъ деканъ: — вы хотите возобновить преслѣдованіе еретиковъ, костры, инквизицію?

Капелланъ былъ видимо озадаченъ и опустилъ глаза. Но потомъ, быстро поднявъ ихъ, отвѣчалъ рѣшительно:

— Да, да, безъ сомнѣнія! только ихъ нужно пзмѣнить сообразно духу времени! не иначе, какъ сообразно духу времени!

— Вѣроятно, господинъ капелланъ, сказалъ деканъ, взглянувъ на присутствующихъ: — вы вспомнили какую нибудь книгу, которую читали слишкомъ усердно въ семинаріи!

— Странное въ высшей степени возраженіе, отвѣчалъ сердито патеръ Михаэль. — По вашему, стало быть, всѣ лучшіе католическіе журналы, говорящіе въ такомъ же тонѣ, ученія всѣхъ знаменитостей и авторитетовъ церкви, не болѣе какъ вздоръ, или бредъ сумасшедшихъ людей?

— Почти, отвѣчалъ деканъ спокойно и увѣренно. — Я думаю, что тутъ дѣло идетъ не о религіи, а о желаніи властвовать. Эти господа забываютъ, что времена Григорія Великаго прошли и свѣтъ пережѣнился. Люди хотятъ честно зарабатывать свой хлѣбъ и проводить дни свои мирно и спокойно. Поэтому я убѣжденъ, что рвеніе, которое теперь такъ овладѣло церковью, только повредитъ ей и уничтожитъ ея послѣднее вліяніе.

— Люди будутъ тѣмъ, чѣмъ ихъ сдѣластъ воспитаніе, перебилъ его капелланъ.— Кто могъ бы подумать, что страсть къ свободѣ, вскружившая головы въ сорокъ-восьмомъ году, кончится такъ скоро и жалко? Тотъ же самый народъ, который такъ гордо стоялъ за самоуправленіе, теперь, когда градомъ пуль немножко охладилъ эту горячку, согнулся и сталъ вдсятеро покорнѣе, чѣмъ прежде. Точно то же можетъ и должно произойти съ религіознымъ индифферентизмомъ и ересью, если будутъ приняты мѣры; если употребленіе власти спасительно подѣйствовало на политическія утопіи, то оно точно также подѣйствуетъ и на религіозныя заблужденія и невѣріе!

— Стало бытъ, вы и ваша партія желаете силою гнать людей къ обѣднѣ и къ исповѣди?

— Если принудительныя мѣры допускаются въ школахъ, то онѣ могутъ быть допущены и въ церкви!

— А по моему мнѣнію, церковь должна звать къ себѣ людей колоколомъ, а не съ помощью жандармовъ. Время насильственныхъ церковныхъ мѣръ уже прошло, точно такъ же какъ прошло время чудесъ.

— Съ этимъ я не согласенъ! Я отрицаю какъ то, такъ и другое. Чудеса творятся и до сихъ поръ, каждый день и на каждомъ мѣстѣ! Нѣтъ чудесъ только для рационалистовъ, которымъ пагубная терпимость правительства дала возможность преобразовать невѣріе въ современную науку! Эти люди наводнили города, завладѣли прессой и каеэдрами; они объясняютъ естественнымъ образомъ вещи самыя таинственныя, и если ихъ уличаютъ въ противорѣчій, они только скептически и съ важнымъ видомъ пожимаютъ плечами! Уваженіе, которымъ они пользуются въ обществѣ, довело до

того, что теперь образованность больше цѣнится, нежели благочестіе; толпа имъ покланяется и во всемъ согласуется съ ними, лишь-бы только заслужить модное имя *образованнаго челоѣка!* Простые, неиспорченные люди, въ которыхъ еще живо сохранилось предчувствіе неземнаго, сдѣлались теперь предметомъ насмѣшекъ для свѣтскихъ софистовъ! Уже дошло до того, что странники, которые при посѣщеніи святыхъ мѣстъ сами на себѣ испытывали! дѣйствіе чудесъ или удостоились видѣть явленія сверхъестественныя, по возвращеніи домой, не смѣютъ рассказывать видѣнное, опасаясь насмѣшекъ со стороны профановъ! Кто не желаетъ видѣть, тотъ ничего и не можетъ видѣть! Терроризмъ просвѣщенія долженъ кончатся и благочестіе опять поднять свой скипетръ и будетъ владѣть всѣмъ, до самыхъ ничтожныхъ житейскихъ отношеній! Что же касается до того, что вы, г. деканъ, говорите такія вещи, которыя можете говорить рационалисту, но никакъ не католическій священникъ, то, признаюсь, я очень этому удивляюсь и прихожу къ убѣжденію, что всепожирающій червь просвѣщенія добрался уже и до самыхъ столбовъ церкви!

— Оставьте, пожалуйста, меня въ покоѣ! произнесъ рѣзко деканъ, поднимаясь со стула съ крайне недовольнымъ и раскраснѣвшимся лицомъ. — Вы, только что вышедшій изъ семинаріи, желаете наставлять въ благочестіи челоѣка, который впродолженіе сорока-шести лѣтъ занимается исполненіемъ пастырскихъ обязанностей! Вездѣ, куда меня назначали, я приобрѣталъ любовь и уваженіе моихъ прихожанъ; я совѣтовалъ бы и вамъ вести себя такъ, чтобы въ свое время вы могли сказать о себѣ то же самое; въ противномъ случаѣ, васъ будутъ избѣгать и ненавидѣть, какъ помѣшаннаго тирана!

— Bravo! крикнулъ ротмистръ, громко и дружески одобряя слова декана, между тѣмъ какъ послѣдній направился къ дверямъ съ такою скоростью, какой отъ его костей нельзя было и ожидать. На оставшихся эта демонстрація произвела громадное впечатлѣніе, въ особенности на капеллана. Тягостное его положеніе усиливалось съ одной стороны присутствіемъ открытаго врага, а съ другой, двусмысленнымъ молчаніемъ сотоварищей. Но онъ, повидимому, не очень сокрушался и не досадовалъ на себя; скорѣе онъ походилъ на челоѣка, желающаго скрыть злобу до болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ.

Ротмистръ не имѣлъ никакого желанія пускаться съ нимъ въ споръ. Эпизодъ, отклонившій его мысль отъ первоначальнаго пути, совершенно ступсевался при одномъ воспоминаніи о недавно случившемся. Какое значеніе онъ могъ придавать мнѣніямъ помѣшаннаго священника, если эти мнѣнія сейчасъ же встрѣтили та-

кой энергической протестъ со стороны другаго священника. Да кромѣ того, Гальденридь, подобно всему образованному обществу, ошибался насчетъ религіознаго вопроса: ему казалось, что совершенно достаточно будетъ однѣхъ презрительныхъ насмѣшекъ для того, чтобы изгнать возродившійся духъ среднихъ вѣковъ. Это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что до 1840 года и само духовенство дѣлало уступки требованіямъ вѣка; его даже нерѣдко можно видѣть въ рядахъ оппозиціи во всѣхъ европейскихъ палатахъ. Несмотря на нѣкоторые самыя знаменательныя симптомы, обнаружившіяся во всевозможныхъ формахъ, все-таки нельзя было счесть только пустой уловкой прежній либерализмъ, который теперь, при благопріятныхъ условіяхъ, выказалъ себя съ совершенно противоположной стороны; эти симптомы считались теологическими эксцентричностями и приписывались отдѣльнымъ личностямъ и крайнимъ партіямъ. Конечно, въ подобномъ воззрѣніи заключалось много благородной довѣрчивости, но за то мало дальновидности. Трудно себѣ вообразить то изумленіе, которое овладѣло всѣми безъ исключенія протестантами, когда договоры Рима со всѣми дворами точно изъ земли выросли и наводнили всю Европу, стараясь, наперекоръ всему ходу политическаго развитія, создать государство въ государствѣ. Истинное значеніе этихъ договоровъ или, какъ ихъ называли, конкордатовъ, теперь уже никому не могло быть тайною. Теперь ясно увидѣли, что іерархія возстаетъ изъ гроба со своимъ средневѣковымъ духомъ, только въ немного измѣненной формѣ; необходимость послѣдней призналъ даже такой фанатикъ, какъ Красницкій капелланъ.

Гальденридь мечталъ о славной и дѣятельной будущности своего отечества, а ему предстояло отдать свой мечъ въ полное распоряженіе тому самому священнику, который теперь съ такимъ мрачнымъ видомъ сидѣлъ съ нимъ рядомъ и котораго онъ даже не удостоилъ вниманія. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ счелъ бы сумасшедшимъ того, кто въ настоящую минуту сталъ бы ему промасшедшимъ такую будущность, точно такъ же какъ онъ считалъ сумасшедшимъ Красницкаго капеллана.

Послѣ удаленія декана, въ комнатѣ водворилось продолжительное и тягостное молчанье, только на нѣсколько секундъ прерывавшееся никому неинтересными фразами, на которыя и возраженій не послѣдовало; охота товарищеской бесѣды исчезла у всѣхъ. Это оцѣпененіе кончилось совершенно неожиданнымъ образомъ.

На улицѣ слышались крики, становившіяся все громче и громче. Множество голосовъ раздавалось одновременно, собралась огромная толпа, но нельзя было разобрать, въ чемъ дѣло; наконецъ,

стали долетать слова «огонь, пожаръ» и причина смятенія выяснилась.

Всѣ бросились къ окну. На западномъ краѣ горизонта было видно большое зарево, распространявшееся длинною желто-красною полосой надъ лѣсистымъ холмомъ.

По всѣмъ соображеніямъ, казалось, пожаръ былъ въ деревнѣ, находившейся въ двухъ верстахъ за Красницомъ.

Всѣ устремились въ ту сторону, кто на помощь, кто просто изъ любопытства; на улицѣ была давка страшная.

Когда ротмистръ отвернулся отъ окна, въ комнатѣ уже не оказалось никого изъ гостей. Онъ очутился одинъ; даже въ офицерской залѣ общество значительно уменьшилось. Шумъ на улицѣ не унимался нисколько, а даже усиливался; на лѣстницѣ слышались торопливые шаги и въ комнату вбѣжалъ офицеръ — это былъ Вернеръ.

— Наконецъ-то ты явился! проговорилъ Гальденридь. — Гдѣ это горить?

— Здѣсь! отвѣчалъ Вернеръ глухимъ голосомъ, указывая на свою голову: — здѣсь горить сильнѣе всего!

— Опять какая-нибудь новая неприятность? У меня въ свою очередь тоже цѣлая гибель новостей!

— Не говори ничего, перебилъ Вернеръ съ лихорадочною торопливостью: — я теперь не могу ничего слышать! Я глухъ и слѣпъ на все, кромѣ позорнаго несчастья, которое точно громъ разразилось надъ моею несчастной головой!

— Говори, что такое! говори, Вернеръ! сказалъ Гальденридь, испуганный отчаяннымъ видомъ, который онъ только теперь хорошо разглядѣлъ.

— Меня прогнали со службы! Говорятъ, что я недостойнъ оставаться въ военной службѣ! Мое положеніе, моя честь и, главное, моя Гедвига навсегда для меня потеряны, и мнѣ осталось только пустить себѣ пулю въ лобъ! На, читай.

При этомъ онъ вынулъ изъ бокового кармана бумагу и швырнулъ ее ротмистру на столъ. Это былъ рапортъ объ отставкѣ.

— Кто тебѣ далъ это? Что заставило тебя рѣшиться на этотъ шагъ? спросилъ Гальденридь.

— Доносъ и сцена съ моимъ полковникомъ! отвѣтилъ Вернеръ.

— Съ барономъ Рейтеромъ?

— Съ нимъ.

— Да развѣ онъ здѣсь?

— Я тебѣ все расскажу. Сядемъ. Сегодня утромъ сообщаетъ мнѣ деньщикъ, что полковникъ здѣсь, пріѣхалъ посѣтить графа

Тибольдсегга. Я этому очень обрадовался и скорѣе собрался къ нему засвидѣтельствовать почтеніе. Онъ еще былъ въ гостиницѣ и собирался переселиться въ замокъ. «Хорошія вещи говорятъ про васъ!» сказалъ онъ мнѣ рѣзкимъ тономъ. Я просто овѣмѣлъ и смотрю на него съ удивленіемъ, рѣшительно ничего не понимая. Между тѣмъ, онъ продолжалъ тѣмъ же тономъ: «Въ Вѣнѣ вы обрѣтаетесь въ кругу людей, которыхъ не сегодня, такъ завтра посадятъ въ крѣпость, куда они сами умышленно стремятся. Развѣ офицеръ такое долженъ набирать себѣ общество?»—Г. полковникъ, отвѣтилъ я:—передъ самымъ отъѣздомъ изъ Вѣны, я дѣйствительно встрѣтился въ гостиницѣ съ нѣсколькими изъ моихъ прежнихъ друзей. Каково бы ни было ваше мнѣніе объ этихъ людяхъ, я все-таки долженъ признаться, что считаю ихъ людьми дѣльными и честными. — «Вотъ какъ!» прервалъ меня полковникъ: «сбѣглый священникъ, изгнанный профессоръ, революціонеръ Скриблэръ, для васъ люди честные? Если вы имѣете такихъ друзей, то мнѣ ничего не остается, какъ посоветовать вамъ удалиться изъ общества офицеровъ».—Г. полковникъ, закричалъ я:—довосчивъ, который сообщилъ вамъ все это, долженъ былъ, если у него осталась хоть капля совѣсти, сообщить и то, какъ я себя велъ съ моими прежними друзьями — иначе я ихъ не могу называть и теперь — онъ долженъ былъ сказать, что я ни въ чемъ не уронилъ своего офицерскаго достоинства, напротивъ, я даже старался ихъ убѣдить... — «Убѣдить?» прервалъ полковникъ, передразнивая меня: — не желаете ли вы также и меня убѣдить? Да, вы не уронили вашего достоинства — какъ бы можно было не уронить его, поддерживая знакомство съ такою сволочью? Впрочемъ, оно такъ и должно быть: человекъ, имѣющій такое прошедшее, какъ ваше — неисправимъ! Вы бы должны были стараться заглядеть это прошедшее, отрекаясь отъ прежнихъ связей. Но вѣтъ, сколько ни мой негра, онъ все будетъ черный; точно также и красный ба всю жизнь останется краснымъ! Собственно говоря, я долженъ васъ подвергнуть суду, но я не желаю вашей гибели. Повторяю вамъ, что не желаю имѣть у себя на службѣ никого изъ октябрьскихъ героевъ.» — Въ такомъ случаѣ я выхожу въ отставку, сказалъ я, повернулся и ушелъ. Протеста я не буду заявлять никакого, потому что онъ у насъ, какъ самъ знаешь, невозможенъ. Да и что же протестъ мнѣ поможетъ? Мерзкое положеніе! Жаль разставаться съ товарищами, жалко мнѣ моей карьеры; но тяжелѣе и страшнѣе всего отказаться навсегда отъ Гедвиги. Только и остается — повѣситься!

— И все это изъ-за твоего политическаго прошедшаго! проговорилъ Гальденридь. — Трудно повѣрить, что у насъ такое,

истинно турецкое, самоволье! Вотъ ми чего дождался! Духъ инвизиціи опять воскресаетъ. Я не могу утѣшать тебя напрасно и обманывать пустой надеждою. Бросай службу, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы власти образумились и сами упрасивали остаться. Быть можетъ, завтра ты самъ иначе будешь смотрѣть на это дѣло. Очень быть можетъ, что потерпѣвъ неудачу въ одномъ, счастливѣе будешь въ другомъ — именно, въ твоей любви.

— О, еслибы это могло случиться! проговорилъ Вернеръ со вздохомъ. — Но объ этомъ и думать нечего! Въ этомъ и заключается вся сила полученнаго мною удара. Когда-то Дубскій, этотъ честнѣйшій человекъ, хотѣлъ отдать за меня дочь, съ условіемъ, чтобы я оставилъ военную службу. Могу я развѣ теперь отправиться къ нему и сказать: милостивый государь, вы не хотѣли отдавать за меня свою дочь, потому что я солдатъ. Теперь это препятствіе устранено, такъ-какъ меня прогнали со службы!

Въ комнату вошло нѣсколько офицеровъ, въ ихъ числѣ и почтенный Седликъ.

— Знаете, господа, сказалъ имъ Гальденридь: — нашъ другъ Вернеръ долженъ выходить въ отставку!

— Почему? спросили всѣ въ одинъ голосъ.

— За свое прошедшее! отвѣчалъ Гальденридь. — Въ то время, когда онъ сражался въ лагунахъ, никого это прошедшее не оскорбляло. А теперь имъ пришло въ голову очищать армію и выгонять въ отставку такого храбраго офицера.

— И у меня есть прошедшее! крикнулъ сербъ: — но кто станетъ утверждать, что я не хорошій солдатъ?

— Вѣдь и я не явился на свѣтъ съ черно-желтыми полосами, замѣтилъ венгерець: — вотъ потѣха!

— Господа, началъ-было говорить Седликъ своимъ отеческимъ, примиряющимъ голосомъ, желая ихъ унять.

— Это низкая неблагодарность! прервалъ его Гальденридь. — Однако, господа, наши выраженія сочувствія и наша насмѣшка ничего не помогутъ. Мы должны письменно заявить протестъ и за нашими подписями пустить въ ходъ по всей арміи.

— Я подписываюсь! сказалъ венгерець.

— Гальденридь, сказалъ Седликъ: — вы слишкомъ увлекаетесь и, изъ чисто дружескаго пристрастія, рѣшаетесь на такой поступокъ, который ничего не принесетъ, кромѣ вреда.

— Г. капитанъ Седликъ совершенно правъ, сказалъ Вернеръ, быстро поднимаясь съ мѣста. — Да, онъ правъ, потому что онъ лучше васъ знаетъ духъ, которымъ проникнуто наше австрійское правительство. И что меня такъ ослѣпило? Какъ я могъ?.. Да, кто такъ поступаетъ, какъ я, того, рано или поздно, ждетъ цозоръ и безче-

стіе, какъ перебѣжчика! Въмѣсто протеста, вы лучше пристыдили бы правительство за то, что оно слишкомъ поздно вспомнило обо мнѣ, что оно не застрѣлило меня въ Вѣнѣ вмѣстѣ съ прочими плѣнниками! Теперь я на себѣ убѣдился окончательно, что законъ справедливаго возмездія не только примѣнимъ въ исторической жизни народовъ, но также и въ жизни отдѣльныхъ личностей; теперь я оплачиваю ему дань, но придетъ время, когда и австрійское правительство должно будетъ дать отчетъ въ своемъ прошедшемъ! Прощайте, товарищи!

Сказавъ это, онъ торопливо вышелъ изъ комнаты. Слова его произвели на присутствовавшихъ очень сильное впечатлѣніе; послѣ его ухода, они еще долго стояли, какъ-будто не смѣя сдвинуться. Даже Гальденриду не пришло въ голову удержать друга. Когда онъ, минутку спустя, опомнился, выбѣжалъ на улицу и сталъ его звать, Вернера уже не было видно.

Гальденридъ пошелъ домой. Зарева уже не было видно и пожарныя трубы вернулись обратно. Огня не нашли ни въ деревнѣ, ни въ ея окрестностяхъ. Это подало поводъ къ самымъ разнообразнымъ толкамъ, на какіе только способна народная фантазія. Одни были убѣждены, что это явленіе должно считать предзнаменованіемъ войны, другіе — сильной холеры, а иные полагали, что это просто какое-нибудь метеорологическое явленіе; но всѣ были до крайности заинтересованы и нетерпѣливо ожидали разъясненія таинственнаго пожара.

ГЛАВА СЕМЬНАДЦАТАЯ.

Чудеса и знаменія.

На довольно значительномъ разстояніи отъ Красница стоитъ церковь, интересная въ архитектурномъ отношеніи, но уже очень старая и неупотребляемая для богослуженія. Ея высокая башня съ выбитыми окнами сдѣлалась любимымъ мѣстомъ сходокъ для всѣхъ окрестныхъ воронъ; кругомъ старыя липы громаднѣйшихъ размѣровъ; тутъ же кладбище съ полуразвалившимися надгробными памятниками. Вблизи отъ этого мѣста находится Ивановъ мостъ, столь же старинный, какъ и самая церковь, построенный на небольшой, но очень быстрой рѣчкѣ. На мосту стоятъ двѣ статуи: одна, грубо вытесанная изъ камня, изображаетъ св. Іоанна Непомука, во весь ростъ; другая, новѣйшаго происхожденія, вылитая изъ мѣди, изображаетъ св. Вячеслава. Оба эти святые считаются патронами чешской земли и пользуются громаднымъ преимуществомъ передъ

всѣми остальными угодниками, въ особенности же св. Іоаннъ. Ни одинъ крестьянинъ не пройдетъ черезъ мостъ, не снявъ шапку передъ его статуей и не посмотрѣвъ на нее съ благоговѣніемъ. Лѣтомъ вы всегда увидите на ея головѣ вѣнокъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ.

На другой день послѣ описаннаго явленія, встревожившаго весь Красницъ, случились новыя, не менѣе тревожныя явленія. На разсвѣтѣ, когда жители принялись за свои обычныя дѣла и нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось идти черезъ Ивановъ мостъ, глазамъ ихъ представилось ужаснѣйшее зрѣлище. Предметъ ихъ глубочайшаго почитанія, св. Іоаннъ, сдѣлался предметомъ поруганія. Его нашли въ старой, изношенной цилиндрической шляпѣ, нахлобученной на глаза; на шеѣ у него красовался старомодный черныи галстухъ, тоже поношенный; въ лѣвой рукѣ онъ держалъ маленькую старую и закопченную венгерскую трубочку...

Извѣстіе объ этой продѣлкѣ распространилось съ быстротою молніи, и вдругъ собралось столько зрителей, что на мосту сдѣлалась давка. Пошли догадки за догадками; многіе выражали свое подозрѣніе, указывая на нѣкоторыя личности; кто спорилъ, кто проклиналъ неизвѣстнаго проказника; нашлись и весельчаки, которымъ все это казалось смѣшнымъ, имъ тоже хотѣлось хоть шопотомъ высказать свои замѣчанія и посмѣшить кого можно. Несмотря на постоянно возрастающую толпу зрителей, не нашлось, однако, ни одного человѣка, которому пришло бы въ голову снять съ святаго эти украшенія; всѣ были убѣждены, что это дѣло не простая шалость, а святотатство, требующее внимательства высшей власти. Удивительная вещь, что на этотъ разъ не оказалось никого изъ многочисленныхъ полицейскихъ служителей. Первое должностное лицо, явившееся на мѣсто происшествія, былъ пастеръ Михаилъ, который узналъ обо всемъ въ церкви, собираясь служить раннюю обѣдню. Это извѣстіе до такой степени его поразило, что онъ нѣкоторое время стоялъ безмолвно, точно окаменѣлый.

Однако, онъ скоро оправился и, несмотря на то, что пора было начинать обѣдню, поспѣшилъ на мѣсто происшествія. Толпа зрителей, завидя его, почтительно раздвинулась, всѣ забыли свое личное негодованіе и съ любопытствомъ обратили взгляды на духовнаго отца. При видѣ расфранченнаго угодника, блѣдное лицо пастера покраснѣло отъ негодованія, онъ всплеснулъ руками и вскрикнулъ:

— Вотъ видите, милые братья и сестры, что и въ наше время существуютъ Гусситы, и что надо, какъ я уже давно проповѣдую, предиринять противъ нихъ крестовый походъ! И чѣмъ скорѣе мы

это сдѣлаемъ, тѣмъ будетъ лучше! Богъ намъ поможетъ открыть, милые братья, чья преступная рука дерзнула на это святотатство! Святой Іоаннъ — чудотворецъ великій; онъ, безъ сомнѣнія, поразитъ параличомъ святотатственныхъ руки, дерзнувшія принасться къ его образу! Я вижу, милые братья, на лицахъ вашихъ выраженіе справедливаго гнѣва, и потому прошу и умоляю васъ, воздержитесь отъ легкомысленныхъ подозрѣній и не изливайте вашего гнѣва на злыхъ людей нашего прихода, къ которому, по всей вѣроятности, принадлежитъ преступникъ. Не подозрѣвайте слишкомъ поспѣшно тѣхъ людей, которые не посѣщаютъ церкви, уклоняются отъ исповѣди и имѣютъ превратныя или такъ называемыя просвѣщенныя религіозныя убѣжденія! Еще настоятельнѣе прошу васъ быть осторожными относительно другаго класса людей, потому что въ наше северное время враги религіи стали упрекать католическую церковь въ нетерпимости и страсти къ преслѣдованіямъ. Поэтому прошу васъ, во имя католической церкви, не изливайте вашего негодованія на живущихъ среди насъ протестантовъ и евреевъ. Помните, что самъ Богъ воздастъ каждому должное не только на томъ, но даже и на этомъ свѣтѣ!

Эти слова любви и примиренія произвели на слушателей желанное дѣйствіе, потому что до нихъ ярость народа не находила точки опоры, а теперь эта точка указана; подозрѣнія, блуждавшія въ неопредѣленной области, сосредоточились въ небольшомъ и опредѣленномъ кругу.

Для прекращенія соблазна, капелланъ приказалъ снять со статуи позорныя доскутыя. Два парня вскочили на перила и, снявъ съ угодника шляпу и остальные принадлежности, бросили ихъ на землю. Но этимъ еще не удовлетворилась ревность капеллана: онъ поднялъ упавшія къ его ногамъ тряпки и съ неописанною яростью бросилъ ихъ черезъ перила; по движеніямъ его рукъ можно было предположить, что тряпки загорѣлись между его пальцами.

Конечно, такой горячій фанатикъ, какъ красницкій капелланъ, не могъ иначе поступить, но въ сущности этотъ поступокъ нельзя назвать практичнымъ: будь на его мѣстѣ, напримѣръ, г. фонъ-Раккъ, онъ бы совершенно иначе распорядился съ этими вещами. Въмѣсто того, чтобъ бросать въ воду, ихъ слѣдовало прибереечь, такъ-какъ онѣ могли оказать большую услугу при розысканіи виновнаго.

Точно то же высказалъ и старый крестьянинъ, находившійся на мосту возлѣ своей тележки, запряженной собаками; но фанатикъ въ эту минуту былъ глухъ и слѣпъ.

Между тѣмъ толпа кинулась къ периламъ и взоры всѣхъ устре-

*

мились на предметы, брошенные въ воду; они ожидали, что вода какъ нибудь особенно отнесется къ этимъ предметамъ. Но, однако, ожиданія okazaлись тщетными: шляпа, трубка и даже галстухъ подчинились обыкновенному закону удѣльнаго вѣса и шибко понеслись внизъ по теченію. Впрочемъ, любопытные взоры были съ избыткомъ вознаграждены другимъ явленіемъ, превзошедшимъ всѣ ожиданія.

Въ рѣкѣ, на разстояніи около двадцати шаговъ отъ моста, у самага берега, видѣлось что-то черное, на половину скрытое между ивнякамъ. Казалось, это былъ или утопающій человекъ, или трупъ утопленника, прибитый къ берегу теченіемъ.

Толпа, стоявшая на мосту, въ мигъ разсыпалась; поднялся крикъ и суматоха; въ нѣсколько секундъ всѣ очутились на мѣстѣ новаго происшествія.

Утопленника вытащили на берегъ и положила на траву. Это было тѣло еще совершенно молодаго человека, лѣтъ двадцати-пяти; лицо его никому изъ присутствовавшихъ не было знакомо. На немъ было надѣто лѣтнее платье, обнаруживавшее нѣкоторое изящество. Волосы и усы были темные, черты лица пріятныя. Лицо его не было обезображено; вообще, по всей его наружности можно было заключить, что онъ утонулъ весьма недавно, можетъ быть нѣсколько часовъ тому назадъ.

Последнее обстоятельство было весьма важно. Невольно у всѣхъ рождались вопросы: нѣтъ ли соотношенія между этими двумя происшествіями, и если есть, то какое именно?

Профанация статуй получила болѣе глубокое значеніе и приняла ужасающій видъ. Народъ, приведенный этими происшествіями въ крайне возбужденное состояніе, не замедлилъ сдѣлать свои заключенія о случившемся. Для него стало ясно, что утопленникъ былъ пойманъ самимъ святымъ угодникомъ и, безъ долгихъ разсужденій, брошенъ въ воду; это предположеніе, какъ нельзя лучше, гармонировало съ ихъ понятіемъ о святомъ Іоаннѣ.

Убѣжденіе, что св. Іоаннъ такъ ужасно отмстилъ шутницу, было принято многими, особенно женщинами; видъ суевѣрной горсточки людей очень обрадовалъ и освѣжилъ сокрушонное сердце капеллана. Довольный оборотомъ, какой приняло дѣло, онъ весело удалился и отправился въ церковь служить обѣдню.

Утопленника унесли, но до самага вечера толпа на мосту не уменьшалась, несмотря на то, что послѣ приведенія статуи въ порядокъ, тамъ рѣшительно не на что было зѣвать.

Извѣстіе объ этихъ происшествіяхъ распространилось очень скоро. Само собою разумѣется, что и въ замкѣ все было извѣстно съ самага утра; только Корнелія и г-жа Гассенфельдъ, спавшія

въ одной комнатѣ, ничего не знали, потому что до девяти часовъ ни та, ни другая не выходила за порогъ.

Въ девять часовъ г-жа Гассенфельдъ вышла изъ спальни и, проходя корридоромъ, услышала вдали скрипъ дверей, черезъ которы былъ ходъ на каменную лѣстницу и въ старыи замокъ; ей ясно послышались чьи-то шаги. Она послѣшно отошла въ сторону и, притавившись, съ волненіемъ и тревогой ожидала людей, которые шли по направленію къ ней.

Скоро она могла ясно различить долговязую фигуру г. фонъ-Ракка, который шелъ въ сопровожденіи трехъ другихъ господъ; въ одномъ изъ нихъ, несмотря на то, что былъ переодѣтъ, она легко узнала жандарма, часто попадавашагося ей на улицѣ.

Грозная компанія молчаливо сошла по лѣстницѣ, и г-жа Гассенфельдъ видѣла изъ окна, какъ они скрылись въ аллеѣ, ведущей въ Красницѣ. Теперь не могло быть сомнѣнія: они знали, они искали Бруно!

— Ужели они его увели? Или онъ чудомъ какимъ спасся отъ нихъ? думала она, возвращаясь къ Корнелии.

Спустя нѣсколько минутъ, обѣ дамы уже бѣжали въ старыи замокъ; но, къ крайнему ужасу, онѣ не нашли Бруно; однако, ихъ немного успокоило то обстоятельство, что его комната была въ томъ же видѣ, какъ ее вчера прибралъ Коссъ: постель была не смята, уживъ стоялъ на столѣ нетронутый. Онѣ тщательно обыскали ящики комода, они были пусты; все это наводило ихъ на мысль, что Бруно вчера вечеромъ, или позднею ночью самъ ушелъ. Но это предположеніе далеко не совсѣмъ ихъ успокоило.

— Какъ же онъ могъ уйти, когда всѣ двери были заперты? сказала Корнелия въ отчаяніи.

— Ахъ, Боже мой, это самое пустое препятствіе! Мало ли при-мѣровъ, что люди разламывали желѣзныя оковы на своихъ собственныхъ ногахъ и вырывались на свободу? Сколько было людей, которые пробирались черезъ крѣпостныя стѣны и находили такіе ходы, которыхъ никто не зналъ!

— Но зачѣмъ онъ отъ насъ скрывалъ свое бѣгство? Хоть бы словечко сказалъ, хотя бы одну строчку написалъ!

— Да, это нѣсколько странно! А, впрочемъ, можетъ и было письмо, но этотъ проклятый негодяй фонъ-Раккъ укралъ его!

— Навѣрно! О, еслибы только кто-нибудь меня увѣрилъ, что онъ счастливо ушелъ!

Онѣ исходили весь замокъ, осматрѣли всѣ тайныя ходы, и все-таки не могли понять, какимъ образомъ Бруно ушелъ. Наконецъ, онѣ обратились къ старому Коссу, надѣясь отъ него узнать что-

нибудь; онъ, вѣроятно, вчера видѣлъ его и разговаривалъ съ нимъ.

Коссъ очень удивился и не могъ дать никакого поясненія. Онѣ только узнали, что вчера вечеромъ, когда Коссъ приносилъ ужинъ, Бруно стоялъ лицомъ къ окну; что онъ, по своему обыкновенію, не говорилъ ни слова и даже не повернулся къ нему.

Въ то время, какъ они втроемъ стояли и разговаривали, слышалось множество мужскихъ и женскихъ голосовъ; это были люди, принадлежавшіе къ прислугѣ замка; между ними шелъ очень оживленный разговоръ объ утреннемъ происшествіи; скоро они нахлынули цѣлою толпою и одна изъ горничныхъ начала рассказывать, со всѣми подробностями, о случившемся у Иванова моста. Когда дѣло дошло до молодого утопленника, Корнелія вздрогнула, точно ее кто-нибудь укололъ въ самое сердце; даже мужественная г-жа Гассенфельдъ не могла вполне овладѣть собою. Одинъ изъ людей, видѣвшій утопленника собственными глазами, началъ описывать его наружность; Корнелія наслу удержалась на ногахъ и г-жа Гассенфельдъ должна была ее увести. Добравшись до своей комнаты, Корнелія залилась слезами. Г-жа Гассенфельдъ сначала старалась утѣшить ее, но видя, что она ничего не слушаетъ, побѣжала къ ротмистру, чтобы положить конецъ мучительной неизвѣстности.

Ротмистръ лежалъ на диванѣ въ совершенномъ изнеможеніи. Увидѣвъ его блѣдное и отчаянное лицо, г-жа Гассенфельдъ пришла въ ужасъ и, еще держась за ручку двери, крикнула ему:

— Вы его видѣли?

— Это ужасно! проговорилъ ротмистръ глухимъ голосомъ, утвердительно кивнувъ головой.

Г-жа Гассенфельдъ всплеснула руками и безмолвно опустилась на стулъ.

— Развѣ вы его знали? спросилъ ротмистръ, приближаясь къ ней.

Она взглянула на него вопросительно.

— Сколько потерь со времени послѣдней войны! Сегодня утромъ вдругъ узнаю объ этомъ ужасномъ происшествіи. Не достаетъ еще, чтобы вы мнѣ сообщили что-нибудь новое о братѣ! Вы его видѣли сегодня? Что вы такъ на меня смотрите?

— Вашъ братъ... вашъ братъ, по всей вѣроятности, еще вчера оставилъ замокъ, не сказавъ никому ни слова.

— Какъ, оставилъ! Что его принудило къ этому? Я придумалъ для него планъ спасенія! Неужели придется услышать, что его поймали! О, боже великій! когда же, наконецъ, все это кончится!

— Мы не поняли другъ друга. Вы о комъ говорили, когда я къ вамъ вошла?

— О комъ? утопленникъ не братъ, а мой лучшій единственный другъ!

— Вашъ другъ? Какъ же онъ попалъ въ рѣку?

— Это загадка, которой теперь нельзя разрѣшить; остается только догадываться и горевать!

Г-жа Гассенфельдъ, хотя почувствовала горю ротмистра, но воротилась домой успокоенная.

Утопленникъ дѣйствительно былъ Юлія Вернеръ. Такъ-какъ на его тѣлѣ не оказалось никакихъ слѣдовъ насилія, даже ни малѣйшей царапины на кожѣ, да еще въ добавокъ въ карманѣ найдена довольно значительная сумма денегъ, то не оставалось никакого сомнѣнія, что онъ самъ съ отчаянья бросился въ воду. Страннымъ только казалось, что онъ счелъ нужнымъ перемѣнить военное платье — его нашли, какъ мы видѣли, въ статскомъ. Въ гостиницѣ, гдѣ онъ жилъ и гдѣ, по всей вѣроятности, долженъ былъ переодѣваться, никто не видалъ, чтобы онъ входилъ или выходилъ объ эту пору.

Гедвига ничего не знала. Вечеромъ Вернеръ приходилъ прощаться и говорилъ, что служебныя дѣла вынуждаютъ его ѣхать. О своемъ увольненіи онъ не осмѣлился сообщить ей.

Она спокойно занималась своими обычными дѣлами и мысленно провожала дорогаго Юлія съ одной почтовой станціи до другой.

Окончивъ все по хозяйству, она пришла къ отцу въ комнату и сказала:

— Мнѣ надо сходить въ городъ, сдѣлать кое-какія покушки.

Отецъ уже все зналъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ: — останься дома.

— Чтò такое? Чтò ты такъ взволнованъ? Чтò случилось?

— Не разспрашивай, Гедвига. Уѣдемъ отсюда... мы не можемъ здѣсь оставаться! Надо какъ можно скорѣе убраться отсюда. Уложи самыя необходимыя вещи, а я сейчасъ запрагу лошадь. Пожалуйста, прошу тебя, укладывай только самое необходимое!

— Развѣ я вдругъ превратилась въ маленькаго ребенка, что ты уже не хочешь ничего мнѣ довѣрить! проговорила Гедвига, озадаченная поведеньемъ отца.

— Ты все узнаешь! Чтò я тебѣ долженъ говорить? Ты сама можешь догадаться. Надо какъ можно скорѣе убраться отсюда, потому что, сама знаешь, мнѣ угрожаетъ опасность; не сегодня такъ завтра, меня могутъ арестовать.

— Сейчасъ я уложусь! вскрикнула Гедвига и побѣжала укладываться. Отецъ съ безпокойствомъ проводилъ ее глазами и пошелъ запрагать лошадь. Спустя полчаса, онъ уже сидѣлъ въ повозкѣ

вмѣстѣ съ дочерью, несмотря на то, что до послѣдней минуты не могъ рѣшить, куда имъ направиться.

Штроппъ, хотя судьба и избавила его отъ опаснаго соперника, однако въ тотъ же вечеръ оставилъ семейство Шеппигесъ и отправился въ Вѣну, нисколько не подвинувъ впередъ своего сердечнаго дѣла.

На Ивановъ мостъ и на другой день стекалась толпа. Произошло новое чудо, которое всякій желалъ видѣть собственными глазами: святой Іоаннъ отвернулъ лицо отъ Красница и перемѣнилъ позу, занимаемую имъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій. Приходилось согласиться съ патеромъ Михаиломъ, что время чудесъ и знаменій еще не прошло.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

